

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

**И КОНСТРУИРОВАНИЕ
ЭТНОКРАТИЧЕСКИХ МИФОВ**

Российская Академия Наук

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ: НАУКА И ОБЩЕСТВО

Москва 2011

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
И
КОНСТРУИРОВАНИЕ
ЭТНОКРАТИЧЕСКИХ МИФОВ

Москва 2011

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

А.Е. Петров (Институт славяноведения РАН),
В.А. Шнирельман (Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН)

РЕЦЕНЗЕНТЫ

академик *В.А. Тишков*
член-корреспондент РАН *П.Ю. Уваров*

Издание является частью международного проекта, открытого в сентябре 2007 г. в Российской академии наук круглым столом на тему «Фальсификации источников и национальные истории», материалы которого представлены вниманию читателя. В этом коллективном труде представлены результаты исследования, посвященного изучению основных проблем определения и бытования фальсифицированных источников самых разных жанров: документальных, повествовательных, археологических, псевдоэтимологических, антропологических. Крупнейшие источниковеды, историки, археологи, лингвисты, археографы, антропологи провели анализ истоков, методики изготовления, презентации и пропаганды фальшивок, непосредственно связанных с идеологическим конструированием прошлого. Такие фальшивки, как Влесова книга, болгарская летопись, Джагфар тарихы, Албанская книга и другие, рассмотрены с помощью методов различных гуманитарных дисциплин. В статьях авторов представлены многообразие, региональная и хронологическая пестрота бытующих сегодня исторических фальшивок, являющихся характерным признаком формирования этнократических движений в современной России. Книга предназначена как для специалистов-источниковедов, так и для широкого круга читателей, прежде всего преподавателей и студентов гуманитарных дисциплин.

ISBN 987-5-94375-110-3

© Коллектив авторов, 2011

© Отделение историко-филологических
наук РАН, 2011

Введение

Исследование, результаты которого предлагаются в настоящем сборнике, было задумано задолго до появления указа президента РФ о создании Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории и независимо от него. И проблема, которая обсуждается на страницах данного сборника, возникла отнюдь не в самые последние годы. Специалистам давно известно, что развитие националистических движений и становление национальных государств сопровождается бурной активностью по конструированию национального мифа, призванного привить обществу или этнокультурной группе общенациональное самосознание и обеспечить крепкую солидарность, так необходимые для успешного нациестроительства. Так было в XIX в., ставшем золотым веком формирования национальных государств, это продолжалось и в XX в. в условиях распада империй и колониальной системы, то же происходит на наших глазах в начале XXI в., когда новые государства жадно ищут достойное для себя место в мировом сообществе. Ещё недавно обсуждался вопрос о конце истории в смысле противоборства идеологий и путях развития гуманитарного знания в эпоху глобализации. Но едва ли не самым интересным феноменом этой эпохи стал всплеск интеллектуального и общественного национализма. «Войны памяти», исторические апелляции и счета между государствами-нациями, дискуссии об итогах конфликтов, исторической вине, территориальной укоренённости, культурной роли и наследстве — всё это в совокупности делает сегодня историю частью актуальной политики и фактором общественно-политической жизни.

Естественно, что такой процесс сопровождается поиском национальной идеи, которая в условиях высокого престижа научных знаний требует своего обоснования путём апелляции к научным достижениям. И парадокс нашего времени заключается в том, что в таких случаях идеологии пытаются апеллировать к рациональным аргументам для того, чтобы обосновать иррациональные представления.

Речь идёт прежде всего о сфере гуманитарных наук, призванных своим авторитетом подтвердить самобытность новой нации, без чего её право на существование оказывается под вопросом. А главным полем битвы выступает история. Но если нации первого поколения формировались в XIX в. фактически одновременно со становлением профессиональной исторической науки и их национальные мифы («большие нарративы») занимали пустующие квартиры в только что отстроенном здании мировой исторической науки, то на долю наций следующих поколений таких сияющих белизной отдельных квартир уже не оставалось, и им приходилось биться за комнаты в коммуналке, чтобы не остаться на улице. Приходилось делить былую общую историю, и процесс этот, разумеется, происходил и происходит отнюдь не безболезненно. Опыт показывает, что раздел и передел символических ресурсов происходит не менее драматично, чем решение территориальных и экономических споров.

Действительно, в новой обстановке прежнее представление об истории, легитимировавшее былой государственный порядок, становится анахронизмом и оказывается для новых наций не только бесполезным, но даже вредным. И они всеми силами стремятся поскорее от него избавиться. История переписывается: пересматривается её прежняя схема, заново происходит отбор значимых исторических событий, осуществляется реинтерпретация известных исторических фактов, вновь составляется список героев и антигероев. И всем этим занимаются профессиональные историки, считающие своим долгом верой и правдой служить интересам своей нации.

Здесь-то и возникает один из самых тяжёлых вопросов для профессии историка. Как совместить преданность профессии и её методическим требованиям с задачей создания национального мифа? Может ли патриотизм успешно заменить этику научного исследования? Имеются ли рамки, в которых создание национального мифа не ведёт к нарушению профессиональной этики? И что следует считать выходом за пределы таких рамок?

Все эти давно назревшие вопросы ждут широкого и вдумчивого профессионального обсуждения, и мы здесь не ставим своей задачей давать на них ответы, понимая всю сложность такого обсуждения. Однако для нас несомненно одно: создание и использование сфальсифицированных исторических документов является грубым фолом и, безусловно, выводит тех, кто этим занимается, за рамки профессии.

Между тем новым национальным историям иной раз остро не хватает исторических аргументов в силу того, что корпус исторических источников уже сформирован и хорошо изучен, а выявление новых источников, способных кардинально изменить взгляд на историю, не предвидится. Это в первую очередь касается ранних периодов истории, но именно они более всего и привлекают внимание новых наций.

Чем притягательны ранние этапы истории? Такой интерес обусловлен тем, что для новых наций недавнее прошлое отягощено неприятными воспоминаниями о зависимости, колониальном господстве, чужеземном гнёте, что бы под этим ни понималось. Такие «тёмные века» порождают апатию и чувство безнадежности; они не способны стимулировать прилив творческой энергии, чего требуют насущные задачи успешного нациестроительства. В этих условиях национальный миф обращается к древнему прошлому, когда предки были свободными людьми, сами управляли своей судьбой, успешно покоряли природу, побеждали врагов, создавали свою государственность, хранили верность своим богам и развивали традиционную культуру, т.е. творили всё то, что сегодня вмещается в концепцию «самобытности». Такое видение истории с благодарностью обращается к архаической идее циклического времени, позволяющей представлять «тёмные века» временным периодом упадка, за которым непременно должен начаться новый взлёт.

Но что делать, если имеющиеся исторические источники никак не позволяют нарисовать такую радужную картину золотого века? Здесь-то и насту-

пает время фальшивок. Надо сказать, что подделки исторических документов производились в самые разные времена, однако небывалым общественным спросом они пользовались только во вполне определённые эпохи. Можно вспомнить эпоху подделок святых реликвий, но главной из таких эпох является «век национализма». Именно тогда появляются энтузиасты, готовые любыми способами обеспечить свою нацию великим прошлым, именно тогда общество испытывает неутолимую жажду к такому прошлому, и именно тогда находятся специалисты, считающие своим долгом удовлетворить его желания, подтверждая это своим научным авторитетом.

Вот почему выглядят наивными представления о том, что фантазии на историческую тему развивают исключительно лишь дилетанты и далёкие от профессии люди, которые якобы делают это в силу своей слабой образованности и тем самым «искажают» и «извращают» историю. Окружающая нас действительность оказывается, к сожалению, более сложной, ибо тоска по национальной идее не чужда и специалистам, которые иной раз выказывают готовность к нарушению профессиональной этики и даже в отдельных случаях готовы пойти на подлог.

В этих условиях среди профессионалов можно было бы выделить три разные категории. Одни из них живут в национальном мифе и искренне уверены в том, что своим творчеством отстаивают научную истину. Другие понимают, что происходит, но сознательно ставят своё перо на службу национальному мифу в интересах карьеры и других социальных дивидендов. Наконец, третьи пытаются хранить верность профессиональному долгу и либо пытаются бороться за честь профессии, либо уходят в эскапизм, занимаясь частными историческими проблемами, далёкими от сферы текущей политики. Наиболее успешными бывают вторые, которые при всём своём цинизме всегда оказываются в фарватере общественных настроений, а иногда и несколько впереди них. Именно они способны быстро перестроиться с резким изменением социально-политической ситуации, и прежде всего именно среди них обнаруживаются те, кто готов поддерживать распространение фальшивок. Поэтому, чтобы преодолеть их влияние, в вузах следует не только обучать будущих историков источниковедению, но и прививать им основы научной этики. Помимо этого, научному сообществу после распада советской идеологизированной системы обществоведения, иерархичной и цементированной отделом науки ЦК КПСС, требуется на новых, демократических началах возрождать ту эфемерную субстанцию, которую можно назвать корпоративной солидарностью. Сейчас, в условиях непреодолённого во всём обществе кризиса доверия, эта задача выглядит достаточно утопичной, но объединение сообщества вокруг нескольких общезначимых проблем вполне реально. Среди таких тем, безусловно, псевдоистория, фальсификация источников, роль исторической науки в современном социуме, вопросы преподавания истории.

Пока же современный мир оказывается в удивительной ситуации, когда гуманитарные по своей сути вопросы истории всё чаще становятся причиной

вполне осязаемых политических проблем. «Войны памяти» обострились, в том числе в результате зашкаливания уровня мифологизации общественного сознания. Упомянутая в первых строках президентская комиссия несмотря на тревожные ожидания общества не устроила охоты на ведьм, а сосредоточилась на планомерной работе по документальному опровержению прежде всего одиозных фальсификаций новейшей истории, прямо влияющих на межгосударственные отношения. Это вполне объяснимо с учётом логики подготовки и празднования минувшего в 2010 г. юбилея Победы в Великой Отечественной и Второй мировой войне. Многочисленные публикации исследований и раскритикованных документов под грифом комиссии не вызывают больших возражений, за исключением законного: а почему же всё это не опубликовали раньше, пока Украина не предъявила счёт за геноцид голодом, пока не обвинили в развязывании Второй мировой войны?

Должны отметить, что в поле зрения комиссии оказалась лишь верхушка скрытого под водой тихоокеанского вулкана. Понятно, что всего грандиозного поля не охватишь, а вопросы легитимности мироустройства по итогам последних в хронологическом отношении конфликтов являются самыми актуальными для политиков. Но те процессы, которые по аналогии с вулканологией происходят в глубине вулкана, на стыке с пылающей мантией могут оказаться подлинно взрывоопасными.

Именно поэтому наше внимание прежде направлено вглубь российской истории и территории. Как правило, в регионах происходят процессы, требующие всесторонней и междисциплинарной научной оценки. Мы не претендуем на полноту и в этой книге разбираем лишь один из маркеров формирования этнократических движений в современной России, связанный с истоками, методикой изготовления, презентации и пропаганды фальшивок, относящихся к идеологическому конструированию прошлого.

Актуальность темы исторических фальшивок состоит ещё и в том, что почти все националистические движения в России и на постсоветском пространстве обзавелись собственными версиями национальных историй, собственным взглядом на российское прошлое и роль своих предков в мировых процессах. Если сложить вместе все половецкие, украинские, аланские, аркаимославянско-арийские, корейские, великобулгарские, адыгские, «мегалионо-казацкие», тюркские и прочие версии истории, то становится очевидным, что человеческая история настолько непродолжительна, а планета Земля так мала, что вместе все эти величайшие в истории цивилизации существовать не могли. Пресловутый Боливар и двоих-то не смог вынести, а тут сразу столько!

Откуда берутся эти величайшие цивилизации древности? И почему мы не знали ничего о них раньше? Конечно, на второй вопрос вам ответят легко и быстро: мол, замалчивали, уничтожали следы и т.д. А вот с первым всё значительно запутаннее. Оказывается, в целом ряде случаев нашлись неизвестные ранее исторические документы, в которых-то как раз великая миссия того или иного народа неожиданно раскрылась. Стоит ли удивляться, что эти новые до-

кументы после предъявления их специалистам оказывались подделками?

Хорошо, если фальшивку разоблачили по горячим следам, сразу после обнародования. Она не успевает войти в массовый оборот и заморочить голову многим ни в чём не повинным людям. Но гораздо чаще происходит наоборот. Сенсационный документ широко распространяется, о нём пишут падкие до сенсаций СМИ, тем самым укореняя его в массовом сознании. Дискредитировать такой проверенный временем «источник» очень трудно. Он становится прочной основой нового национального мифа, так завлекательно возвышающего общее прошлое.

Чаще всего простой «невооружённый» обыватель воспринимает или не приемлет этот миф на интуитивном уровне. Более того, даже вполне рациональные в иных сферах деятельности люди поддаются под очарование иллюзии. Как правило, фальшивка выигрывает информационную войну у научной критики. Учёная критика подделок и мифов выходит в узкоспециальной периодике или изданиях маленькими тиражами¹. Кроме того, как отмечалось, и среди людей, формально облечённых учёными степенями, находятся те, кто поддерживает фальшивки (так, например, происходит с пресловутой «Влесовой книгой»). И хотя таковых среди учёных немного, их вполне достаточно для того, чтобы, ссылаясь на их «авторитет», любители фальшивок говорили о «серьёзных спорах» среди специалистов.

Все те, кто не признаёт подлинности ВК, объявляются «не специалистами в сём вопросе». Надо признать, что это один из распространённых приёмов в полемике воинствующих дилетантов с учёным миром. Ясно, что для пропаганды и рекламы влесоведческой (как и любой другой псевдонаучной) продукции важно не содержание дискуссии, а сам факт её наличия. В этом изюминка! Факт противоборства горстки интеллектуальных храбрецов с машиной академического официоза придаёт своеобразный шарм и сенсационность таким выступлениям.

Интересно, что ожившая (в третий раз за свою историю) в самом конце прошлого тысячелетия идея ВК и праславянской древности была подхвачена новой генерацией неоязычников, которые сделали эту подделку своей священной книгой. Святость этого порыва вызывает некоторое недоверие, т.к. эпоха тотальной коммерциализации культурной жизни породила спрос на сенсацию чаще всего иррационального свойства. Не исключаем, что для ряда авторов, эксплуатирующих «Влесову книгу» и другие подобные темы, вопрос о публикациях и перепубликациях собственных книг в гонорарных издательствах (не менее одной в два месяца у А. Асова) был прямо связан с обеспечением если не богатства, то основного источника дохода или решением иных вопросов социального устройства (даже «святой» Ю. Миролюбов, отец классической подделки, накануне публикации его «дошъек» стал главным редактором журнала и перебрался в Сан-Франциско). Но при этом, появилась большая масса читателей и искренних почитателей ВК и праславянской идеи. Поэтому проблема манипуляций с ВК в данный период — это не только вопрос о свободе мало-

го предпринимательства издателей и авторов, это ещё и вопрос общественно-политический.

Важное замечание: следует отличать фальшивку, т.е. заведомо подложный характер исторического документа или объекта, от нетривиальных интерпретаций истории, составляющих основу альтернативных версий истории. Это необходимо делать потому, что фальшивка разоблачается путём специальных источниковедческих процедур, хорошо известных профессионалам, а различные интерпретации вполне легитимны в рамках профессии, и их профессиональное обсуждение бывает полезным и продуктивным, позволяя выявить и оценить иные взгляды на историю. Такие взгляды могут быть отвергнуты профессиональным сообществом, если они не удовлетворяют принятым нормам работы с источниками. Но иной раз такие взгляды обнаруживают интересы каких-либо социальных групп, представители которых дают свежую оценку известных источников в рамках, допустимых имеющимися методиками и методологией. В этих условиях между историками могут происходить споры, но они определяют вполне легитимный диалог, не имеющий отношения к фальсификациям и подлогам, о которых идёт речь в настоящем сборнике.

В то же время СМИ неинтересно слушать нудные выступления профессоров, говорящих о подложном характере «новонайденных документов». Им нужна яркая сенсация. Нудный профессиональный рассказ об Аркаиме как заурядном памятнике эпохи бронзы недостоин и минуты в дорогом телеэфире. Пламенная же речь новоявленного просветителя о том же Аркаиме как сенсации тысячелетия, прародине ариев и сердце славяно-русской национальной идеи способна получить любую зрительскую аудиторию на любое по продолжительности время! То же касается и хронологических переворотов академика от геометрии, и псевдолингвистических опусов известного сатирика. Есть и более тонкие случаи, когда фальшивки вплетаются в канву историко-публицистического или внешне вполне наукообразного (со ссылками) повествования в виде сносочки на некие свидетельства и документы, вроде бы вполне аргументирующие точку зрения автора. Неспециалист не поймёт подвоха. Учителя и преподаватели не располагают специальной методической литературой, которая бы позволяла адекватно реагировать на возникающие вопросы по поводу исторических мистификаций. В результате массовый потребитель, делая свой интуитивный выбор, не обладает данными о научной апробации этого документа или новой версии истории. Несмотря на то, что в научных работах «Влесова книга» рассматривается как подделка, сведения о ней и других аналогичных фальсификатах входят в учебные пособия как достоверные исторические сведения².

Мы посчитали, что эта ситуация сродни нарушению прав потребителей, поэтому этот проект для нас помимо научных задач имеет вполне определённую просветительскую направленность. В идеале будущие книги этой серии должны присутствовать в каждом школьном кабинете истории и на гуманитарных кафедрах университетов.

Наша публикация является частью большого международного проекта, в рамках которого в сентябре 2007 г. в Российской академии наук прошёл круглый стол на тему «Фальсификации источников и национальные истории». Эта дискуссия имела большой резонанс и получила своё продолжение в других исследованиях и мероприятиях. Статьи, вошедшие в эту книгу, являются очень сильно доработанными исследованиями «по мотивам» состоявшегося тогда обсуждения, о чём можно судить, ознакомившись в приложении со стенограммой самого круглого стола. Первый раздел посвящён основным теоретическим вопросам изучения, выявления и бытования фальсифицированных источников. Тут представлены основные жанровые особенности подделок: документальных, повествовательных, археологических, псевдоэтимологических, антропологических. Во втором подробно разбирается комплекс подделок и фальсификаций, связанных с такой «классической» подделкой, как «Влесова книга». Эта фальшивка рассмотрена комплексно с помощью методов различных гуманитарных дисциплин в контексте славяно-арийского мифа.

Строго говоря, сегодня о ВК следует говорить не только как о подделке, а как о памятнике идеологии первой половины XX в. Причём, идеологии не только и не столько эмигрантской (раньше часто понимаемой в огульно-ругательном смысле), но и как начало неоязыческой идеологии. Литератор Ю.П. Миролюбов создал, по меткому определению И. Кондакова, одновременно «и стилизацию, и иносказание», апеллирующее к мечте о «великой и неделимой России», уже пережившей в своей 4000-летней истории и распри, и смуты, и усобицы. В этой стилизации – ностальгия и грусть творческой личности на чужбине. Выплеск индивидуального примирения с действительностью, обозначившей победу большевиков «всерьёз и надолго», через заклинание, что «всё пройдёт», а Русская земля освободится от марксистского гнёта. Создаётся впечатление, что Ю. Миролюбов «сам верил в подлинность написанной им ВК – если не на связке буковых дощечек, то в умах древних славян, в их менталитете». ВК была в его представлении ближе к истине о праславянской древности именно в силу того, что опиралась на более широкий, нежели строгая наука, фундамент – искусство, религию и интуитивные догадки автора³. Сам феномен создания ВК – очень интересная литературоведческая и культурологическая проблема. Но не более того. Текст ВК (как и другие произведения Ю. Миролюбова) не сопоставим по своей литературной и художественной ценности с другими современными ему произведениями русской литературы пера И. Бунина, Н. Набокова, М. Шолохова, М. Горького и др.

Столь же любопытен анализ своеобразной историософии ВК, также приводящий к заключению о его поддельности. Казалось бы, исследователи вправе ожидать от этого «уникальнейшего источника» новых исторических фактов. Ничего подобного – историческая концепция создателей ВК вполне согласуется с господствовавшим в 50-е гг. в отечественной науке (в том числе и эмигрантской) т.н. «южным» вариантом антинорманизма, в рамках которого «русь» размещается на юге, а украинские земли выступают своего рода второй

прародиной славян-руси⁴.

Всё это выглядит особенно любопытным, если учесть, что, пытаясь воссоздать славянское язычество как ветвь индийских верований, сочинители обнаружили полное непонимание характерного для язычества вообще представления о времени. Они обозначили исход из Семиречья 1300 годами до Германариха; их славяне и русы обитали в Карпатах 500 лет, Аскольд появился через 1300 лет после ухода славян с Карпат. Авторы ВК не только не сумели заполнить столь длинные хронологические периоды какими-нибудь событиями, но ещё не учли, что линейное исчисление времени приходит только с христианством⁵.

Последний раздел нашей книги представляет многообразие, региональную и хронологическую пестроту бытующих исторических фальшивок. Конечно, объём книги и скромные силы авторов не могли охватить всего комплекса подобных документов и артефактов (оценки количества исторических подделок сильно разнятся, но счёт в таких спорах, как правило, открывается с двух-трёх тысяч). Одной из будущих задач проекта «Актуальное прошлое: наука и общество» будет подготовка максимально полного аннотированного каталога фальсификатов по российской истории и, конечно, продолжение соответствующих исследований и публикаций.

От имени всего авторского коллектива выражаем искреннюю признательность людям, без которых эта книга не появилась бы на вашем столе: Л.А. Беляеву (несмотря на то, что он и сам является одним из интереснейших авторов внутри данной обложки), С.О. Чернышевой и О.Б. Першукевич за редчайший сегодня профессионализм в работе с непростыми текстами и авторами.

А.Е. Петров, В.А. Шнирельман

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аргументы учёных, указывающие на поддельность ВК см.: Что думают учёные о «Велесовой книге». СПб., 2004.

² В качестве примера можно назвать типовой учебник по истории государства и права России, по которому учатся почти все студенты юридических факультетов российских вузов (Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2004. Автор этого учебника на стр. 12 пишет: «В знаменитой „Велесовой книге“, созданной новгородскими волхвами в IX в., описаны события, происходившие начиная с конца II в. до н. э. и до IX в.»). Изучение «Велесовой книги» включено украинским Министерством образования в программу по литературе для 8–9 классов с углублённым изучением украинской литературы. В официально действующих «Основных ориентирах воспитания учеников 1–12 классов общеобразовательных учебных заведений Украины» предлагается считать «Велесову книгу» культурно-национальным фактором воспитания и «великим сокровищем на-

родной педагогики» (Приказ министра образования и науки Украины № 1133 от 17.12.2007 «Про затвердження „Основних орієнтирів виховання учнів 1–12 класів загальноосвітніх навчальних закладів України“»).

³ Кондаков И. Русколанский словарь // Родина 1998. № 7. С. 38–40.

⁴ ВК упоминает имена известных славянских богов, сообщает сведения о географических перемещениях славянства и хронологических веках, показывая явную историографическую заданность «бесценных свидетельств». ВК повествует о славном прошлом славян от эпохи «за 1300 лет до Германариха» вплоть до «времени Дира». Готский вождь Германарих погиб в IV в. н.э., а под временем Дира подразумевается IX столетие. Таким образом, во ВК охвачены события почти двух тысячелетий. Вопрос о первой прародине не вполне ясен из-за расхождений отцов-создателей ВК во взглядах на данную проблему. В трудах Мирослюбова славяне и русы – один и тот же этнос. У Куренкова вопрос более запутан: русы происходят из Ассирии, а славяне – это враждебная сила, надвигавшаяся на Киев с севера. Изыскания Куренкова, тем не менее, произвели впечатление на Мирослюбова, и он во ВК стал допускать два пути славяно-русов в Европу: первый – из-за Волги, а второй – через Иран и Месопотамию. Это особенно интересно в связи с тем, что в последние годы жизни Ю.П. Мирослюбов работал над созданием таких исторических работ как «Образование Киевской Руси и её государственности», «Славяне на Карпатах. Критика «норманизма».

⁵ Язычество вообще, и славянское в том числе, воспринимало время как повторение равнопорядковых циклов. Чаще всего счёт велся поколениями – «веками», «коленами». В русском летописании абсолютная хронология появилась не ранее второй половины XI в. В «Повести временных лет» хорошо видно, что ещё в описании событий X столетия с каждым новым княжением начинался новый отсчёт лет. Сделанные же позже пересчёты привели к ещё большей путанице, т.к. составители сводов ориентировались на разные космические эры. Пример языческого исчисления времени поколениями можно найти и в скандинавской «Эдде», где достаточно правдоподобно перечисляется 40 поколений от Троянской войны до первых веков нашей эры. (Петров А.Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 36–59).

Слово «ФАЛЬСИФИКАЦИЯ» в словарях и исследованиях

Большая советская энциклопедия

Ф. (позднелат. falsificatio, от falsifico — подделываю), 1) злостное, преднамеренное искажение данных, заведомо неверное истолкование чего-либо. 2) Изменение с корыстной целью вида или свойства предметов; подделка.

Толковый словарь русского языка Ушакова

Ф., -и; ж. [латин. falsificatio] (книжн.). 1. Подделывание чего-н. *Заниматься фальсификацией древних рукописей. Ф. свидетельских показаний.* || Изменение вида или свойства какого-н. предмета с целью обмана, для того чтобы выдать его за предмет другого вида или качества. *Ф. съестных припасов.* 2. *перен.* Подмена чего-н. (подлинного, настоящего) ложным, мнимым. *Всё более тонкая фальсификация марксизма, всё более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — вот*

чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономике, и в вопросах тактики, и в философии вообще... Ленин («Материализм и эмпириокритицизм»). Ф. искусства. Ф. науки. 3. Подделанная вещь, подделка, выдаваемая за подлинный предмет. Это не настоящий кофе, а ф.

Юридическая энциклопедия

Ф. (от лат. falsificare — подделывать; англ. falsification), 1) подделывание чего-либо; искажение, подмена чего-либо подлинного ложным, мнимым; 2) изменение с корыстной целью качества предметов сбыта в сторону ухудшения при сохранении внешнего вида; 3) подделка, подделанная вещь, выдаваемая за подлинную.

Википедия

Фальсификация истории — ложное описание исторических событий в угоду предвзятой идее. Цели и мотивы исторических фальсификаций могут быть самыми разнообразными: закрепить за тем или иным народом историческое право на определённую территорию, обосновать легитимность правящей династии, обосновать преемство государства по отношению к тому или иному историческому предшественнику, «облагородить» процесс этногенеза и т.д.

Из книги члена-корреспондента РАН В.П. Козлова «Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков». М., 1996. С.4, 9.

Фальсификации исторических источников — это создание никогда не существовавших документов либо поправки подлинных документов, что связано с целой системой различных приёмов и способов. И в том и в другом случае налицо сознательный умысел, рассчитанный на общественное внимание, желание с помощью полностью выдуманных фактов прошлого или искажения реально существовавших событий «подправить» историю, дополнить её несуществовавшими деталями. Хорошо, когда фальсификации вовремя разоблачаются, но бывает и так, что они живут, порождая новые мифы, расстаться с которыми бывает порой очень трудно.

Можно выделить полностью фальсифицированные исторические источники, в которых ни содержание, ни материал, из которого они изготовлены (бумага, пергамент и т.д.), ни внешние признаки (почерк, рисунки, инициалы, заставки и т.д.) не соответствуют тому, за что пытаются их выдать, и частично фальсифицированные памятники письменности. Среди последних можно наметить две подгруппы: исторические источники, подлинные с точки зрения их содержания, авторства, времени создания, но имеющие фальсифицированные внешние признаки; письменные памятники, подлинные по содержанию, внешним признакам, но включающие поддельные вставки текста, записи писцов и т.д. <...>

Любая фальсификация исторического источника является не просто результатом в той или иной степени удачной или неудачной фантазии её автора. Подделка, как бы не искусна она ни была, появляется не случайно. Своё изделие автор представляет подчас как главное, решающее «доказательство», с помощью которого он стремится убедить современников и потомков (а иногда, по странным причудам характера, и себя) в истинности своих представлений о прошлом и настоящем, воздействовать вымышленными фактами прошлого на их умы и чувства. В этом смысле можно сказать, что во всякой подделке исторического источника как вымысле есть правда — правда самого вымысла. <...> Подделка — это тоже исторический источник, относящийся, однако, не ко времени, о котором в ней рассказывается, а ко времени её изготовления.

Часть 1.

Общие проблемы

Подделки и альтернативная история

Планируя данный круглый стол, мы первоначально рассчитывали придать ему довольно узкий характер. Мы хотели сфокусироваться на поддельных исторических документах, которых было немало в прошлом и вал которых неприятно удивил многих из нас в последние годы. Так, занявшись пятнадцать лет назад проблемами социальной памяти, я неожиданно для себя начал постоянно сталкиваться с подделками. Заинтересовавшись движением русских неоязычников, я был поражён широкой популярностью, которой у них пользовалась «Влесова книга». Обращение к украинским материалам обнаружило, что и там она встречает не меньший успех, но там к ней прибавилась ещё и «Рукопись Войнича» («Послание ориан хазарам»). Затем выяснилось, что и в Поволжье не обходится без фальшивок, которые на этот раз были связаны с развитием булгаристского движения, апеллировавшего к якобы аутентичной древней летописи «Джагфар тарихы». После этого меня заинтересовали версии о древних предках, разрабатывавшиеся на Кавказе, и фальшивки полились как из рога изобилия. В Карачае обнаружилась хазаро-аланская «Летопись Карчи», лезгины предъявили миру «Алупанскую летопись», балкарцы вспомнили о «Хуламской плитке», у чеченцев-аккинцев определённую популярность приобрела «Рукопись Ибрагимова-Магомедова».

Между тем, судя по нашей повестке дня, такого рода подделками нам ограничиться не удастся, и наше обсуждение охватывает гораздо более широкий круг явлений. Это и понятно, ибо подделки не сводятся к одним лишь литературным источникам. Ведь к этой категории относятся и сфабрикованные «древние» вещи, и целые «археологические памятники» и «археологические культуры». Например, в конце 1990-х гг. журналисты без устали рассказывали о «Гиперборейской цивилизации», якобы открытой московским философом В.Н. Дёминым на Кольском полуострове, да и сам он ухитрился издать об этом несколько популярных книг. Вслед за ним журналист А.И. Асов объявил об открытии в Приэльбрусье «второго Аркаима», якобы служившего едва ли не столицей некой древнеславянской цивилизации. Кстати, такое происходит не только в России. В 2000 г. в Японии разгорелся скандал, связанный с именем Синичи Фуджимуры, который, совершив подлог, объявил об обнаружении им на севере о. Хонсю ряда раннспалеолитических памятников, и сведения об этих «находках» даже вошли в новые японские учебники истории.

Иной раз речь идёт об аутентичных археологических находках, но получающих фантастическую интерпретацию в работах местных любителей древней истории или даже учёных, озабоченных историческим приоритетом своей этнической группы. Так произошло с известной «Майкопской плиткой», относящейся к меотскому времени, но служащей сегодня некоторым энтузиастам для

поиска «древнейшего государства» на Северо-Западном Кавказе. Аналогичное явление связано и с Аркаимом, который некоторые эзотерики спешат объявить «древнейшим центром человеческой цивилизации», или даже местом происхождения «белой расы», или по меньшей мере родиной Зороастра.

Наконец, обратившись к народной этимологии, мы обнаружим и сфальсифицированные «лингвистические факты», которые иной раз кладутся в основу некоторых версий этногенеза и этнической истории. Например, ещё в начале 1980-х гг. мне на рецензию попала рукопись некоего школьного учителя, который обнаружил «русские названия» практически на всех континентах и на этом основании сконструировал древнюю «славянскую цивилизацию». Но если в те годы это воспринималось как курьёз, то не прошло и десяти лет, как основанные на такого рода построениях версии этнической истории заполнили постсоветское информационное пространство. При этом среди их авторов можно обнаружить и дипломированных специалистов, публиковавших свои оригинальные концепции под грифами научных учреждений.

Последнее наводит на определённые размышления и заставляет говорить не столько о курьёзах, сколько о серьёзных научных, общественных и политических проблемах, высвечивающихся тем, что мы называем фальшивками. Действительно, сегодня многие из тех наших специалистов, которые пытаются критиковать версии альтернативной истории, дают волю своим эмоциям и вовсю бичуют дилетантов, вольно обращающихся с источниками и занимающихся «искажениями и извращениями». Разумеется, их возмущение имеет свои основания, и нынешнее небрежное обращение с историческими источниками отчасти объясняется падением уровня образования и в особенности пренебрежительным отношением к источниковедению. Однако, если дело обстоит так просто, почему среди «дилетантов» или «недоучек» встречаются профессионалы, причём иной раз с научными степенями? Почему их построения охотно принимаются издательствами и привлекают внимание политиков и творческой интеллигенции? Почему, наконец, они пользуются успехом в широких кругах общественности, причём в такой степени, что протесты учёных не оказывают на неё никакого влияния?

Мы не сможем ответить на эти вопросы, оставляя за бортом понятие альтернативной истории и игнорируя её роль в общественном сознании. В современном обществе стержнем общепризнанной истории является версия, одобренная государством, т.е. господствующей элитой. Однако современное общество имеет сложный состав, и составляющие его группы, с одной стороны, обладают своими особыми интересами, но с другой — в разной степени имеют доступ к власти, жизненно важным ресурсам и привилегиям. Этим и определяется напряжённая борьба, которая ведётся между такого рода группами. В условиях авторитарного режима эта борьба по большей части скрыта от общественности, и её активисты составляют незначительное меньшинство, а основная часть общества представляет собой молчаливую массу. Но с развитием демократии различные группы всё громче заявляют о своих интересах

и претендуют на определённые права. В разных контекстах состав этих групп может отличаться: иногда это локальные или региональные общности, иногда они имеют культурно-языковой (этнический) характер, иногда группировка образуется по принципу расы, а иногда — пола или возраста. Сколь бы разными ни были их цели, их выступления тем более эффективны, чем в большей мере их члены ощущают своё единство. Важной скрепой такого единства и служит представление об общем прошлом, о пережитых вместе победах и поражениях, достижениях и утратах. Это — важный символический капитал, во-первых, способствующий самоутверждению, во-вторых, дающий обильные аргументы для борьбы за достижение определённых социальных, культурных или политических целей, а в-третьих, снабжающий важными символами единства, оказывающими значительное воздействие на эмоции людей.

Отсюда и потребность в альтернативной истории, представленной региональной историей, этнической историей, феминистской историей, историей молодежных субкультур, историей геев и лесбиянок и т.д. Ясно, что чем больше таких обособленных историй, тем более мозаичным становится историческое поле, тем в большей мере оно распадается на разнообразные конкурирующие между собой микроистории. Важно, что, на какие бы источники те ни опирались, они неизбежно отражают интересы вполне определённых групп, рассматривающих историю под особым углом зрения. И уже это само по себе определяет то, что одни и те же факты создатели таких историй могут трактовать весьма по-разному.

Мало того, чем острее группа ощущает несправедливое к себе отношение сегодня или в прошлом и чем привлекательнее стоящие на кону дивиденды, тем больший приоритет групповые интересы имеют над щепетильным отношением к историческим фактам. Здесь-то и приходят в столкновение, с одной стороны, лояльность специалиста своей группе, а с другой — его готовность придерживаться профессиональной этике. Если, как это нередко случается, специалист ассоциирует себя прежде всего с судьбой и интересами своей группы, то в такой ситуации лояльность группе может пересиливать, и для специалиста оказывается возможным нарушение принятых научных методик и установок.

Однако и это ещё не всё. Как показывает окружающая действительность, любое общество живёт определённым мифом, который является концентрированным выражением доминирующего мировоззрения. Если, будучи членом данного общества, учёный его разделяет, то его научные построения могут служить укреплению такого мифа, и при этом сам учёный может верить в то, что отстаивает «объективную научную истину». Человек же со стороны увидит в таких построениях всего лишь псевдонауку. Примером могут служить расовые взгляды, господствовавшие в западной науке во второй половине XIX — первой половине XX в., заставлявшие многих учёных давать расовую трактовку фактам, которые могли бы получить и иное объяснение, связанное с социальными, экономическими, политическими или культурными процессами. Такой подход особенно ярко проявился в работах нацистских физических антрополо-

гов и генетиков, а также группы физических антропологов в Южной Африке в эпоху апартеида.

Сегодня в российском обществе необоснованно большое значение получает этнорасовая парадигма, причём к ней всё чаще обращаются российские учёные. С чем это связано? В поздние советские десятилетия наши учёные были увлечены теорией этноса и видели в этносе универсальную организацию, характерную для всего мира. Сегодня целый ряд российских этнологов смотрят на эту концепцию всё более скептически, ибо этнос так и не получил строгого общепризнанного определения, а существующие в разных регионах мира представления об общественной структуре оказались гораздо более многообразными, чем казалось советским этнографам-теоретикам. Выяснилось, что советские представления об этносе основывались на некоторых недоказанных априорных суждениях. В то же время советский миф оказывает своё воздействие на умы и сегодня, и некоторые российские учёные даже готовы признавать этнос «биологической популяцией», что не только не имеет никаких серьёзных оснований, но привносит в нашу науку опасную расовую парадигму. Аналогичная ситуация наблюдается с археологической культурой, аналитической категорией, которой оперируют подавляющее большинство отечественных археологов, молчаливо признавая её связь с этнической общностью. Между тем и это не очевидно, начиная от разногласий по поводу методики выделения археологической культуры и кончая интерпретацией выделенных культур, которые вовсе не обязательно имеют этнический характер. Когда-то я пытался познакомить наших археологов с этноархеологией, которая могла бы много дать для усовершенствования методик интерпретации археологических материалов¹. Однако большинство наших археологов такими методами не заинтересовались.

Зато, начиная с советского времени, в нашей науке неоправданно большое место получили занятия этногенезом. Сегодня очевидно, что это вызывалось не столько научной потребностью, сколько этнофедеральным устройством государства, заставлявшим чиновников на местах стремиться к наделению своих народов версией самобытной истории, уходящей в глубины тысячелетий². Этот социально-политический заказ на особые версии этнической истории и этногенеза привёл к становлению целых научных областей. Причём добросовестно разрабатывавшие такие задачи учёные в большинстве своём не сознавали, что выполняют политический заказ. Сегодня, когда невооружённым глазом видно, что этногенез оказывается гораздо ближе к политике, чем к науке, немалому числу специалистов трудно расстаться с привычными представлениями. Им комфортнее жить в сложившемся мифе, чем разрабатывать принципиально новые подходы. Между тем пренебрежительное отношение к выработке чёткого понятийного аппарата и разработке строгих методических приёмов способствует тому, что граница между наукой и псевдонаукой размывается. Ведь если мы обратимся к целому ряду наших научных понятий и методических процедур, то заметим, что они основываются на условных допущениях и апри-

орных предположениях, которые сами ещё нуждаются в проверке. Но именно такими понятиями и процедурами с благодарностью пользуются те, кого наши специалисты с гневом называют «дилетантами», упрекая их в «извращении истории».

Какое же отношение этногенез имеет к политике и какие цели преследуют этнические версии истории кроме задачи консолидации этнической группы? Во-первых, идея самобытности колониальная история не подходит — требуется своё собственное, т.е. доколониальное прошлое. Во-вторых, для борьбы за политические права, особенно политическую автономию, нужна история своей собственной государственности, и, если такая история не обнаруживается, её изобретают. В-третьих, этнотерриториальный принцип административного устройства неизбежно придаёт огромное значение историческим границам этнических территорий. Отсюда та небывалая роль, которую в поздний советский период внезапно получила историческая география. В-четвёртых, отдельные этнические группы нуждаются в своих собственных героях, боровшихся за свободу или сопротивлявшихся захватчикам³. В-пятых, нужны праздники, сплывающие в группу. При этом кроме символического капитала большую роль могут играть и более прагматические интересы, ибо празднования значительных событий в жизни республик или юбилеев городов сопровождаются щедрыми финансовыми вливаниями. Наконец, чтобы социально значимые версии истории стали достоянием масс, они должны преподаваться в школе. Именно школьное образование превращает исторический миф в народное знание и «объективную истину».

В век научных технологий любая версия истории, чтобы получить признание, должна иметь документальное подтверждение. Но ведь для многих народов это несбыточное требование, ибо самые ранние сведения о них относятся к колониальному времени, когда их предки входили в состав более крупного государства или колониальной империи. Здесь-то и появляется соблазн фабрикации документов, призванных обеспечить этнический (национальный) ренессанс. Именно в этом контексте перед нами и встаёт тема подделок.

Подделки исторических документов — это старая проблема, знакомая историкам с тех самых пор, как история стала наукой⁴. Причины подделок многообразны: здесь и личные амбиции «непризнанных талантов», и просто стремление заработать на кусок хлеба, и желание обосновать права на наследство или высокий статус. Но имеется особая категория подделок, связанная с групповыми интересами, когда речь идёт о славных предках, их великих деяниях и достижениях, победах и поражениях, исторической территории и древней государственности. Именно такого рода подделки и будут здесь рассматриваться.

К подделкам может быть двоякое отношение. Классический историк их, безусловно, отвергает как лишний шум, мешающий сосредоточиться на реальных исторических проблемах. Но историк, занимающийся социальной памятью, а в ещё большей степени культурный антрополог, интересующийся

проблемами национализма и идентичности, видят в них важный источник, помогающий лучше понять общественные настроения и тем самым дух времени⁵. Ведь иной раз бывает, что подделка поначалу остаётся невостребованной, и её создатель умирает в безвестности. Однако проходит время, общество вступает в новую фазу развития, и находятся люди, обнаруживающие забытую подделку и с энтузиазмом возвращающие её к жизни.

Поэтому нас должны интересовать не только сами подделки или их создатели, чаще всего остающиеся за кадром, а и то, кто и почему заинтересован в их популяризации, как на это реагирует общественное мнение и почему в ряде случаев общественность встречает такие документы с поразительным доверием и не соглашается видеть в них фальсификации, каковыми они на самом деле являются. Например, чешское общество XIX — начала XX в., несмотря на все усилия некоторых местных историков, никак не могло поверить в поддельный характер Краледворской и Зеленогорской рукописей, созданных известным энтузиастом национального возрождения Вацлавом Ганкой. Только высочайший авторитет чешского философа и будущего первого президента Чехословакии Томаша Гаррига Масарика смог развеять иллюзии и поставить точку в этой долгой истории заблуждения.

Здесь мы встречаемся с особенностями социальной памяти, которая отличается избирательностью и чутко реагирует на окружающую общественную атмосферу. Хорошо известно, что формирование нации и идеология национально-освободительной борьбы требуют могущественного мобилизующего мифа, способного объединить общество и увлечь его в едином порыве к достижению определённой политической цели. Общественное мнение нередко понимает миф как полную выдумку и фантазию, не имеющую никакого отношения к действительности. Между тем это не так. Миф может опираться и на реальные факты. Но вопрос заключается не в том, насколько факты реальны или выдуманны, а в том, что они подвергаются процедуре отбора и интерпретации, в результате чего выстраивается историческая конструкция, способная обслуживать совершенно определённые интересы и преследовать определённые цели. Столь же ошибочно представление о том, что исторический миф — это продукт деятельности исключительно дилетантов и непрофессионалов, по неведению или злему умыслу искажающих прошлое. Иной раз миф создают и профессиональные историки. Ведь грандиозные национальные истории сплошь и рядом оказываются мифом, и не случайно сегодня для них используется термин «большой нарратив». Например, до 1870-х гг. никому и в голову не приходила мысль о единой истории Германии, ведь до этого страна делилась на отдельные княжества, каждое из которых имело свою собственную историю. И только после объединения Германии прусский историк Генрих фон Трейчке впервые создал для неё единую историю, начинавшуюся с первобытных времён. Напротив, после крушения империи представление о её единой целостной истории быстро теряет своё очарование, и возникшие на её обломках государства начинают создавать свои отдельные исторические нар-

ративы. При этом и в имперский период, и по его окончанию этим занимаются профессиональные историки.

Мало того, многое в презентации большого нарратива зависит от политических и мировоззренческих установок историка. Вряд ли стоит доказывать, что, исходя из одних и тех же фактов, историк-либерал и историк-консерватор сумеют создать весьма различные образы истории одного и того же общества. Как это оказывается возможным? Во-первых, путём отбора фактов, во-вторых, приданием им разного значения (то, что один историк сочтёт малозначительным, для другого может стать едва ли не основным), в-третьих, интерпретацией одних и тех же событий и фактов. Ещё важнее общие установки историка — следование определённой философии истории, заставляющей видеть её главную движущую силу в деятельности отдельных одарённых индивидов (царей, полководцев, общественных деятелей), народных масс, единой нации, расы, церкви и пр. При этом выбор философии истории определяется не столько внутренними потребностями профессии, сколько парадигмой, господствующей в науке в целом, или доминирующими общественными настроениями. Имея в виду этот последний фактор, следует скептически воспринимать миф о «чистой науке» и «объективности» гуманитарного знания.

Ведь учёный является неотъемлемой частью своего общества и нередко разделяет свойственные тому заблуждения и предрассудки. И перед ним зачастую встаёт трудный вопрос: сохранить лояльность своему обществу или своей группе, нарушив при этом научную этику или принятые в науке принципы анализа источника, или остаться верным научным принципам, пожертвовав своей общественной репутацией и даже благосостоянием? Впрочем, как мы уже видели, нередки случаи, когда учёный «живёт в мифе», и тогда такой вопрос перед ним даже не возникает.

Например, в традиционных армянской и греческой культурах специалисты обнаруживают немало турецких элементов, однако сами армяне и греки по понятным причинам стараются этого не замечать. Ещё один пример: некоторые православные соборы домонгольского времени, считающиеся шедеврами русской архитектуры, были созданы германскими мастерами, но в учебниках об этом писать не принято. В последние годы, когда Китай широко открыл свои границы и туда хлынули японские туристы, они с удивлением открыли для себя тот факт, что многое в традиционной японской культуре восходит к китайским прототипам.

Поэтому то, что собой представляет традиционная культура, и то, в каком образе она представляется своим носителям, — это далеко не одно и то же. И этот образ не только возникает на уровне бытовых представлений, а иной раз формируется интеллектуальной элитой, включая и учёных, владеющих современными научными технологиями.

Всё это типично для социальной памяти. Обычно её механизмы связывают с непрофессиональной средой и для её изучения прибегают к анализу устной истории, народных представлений, праздников, народного изобразительного

искусства и пр. Однако в нашу эпоху всеобщей грамотности немалую роль в формировании социальной памяти играют и профессиональные историки, участвующие в создании национального мифа.

Основой национального мифа нередко служит сказание о предках, в котором люди ищут источник нравственности, героизма, убеждённости в идеалах, веры в справедливость. В тех обществах, где имеется богатая историческая традиция, подкреплённая солидной документальной базой, создатели исторического мифа могут без труда отбирать нужные им сюжеты и выстраивать требуемую актуальную конструкцию. Хуже обстоит дело там, где письменных документов не хватает или где предлагаемая ими скудная информация не даёт пищи для создания привлекательного мифа о предках, не говоря уже о тех случаях, где такие документы просто отсутствуют. Чаще всего это наблюдается в колониальной ситуации или в тех случаях, когда в ходе территориальной экспансии государство включает в свои пределы новые группы населения с иными культурными традициями. Иной раз речь идёт о бесписьменных народах, но бывает и так, что завоеватели сознательно уничтожают местную письменность и документы о прошлом, искореня историческую память, способную подпитывать сепаратизм. Но даже если исторические документы сохраняются, они нередко не отвечают на жгучие вопросы современности.

Ведь, скажем, в условиях традиционной родоплеменной социальной организации, типичной для кочевых народов, не могло быть и речи о каком-либо национальном единстве. Там на протяжении истории отдельные клановые группы могли откочёвывать на большие расстояния и менять своё место в системе племенных союзов. В результате бывший враг мог стать другом, а бывший друг — врагом. Не лучше обстояло дело с единством и у оседлых народов, где взаимоотношения между властителем и подданными нередко сводились лишь к спорадическому сбору податей или более регулярному взиманию налогов. В древних и средневековых государствах правителям и в голову не приходило заботиться о языковом или культурном единстве своих подданных. А политическая лояльность там практически совпадала с личной преданностью князю или государю. Поэтому само по себе языковое и культурное единство не служило необходимой основой политической общности, а являлось производным от социальной или политической организации. Именно родство, родоплеменные связи или лояльность сюзерену, а отнюдь не язык или культура лежали тогда в основе политических союзов. Вот почему в истории сплошь и рядом наблюдались странные для наших современников ситуации, когда представители одного и того же народа могли сражаться в рядах противоборствующих армий. А ведь именно так обстояло дело во время взятия Казани, когда в обеих армиях можно было обнаружить и русских, и татар. Ни о какой преданности «национальной идее» или «народному единству» тогда не могло быть и речи, ибо ни такого рода идеи, ни такого единства не существовало. Не было их и в 1612 г., когда русское общество оказалось глубоко расколотым. И никакое языковое или культурное единство от политического раскола в те

далёкие времена не спасало. Просто потому, что не было концепции такого единства; она была излишней, ибо социальные и политические связи выстраивались на совершенно иных основах.

Как сравнительно недавно установили американские историки, даже в период войны за независимость среди американских колонистов находилось немало сторонников Британской короны, и самые жаркие схватки тогда происходили между самими американцами — сторонниками и противниками независимости. А сегодня Ирак, который мы до недавнего времени воспринимали как сплочённую арабскую нацию, охвачен драматической конфронтацией между суннитами и шиитами. Мало того, имея в виду сложную ситуацию, сложившуюся в наши дни на Украине, некоторые комментаторы даже позволяют себе рассуждать о населяющих её двух разных народах, причём подразумевая не русских и украинцев, а русофонов и украинофонов. Всё это ярко свидетельствует как о различиях между культурной и языковой общностями, так и о сомнительности их безоговорочного отождествления с политическим единством.

Между тем националисты сплошь и рядом исходят именно из такого отождествления. Однако, понимая имеющиеся сложности, они пытаются всеми силами создать миф, во-первых, о политическом единстве, основанном на языковом и культурном родстве, а во-вторых, о необычайной древности такого единства. При этом, апеллируя к прошлому, они игнорируют сам принцип историзма и не учитывают специфики разных исторических эпох. Ведь в разные эпохи политическая лояльность имела совершенно разные основания: личная преданность сюзерену или верность своему клану кардинально отличались от современного чувства национального единства, основанного на лояльности равноправных граждан политическим принципам своего государства. Современная нация состоит не из подданных, беспрекословно подчиняющихся монаршей воле, а из полноправных граждан; не монарх и не вождь, а нация в лице её граждан является носителем суверенитета, что предполагает их активное участие в политическом процессе. Ничего подобного ни в средневековых государствах, ни в древних империях не было. Но именно это-то и доставляет неудобства националистам, пытающимся всеми силами убедить своих соотечественников в древности их культурно-языкового единства, якобы совпадавшего с социально-политической общностью. Такое единство рисуется былинным богатырём, уверенно продвигающимся по тропам истории, сохраняя свою самобытность и нетленные ценности. Разумеется, такая модель допускает и некоторые изменения, но отводит им второстепенное место, ибо они не должны ослаблять образ культурно-языковой целостности.

Между тем эта модель расходится с научными знаниями, не подтверждающими столь упрощённый взгляд на исторический процесс. Сегодня на Земле нет, пожалуй, ни одного народа, который бы не имел смешанного происхождения, и о «чистоте расы» говорить не приходится. Занимаясь происхождением народов, профессионалы (археологи, этнологи, физические антропологи, линг-

висты) неизбежно обнаруживают у их истоков самые разные группы и традиции, которые, сливаясь, создавали своеобразный синтез, закладывавший основу того или иного народа. Поэтому, вопреки расхожему мнению, самобытность вовсе не является чем-то исконным, уходящим корнями в глубокую древность. Напротив, она формируется во времени из самых разных элементов, часть из которых традиционны, часть являются новообразованиями, а часть заимствованы из соседних культур и переработаны в местной среде. При этом культура, в свою очередь, не представляет собой закрытую систему: она находится в постоянном процессе изменений, а заимствования происходят даже во время военной конфронтации.

Вот почему, как сегодня подчёркивают специалисты, любая культура, в сущности, гибридна⁶. Иными словами, она состоит из самых разных компонентов, и многие учёные предаются увлекательному занятию по распутыванию хитросплетений, созданных культурным процессом. В итоге они обнаруживают, что особенности, которые сегодня характеризуют тот или иной народ, имеют очень разные истоки и достались ему от тех или иных групп, вошедших в его состав очень давно или относительно недавно. В свою очередь, это позволяет говорить о нескольких разных предковых группах, положивших начало народу. Однако сегодня, когда его представителей объединяет одно и то же название (этноним), они часто верят в своё единое происхождение и уже не помнят или не хотят помнить о гетерогенном составе своих далёких предков. Такая амнезия свойственна современному национализму, отдающему приоритет консолидированной политической нации и нередко наделяющему её гомогенной культурой, призванной легитимировать политическое единство⁷.

Между тем так было далеко не всегда. Парадокс состоит в том, что современные консерваторы-традиционалисты, призывающие к консервативной революции во имя восстановления некой «исконной культурной традиции», не желают учитывать, что в традиционном обществе имелись совершенно иные ценности и установки, не признававшие никаких «чистых традиций» и не придававшие ни малейшего значения «чистоте крови». В своё время при изучении тлингитов Юго-Западной Аляски мне довелось навестить семью, хозяйка которой, узнав, что я из России, с гордостью продемонстрировала мне свою генеалогию, подчеркнув, что один из её предков был русским. Сама же она происходила из атапасков. Её сын считался тлингитом, но его жена была белой американкой. Для них самих такие генеалогические связи большой роли не играли, ибо, будучи полноправными членами тлингитских кланов, они считались тлингитами, и никаких вопросов в связи с этим не возникало. Поэтому и дети этой молодой пары были тлингитами. И такая ситуация была для традиционных обществ вполне типичной, ибо там ценили не «чистоту крови» и не приверженность культурной традиции, а включённость в местную социальную организацию. Даже сам интерес этой простой женщины к своей генеалогии является инновацией: упомянутое генеалогическое древо было создано для неё одним американским антропологом.

Вместе с тем рассмотренный пример показывает, почему и на каких основаниях возможен «выбор предков», которым с упоением занимаются современные националисты. Это относится не только к отдельным людям, но и к целым группам. Учёным хорошо известно, что, например, у различных тюркских народов встречаются семьи или родовые подразделения с одними и теми же названиями. Такое можно обнаружить даже у соседних народов, говорящих на разных языках, например у ираноязычных осетин-дигорцев и их соседей, тюркоязычных балкарцев и карачаевцев, где не только встречаются семьи с одними и теми же фамилиями, но и нередко они знают о своём родстве и поддерживают тесные контакты. Когда много столетий назад в Сомали переселились арабские шейхи со своими многочисленными семьями, местные кочевые группы небезуспешно стремились привязать себя к их престижным генеалогиям. Из этого сплава и возникли современные сомалийцы. Такой процесс типичен для формирования кочевых народов. Однако он встречается и в оседлой среде. Там он характерен более всего для знати, пытающейся подтвердить свой высокий статус с помощью фиктивных генеалогий. Например, некоторые европейские короли таким образом пытались вести своё происхождение от императора Августа.

Всё это, во-первых, говорит о важности предков, престиж которых, как считается, оказывает влияние на потомков. А во-вторых, это создаёт определённый набор предков, реальных или фиктивных, позволяющий производить селекцию. Выше было отмечено, что в формировании народов участвовали самые разные компоненты: одни могли наградить его какими-то особыми, значимыми сегодня элементами культуры, другие — передать ему свой язык. Мало того, в истории отнюдь не редкими были и случаи смены языка. Всё это открывает поистине безграничные возможности для «поиска предков» и «выбора» подходящих предков, лучше отвечающих потребностям текущего момента. В некоторых случаях приоритет отдаётся тем из них, которые заложили основы местной культуры (но надо ещё учитывать, что сама культура состоит из самых разных компонентов и может пониматься по-разному). В других пальма первенства достаётся предкам, создавшим языковую традицию. Иногда особую ценность представляют предки-автохтоны, а иногда — пришельцы, прославившие себя военными успехами и принёсшие аборигенам государственность. Иногда в предках ценят их боевую мощь и страсть к покорению других народов, а иногда их почитают за мудрость и высокую нравственность. Иногда в них видят достойный пример строительства великой культуры и цивилизации, а иногда их превозносят за разгром погрязшей в пороках «паразитической» цивилизации. В любом случае предки должны обладать некоторыми ценными качествами, имеющими фундаментальное значение для своих нынешних потомков. Примечательно, что они вовсе не обязательно должны выступать победителями. Им позволено терпеть и поражения, переживать катастрофу. Гораздо важнее то, что, даже погибая, они вели себя достойно: сражались с врагом до последней капли крови, хранили верность избранному

идеалу, защищали слабых и, наконец, предпочитали добровольную смерть сдаче на милость победителям.

Всё это служит ключевыми моментами мифов о предках, которые с упоением создаются современными националистами. Иногда необходимые сведения черпаются из исторических документов. Но если таковых не обнаруживается, энтузиастам приходится прибегать к фальшивкам. Любопытно, что это встречается не только там, где отсутствовала собственная глубокая письменная традиция, но и там, где имеющаяся богатая письменная история по каким-то причинам не удовлетворяет запросам националистов. Например, некоторые современные русские и украинские националисты, считающие христианство чуждой традицией, отвергают вместе с ним и всю связанную с ним историю. «Истинную самобытную историю» они ищут в языческих временах, однако за отсутствием надёжных письменных источников, способных подтвердить их догадки, им приходится опираться на фальшивки типа «Влесовой книги» или «Послания ориан хазарам» либо обращаться к самым фантастическим интерпретациям археологических находок или древних письменных памятников. Например, они объявляют поселение бронзового века Аркаим «древним русским городом» или «читают» этрусские тексты по-русски.

Судьба фальшивок бывает весьма замысловатой: предназначенные их создателями для решения одних задач, они могут впоследствии использоваться для совершенно иных целей. Например, поддельная «Хроника Ура Линда» должна была изначально служить своему голландскому владельцу для доказательства древности его рода, идущего якобы от доисторических фриз, а через них — даже от мифических атлантов. Более чем через полвека к ней вновь обратился нацистский учёный Герман Вирт, видевший в ней подтверждение своей идеи об «исконной первобытной письменности» и полагавший, что человечеству следует искать спасение в возвращении к порядкам древнего материнского права⁸. Наконец, уже в наши годы её снова извлёк из забвения эзотерик А.Г. Дугин для подтверждения своего расового подхода к человеческой истории.

Вот почему нас должны интересовать следующие вопросы: каковы были обстоятельства «находки» такого рода документов, что этому сопутствовало и чем характеризовался общественный климат, кто именно занимался популяризацией документов как «подлинных» и кто был заинтересован в этом (в частности, какого рода общественно-политической деятельностью занимались адвокаты подделок и каковы были их общественные идеалы), как содержание документов соотносилось с животрепещущими вопросами, волновавшими тогда общество или какую-либо его влиятельную группу, как эти документы были восприняты властями, журналистами, писателями и другими «властителями дум» и, наконец, как и по каким каналам информация о них доходила до общественности и как та её воспринимала. У этой темы имеется и психологический аспект, связанный с популяризаторами фальшивок: если некоторые из них искренне верят в подлинность последних и видят себя носителями «на-

учного знания», то для других более важной представляется идеологическая компонента своей деятельности — использование фальшивки для навязывания обществу определённого мировоззрения («национальная идея»), соответствующего их политическим идеалам. Наконец, не меньший интерес представляет вопрос о том, почему одни неортодоксальные исторические версии получают широкий общественный отклик, а другие, не успев появиться, обречены на безвестность.

Обстоятельства находки «древней рукописи» обычно бывают самыми загадочными: документы якобы каким-то чудесным образом сохранились до наших дней либо в частном семейном архиве, либо в библиотеке коллекционера. Бывает и так, что их обнаруживают при уборке или ремонте дома. При этом сам хозяин либо уже умер, либо проявляет излишнюю застенчивость и не хочет находиться в центре внимания. Нередко сами документы в какой-то момент таинственно исчезают, а остаются лишь их копии, причём иной раз даже не на языке оригинала, а в неизвестно кем сделанном переводе. Широкую огласку документы получают благодаря энтузиазму друга или знакомого их хозяина. Мало того, этот человек, не имея необходимой профессиональной подготовки, берётся за чтение рукописи, записанной особыми знаками на весьма архаичном или вовсе неизвестном языке, и с лёгкостью её прочитывает на своём родном языке. При этом обычные для профессионального историка процедуры, связанные с установлением аутентичности и критикой источника, не производятся. Не анализируется материал, на котором сделан документ; не изучается детально система письма и её связь с известными письменностями, в особенности с их хронологическими и региональными модификациями; не исследуются особенности языка и их соотношение с родственными языками, не учитывается развитие языка во времени, игнорируются как возможные архаизмы, так и инновации.

Зато всё внимание концентрируется на содержании документов, которое оказывается весьма актуальным. Они либо доказывают право народа на территорию («Хуламская плитка», якобы чётко очерчивающая границы балкарских земель; «Рукопись Ибрагимов-Магомедова», призванная доказать право чеченцев на обширные территории Дагестана; «Майкопская плитка», помогающая адыгейцам бороться за сохранение своего суверенитета), либо говорят о необычайной древности предков, их исконной культуре и языческих верованиях, славных подвигах и древней государственности, а также об обладании ими обширными землями («Влесова книга», «Джагфар тарихы», «Послание ориан хазарам»), либо отождествляют предков современного народа с известным историческим народом («Алупанская летопись» у лезгин) или фольклорным героем («Летопись Карчи» Н. Хасанова). Всё это не просто позволяет легитимировать право на «этническую территорию» и политический суверенитет, но призвано восстановить справедливость. Ведь, как правило, речь идёт о группах, перенёсших реальную травму либо в недавнем (депортированные и разделённые народы), либо в более отдалённом прошлом (народы, утратившие

свою средневековую государственность). Иной раз в силу сложившихся обстоятельств доминирующий народ может ощущать себя «меньшинством», и тогда некоторые идеологи делают попытку улучшить его самочувствие путём обращения к образу славных предков, для чего также не брезгают фальшивками. При этом последние обнаруживаются именно в тот момент, когда травма актуализируется и воспринимается весьма болезненно, вызывая к жизни народный подъём с требованием восстановления справедливости.

Впрочем, энтузиасты национальной идеи могут опираться и на подлинные древности. Иногда речь идёт о находке реального древнего предмета с надписью на неизвестном языке, которая получает спорное чтение и не менее спорную датировку («Майкопская плитка»)⁹. Иногда же древние археологические памятники становятся объектом спекуляций: им придаётся нужный смысл, причём для этого прибегают к самым фантастическим их интерпретациям. Ярким примером здесь служит Аркаим, поселение среднего бронзового века в Челябинской области, ставшее предметом поклонения немалого числа наших соотечественников¹⁰. В течение последнего десятилетия некоторые далекие от археологии энтузиасты развивают бурную деятельность и «открывают» подобные памятники, поражая общественность их якобы ещё более запредельной древностью («Гиперборейская цивилизация» на Кольском полуострове, «открытая» философом В.Н. Дёминым, или «второй Аркаим» в Приэльбрусье, «открытый» журналистом А.И. Асовым)¹¹. Авторы таких «открытий» проявляют завидную активность, стараясь заинтересовать местных чиновников, журналистов и бизнесменов. И это находит понимание, ибо власти ряда краёв и областей, опасаящиеся местного сепаратизма, озабочены доказательством русского приоритета. Отсюда русификация средневековых Хазарии и Булгарии челябинскими законодателями и непомерное расширение границ Тмутараканского княжества вплоть до Ставрополя некоторыми ставропольскими авторами¹². В свою очередь, «открытие» «Гиперборейской цивилизации» с энтузиазмом популяризировали мурманские журналистки. Она пришлась по душе и местному общественно-политическому движению «Возрождение Мурмана и Отечества», выступавшему против «геноцида славян» в России и ставившему своей целью «возрождение славянской цивилизации».

Обстоятельства всех таких «открытий» чаще всего связаны с «национальным возрождением». «Влесова книга» появилась в начале 1950-х гг. в среде русских и украинских эмигрантов, уязвлённых неудовлетворительным, на их взгляд, статусом русских и украинцев в СССР¹³. В самом же СССР она получила популярность лишь после 1970 г., т.е. после того, как «русская партия» потеряла своё влияние в партийно-комсомольских органах и переместилась в сферу изящной словесности (толстые журналы, художественная проза и поэзия). Роль этой «древней летописи» в общественном дискурсе росла по мере роста активности русских националистов и достигла кульминации во второй половине 1990-х гг., когда она даже использовалась неоязычниками для создания своих «священных текстов»¹⁴. В 1990-х гг. некоторые русские национа-

листы прилагали недюжинные усилия для возвращения к жизни и реабилитации фальшивок, разоблачённых ещё в XIX в. («Боянов гимн» и пр.). В свою очередь, на Украине отмечалась попытка легитимировать другую фальшивку, «Рукопись Войнича»¹⁵, как якобы древнейшую украинскую языческую рукопись VII–VI вв. до н.э. Из этого маловразумительного текста можно понять лишь одно — что конфликт славян с хазарами восходил якобы к эпохе ранней античности, и уже тогда хазары угрожали «русам» и несли им одно лишь зло и неволю.

Появление на свет свода «древнебулгарских летописей» под названием «Джагфар тарихы» тесно связано со становлением и развитием булгарского движения в Татарстане в начале 1990-х гг.¹⁶ Его лидерам требовалось легитимировать свою деятельность доказательством того, что местное тюркское население всегда было булгарами и не имело никакого отношения к татарам.

Тогда же в Карачае на свет появилась «Летопись Карчи», где прямыми предками карачаевцев назывались хазары и в подтверждение этого приводились документы, якобы записанные на хазарском языке, который на проверку оказывается «карачаевским». По словам её составителя, «крымские летописцы» XIV–XV вв. сохраняли хазарский язык и «хазарскую грамоту», причём последняя оказывается не то рунической, не то греческой, не то арабской, а вовсе не квадратичным письмом, как следовало бы ожидать¹⁷. Тем не менее с появлением этого документа карачаевцы обретали собственную историю, освобождённую от образа «колониального народа», вечно зависимого от соседей. Не вполне ясно, когда и как формировалась эта версия, но впервые она была опубликована на карачаевском языке в 1994 г., когда этноистория стала важным элементом местной этнополитики.

«Хуламская плитка» появилась во второй половине XIX в. в тот момент, когда балкарцы требовали расширения своих пастбищных угодий (а они были богатейшими на всем Северном Кавказе скотоводами). Но затем, после советских политических и административных преобразований на Северном Кавказе (появление республик), о ней надолго забыли, и ею изредка интересовались только узкие профессионалы-историки. Однако она получила новую широкую огласку в начале 1990-х гг., когда кабардинское и балкарское национальные движения пытались решить вопрос о разделе Кабардино-Балкарии на две республики¹⁸.

«Рукопись Ибрагимова-Магомедова» появилась в конце 1980-х гг., когда набирало силу чеченское национальное движение. А с возникновением независимой Чечни-Ичкерии этот документ давал ей основания для того, чтобы претендовать на земли Центрального Дагестана, где жили чеченцы-аккинцы. Мало того, «рукопись» рисовала фантастическую картину расселения чеченцев-аккинцев в XVI–XVIII вв., когда они будто бы занимали изрядную часть Северного Дагестана вплоть до Каспийского моря, где использовали рыболовные угодья о. Чечень¹⁹.

Наконец, «Алупанская летопись» была обнародована в самом начале

1990-х гг., когда после развала СССР лезгины осознали себя разделённым народом и в их рядах зрели ирредентистские настроения. Этот «документ» доказывал единство лезгинского народа и подтверждал, что тот является коренным населением в юго-восточной части Кавказа, где его предки имели своё государство и письменность задолго до появления тюркских предков азербайджанцев. По версии переводчика, сама книга, содержащая 50 листов текста, хранилась у известного лезгинского поэта. С неё якобы были сняты фотокопии, и они-то и сохранились, тогда как сам подлинник таинственным образом исчез²⁰. Сегодня, основываясь на этой «лезгинской книге», некоторые энтузиасты из Дербента изобретают лезгинскую языческую религию. Этим они повторяют путь русских и украинских язычников, использовавших для тех же надобностей «Влесову книгу».

Некоторые современные энтузиасты «русской древности» пользуются и иными мистификациями, выдавая их за достоверные научные сведения. В таком виде те могут даже попадать в учебную литературу. Так, в 1997 г. издательство «Вече» выпустило учебное пособие по истории, которое вполне серьёзно убеждало учащихся в том, что в древнейший период славяне якобы знали монотеизм, представленный верой в единого бога Раза²¹. Между тем эти сведения были заимствованы авторами пособия из язвительной пародии на мифотворческую деятельность ряда отчаянных сторонников славянского исторического приоритета²². Так под пером энтузиастов пародия превращается в «исторический факт», что возвращает нас к случаю с «Ура Линдой».

Кроме того, надо иметь в виду, что некоторые вдохновлённые такими документами писатели вплетают их в своё повествование или даже делают их едва ли не главным героем своих романов, как это иной раз происходит с «Влесовой книгой». Поэтому, даже не обладая аутентичностью, фальшивка может стать реальным фактом как социальной жизни, так и изящной словесности. Иной раз подделка становится основой религиозного текста или даже претендует на статус священного писания новой религии. Мало того, порой подделки даже проникают в систему образования и включаются в школьные курсы, как это происходит с той же «Влесовой книгой» на Украине. Печально, но, похоже, эту нездоровую тенденцию подхватывают и некоторые российские авторы учебной литературы. Например, ссылки на «Влесову книгу» и её активного популяризатора встречаются в новых курсах культурологи, где это иногда выдаётся за «новые открытия» историков²³. Аналогичным образом «булгарская летопись» используется некоторыми преподавателями в Татарстане.

Итак, все рассмотренные выше документы способны служить инструментом политической мобилизации. Ведь они, во-первых, создают «научную» базу для тех или иных требований (территория, автономный культурный статус, воссоединение народа, политический суверенитет), во-вторых, предлагают на выбор привлекательные символы национального сплочения, в-третьих, помогают, опираясь на эти символы, формировать идеологию социальной мобилизации путём апелляции к славе далёких предков. Далее, они могут пропа-

гандироваться падкими на сенсации журналистами и давать пищу писателям, сценаристам и художникам, воплощающим их в высокоэмоциональные художественные образы. Кроме того, как мы видели, сегодня такие «документы» иной раз используются для выработки новых религиозных учений. Наконец, в отдельных случаях они даже могут подхватываться сферой образования, если по своему духу кажутся отвечающими её идеологическим задачам.

Если «чистый» историк расценивает подделки как псевдофакты, от которых следует поскорее избавиться, то для социолога и культуролога они сами по себе, и особенно их популярность, служат важными индикаторами состояния общества и общественных настроений. Иными словами, фальсифицируя исторические факты, сама по себе подделка является несомненной исторической, социальной и литературной реальностью, заслуживающей пристального внимания и многостороннего анализа.

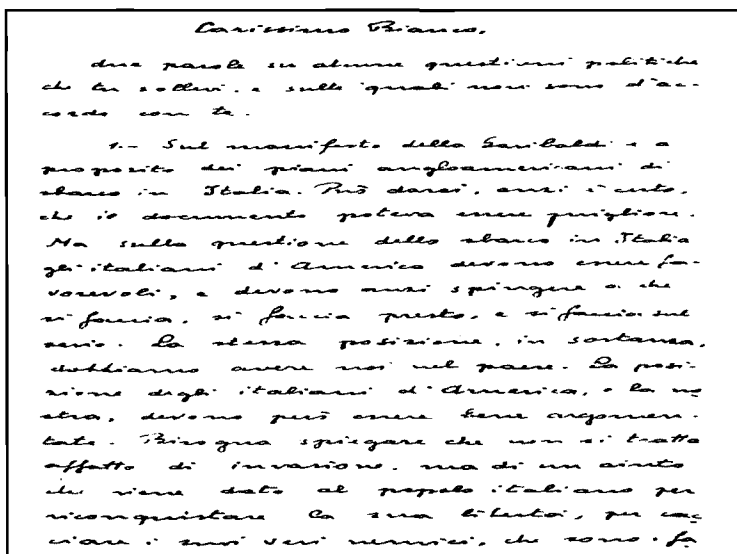
ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шнирельман В.А. Этноархеология — 70-е годы // Советская этнография. 1984. № 2. С. 100–113; он же. Керамика как этнический показатель: некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // Проблемы теории и методики в современной археологической науке (КСИА, вып. 201), 1990. С. 49–56; он же. Оружие как этнический и/или социальный маркер (этноархеологические заметки) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 16–19; он же. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). Екатеринбург, 1993.
- ² Об этом см., например: Shnirelman V.A. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington D. C., Baltimore&London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996; Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ Академкнига, 2003; он же. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006.
- ³ Об этом на примере мордвы см.: Shnirelman V.A. Purgas und Pureš: Urahenen der Mordwinen und Paradoxa der mordwinischen Identität // Eugene Khelimsky (hers.). Mari und Mordwinen im heutigen Russland: Sprache, Kultur, Identität. Wiesbaden: Harrasowitz-Verlag, 2005. S. 529–563. См. также: Румянцев С., Аббасов И. С кого начинается родина? Парадоксы формирования национальной идентичности путём апроприации «экстерриториального» национального героя // Ab Imperio, 2006. № 2. С. 275–321.
- ⁴ См., например: Козлов В.П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М.: АО «Аспект Пресс», 1994.
- ⁵ Первым в отечественной науке эту проблему поднял К.Н. Бестужев-Рюмин. Об этом см.: Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М.: Наука, 1990. С. 90.
- ⁶ Debating cultural hybridity. Multi-cultural identities and the politics of anti-racism. London: Zed Books, 1997; Baumann G. The multicultural riddle. Rethinking national, ethnic, and religious identities. New York: Routledge, 1999.

- ⁷ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- ⁸ Jacob-Friesen K.H. Herman Wirth's Ura-Linda-Chronik und die deutschen Vorgeschichtsforscher // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit. 1934. Bd. 10. Hf. 6. S. 130–135; Mulot S.S. Wodin, Tunis und Inka. Die Ura-Linda-Chronik // Karl Corino (hers.). Gefälscht! Betrug in Politik, Literatur, Wissenschaft, Kunst und Musik. Frankfurt am Main: Eichborn Verlag, 1990. S. 263–275; Эрлихман В. В гостях у Вральды // Родина. 2007. № 8. С. 55–57.
- ⁹ Шнирельман В.А. Войны памяти. С. 349–354.
- ¹⁰ Шнирельман В.А. Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // Язык и этнический конфликт / Под ред. М.Б. Олкотт и И. Семенова. М.: Гендальф, 2001. С. 58–85; Свешников А., Свешникова О. Здесь ли родился Заратустра? Или пути и последствия спасения одного археологического памятника // Неприкосновенный запас. 2008. № 1 (57). С. 207–218.
- ¹¹ Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты. М.: Academia, 2004. С. 207–210; Shnirelman V.A. Russian response: archaeology, Russian nationalism and Arctic homeland // Selective remembrance: archaeology in the construction, commemoration, and consecration of national pasts / Ph. L. Kohl, M. Kozelsky and N. Ben-Yehuda (Eds.). Chicago: Chicago University Press, 2007. P. 52–56.
- ¹² Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты. С. 219–220.
- ¹³ Творогов О.В. «Влесова книга» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 43. Л.: Наука, 1990. С. 170–254.
- ¹⁴ Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты. С. 238–254.
- ¹⁵ Грабович Г. Слідами національних містифікацій // Критика. 2001. Рік 5. Число 6. С. 14–23; Shnirelman V.A. The Myth of the Khazars and Intellectual Antisemitism in Russia, 1970s–1990s. Jerusalem: The Vidal Sassoon International Center for the Study of Antisemitism, Hebrew University, 2002. P. 156.
- ¹⁶ Шнирельман В.А. От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX в. // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 137–159; Shnirelman V.A. Who gets the past? P. 40–45.
- ¹⁷ Шнирельман В.А. Быть аланами. С. 464–466.
- ¹⁸ Там же. С. 478–481.
- ¹⁹ Там же. С. 406–407.
- ²⁰ Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 201–236.
- ²¹ Сторожев А.Н., Сторожев В.Н. Россия во времени. Кн. 1. Древняя история сибирских и славянских народов. Сургут, Москва: Народная школа, Вече, 1997. С. 20–21.
- ²² Эпштейн М.Н. Учение Якова Абрамова в изложении его учеников // Логос / Под ред. Н.Б. Иванова и Г.Л. Тульчинского. Кн. 1. Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1990. С. 245–252.
- ²³ См., например: Культурология. История мировой культуры / Под ред. А.Н. Марковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. С. 133–134; Культурология в вопросах и ответах. Учебное пособие / Под ред. Г.В. Драча. М.: Гардарики, 1999. С. 285; Культурология в вопросах и ответах. Учебное пособие / Под ред. Г.В. Драча. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. С. 354–360.

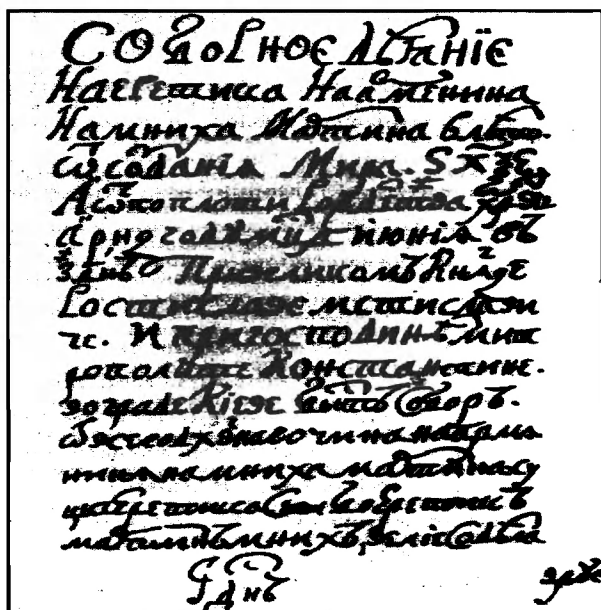
Фальсификация исторических источников: источниковедческий, историографический, археографический аспекты

Нет необходимости лишний раз говорить о важности определения достоверности и подлинности исторического источника как условия источниковедческого анализа и архивного упорядочения. Установление фальсифицированного характера исторического источника является одной из гарантий корректности исторических выводов. Вместе с тем очевидно самостоятельное источниковое значение подлога как источника, относящегося к времени его изготовления, — в этом случае у нас есть основания включить содержание такого фальсифицированного источника в общий контекст общественных движений времени его создания и на этой основе получить новое, подчас очень важное историческое знание. Понятно, что интерес представляет та группа, подлог которой с самого начала задумывался и реализовывался как подлог именно исторического источника, то есть средства самопознания общества в исторической ретроспективе, а не естественно возникшего недостоверного регулятора общественно значимых отношений современности (например, подлог личных документов или документов, связанных с имущественными интересами).

Фрагмент оригинала письма П. Тольятти к В. Бьянко

Сознательная фальсификация исторических источников в России берёт своё начало по крайней мере с конца XVII в.: «завещания» Петра Великого, Екатерины II, «Соборное деяние на мниха Мартина Арменина», «Требник митрополита Феоноста», подлоги Бардина, Сулакадзева, Кавкасидзева, Минаева, Иванова¹ достаточно хорошо известны и изучены каждый по отдельности, а совсем недавно — и в специальном исследовании.

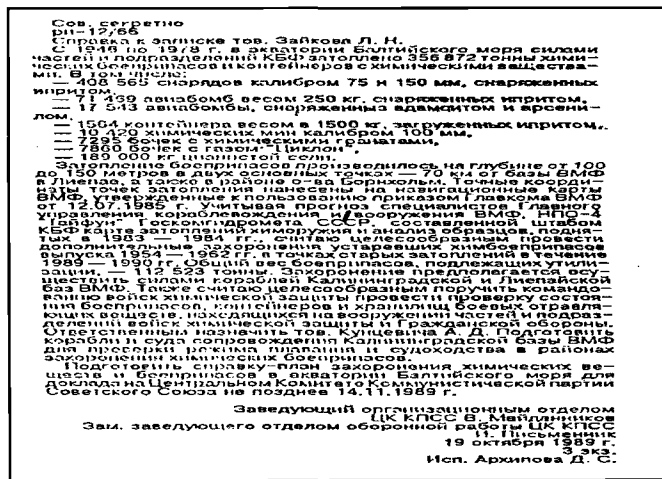
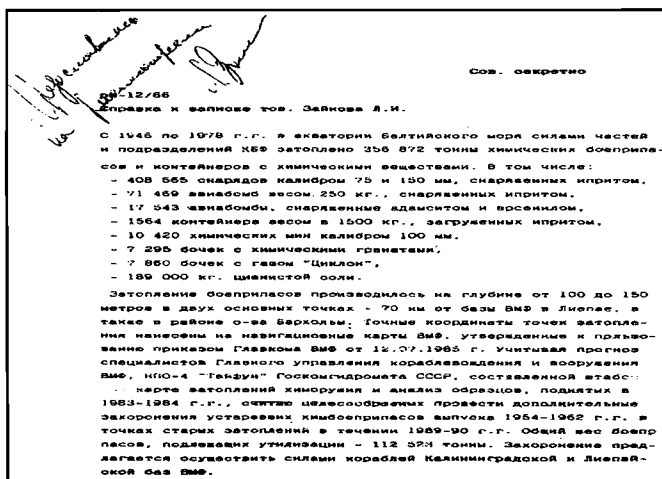

Фрагмент текста (начало) «Соборного деяния»

Двадцатое столетие дало новый импульс фальсификациям исторических источников по российской истории. «Протоколы сионских мудрецов» как бы задали общий тон большинству таких подлогов — их преимущественно политической направленности. Именно поэтому значительная часть фальсификаций оказалась посвящена исторически значимым событиям и лицам. Семья последнего российского императора и её судьба², Октябрьская революция и её лидеры, коммунистическое движение и внешняя политика СССР³, августовские события 1991 г. и «форосское заточение» М.С. Горбачёва⁴ — таков лишь небольшой перечень событий и лиц, с которыми в той или иной степени оказались связаны подлоги исторических источников в XX в. В русле общих политических устремлений различных общественных сил находились и фальсификации в XX в., связанные с древнерусской историей, — за ними скрывались и поиски общественных идеалов, и желание по-своему отреагировать на определённые зигзаги политического курса советского руководства.

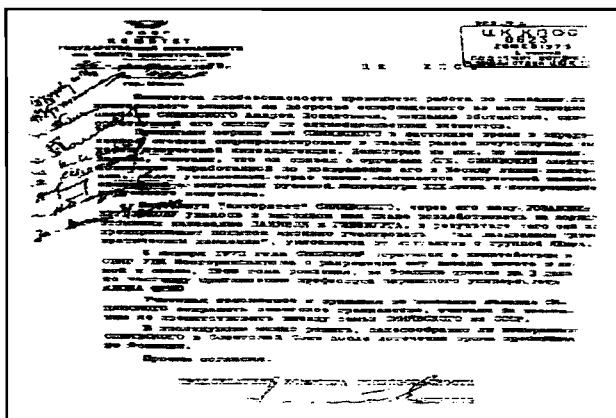
Двадцатый век с присущим ему размахом «озвучивал» подлоги исторических источников в средствах массовой информации. Их изготовление и бытование всё больше становились делом интернациональным. В разных странах

на разных языках выходили и выходят книги, посвящённые «Протоколам сионских мудрецов»; фантастическая международная популярность была обеспечена «Дневнику Вырубовой»⁵, «Письму Зиновьева», «Влесовой книге»⁶, сфальсифицированным документам об убийстве императорской семьи и др. Подчас не столько вера или убеждённости в подлинности этих и других подлогов, сколько политическая целесообразность заставляли «оборонять» их от выступлений критиков или делать всё, чтобы умолчать об этих выступлениях. Эта же политическая целесообразность стимулировала изготовление подлогов в кругах российской эмиграции — одно из новых явлений в истории фальсификации исторических источников по российской истории в XX столетии. В чём тоже, впрочем, не было ничего необычного. Два мира холодно и мрачно смотрели друг на друга, используя в своей ненависти любые средства.

«Оригинал» «Справки к записке» Л.И. Зайкова о захоронении химического оружия и ее публикация в газете «Час пик»

Но и внутренние российские процессы создавали почву для подлогов исторических источников. Примечательно, что многие из них имели определённый диапазон, заданный официальной идеологией. Трудно, просто невозможно представить, чтобы известный писатель-маринист К. Бадингин⁷ на рубеже 40–50-х гг. пошёл на подлог исторического источника, который бы, например, свидетельствовал о приоритете скандинавов, а не россиян в освоении Крайнего Севера, — его не только бы немедленно разоблачили как фальсификатора, но и предложили бы, вероятно, более соответствующие тому времени средства наказания. Точно так же удивительной, но вполне понятной заданностью отличались и фальсификации Раменского⁸: они точно реагировали на существующие в обществе идеалы, а сам он старательно и не без успеха отслеживал все изменения в таких идеалах.

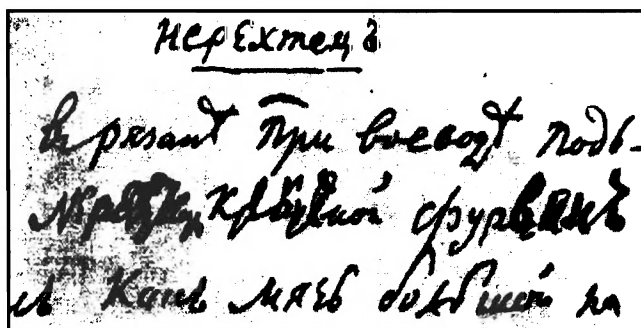
Фотокопия сфальсифицированного «письма» Ю.В. Андропова
в ЦК КПСС об А.Г. Синявском

Удивительно, но почти трехсотлетняя история подлогов источников по истории России оказалась на редкость однотипной. Изменялась техника изготовления подлогов вместе с изменением носителей информации, способов её закрепления. Расширялся видовой состав подложных исторических источников вместе с ростом многообразия подлинных документов: появлялись поддельные дневники, мемуары, протоколы и т.д. Ксерокс, факс, компьютер стали обычными орудиями в руках фальсификаторов. Средства массовой информации сегодня способны более оперативно, масштабно и назойливо обеспечить подчас скандальное бытование подлогов, эффектно манипулируя с их помощью общественным мнением. Нет никаких сомнений в том, что подлоги исторических источников стали сферой приложения усилий специальных государственных служб. Стало всё сложнее «вычислять» их авторов. И всё же в целом типология подлогов, механизмы их изготовления остались в неизменном виде, ибо осталась неизменной природа обмана.

Совокупность изученного материала позволяет нам выделить две своеобразные формулы фальсификации исторических источников. Первая формула

подлога условно может быть названа формулой целедостижения. Она говорит о том, что не существует ни одного подлога исторического источника, автор которого при его изготовлении не преследовал каких-либо целей, интересов. Формула может быть выражена следующим образом: автор (инициатор) подлога + изделие-подлог = цель (интерес) подлога. Вторая формула подлога может быть названа формулой фазирования. Она показывает, что имеются отдельные, более или менее определяемые моменты в существовании подлогов, характеризующие их развитие как неких общественно значимых явлений. Эта формула может быть представлена в следующем виде: возникновение (инициация) идеи подлога + изготовление подлога + легализация подлога = бытование подлога.

Обе формулы характеризуют процессы подлогов исторических источников и их воздействие на общественное сознание. Однако они не раскрывают ряд важных закономерностей существования подлогов как историко-культурного явления. Эти закономерности становятся очевидными, как только мы попытаемся дать типологию подлогов по различным основаниям, отражающим наиболее значимые вопросы, связанные с явлением фальсификации. Среди таких вопросов можно назвать: характер возникновения, способ представления, техника изготовления, способы камуфлирования, способы легализации подлогов, приёмы их введения в общественный оборот, характер общественной реакции на подлоги.

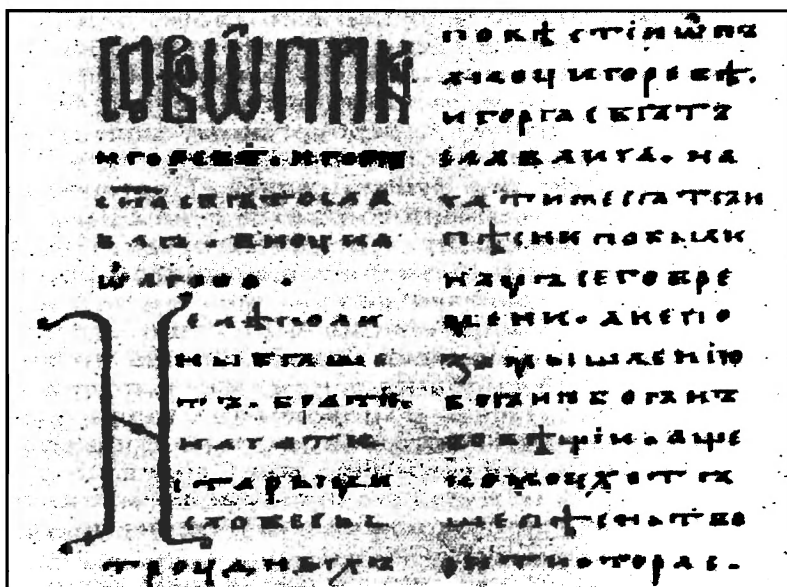

Правка неизвестного в рукописи А.И. Сулакадзева по истории воздушных полетов в России. Фотоснимок сделан в инфракрасных лучах

По характеру возникновения можно выделить подлоги наведённые и очарованные. Наведённый подлог — подлог, заказанный автору фальсификации лицом, группой лиц, организацией. Типичными примерами наведённых подлогов являются изготовленные по указанию Петра I «Соборное деяние на мни-ха Мартина Арменина», «Требник митрополита Феогноста»⁹, сфальсифицированное по заказу британских спецслужб «Письмо Зиновьева». Очарованный подлог — подлог, созданный по инициативе самого изготовителя. Примерами подобного рода подлогов можно считать изделия Сулакадзева¹⁰, Раменского, Минаева¹¹, Миролюбова¹². Каждый из этих фальсификаторов, изобретая свои изделия, преследовал вполне конкретные интересы: Сулакадзева удовлетворял

свою неуёмную фантазию, Раменский искал общественного признания, Минаев и Миролубов подлогами пытались доказать истинность своих историческо-литературных концепций.

По способам представления подлогов можно выделить фальсификации бинарные, осколочные и кассетные. Бинарный подлог представляет собой соединение в одном издании сфальсифицированного текста и носителя. Типичными примерами подобных подлогов являются «Соборное деяние на мниха Мартина Арменина», «Рукопись старицы игуменьи Марии, урождённой княжны Одоевской»¹³, представляющие собой образцы фальсификации одновременно содержания, почерка и носителя. К такого рода подлогам можно отнести изделия Бардина¹⁴, представляющие собой тексты подлинных исторических источников на сфальсифицированных пергаментных и бумажных рукописях; сфальсифицированные Головиным грамоты с подложными носителями подлинных текстов¹⁵, «Рукопись профессора Дабелова»¹⁶ и «Дипломатические донесения Гримовского»¹⁷, известные только в виде печатного текста. Кассетный подлог — совокупность серии самостоятельных подлогов, объединённых тематически или в виде одного общего документа. Примерами подобного рода подлогов являются «Дневник Вырубовой», включивший наряду с подлинными источниками массу подложных, например писем; «Акт обследования библиотеки и архива Раменских», содержащий серию фальсифицированных материалов, в том числе писем, дарственных надписей на книгах и др.¹⁸

Начало одного из списков «Слова о полку Игореве»,
изготовленного А.И. Бардиным

По технике изготовления выделяются подлоги мимикрирующие, скальпированные и скалькированные. Мимикрирующий подлог — фальсификация,

изготовленная в подражание внешних и внутренних особенностей подлинного исторического источника. К их числу относятся, например, «Требник митрополита Феогноста», «Протоколы политбюро ЦК ВКП(б)», «Дневник Вырубовой» и др. Скальпированный подлог — фальсификация, представляющая собой исключение части текста подлинного исторического источника путём его подчистки, замазывания, вырезания и т.д. Примером скальпированного подлога можно считать «письмо Андропова» в ЦК КПСС об Андрее Синявском¹⁹. Скалькированный подлог — фальсификация, основанная на перенесении текста подложного источника в текст подлинного источника, в том числе с помощью подделки почерка. В числе такого рода подделок — запись о Крякутном в тетради Сулакадзева «О воздушном летании»²⁰, многочисленные поправки Сулакадзева в текстах подлинных рукописей, вымышленные приписки Бардина на сфальсифицированных им рукописях, содержащих подлинные тексты исторических источников.

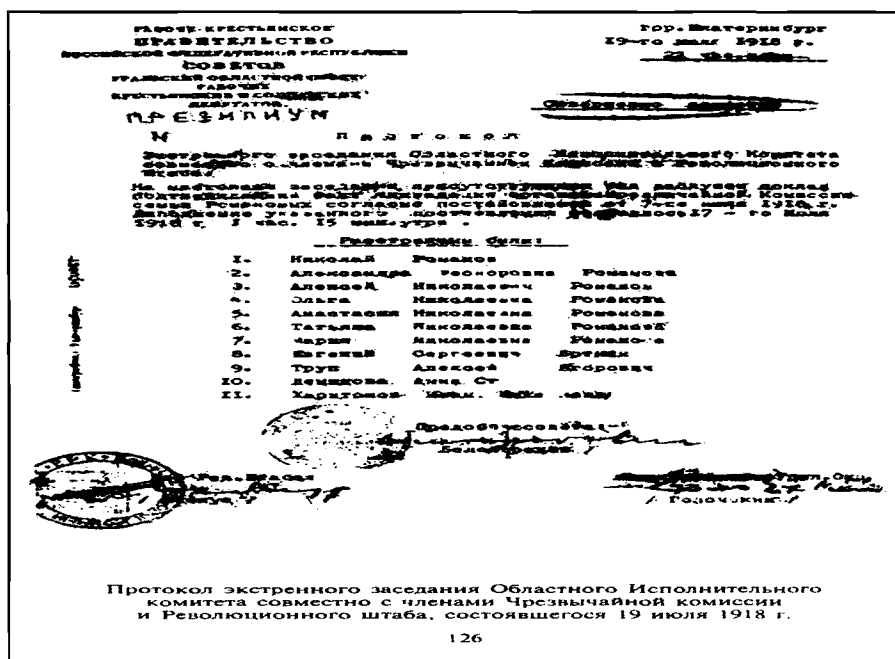

Один из списков (1723 г.)
«Поморских ответов»

По способам камуфлирования подлогов можно выделить фальсификации легендированные и нелегендированные. Для легендированного подлога характерно наличие подробных или кратких сведений о бытовании фальсификаций до легализации. Такими легендами были снабжены, например, публикации «Песни Мстиславу»²¹, «Сказания о Руси и о вешем Олеге», «Влесовой книги», «Дневника Вырубовой», вообще — большинство известных нам подлогов. Нелегендированный подлог не имеет сколько-нибудь ясных указаний на его

бытование до легализации. Типичным, хотя и достаточно редким примером нелегитимизированного подлога является публикация «речи» Екатерины II о секуляризации церковного имущества²², в которой отсутствует даже мельчайший намёк на источник её получения издателем.

По способам легализации можно выделить подлоги текстовые и натурно-демонстрационные. Для текстовых подлогов характерно воспроизведение исключительно текстов в виде их публикации или рукописных списков. Таковы оказались «Прутское письмо» Петра I²³, «Дипломатические донесения Гримовского», ряд изданий Раменского, представленных в виде машинописных копий. Натурно-демонстрационный подлог представляет фальсификацию как физический объект с набором максимально возможных внешних и внутренних элементов «подлинного» исторического источника. Типичным примером такого подлога являются «Соборное деяние на мниха Мартина Арменина», «Влесова книга».

Протокол экстренного заседания Областного Исполнительного комитета совместно с членами Чрезвычайной комиссии и Революционного штаба, состоявшегося 19 июля 1918 г.

По приёмам введения в общественный оборот выделяются подлоги авангардные, арьергардные и конвойные. Для авангардных фальсификаций характерна открытая причастность авторов подлогов к их легализации. В числе таких подлогов — некоторые изделия Бардина и Сулакадзе, «Сказание о Руси и о вешем Олеге», подлоги Раменского. В арьергардных подлогах их авторы используют при легализации промежуточные звенья — лицо или груп-

пу лиц, не имевших к изготовлению подлогов прямого отношения. Примерами арьергардных подлогов являются «Письмо Зиновьева», легализованное разом несколькими газетами, имперское «Завещание Петра I». Для конвойных подлогов характерно включение фальсификаций при их легализации в состав подлинных исторических источников, которые как бы «прикрывают» подлоги. В качестве примера конвойных подлогов укажем на фальсификации Сахарова русских народных загадок и «сказки об Анкудине»²⁴.

По способам или характеру общественной реакции на подлоги можно выделить фальсификации двух типов: разоблачённые и реанимационные. Разоблачённый тип подлогов — подлоги, фальсифицированный характер которых установлен однозначно, и они исчезли как предмет сколько-нибудь дискуссионного обсуждения. Реанимационный тип подлогов — это фальсификации, упрямо актуализирующиеся в тот или иной период своего бытования в качестве «подлинных» исторических источников.

Исторический Комитет при Екатеринбургском
Губернском и Областном Департаменте

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ШТАБ 114-50447
УРАЛЬСКОГО РАЙОНА 34 7-11 17-11-1918

Чрезвычайная Комиссия

С п и с о к

Команды особого назначения в дом Ипатьева
/ 1-го Канцеляр. отряда полка /

Командант:	Горват	Лаева
	Финер	Анзель
	Здальстем	Медвед
	Фекете	Эйла
	Над	Мире
	Гринфельд	Виктор
	Вергас	Андреас

Обл. Ком.	Валентин	Серге
	Медведев	Пав
	Никитин	

г-р. Жаторинский 18-го июля 1918г Начальник Чрезвычайн. Ком.
/ Юровский /

Список членов команды под начальством Юровского, назначенной в дом Ипатьева для расстрела царской семьи

Разоблачённый тип подлогов, в свою очередь, представлен двумя видами: подлоги афронтационные и подлоги аннигиляционные. Афронтационный подлог — фальсификация, разоблачённая сразу же после её легализации. Аннигиляционный подлог — фальсификация, доказанная много позже её легализации. Примером аннигиляционного подлога является «Рукопись профессора Дабелова», многие годы признававшаяся за подлинный исторический источник, затем вызвавшая бурную дискуссию и окончательно разоблачённая как подлог лишь недавно. Аннигиляционный вид подлогов оказался присущ всем фальсификациям Раменского: их большая часть несколько лет принималась на

веру и лишь в последние годы оказалась разоблачённой.

Для подлогов реанимационного типа также присущи несколько видов общественной реакции. Ударно-взрывной вид реанимационного подлога характеризует фальсификации, в отношении которых после легализации возникают резко полярные точки зрения относительно их подлинности и достоверности, часто исходящие больше из чувств, чем разума. Афазивный вид реанимационного подлога примечателен отсутствием уверенного суждения о его подлинности или фальсифицированном характере в момент легализации и воздержанием в дальнейшем от оценок со стороны специалистов. Примером этого вида подлогов можно считать «Сказание о Руси и вещем Олеге» Минаева, привлёкшее внимание фактически спустя более чем сто лет после легализации. Для инверсионных подлогов реанимационного типа примечательно время от времени краткосрочное бытование представлений о подлоге как о подлинном историческом источнике, несмотря на давно состоявшееся его разоблачение. Типичными примерами такого вида подлогов являются «Дипломатические донесения Гримовского», «Протоколы сионских мудрецов».

ДОЩЕЧКА Д 2 (аворс)

1. ПРЕД/РЕШЕНО/ЕС/ОД/СТАРЬ/ШАСЕ/ЛАКОЖДЕ/ИМАХОМЬ/СО/СПОЛЕТЕ/СО/НИ/А/ТВОРИШЕ/.
2. (кня бую прочесть князе) ВЕЛКОУ/ОДРОДЕТЕ/ИМАХОМЬ/РУСКЕНЬ/НАШУ/
3. О/ТОЛУНЕ/А/ТРИ/СЕНТЕ/ТРАДЕ/И/СЕЛА/ОГНИЦ/ДУБНЕХ/ДОМЕ/СЬ/ТАМО/Л/ПЕРОУНЬ/Е/НАШ
4. И/ЗЕМЕ/СЕ/БО/ПТОЦЫ/МАТ/СВА/СПЕВАШЕ/О/ДНЕ/ТОЕ/Л/ЖДЕХОМЬ/ОНА/НА/ШАСЕ/СО/И
5. Е/ЛАКОВЕ/ВРАТАТЕС/ИМАТ/КОЛОИ/СВРАЖЬЕ/ДО/НОИ/И/ШАСЕ/ТОЕ/ЗАСВЕ/ДОШУТЬ/ДО/НОИ/
6. ШЕХОМЬ/МАТ/СВЕ/ЛАКОЖДЕ/БЕНДЕХОМЬ/БРА/НТЕТЕ/ЗЕМЬ/НАШУ/ЛЕПЕ/БЕНДО/ЛАКОВЕ/Л
7. ДЫБА/ДО/ЗАПАДЬ/СОРЕ/Л/ТАМО/ПРЕД/ВРЗЕ/ЗЕМЕ/НАШУТЬ/Л/КОВЕДУ/ВР/И/МАШУТЬ/ОДЕРЖ
8. ЕТЕСЯ/НА/НЕ/БОРО/ПОМЕНИ/БОРЕШЕ/ЛАКО/ЕС/СОЛЕНЬ/А/ПЮД/ТА/ВЕРУ/ИМАШЕ/О/СЛОВ
9. СОИ/ТОИ/А/И/НЕ/СЬ/МОУ/ДУПЕНЕ/И/ЗУМЛЕН/А/ВЕРЕТЕ/НЕ/ИМОХНЬ/ДОТЕ/УЗРЕТЕ/ЕШЬЕ/
10. БЕНДЕВРЕНТЕ/ЕС/ДО/ЗЕМЬ/НАШЕХ/О/СТУПОИ/ДРЕВЛЯ/А/Г/ЛЕНДЕТЕ/ЕШЬЕ/ПОША/РЕИ
11. И/ЛАКО/БЕНДН/О/ХОДУ/ОДО/ПЕНТОРЕШЕ/Л/КОЛЬБОВА/ОДЕСНУ/ОДНШЕЦ/Л/
12. ОД/НОИ/ТА/СВЕ/ПТОЦЫ/РЕШЕШЕ/ЛАКО/ОГНЬ/СМАРЬ/ПОНЕШЕ/ДО/НОИ/Г/ГЛОУПО/РУ
13. ЕШЕ/ТА/ДО/ТЕ/ТОРЕНЬЕ/Е/А/БОЗЕ/КОП/АЛТЕ/А/ДАЖДЕ/ДАЖДЕ/СЕ/БО/ТЕ/ЗЕМЕ/ВЕ
14. РОЗВРЗЕНО/А/КОМОНА/ПОГ/ЛЕШ/ЛАКО/ЗНАШУТЬ/СОМОВЕ/ТОЕ/КОМОНЕ/ПРОШЕ/Л/ТА
15. ЗЕМ/ТО/БОЗИ/О/СТУПЕ/ОВЕ/ДАСУНЕ/ДАШАШУТЬ/ОСЕНЬДЕ/ЛЕХ/СЕ/ИМАХОМЬ/СОУШЕТЕ/А/
16. НЕ/ЗА/ШАС/АНТЕВЬ/Л/ТОИ/АНТОРЕ/ОДЕРЕЗЕШЬ/МЕЩЕМ/ИНО/АЛЕЖДЕ/ПОГРЕБЕШЬ/ДОИ
17. ВЕИ/ЛАКОЖДЕ/ДОМОВЕ/ЦУЖДЕ/НЕ/СТРОИШУТЬ/ВНИ/

ДОЩЕЧКА Д 2 (реверс)

1. СЕ/БО/ОРЕ/ОТЕШЬ/ШЕ/ПРЕНД/НОИ/А/НЕ/ВЕНД/Е/ЗА/РУШЬ/И/ШЕКО/ВЕНДЕ/ПЛЕМ
2. ОИ/СВЕ/А/ХОРЕВЬ/ХОРВОИ/СВЕ/А/Л/ЗЕМЬ/БО/ТРАДЕНЬ/НА/ТО/А/ЛАКВЕ/СЕ/МОИ/ВНУШАТЕ/Б/И
3. ОДЕДЕ/ХОРЕВЬ/Л/ШЕХ/О/ДО/НЕ/А/СЕХОМЬ/ДО/КАРПАНЫСТЕ/ГОРА/Л/ТАМО/Б/АХОМЬ/ИНИ/ТРА
4. ДЕ/ТВОРИАЕМ/ВН/ИМАХОМЬ/СОПЛЕМЕНОИ/ВНИ/БОГЕНТСЕ/ИМАХОМЬ/ВЕЛКО/
5. СЕ/ДО/ВРИ/НЕ/ЛЕШЕ/НА/НОИ/ТО/ТЕШАКОМЬ/ДО/КП/ТРАДО/А/ДО/ГОЛНЬ/А/ТАХОМЬ/ОК
6. ЕТЕС/ОГНЕ/СВЕ/ПАЛЮШЕ/ДО/СВРЗЕ/А/ЖЫР/ВОУ/ТВОРАЧЕ/БЛАГОД/АРЧЕТЕ/ЗЕМЬ/Л/ТА
7. КОВЕ/ОНОИ/СЕ/КОИЕ/У/МРЕ/ЗА/ТРИДЕНСЕ/Л/АТО/ВЛАДОШЕТЕ/НОИ/ПО/СЕМЕ/Б/ИАШ/Л
8. ЕБЕДИАН/ВНО/СЕ/РЕШЕ/С/ЛАВЕРЕ/Л/ТОЕ/ЖИВЕ/ДВАДЕНСЕ/Л/АТО/А/ПОТЕ/Б/АСТЬ/ВЕРЕН/
9. ЗЬ/ВЛКОГРАДЕ/ТЕКОЖДЕ/ДВАДЕНСЕ/Л/ТОМОУ/СЕРЕЖЕНЬ/ДЕСЕНТЕ/И/О/СТЕЛЕ/ОДЕРЖИ
10. АХУ/ОНЕ/ВИТЕНЗЕСТВОИ/О/ВРЗЕХ/Л/ТЬМОИ/ЛХОИ/НЕСТЦА/О/СО/ИНЫ/Л/СЕ/ТРИНДЕШЕ/НА/НИ
11. И/А/МОИ/Л/ТО/ГОДЕ/ПРЕДЦА/ДО/СТУПЕН/НА/ШЕХ/ЗЛОИ/ТВОРАИ/СЕ/ДОВАДЕНУ/МАТ/Л
12. РАОЦЕ/НАША/ПРАТЦЕ/О/ЖИДУ/СУПЕ/СЕ/БО/СЕХОМЬ/СЛВНЕ/ЛАКОЖДЕ/С/КНКОМЬ/БОЗЕ/Л/СЕ/М
13. ОИ/О/БОЗЕХ/ВНУЩЕ/СЬ/БРА/НАШЕ/А/ДАЖБО/Л/ТАКОЖЕ/ТРИПХОМЬ/О/ЗЛЕ/А/ПОЕДЖДЕ/СОИ
14. ИМАХОМЬ/ВЛКУ/ОТЕ/БРАНЬХОМСЕ/ВЛКЦЕ/ОДЕНАТЕНШЕ/ГОДЕ/БЪРЗИ/Е/ОДЪЕШЕНС
15. ЕТЬ/ЛАТЕ/Л/ТУ/ЛМР/НОИ/ПОДРЖАШУТЬ/Л/ТАК/ВЕ/ИМАХОМЬ/ВЕНТЕСТА/О/ВРЗЕ/СЕ/БО/ТЬ
16. ВЕ/ДЕСЕНТЕ/РЕХОИ/ИМАВ/ТОИ/ВЛШЕ/БЕНДЕ/ПРИ/АШЕ/Л/ЕВНОЕ/ХОРЕБРЕ/ОСЕ/НА/НЕ/Н
17. АЛЕЗЕ/ТЕ/ПОША/СХИ/ТВОРАИ/ВНМОИ/БРАНИ/ПН/ЛАКОЖДЕ/МЕШЕ/ХРАЖДЕНЬСТЕ/
18. ОМЕНЕ/НО/ОД/ОВНИ/ОВШЕ/П/АОТВАСТЕРУ/ТВРЕ/ВО/С/КЗЕ/САМО/

Образец реконструкции текста «Влесовой книги»,
помещённый в книге С. Лескова «Влесова книга»

Изученный нами фактический материал позволяет, хотя и с рядом оговорок, всё же выявить некоторые закономерности изготовления и бытования подлогов, а также их разоблачения. Назовём несколько наиболее очевидных таких закономерностей.

Фальсификатор всегда заинтересован в публичности своего изделия. Преследуя определённую цель, он страстно желает быть очевидцем и участником её достижения. Иначе для него теряет смысл весь процесс «творчества». Об

этом свидетельствует подавляющее большинство всех рассмотренных нами подлогов исторических источников.

Легализация подлога близка по времени к моменту его изготовления. Можно даже сказать, что она фактически в большинстве разобранных нами случаев почти одновременна с процессом изготовления подлога, а нередко, как, например, с «Влесовой книгой», параллельна, то есть реально одновременна.

К легализации подлога всегда в той или иной степени бывает причастен его автор. Он может промелькнуть как владелец. Первооткрыватель подложного исторического источника, его «случайный очевидец», успевший скопировать такой «источник», наконец, простой издатель «открытого» памятника и т.д. Но он, как правило, обозначает своё прямое или косвенное отношение к легализации подлога.

Марка, выпущенная в СССР в честь «полета»
подьячего Крякутного

Легализованный подлог в подавляющем большинстве случаев встречает скептическое отношение либо молчаливое неприятие со стороны специалистов.

Практически никогда не удаётся сколько-нибудь корректная проверка камуфляжа подлога — их авторы именно здесь проявляют изобретательность, исключаящую возможность установления действительных фактов бытования подлога до его легализации.

Легендированный подлог в своей основе, как правило, имеет версию, восходящую к чрезвычайным обстоятельствам, связанным с гибелью «оригинала» подлога во время пожаров, войн, революций, утратой в результате смерти человека, кражи и проч.

Практически в любом подлоге прослеживается зависимость его содержания от подлинных исторических источников. При всех способностях авторов фальсификаций на самые невероятные, изощрённые и фантастические построения они, с одной стороны, не могут игнорировать наличия реальных фактов прошлого, а с другой — находятся под их подчас неосознанным воздействием. Например, для большинства подлогов древнерусских исторических источников характерно обязательное использование «Слова о полку Игореве».

Р. Иванов при фабрикации мемуаров старицы Марии Одоевской использовал новгородские летописи, актовый материал, «Дневник Вырубовой» включил фактический материал подлинной переписки царской семьи и т.п.

Фальсификатор всегда стремится по возможности исключить натурно-демонстрационную легализацию подлога, используя её только в случае общественного давления. Например, представление на всеобщее обозрение «Соборного деяния на мниха Мартина Арменина» являлось не чем иным, как вынужденной реакцией на требование старообрядцев представить подлинник. Точно так же Миролюбов был вынужден пойти на публикацию «фотостатов» «дощечек Изенбека» как одного из «доказательств» подлинности «Влесовой книги».

Объём подлога не является показателем его подлинности. Мы встречаем значительные по объёму фальсификации, например «Соборное деяние на мниха Мартина Арменина», «Рукопись старицы игуменьи Марии, урождённой княжны Одоевской», «Дневник Вырубовой», «Влесова книга», «Акт обследования библиотеки и архива Раменских» и др., и законченные фальсификации незначительного объёма: «Рукопись профессора Дабелова», «Песнь Бояну» Сулакадзева, «Письмо Зиновьева» и проч.

Точно так же и «жанр» подлога, то есть вид документа, под которым он представляется, не является показателем его подлинности. Среди фальсификаций имеются подлоги под летописи, грамоты, литературные сочинения, протоколы, письма, дневники, мемуары и проч.

Существует прямая взаимосвязь между автором (инициатором) подлога и целью, которую преследует подлог и которая в большинстве случаев может быть определена. И наведённые, и очарованные фальсификации всегда узко заданы симпатиями, убеждениями, увлечениями их авторов.

Практически все рассмотренные нами подлоги на той или иной стадии своего бытования после легализации вызывали подозрения, как только они попадали в сферу внимания серьёзных исследователей, и в конечном итоге оказывались разоблачёнными.

Обозначенные закономерности создания, бытования и разоблачения фальсификаций исторических источников дают нам возможность использовать их при выявлении до сих пор не установленных подлогов.

Но прежде чем изложить некоторые правила такого выявления, выскажем ещё несколько общих суждений. Фальсификатор при изготовлении своего изделия всегда исходит из принципа его максимального правдоподобия. Однако ему по-разному удаются элементы такого правдоподобия, представленные неким множеством. Традиционализм или оригинальность их ни в коем случае не являются показателями подлинности или фальсифицированного характера исторического источника. Вместе с тем суммарный анализ всех элементов способен обнаружить подлог по совокупности противоречащих подлинности признаков. Иначе говоря, наличие хотя бы одного противоречащего подлинности признака свидетельствует больше в пользу подложности источника,

нежели его подлинности. Можно сказать, что подлог всегда «фонит» нестыковкой, противоречиями своего содержания с действительными фактами прошлого, известными из подлинных источников, спорными внешними признаками, туманностью камуфляжа, противоречивой общественной реакцией после легализации. Наличие такого «фона» является одним из признаков подлога. Собственно говоря, в ряде случаев именно этот «фон» является основным доказательством подлога, поскольку нам неизвестно ни в одном случае самопризнания автора фальсификации в совершённом подлоге и редкие примеры обнаружения авторизованных подготовительных материалов фальсификаций.

Формула фазирования позволяет определить этот «фон» на её четвёртой стадии — стадии бытования. Она обеспечивает уже по общественной реакции выявление афронтационных и инверсионных подлогов и, исключив их из числа подлинных исторических источников, обращает внимание на подлоги аннигиляционные, афазивные и ударно-взрывные, а также на источники, вызывающие какие-либо иные подозрения, связанные с их подлинностью. В отношении последних на этой стадии фазирования следует помнить два правила. Правило первое. Легализованный источник имеет большую вероятность быть подложным, чем источник нелегализованный. Правило второе. Наличие спорных суждений о подлинности источника в большей степени свидетельствует о его фальсификации, чем подлинности.

Третья стадия фазирования исторического источника связана с изучением приёмов, способов его легализации. На этой стадии следует использовать также несколько правил. Правило первое. Нелегитимизированный источник вызывает больше подозрений как подлог, чем легитимизированный. Правило второе. Отсутствие возможности натурно-демонстративного знакомства с источником в большей степени свидетельствует о его подложности, чем подлинности. Правило третье. Легитимизация источника, исключающая возможность проверки хотя бы какой-то части фактов его бытования до легализации, свидетельствует о его фальсификации больше, чем о подлинности.

Вторая стадия фазирования исторического источника, связанная с изучением приёмов и способов его создания, предполагает знание по меньшей мере одного правила. Наличие хотя бы одного бесспорного признака, позволяющего подозревать подлинность источника на основе результатов анализа приёмов и техники его изготовления и содержания, в большей мере свидетельствует о его фальсификации, чем о его подлинности.

На первой стадии фазирования формула фазирования пересекается с формулой целедостижения, так как и в том, и в другом случае предполагается анализ источника с точки зрения его идейной направленности, авторства. Здесь также действуют несколько правил. Правило первое. Всегда имеющаяся взаимосвязь между автором (инициатором) источника и идейной направленностью последнего даёт возможность, определив один из этих элементов (автора или «интерес»), установить другой. Установленная взаимосвязь между автором (инициатором) и идейной направленностью источника даёт возможность по-

ставить вопрос о конкретном интересе, стоящем за данной фальсификацией, в гораздо большей степени, нежели о естественном возникновении источника как регулятора общественно значимых процессов, возникшего синхронно с ними. Правило второе. Слагаемые формулы целедостижения обеспечивают установление любого неизвестного элемента, составляющего эту формулу, при условии гипотетической или точной известности двух других. Иначе говоря, наличие взаимосвязи между любыми из двух элементов этой формулы в большей степени говорит о подложности источника, нежели о его подлинности.

В истории подлогов исторических источников каждый из элементов формул целедостижения и фазирования представляет самостоятельный интерес, поскольку они по-своему характеризуют не только ту или иную фальсификацию, но и подлог как общественно значимое явление. В них — и косвенное отражение состояния исторических знаний на момент изготовления подлогов и в процессе их бытования, и свидетельства о подчас оригинальных личностях, которым нередко не была чужда искра таланта. И всё же цели подлогов, их бытование — наиболее интересные аспекты изучения фальсификаций. С этой точки зрения всё остальное является вторичным, вспомогательным. Так, например, определение автора подлога способно углубить представления о его «интересе». Установление приёмов и техники изготовления фальсификации является всего лишь условием доказательства подлога и показателем уровня исторического знания фальсификатора. Датировка подлога позволяет расширить и уточнить его цели и т.д. После же легализации подлога даже его первоначальная цель становится вторичной в сравнении с последующим, часто уже независимым от интересов изготовителя бытованием. Оно отражает некие явления и процессы новых этапов общественного развития, во время которых фальсификации то безжалостно разоблачаются, то начинают активно востребоваться. Бытование подлогов, их подчас неожиданная реанимация много времени спустя после разоблачения отражают две особенности человеческого мышления: склонность к мифологии и политизированность. Как результат искусственного конструирования исторических источников подлоги, являясь своеобразными историческими сочинениями, в некотором роде превосходят собственно исторические труды-догадки, и гипотезы последних в фальсификациях представлены подчас яркими, но вымышленными «доказательствами». В силу этого они выглядят необычайно привлекательно — в этом их магическая сила, воздействующая прежде всего на обывателя.

Подлоги исторических источников — одна из форм существования исторических источников вообще и историографических в частности. В них в наиболее концентрированном виде отражаются определённые исторические представления, в которых мифы переплетаются с домыслами, гипотезы — с фантазиями и откровенным жульничеством. Подлоги, взаимодействуя с общественной жизнью времени их создания и последующего бытования, своеобразно отражают эту жизнь, являясь одним из оригинальных источников её изучения.

Подделки исторических источников — редкий объект архивного хранения и потому, что они создаются как преимущественно публичные изделия, и потому, что их авторы не склонны оставлять следы своей деятельности в виде подготовительных материалов и окончательных изделий. Однако они, несомненно, должны сохраняться и изучаться не только как исторический источник, но и как архивный документ. Сколь бы ни показался архивисту фантастическим по содержанию, внешним признакам попавший в его руки документ, сколь ни было бы примитивным и не отвечающим истинному знанию его содержание, он должен его сохранить. Архивист может не определить, подлинный или поддельный перед ним документ, но он должен почувствовать его своеобычность в системе других документов, даже вне этой системы, и, не презирая, подавив в себе высокомерное чувство превосходства собственным знанием, бережно довести этот документ до сведения источниковеда, историографа, историка.

Не меньшую ответственность несёт архивист и при описании документов. В этом процессе он уже просто обязан определить фальсификацию или выразить своё отношение к документам, подозрительным даже по какому-то одному признаку, установить «фонирование» подлогов.

Фальсификация исторических источников — явление на порядок иное, нежели явление фальсификации документа. В последнем случае имеет место попытка, часто весьма успешная, оказать воздействие таким документом на реальные жизненные процессы, внести в эти процессы определённую упорядоченность, продиктованную прагматическими интересами. В организованном обществе такие попытки в случае их разоблачения неизбежно имеют юридические последствия, если не для самого фальсификатора, то для его изделия. Фальсификация исторического источника отличается и от явления недостоверности источника, могущего быть как бессознательным, так и сознательным искажением действительности. В этом своеобразии мы легко можем заметить ту грань, которая отделяет документ от исторического источника. Они существуют как бы в разных системах координат. Первый — прежде всего как регулятор современности, отражающий её, второй — только как её отражение.

В исследовании фальсификаций исторических источников источниковедение и архивоведение имеют зону совпадения и пересечения. Если для источниковедения установление подлога является одним из способов предохранения от некорректности исторических выводов и одним из способов познания новых явлений, которые отразили сами факты фальсификаций, то для архивоведения подлог — один из феноменов человеческого духа, интеллектуальных, политических и иных его проявлений в столь своеобразной форме. В этом разница подходов, но в этом — и точки соприкосновения и пересечения, поскольку ни одну из таких задач решить невозможно без общих операций, связанных с разоблачением подлогов и их идентификаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Козлов В.П. Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1994.
- ² Майер И.П. Как погибла царская семья. Свидетельство очевидца. М., 1990.
- ³ Антисоветские подлоги: История фальшивок, факсимиле и комментарии. М., 1926; Вишлев О.В. О подлинности «Постановлений Политбюро ВКП(б)», хранящихся в зарубежных архивах // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 51–55.
- ⁴ Черняев А. Форос, август-91 // Известия. 1991. № 223.
- ⁵ Сергеев А.А. Об одной литературной подделке // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 161–172.
- ⁶ Творогов О.В. Когда была написана «Влесова книга»? // Философско-эстетические проблемы древнерусской культуры: Сб. статей. М., 1988. Ч. 2. С. 144–195.
- ⁷ Мавродин В.В. Против фальсификации истории географических исследований // Известия Всесоюзного географического общества. М.-Л., 1958. Т. LXC. С. 9–91.
- ⁸ Краснобородько Т.И. История одной мистификации (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго») // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994. С. 269–281.
- ⁹ Дружинин В.Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия // Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 год. Пг., 1923. Вып. 31.
- ¹⁰ Ревзин Л.Я. Бессмертный Сулакадзев // Русская литература. 1973. № 3.
- ¹¹ Козлов В.П. Тайны фальсификации. С. 208–220.
- ¹² Жуковская Л.П. Поддельная докириллическая рукопись (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 141–144.
- ¹³ Погодин М.П. Рукопись старицы игуменьи Марии, урожденной княжны Одоевской // Москвитянин. 1850. № 3. Ч. 1.
- ¹⁴ Сперанский М.Н. Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V.
- ¹⁵ Чаев Н.С. К вопросу о подделках исторических документов в XIX веке // Известия АН СССР. Сер. VII. Л., 1933. № 6–7.
- ¹⁶ Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. СПб., 1984.
- ¹⁷ Полосин И. Неизвестный памфлет на Аракчеева 1825 г. (Записки о делах московских 1598 г.) // Труды Ярославского педагогического института. Ярославль, 1926. Т. 1. Вып. 2. С. 61–74.
- ¹⁸ Обратить в пользу для потомков... Публикация, предисловие и примечания Михаила Маковеева // Новый мир. 1985. № 8. С. 195–213. № 9. С. 218–236.
- ¹⁹ Геворкян Н. Этот знакомый запах липы // Московские новости. 1933. № 1.
- ²⁰ Покровская В.Ф. Ещё об одной рукописи А.И. Сулакадзева (К вопросу о поправках в рукописных текстах) // ТОДРЛ. М.-Л., 1958. Т. XIV. С. 634–636.
- ²¹ Русский вестник. 1808. Ч. 4. № 11. С. 148–149.
- ²² Речь государыни императрицы Екатерины II, говоренная ею к Синоду по случаю отчуждения церковных имуществ в России // Чтения ОИДР. 1862. Кн. 2. С. 187–188.
- ²³ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 356–358.
- ²⁴ Пыпин А.Н. Подделка рукописей и народных песен // Памятники древней письменности. СПб., 1898. Т. CXXVII.

Заметки о фальсификатах в археологии

Высший предел утончённого блаженства есть
состояние человека ловко околпаченного;
благостно-спокойное состояние
дурака среди плутов.
Джонатан Свифт. Сказка бочки. 1704 г.

Археологию принято считать одним из наиболее надёжных, менее иных подверженных искажениям инструментов источниковедения. В общем, это так и есть. Но не всегда осознается, что, перерабатывая древние объекты, археолог вынужден создавать новый источник — а это при любом, как угодно строгом подходе род конструкта, да ещё и конструкта мало верифицируемого в силу уничтожения значительной части объекта. Поэтому археология (причём не только и не столько доставляемые ею артефакты, но прежде всего её полевая часть, отчётная документация и интерпретации источника) — особенно опасная сфера с точки зрения возникновения фальсификатов. В этом отношении археолога можно сравнить только с реставратором музейных ценностей: оба часто подвергаются искушению (не всегда, но часто вполне осознанному) расширить долю своего участия в работе с памятником, а то и, полностью уступив этому искушению, ввести в оборот своё собственное творение как объект, издревле и независимо от них существовавший.

Пути фальсификации чрезвычайно многообразны. Их история очень увлекательна, ей посвящают специальные исследования и энциклопедии. Как выясняется, в области материальных носителей смысла подделывать можно всё — от текстов до зданий; фальсифицируют и объекты биологии (останки человека и животных), иногда — геологические и палеонтологические. В области построения ангажированных версий истории археологические фальсификаты стали играть особенно важную роль в XX столетии, когда археология окончательно обрела статус академической науки и одновременно привлекла к себе интерес и симпатии общества.

Материальные объекты подделывают из корыстолюбия, стремления к известности, а нередко и из каких-либо добрых побуждений (религиозных, культурно-патриотических и других). Работают на этом поприще чаще индивидуально, но иногда и коллективно, причём в последнем случае некоторые из участников могут оказаться инструментами поддельщиков или ситуации в целом, не представляя, как именно используются их знания и экспертизы. Комбинации тут бесконечны. Но и подделки сами по себе — лишь один из инструментов в политике конструирования образа прошлого. Значение име-

ет не только сам фальсификат (его техника, образцы для него и т.п.), и даже не только стоящий за ним конкретный (часто тоже коллективный) заказчик, но готовность общества принять такой фальсификат на веру и/или взять на вооружение даже при полном или частичном сознании его «неподлинности». В том, что сознание предпочитает «низким истинам» «возвышающий обман», нет злокозненности. Такая потребность сродни религиозной, сродни «народной религии» и «мифу». Можно сколько угодно писать, что Казанский собор на Красной площади не строился князем Пожарским (это доказали ещё в XIX в.). Москвич будет верить в их историческую связанность и по-своему, «по ведомству» народно-мифологического сознания, окажется прав¹.

Явление «благочестивых подделок» хорошо известно Средневековью и глубоко укоренено в сфере религиозной археологии даже в то время, когда наука уже достаточно развита. Напомню об «идентификации» мощей апостола Петра и памятника (т.н. *трофей Гая*) над его могилой в Риме, результат которой пришлось утверждать особой энцикликой (1968 г.). Изученный под алтарем базилики Св. Петра небольшой памятник II–III вв. н.э. никогда не привлёк бы особого внимания, если бы остатки этой «эдикулы» не располагались под алтарём базилики эпохи Константина. Большая группа серьёзных археологов, проводившая эти раскопки (1940–1949 гг.) и работавшая над интерпретацией их результатов, пришла к выводу о недостаточности данных для атрибуции этого объекта как *трофея Гая*: особое недоверие вызвало отсутствие поминальных граффити, обычных вокруг почитаемых могил, и отсутствие самого погребения.

Оба эти главные (но не единственные) препятствия были обойдены с помощью процедуры, которую трудно назвать иначе, чем конструирование. Автор реинтерпретации Маргарита Гвардуччи «опознала» имя Пётр в одном из слабо читаемых граффити, а во втором случае даже «расшифровала» его как «выдающийся образец загадочной криптографии». То и другое выглядело убедительно, и Гвардуччи пошла дальше, введя в оборот «сохранившиеся мощи Петра, которые, благодаря стечению странных, но объяснимых обстоятельств, успешно ускользнули от внимания археологов». Рассказанная при этом история вторичного обретения мощей, якобы изъятых тайно из могилы при раскопках благочестивым гвардейцем-швейцарцем и позже возвращённых им же, вызвала ещё меньше доверия. Ватикану ничего не оставалось, как разрешить проблему с помощью упомянутой энциклики, ведь и работа Гвардуччи была возможна только при его мощной поддержке². Обрётённые останки самым тщательным образом изучали антропологи, но, поскольку их происхождение сомнительно, такая экспертиза только затенила суть вопроса. Из одного курса христианской археологии в другой кочует картограмма со стыдливой формулировкой: «останки *могут* принадлежать апостолу Петру»³. Понятно, что вокруг таких объектов возникают споры, достигающие большого накала, как, например, вокруг Туринской плащаницы.

Религиозное часто переплетено с национальным и политическим. Это осо-

бенно верно для «библейской» и раннехристианской археологии Палестины, в которых идёт постоянная борьба между максималистами и минималистами в научных изданиях и массмедиа. В этом научном споре есть и политический интерес, поскольку право на владение прошлым — часть права на контроль над территорией. От таких академических тем, как степень историчности Библии в вопросе о развитии Иудеи в эпоху Царств или археологическое подтверждение рассказа Иосифа Флавия о героической защите Масады, зависит прочность идеологических основ современного государства Израиль. Кроме того, Палестина — один из тех районов, где индустрия подделок, в том числе и прежде всего подделок реликвий, развита чрезвычайно, и развитие это восходит по крайней мере к позднему Средневековью. Антикварный рынок здесь изобилует подделками, и в последние десятилетия на некоторых из них, прежде всего эпиграфических, стало возможным заработать миллионы долларов.

Начиная с 2002 г. страсти вокруг подделок вспыхнули с особой силой. Первым поводом стал выход на рынок обычного оссуария I в. н.э. Многие из оссуариев (каменных ящичков для останков, собираемых при повторном захоронении) несут граффити: пометки мастеров и семьи, использовавшей предмет; обычно пишут имя и, редко, занятие покойного. Эти надписи привлекали внимание с конца XIX в., так как их ономастика отражает репертуар имен Нового завета; в 1990-х гг. в их число вошли имена Кайафы и его родственников с оссуариев из гробницы в окрестностях Иерусалима. Эти сенсационные находки *in situ* как бы готовили общество к чему-то ещё более необычному. И оно появилось: опубликованный в 2002 г. оссуарий нёс надпись «Иаков, сын Иосифа, брат Иисуса», что представляло тройное совпадение — под этими именами легко было увидеть Иосифа Обручника, Иисуса Христа и Иакова, брата Господня.

За появление в печати этого оссуария ответственны трое: известный тель-авивский антикварий Оded Golan; французский эпиграфист-библеист Анри Лемейр; издатель популярного вашингтонского журнала *Biblical Archaeology Review* (BAR) Хершель Шэнкс. Голан — владелец оссуария, который, по его уверениям, попал в его неисчерпаемую коллекцию до 1978 г., но не был сразу оценён по достоинству⁴. Лемейр увидел надпись, прочел её и убедил владельца в соотносимости имён с персонажами Евангелия. Шэнкс предоставил страницы своего журнала для публикации надписи и с 2002 г. ведёт активную борьбу за доказательство её подлинности и связанности с семьёй Иисуса. Значительная группа эпиграфистов и библеистов отказалась признать подлинность надписи (сам оссуарий, вероятно, древний)⁵. Особенно повредило введению текста в научный оборот его происхождение из коллекции Голана, отсутствие паспорта и надёжной экспертизы, а также появление в журнале, с готовностью публикующем и даже рекламирующем коллекцию, составленные из материалов грабительских работ; известном склонностью к созданию сенсаций и религиозным фундаментализмом.

Скандал вокруг «оссуария Иакова, брата Иисуса» привлёк внимание и к дру-

гим образцам эпиграфики, поступающим в музеи Израиля. Мишенью стали прежде всего беспаспортные поступления. В 2004 г. «Музейон Исраэль» объявил, что надпись на всемирно известном гранате-авории из его коллекции — поддельная⁶. Интригу усиливало то, что гранат куплен музеем сравнительно недавно, в 1988 г., за значительную сумму (550 000 долларов) у «неизвестного коллекционера» из Швейцарии. Основанием для покупки была атрибуция того же Лемейра и шумная кампании в прессе (прежде всего в BAR), превознёвшей значение находки до её экспертизы.

Этим дело не ограничилось: в декабре 2004 г. орган охраны древностей (Israel Antiquity Authority, IAA) и полиция Израиля предъявили обвинения пятерым фальсификаторам, работавшим на разных уровнях, от подготовки и продажи артефактов до их атрибуции и публикации в научных журналах. Одним из пятерых был Оded Голан⁷, остальные четверо: Роберт Дейч, антикварный дилер и автор учебников по археологии и эпиграфике, сотрудник университета в Хайфе; арт-дилеры Рафаил Браун и Шломо Коен (Иерусалим) и их палестинский коллега Файяз аль-Амалех. В деле фигурировало 18 эпизодов изготовления и продажи предполагаемых подделок, включавших в сумме несколько десятков объектов эпиграфики (в их числе и «оссуарий Иакова»), многие из которых вошли в собрание крупнейшего израильского коллекционера Шломо Моусайефа (Moussaieff). Среди них оказались вещи, совсем недавно вызывавшие восторг многих библеистов: «табличка Иоаса Израильского» с перечислением ремонтных работ в Первом Храме (поступила от Голана) и два остракона с дипинти (сделаны на черепках эпохи Первого Храма и соотносимы с текстом Завета), купленных Моусайефом в 1997 г. за 200 000 долларов после их представления Голаном, а также ещё ряд менее известных остраконов. Многие вещи претендовали на значительную древность (например, прикладная печать и 28 булл с её отпечатком, нёсшие имя библейского Манассии, были показаны Моусайефу и куплены им за 1 165 000 долларов (!), из которых миллион был возвращён продавцами после того, как им не удалось доказать подлинность каменной печати). Другие, как и оссуарий, относили к эпохе Второго Храма (каменный светильник с менорой). Процесс затянулся и на момент написания этой статьи ещё не был завершён, однако ряд рассматриваемых вещей, где подделки менее удачны, был отвергнут специалистами ещё до начала судебного разбирательства.

IAA стремится не разоблачать конкретные подделки, но перекрыть весь поток вещей, добываемых при незаконных работах. Ведь можно сказать, что грабители — обязательное условие умножения фальсификаций. Незаконный оборот древностей стимулируют фальсификаты и выносят их на рынок, при полном же контроле раскопок вводить в оборот подделки станет несравненно сложнее. Принят закон, по которому продажа каждого древнего предмета должна быть одобрена IAA (если не доказано, что он получен владельцем до 1978 г.). Судебное преследование грозит не только браконьерам, дилерам чёрного рынка и скупщикам-коллекционерам, но и учёным, покупающим или

атрибутирующим нелегально добытые древности; их даже подвергают аресту за неофициально купленные древности (как, например, в 2006 г. профессора Ханана Эшеля, руководившего кафедрой археологии университета Бар-Илан, специалиста по рукописям Мёртвого моря)⁸.

Понятно, что научное сообщество сомневается теперь в подлинности чуть не всех древних надписей, не имеющих легального происхождения. Крепнет и скептицизм по поводу возможности объективного доказательства подлинности депаспортизованных объектов эпиграфики вообще. Эрик Мейерс, ведущий специалист по археологии Палестины в США и главный редактор «Оксфордской энциклопедии археологии Ближнего Востока», недавно заявил, что из надписей в собрании «Музейон Исраэль» поддельных — 30–40% (!). Звучат призывы вообще отказаться от включения в научный оборот надписей, которые обнаружены при «неконтролируемых раскопках». Конечно, есть специалисты с мировым именем, считающие, что отказывать музеям и учёным в праве сотрудничать с коллекционерами бессмысленно, так как это лишит науку важного источника информации. При этом постоянно вспоминают о рукописях Мёртвого моря, которые на первых порах, действительно, пытались изобличить как подделку. Думаю, однако, что исторический контекст открытия свитков в «пещерах Кумрана» был принципиально иным и, главное, допускал (и выдержал) проверку путём натурного исследования места находки. Если же говорить о типовом случае массовой подделки, то правильнее напомнить о 200 (!) «стелах с граффити» с поля Хирбет Килкиш под Хевроном, даже функцию которым было трудно придумать (их решили трактовать как каменные надгробия). Эти крайне подозрительные артефакты были якобы найдены в верхнем слое давным-давно распаханного поля, получены опытным торговцем древностями и предложены Францисканскому музею (Иерусалим). Купив их в 1960 г., музей выставил «стелы», чьи узоры и знаки легли в основу изобретённой Теста и Багатти ранней иудео-христианской символики, но через несколько лет был вынужден их убрать как более чем вероятные подделки⁹.

Речь не случайно всё время идёт об эпиграфике. Рынок Израиля давно перенасыщен и подлинными, и поддельными вещами, поэтому их цена сравнительно невысока. Но она резко поднимается, если обнаруживают предмет с надписью. Тем паче если это не простая пометка, а более или менее связный текст, который имеет коннотации в Писании (упоминания Яхве, Храма, царей Израиля и Иудеи, библейских персонажей или обычаев) или иных источниках и который можно рассмотреть в русле той или иной религиозной традиции и/или политической истории. Подделки этого рода обычно композитные, то есть включают подлинный, древний носитель, на котором делают надпись, воспроизводя патину; изготовители обладают отличным знанием орфографии, синтаксиса, начерков и т.п. Поскольку подлинные надписи, разумеется, тоже существуют, наводнение рынка фальсификатами создаёт для науки невероятно много проблем.

Тема подлинности стала для многих эпиграфистов, археологов и библеи-

стов своего рода «пунктиком»: в BAR сложился специальный раздел, который так и называется: «Находки или подделки?» (Finds or Fakes?) и часто занимает большую часть номера. Став дорогой, по которой в науку пошли целые серии сомнительных надписей, BAR вынужден защищать честь мундира. В 2003 г. Хершель Шэнкс объявил в порядке научного эксперимента особый курс на «лучшую подделку» и организовал специальную конференцию для анализа его результатов и дискуссии по проблемам атрибуции объектов эпиграфики I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. (январь 2007 г., Иерусалим), важным для археологии христианства и иудаизма¹⁰. Респектабельный орган чикагской школы ориенталистики NEA (Near Eastern Archaeology) воздерживается от погружения в дебри фальсификатов и ложных сенсаций, но и он вынужден посвятить два своих «Форума» (2005, 2006 гг.) фундаментальному разбору накопившихся проблем ведущими специалистами¹¹. При всей увлекательности дискуссий о таких предметах следует понимать, что они неизбежно фокусируют на себе внимание учёных, которое заслуживает лучшего использования, и мешают комплексному изучению археолого-исторического контекста.

Заговорив о научных журналах, нужно сказать несколько слов и о той роли, которую играют в формировании подделок средства массовой информации; они — важная составляющая процесса фальсификации. Ведь для них безразличен исход дискуссии, но зато важен производимый ею шум. Массмедиа — мощный катализатор и мотор раскручивания как отдельных подделок, так и ложных сенсаций, которые, даже если опираются на подлинный, древний материал, при интерпретации неизбежно опускаются на уровень фальсификации. Образцовый пример этого процесса — проект «Родовая гробница Иисуса Христа», запущенный уже хорошо известным в России каналом «Дискавери» на презентации в Публичной библиотеке Нью-Йорка (26.02.2007) в присутствии многих вполне уважаемых учёных¹². Парадоксальным образом этот проект восходит к двум несочетаемым элементам: находке действительно существовавшей скальной гробницы с оссуариями в иерусалимском районе Тальпиот в 1980 г., с одной стороны, и к совершенно фантастичному хиту Дэна Брауна «Код да Винчи» — с другой. Обнаруженные в гробнице девять оссуариев были помечены именами, встречающимися в Евангелиях (Маттиаху, Йосе, Мариа, Мариам и Мара с вариантами озвучаний и прочтений), причём два — в привычно звучащих сочетаниях («Иешуа бар Йозеф», «Йехуда бар Йешуа»). Однако ни надписи, ни иной материал (не исключая данные антропологии и иных естественных наук, в очередной раз привлечённых без должной критичности) не давали оснований сопоставлять эту группу памятников с кладбищем семьи Иисуса. Такие группы имён многократно встречались и раньше, начиная с конца XIX в., — всё, что они доказывают, — это историчность евангельской ономастики¹³.

Конечно, в этом объёме фальсификатов всё меньше «благочестивых подделок», но идеологическая окраска, апелляция к религиозному и национальному фундаментализму ощутима во всех вышеназванных случаях (в BAR во-

обще принято указывать конфессиональную принадлежность исследователя, его, как писали в XIX в., «вероисповедание» — так, на всякий случай, чтобы не подумали, что автор излишне ангажирован).

Переходя к русскому материалу, отмечу, что и у нас «благонамеренные подделки» не ограничены объектами глубокой древности. Они создавались и в сравнительно недавнем прошлом, и в наше время, причём часто имели непривычную форму, граничащую не столько с настоящей подделкой, сколько с литературной мистификацией (вспомним переводы из «Театра Клары Гасуль», «Сочинения Козьмы Пруткова», поэзию Черубины де Габриак). Часть их оказала выдающееся стимулирующее воздействие на формирование национальных славянских культур в Новое время, в эпоху романтизма¹⁴.

Однако многие из «благонамеренных подделок», создававшихся в СССР, сколько можно судить, в ходе борьбы за сохранение памятников церковной старины в период воинствующего атеизма, в 1930–1950-х гг., несли черты не столько мистификации, сколько все-таки подделки. Часть их до сих пор имеет самое широкое хождение. Напомню о двух, связанных со всеми уважаемыми именами таких деятелей культуры, как Мария Юрьевна (1902–1977) и Пётр Дмитриевич (1982–1984) Барановские.

Начнём с восторженного текста, посвящённого архитектурным достоинствам церкви Вознесения в Коломенском (1532) и приписанного композитору Гектору Берлиозу (1803–1869), который, как известно, действительно был в Москве в 1867 г. В научном (особенно музейном) обороте текст появился в 1930-х гг. и был представлен как обнаруженный Марией Барановской в одном из неопубликованных писем Берлиоза к В.Ф. Одоевскому (1803–1869). Не пройдя никакой экспертизы, этот текст получил известность и в 1950-х гг. вошёл не только в путеводители, но и, при поддержке Н.Н. Воронина, в такие основательные издания, как «История русского искусства». Однако в музыковедческой литературе он не пользовался доверием и в двухтомник избранных писем Берлиоза не включен¹⁵. Неизвестные письма Берлиоза М.Ю. Барановская опубликовала в специальном издании позже, однако снова не в подлиннике, а в переводе.

Текст о церкви Вознесения¹⁶ до сих пор имеет самое широкое хождение, хотя ещё в 1988 г. известный историк взаимоотношений русского общества и археологии А.А. Формозов привёл веские доказательства возможной мистификации, среди которых типичная для таких ситуаций «пропажа» оригиналов писем; отсутствие французского текста даже в копиях; расхождения в текстах переводов разных лет и многое другое¹⁷. Он справедливо поставил под сомнение само существование «документов», указав на значительную вероятность их введения в оборот с целью повысить значение шедевров русской архитектуры в глазах властей. Письма давали благожелательные отзывы о многих хра-

мах — соборе Покрова на Рву, Донского монастыря, церковей Николы в Хамовниках и Николы Большой Крест.

Еще интереснее и ближе к археологии второй пример «культурной мистификации». Это «текст с надгробия Андрея Рублёва». Начало истории восходит к 1947 г., когда Пётр Дмитриевич Барановский сделал два доклада о нём. На первом (11.02.1947), в Институте истории искусства АН СССР, он зачитал текст надписи на надгробии по копии, якобы взятой из архива Н.П. Чулкова, известного московеда и собирателя. Значительно сокращённые публикации этого доклада вышли только через много лет, причём, согласно одной из них, копия была сделана ещё в XVIII в. Г.-Ф. Миллером и уже в 1939 г. получена женой архитектора (все тою же М.Ю. Барановской) непосредственно от Н.П. Чулкова вместе с частью его архива¹⁸.

Подозрительным было уже то, что сам П.Д. Барановский предлагал две версии обстоятельств возникновения текста, который ввёл в оборот. Вторая из них возводит появление копии текста надгробия не к XVIII в., а все к тому же 1947 г. Согласно рассказу архитектора, записанному со слов П.Д. Барановского его биографом В. Десятниковым¹⁹ и повторённому Ю.А. Бычковым, эту надпись скопировал *сам* Барановский с сильно повреждённой известняковой плиты, вывернутой рабочими во время копки траншеи у Спасского собора Андроникова монастыря в 1947 г. П.Д. Барановский якобы сделал с неё эстампаж, особенно ценный потому, что к утру следующего дня обнаружилось, что плиту уже пустили на щебень²⁰.

В описанном порядке открытия плиты есть несоответствия: время находки отнесено к октябрю 1947 г., хотя о ней Барановский в скрытой форме говорил уже в февральском докладе, поскольку отталкивался в нём от даты, якобы указанной на плите (1430 г.) и расходившейся с традиционными: «Сегодня мы впервые отмечаем годовщину — 517 лет со дня смерти Андрея Рублёва»²¹. Возможно, Десятников пытался снять эти противоречия, когда в своих записях датировал доклад годом позже — февралём 1948 г. Это, а тем более очередная серия «исчезновений» усиливают подозрения: все упоминаемые архивные копии (или одна-единственная, но переходившая из рук в руки), пропали, причём в портфелях Миллера не найдено никаких следов существования копии с такой надписи. Вышеуказанный же эстампаж, по нашим сведениям, никогда более автором не упоминался и не публиковался, равно как иные копии с натуры, которые могли (и должны были быть) сделаны с камня.

Вряд ли можно принимать всерьёз «археологическую» версию — слишком уж она отдаёт типичными «быличками» о внезапных, причём приходящихся «к случаю», находках, которые так же несчастливо утрачиваются. Гораздо более вероятно — скажем мягко — мистификация общества с благородной целью укрепить позиции тех, кто охраняет памятник церковной старины в условиях атеистического режима. Напомню, что 1947 г. — это время борьбы за превращение Спасо-Андроникова монастыря, которому грозило полное разрушение, в архитектурно-художественный заповедник. Самое активное участие в ней

принял Барановский. Желанное постановление было подписано И.В. Сталиным уже 10 декабря 1947 г., то есть в самом конце того года, на который пришлось в основном вся история «находки» копии текста или плиты с ним, столь «несчастливо утраченных».

В действиях Барановских, несомненно бескорыстных, следует видеть один из путей борьбы не только за спасение памятников, но и за создание и/или сохранение национальной (культурной, религиозной — термин не так важен) идентичности. Обе мистификации достигли ближайшей цели: и храмы в Коломенском, и Андроников монастырь благополучно стоят до сего дня (напомню, что П.Д. и М.Ю. Барановские были кровно связаны с Коломенским: именно Барановский создал там в 1920-х гг. выдающийся архитектурный музей, давший приют не только архитектурным шедеврам и археологическим памятникам, но и людям, например великому русскому фотографу И.Ф. Барщевскому). Однако толерантное отношение к процессу формирования таких подделок грозит сегодня науке не просто умножением информационного шума — за ним последует разрушение основ критического анализа источников и неизбежный интерпретационный хаос.

К счастью, эти мистификации не были рассчитаны на то, чтобы надолго ввести в заблуждение профессионалов. С самого начала очень неохотно принималась в науке сфабрикованная надпись надгробия Андрея Рублёва. Сведения о ней почти не учитывали ни в специальной литературе, ни при сборе материалов для канонизации преподобного Андрея Рублёва в 1988 г.; даже в Житии иконописца, подготовленном к заседанию Поместного собора, надгробие не упомянуто (как, впрочем, и некоторые другие источники). Однако циркуляция такого памятника, как «надпись плиты Андрея Рублёва», в области культуры и в околonaучных кругах потребовала анализа текста путём сравнения с достоверными надписями²². Она же породила волну подозрений к остальным источникам для биографии Андрея Рублёва, и особенно к реконструкции состава его произведений²³.

Кроме того, этот псевдопамятник стал одним из стимулов к развернувшемуся буквально на наших глазах, с 1990-х гг., процессу, который можно было бы назвать «конструированием мощей» святого Андрея Рублёва. Боюсь, что эта весьма поучительная история, происходящая с погребением исключительно важной для национального самосознания русских исторической личности, всё ещё не завершена. Не обращаясь к проблеме письменных известий о погребении (они немногочисленны и неоднократно подвергались самому пристальному — пожалуй, даже слишком частому и пристрастному — разбору, но не дали решительного результата), осветим только археологический аспект поисков.

Их начало восходит к 1994 г., когда в древнейшем из сохранившихся храмов Москвы, соборе Андроникова монастыря, начались раскопки, не санкционированные органами охраны памятников; работы предприняла церковная община, только что получившая право вновь освятить престол и начать регулярные бо-

гослужения в храме. В апсиде сквозь слой строительных засыпок была прокопана яма до уровня древней почвы, под которой открылся ряд погребений в деревянных колодах. Погребения принадлежали кладбищу, существовавшему до постройки собора, и немедленно стали объектом пристального интереса заказчиков и участников работ, *nomina sunt odiosa*. Затем последовали попытки доказать, что одно из четырёх открытых тогда погребений принадлежит Андрею Рублёву, озвученные в письмах во всевозможные инстанции и заявлениях прессе.

Эти гадания не получили поддержки ни в Церкви, ни, разумеется, в науке, после чего история, казалось, заглохла, а непосредственные участники утратили к ней интерес. Однако яма, занимавшая почти всю апсиду храма и угрожавшая его сохранности, продолжала расширяться. Отчётов по этим работам так и не появилось, и только в 2000 г. Институту археологии РАН и Центральному музею древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва удалось добиться возможности не осматривать поверхностно место работ, а зафиксировать стратиграфию и познакомиться с теми материалами, которые сохранились от второй половины 1990-х гг. Материалы фиксации (унаследованной и новой) были включены в очередной отчёт о работах в монастыре²⁴. Было также рекомендовано немедленно засыпать вырытую в апсиде яму, однако этого не было сделано, и причт, найдя поддержку у группы исследователей (среди которых довольно много докторов наук разных специальностей), продолжил выборку засыпки из-под полов собора. Найдя в них переотложенные останки ещё двух человек (т.н. «погребение № 5»), они пришли к выводу, что именно это (а не ранее объявлявшиеся мощами) кости и есть останки Андрея Рублёва, а также (как это ни парадоксально с точки зрения истории) Даниила Чёрного. По материалам этих наукообразных упражнений в 2003–2004 гг. был составлен доклад, преданный широкой гласности, в силу чего на его положения пришлось столь же публично отвечать в печати и по телевидению²⁵. Эта волна ажиотажа, кажется, улеглась, но никто не гарантирует нас от новой.

Попытки ложных интерпретаций отдельных объектов археологии (в данном случае погребений) можно смело рассматривать как подделки, особенно в случаях прямой ангажированности исследователей. Ангажемент этот может иметь самые разные побудительные мотивы, в случае с поиском останков Андрея Рублёва таковыми видятся, с одной стороны, достижение известности, с другой — понятная духовная потребность общины, которую хочется посоветовать удовлетворять с большей разборчивостью в средствах. Важно отметить, что потребность связать своё имя с громким открытием сильна не только в среде историков и археологов: поддержку очередной версии мощей оказали в первую очередь не они, а представители судебной медицины (антропологи) и естественных наук. Поэтому следует заострить внимание на роли специалистов этих направлений в процессе идентификации погребений вообще. Совершенно очевидно, что их огромные знания и опыт — мощное оружие в атрибущиях любого рода, и обращаться с ним нужно очень осторожно. В то же время

своими силами археологи выводы химиков или биологов проверить не могут, для этого им придется прибегнуть по меньшей мере к контрэкспертизе. Наконец, достаточно просто вынуть материал из контекста, не говоря уж о его специальной недобросовестной обработке, и манипуляции с ним станут крайне простым делом. Знай себе формулируй вопросы и получай на них уклончивое, излюбленное рядом современных экспертов по естественным наукам заключение: «собранные факты не противоречат возможности...».

Заключения подобного рода — не что иное, как завуалированная подделка. Её изготовитель-эксперт может быть, повторю, вполне невинной жертвой, поскольку его могут просто не знакомить с контекстом, тем паче — с его проблемами. Но такие программы, как экспертизы в Андрониковом монастыре и определение останков, найденных в Костромской области (описано в настоящем сборнике), ясно показывают, что многие эксперты, стремясь связать своё имя с легендарным героем прошлого, внутренне готовы на определённые уступки (чтобы не сказать больше). Они не только идут на поводу у заказчиков, но и сами предлагают возможные пути решения их «проблем». Это уже общая этическая проблема современной науки, равно затрагивающая все её цеха. Не то чтобы таких подтасовщиков не было среди археологов — но тут мы пока обладаем возможностями проверки и можем разобраться в нарушениях, опираясь на понятие «гамбургский счёт», научную репутацию исследователя. С естественниками же дело сложнее. Думаю, следует прибегнуть к разработке обязательных процедур для привлечения их к археологическим экспертизам, в противном случае нам придётся иметь дело с достаточно многочисленными случаями забегания с выводами вперёд археологов. Выделение естественнонаучных экспертиз в отдельный, не связанный с анализом археологического контекста процесс явно вредит объективности анализа.

Вернемся к проблеме готовности общества «впитывать» фальсификаты и конструкторы. По-видимому, дело здесь не только в мифологичности сознания, в коллективном бессознательном, но и в прямом заказе, обычно комплексном (религиозно-фундаменталистско-националистическом, политическом и, мельче, административном). Спектр задач для ангажемента широк: от историчности Писания и даже косвенного доказательства бытия Божия до обоснования той или иной корпорацией (включая нацию) своих «прав на прошлое». В нижней части регистра — простейшие задачи управления: например, местные «промоутеры» часто заказывают «хронологические» кампании, для которых требуется звучная дата, звучное имя или событие. Стоит упомянуть, например, о неофициально пока звучащем заказе на обретение и перенос в Москву останков её основателя — князя Юрия Долгорукого, погребённого в Киеве, в монастыре Спаса на Берестове. Чтобы избежать очередной кампании в прессе и необоснованных заключений по этому поводу, есть единственный путь — публиковать объективно имеющиеся материалы с взвешенными комментариями, где будет строже, чем обычно, дозирована доля гипотез²⁶.

Ясно, что чем больше подлинных, проверенных материалов, тем лучше.

Но это, конечно, не панацея: одна из коренных проблем, которую мы наблюдаем в России, — отсутствие самой потребности различать подлинное и неподлинное или, по крайней мере, усиленное размывание этой потребности. И градоправители, и обыватели наши издавна убеждены, что можно снести древнее здание и построить его снова, сделав даже ещё лучше (если можно так выразиться — ещё древнее). Это своего рода национально-административный постмодернизм, деконструкция самой идеи подлинности как неконструктивной и досадной помехи. Но даже когда речь не идёт о предметной подделке, фальсификация часто осуществляется на пути заказной интерпретации или специально направленного, избирательного поиска (например, выборочные вскрытия одного погребения вместо тотального изучения участка, постоянно практикуемые при заказном поиске останков).

Понятно, что примеры «конструирования прошлого» встречают мало критики в фундаментальной науке — они слишком многочисленны, чтобы реагировать на все. Арена административных забав, апеллирующих в том числе к неконтролируемой разумом народной потребности в мифе, лежит как бы забором от академических аудиторий. Однако наше молчание отчасти санкционирует юбилейные кампании, псевдореставрации, имитации исследований, число которых быстро нарастает в последние 10–15 лет и которые затрагивают даже столь болезненные для памяти нации события, как гибель членов царской семьи (многолетние усилия по обнаружению их останков и признанию подлинности уже обнаруженных проходят без руководства со стороны археологических структур, чего следовало бы ожидать). Обществу это явно опасно, а науке — противопоказано: совершенно очевидно, что проявляемая наукой «гибкость» — один из корней паранаучных явлений (типа «новой хронологии»). Можно ли извлечь из «заказа» хотя бы частичную пользу? Ведь, как ни говори, а за ангажементом стоит потребность общества в нашей науке, пусть зачастую ложно понимаемая? Следует хорошо подумать.

Укажу ещё одну область подделок — неявных и тем особенно вредных археологии. Они могут представить в обозримом будущем опасность для святая святых нашей науки — её отчетной документации. Россия по праву гордится системой ежегодных археологических отчётов, собираемых в одном месте хранения. С нею непосредственно связан целый узел «старых» (а значит, особенно ценных) принципов и традиций: правила выдачи разрешений в виде Открытых листов и представления обязательных ежегодных отчётов по ним; правила оценки рецензентами и обсуждения их научного качества группой учёных (экспертов); правила ознакомления избранных специалистов с ходом работ непосредственно на месте; правило ежегодной публикации кратких сведений о проделанных работах.

Эта система держится, в конечном счёте, на таких «условностях», как ре-

путация, доброе имя, объективность оценок и т.п. Она летит к чёрту при одной только готовности исследователя, обладающего Открытым листом, внести в отчёт данные, не отвечающие действительности. А соблазн внести такие данные сегодня велик: к учёному апеллируют политики, алчущие реликвий и юбилейных дат; на него нажимают собственники земли, стремящиеся снять с себя груз обязательств перед органами охраны памятников; их подгоняют заказчики и строители, которым нужно как можно быстрее закончить «нулевой цикл». Кроме того, добывающаяся исключительно прибыли частная фирма (строительная, проектная, есть уже и «археологические») не откажется сэкономить: нанять для работ специалистов в меньшем количестве и худшей подготовки, чем возможно; ограничиться минимумом обмеров на месте, «восстановив» их позже по фотографиям, почеркушкам и т.п. Иногда эти материалы просто выдумывают при таком «восстановлении» (появляются уже и особые группы специалистов по «приведению в порядок» документации, сделанной плохо или вообще не сделанной на памятнике). В результате из зеркала работ отчёт рискует превратиться в ширму, которая замаскирует недобросовестные или непрофессиональные работы, а то и разрушение памятника.

Сегодня наша система научного контроля в подавляющем большинстве случаев способна отследить реальное качество работ. Но явно наступающая девальвация понятия подлинности и достоверности грозит причинить науке глубокий вред. Могут оказаться сконструированными не только отчёты — сами памятники рискуют оказаться фальсифицированными. Есть и риск подрыва всей системы целеполагания, утраты доверия учёных друг к другу и даже современным материалам, вводимым в научный оборот, не говоря уж о доверии общества.

Думаю, наименьшее, что нам нужно предпринять, это, во-первых, не уходить от проблемы, делая вид, что её не существует; во-вторых, попытаться использовать социальный заказ для разворачивания базовых, фундаментальных работ и программ (полевых, архивных, аналитических); в-третьих, предметно обсуждать в научной печати выносимые на поверхность «злободневные» проекты (тем более, конечно, прямые случаи подделки вещей, текстов, препаратов и др.). Причём обсуждать не в режиме интерпретационных дискуссий, а предельно фундаментально, на базе пополнения, пересмотра и критики идущих к делу источников.

Не последнее место может занять выработка более чётких правил научно-го поведения для исследователей. Например, западные эпиграфисты предлагают ввести «категории достоверности» при публикации артефактов, причём довольно тонко градуированные (5–7 категорий в зависимости от достоверности паспорта вещи). Ограничить возможности публикации и анализа сводов на основе вещей, не имеющих истории появления в коллекциях, или даже исключить их из научного оборота. Возможно, стоило бы специально изучить этот опыт, обсудить его за круглым столом и в печати.

- ¹ Имею в виду длительную полемику о дате и ктиторах собора в память Образа Казанской Богородицы. Хотя вопросы эти были решены ещё в XIX в. в опубликованных трудах настоятелей собора, на вторую половину XIX в. пришлось новая волна «мифотворчества», достигшая высшей точки перед полным раскрытием памятника. Литературу по вопросу см.: Беляев Л.А., Павлович Г.А. Казанский собор на Красной площади. М., 1993.
- ² Подробнее см.: Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. 2-е изд. М.-СПб., 2000. С. 168 и др.; там же библиография.
- ³ Например: Jan Wilson. The Bible is History. Washington DC, 1999. P. 238.
- ⁴ Само по себе это довольно странно: Голан прекрасно разбирается в древностях, а надпись очень чётко написана, её прочтёт всякий, знающий иврит, и трудно вообразить, что опытный в своём деле антикварий не понял надписи или не оценил её потенциала, по крайней мере коммерческого.
- ⁵ Прежде всего назовём профессора Тель-Авивского университета Юваля Горена. Действительно, надпись не совсем обычна — например, у неё исключительная ясность «прописи», не оставляющей разночтений или сомнений в чтении каждой буквы и всего текста (обычно с пометками на оссуариях дело обстоит противоположным образом).
- ⁶ Эта надпись (в реконструкции: «Святое священнослужителям, принадлежит жрецу Храму») позволяла считать вещь единственным предметом из Храма Соломона, уцелевшим после нашествий.
- ⁷ Приведу часть обвинения: «В течение нескольких десятилетий [ими] было продано или предложено к продаже внутри и вне Израиля множество археологических объектов, выдававшихся за древние. Эти «древности», многие из которых имели самоочевидную религиозную, эмоциональную, политическую и экономическую ценность, намеренно и методично изготавливались с целью подделать [подлинники]. В большинстве случаев типичным методом подделки было: взять подлинный предмет и добавить надпись или рисунок, в результате чего он превращался в несравненно более дорогое изделие». Пер. с английского по: Vaughn A.G., Rollston Ch.A. The Antiquities Market, Sensationalized Textual Data, and Modern Forgeries // NEA. 2005. Vol. 68. № 1–2. P. 61.
- ⁸ Многие учёные считают, что глава IAA — бывший армейский генерал Шука Дорфман, не имеющий археологического образования, в данном случае поступил неверно, подойдя к делу формально.
- ⁹ См. об обнаружении «стел» и развитии дискуссии: Беляев Л.А. Христианские древности. М.-СПб., 2000. С. 27–29, там же литература.
- ¹⁰ Подготовка конкурса, его ход, работа конференции и весь шлейф полемики публикуется в каждом номере начиная с 2003 г. См.: BAR. 2003. Vol. 29. № 3 и далее. Он доступен также на сайте BAR.
- ¹¹ Fakes, Forgeries and Biblical Scholarship // NEA. 2005. Vol. 68. № 1–2. 2005. P. 61–77; The Talpiot “Jesus” Family Tomb // NEA. 2006. Vol. 69. № 3–4. P. 116–137.

¹² Книжная версия гипотезы: Jacobovic S., Pellegrino C. *The Jesus Family Tomb: The Discovery, the Investigation, and the Evidence that Could Change History*. N-Y, 2007. Статьи ведущих учёных с наиболее развернутой критикой этой фантастической гипотезы (E.M. Meyers, S. Gibson, S. Scham, Ch.A. Rollston, S.J. Pfann) и попытку J.D. Tabor обосновать её допустимость см.: *The Talpiot "Jesus" Family Tomb* // NEA. 2006. Vol. 69. № 3–4. P. 116–137.

¹³ Здесь нет места подробно рассказать о «гробнице из Тальпиот», как и о многих других ложных сенсациях и подделках в области библейской и христианской археологии за последнюю четверть века. Для меня, однако, очевидно, что их анализ необходим, и в ближайшее время он будет предпринят. Пока предлагаю учесть те замечания о саркофагах, оссуариях и остраконах, которые есть в недавно вышедшем обзоре: Беляев Л.А., Мерперт Н.Я. *От библейских древностей к христианским. Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства*. М., 2007; и в моих более старых «Христианских древностях» (М.-СПб., 2000).

¹⁴ Например, роль Ю.И. Венелина и его далеко не бесспорных трудов для сложения литературы, истории и даже фольклора Болгарии в XIX в.

¹⁵ Берлиоз Г. *Избранные письма*. В 2 т. М., 1982.

¹⁶ Прочитую текст: «Ничто не поразило меня так, как Коломенское, этот памятник древней русской архитектуры. Я видел много, многим восхищался, многим бывал поражён, но древняя Русь — та, что предстала перед нами в памятниках Коломенского, — это из области того, что я видел самого удивительного. Видел я Страсбургский собор, строившийся веками; видел собор в Милане, и везде это было только огромное количество орнаментов и украшений. Тогда как здесь я был ослеплён монолитной красотой. При виде её у меня забилося сердце. То была таинственная тишина, гармония красоты, законченных форм: я видел какую-то новую форму архитектуры. Я видел стремление ввысь и долго стоял оцепенелый. Громадное впечатление на меня произвела галерея внутри. Не могу до сих пор уяснить, как мог строитель этого храма обойти технические затруднения. Любуясь его творчеством, я видел смелую мысль, и простоту, и легкость — во всём. Как я Вам благодарен, Вольдемар, за то, что Вы упростили меня остаться там до вечера и я смог увидеть в лучах заходящего солнца это чудо из чудес. В других городах России, мне кажется, были подражания. Этого я не видел и не увижу. Грустно. Но на склоне дней моя душа согрелась, и за это я благодарен судьбе». Берлиоз Г. *Письма к другу* // Советская музыка. 1969. № 8. С. 64–67.

¹⁷ См. подробнее: Формозов А.А. О двух документах 1860-х годов, касающихся древнерусской архитектуры // Советская археология. 1988. № 2. С. 134–137.

¹⁸ Ср.: Барановский П.Д. *Обитель Андрея Рублёва* // Неделя. М., 1982. С. 8–9; Барановский П.Д. О времени и месте погребения Андрея Рублёва // Пётр Барановский. Труды. Воспоминания современников. М., 1996. С. 20, 21, 25.

¹⁹ Десятников В.А. *Гражданин Отечества* // Москва. 1987. № 8. С. 162.

²⁰ Бычков Ю.А. *Житие Петра Барановского*. М., 1991. С. 99–100.

²¹ Барановский П.Д. О времени и месте погребения Андрея Рублёва // Пётр Барановский. Труды. Воспоминания современников. М., 1996. С. 17.

- ²² Чрезвычайно подробный разбор истории с плитой предпринял А.Г. Авдеев (см. его: К вопросу о надгробии преподобного Андрея Рублева // Вопросы эпиграфики. М., 2006. Вып. 1. С. 160–185). Но и без специального анализа было очевидно, что опубликованный П.Д. Барановским текст ни в коем случае не мог быть датирован началом XV в. — его образцом явно служили тексты конца XVII–XVIII в.
- ²³ Подробнее о проблемах, возникающих при попытках представить в подлинниках манеру Андрея Рублёва, см. моё эссе: Leonid A. Beljaev. Andrej Rublev: the Invention of a Biography // *L'artista a Bizancio e nel mondo cristiano-orientale*. A cura di Michele Bacci. Pisa, 2007. P. 117–134.
- ²⁴ См.: Беляев Л.А., Кренке Н.А., Чернов С.З. Отчёт о раскопках в Андрониковом монастыре (г. Москва) в 2000 г. М., 2001 // Архив Института археологии РАН. С. 2–7, 55–56.
- ²⁵ В Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва был представлен текст, озаглавленный «Акт комплексного исследования по факту обнаружения останков двух человек в погребении № 5 в алтарной части храма Спаса Нерукотворного Образа в Андрониковом монастыре в Москве 19.05.2003 г. – 27.08.2004 г.», в котором предусмотрены 24 (!) подписи ведущих историков и искусствоведов, археологов и антропологов и других специалистов; по крайней мере некоторые из них, однако, не участвовали в работах и своих подписей на этом акте не ставили. На возникшие у общества вопросы пришлось ответить директору музея Г.В. Попову и мне.
- ²⁶ Останки Юрия Долгорукого — отдельная тема. Объективная оценка материалов некрополя храма на Берестове: Ивакин Г.Ю. Некрополь церкви Спаса на Берестове в Киеве и «погребение Юрия Долгорукого» // *Российская археология*. № 2. 2008. С.107–117.

Ренессанс Средневековья?

Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке

Удивительная вещь одержимость. С одной стороны, без неё не совершались бы открытия, в корне менявшие жизнь человечества — от каменного века и до наших дней. Без неё нет и не может быть серьёзного учёного, и даже прекрасный, но равнодушный профессионал может остаться всего лишь ремесленником. С другой стороны, одержимость какой-либо одной идеей, даже вполне плодотворной в определённых пределах, способна поколебать высокий профессионализм, заставить учёного искренне не видеть факты, ставящие под сомнение его гипотезу, а в особых случаях — и преднамеренно замалчивать или искажать их. Что же тогда говорить о дилетантах или людях, недостаточно, неполно знакомых с научным существом дела (нередко находящегося за пределами их собственной профессии), которому они посвящают свои физические и душевные силы, свою энергию. И уж совсем печально, если одержимость идеей, может быть изначально и искренняя, поддерживается и питается идеологическими, политическими или иными конъюнктурными соображениями.

Асы в Азове

Каждое научное сообщество сталкивается с подобными явлениями и вынуждено тем или иным способом реагировать на них. Во второй половине 1990-х гг. историки, филологи, археологи Норвегии были чрезвычайно озабочены: Тур Хейердал, знаменитый норвежский путешественник и национальный герой, сначала выдвинул предположение, затем стал искать ему подтверждение и, наконец, выдал как научно доказанный факт такую идею: родиной норвежцев (не скандинавов, а именно норвежцев!) является... северное побережье Азовского моря¹. Доказательство лежало на поверхности и было понятно любому: во введениях к написанным в 1220-е гг. своду саг о норвежских конунгах «Круг Земной» и «Младшей Эдде» (памятникам, которые норвежские дети читают в школе, как наши — «Слово о полку Игореве») их автор, Снорри Стурлусон, пишет о том, что Один и другие божества древнескандинавского языческого пантеона на самом деле были вождями народа асов², первоначально обитавшего в «Великой Свитьод», которая располагалась где-то в Азии или в Трое и которую другие сочинения помещают в Северном Причерноморье. Они-то и привели свой народ в Скандинавию³. От аса Одина и его сына Ингви-Фрейра⁴ произошли шведы и норвежцы. Для Т. Хейердала было очевидно: прародина асов (и, соответственно, норвежцев) находится там, где сохранилось их исконное название, отразившееся в наименовании «Азов»⁵! Загляды-

вать в этимологические словари не требовалось, созвучие ас — Азия — Азов⁶ говорило само за себя. Гипотеза требовала подтверждения (для скептически настроенного учёного мира, не для Т. Хейердала — он и так знал, что прав), и знаменитый путешественник начинает раскопки поблизости от Азова. Говорят, какой-то предмет скандинавского происхождения, правда, не эпохи викингов, а времён взятия Азова Петром Великим, на службе которого было немало шведов, действительно был найден.

Ситуация была бы откровенно анекдотической и не стоила бы огорчений профессионалов, если бы не одержимость Т. Хейердала этой идеей и не его авторитет национального героя. Его «открытие» начало бурно пропагандироваться в средствах массовой информации; его яркие, как всегда, и исполненные убеждённости выступления по телевидению и в печати оказывали неотразимое воздействие на широкую публику, которая охотно приняла сенсационную новость, не вникая в детали и тем более не интересуясь весомостью его «аргументации», да и не будучи в состоянии её оценить. Именно это внедрение очередного исторического мифа в общественное сознание и вызвало тревогу специалистов, тем более что в числе уверовавших в «азовскую прародину» оказались и чиновники от образования, которые, невзирая на протесты, устные и письменные, учёных, приступили к обсуждению вопроса, не следует ли открытие Т. Хейердала донести и до сведения детей, включив соответствующий пассаж в школьные учебники. Проблема разрешилась естественным, хотя и печальным путём: Т. Хейердал скончался, и ажиотаж быстро затих.

История с «азовской прародиной» норвежцев представляется весьма поучительной во многих отношениях. Поиск прародины своего народа — достойная научная задача, и она может быть поставлена также и относительно скандинавских народов⁷. Однако обращение к ней требует специальных знаний, которыми Т. Хейердал, не имевший ни исторического, ни филологического образования, не обладал; более того, ему чужды были и методы собственно научного исследования, поэтому, например, разное происхождение слов «ас», «Азия» и «Азов» попросту игнорировалось им. Очевидность, простота объяснения воспринималась и им самим, и публикой как доказательность, «научность» аргументации. Однако в науке очевидное далеко не всегда истинно. Сколько-нибудь сложная аргументация требует знания предмета, и чем она глубже и утончённее, тем более обширны должны быть эти знания. Наивное соположение созвучных слов (по принципу народной этимологии), столь характерное для средневековой науки, — один из наиболее очевидных «аргументов», и не случайно именно он лёг в основу построения Т. Хейердала. Более того, одержимость этой идеей, глубокая — и вполне искренняя — убеждённость в её справедливости (сродни вере) делали Т. Хейердала абсолютно глухим к аргументам своих противников, которых он подозревал в некомпетентности, стремлении опорочить его лично и прочих злоумышлениях.

Складная хронология

Сходные ситуации возникают и в шведской⁸, и в американской⁹, и в английской исторической науке. Не является исключением и наша страна. Достаточно вспомнить «новую хронологию» А.Т. Фоменко или «Влесову книгу»¹⁰, поколебать веру в которые не могут никакие научные аргументы. Ситуация с «новой хронологией» удивительным образом напоминает «азовскую прародину» Т. Хейердала. Крупный математик и, видимо, любитель истории, А.Т. Фоменко ещё в 1970-е гг. осознал трагическое заблуждение всех историков, бывших и настоящих: принятые в исторической науке датировки событий Античности и Средневековья категорически неверны. По его расчётам в письменных источниках, относимых историками к Античности, Средним векам, Новому времени, упоминаются одни и те же астрономические явления: затмения, прохождения комет и т.п. Следовательно, хронологическая шкала истории человечества должна быть «свёрнута», как складной метр, в результате чего исторические лица и события разных эпох сливаются друг с другом. Письменная история человечества, оказывается, охватывает не 15 тысяч лет, а всего несколько столетий.

Рукопись почти в полторы тысячи страниц с подробным изложением этой теории (я её читала) была представлена ещё в 1970-е гг. на суд учёных, которые категорически отвергли её¹¹. И лишь после упразднения цензуры «исторические» сочинения А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского заполнили полки книжных магазинов. Нет сомнения, что творцу «новой хронологии» присуща та же одержимость идеей, что и Т. Хейердалу. Он столь же искренне верует (или по крайней мере верил в момент создания своей «теории») в истинность своих выкладок и столь же твёрдо убеждён (или был убеждён) в некомпетентности или завистливости своих оппонентов, которые не смогли увидеть очевидное для него, А.Т. Фоменко.

Однако в условиях массового тиражирования «новой хронологии» появились новые тенденции, существенно изменившие характер этого явления. С одной стороны, произошла очевидная коммерциализация идеи, а сама она превратилась в бренд, позволяющий многократную «дубликацию» (термин А.Т. Фоменко) изданий. С другой — «новая хронология» идеологизировалась: она начала служить обоснованием приоритета славянских народов, точнее, русского народа в цивилизационном развитии человечества. Если другие создатели «истинной истории» России достигали этого удревнением славянского или русского прошлого (например, начиная его с Вавилонского столпотворения), то наложение хронологических слоёв позволило, напротив, омолодить всемирную историю так, что славянский этногенез совпал во времени с древнейшими цивилизациями мира.

Как и Т. Хейердал, А.Т. Фоменко нашёл понимание не у специалистов, а у широкой читающей публики. Лёгкость восприятия и последовавшая популярность идеи Т. Хейердала во многом объяснялись его славой и авторитетом, но

отражали они и одну важную и универсальную особенность общественного сознания: некоторое недоверие и подозрительность не слишком образованного, не привыкшего к абстрактному мышлению, хотя и вполне компетентного в своей области человека к высокой науке и к профессиональным учёным, образующим некую эзотерическую касту и объясняющимся на не совсем понятном языке. Как и многие другие, Т. Хейердал, обращаясь к массам, противопоставлял их небольшой горстке «консервативных», «не способных воспринять новые открытия» учёных, что льстило несведущему читателю или слушателю, ведь, принимая предложенную идею, он ощущал себя сопричастным к «передовым» всяниям в науке. Этот же эффект апелляции к широкому читателю, который якобы скорее разберётся в проблеме, нежели закосневшие в своих кельях учёные, использовал и А.Т. Фоменко. Но в нашей стране действенность подобной апелляции к массам несравненно выше, нежели в Норвегии: подчас добровольное и даже исполненное энтузиазма, подчас вынужденное, подчас неосознаваемое следование идеологически заданным схемам и догмам советскими историками породило в обществе недоверие к отечественной исторической науке уже в советское время, а огульное её поношение в 1990-е гг. привело к её окончательной дискредитации в глазах значительной части читающей публики. Результат не замедлил сказаться: сколь многочисленные, столь и дилетантские «новые истории» стали невероятно, просто-таки удручающе популярны в нашей стране¹². Однако подчеркну ещё раз, что «одержимость идеей» как Т. Хейердала, так и А.Т. Фоменко, по крайней мере в начале их «исторического» пути, как мне представляется, не была отягощена «внеидейными» соображениями — это были идеи ради идеи в чистом виде.

Фальшивка со смыслом

Иное дело «Влесова книга»¹³. Уже само изготовление фальсификата — акт сознательный и преследующий определённые цели. Эти цели яснее всего выявляются в содержании фальсификата, выдаваемого за древнейшее документальное свидетельство ранней истории и верований восточных славян: его создатель хотел «исправить», улучшить, удревнить историю своего народа, т.е. создать некую конструкцию, отличную от той, которая предстаёт на страницах дошедших до нас источников. Очевидно, что прошлое восточнославянского мира в том виде, в котором оно отразилось в аутентичных письменных текстах, не устраивало создателя «Влесовой книги», равно как не устраивает оно и современных её адептов. Каким же, по мнению создателя фальсификата и его последователей, должно было быть начало нашей истории?¹⁴ Во-первых, героическим. Какие-то мелкие стычки между всякими там полянами, древлянами, хазарами и прочими варягами — это ли достойное начало Руси? Её история должна начинаться с космических по своему значению событий и вселенских побед. Во-вторых, моноэтничным. Изначально Русь — это славяне-русичи, которые в незапамятные (мифологические) времена отстаивают свою свободу от враждебного окружения.

Вот оно. В противоположность Т. Хейердалу создатель «Влесовой книги» радел не о науке (другой вопрос, что принципы научного знания в отличие от обыденного были Т. Хейердалу мало знакомы и его представления о науке были своеобразны): он преследовал совсем иную, вненаучную цель и был одержим идеей совсем иного сорта — идеологической. Её можно назвать наивным патриотизмом, к которому — в условиях отрыва от Родины — тяготели многие русские эмигранты.

Патриотические мотивы — осознанно или подсознательно — доминируют и в возродившемся в 2000-е гг. антинорманизме, как доминировали они в XVIII в. в полемике М.В. Ломоносова с немецкими историками, в середине XIX в. в контексте подъёма славянофильства, в середине XX в. в условиях сталинской борьбы с космополитизмом. Как возникновение, так и последующие «всплески» антинорманизма были теснейшим образом связаны с поворотными моментами в развитии (или насаждении) национального самосознания¹⁵. Аналогичный идеологический контекст породил «борьбу со скандинавами» в нашей истории и ныне. После распада СССР рухнули основы идеологической системы, в рамках которой было сформировано национальное самосознание, опиравшееся на чувства своего (государственного) превосходства и особенности (что было прекрасно выражено в словах «у советских — собственная гордость»): гордиться стало нечем, комплекс победителя сменился комплексом побеждённого, старая система ценностей оказалась ложной. Социопсихологический кризис породил целый ряд негативных явлений в обществе (например, движение скинхедов) и потребовал компенсации на идеологическом уровне. Одним из ответов на идеологический дефицит стало активное мифотворчество в области ранней истории Руси и распространение этногенетических построений, в которых собственному народу придавались функции героического первопроходца, его прошлое возвеличивалось за счёт принижения соседних народов, обозначался внешний враг, чьи происки обусловили нынешнее прискорбное состояние общества¹⁶. Компенсаторный характер такого рода мифов делает их привлекательными для масс и прибыльными для их создателей.

Старые песни на новый лад

Привлекательным оказалось и возрождение антинорманизма — в его «гедеоновском» варианте¹⁷, причём не только для широкого читателя, но и для главных идеологов страны, стремящихся найти или создать «национальную идею» в условиях идеологического кризиса. Именно благодаря высокому покровительству, задуманная как сугубо научная, конференция «Рюриковичи и российская государственность», проведённая в Калининграде в 2002 г., превратилась в начало широкой кампании по рекламированию антинорманизма в средствах массовой информации¹⁸. Эта кампания продолжилась публикацией сборника «Русского исторического общества», монографии В.В. Фомина и статей, иногда в научных, а чаще — в популярных изданиях¹⁹.

Современный антинорманизм позиционирует себя как единственно

«правильное» научное направление, что само по себе наводит на размышления: «единственно правильным» было сталинское учение о языке, лысенковское — в биологии и т.п. В исторической же науке, как правило, сосуществуют различные точки зрения на одно и то же явление²⁰, его различные интерпретации. Если же пристальнее взглянуть на «исследовательские» методы современных антинорманистов, то обнаруживаются удивительные — и весьма показательные — черты типологического сходства с построениями Т. Хейердала, А.Т. Фоменко, А. Асова и многих других.

Профессионализм исторического (и вообще любого научного) исследования определяется рядом факторов — неписаных, но общепринятых и строго соблюдаемых в научном сообществе правил, следование которым часто обозначается как «наличие школы». Во-первых, исследование всегда основывается на некоей совокупности релевантных источников (опытных данных, наблюдений). Репрезентативность и полнота источниковой базы, особенно в тех случаях, когда она (как для ранней истории Древней Руси) крайне скудна, — неперемнное условие профессионального исторического исследования. Во-вторых, «в настоящее время, когда почти нельзя ожидать открытия новых первоисточников, роль основного орудия в углублении изучения древней русской истории выпала на долю источниковедческих изысканий»²¹. Интерпретация источников — важнейший ныне метод получения новой информации, но она должна учитывать всю совокупность текстологических и содержательных особенностей этих источников. Таким образом, источники и их истолкование — неперемнная и обязательная основа, на которой строится любое научное исследование. В-третьих, любое утверждение требует адекватных доказательств, а конечное построение теории производится с помощью жёсткой системы доказательств, в которой невозможны априорные или неаргументированные суждения. Это азы, известные любому студенту исторических факультетов.

Обращусь прежде всего к основе основ — источникам и их интерпретации.

Прямо надо сказать, что источники сильно мешают как Т. Хейердалу с А.Т. Фоменко, так и антинорманистам. А.Т. Фоменко избавляется от них простейшим образом, объявляя античные и средневековые тексты фальсификатами. А с фальсификатами и разбираться не требуется — о них можно просто забыть. Т. Хейердал не мудрствуя лукаво использует удобный для него текст (точнее, фрагменты двух текстов XIII в.)²² как достоверную информацию, подтверждающую его догадку. То, что рассказу о миграции асов под водительством Одина из Азии посвящена немалая литература, и то, что в ней доказано: в том виде, в котором он представлен у Снорри, это «учёная», книжная легенда (другой вопрос, каковы её истоки)²³, — его не интересует. «Азиатская прародина» скандинавов названа в источнике, и этого достаточно.

Источниковедческими вопросами не утруждают себя и антинорманисты. В первую очередь они отсекают (по необъяснённым и необъяснимым причинам) практически все ранние (до XV в.) источники по истории Восточной Евро-

пы и Древней Руси. Вот в монографии В.В. Фомина глава с многообещающим названием «Этнос и родина варяжской Руси в свете показаний источников»²⁴. Так и ждёшь анализа 9-й главы сочинения «Об управлении империей» Константина Багрянородного (интересно ведь, как интерпретировано, например, сообщение о славянах как пактиотах, то есть данниках росов, как перетолкованы бесспорно скандинавские «росские» названия Днепровских порогов), обсуждения знаменитого извещения Бертинских анналов о росах, которые на проверку оказались свеонами²⁵, сведений многих других источников. Хорошо, «росы», как можно понять, не интересуют автора (хотя неясно, почему, ведь если доказывать, что скандинавов в Восточной Европе не было до конца X в., то принципиально важно опровергнуть сведения о скандинавском происхождении росов, которые определённо находились в Поволховье по крайней мере с середины VIII в., а в Среднем Поднепровье — с первой трети IX столетия²⁶), его внимание приковано к «варягам». Но тогда почему не только не рассматриваются, но даже не упоминаются византийские военные трактаты X в., где росы и варанги называются как подразделения византийского войска, скандинавские родовые саги, повествующие о вэрингах в Византии? Сообщений о варягах немного, но тем легче обозреть их и тем важнее их исследовать. Но речи нет ни о них, ни о древнерусских источниках, кроме Повести временных лет (ПВЛ), хотя варяги упоминаются и в Правде Ярослава, и в Киево-Печерском патерике, и в «Вопрошаниях» Кирика... Выбор источников, конечно, дело самих антинорманистов, но результат очевиден — выборочность и нерепрезентативность источниковой базы.

К Повести временных лет автор обращается, однако и здесь нет анализа полной выборки упоминаний варягов (единственно возможный метод в современном исследовании)²⁷: цитируются в качестве аргумента отдельные пассажи, время происхождения которых, их источник, место в структуре произведения никогда не оговариваются. А ведь Повесть временных лет — крайне сложный по своему происхождению и составу памятник. Однако автор полностью игнорирует источниковедческие исследования Повести²⁸, в результате чего глава открывается утверждением, что «сводчики [!] ПВЛ» трудились «над нею со второй половины X до начала XII века»²⁹ со ссылкой на соображение А.Г. Кузьмина, которое не было поддержано никем из летописеведов и уже поэтому требовало бы дополнительной аргументации. Вводная часть ПВЛ почему-то относится автором к концу X же века, хотя её позднее происхождение не вызывает сомнений ни у кого из специалистов — другой вопрос, когда именно она была составлена: в конце XI или начале XII столетия, что интенсивно обсуждается в последние годы.

Впрочем, ПВЛ не занимает у Фомина большого места — ей посвящено всего две страницы. Важнейший и главный источник сведений о Руси IX–XI вв. для автора — это сочинения по преимуществу XVI–XVII вв. (например, «Хронограф» С. Кубасова (1626), Белоцерковский универсал Богдана Хмельницкого (1648), вплоть до «Синописа» И. Гизеля 1674 г.), в порядке исключе-

ния — XV в. Вот здесь-то автор и находит главные аргументы своей концепции. Недоумевающий читатель может вполне логично спросить, каким образом писатели даже и XV, не говоря уж о XVII столетии, могли больше и точнее знать о событиях X в., чем современники событий или их ближайшие потомки?³⁰ У них были ранние источники? Какие? Ответ прост: «традиция, освящённая временем и имевшая широкое распространение»³¹ — понятно? А ведь в профессиональном исследовании историк обязан сначала аргументированно обосновать существование такой традиции, а уже потом апеллировать к ней.

Итак, у современных антинорманистов анализ полного корпуса древнейших свидетельств заменяется цитированием некоторых мест весьма ограниченного числа ранних текстов, тогда как поздние, вторичные источники априорно принимаются за достоверные. Впрочем, антинорманисты во все времена не отягощали себя сложными источниковедческими объяснениями³². Написано, например, у Сигизмунда Герберштейна (первая половина XVI в.), что варяги — это вагры, вот и хорошо³³. Ровно то, что требуется поборнику балтийского происхождения варягов. Откуда и почему возникло это представление (кстати, опирающееся на народную этимологию) — обсуждению не подлежит, ибо сразу стала бы понятна «книжная», возникшая в рамках европейских историографических концепций эпохи Ренессанса подоплёка сей легенды. Впрочем, и учёное, и позднее происхождение легенд, например «августинской» (как её называет Фомин) в «Сказании о князьях владимирских», не смущает антинорманистов: «имеются факты, подтверждающие это мнение» (о древности представлений о происхождении Рюрика из балтийских славян)³⁴ — вот и вся недолга. Фактом же — единственным! — оказывается появление легенды о Гостомысле в летописных сводах конца XV в. Но хорошо бы сначала доказать, что а) легенда о Гостомысле архаична (в чём высказывались большие сомнения), б) изначально была связана с легендой о призвании Рюрика и в) если соединение двух легенд произошло позже, то когда и почему.

В.В. Фомин убедительно показывает, что в XVI–XVII вв. в определённой части отечественной и европейской историографии существовало представление о происхождении Рюрика (и варягов) от рода Августа через его потомка Пруса (основано на созвучии *рус* — *прус*), переселившегося на Балтику, что, впрочем, не является открытием В.В. Фомина³⁵. Анализ происхождения и бытования этой легенды полезен для характеристики исторической мысли того времени, но никоим образом не может пролить свет на историю IX–XI столетий. Использование сочинений Нового времени в качестве основополагающих источников для реконструкции событий пятисотлетней давности мало чем отличается в методологическом отношении от наивного представления Т. Хейердала (не имевшего, заметим, исторического образования в отличие от современных антинорманистов) о достоверности учёной легенды об азиатской прародине скандинавов.

Таким образом, наши антинорманисты — в традициях, существовавших

до возникновения научного источниковедения в конце XVIII в., — проявляют достойное средневекового хрониста доверие к источникам³⁶, но почему-то только к поздним...

Не лучше обстоит дело у антинорманистов и с системой аргументации. Фактически в их работах присутствуют четыре основные группы доказательств.

Первый и главный способ аргументации отражает методологию современного антинорманизма — абсолютное доминирование историографии над источниковедением. Конечным (и высшим) аргументом в полемике является ссылка на суждения предшественников-антинорманистов, главными из которых являются С.А. Гедеонов, поскольку именно его идеи повторяются ныне, и А.Г. Кузьмин, ученики которого и взяли на себя бремя возрождения антинорманизма. Апелляция к авторитету заменяет собственное исследование, подменяет обращение к источнику, превращается нередко в самоцель. Я уже цитировала, например, «обоснование» достоверности «сведений», восходящих к устной традиции. Но такие отсылки, причём к старым, давно уже забытым по причине очевидной ошибочности мнениям, — не случайность, а норма, они бросаются в глаза на каждой странице «антинорманистских» сочинений. Вот на странице 422 сочинения В.В. Фомина: «Земля же „Агнянска“ — это не Англия, как ошибочно считают поныне, а южная часть Ютландского полуострова, на что впервые указали в XIX в. антинорманисты И.В. Савельев-Ростиславич и И.Е. Забелин». А почему то, что считают ныне, «ошибочно»? Как и чем Забелин и др. доказали, что летописец начала XII в. знал (или хотя бы мог знать) о проживании племени англвов на юге Ютландии до V в.? Страница 425: «С.А. Гедеонов видел в „августинской“ легенде (о родстве Рюрика с римскими императорами. — *Е.М.*) общенародное предание о южнобалтийском происхождении варяжской династии». Но аргументация С.А. Гедеонова не приводится, а следует дополнительная ссылка на мнение А.Г. Кузьмина, который «связывает истоки „августинской“ легенды с Южной Балтикой, указывая, что в её пределах „очень рано (это когда? — *Е.М.*) существовали предания, увязывавшие основание разных городов Юлием Августом“» (так в тексте. — *Е.М.*). Повторение одного и того же, даже и другими словами, убедительности не добавляет.

Апелляция к авторитетам — один из основополагающих принципов средневекового историописания и средневекового мышления вообще. Каждое слово Библии, каждое слово отцов церкви было безоговорочно истинным и потому не требовало доказательств. Но книги С.А. Гедеонова или А.Г. Кузьмина — отнюдь не Библия и даже не сочинения Василия Кесарийского или Августина, современные же антинорманисты обучались не в монастырских школах VIII в., а в университетах и пединститутах века XX...

Вторая группа доказательств — это ссылки на источники (в исторических исследованиях принято не «ссылаться» на источник, а интерпретировать его с учётом его источниковедческих характеристик). Как видно из уже сказанного, источники привлекаются выборочно, и этот выбор не обосновывается,

источниковедческий их анализ и интерпретация конкретных сообщений отсутствуют полностью; любая информация — если она соответствует взглядам автора — принимается за чистую монету. Тем самым доказательная сила таких ссылок приближается к нулю.

Третья широко применяемая группа «доказательств» (не рискую назвать её «данными языка» или «лингвистической аргументацией») — отождествление слов, имеющих разное происхождение и значение. Этот способ аргументации был одним из важнейших в труде С.А. Гедеонова³⁷, концепция которого о балтийско-славянском происхождении варягов возрождена антинорманистами 2000-х гг. «Этимологии» С.А. Гедеонова были частично заимствованы из сочинений более раннего времени (вплоть до Герберштейна), частично придуманы им самим, но и те и другие в подавляющем большинстве основывались на принципе народной (ложной) этимологии — сближении созвучных слов³⁸. Для Герберштейна, да и для историков XVIII в. (к народным этимологиям широко прибегал М.В. Ломоносов и другие) подобные сопоставления являлись нормой: языкознание как наука делало только первые шаги, а этимологизация как гносеологический метод была широко распространена в Средневековье и в Новое время, основываясь на представлениях о внутренней связи слова и обозначаемого им предмета или явления³⁹. Но уже в то время, когда писал Гедеонов, наука о языке существенно продвинулась вперёд, были заложены основы сравнительного языкознания, и его этимологические изыскания подверглись резкой критике лингвистов, которые отмечали глубокое несоответствие его выводов современному (середины XIX столетия) уровню развития науки⁴⁰.

Вот, например, центральное для построения С.А. Гедеонова и его нынешних последователей соотнесение: вагры = варяги. Именно им доказывается балтийско-славянское происхождение варягов⁴¹. Этноним *wagrii* (мн. ч.) известен в латинской передаче и устойчиво сохраняет приведённую форму, в которой выделяется корень *wag(r)-*. Происхождение и значение этнонима неясно (предложено несколько равноценных этимологий). Слово *варягъ* (мн. ч. *варязи*) морфологически членится на корень *вар-* и суффикс *-ягъ*. Этот суффикс происходит из древнескандинавского суффикса *-ing*, обозначающего принадлежность к определённому роду («Инг-л-инг», «Вулф-инг») или иной общности («вик-инг»), и зафиксирован в древнерусском языке в таких словах, как *бур-ягъ*, *колб-ягъ*, *ятв-ягъ* — заимствованиях с этническим или этнопрофессиональным значением. Оставив в стороне этимологию корня *вар-* (по общему мнению, скандинавскую: от слова *var* — «обет, клятва»), зададимся простым вопросом: на основании чего сопоставляются как родственные корни *wagr-* и *var-*?⁴² Если они действительно этимологически связаны, то откуда взялось *-g-* в *wagr-* или почему оно пропало в *var-*? Можно предполагать, что «этимологи»-антинорманисты не сумели отделить в слове *варягъ* корень от суффикса и считают всё его одним корнем. Но и тогда остаётся вопрос: каким образом конечное *-гъ* оказалось посередине слова? Звуки не появляются и не пропадают просто так, случайно или по недоразумению. Законы языка не

менее непреложны, чем законы математики или физики. Никто ведь не станет утверждать, что $234 = 24$ — подумаешь, одна-то циферка выпала. Так же и в языке. Но, разумеется, ни С.А. Гедеонов, ни его последователи даже не задумались об этом, не говоря уж о попытке дать хоть какое-то объяснение. Именно такое соположение сходно звучащих слов (ср. хейердаловское *ас* — *Азия*) и называется народной этимологией, не имеющей ни малейшего научного значения, но зато вполне убедительной для людей, забывших школьную программу русского языка.

«Вагры = варяги» далеко не единственный случай народного этимологизирования антинорманистов. Прекрасно в своей наивности отождествление со словом *русь* любого европейского этнонима, начинающегося на *ру-/ро-*: рутены, руги/роги, руяне, росомоны, роксоланы... Вполне логичным результатом стало «размножение» руси — в последних работах А.Г. Кузьмина их насчитывается несчётное количество. Автор скромно назвал в заглавии статьи всего две — в Прибалтике, но, как следует из его текста, даже и в Прибалтике их существенно больше: «Широкий круг... источников указывают на наличия ряда Русий по южному и восточному берегам Балтики и на прилегающих к этим берегам островах. На восточном побережье выделяется „Русия-тюрк“ [!], являющаяся ответвлением донских русов-аланов, на острове Рюген и на побережье, в той или иной степени удалённом от моря, вплоть до Немана, упоминается несколько изолированных друг от друга, но восходящих к единому корню, Русий „красных“... С этими же Русиями — вполне обоснованно — увязывались и разные „Русии“ в Подунавье и примыкающих к Дунаю областях. В Причерноморье же смешивались „Руси“ разного этнического происхождения»⁴³. Полагаю, что комментарии тут излишни.

Обсуждать последнюю группу аргументов — наличие «массовых» балтийско-славянских древностей на территории Древней Руси⁴⁴ — я не стану, не будучи археологом. Отмечу лишь крайне незначительное число находок, которые могут быть соотнесены с поморскими славянами (не путать с западными!), и их локализацию исключительно в Приладжье. Напомню также, что фризские древности ни в коей мере не могут быть отнесены к балтийским (как это делает В.В. Фомин)⁴⁵, поскольку фризы — германцы — населяли побережье Северного, а не Балтийского моря. И, наконец, верну антинорманистам их собственный «аргумент»: если, по их мнению, многочисленные и распространённые по всей территории Восточной Европы скандинавские находки являются результатом торговых связей, то почему же немногие и узко локализованные предметы поморского происхождения должны обязательно свидетельствовать о присутствии балтийских славян в Восточной Европе? А ведь использование двойных стандартов (ср. выше отклонение сообщения Бертинских анналов о росах-свсонах, но принятие мнения Герберштейна о ваграх-варягах) даже в политике считается аморальным!

Меня всегда поражала удивительная непродуктивность антинорманизма. На протяжении почти 250 лет антинорманисты не ввели в науку ни одного ново-

го источника и предложили всего-навсего две сколько-нибудь обсуждавшиеся интерпретации истории восточного славянства без скандинавов: об основании Древнерусского государства балтийско-славянскими варягами (С.А. Гедеонов) и среднеднепровской русью (академик М.Н. Тихомиров)⁴⁶. Однако ни одна из этих концепций не была оригинальна: первая восходила к историографии XVI–XVII вв., вторая — к народным этимологиям М.А. Ломоносова (русь = ираноязычные роксоланы и загадочные росомоны). И вот снова пережёвывается всё та же этноопределяющая жвачка! Ну не скучно ли? Ведь кругом столько нерешённых, а временами и не рассматривавшихся проблем. Даже в русле антинорманизма сколько можно было бы найти новых исследовательских поворотов. Ведь действительно, связи Руси с балтийскими славянами — если они существовали — неизвестны. Вот широкое поле деятельности: есть ли упоминания таких связей в источниках (разумеется, ранних, а не XVII в.), если есть, то что об этих связях рассказывается, как они изображаются... Прodelать бы такую работу, вместо того чтобы бог знает в который раз утверждать, что русь и руги — одно и то же?

Ну и, конечно, хорошо бы антинорманистам аккуратнее относиться к собственным утверждениям и используемым материалам. Так, А.Н. Сахарову, равно как и В.В. Фомину, стоило бы не писать об отсутствии имени Рюрик в средневековой Скандинавии⁴⁷, а заглянуть в любой из многочисленных справочников скандинавских личных имён, ну, например, Э. Линда, или И. Мудёра, или А. Янцёна, можно ещё в словарь личных имён рунических надписей Л. Петерсон, где перечислено около десяти Хрёреков, несколько Торвардов и т.д.⁴⁸ Хорошо бы В.В. Фомину знать, что фамилия шведского историка XVII в. — Видекинд, а не Видекинди: конечное *-и* — это окончание родительного падежа фамилии автора на латинском языке в наименовании «*Widekindi Historia...*» («Видекинда история...») или «Видекиндова история...»⁴⁹. Досадно, что подобные ляпы или ошибки находишь чуть не на каждой странице их сочинений.

В последние десятилетия историки⁵⁰ — и не только историки⁵¹ — не раз пытались осмыслить феномен мифотворчества в науке. Обобщая свои наблюдения, они выдвинули несколько основных признаков, характерных для этого явления⁵². Все они типичны и для мифотворчества в сфере истории.

1. Прежде всего вера в непогрешимую истинность своей и только своей точки зрения, которая не только не основана на доказательствах, но и не нуждается в них (как писал один из отцов церкви Тертуллиан, «верую, потому что нелепо»). Любые другие точки зрения априорно ложны и достойны только поношения.

2. Органическое неприятие достижений современной науки. Для антинорманизма это прежде всего полное игнорирование результатов источниковедческих исследований, но также и археологии, нумизматики и пр.

3. Противопоставление своей теории «официальной» науке, которая погрязла... закоснела... и т.д., то есть своего рода «окопное» сознание⁵³. Резкий

антагонизм по отношению к академическому сообществу присущ и антинорманизму, ведь «отъявленными норманистами» — в трактовке А.Н. Сахарова, В.В. Фомина и др. — оказываются практически все летописеведы, историки, археологи и языковеды, поскольку все они отказываются признать варягов балтийскими славянами. Более того, едва ли не основные усилия нынешних антинорманистов направлены на создание в лице «норманистов» образа врага: для этого хороши любые средства, вплоть до использования лексики 1930-х гг. и отнюдь не академических эпитетов и характеристик.

4. Обращение к широкой публике, которая якобы способна понять и оценить «новое слово» в противоположность «учёным-ретроградам», и, соответственно, интенсивное использование СМИ.

5. Немотивированная агрессивность⁵⁴.

Все эти особенности в полной мере присущи и антинорманизму. Но есть у него и ещё одна поразительная черта — «средневековость» сознания. Она проявляется и в возрождении концепций XV–XVII вв., и в подмене научной аргументации ссылками на предшественников-антинорманистов, и в обращении к народной этимологии как методу, и в отсутствии источниковедческого обоснования исторических конструкций, и в априорном доверии к некоторым (по преимуществу поздним) источникам...

Вступать в дискуссию с «мифотворцами» бессмысленно: невозможно объяснить верующему, что объект его веры — фантом. Он верит и будет продолжать верить, невзирая на все доводы рассудка. Одержимость идеей, особенно если эта идея приносит конъюнктурную выгоду, делает человека глухим к любым рациональным аргументам. Мы говорим на разных языках, поэтому размышления мои обращены не к «мифотворцам», которые способны только разразиться новыми потоками брани, а к тем, кого действительно интересует прошлое нашего Отечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Heyerdal T., Lilljeström P. Ingen grenser. Oslo: J.-M. Stenersens Forlag A.S., 1999.

² Áss (из общегерм. *ānsuR) — древнескандинавское наименование богов высшего клана.

³ Эта учёная легенда возникла ещё до Снорри (ум. в 1241 г.), вероятно, под влиянием широко распространённой в западноевропейской историографии XII–XIII вв. этногенетической легенды о происхождении европейских народов от того или иного героя античности (так, Гальфрид Монмутский выводил население Британии из Рима и считал его — по созвучию — потомками Брута). См.: Heusler A. Die gelehrte Urgeschichte im altisländischen Schriftum. B., 1908; Jackson T. Svíþjóð in mikla eða kalda (Sweden the Great or Cold) // Berkovsbók: Studies in honour of prof. V. Berkov. M., 1996. P. 107–114; Мельникова Е.А. Легенда об азиатской прародине в средневековой Скандинавии // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2008. С. 359–361.

- ⁴ В соответствии с мифологическими представлениями древних скандинавов Фрейр, бог плодородия, не только не был сыном Одина, но и принадлежал к другому клану богов — вана, и его отцом был Ньёрд.
- ⁵ Со сходным «методом» интерпретации легенды о прародине скандинавов мне пришлось столкнуться вскоре после выхода в свет публикации древнескандинавских географических сочинений (1986 г.), в двух из которых она приводится. Некий историк из Осетии, приехав в Москву, нашёл меня и сердечно благодарил за то, что я «открыла истоки осетинского народа», который то ли происходит от богов-асов, то ли родственен им!
- ⁶ Название Азов засвидетельствовано впервые в форме Азак (ордынский город на месте античного Танаиса в устье Дона) в XIII в. Происходит из крымск.-татар. *Azaw*, ср.: тур. *Azak*, откуда рум. *Azác* (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. I. С. 63).
- ⁷ Надо, правда, отметить, что уже давно признано: последнее крупное вторжение нового этноса на Скандинавский полуостров произошло в конце неолита, и носители культуры боевых топоров, как принято называть этот этнос по наиболее характерному элементу их материальной культуры, являются предками северных германцев. Однако были и более поздние миграции, хотя и меньшего масштаба, из Центральной Европы.
- ⁸ Например, «вестьётская» теория происхождения Шведского государства (её критику см.: Gahrn L. *Sveariket i källor och historieskrivning*. Göteborg, 1988).
- ⁹ Например, креационизм, который широко распространился в США в 1980–1990-е гг. (критику см.: *Cult archaeology and Creationism: Understanding Pseudoscientific Beliefs about the Past* / F.D. Harrold, R.A. Eve. Iowa City, 1995).
- ¹⁰ Количество примеров можно было бы многократно умножить. См. критику некоторых из них в кн.: Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М., 1998.
- ¹¹ Не нашла она поддержки и ныне: публикация десятков книг не сделала аргументацию А.Т. Фоменко более убедительной. Критику его построений историками см.: Мифы «новой хронологии». Материалы конференции на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 21 декабря 1999 года. М., 2000; История и антиистория: Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко: Анализ ответа А.Т. Фоменко. 2-е изд, доп. М., 2001; Шмидт С.О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания. М., 2005. Не согласились с его математическими и астрономическими аргументами и специалисты в этих областях: Антифоменковская мозаика 2. Новая хронология — это серьёзно? М., 2001; Астрономия против «новой хронологии» / Под ред. И.А. Настенко. М., 2001.
- ¹² Ср., например, сочинения А.Д. Петухова, в которых русь оказывается прародительницей всех крупнейших королевских династий Европы (Петухов А.Д. Русы Евразии. М., 2007; он же. Тайны древних русов. М., 2008 и др.), В.А. Чудинова, увидевшего «славянские руны» («руницу») во всех нечитаемых надписях Южной Европы, включая Фестский диск, этрусские зеркала и пр. (Чудинов В.А. Тайные руны древней Руси. М., 2005; он же. Русские руны. М., 2006; он же. Вернём этрусков Руси. Расшифровка надписей древней цивилизации. М., 2006 и др.). Особенно прискорбно, что подобные «открытия» нередко популяризируются в авторитетных изданиях. Так, например, пространное интервью с В.А. Чудиновым было опубликовано в приложении к «Российской газете» «Неделя» (№ 4687 от 19.06.2008. С. 20–21). В нём утверж-

дается «существование русского языка (его можно называть как угодно: древнейший русский, палеорусский, общеславянский, индоевропейский) в самые древние времена — конкретно: не менее двухсот тысяч лет назад» (замечу, что на существование *Homo sapiens* отводится всего 30–35 тысяч лет).

- ¹³ Статьи ведущих лингвистов, палеографов, литературоведов и историков, доказательно показавших поддельный характер дощечек Ю.П. Миролюбова, см. в сборнике: Что думают учёные о Влесовой книге? / Сост. А.А. Алексеев. СПб., 2004.
- ¹⁴ Эти соображения вполне отчётливо сформулированы в книгах, публикуемых А.И. Барашковым (псевдоним А. Асов): Асов А. Тайны «Книги Велеса». М., 2001; он же. Священные прародины славян. М., 2003; он же. Русколань: Древняя Русь. (История и традиции русского казачества). М., 2003 и мн. др.
- ¹⁵ Алпатов М.И. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985. С. 9–81.
- ¹⁶ См. подробнее: Петров А.Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 36–59.
- ¹⁷ В 1870-е гг. С.А. Гедеонов опубликовал книгу, в которой утверждал, что летописные варяги — одно из поморско-славянских племён, вагры (отождествление варяги = вагры восходит к XVI в. и было популярно в польской и немецкой историографии XVI–XVIII вв.); они-то, а не скандинавы и принесли государственность в Восточную Европу (Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование. СПб., 1876. Т. 1–2; переизд.: с предисл., коммент., биографич. очерком В.В. Фомина. М., 2004).
- ¹⁸ Достаточно упомянуть первые выступления антинорманистов — в телевизионной передаче в день открытия конференции, в «Российской газете» через день после закрытия конференции, за которыми последовали бесчисленные обращения к широкой публике. Любопытно, что именно в это время готовилось празднование юбилея Старой Ладogi с её скандинавскими ассоциациями. О политизации этого юбилея в контексте борьбы между норманизмом и антинорманизмом см.: Шнирельман В.А. Президенты и археология, или Что ищут политики в древности // *Ab Imperio*. 2009. № 1. С. 302–305, 308.
- ¹⁹ Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003.; Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
- ²⁰ Расхождения во взглядах на конкретные исторические события имели место даже в советское время — в рамках признаваемых практически всеми историками основополагающих схем исторического развития (формационная «пятичленка», примат базиса и пр.).
- ²¹ Поппэ А. Русские митрополиты Константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник. М., 1968. Т. 28. С. 85.
- ²² Пролог к «Младшей Эдде» и начальная часть «Саги об Инглингах» в «Круге Земном» Снорри Стурлусона.
- ²³ См. классический труд: Heusler A. Die gelehrte Urgeschichte im altisländischen Schriftum. Berlin, 1908; на русском языке: Мельникова Е.А. Легенда об азиатской прародине в средневековой Скандинавии // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции. М., 2008. С. 359–361.
- ²⁴ Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. С. 422–438. Нельзя не отметить, что это последняя (седьмая) глава книги, занимающая всего 50 из около 480 страниц.

²⁵ Дезавуировать это весьма неудобное для антинорманистов сообщение попытался А.Н. Сахаров: «Применительно к посольству руси в Константинополь и во Франкскую империю (уточню: 1) в Восточно-Франкскую империю, поскольку в это время единой „Франкской империи“ уже не было, 2) посольство направлялось в Византию, а не во „Франкскую империю“, где оно оказалось случайно — из-за невозможности вернуться домой тем же путём, которым прибыло в Константинополь. — Е.М.) 838–839 гг. создаются какие-то ходульные фантазмагории... Что касается „свеонов“, то ведь это характеристика франков и не более того, хотя в составе посольства государства „Русь“ могли быть и бывалые выходцы с берегов Балтики — кстати те же варяги» (Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сборник Русского исторического общества. С. 13–14). То, что определение росов как свеонов принадлежит франками, не только не умаляет ценности этого сообщения, вопреки А.Н. Сахарову, а, напротив, повышает его достоверность, поскольку франки уже с конца VIII в. постоянно имели дело со скандинавами и Людовик Благочестивый, усомнившийся в национальности «росов», не раз отражал набеги викингов, принимал датскую знать на службу и потому прекрасно ориентировался в этнополитической ситуации в Скандинавии. Предположение же о «бывалых выходцах с берегов Балтики» не имеет ни малейшего обоснования в тексте.

²⁶ Слабой попыткой сделать это является цитирование (практически без пояснений) паннонского «Жития Кирилла», Раффельштеттенского устава и нескольких сообщений восточных авторов разного времени // Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. С. 437–438.

²⁷ Анализ полного корпуса упоминаний варягов в Повести временных лет см.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия варяг // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68. Понятно, что наши выводы не могли удовлетворить В.В. Фомина, но тем естественнее для него было бы дать свою интерпретацию материала.

²⁸ Достаточно сказать, что в этой главе нет ни одной (!) ссылки на труды А.А. Шахматова, А.Е. Преснякова, Д.С. Лихачёва, О.В. Творогова, А.А. Гиппиуса — крупнейших исследователей русского летописания.

²⁹ Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. С. 422.

³⁰ Почему, например, за пределами интересов Фомина осталось сочинение Гельмольда (продолжено Арнольдом Любекским и доведено до 1209 г.), долгое время проводившего в земле вагров и принявшего участие в их христианизации? Именно в нём содержатся наиболее подробные сведения о ваграх, так занимавших С.А. Гedeонова, и о других поморских славянах. И пользоваться ей удобно — есть перевод на русский язык: Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. Позволю себе предположить: не потому ли антинорманисты «забывают» о Гельмольде, что о связях балтийских славян с Восточной Европой он не упоминает?

³¹ Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. С. 425. Ср. цитату из статьи А.Г. Кузьмина, используемую в качестве обоснования того, что на Руси знали о «русском» происхождении Одоакра (это утверждение опирается на сообщение Иордана, автора VI в., о принадлежности Одоакра к ругам, которые, в интерпретации А.Г. Кузьмина и его последователей, являются не германцами, а русскими): «Кузьмин выражает уверенность, что новгородский летописец XIII в. помнил о событиях V века (поскольку победитель Одоакра Теодорих Великий упоминается в «Повести о взятии Царьграда фрягами» в Новгородской первой летописи под 1204 г. — Е.М.), явно опираясь на устную традицию, может быть уже записанную к этому времени (выделено мною. —

Е.М.)... и она оказывается достоверней весьма разноречивых записей об этнической принадлежности Одоакра»». Там же. С. 428. Вообще весь этот пассаж о «русском» Одоакре, упоминаемом в украинских источниках XVII в. и якобы известном и популярном на Руси XI в., мог бы быть предметом отдельного разговора, поскольку наглядно демонстрирует поразительное — и весьма показательное — смешение фактов и вымыслов, сообщений источников разного времени, неадекватных выводов и пр. Об анализе этой традиции см.: Формозов А.А. Человек и наука. Из записей археолога. М., 2005. С. 127–146.

³² Говоря о причинах «забвения» русским летописцем южнобалтийских славян, А.Н. Сахаров замечает: «Не лежит ли подход к сложному вопросу на поверхности» — варягов-то летописец знает, и «ответ... находится сам собой»: поморские славяне не названы, потому что они и есть варяги (Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сборник Русского исторического общества. С. 16). К сожалению, лежащих на поверхности ответов на сложные вопросы не бывает и ответы не находятся сами собой — на поверхности лежат ответы только на поверхностные вопросы.

³³ Чем же хуже тогда сообщение Бертинских анналов о росах, которые оказались свеонами? О них ведь писал свидетель и участник событий — в отличие от Герберштейна.

³⁴ Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. С. 494.

³⁵ К этому вопросу обращались многие исследователи, прежде всего издательница «Сказания о князьях владимирских» (Сказание о князьях владимирских / Сост. Р.П. Дмитриева. М.-Л., 1955). В числе последних см. работы «норманиста» В.Я. Петрухина (Сказание о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 г.: Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 76–93) и ещё не уличённого, кажется, в норманизме А.И. Филюшкина (Филюшкин А.И. Сравнительный анализ генеалогических легенд XVI в. о происхождении великокняжеских династий Российского и Литовского государств // Древняя Русь и Запад. Материалы научной конференции. М., 1996. С. 133–137).

³⁶ Правда, и в Средние века некоторые историографы были серьёзно озабочены проблемой достоверности своих источников: так, в начале VII в. Беда Достопочтенный посылал одного из монахов в Рим сверить в архивах папской курии имевшиеся в её распоряжении документы о христианизации Англии, а в XIII в. Снорри Стурлусон подробно обосновывал источниковедческую ценность скальдической поэзии в сравнении с другими источниками информации (Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 9–10).

³⁷ Геденов С.А. Варяги и Русь.

³⁸ Ср. такие «классические» примеры народной этимологии, как «спинжак» вместо «пиджак» (из англ. reajacket — «жакет из грубого сукна») по связи со «спиной», «гульвар» вместо «бульвар» (из нем. Bollwerk — «земляной вал») по связи с «гулять», «купира́тив» вместо «коопе́ратив» по связи с «купить» и мн. др.

³⁹ См. об этимологическом методе: Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V — начало VII века). М., 1989. С. 207–283; Пизани В. Этимология — История — Проблемы — Метод. М., 1956.

⁴⁰ См.: Первольф О.О. Варяги, Русь и балтийские славяне // ЖМНП. 1877. Ч. 192; Фортинский Ф. Варяги и Русь. Историческое исследование С. Геденова. СПб., 1878.

⁴¹ Здесь, конечно, стоило бы задаться вопросом, почему такое значение придаётся

именно варягам, которые, согласно Повести временных лет (других источников, как мы видели, антинорманисты не привлекают; но скажу за них — согласно и всем другим источникам тоже), занимают маргинальное положение в древнерусском обществе X в.: ни один из киевских князей, равно как и представителей высшей знати (включая участников заключения договоров с греками), носивших скандинавские имена, не называется «варягом» — все они «русь», «князья русские». Само слово «варяг» появляется в связи с описанием похода Олега на Византию под 907 г. и с этого момента обозначает исключительно воинов-наёмников, купцов, но отнюдь не древнерусскую элиту (см.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия варяг // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68). Более логичны в контексте антинорманизма были попытки, особенно интенсивные в 1940–1950-е гг., обосновать славянское происхождение названия русь (например, «среднеднепровская» гипотеза М.Н. Тихомирова).

⁴² Можно предполагать, хотя никто и никогда не задавался этим вопросом, что суффиксальное -г было отнесено С.А. Геденовым к корню слова, т.е. морфологическая структура слова (разделение его на корень и суффикс) осталась неясной «этимологам», что было простительно С. Герберштейну, но непростительно уже С.А. Геденову, а тем более современным антинорманистам.

⁴³ Кузьмин А.Г. Два вида русов в юго-восточной Прибалтике // Сборник русского исторического общества. С. 210.

⁴⁴ Фомин В.В. Народ и власть в эпоху формирования государственности у восточных славян // Отечественная история. 2008. № 2. С. 181–182.

⁴⁵ Фомин В.В. Народ и власть. С. 179.

⁴⁶ Тихомиров М.Н. Происхождение названия «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. 1948. Вып. VI–VII. С. 60–80.

⁴⁷ Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности. С. 17; Фомин В.В. Народ и власть. С. 183 (со ссылкой на Л. Грот, которая, живя в Швеции, могла бы без большого труда выяснить этот вопрос).

⁴⁸ Peterson L. Nordiskt runnamnslexicon. Uppsala, 2007.

⁴⁹ Фомин В.В. Народ и власть. С. 170.

⁵⁰ См. примечания 8–11 и др.

⁵¹ См., например, характеристику лженаучных «теорий» и «изобретений» в области естественных наук: Кругляков Э.П. «Учёные» с большой дороги. М., 2002; он же. «Учёные» с большой дороги — 2. М., 2005.

⁵² Stiebing W.H., Jr. The Nature and Dangers of Cult Archaeology // Cult Archaeology... P. 1–10.

⁵³ О косности, если не о намеренном нежелании «академиков» внимать открытиям «мифотворцев» пишут практически все они: и Фоменко, и адепты «Влесовой книги», и Чудинов, открыватель «славянских рун», и мн. др.

⁵⁴ Агрессивность «мифотворцев» поистине поразительна: такое впечатление, что о формах академической полемики большинство из них даже не слышали и площадная брань (с лёгким оттенком доносительства) — привычный для них способ общения.

Теория этногенеза и её фальсификация в современной России

Пара... [< греч. Para — возле, при]
Словарь иностранных слов. М., 1982

Говоря о фальсификации археологических данных, которые используются для построения националистических концепций, мы чаще всего обращаемся к «трудам» разного рода дилетантов — мало образованных в исторической науке людей или вовсе не имеющих соответствующего образования. Однако так ли благополучно обстоят дела в современных разработках этноисторических конструкций у дипломированных специалистов, работающих в сфере высшего образования и академической науки?

Традиция этногенетических исследований в России восходит к знаменитой «анучинской триаде» — триединству гуманитарных наук в составе антропологии, этнографии и археологии. В этом случае археологические данные справедливо рассматриваются в качестве исторического источника. Более того, именно они чаще всего служат сегодня для попыток доказательства древности того или иного народа на какой-либо территории. При этом подразумевается преимущественное право этого народа на данную территорию или «реконструкция» используется в дальнейшем для доказательств такого права уже другими «авторами». По словам В.П. Алексеева, «под этногенезом понимается вся та *совокупность исторических явлений и процессов* (курсив мой. — Л. Я.), которые имеют место в ходе формирования того или иного народа и приводят к окончательному сложению его этнического лица»¹. Из этого определения становится понятно, что изучение этногенеза должно непременно проводиться на междисциплинарном уровне.

Сегодня, однако, мы становимся свидетелями масштабных этногенетических построений, основанных на использовании только археологических данных, к тому же недостаточно выверенных².

Но и в случае действительно междисциплинарных реконструкций весомость и объективность выводов, сделанных в этногенетическом исследовании, не всегда остаются достаточно надёжными в силу природы источника и недостаточной подчас разработанности методологической и методической базы его изучения даже группами профессионалов.

Что уж говорить об околонуточных («паранаучных») изысканиях всякого рода любителей реконструировать древность своего народа на занимаемой им сегодня территории чуть ли не от эпохи каменного века. Для таких реконструкций характерны: вольная трактовка достаточно схематичных изображений эпохи палеолита; ещё более вольное априорное сопоставление этих изображений

с отдельными эпизодами из слабо документированных мифолого-эпических сюжетов; механическое нагромождение названий разновременных археологических культур без строгой вещеведческой разработки и научной оценки их реальной культурно-генетической связи, перемешанное со ссылками на отрывочные (вне общего контекста) сведения из плохо понятых автором и, как правило, недостаточно репрезентативных палеоантропологических источников³.

С той же степенью достоверности археологами создаются реконструкции в области исторической лингвистики, которые выдаются за научные⁴. В результате такой реконструкции был прослежен этногенез башкир в Приуралье «от верхнего палеолита до этнографической современности»⁵. Но на этот раз опасная «этногенетическая концепция» публикуется не на Кавказе, а в самом сердце России, в Уральском регионе, где проблема межнациональных отношений стоит достаточно остро, а любое неловкое движение в сфере межэтнических взаимоотношений грозит весьма тяжёлыми последствиями для нашей страны.

Посмотрим, как же на самом деле обстоят дела с теоретической базой действительно научного этногенетического исследования.

Антропологический аспект этногенетического исследования

Любые палеоантропологические реконструкции, лежащие в основе этногенетического исследования, основаны на признании аксиомы о существовании более или менее выраженных межрасовых различий, фиксируемых на данной территории с древности. Однако специалистам-антропологам известно, что сам факт существования человеческих рас подвергается сомнению, особенно в последнее время, и не только в зарубежной науке⁶.

Представители российской школы физической антропологии в большинстве своём полагают, что реальность существования рас у человека подтверждается генетически дискретными характеристиками организма человека, которые объективно фиксируются на различных уровнях исследования — от молекулярного до соматологического.

В работах российских антропологов чётко сформулированы отличия рас от подвидов животных. И главное состоит в том, что расы есть результат дифференцированного *социально-исторического* развития групп популяций внутри вида *Homo sapiens*, многогранно отражённый в их физических характеристиках. Отсюда следует, что расы человека, являющиеся по сути своей биологическими категориями, не могут быть познаны в динамике их генезиса и развития без привлечения данных исторических наук. С другой стороны, материалы антропологических исследований являются для исторических наук независимым и ценным источником информации⁷.

Однако блестяще сформулированный в нашей науке принцип историзма расы⁸ вовсе не исключает, а скорее подчёркивает вероятность *морфологического несовпадения древних и современных расовых общностей*, что необходи-

мо учитывать при построении любых расогенетических (и этногенетических) схем.

Надо констатировать, что отрицание принципиальной возможности или даже запрет на проведение расоведческих исследований (составляющей любого этногенетического исследования) — это реакция на попытки неоправданно вольного установления *причинных* взаимосвязей между биологической популяцией и этносом, ничем не оправданного подчёркивания биологичной природы этноса⁹, что действительно может быть использовано всякого рода расистами. Само понятие «этническая антропология» (в прямом переводе его на английский язык — *ethnic physical anthropology*) несёт в себе опасную, с точки зрения ряда западноевропейских и американских учёных, аберрацию, поскольку содержит грамматический элемент зависимости, которая без специальных и прозрачных объяснений вполне может быть истолкована как *причинная*. Поэтому в этногенетическом исследовании следует всячески избегать пассажей, в контексте которых содержится даже намёк на прямые, а не опосредованные географической территорией взаимосвязи между такими явлениями, как этнос и популяция, этнос и раса, раса, язык и культура¹⁰.

Этносы: историческая реалья или искусственная конструкция советского академика?

Практика исследований показывает: чем меньше археолог ориентируется в теории современной этнологии, тем чаще и увереннее он использует в своих реконструкциях всякого рода этническую номенклатуру, почерпнутую из древних письменных источников или придуманную им самим. Для этого исследователя понятия «историческая общность» и «культурно-историческая область» синонимичны, хотя на самом деле они отражают явления, которые лежат в разных плоскостях исторического процесса¹¹.

Между тем само существование этносов как исторической реалии теперь подвергается сомнению именно профессионалами-этнологами. По словам В.А. Тишкова, «в зарубежной литературе понятие *этнос* фактически отсутствует»¹².

Вместо привычной и, как казалось, хорошо обоснованной концепции *этнoсa* академика Ю.В. Бромлея и его соратников¹³ нынешними теоретиками этнологии выдвигается концепция *этничности*, которая «подвергает сомнению... взгляд на культурную отличительность и обращает внимание прежде всего на многокультурный характер большинства современных обществ и на практическое отсутствие гомогенных групп...»¹⁴.

Концепция этничности распространяется, конечно же, и на древние общества. Хотя стоит, по-видимому, признать, что среди древних сообществ закономерно чаще, чем в современных, можно встретить культурные изоляты и, следовательно, культурную специфичность. Но и древние сообщества в этом отношении не одинаковы, их культурные проявления надо изучать вниматель-

но и скрупулёзно во всём их многообразии. Так, модели культурообразования, применимые к древним высокогорным или лесным сообществам, вовсе не применимы к степным, часто кочевым группам с их исключительной мобильностью и повышенной способностью к разного рода миграциям и культурно-генетическим диффузиям.

Таким образом, традиционная дискуссия о соотношении таких понятий, как «этнос» и «археологическая культура»¹⁵, сегодня переносится в плоскость проблемы существования этноса как некой исторической реальности современности и древности вообще.

Культура этноса, этническая культура и археологическая культура

Этнологические новации, которые вводит или пытается ввести в науку В.А. Тишков, признаются далеко не всеми российскими учёными, в том числе и профессионалами-этнографами, сотрудниками возглавляемого им Института этнологии и антропологии РАН, в чём он сам признаётся¹⁶. Не дело классических историков, археологов или антропологов вмешиваться в дискуссию о фундаментальных проблемах теории этнологии.

Поэтому посмотрим, как обстоит дело с этническими реконструкциями в самой археологии, если даже вернуться на позиции теории этноса Ю.В. Бромлея¹⁷.

Базовое для археологической науки понятие «археологическая культура», которая часто является объектом этнических манипуляций и всякого рода этногенетических спекуляций, остаётся весьма неопределённым. И дело не в том, что мы испытываем недостаток в определениях этого понятия. Напротив, их слишком много, и они часто противоречат друг другу. Эти определения были сформулированы весьма уважаемыми специалистами, и нам трудно выбрать, какое из них лучше. Наверное, именно поэтому *ни одно* из определений археологической культуры не вошло в наиболее распространённые в СССР и в России и многократно переизданные вузовские учебники Д.А. Авдусина и А.И. Мартынова¹⁸.

Специалисты до сих пор не могут прийти к единогласию даже в простом, казалось бы, вопросе: что есть археологическая культура — только инструмент исследователя или объективная историческая реальность?¹⁹ Сравнительно недавно, ещё до выхода в свет книги Клейна, появились модернизированные версии определения²⁰, но они не внесли в него определённости как инструмента археологического исследования или некой объективной археологической реальности.

Из многих выберем, например, определение классика отечественной археологии А.Л. Монгайта: «Под археологической культурой понимается комплекс отдельных типов вещей, жилищ, погребений, приуроченных к определённой территории»²¹ — и увидим, что оно не годится для классических степных кочевников с отсутствием у них постоянных жилищ или для амирабадской

культуры эпохи поздней бронзы Хорезма с отсутствием достоверно связанных с ней погребальных комплексов²².

Другая проблема археологической культуры состоит в том, что, даже хорошо изученная, она лишь отчасти и всегда неполно отражает культуру этноса-носителя в целом.

К закономерной неполноте и фрагментарности археологических данных добавим процессы культурной диффузии в пограничных культурных ареалах, характерные для современных и древних обществ состояния этнической гетерогенности и, наконец, отсутствие в археологии надёжных критериев выделения признаков *этнической культуры* из конгломерата признаков, характеризующих *культуру этноса*.

Напомню, что под культурой этноса в этнографии понимается вся совокупность культурного достояния, присущего данному этносу, независимо от того, имеют ли различные элементы культуры этническую окраску или они этнически нейтральны. Материальная культура различных этносов может включать более или менее однотипные элементы в силу их специализированной функциональности, например при сходном хозяйственно-культурном типе. Именно с этим обстоятельством сталкиваются учёные, пытающиеся выделить из совокупности погребений средневековых кочевников южнорусских степей могильники, оставленные половцами, печенегам или иными известными по письменным источникам кочевыми группами. Близкая ситуация возникает при выявлении специфического погребального обряда поздних сарматов, хунну/сюнну, аланов или гуннов²³.

Под этнической культурой понимается совокупность лишь тех элементов и структур культуры этноса, которые обладают собственно этнической спецификой, выполняющей этнодифференцирующую функцию в оппозиции «мы — они»²⁴.

Любой этнос и интегрируемые им явления можно представить в виде сгустка постоянно поддерживаемых потоков синхронной и диахронной информации, обеспечивающей в конечном счёте механизмы культурной и биологической адаптации каждого сообщества. Признаки культуры этноса чаще всего являются результатом синхронных потоков информации и лежат в основе инноваций. Признаки этнической культуры поддерживаются диахронными информационными потоками и составляют традиционную базу сообщества. Синхронный информационный поток обеспечивает все варианты межэтнического общения, а диахронный — межпоколенную связь в пределах данного этноса, то есть те традиции, которые стабилизируют этнос во времени²⁵.

В определённых условиях некоторые инновации на протяжении двух-трёх поколений превращаются в традиции. Одновременно может происходить полное или частичное разрушение традиций, существовавших здесь прежде. Становится понятно, что любая традиция — это бывшая инновация, а любая инновация может довольно быстро стать традицией.

Механизм выявления признаков этнической культуры в археологии ослож-

нён трудностями датирования памятников, даже приближенных к нам во времени (эпоха раннего железа и средневековья). Например, датировка могильников раннесарматской культуры лежит в пределах как минимум трёх столетий (IV–II вв. до н.э.), и признаки погребального обряда этих могильников, которые часто воспринимаются археологически синхронными, в исторической реальности являются диахронными. На протяжении короткого временного отрезка признаки, ещё недавно характеризующие этническую культуру, могут стать надэтническими, трансформируясь в конкретных социально-политических условиях²⁶. Это произошло, например, со «скифской триадой»²⁷ и некоторыми типами искусственной деформации головы (кольцевая).

С этой же точки зрения можно рассматривать могильники средневековых степных кочевников, которые датируются в пределах нескольких столетий и, очевидно, были оставлены гетерогенными подразделениями крупных кочевых союзов, известных нам как половцы, печенег, огузы и др. Или ранее — гунны, аланы, сарматы. Под последним этнонимом, судя по письменным источникам, скрывались различные народы с эндо- или экзоэтнонимами — сирматы, сираки, аорсы, язматы, роксоланы и др.

Классик археологического кочевниковедения Г.А. Фёдоров-Давыдов писал: «Кочевая группа, дробясь, попадает в разные кочевые объединения, но сохраняет там свои наименования, восходящие к более древнему периоду. «Татары» — этноним, которым соседние народы в XIII в. называли монгольскую правящую аристократию. Потом это название стало названием всех кочевников Золотой Орды. Когда кочевая группа входила в состав нового объединения, она получала двойное наименование: старое имя племени и имя того объединения, в которое она включилась. Последнее чаще было не самоназванием, а прозвищем, которое давалось соседями. Чем быстрее идёт процесс консолидации кочевого населения в народность, тем скорее происходит эта смена кочевых групп, тем быстрее они исчезают, заменяясь единым именем кочевой народности. Но в разных частях степи этот процесс имел разные темпы»²⁸.

Из заключений Г.А. Фёдорова-Давыдова становится понятной необходимость проявлять исключительную осторожность при идентификации с историческими этнонимами локальных или территориальных вариантов любой археологической культуры кочевников²⁹.

Теоретические модели³⁰ демонстрируют исходную таксономическую неравноценность объективных и субъективных исторических явлений, которые обозначают понятием «археологическая культура». Поэтому не только прямое отождествление археологической культуры с конкретным этносом, но даже процесс дифференциации признаков культуры этноса и этнической культуры в каждом случае требует специальных подходов и применения специальных методик, которые выводят нас за рамки собственно археологии и находятся в области междисциплинарного *этногенетического* исследования.

При попытке выявления закономерностей во взаимных проявлениях тех или иных признаков археологической культуры, связи их с объективными при-

знаками, антропологическими или вероятными этноисторическими, оказывается, что такие зависимости часто улавливаются лишь при использовании методов вероятностной статистики³¹. Установленные статистические зависимости не абсолютны, а именно вероятностны. В исторических исследованиях они не исключают, как правило, 25-процентной вероятности, ошибки вывода. Что уж говорить о крайне субъективных *априорных* схемах, которыми пестрят наши «академические» этноисторические и этногенетические исследования?

Не навреди!

Всё, что было изложено выше, сказано для того, чтобы отметить методические трудности, которые закономерно возникают при попытке осуществления этногенетических исследований даже группой профессионалов. Игнорирование этих трудностей и непонимание конфликтообразующих последствий *псевдоэтногенетических* конструкций в условиях современной многонациональной и мультикультурной России с её внутренними административными границами, часто проведёнными с учётом «этнических ареалов», напоминает легкомысленную игру ребёнка с огнём в пороховом погребе или действия слона в посудной лавке.

Исторически сложилось так, что любой российский регион, будь то Северо-Кавказский или Волго-Уральский, *чересполосно* населён носителями самобытных и многообразных культурных, языковых и религиозных традиций.

Как бы мы ни относились к сущности расовых, этнических или археологических классификаций, нужно помнить о том, что любая из них по самой природе своей направлена на выявление тех признаков (таксономически значимых), которые *разделяют* древние сообщества людей. Так, в антропологии принцип таксономической неравнозначности признаков был прекрасно сформулирован А.И. Ярхо³².

Между тем в условиях существования в современной многонациональной России угрозы межэтнических конфликтов, порождённых в том числе и «этногенетическими» исследованиями *псевдоинтеллектуалов*, в истинно этногенетическом исследовании надо акцентировать внимание на то, что объединяет народы России и делает этническую историю и культуру нашей страны³³ столь многоцветной и богатой, подобно тому, как отдельные разноцветные камушки вместе образуют замечательное мозаичное полотно, которое исчезнет в своём целостном восприятии, уберет один из составляющих его элементов.

Легкомысленно вторгаясь с не очень пригодными инструментами в очень болезненный мир этнических взаимоотношений (в том числе древних), надо понимать всю меру собственной, *персональной* ответственности за содеянное. И принцип «не навреди!», используемый обычно в медицине, в высшей степени применим к нашим, казалось бы, отвлечённым, но на самом деле столь опасным академическим штудиям этногенетической и этноисторической направленности.

Нужны специальные организационные мероприятия, направленные на

разработку теории и практики этногенетических исследований. Но это дело будущего. В нынешних условиях нам иногда лучше помолчать, чем сказать лишнее неосторожное слово, которое может послужить искрой для возникновения пожара. Даже если кто-то упрекнёт нас в «выхолащивании» археологии и утрате ею историзма. На самом деле — современного псевдоисторического мифологизма³⁴.

Здесь ни в коем случае не идёт речи о каком-то запрете или каком-либо цензуровании исследований этногенетической направленности. Но речь идёт о необходимости соблюдения исключительной осторожности при их проведении, необходимости (ещё на стадии написания) всесторонних консультаций с представителями смежных исторических дисциплин и, главное, *строжайшей персональной самоцензуры авторов и издателей*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986. С. 3.

² Критику см.: Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологий в современной России. М., 2004.

³ Не будучи, естественно, специалистом в области антропологии, автор реконструкции не способен оценить степень достоверности вывода антрополога и выдёргивает из общего контекста антропологического исследования угодные ему, но не всегда достаточно весомые соображения.

⁴ Точно так же археолог не в состоянии объективно оценить паралингвистические конструкции такого типа: река Урал > Яик > Даик > даи > дахи (т.е. племена скифской эпохи, упомянутые у древних авторов) > башкиры. На самом деле речь в данном случае идёт о бессмысленной с научной точки зрения перестановке и замене букв с сомнительной целью ещё раз доказать древность башкир на Урале, а заодно и их историческую связь с героическими и могущественными скифами (чего, конечно же, не наблюдается у других современных народов Приуралья). К сожалению, эта и другие подобного рода «реконструкции» поддерживаются из «политических» соображений на самых высоких академических уровнях.

⁵ Котов В.Г. Проблема этнокультурной преемственности населения Южного Урала от верхнего палеолита до современности // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III (с международным участием) научно-практической конференции. Челябинск, 2006; Он же. Башкирский эпос «Урал-Батыр»: историко-мифологические основы. Уфа, 2006.

⁶ Подробнее см.: Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 66–68; Яблонский Л.Т. Внимание: этническая антропология! // Теория антропологии и её методы: истоки и развитие. V Бунаковские чтения. Тезисы докладов. Ч. 2. М., 2001; Yablonsky L.T. Contrasting views of the “Race” concept in the Russian and American Physical Anthropology // American Journal of Physical Anthropology. Supplement 32. New York, 2001; Yablonsky L.T. Ed. by H. Maver and P. Rudan. The traditional concept of race in the Russian anthropology // 13 Congress of the European Anthropological Association. Abstracts. Collegium anthropological. Vol. 26. Zagreb, 2002. P. 242; Yablonsky L.T. The culture of ethnos, ethnic culture and archaeological culture // 8th EAA Annual Meeting. Abstracts book. Mougos.

- Fessaloniki, 2002. P. 25–26; Алексеева Т.И. и др. Проблема расы в российской физической антропологии. М., ИЭА РАН, 2002.
- ⁷ Алексеева и др. Указ. соч.
- ⁸ Бунак В.В. Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. М.-Л., 1938.
- ⁹ См., например: Бородай Ю.М. Этнические контакты и окружающая среда // Природа. 1981. № 9; Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- ¹⁰ Яблонский Л.Т. Внимание: этническая антропология!..
- ¹¹ Яблонский Л.Т. Проблемы историко-этнографического районирования в археологии (в связи с разработками В.П. Алексеева) // Горизонты антропологии. М., 2003.
- ¹² Тишков В.А. Указ. соч. С. 99.
- ¹³ Пименов В.В. Понятие «этнос» в теоретической концепции Ю.В. Бромлей // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. М., 2003. Там же список литературы по теории этноса.
- ¹⁴ Тишков В.А. Указ. соч. С. 60.
- ¹⁵ Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической специфики // Советская этнография. 1979. № 6; Они же. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 186–189.
- ¹⁶ Тишков В.А. Указ. соч. С. 10.
- ¹⁷ См., например: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
- ¹⁸ Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1977; Мартынов А.И. Археология. М., 1996.
- ¹⁹ Клейн Л.С. Археологическая типология...; Он же. Принципы археологии. СПб.: Бельведер, 2001.
- ²⁰ См., например: Ковалевская В.Б. Археологическая культура — практика, теория, компьютер. М., 1995. С. 56–57. Рис. 1.
- ²¹ Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 53–69.
- ²² Итина М.А. История степных племён Южного Приаралья во II тысячелетии до н.э. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. X. М., 1977.
- ²³ Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Болелов С.Б. Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н.э. — IV в. н.э. // Российская археология. 2007. № 3.
- ²⁴ Козлов В.И. Этнос и культура // Советская этнография. 1979. № 3.
- ²⁵ Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Яблонский Л.Т. «Скифская триада» и проблема этничности археологических признаков // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических памятников Западной Сибири. Тез. докл. VII Западно-Сибирского археолого-этнографического совещания. Томск, 1990.
- ²⁸ Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 172–175.
- ²⁹ Яблонский Л.Т. Вклад Г.А. Фёдорова-Давыдова в практику и теорию археологического кочевниковедения // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тезисы докладов III международной конференции. М., 2006.
- ³⁰ Яблонский Л.Т. Культура этноса, этническая культура и археологическая культура // Российская археология: достижения XX в. и перспективы XXI в. Материалы научной конференции. Ижевск, 2000.

- ³¹ Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966; Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1986.
- ³² Ярхо А.И. Методика антропологических исследований // Антропологический журнал. 1934. № 3.
- ³³ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.
- ³⁴ Yablonsky L.T. Archaeological Mythology and some real problems of the Current Archaeology // Ed. by Karlene Jones-Bley and D.G. Zdanovich. Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Regional specifics in Light of Global Models. Vol. 1. Washington, 2002. P. 82–94; Yablonsky L.T. Scythians and Saka: Ethnic Terminology and Archaeological Reality // The Golden Deer of Eurasia. Perspective on the Steppe Nomads of the Ancient World. Ed. by J. Aruz, A. Farkas and E. Valtz Fino. The Metropolitan Museum of art. New York. Yale University Press, New Haven and London, 2006. P. 24–31.

Часть 2.
**«Влесова книга»: эволюция
классической подделки**

О «Велесовой книге»

Занимаясь письменными документами древнего Новгорода, трудно обойти вниманием тот факт, что, по утверждениям некоторых авторов, существует текст, созданный в IX в. новгородскими волхвами и дошедший до нашего времени, — так называемая «Велесова книга» (далее — ВК). Это сочинение, правда, обсуждается в основном не в научной литературе, а в средствах массовой информации и публицистике. Но заметный интерес, который оно вызывает у многих читателей, заставляет ещё раз взглянуть на него с собственно научной точки зрения. В настоящей работе предлагается лингвистическая оценка этого памятника.

Общие сведения о ВК

Перескажем вкратце то, что известно о появлении данного памятника¹. Историк-любитель Ю.П. Миролюбов, живший в эмиграции, в 1953 г. объявил следующее. Офицер Белой армии Али Изенбек в 1919 г. нашёл в разграбленной усадьбе где-то на Украине несколько десятков деревянных дощечек размером 38 x 22 x 0,5 см, исписанных с двух сторон, и вывез их с собой в Западную Европу. Буквы были, по одним сообщениям Миролюбова, выжжены, по другим — выцарапаны. В 1925 г. в Брюсселе Изенбек показал дощечки Миролюбову, и тот 15 лет занимался их копированием. В 1941 г. Изенбек умер, а дощечки исчезли при обысках, производимых гестапо.

В ноябре 1953 г. в американском эмигрантском ротапринтном журнале «Жар-птица» появилось первое сообщение о дощечках, и в течение трёх лет публиковались статьи историка-любителя А. Кура (генерала Куренкова), которому Миролюбов передал свои материалы. В этих статьях процитировано в общей сложности около 100 строк из ВК. С марта 1957 г. в том же журнале начинается публикация дощечек (мелкими партиями), продолжавшаяся до 1959 г., когда журнал прекратил своё существование. Позднее текст получил условное название «Велесова книга» (или «Влесова книга», или «Влес-книга»), по имени языческого бога Велеса. Он содержит историю предков русских (и вообще всех славян) почти за два тысячелетия — от IX в. до н.э. до IX в. н.э. По утверждению главного пропагандиста ВК А.И. Асова, дощечки были писаны в IX в. новгородскими волхвами.

Настоящего научного издания ВК, с филологическим аппаратом, словоуказателем и т.д., не существует. Есть ряд переводов, но все они весьма вольные — отчасти из-за специфических особенностей оригинала (о которых подробнее ниже), отчасти потому, что переводчики ВК и не пытаются всерьёз анализировать оригинал, а свободно «вчитывают» в него тот смысл, который их устраивает.

Мало того — публикаторы обычно свободно вносят изменения и в то, что считается прямым воспроизведением оригинала. Именно таковы, в частности, публикации А.И. Асова, самые распространённые в России.

Вдобавок публикация А.И. Асова — это вовсе не дощечка за дощечкой в порядке номеров, а мозаика из кусков (составляющих обычно лишь часть какой-то дощечки, иногда даже всего одну фразу), скомпонованных «по смыслу» по произволу издателя, совершенно безотносительно к нумерации дощечек у Миролюбова.

Существующая общая оценка ВК

Собственно научной дискуссии по поводу ВК, по сути дела, нет — профессионалы (лингвисты и историки) немедленно опознают в ВК подделку и, за немногими исключениями, не считают нужным всерьёз разбирать её и даже просто упоминать. Подлинность ВК защищают (часто с фанатичностью и агрессивностью) почти исключительно энтузиасты-любители и журналисты. Правда, сейчас они любят зачислять в категорию своих сторонников также и двух-трёх лингвистов из Сербии и Украины, но речь идёт фактически о людях, которые всего лишь допускают некоторое сомнение в поддельности ВК, а не отстаивают прямо и аргументированно версию её подлинности.

Между тем среди непрофессионалов, увлечённых «огромной патриотической», как им кажется, ценностью ВК, вера в это произведение распространена довольно широко. И поэтому разобрать этот вопрос более внимательно всё же целесообразно.

При этом я сразу же подчеркну, что вся необходимая критика ВК, в сущности, уже содержится в статьях О.В. Творогова² и А.А. Алексеева³. Беда лишь в том, что эта критика недостаточно известна: это статьи в научных журналах плюс книга «Что думают учёные...», тираж которой — 1500 экземпляров, тогда как у ВК в России тиражи в сотни тысяч! И я повторяю сейчас эту критику не ради того немногого, что я могу добавить от себя, а чтобы оценка ВК профессионалами стала известна несколько шире. И хочу в особенности выделить тот тезис, что лингвистические аргументы здесь весомее и неумолимее всех других.

Ситуацию с ВК её защитники любят сравнивать с той, в которой находится «Слово о полку Игореве». Но тут я должен заявить с самого начала: трудно представить себе два произведения, столь противоположных с точки зрения лингвистической правильности.

И если в вопросе о «Слове» необходимо внимательно рассматривать и взвешивать все аргументы за и против подлинности, то в случае ВК на стороне подлинности нет практически никаких серьёзных научных аргументов. Есть лишь эмоциональный накал веры в чудо, открывающее картину неимоверной древности русского (при другом подходе — украинского) народа и его письменной традиции.

Показательно заявление главного сторонника ВК А.И. Асова: «Главное

же подтверждение подлинности невозможно точно выразить словами. Оно исходит из личного духовного опыта. О подлинности говорит сам дух Влесовой книги. Её мистериальная тайна, великая магия слова»⁴.

Нелингвистические аргументы

Все аспекты ВК, будучи критически проанализированы, ведут к выводу о поддельности: в одних случаях — высоковероятному, в других — практически неумолимому.

Факты, свидетельствующие о том, что ВК — это подделка, столь многочисленны, что наше последующее изложение, в котором они обсуждаются, вероятно, после первых нескольких шагов уже покажется читателю не требующим более продолжения. И это в сущности так и есть. Но мы всё же сочли полезным для полноты картины пройти длинную цепочку аргументов целиком, продвигаясь от не вполне окончательных аргументов к окончательным.

В этой работе нас будут интересовать прежде всего данные лингвистики. Об остальных аспектах упомянем лишь бегло⁵.

1. Нет никаких доказательств того, что дощечки Изенбека действительно существовали. Предъявленная публикаторами фотография одной из дощечек (№16), как установлено, сделана не с дощечки, а с рисунка (или прориси).

2. Машинопись Миролюбова и публикация в «Жар-птице» (как объявлено, с этой машинописи) расходятся столь сильно, что редакционная «доработка» (не графическая, а с заменами слов и фраз) либо в публикации, либо в обоих источниках несомненна.

3. Сочинения Миролюбова (9 томов) целиком посвящены доисторическому периоду жизни русов и содержат идеи, имена и формулировки, весьма близкие к ВК. Между тем до 1952 г. (когда уже 6 томов из 9 были написаны), указывая источники своих данных, он нигде не упоминает ВК (более того, прямо говорит, что других свидетельств, кроме им упомянутых, он, к сожалению, не имеет), хотя позднее он сообщил, что познакомился с дощечками Изенбека в 1925 г. и кропотливо работал над их переписыванием в течение 15 лет.

4. В ВК обнаруживается ряд разительных частных сходств с произведениями, вызывавшими особый интерес Миролюбова. Так, Миролюбов написал целую большую работу (увы, вполне дилетантскую) о «Слове о полку Игореве», а в ВК имеется серия слов и выражений, не встречающихся нигде (или почти нигде), кроме «Слова о полку Игореве»: *русичи, Дажбожи внуци, харалужнии, вѣци Трояни, земля Трояня, Каяла, Карна, Ж(а)ля, комони, встала обида* и др.

С другой стороны, в тексте обнаруживается ряд фраз и речений, которые трудно оценить иначе, как скрытые цитаты из Библии и Евангелия (обычно чуть-чуть переделанные), например: «и ныне и присно и во веки веков», «будьте как дети», «камни вопиют» и др.

В сферу активного интереса Миролюбова входила индоиранская мифология, а в ВК обнаруживается (с незначительными изменениями звукового вида)

целая плеяда ведийских божеств (Индра, Сурья, Кришна, Дьяуш Питар, Тваштар, обожествлённое небо Сварга), племена ариев и дасью и др.

5. Так называемая «велесовица», т.е. шрифт, которым написана ВК (как она выглядит на предъявленной «фотографии»), — это лишь слегка видоизменённая кириллица, причём в ряде случаев использован **поздний** вариант буквы. Так, *н* имеет вид Н, а не N (в реальных рукописях это отмечается не ранее XIV в.); *ц* имеет вид Ц, а не Ч (в реальных рукописях крайне редко с XII, в основном с XIV в.).

6. В ВК представлен небывалый для летописей способ обозначения дат («за 1500 лет до такого-то события»); многочисленны хронологические нелепости (вроде того, что славяне сражались с римлянами тысячу лет).

7. Жанрово ВК чрезвычайно резко отличается от подлинных летописей — «безлюдностью» (т.е. крайней малочисленностью индивидуальных персонажей), неконкретностью мест, почти полным отсутствием деталей, нарративом в 1-м лице множественного числа (т.е. на *мы*), примитивностью изложения, убожеством стиля, не идущего ни в какое сравнение с ярким языком и образностью подлинных летописей, подлинного эпоса и подлинных религиозных гимнов.

Вот пример такого рода примитивности, скороговорки и невнятицы (из перевода Асова, дощечка 4а)⁶:

А в другое тысячелетие мы подверглись разделению, и тогда убыло самостоятельности, и пришлось отрабатывать чужим дань; вначале — готам, которые крепко нас обдирали, а затем — хазарам, которые убивали. Явился каган, и он не радел о нас. Вначале он пришел с купцами на Русь, и были они велеречивы, а потом стали злы и стали русичей притеснять. И мы стали говорить: «Куда мы пойдём от них? Где будем мы вольными? Мы сиры весьма, и рука Божеская от нас отвратилась, ибо двадцать тысяч лет не могли мы сотворить Русь. Но вот к нам пришли варяги и забрали у нас эти места».

В этом отрывке примеры нелепости и неправдоподобия громоздятся друг на друга. Совершенно неправдоподобна мера времени «в другое тысячелетие». Готы, хазары и варяги, разделённые в реальной истории многими веками, появляются в тексте в одном абзаце. «Каган пришел на Русь с купцами» — очевидная нелепость. «Купцы потом стали злы и стали русичей притеснять» — язык детского сада и нелепость по смыслу. И верх бессмыслицы: «...двадцать тысяч лет не могли мы сотворить Русь». Заметим, что это — причёсанная, благообразенная и приведённая хотя бы к синтаксической правильности форма данного пассажа. В «подлиннике» всё это ещё и косноязычно.

Вот ещё один пример примитивного и лишённого малейшей конкретности текста (дощечка 25)⁷:

В то время князи много трудились. И был тогда Кышек, велик и мудр. И умер он, и после него были иные, и каждый творил что-нибудь хорошее. И это удержит наша память, потому что мы всегда их славим на каждой тризне трижды.

Все эти свидетельства искусственности текста сами по себе достаточно показательны, но всё же не столь строги, как лингвистические.

Лингвистические аргументы

Прежде всего, имеется ряд единичных фактов (отдельных слов), которые практически несовместимы с версией подлинности ВК.

В частности, индоиранские имена выступают в ВК в форме, почти совпадающей с ведийской или иранской, что невозможно для славянского языка ни в случае родства таких слов, ни в случае заимствования. Так, ведийскому Индре в ВК соответствует *Интра* — а было бы *Ендр* или *Ядр* как при родстве, так и при заимствовании. Ведийскому Сурье в ВК соответствует *Суря*, *Сурья* — а было бы *Сыль* при родстве, *Сырь* при заимствовании. Страна русов *Русколань*, фигурирующая в ВК, — прозрачное соответствие иранскому этнониму *рок-саланы* (иранск. ‘светлые аланы’ = ‘светлые арийцы’: *rox-* ‘свет’ + *аланы* из *arya-* ‘арийцы’). И ввиду этого название Греции *Грецколань*, выступающее в ВК, невозможно расценить иначе, как неуклюжую выдумку.

Одних этих фактов, в сущности, уже достаточно, чтобы версия подлинности ВК стала практически безнадежной. Но для лингвиста всё же наибольшее значение имеют не единичные, а системные факты. Поэтому следует рассмотреть более подробно именно их.

Публикаторы исходят из того, что ВК дошла до XX в. в оригинале. Но в числе сторонников ВК есть и такие, которые допускают, что это список с более раннего оригинала и что какая-то часть языковых черт ВК привнесена переписчиками.

Поэтому разделим эти два варианта: рассмотрим вначале версию о дошедшем до нового времени оригинале, а затем версию с участием переписчиков.

Версия об оригинале

Наблюдения над языком ВК позволяют выдвинуть в опровержение версии об оригинале ряд тезисов, причём таких, что каждый следующий представляет собой утверждение более сильное, чем предыдущее.

Тезис 1. *ВК не может быть дошедшим до нового времени в оригинале памятником какого бы то ни было славянского языка или диалекта IX в.*

Это доказывается проще всего: в ВК содержится огромное количество поздних форм.

IX век — это ещё эпоха позднего праславянского языка. Различия между его диалектами сводятся в это время всего к нескольким частным различиям в фонетике. Все славяне ещё без затруднений понимают друг друга.

Язык ВК, содержащей, как предполагается, положения древней языческой религии, должен быть языком священной традиции. Такие языки никогда не бывают продвинутыми по пути эволюции дальше живого языка соответствующей эпохи — напротив, они всегда архаичнее живых языков (ср. церковнославянский, латынь, ведийский, арабский язык Корана и т.д.).

В действительности же язык ВК, даже если временно отвлечься от его хаотичности (о которой подробнее будет сказано ниже), являет такую степень удаления от праславянского состояния, которой остальные славянские языки достигли лишь не менее чем через пять веков. Достаточно указать несколько самых явных в этом отношении особенностей.

Уже произошли падение и прояснение редуцированных и множество более поздних фонетических явлений, ставших следствиями падения редуцированных.

Пример: *сыла бозка* ‘сила божеская’ 8 (3)⁸ — форма *бозка* могла возникнуть из древнего *божьска* только после того, как исчезла гласная *ь*; когда *ж* и *с* оказались в контакте, *жс* изменилось в *зс* и далее в *з*. И подобные примеры представлены в тексте ВК практически в каждой строке.

Полностью разрушена система двойственного числа; правда, некоторые формы прежнего двойственного числа в тексте иногда встречаются, но они употребляются уже совершенно без связи с их исконным числовым значением.

В ВК масса черт позднего синтаксиса, например: широкое употребление местоимений *он*, *они* в синтаксических позициях, в которых они в древности не употреблялись; относительные местоимения *який*, *яквы*, *кий* вместо древнего *иже*; поздние посессивные конструкции типа *сын Іерменреха*, которым в древности могли соответствовать только конструкции с притяжательным прилагательным; употребление возвратного местоимения *ся* по поздним, а не по древним правилам и т.д.

Допустить, что ВК написана в IX в., — это как поверить в то, что в Риме эпохи Цезаря какие-то люди умели писать по-французски.

Нелишне отметить ещё, что, вопреки декларациям публикаторов, в ВК никоим образом не может быть представлен древненовгородский диалект IX в. — здесь масса форм с эффектом второй палатализации (которой в действительности в этом диалекте не было), например: *бози*, *врази*, *луци* и т.п.

Защитники ВК пытаются спасти положение, заявляя, что особенности языка ВК происходят из его огромной древности. Видимая бессистемность здесь якобы отражает «зачаточное» состояние грамматики, когда грамматические категории ещё недостаточно чётко дифференцировались друг от друга. Но такие утверждения показывают лишь полное невежество в исторической лингвистике. В действительности на всей дистанции от позднего индоевропейского до старейших письменных свидетельств славянской речи это язык со сложно организованной и чётко функционирующей грамматикой, с богатейшим словоизменением и строгим синтаксисом.

В качестве добросовестного *advocatus diaboli* укажу, что защитники версии с IX в. могли бы ещё попытаться спасти положение, предположив, напротив, что по какой-то причине в языке ВК эволюция пошла в несколько раз быстрее, чем во всех прочих славянских диалектах.

Но и эта экстравагантная версия не проходит, поскольку — как мы увидим подробнее ниже — в этом случае придётся признать, что эволюция здесь

не просто зашла далеко, а ещё и пошла по нескольким путям одновременно, а именно по пути русского, по пути украинского, по пути польского и т.д. языков. А такого явления не бывает уже ни в каких языках никогда.

Таким образом, версия подлинных дощечек IX в. — очевидная нелепость. Сторонникам подлинности ВК остаётся только либо допустить, что текст ВК сочинён намного позднее, чем в IX в., либо прибегнуть к предположению о том, что он сочинён в древности, но подвергся громадным изменениям при позднейших переписках⁹.

Тезис 2. *Язык ВК не может быть никаким подлинным (неискажённым) славянским языком никакого века.*

Об этом свидетельствует прежде всего то, что в ВК одновременно представлены звуковые формы слов, специфические для разных славянских языков, т.е. именно такие, которыми эти языки различаются между собой. В одном языке такие формы не сосуществуют.

Так, почти всякое слово, встречающееся более одного раза, записывается в ВК разными способами, причём очень часто эти способы соответствуют разным славянским языкам.

Например, слово «князь» встречается в ВК в следующих основных вариантах написания¹⁰: *конензь* (≈ праславянск.) 28, *кнензе* (≈ польск.) 24б, *кнезе* (сербск., чешск.) 6б, *кънязи* 2а (вост.-слав. древней эпохи), *кніазе* (≈ вост.-слав. поздней эпохи) 18б; прочие написания — *къонязі* 2а, *къняize* 22, *конезе* 25, *кніезе* 37б, *кнз* 6е.

Написания для «будет»: *бонде* (≈ праславянск.) 24в, *бенде* (польск.) 6з, *буде* 7в, *боуде* 30 (чешск., сербск., укр.), *будеть* 24г (др.-русск.), *боде* (словенск.) 20.

Написания возвратного местоимения «ся»: *сен* (праславянск., польск.), *sia*, *ся* (вост.-слав.), *се* (чешск., южнослав.); все эти формы встречаются часто.

Написания для «дед»: *дьдом* 12 (праславянск., русск.), *дід* (укр.), *дяды* (польск.) 18б; прочие написания — *діеды* 29, *денде* 7е (*тва денде а бабе*).

Приставка «пре-, пере-»: *пре-* (церк.-слав.; часто), *пере-* (вост.-слав. — *перебендешете* 18в), *пше-*, *пже-* (польск. — *пшебенде* 8(2), *пжежихом* 18б). И вообще сочетание *ре* предстает то в виде *ре* (русск.), то в виде *рже* (чешск.), то в виде *же* (польск.); примеров очень много.

И такая картина наблюдается во всей лексике ВК.

Например, ять представлен пятью рефлксами (не считая спорадических, совсем уже ни с чем не сообразных) — *ъ*, *іе*, *е* (как в русск.), *іа*, *я* (как в польск., болг.), *і* (как в укр.).

Носовые представлены всеми встречающимися в славянских языках рефлксами.

В случае прояснения прежний *ъ* может давать *о* (как в вост.-слав. — *кровь*, *во славу*, *со говіяде*, *воспоемо*, *волсві*, *во славу*, *ото Дажьба* и т. п.), *е* (как в польском, чешском — *кровь*, *ве дне*, *ве срьдці*, *одеідехомь ото Дажьба* 24в и т.п.), *а* (как в сербском — *дажде* 'дожди' 36а).

Аналогично и в более мелких пунктах. Ограничимся немногими примерами: *до гуре* 'к горе' 5а (польск. *goura*), *суне* 'солнце' (часто) (серб. *сунце*), *до очита* 'к глазам' 7г (болг. *до очите*), *цызia* [*viре*] 'чужой веры' 7з (чешск. *cizi*), *говада* 'скот, быки' 5б (чешск. *hovado*), *гоньщарсті горьщке* 'гончарские горшки' 35б (поздние вост.-слав. формы, в других языках исконный корень *гърн*- сохранён без утраты *р* или *н*), *топто* и *септо* 'то есть' (многократно) (поздние украинские формы), *страм имай* 'стыдись' 4а (просторечное русское *страм* из церк.-слав. *срамъ*).

Далее, об искусственности языка ВК свидетельствует то, что здесь представлены, причём в огромном количестве, такие облики слов, которые невозможны ни для одного из славянских языков (ни древних, ни новых), — в особенности совершенно невероятные формы спряжения глаголов. Можно указать две группы таких фантастических форм (границы между которыми, впрочем, не всегда чётки):

1) формы с характерными фонетическими особенностями того или иного славянского языка, применёнными, однако, ошибочно с точки зрения этого языка; их можно назвать ложными полонизмами, ложными церковнославянизмами, ложными сербизмами и т.д.;

2) формы, не имитирующие никакой конкретный язык, а полученные просто произвольным добавлением, устранением или изменением каких-то букв в слове.

Шире всего представлены **ложные полонизмы**; они получаются заменой *е, я, ы, у* или какой-то иной гласной на сочетание *ен* (изредка *ѣн*).

Примеры: *ренбы* 'рыбы' 9б, *тенсеце ляте* 'тысяча лет' 7в, *во стенпех* 'в степях' 18б, *повенде ны* 'поведёт нас' 17б, *преленте* 'прилетела' ба, *кренпосць* 'крепость' 7ж, *у бренгы морсті* 'у берегов морских' 18б, *чловенкожравцове* 'людоеды' 7а, *всенке* 'всякие' 22, *погенбель наше* 'погибель наша' 8, *пренде на ны* 'пришёл на нас' 7г, *вендзвегла* 'воздвигла' 7а, *Суренж* 'Сурож' (часто), *посленхате* 'послушать' 7э, *мрзенсть пренд ощесы нашия* 'мерзость перед очами нашими' 7в.

От такой «полонизации» иногда порождаются совершеннейшие монстры, например: *поспѣшндла* 'поспешила' 7ж (*ен* вместо *и* и *дл* вместо *л*), *згвѣнздама* 'звёздами' 8 (2) (соединение *з* из русского *звезда* и *г* из польского *gwiazda*), *пшебіраця до ренек све* 'прибирали к рукам своим' 8 (3) (псевдопольская форма р. мн. *ренек* от *ренка* из польского *reka*, тогда как правильная польская форма — *raqk*).

Другую большую группу составляют ложные церковнославянизмы; они получаются в основном путём замены *ж* на *жд*. Заметим, что единичные примеры этого типа изредка встречаются и в подлинных русских рукописях, но только в сравнительно поздних (не ранее XV в.).

Примеры: *якожде* (часто), *полождете* 'положить' 19, *не лждехом* 'не лгали' 35а, *велице множдествы* 23, *о воле бождесьте* 30, *ождерелья* 22, *кнезждение* 37б.

Далее, в ВК имеется очень большая группа глагольных форм, которые, по-видимому, представляют собой ложные сербизмы, а именно имитируют сербские формы будущего времени с инкорпорированным *-ће-* (*-ћ-*) из *xће* ‘хочет’, типа *читаћу, читаћеш, читаће, читаћемо, читаћете, читаће* — из *читати хћу, читати хћеш, читати хће* и т.д. Разумеется, эти сербские формы — поздние, т.е. образец для имитации здесь мог появиться только через много веков после IX в.

В ВК похожие формы содержат *-ще-* (в силу неразличения *ч* и *щ* в графике ВК его можно интерпретировать и как *-че-*). Но здесь эти формы, в отличие от сербских, во-первых, никак специально не связаны по значению с будущим временем (по смыслу это чаще всего прошедшее время), во-вторых, после *-ще-* здесь могут стоять показатели не только презенса, но и любых прошедших времён, а также причастий и инфинитива.

Примеры: *а тамо зрящеше тва денде а бабе 7е* ‘а там увидишь твоих дедов и бабок’ 7а, *біащеть крыдляма* ‘бьёт крыльями’ 7е, *се бо конензе нашіе избіащехомъ* ‘мы выбирали князей наших’ 24в, *а замыстлящете злая на нь* ‘они замыслили зло против нас’ 7а, *імящехом ісѣкащете дрзі і врзі* ‘мы должны были искать друзей и врагов’ 22, *скакащете* ‘скакать’ 7г (инфинитив).

С другой стороны, в ВК имеется также множество искажений без попытки имитировать какой-либо конкретный язык.

Такие примеры имеются среди слов любых категорий: *прады* ‘прадеды’ 5а, *желзвъна* ‘железные’ 7а, *хъзарьсити* ‘хазарские’ 4в и т.п. Но основную массу фантастических форм такого рода составляют глаголы. Попытка разобраться в хаосе глагольных словоформ ВК даёт следующий результат.

Среди этих словоформ есть и небольшая часть таких, которые построены правильно (с точки зрения хотя бы какого-нибудь из древних славянских языков), например: *іде, імуть, нальзе, дахом*. Но безусловное большинство глагольных словоформ не соответствует никаким реальным формам никаких славянских языков никакой эпохи.

Схема построения таких словоформ такова. Берётся глагольный корень (часто с теми или иными буквенными искажениями), и к нему добавляются справа отрезки, имеющие вид глагольных суффиксов и окончаний. Самые частые из таких отрезков — *-ще-* (которое может также интерпретироваться как *-че-*, см. выше), *-ше-*, *-ша-*, *-те-* (*-ете-*, *-ите-*), *-хом-*, *-сте-*, *-ста-*; реже — *-ща-*, *-ши-*, *-х-*, *-уть-*, *-це-*, *-яи-* и некоторые другие. Все они извлечены из различных реальных глагольных форм (презенса, аориста, имперфекта, причастий) и передают в реальных древних языках строго определённые грамматические значения. Но в ВК они используются, во-первых, без связи с соответствующими значениями, во-вторых, в произвольном порядке (тогда как в реальных языках их порядок внутри словоформы абсолютно жёсткий), в-третьих, без каких-либо ограничений на совместимость одних морфем с другими (например, в одной словоформе могут быть соединены показатели разных лиц, разных времён и т.д.).

Кроме того, в конце или в начале словоформы (а иногда и в середине) может стоять возвратное *сен* (также в виде *се* или *ся*). При этом древние правила расположения этого элемента слева или справа от словоформы не соблюдаются, а очень часто он ставится дважды — и слева, и справа; к тому же наличие или отсутствие возвратного *сен* может не соответствовать смыслу.

Ввиду всего этого глагольные словоформы не имеют никакого определённого грамматического значения. И действительно, переводчики ВК свободно приписывают им то значение наклонения, времени, числа, лица, залога, которое им кажется подходящим по общему смыслу фразы.

Пример: *ромі до ны се врзетешаще* ‘римляне бросались на нас’ ба. Строение словоформы *врзетешаще*: корень *верг-* ‘бросить’ с ошибочной палатализацией, *-ете* — окончание презенса 2-го лица мн. числа, *-ша-* — окончание аориста 3-го лица мн. числа, *-ще* — суффикс причастия презенса с окончанием мн. числа.

И таких примеров — великое множество. Приведём лишь совсем малую их часть, без подробного разбора:

не могостехом ‘мы не могли’ бг (*-сте-* — 2-е лицо, *-хом* — 1-е лицо);

а того не слоухащехомся ‘а мы его не слушались’ бв;

а гръце хтяе насо кришашете ‘а греки хотели нас крестить’ бз;

понесящуть ‘понесут’ 24в;

а імахом врязі ростятешете ‘мы должны были врагов рассечь’ 7б;

не стржещенце се бо тая одо вразех ‘не остерегались ибо они врагов’ бв.

Насколько безразлично было сочинителю, какие морфемы вставить в глагол, видно из фраз типа *од ітра до вчерже ходястехомо а ізронящехомо слзы* ‘с утра до вечера мы ходили и роняли слезы’ 7в (*-сте-* — 2-е лицо мн. числа, *-ше-* — 3-е лицо ед. числа).

Тезис 3. *Язык ВК не может быть никаким естественным языком вообще.*

Основанием для такого утверждения является то, что язык ВК обладает такой степенью бессистемности и хаотичности в грамматике, которая не наблюдалась ни в каком языке нигде и никогда.

Так, мы видим в ВК следующее.

Как у имён, так и у глаголов в принципе имеется много различных форм, точнее, форм с разными окончаниями. Тем самым язык ВК не может принадлежать к числу языков аналитического строя, где словоизменение сведено до минимума или даже вообще отсутствует.

В то же время для ВК никакими усилиями не удаётся выявить никаких последовательно соблюдаемых грамматических правил, которые управляли бы выбором из этого множества форм, различающихся внешне, в частности форм с разными окончаниями. Например, невозможно выявить никаких правил чередования фонем в корне. Не удаётся выявить никакого сколько-нибудь регулярного правила образования прошедшего времени глаголов; невозможно даже установить, сколько прошедших времён имеется в данном языке. В ре-

зультате, как уже показано выше, любая глагольная форма может относиться по смыслу к любому времени, любому числу и любому лицу.

Для существительных невозможно выявить парадигмы склонения — прежде всего потому, что почти в любом контексте могут встретиться формы с почти любыми окончаниями (т.е. относящиеся с точки зрения других славянских языков к любым падежам). В частности, после предлогов мы видим здесь, например, такие формы: *од вразе, од враг наших, одо вражь, од вразех, од вразем; до врагі, до врази, до бозе наша, до конце, до море, до облакы, до веку, до Непра ріка, до небы, до брезі мриші* ‘к морским берегам’, *до луце егоіех райстіех* ‘к его райским лугам’ и т.д.

Бесчисленны случаи отсутствия согласования, например: *одо карпенске исходу* ‘от карпатского исхода’ бд, *со праотці наша* ‘с праотцами нашими’ 1, *мрзенсть пренд очесы нашия* ‘мерзость перед очами нашими’ 7в, *вутце наше якве не суть ще збавнена* ‘отцы наши, которые ещё не обабились’ 7в, *зенбы имуще тверда а остра* ‘имея зубы твёрдые и острые’ 7г, *повіехомь старе словы* ‘рассказали старыми словами’ 19 и т.п.

Глаголы во множестве случаев употреблены в неправильном числе или лице, например: *тежце времени наста, налезе на ны ромове* ‘тяжкие времена настали, напали на нас римляне’ бб (глаголы стоят в ед. числе); *ту бо родицeve соубра се на комоніях* ‘тут родичи собрались на конях’ бб (то же), *а імехом два сты убіена за Русь, въцна слава има еста* 7г (*има* и *еста* — формы двойств. числа), *пъехом плясасцете му а взывахом бгу нашіему* 11а ‘мы пели, плясали ему и зывали к богу нашему’ 11а (*плясасцете* — 2-е лицо), *а ты премоудра мира глядах од русы, а бя наше друг* ‘а тот премудрый соблюдал мир с Русью и был наш друг’ бб (*глядях* — 1-е лицо)¹¹.

Сторонники подлинности ВК могли бы, правда, тут возразить, что все указанные неправильности являются таковыми с точки зрения всех других славянских языков, тогда как в языке ВК выступающие здесь словоформы, возможно, имели другие грамматические значения и, возможно, действовали другие синтаксические правила. Однако любые попытки выявить эти другие правила и систему этих других грамматических значений оказываются безуспешными и приводят к одному и тому же выводу: никакой системы во всех этих неправильностях нет.

Наблюдаемая в ВК хаотическая ситуация не представлена ни в одном реальном языке. Бывают языки с развитой вариативностью форм, но эта вариативность всегда ограничена достаточно жёсткими рамками и никогда даже близко не подходит к той степени произвола, которая представлена в ВК.

Иначе говоря, допустить, что ВК написана на некотором реальном (не искусственном) языке, можно только при условии, что это язык со структурой, принципиально отличной от всех остальных языков мира.

Версия об участии переписчиков

Рассмотрим теперь вопрос о том, нельзя ли объяснить все неправильности

языка ВК действиями позднейших переписчиков.

Здесь мы утверждаем следующее.

Язык ВК не может быть продуктом поздней переписки более раннего оригинала, написанного на каком-либо натуральном славянском языке.

Какие изменения текста могут происходить при его переписке в более позднюю эпоху?

Подавляющее большинство наблюдаемых изменений такого рода — это так называемая модернизация, т.е. изменение текста в сторону норм того времени, когда происходит переписка, — графических, орфографических, фонетических, морфологических (в ограниченной степени также синтаксических и лексических). Модернизация может быть как бессознательной, так и сознательной. Никаких грамматических и иных неправильностей в тексте в силу модернизации в нормальном случае не возникает. Обычно появляется лишь некоторая непоследовательность, состоящая в сосуществовании в переписанном тексте новых и старых форм (поскольку модернизация почти никогда не бывает стопроцентно систематической).

Далее, переписчики могут исправлять по собственному разумению то, что им кажется неправильным или непонятным. Нередко в таких случаях смысл текста оказывается искажённым; однако с чисто грамматической точки зрения новый текст при таких исправлениях обычно правилен.

С другой стороны, переписчик, конечно, может просто ошибаться — по невнимательности или по недостаточной грамотности. Плохой переписчик создаст малограмотную копию с вполне исправного оригинала.

От простого переписчика, который вносит исправления лишь там, где, по его мнению, текст в чём-то неисправен, следует отличать переписчика-редактора, который считает нужным в чём-то изменить содержание текста, т.е. выступает, по существу, в роли соавтора.

Что же мы видим с этой точки зрения в ВК?

Имеется, в частности, заметное количество польских слов и форм. Сторонники подлинности ВК могут попытаться объяснить их присутствие тем, что текст был некогда скопирован переписчиком-поляком. Теоретически такое возможно.

Но в тексте есть и чешские слова и формы. Придётся допустить, что текст переписывался не один раз, и второй раз действовал уже переписчик-чех.

Но в тексте есть ещё церковнославянизмы (= болгаризмы) и сербизмы. Придётся построить версию, что переписчики образовывали целый интернационал.

Разумеется, такая версия достаточно нелепа сама по себе. Но имеется капитальный факт, зачёркивающий даже то микроскопическое вероятие, которое можно было бы для неё допустить. Он состоит в том, что, как мы уже видели, в ВК есть также *ложные* полонизмы, *ложные* церковнославянизмы, *ложные* сербизмы и т.д. А ведь нельзя допустить, чтобы поляк не знал своего родного языка и мог написать, например, *ренба* вместо *рыба*, когда в его родном языке

это *ryba*.

Конечно, единичное *ренба* вместо *рыба* можно было бы объяснить простой опiskeй. Но в ВК этот ряд ложных полонизмов, как мы видели, весьма велик. Состоять из случайных описок этот ряд явно не может. Единственное возможное объяснение состоит в том, что некто хотел придать этим словам польский облик, но польский язык знал плохо.

Из сказанного понятно, что нормальная копия с древнего текста — это текст, где нет грамматических неправильностей, а просто проявляют себя (в той или иной степени) две нормы — старая и новая. Например, в «Слове о полку Игореве» нет ничего, что не соответствовало бы либо норме XII в., либо норме XV в. И его язык по большому числу параметров близко сходен с языком определённой категории реальных рукописей (а именно, списков XV–XVI вв. с древнего оригинала, сделанных на северо-западе Руси).

Совершенно не то в ВК: здесь масса материала, который не соответствует нормам никакого конкретного славянского языка никакого века. И не существует никаких реальных рукописей, которые обнаруживали бы с данной точки зрения какое-либо сходство с ВК.

Таким образом, спасти версию подлинности ВК с помощью гипотезы об инославянских переписчиках невозможно.

Каковы же все-таки лингвистические аргументы в пользу подлинности ВК?

На наивном уровне можно пытаться выдвинуть в качестве аргумента в пользу древности ВК то, что там есть некоторое количество древних словоформ, которых в современном языке уже нет (скажем, аориста или двойственного числа). Но мы уже видели, что и те и другие строятся в ВК с множеством чудовищных ошибок и используются в тексте произвольно, без связи с соответствующими значениями. Тем самым в использовании таких словоформ показательным в действительности оказывается не сходство ВК с реальными древними рукописями, а, напротив, вопиющее от них отличие.

Единственный более серьёзный аргумент данного рода, который был выдвинут сторонниками подлинности ВК, состоит в том, что в ВК есть такое же смешение *ь* с *о* и *ь* с *е*, как в новгородских берестяных грамотах.

На первый взгляд этот аргумент кажется весьма сильным. Но при более близком рассмотрении это впечатление рассеивается. Дело в том, что в берестяных грамотах графическое смешение строго ограничено парой *ь-о* и тройкой *ь-е-ъ*; никаких других смешений гласных нет. Между тем в ВК наблюдается хаотическое смешение почти любых гласных с любыми. Вычленение из этого хаоса лишь двух пар — *ь/о* и *ь/е* — совершенно произвольно и нужно только для того, чтобы создать иллюзию сходства именно с берестяными грамотами. Так, *е* особенно часто смешивается в ВК с *и* — например: *полождете* 19 вместо *положити*, *жнева* ‘жнива’ ба, *попелеце* ‘пепелище’ ба, *въснек* ‘вестник’ 8(2);

кроме того, оно смешивается ещё и с *ъ, а, я, о, ъ, у, ен* и др. — например: *до конце* ‘до конца’ (часто), *прибезенце* ‘прибежища’ 6б, *замержеце* ‘заморцы’ 6в, *бедехом* ‘будем’ 7з, *вопрошашуть насє* ‘спрашивали нас’ 7г и т.п. Примерно то же происходит в ВК и с *о*, которое может смешиваться не только с *ъ*, но и с *у, ъ, е, ен* и др. (ср., например, *вовенде нашо* ‘воевода наш’ 7д).

Нелишне отметить и тот простой факт, что берестяные грамоты стали известны (по первым публикациям) с 1951 г., тогда как первые цитаты из ВК опубликованы в 1953–1956 гг., а полные тексты дощечек публиковались (малыми порциями) лишь в 1957–1959 гг. Это значит, что отдельные написания вроде *насо, намо* (вместо *насъ, намъ*) вполне могли быть и прямо навеяны впечатлением от берестяных грамот.

Таким образом, сколько-нибудь весомые лингвистические аргументы в пользу подлинности ВК просто отсутствуют.

Как же мог возникнуть такой монструозный с лингвистической точки зрения текст?

Единственное правдоподобное объяснение состоит здесь в том, что его создатель коверкал, причём не по какой-то продуманной системе, а в основном просто наугад, сложившиеся у него в уме русские или украинские фразы, наивно полагая, что это создаст впечатление древности.

У него явно была установка на то, чтобы ни одна фраза буквально не совпадала с современной русской или украинской. (Заметим, что в подлинном древнем тексте такие фразы как раз изредка встретились бы.) И даже отдельных слов, целиком совпадающих с современными русскими, должно было быть, по его представлениям, как можно меньше. Во имя этого он считал необходимым так или иначе исказить почти каждое слово, кроме самых коротких.

Сочинителю казалось также, что текст будет выглядеть более древним, если в нём не будет никакой устойчивости в написании конкретных слов, т.е. если любое слово будет писаться двумя, пятью, дюжиной разных способов.

Типовые приёмы применённого сочинителем коверканья таковы.

1. Отдельные русские или украинские слова и формы заменяются церковнославянскими, польскими, чешскими или сербскими — целиком или в какой-то части фонетического состава. При этом инославянская форма может оказаться как правильной, так и ошибочной (ложные церковнославянизмы, ложные полонизмы, ложные сербизмы). Примеры см. выше.

2. Слово может подвергнуться произвольному частичному изменению буквенного состава. Это может быть:

замена суффиксов (*по млеку небествену, прибезица*);

усечение (*Дажбо, Стриб, хорвы* ‘хорваты’);

вставка лишних букв (*н, т* и др.: *венде* ‘ведёт’, *до морнже* ‘до моря’, *мыстляце, щчто* ‘что’, *благва* ‘благая’, *жолуте а стрбрне* ‘жёлтос и серебряное’, *старенце* ‘старцы’ и т. п.);

произвольные замены и перестановки букв (*желзвъна* ‘железные’, *держевъ* ‘держава’, *гъм гъмыщаеъ* ‘гром громыхает’), особенно широко используется взаимная замена гласных в парах *и* — *ы*, *а* — *я*, *у* — *ю*¹² (*сыла*, *хъзярї*, *бръщны*, *їніу* ‘иную’), а также замена любой гласной (чаще всего *и*, *ъ*, *ь*, *а*) на *е* (примеры см. выше).

Особенно много усиленного коверканья в именах собственных: *хъзъръсшті* ‘хазарский’ 4в, *еланште* ‘эллины’ 24б, *ворензе* ‘варяги’ 6е и т.п.

Комбинации всех этих приёмов могут давать самые дикие искажения, например: *богентсве* ‘богатство’ 36б, *хорбере* ‘храбрые’ 36б, *вовенде* 7д ‘воевода’, *созденхноутъ* ‘сдохнут’ 7ж.

3. К полученной основе может быть присоединено как правильное (соответствующее синтаксису фразы) окончание, так и любое другое — чаще всего *-е* (*до бозе*, *од оце* и т.п.).

4. После всего этого в слове могут быть опущены любые гласные; так имитируется — но без малейшей последовательности — письмо, где гласные могут не обозначаться.

5. Может так или иначе разрушаться синтаксическая правильность фразы — путём опускания или добавления каких-то слов или замены требуемой по смыслу грамматической формы на какую-нибудь другую. В частности, во фразу могут добавляться слова, не имеющие никакой синтаксической связи с остальными, но внешне похожие на элементы древнего языка (например, *сме*, *ста*, *хом*).

Следствием всего этого является, между прочим, то, что текст ВК не допускает точного перевода, поскольку **аграмматичный текст вообще не имеет точного смысла**. В самом деле, как уже указывали критики, так называемые переводы ВК — это вольные домыслы. Но ничего другого здесь и не может быть. Можно пытаться угадать, как выглядела фраза, которую имел в виду сочинитель, до того, как он начал её коверкать, но никакой гарантии правильного решения здесь быть не может, поскольку в таком коверкании не было никакой системы.

Приведём иллюстрацию: *а одеймо од дома сва а тецехом до врзі абехом въдяште їмо о руськ меча* 7д (приблизительный смысл: ‘и мы отошли от домов своих и напали на врагов, чтобы они знали о русских мечах’). Элементы этой фразы таковы:

одеймо (вероятно, в значении ‘мы отошли’) — под влиянием польского *odejsuci* ‘отойти’ (возможно также влияние польского *odejmę* ‘я отниму’);

од дома — *од* (польск.), с невозможным в данном случае в славянских языках винительным падежом;

сва — якобы ‘свой’ (это слово равно санскритской основе *sva-*, приводимой в словарях); в ВК чаще всего используется как несклоняемое (что в древних славянских языках невозможно);

тецехом — вместо имперфекта *течахом* ‘мы бежали (побежали)’;

до врзі — *до* (польск., укр.) в значении приближения, с невозможным в

данном случае в славянских языках именительным падежом; сочинитель сказал буквально ‘мы побежали к врагам’, т.е. фактически не справился с задачей выразить смысл ‘мы напали на врагов’;

абехом — вместо *абыхом* ‘чтобы мы’;

въдяшите — имперфект ‘вы знали’ (или ‘он знал’, если допустить, что *-шите* здесь стоит вместо *-шить*); это тройная ошибка: 1) после *абыхом* имперфект стоять не может, возможно только *л*-причастие; 2) ошибка в лице — 2-е лицо (*-шите*) вместо 1-го (*-хом*); 3) по смыслу требуется глагол со значением ‘дать знать’, ‘показать’, а употреблён глагол ‘знать’, т.е. сочинитель и в этом месте не справился с выбором слова;

руськ — отсутствует окончание;

меча — вместо М. мн. *мечих* (или вместо М. ед. *мечи*).

Если попытаться построить русскую фразу, содержащую ровно столько же (и по возможности таких же) неправильностей против русского языка, сколько данная фраза из ВК содержит неправильностей против славянского языка IX в., получится примерно следующее:

И мы одеждем од домы сва и безяли на врази, чтебы мы знаете им о русск меча.

Этот пример даёт достаточно ясное представление о качестве языка ВК. Видны наивные приёмы превращения нормального текста в необычный, ломаный. Они весьма похожи на то, как дети коверкают язык, изображая, что говорят «по-иностранному».

А вот ещё один пример, интересный тем, что в нём содержится словосочетание, давшее название всей книге:

Влес книго сју птцемо бгу ншемоу кие бо есте прібезиц а сіла 16 (с фотографии прориси). Перевод Асова: ‘Велеса книгу сию посвящаем Богу нашему, который есть наше прибежище и сила’.

Отметим вначале некоторые элементы основной части этой фразы:

птцемо — явно вместо *почтемо* ‘почтём’;

бгу ншемоу — управление дательным падежом у глагола *почесть* не представлено ни в каких славянских языках;

кие — придуманная форма вместо *кьи*, которое в качестве относительного местоимения для IX в. анахронично — должно быть *иже*;

прібезиц — вместо *прибъжище*, с искусственной заменой суффикса на *-ица* и заменой правильного *жс* на ошибочное *з* (возможно, ложный богемизм, ср.: русск. *чужой* — чешск. *cizi* [Второе *i* здесь должно быть со знаком долготы (с акутом)], русск. *сажать* — чешск. *sauzeti* и т.п.).

Обратимся теперь к начальному *Влес книго*.

Влес книго — это, согласно толкователям, ‘Велеса книгу’ или сложное слово ‘В(с)лес-книгу’. Но ни то ни другое невозможно для IX в. — могло быть только *Велешъ к(ъ)нигы*. Сочетания с родительным притяжательным появляются много позже, а сложные слова типа **Моисей-заповеди* или **Марк-евангелие* невозможны в русском языке (и других славянских) и поныне. Так

что, в сущности, одного только словосочетания *Влес книга* достаточно для того, чтобы отпала всякая претензия на IX в.

В целом ясно, что филологическая квалификация сочинителя была крайне низкой. О древнеславянских текстах он знал очень мало — разве что имел представление о большом количестве необычных глагольных форм сложного строения в церковнославянских текстах. Ему было известно также, что в древности славянские языки образовывали некое единство. Пытаясь представить себе это единство, он не смог вообразить ничего иного, как простую смесь слов и форм из разных славянских языков. Именно это он и реализовал в своём сочинении, используя формы польского, чешского и т.д. языков, — разумеется, современные (древнепольских, древнечешских и т.д. форм он попросту не знал). И на всё это было наложено то умышленное коверканье, о котором речь шла выше.

Заключение

Итак, поддельный характер ВК не вызывает сомнения.

Но наиболее трудная проблема, связанная с ВК, относится не к лингвистике и не к истории, а к сфере социальной психологии. Она состоит в том, что фальшь ВК хорошо видна только профессиональным лингвистам и историкам, тогда как неподготовленный читатель легко оказывается в плену примитивных — однако многим импонирующих — выдумок о том, как древние русичи успешно сражались с врагами уже несколько тысячелетий тому назад. И утверждения науки, увы, не перевешивают в глазах такого читателя привлекательных фантазий дилетантов.

К сожалению, эти фантазии не безобидны. Вера в то, что ВК — это подлинное свидетельство безмерной «древности» русских и их превосходства в этом отношении над всеми окружающими народами, ничему, кроме ксенофобии и тем самым чрезвычайно опасного для нашей реальной жизни роста межнациональной напряжённости, способствовать не может.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Творогов О.В. «Влесова книга» // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 170–254; он же. Что же такое «Влесова книга?» // Что думают учёные о «Велесовой книге». СПб., 2004. С. 47–85.

² Творогов О.В. «Влесова книга»...; К спорам о «Велесовой книге»; Что же такое «Влесова книга?»; Язык «Влесовой книги» // Что думают учёные о «Велесовой книге». СПб., 2004.

³ Алексеев А.А.. Опять о «Велесовой книге»; Книга Велеса: анализ и диагноз // Что думают учёные о «Велесовой книге». СПб., 2004.

⁴ Свято-Русские Веды. Книга Велеса / Пер. и пояснения А.И. Асова. М., 2003. С. 208.

⁵ Подробнее см.: Творогов О.В. Что же такое «Влесова книга?»...

⁶ Свято-Русские Веды... С. 249

⁷ Там же. С. 107.

⁸ Здесь и далее цифры после цитат из ВК обозначают номера дощечек. При разборе примеров следует учитывать, что в ВК буква, передаваемая в кириллической записи как щ, соответствует одновременно русским щ и ч. Букве ы в части дощечек соответствует диграф oi (вместо которого мы ниже ради упрощения позволяем себе писать обычное ы).

⁹ Заметим, что в обоих случаях вероятность того, что рассказ о деревянных дощечках — не выдумка, оказывается ничтожной. Ведь в более поздние века на дощечках уже не писали, а если что-то древнее копировали, то на пергамен или на бумагу.

¹⁰ Здесь и ниже ради краткости для повторяющихся написаний из многих адресов даём один.

¹¹ Заметим, что во всех этих примерах с нарушением согласования употреблены не только глаголы, но и многие другие слова.

¹² Заметим, что ввиду всеобщности таких смешений нет оснований рассматривать, как это иногда делают, смешение и – ы как украинизм.

Жизнь и судьба фальшивки: «Влесова книга» в социальном интерьере¹

«Влесова книга» (далее — ВК), начавшая свой трудный и не вполне удачный путь в среде русских и украинских эмигрантов, встретившая неприятие в американской и советской науке и, напротив, с восторгом принятая русскими националистами новой волны², пережила головокружительную карьеру в постсоветское время в России и на Украине. Она высветила новое явление, обозначив весьма сложные и неоднозначные взаимоотношения между исторической наукой и общественными настроениями. Мало того, она проторила путь новым фальшивкам, о которых идёт речь в данном сборнике. Поэтому представляется полезным проследить историю ВК на протяжении последних 30–40 лет и обсудить причины привлекательности этой фальшивки.

Первая версия специалистов относительно авторства ВК заключалась в том, что её мог создать известный мистификатор начала XIX в. А.И. Сулакадзев (1771–1830)³. Но после скрупулёзного анализа, проведённого О.В. Твороговым, становится ясно, что автором фальсификации вполне мог быть сам Ю.П. Миролюбов⁴. Не случайно, судя по некоторым сведениям, в годы Гражданской войны он служил в контрразведке и отвечал за дезинформацию противника⁵. Созданию фальшивки способствовало и отчаянное положение русских эмигрантов, желавших верить в великое будущее России, но не находивших почвы для этого в окружающей их действительности. Как не без оснований предполагает современный автор⁶, создатель ВК, обладавший богатым воображением, был далёк от настоящей науки и пытался воздействовать на мифологический пласт в сознании своих современников. Он всемерно пользовался иносказаниями, оживляя не только знакомые ему по «Слову о полку Игореве» идеи единства Руси, но и идеологемы недавнего Серебряного века. Короче говоря, его главной заботой была не научная добросовестность, а пробуждение русского национального самосознания. И действительно, Миролюбов находился в тесных контактах с зарубежными русскими националистическими центрами⁷.

Заслуживает упоминания и возможный источник информации о языческих записях на дереве, якобы сохранившихся в старых жилищах. Это книга немецкого журналиста Ф. Штауффа «Рунические дома», вышедшая в Германии в 1912 г. Примечательно, что одновременно с написанием этой книги он составлял списки «еврсев» среди немецких аристократов, чтобы использовать их в будущем для очищения немецкой элиты от «ненужной примеси». Штауфф был верным учеником австрийского ариософа Гвидо фон Листа, претендовавшего на открытие тайного языка древних германцев и полагавшего, что именно на этом языке были записаны шедевры дохристианской германской мудрости⁸.

Вначале к ВК обратились adeпты русского и украинского национализма в

эмиграции, такие как Ю.П. Миролюбов и С. Лесной, В. Шаян и Л. Силенко⁹. В СССР сведения о ней появились впервые в начале 1970-х гг. в программной статье активиста «Русской партии» поэта И. Кобзева (1924–1986), увлекавшегося русским язычеством и противопоставлявшего его насильно насаждённому христианству, якобы нанёсшему непоправимый ущерб исконной русской культуре¹⁰. Упомянутая статья была написана в весьма агрессивном духе и направлена против искажений русского языка, русской истории, русской культурной традиции некими недоброжелателями. Автор подчёркивал, что «у русского народа, так же, как и у русского языка, бесконечно глубокие корни, уходящие в туманнейшие дали тысячелетий», и призывал направить все усилия к изучению этих корней. Попутно он сообщал некие сенсационные сведения о находке в Австралии вывезенной из России древнейшей летописи, повествующей «о жизни древних руссов за период, удалённый на полторы тысячи лет от Аскольда и Дира». И тут же он с восторгом писал о раскопках позднепалеолитической стоянки Сунгирь под Владимиром, как будто она тоже имела отношение к происхождению древних славян¹¹. А десять лет спустя эта концепция в развёрнутом виде нашла отражение на страницах романа В. Чивилихина «Память».

Как бы то ни было, с тех пор «Влесова книга» — так назвал эту «древнюю летопись» украинский эмигрант С. Лесной — стала предметом пристального внимания русских патриотов, писателей и журналистов, которые наконец нашли в ней недостающее звено для восстановления «истинной славянской истории»¹². ВК была с восторгом встречена В.И. Скурлатовым, который именно в ней черпал вдохновение при написании своих фантастических статей об «арийцах-славянах», чем он увлекался в 1970–1980-х гг. Эта ключевая для нашей темы фигура заслуживает особого внимания. В.И. Скурлатов окончил физический факультет МГУ, после чего был в 1963–1965 гг. аспирантом в Институте философии АН СССР. Свою общественную карьеру он начал с организации Университета молодого марксиста (УММ) при ЦК ВЛКСМ в 1964 г. Тогда он был инструктором отдела пропаганды Московского городского комитета ВЛКСМ. В конце 1965 г. в Москве состоялся пленум ЦК ВЛКСМ по вопросам военно-патриотического воспитания молодежи. Среди рассматривавшихся на нём документов был и «Устав нравов», написанный Скурлатовым по заказу МГК ВЛКСМ. Этот документ оказался настолько одиозным, что его автор был выведен из состава Московского горкома ВЛКСМ, исключён из состава КПСС, а УММ был закрыт. Правда, в 1968 г. Скурлатов был восстановлен в КПСС.

Содержание «Устава нравов» не только страдало откровенными отсылками к «коричневым идеям», но и говорило об атмосфере, царившей в те годы на комсомольском олимпе, в частности о выработке ценностных ориентаций, взятых позднее за основу радикальным русским национализмом, а также неоязычниками. Автор был заворочен образом смерти, и созданный им документ апеллировал к героизму, жертвенности, пресодолению эгоизма и добровольному подчинению личных интересов коллективным иррациональным идеям. В част-

ности, там содержался призыв к открытому разрыву с «интеллектуализмом» и к созданию культа воина. В ряде своих аспектов (милитаризация общества, корпоративное устройство, культ героизма и смерти и др.) предложения автора до боли напоминали фашистскую модель, что и было причиной выведения Скурлатова из руководящих комсомольских органов. Экстремистский характер документа признаётся всеми исследователями¹³. Действительно, позднее Скурлатов рассказывал, что с детства увлекался нацистской символикой и, будучи одно время близок к философу А.Ф. Лосеву, делал для него переводы из нацистских работ¹⁴. Вот где берут корни многие его фантазии, воспевавшие героические деяния «арийских» предков и борьбу с врагами за всемирное торжество «Русской идеи». Всё это продолжало волновать воображение Скурлатова, что и привело его в ряды борцов с сионизмом и пропагандистов «великого русского (арийского) прошлого».

В 1970-е гг., работая в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН), он занимался пропагандой «славной арийской истории» и одновременно издал одну из самых радикальных антисемитских книг «Сионизм и апартеид», содержащую откровенную антисемитскую пропаганду¹⁵. Эта книга сделала его одним из кумиров членов объединения «Память», которым импонировала идея противостояния «еврейскому господству». Мало того, в 1983–1985 гг. Скурлатов вёл спецкурс «Критика идеологии сионизма» в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы¹⁶. Не пользуясь признанием у историков, его писания оказали существенное влияние на становление расистского и антисемитского направления в русской фантастике. Чтобы стимулировать развитие этого направления, он даже пытался организовать перевод и издание в СССР ряда написанных в том же духе произведений западных авторов. Как установлено экспертами, свои представления о «сионизме» Скурлатов черпал из нетленного произведения Гитлера «Mein Kampf»¹⁷. Кроме того, работая в 1960-х гг. в комсомольском аппарате, Скурлатов, разумеется, не мог пройти мимо «Протоколов сионских мудрецов», которые были в этих кругах хорошо известны¹⁸. В 1970–1980-х гг. Скурлатов активно печатался в журнале «Техника – молодёжи» и таких альманахах, как «Тайны веков» и «Дорогами тысячелетий», где наряду с другими единомышленниками развивал фантазии о «русской языческой предыстории»¹⁹.

Скурлатов фактически первым попытался ввести ВК в контекст русской и советской исторической традиции. Обращаясь к туманным летописным сведениям о якобы славянских письменах эпохи раннего Средневековья и о загадочных знаках, найденных археологами в Северном Причерноморье, он всячески пытался создать у читателя представление о возможности скорого обнаружения дохристианской русской письменности. Более того, ссылаясь на непроверенные и малодостоверные факты, он намекал на то, что финикийский алфавит мог происходить из Северного Причерноморья (sic!). Тем самым подготовив читателя, он сообщал о находке ВК, в которой якобы неопровержимо доказывалось «степное центральноазиатское происхождение наших предков»,

исконных кочевников-скотоводов. Упомянув сквозь зубы об экспертизе, проведённой ещё в 1959 г. советскими учёными и давшей однозначно отрицательный результат, Скурлатов делал вид, что вокруг ВК ведётся серьёзная научная дискуссия²⁰. Любопытно, что уже в 1970-е гг. инициативу Скурлатова поддержали некоторые дипломированные учёные (в частности, В. Вилинбахов²¹), хотя таковых оказалось очень немного²².

Заданный Скурлатовым тон был подхвачен рядом других журналистов и писателей, создававших представление о ВК как о бесценном памятнике славянского язычества, который лишь по нелепой случайности обходился или подвергался сомнению специалистами²³. Кобзев настоятельно требовал издания текстов «Влесовой книги» и сам публиковал стихотворные переводы отдельных отрывков из неё.

Тем временем она заинтересовала некоторых писателей, и её дух можно обнаружить в целом ряде художественных, в том числе фантастических произведений, выходивших с конца 1970-х гг. Одним из первых стал известный русский писатель П.Л. Проскурин (1928–2001), ещё в конце 1970-х гг. задумавший роман о древних славянах, на что его натолкнули сведения о находке в годы Гражданской войны неких «дошечек с непонятными письменами», якобы оказавшимися «древнеславянскими рунами»²⁴. Речь, разумеется, шла о ВК. Однако, похоже, что этого романа Проскурин так и не написал. Между тем он был не одинок, и некоторые другие авторы также попали под обаяние «древней языческой летописи». ВК была с восторгом встречена многими патристически настроенными русскими писателями, и в начале 1980-х гг. ей было посвящено специальное заседание Комиссии по охране памятников истории и культуры при Московской писательской организации, где было принято единогласное решение о безусловной необходимости публикации этого «бесценного памятника»²⁵.

Одна из последних публичных дискуссий о ВК состоялась осенью-зимой 1987–1988 гг. на страницах еженедельника «Книжное обозрение» в связи с предложением писателя Ю. Сергеева издать текст ВК в СССР²⁶. В ответ филолог Н. Богомоллов пытался не только разъяснить причины неуместности раздувания ненужного шума вокруг фальшивки, но и показать сложности изучения славянской мифологии и необходимость её критического научного анализа²⁷. Было опубликовано интервью с Л.П. Жуковской, ещё раз в популярном виде изложившей доводы о поддельном характере ВК²⁸. Подводя итоги дискуссии, литературный критик П. Карп нашёл её весьма показательной своей парадоксальностью, ведь в поисках национальной исключительности «люди, громче всего кричащие о национальной самобытности, как раз и стремятся урезать, стерилизовать великие достижения национальной культуры, нанести ей прямой урон, точь-в-точь как в своё время борцы против так

Космополитизм был упомянут вовсе не случайно. Ведь участники дискуссии разделились на две достаточно чёткие группы: с одной стороны, поборники некой «чистой» русской культуры, которую они призывали защищать от

инородцев и иноземных влияний, а с другой — те, кто понимал под русской (российской) культурой вековой синтез самых разнообразных традиций, обретших в России свою новую Родину. Среди первых оказались писатели-патриоты С. Алексеев³⁰, Ю. Сергеев и Ю. Петухов (тогда он ещё скромно называл себя инженером³¹), предлагавшие лишить Россию Пастернака заодно с Карлсоном, Буратино и Чебурашкой, выглядевшими в глазах этих авторов «безродными» и «тунеядцами». Однако участникам дискуссии ни в чём не удалось убедить друг друга.

Оценивая эту дискуссию, Ю. Петухов (когда он уже стал писателем) соглашался с тем, что подлинность ВК установить не удалось, но настаивал на необходимости её публикации и научного изучения. При этом он умалчивал о том, что она уже неоднократно публиковалась на русском языке, хотя и за рубежом, и что научная экспертиза, проделанная Жуковской, дала отрицательный результат. Мало того, вполне в духе ВК он требовал искать предков славян среди степных кочевников и утверждал, что это якобы соответствует новейшим археологическим и лингвистическим данным. При всём его прокламируемом православии он выражал восхищение дохристианской культурой Руси и призывал рассматривать славянское язычество как «культурную ценность»³². Одновременно он пытался отвести от Сергеева обвинения в антихристианских настроениях, которые тот страстно демонстрировал в своих книгах.

Ещё в начале 1980-х гг. сомневающиеся в аутентичности ВК открыто обвинялись в «очернительстве русской национальной истории» и «враждебности ко всему русскому»³³. Не случайно такие ярые пропагандисты ВК, как Скурлатов, Емельянов, Жуков³⁴ и Кобзев, стояли у истоков движения «Память» и одновременно снискали славу неутомимых борцов с сионизмом, открыв, по сути дела, новую эру в борьбе за «окончательное решение» еврейского вопроса³⁵.

Действительно, в работах такого рода писателей две темы — о величии «древних арийцев» и о «вредоносности» масонов и евреев — сплетались в единое целое. Так, в представлениях Проскурина нашла отражение идея «бескрайнего простора» как территории, занимаемой определённым народом. В одной из своих статей он писал о «границах народа от Атлантического до Тихого океана через весь евразийский материк»³⁶. Писатель не уточнял, когда именно и какой «народ» заселял всю эту территорию, однако здесь несомненна перекличка с идеями Скурлатова о широких миграциях «славян-арийцев». В произведениях Проскурина обозначалась и другая весьма важная тема, пронизывающая труды «писателей-патриотов». Ведь его рассуждения также не обходились без образа легко узнаваемого врага. Всячески проклиная западный мир, Проскурин не забывал упомянуть, что тот «уже порабощён масонством, все более и более срастающимся с сионизмом»³⁷. Итак, здесь снова обнаруживается всё та же навязчивая идея, противопоставляющая «арийский» Золотой век современному времени упадка, в котором хозяйничают «масоны» и «сионисты».

Все эти сюжеты, ставшие ключевыми компонентами арийского мифа в постсоветской России, не оставляли писателя и впредь. В своём новом романе,

посвящённом интригам в эшелонах высшей власти в эпоху Брежнева, Прокурин снова поднимал тему «руссов-пеласгов», которые якобы не только заложили основы европейской цивилизации, но и изобрели древнейшую письменность до шумеров и египтян. С этим соседствовали рассуждения о том, что ростки «новой евразийской цивилизации» были варварски погублены некими зловредными силами, которые при этом действовали по «тайным рецептам», якобы выработанным ещё шумерами и египтянами. Писатель вкладывал в уста русского патриота рассуждения о том, что якобы выживание «белой расы» теснейшим образом связано с судьбой русской нации. При этом в его романе идеологемы арийского мифа постоянно сопровождалась отсылками к хазарскому мифу, о чём говорило использование в качестве синонимов таких понятий, как «каганат», «хазары», «иудеи», «сионисты» и «троцкисты». Именно эти силы писатель обвинял в подрывной деятельности против России³⁸. Ещё более откровенно он выступал в своих дневниковых записях. Например, в марте 1992 г. он с тревогой писал о плачевной судьбе «белой расы» и утверждал, что «гибель России — гибель всей белой расы». Он пенял Западу на его близорукое отношение к русскому народу и уверенно заявлял, что только «русский путь» способен привести земную цивилизацию к рассвету³⁹.

Иными словами, писатель разделял расистские и антисемитские представления, вырабатывавшиеся в среде радикальных русских националистов в 1970–1980-х гг., и всячески пропагандировал их в своих произведениях как на закате советской эпохи, так и в новых, постсоветских условиях. Правда, в отличие от радикалов, он проявлял осторожность, к чему его обязывала должность сопредседателя Союза писателей России. Поэтому он избегал пространных рассуждений на тему «арийцев» и «семитов» и ограничивался лишь редкими упоминаниями соответствующих тем, прибегая к ключевым понятиям и терминам, позволяющим посвящённым тут же оживить в памяти связанные с ними расовые мифы. Одной из таких тем и являлась идея о запредельной древности «руссов-славян», отводящая русским престижное место создателей основ человеческой цивилизации и культуртрегеров, якобы одаривших весь остальной мир своими культурными достижениями.

Некоторые писатели более молодого поколения были много откровеннее. Среди них особо выделялись уже известные нам С.Т. Алексеев (главный редактор журнала «Детская литература») и Ю.В. Сергеев. Они одними из первых ввели в художественную литературу миф о древних языческих письменах, якобы сохранных «раскольниками-староверами» вплоть до наших дней. Отождествив православных староверов, борцов против никонианства, с язычниками, эти писатели в полном соответствии с неоязыческими постулатами объявили христианство «рабской религией», погубившей «истинные верования вольнолюбивых росссов»⁴⁰. Они верили, что в глубинах России (для Алексеева — на Русском Севере, а для Сергеева — в Сибири) ещё сохранились скиты с «берестяными грамотами» («дощечками») или «пергаментными свитками», рассказывающими о Прави и Яви, Перуне и Свароге. Выставляя в непригляд-

ном свете советского учёного, Сергеев давал понять читателю, что «бесценные древние рукописи» следует всячески скрывать от учёных, якобы действующих по указке НКВД и стремящихся к полному уничтожению оставшихся древних рукописей⁴¹. Алексеев добавлял к этому, что древние дохристианские книги имели магическую силу и являлись талисманами, уберегавшими от беды. Выказывая плохо скрытую враждебность к христианству, он делал особый акцент на том, что не попы принесли с собой письменность, а сам русский народ избрал её для собственных нужд⁴².

Явно под влиянием мифа об утраченной языческой письменной традиции С.Т. Алексеев ещё в первой половине 1980-х гг. написал повесть «Слово», где доказывал, что в дохристианские времена на Руси были и свой Бог («Бог всего рода людского»), и своя докириллическая письменность. Якобы ещё в те далёкие времена имелись рукописи о земле Русской и о славной истории предков, но многие из них были безжалостно уничтожены христианскими священниками. Устами древних волхвов писатель заявлял, что свободный народ должен иметь своего собственного Бога, а принятие чужой религии неизбежно ведёт к порабощению и подчинению иноземцам. Будто бы об этом говорилось в найденной в 1919 г. летописи старца Дивея, якобы жившего в эпоху князя Владимира. Этой «древней рукописи» приписывались волшебные свойства: якобы она служила талисманом, спасавшим своего владельца от беды и даже от смерти. Но, к несчастью, во время войны она исчезла. Алексеев убеждал читателя в том, что русские монахи самоотверженно сохраняли в монастырях языческие свитки; при этом гонения патриарха Никона на староверов изображались как имеющие своей целью окончательное уничтожение дохристианского наследия. Героем своей повести писатель сделал собирателя древних рукописей, якобы обнаружившего у староверов Печеры залежи старописьменных книг. В то же время автор с недоверием и подозрительностью относился к советским учёным, ведущим поиск старопечатных книг⁴³. Нет никаких сомнений, что Алексеев писал свою повесть под влиянием ВК. В то же время многие из высказанных им мыслей были впоследствии подхвачены как некоторыми другими писателями, так и национал-патриотами и заполнили страницы неоязыческих изданий в 1990-х гг.

В 1990-х гг. сторонники ВК в России активизировались. Если раньше, публикуясь в открытой печати, все они старательно отделяли свои «славяно-арийские исследования» от «антисионистских» памфлетов, то теперь петербургский историк Ю.К. Бегунов отбрасывал этот ложный стыд и уже не считал зазорным начать борьбу с «Мировым злом» с экскурса в историю «Великой Руси» докиевского периода⁴⁴. Другой любитель аналогичных идей и борец с христианством Ю.М. Иванов обвинял эту религию в том, что она будто бы «укоротила на целое тысячелетие нашу историю». При этом он воспевал языческую Русь, опираясь на данные, почерпнутые из ВК⁴⁵.

В эти же годы появилась целая серия художественных произведений, отсылающих к ВК и славному прошлому «славян-арийцев». В этом отношении

особенно показательны книги уже известных нам С.Т. Алексеева «Сокровища Валькирии» (М., 1995) и «Сокровища Валькирии-2» (М., 1997) и Ю.В. Сергеева «Княжий остров» (М., 1995), а также Е.Я. Гуляковского «Красное смещение» (М., 1996). Во всех этих романах так или иначе прославлялась таинственная «Северная цивилизация», звучала ностальгия по великому «арийскому прошлому», с восхищением описывались «мудрые носители тайных знаний далёких предков» и объявлялась бескомпромиссная война «Мировому злу», представленному «тайным мировым правительством», неким «интернационалом» злоумышленников или «орденом розенкрейцеров». Показательно, что в борьбе с этим злом рука об руку действовали «предки-арийцы» и сотрудники КГБ или, как аналог им, воины-афганцы. Одним из главных героев этих произведений неизменно оказывалась обладающая волшебными свойствами «древняя рукопись», как бы она ни называлась — «Блеск-книга», «Книга Свастики» или просто «Священная Влесова книга». А исконное славянское язычество противопоставлялось якобы ущербному и сомнительному христианству⁴⁶.

Вряд ли может вызвать удивление тот факт, что ВК часто фигурировала на страницах газеты петербургских неоязычников «Родные просторы», которая кошунственно сопоставляла её историю с судьбой «Слова о полку Игореве»⁴⁷. В 1991–1992 гг. ВК популяризировалась рассчитанной на военных газетой «Истоки»⁴⁸, которая без тени сомнения заявляла, что эта «летопись» была написана неким Влесом — «первым историком на Руси». Это говорит о полном невежестве автора комментариев, ибо хорошо известно, что своё условное название ВК получила от С. Лесного, решившего тем самым подчеркнуть особое значение бога Велеса в пантеоне древних славян. Автор настолько неуважительно относился к своим читателям, что в каждом следующем номере газеты давал новые версии, полностью противоречившие своим же более ранним публикациям. Так, если в начале своего опуса он изображал скифов злейшими врагами «славян-сарматов», то позднее он выказывал гордость тем, что русские князья прямо происходили от «царских скифов», и т.д.

В 1992 г. писатель В.И. Щербаков⁴⁹ опубликовал переводы некоторых фрагментов ВК. Со свойственным ему апломбом он представил себя едва ли не первым переводчиком и исследователем этого «славянского памятника»⁵⁰. Объявив его аутентичной «жреческой книгой славяно-русов», он нашёл там подтверждения многим своим построениям о древнем ареале и путях расселения «праевропейцев и славян», умалчивая о том, что эти построения развивали идеи более ранних работ Скурлатова, основанных всё на той же ВК. Оттуда же он позаимствовал и своё всеохватывающее учение о Богородице⁵¹. Любопытно, что Щербаков рассматривал «Влесову книгу» не как сочинение самих жрецов, а как нечто дарованное свыше, подобное иудейско-христианской Библии: «Представления о мире и его структуре в «Лебединой книге» (так он сперва назвал ВК.— В.Ш.) так глубоки, что вне всяких сомнений отражают божественную истину, откровение, которое было даровано славянам»⁵².

Начиная с конца 1992 г. ВК усиленно пропагандировали журналы «Наука

и религия» и «Чудеса и приключения». В первом из них чувствовалась направляющая рука одного из членов его редколлегии, большого энтузиаста этой сомнительной кампании А.И. Барашкова. А.И. Барашков (он же А.И. Асов, он же Бус Кресень) — геофизик, окончил физический факультет МГУ. Во второй половине 1980-х гг. он неоднократно участвовал в геофизических исследованиях на Чёрном море и некоторое время работал в объединении «Южморгеология», но, похоже, большой любви к своей профессии не испытывал. Зато его рано начала мучить тайна славянского языческого фольклора, и, по его собственному признанию, в 1988 г. он задумал «восстановить славянскую языческую мифологию». Впрочем, трудная работа с историческими документами его не увлекала, и он, подобно Миролубову, предпочёл опираться на полученные в детстве знания, на этот раз — от «бабы Любы». Со временем Асов изобрёл себе престижных предков — костромских «казаков-берендеев»⁵³, что якобы приближало его к истокам древней мудрости. Этим он, однако, не ограничился; другим источником его познаний стали «божественные откровения», время от времени на него снисходившие⁵⁴.

А.И. Асов в одежде русского воина

Свою литературную деятельность Барашков начал с фантастических околонаучных публикаций, посвящённых загадке Всемирного потопы и уже основательно к тому времени затасканной проблеме Атлантиды⁵⁵. В частности, он утверждал, что атланты были вегетарианцами, чем обнаружил не столько стремление к поиску научной истины, сколько знакомство с оккультными произведениями мадам Блаватской и её школы. Склонный к мистике, он одновременно с увлечением подхватывал и популяризировал самые сомнительные с научной точки зрения идеи. Поверив в аутентичность ВК, он, не будучи ни лингвистом, ни специалистом по палеографии, не имея никакого опыта работы ни с древними письменными источниками, ни с фольклорными произведениями, отважно взялся за «чтение» и «перевод» этого «памятника древнерусской словесности»⁵⁶.

Завершив этот трудоёмкий проект, Асов занялся упорядочиванием и систематизацией того, что он называет славянскими ведическими знаниями. Его метод достаточно прост: он собирает опубликованные фольклорные тексты (былины, сказки, народные песни, летописные сюжеты и пр.) и старательно создаёт из них стройное повествование о языческих богах, включая их генеалогические связи. Для этого он по-своему интерпретирует собранные материалы, в том числе и христианского происхождения. Свои произведения он иллюстрирует собственными рисунками «древнеславянских богов», выполненными с использованием канона православной иконописи (!)⁵⁷. Вопросы аутентичности текстов, их датировки, фольклора как открытой развивающейся системы, отражающей взаимовлияния культур и постоянно включающей как инновации, так и новые интерпретации, его не волнуют. Он воспринимает всю собранную информацию как исконные нарративы, донёсшие до нас некую примордиальную Традицию. Поэтому его построения включают странную смесь разновременных и разнокультурных напластований (в том числе без труда узнаваемые библейские сюжеты), которую он выдаёт за древнейшее «славяно-арийское» наследие. Все эти несообразности его не беспокоят. Мало того, он сам призывает «бороться с фальсификациями нашей великой истории». При этом под фальсификациями он понимает не искажение реальной истории, а приверженность некому «мифу о дикости Древней Руси»⁵⁸. Эту фразу трудно понять без учёта того, что под «Древней Русью» он понимает выдуманную им самим «первобытную Русь» с её колоссальными по размеру «государствами», «ведической религией» и «палеолитической письменностью».

Откуда у него такая завидная уверенность в своей правоте? Его подход типичен для неоязычников, стоящих в агрессивной оппозиции к специалистам и академической науке и считающих, что для понимания древних религиозных текстов и мифов нужны не столько профессиональные знания, сколько «взгляд изнутри», т.е. истинная вера⁵⁹. В этом обнаруживается их тяготение к русской оккультной традиции, основывавшейся не на рациональном анализе и научной логике, а на методе «духовного прозрения»⁶⁰. Кроме того, с теософией неоязычников сближают утверждения о том, что древние знания якобы веками сохранялись в чудесным образом дошедших до нас священных книгах и что их хранители из поколения в поколение передавали и держали в тайне от чужих ушей глубочайшую мудрость предков. Неоязычники отстаивают популистский иррациональный подход к осознанию окружающего мира, и, как недавно заявил один из их активистов, их целью является навязать современным жителям России мифологическое мышление⁶¹.

Руководствуясь именно таким подходом и исчерпав все свои скудные аргументы, Барашков-Асов восстаёт против «профессиональной узости мышления» и пишет: «Главное же подтверждение подлинности невозможно точно выразить словами. Оно исходит из личного духовного опыта. О подлинности говорит сам дух Велесовой книги. Её мистериальная тайна, великая магия слова». Асов заключает, что для «человека, обладающего духовным знанием (т.е. религиозной

верой. — В.Ш.), подлинность Велесовой книги неоспорима»⁶². Он утверждает также, что «сама „Книга Велеса“ не подпускает к себе людей случайных»⁶³ (т.е. специалистов? — В.Ш.). Что понимает Асов под «широтой мышления», становится ясно из его публикаций, в которых он стремится доказать реальность «летающих тарелок» и посещений Земли инопланетянами, объяснить происхождение ценнейших духовных знаний привнесением их неким космическим пришельцем Колядой, обосновать необходимость ядерного оружия «угрозой из Космоса»⁶⁴.

Изображение Майи и Коляды из книги А.И. Асова «Мифы и легенды древних славян» (М., 1998)

Те же взгляды на мировую историю развивал с 1991 г. журнал «Чудеса и приключения». В поисках сенсаций этот вновь возникший журнал популяризировал деятельность магов и колдунов, симпатизировал оккультистам, много страниц уделял рассказам об НЛО и загадках космоса, проявлял жгучий интерес к иррациональным компонентам идеологии Третьего Рейха. Не обходил он и тему арийства славян, и не случайно в некоторых из его номеров (№ 4–5 и 7–8 за 1992 г.) помещалась реклама «Бхагават-Гиты», священного писания кришнаитов.

Всё это объясняет, почему журнал вздохнул и писал о ВК, объявляя её аутентичным памятником забытой истории древних славян, который якобы по идеологическим соображениям отвергала официальная советская наука⁶⁵. Авторы журнала, правда, скромно умалчивают о том, что её не признают все специалисты, как западные, так и отечественные постсоветского времени. Даже такой патриот, как Л.Н. Гумилёв, ставил ВК под сомнение и не считал её аутентичным историческим источником⁶⁶. Впрочем, чувствуя свою некомпетентность,

авторы журнала призывали к всестороннему научному изучению дощечек, чтобы доказать их подлинность⁶⁷. Они готовы были винить специалистов в чём угодно — в тенденциозном и даже во враждебном отношении к русской истории⁶⁸, в идеологической зашоренности и даже в невежестве, а также в нежелании искать следы ВК в московских архивах⁶⁹. Особенно доставалось от них иностранцам и пляшущим под их дудку «губителям отечественной культуры», которые якобы намеренно искажали факты отечественной истории, преследовали патриотически настроенных учёных, скрывали от общественности подлинные древние рукописи или же отправляли их за рубеж и намеренно внедряли в общественное сознание сочинённую немцами «норманнскую теорию»⁷⁰. «Истребление источников, их огульное обвинение в поддельности, саботаж в издании и изучении древних свидетельств о прошлом русского народа — только часть «гуманитарной помощи» заезжих космополитов и их отечественных прихлебателей», — писал один из популярных авторов журнала⁷¹. И всё это делалось ради того только, чтобы объявить ВК, «Боянов гимн» и подобные им подделки аутентичными источниками⁷². Однако патриотизм мало помогает энтузиастам ВК — доказать её подлинность они не могут и поэтому либо в который уже раз повторяют старые аргументы, либо придумывают новые небылицы, пытаясь оживить давно развенчанный миф.

В 1996 г. В.Д. Захарченко⁷³ совместно с В.А. Чернобровом выпустили сборник, синтезирующий все основные идеи журнала «Чудеса и приключения», в котором наряду с мистикой и рассказами о космических пришельцах охотно публиковались фантазии на тему древней истории «славян-арийцев». Концепция составителей и авторов сборника вырисовывается из его структуры, которая представляет читателю «три источника и три составные части» мифологемы, весьма полюбившейся группе современных русских националистов: фантазии об НЛО и космических пришельцах, произвольные и нередко ошибочные интерпретации данных о древнейшей истории, а также рассказы о «снежном человеке». Вторая часть сборника содержала известные сюжеты о «славянах-этрусках» и «Славянском царстве», которое авторы объявляли «старше египетских пирамид»⁷⁴, об Атлантиде, о якобы дешифрованном Фестском диске, об арийском государстве на Южном Урале, которое также было якобы «древнее египетских пирамид», и т.д. Здесь же находила место и история ВК, слепленная из упоминавшихся выше статей О. Скурлатовой (1992) и В. Грицкова (1992), где ВК всё так же упорно объявлялась аутентичным источником по древнейшей истории славян⁷⁵.

Все эти идеи в начале 1990-х гг. были подхвачены неоязыческими группами Сибири. Основатель Древнерусской Инглистической церкви в Омске А. Хиневич⁷⁶, развивая свои фантазии о Даарии и даарском языке, во многом отталкивался от публикаций Асова, которого он безмерно чтит⁷⁷. Основанный вначале в Тюмени, а в 1997 г. и в Екатеринбурге Институт русской ведической культуры развивал и популяризировал идеи, восходившие, с одной стороны, к индийской ведической литературе, а с другой — к фантазиям С. Лесного, Ю. Миролубова,

а также к ВК и «Песням птицы Гамаюн» в обработке Асова⁷⁸. Впрочем, некоторые из молодых энтузиастов, организовавших институт, пытались избежать слепого следования авторитетам. Один из них, А.А. Козлов, хотя и с уважением, но не без критики трактовал тексты Миролюбова⁷⁹, а построения Асова и вовсе называл «антинаучным произволом»⁸⁰.

Тем не менее, благодаря широкой пропаганде, проводимой «патриотами», ВК становилась всё более популярной. Дело доходило до того, что патристическую статью о ней публиковала либеральная газета «Московский комсомолец»⁸¹, а посвящённая ей передача транслировалась по патристическому телевизионному каналу «Московия» (25 ноября 1997 г.). Среди патристов циркулировала видеокассета с фильмами «Тайна Влесовой книги», «Тайна славян» и «Аркаим — город ариев».

Аргументы специалистов (среди которых были и такой непререкаемый авторитет, как академик Д.С. Лихачёв⁸², и один из крупнейших знатоков Древней Руси академик В.Л. Янин⁸³), подчёркивавших поддельный характер ВК, вызывали некоторое замешательство в стане её любителей. Одни из них, признавая истинной основную канву упомянутой выше арийской версии происхождения славян, стремились соблюсти хотя бы внешнюю объективность и соглашались с тем, что автором ВК мог быть Миролюбов, использовавший при этом свои юношеские впечатления от знакомства с некоторыми гуцульскими обычаями, в частности с техникой письма на дощечках⁸⁴. Другие, подобно самодеятельному историку В.В. Грицкову⁸⁵, старались всеми силами принизить таланты Миролюбова и заявляли о том, что он ни при каких условиях не был способен на изготовление «древних» текстов. В то же время они не были склонны доверять ему на слово и подозревали, что он держал в руках не оригинальные дощечки, а рукопись, скомпонованную поколениями переписчиков⁸⁶. Наконец, отставной полковник из Омска В.М. Дёмин, широко прибегавший к ВК для доказательства своих фантастических построений на «арийскую тему», проговаривался и писал о её «составителях», которых он уважительно называл «родоначальниками русской исторической школы»⁸⁷.

Примечательно, что ВК была открыто признана фальсификацией таким видным представителем русского национального движения, как А.М. Иванов (Скуратов). Будучи профессиональным историком, он, похоже, был в своё время немало шокирован популярностью ВК среди своих соратников. Их аргумент о том, что «книга работает на нас», его не убеждал, и он, подобно Николаю II, полагал, что нельзя делать чистое дело грязными руками. «Если мы ставим перед собой великую задачу национального возрождения, то как можно это святое дело основывать на заведомой лжи?» — вопрошал он⁸⁸. Между тем его голос потонул в мощном хоре любителей «русской доистории».

Читателя вряд ли удивит, что среди ярых защитников аутентичности «Влесовой книги» оказывается геолог Г.С. Гриневич, который, «проведя самостоятельное исследование», заявляет, что речь идёт о «подлинной книге IX в.»⁸⁹. Новгородский профессор П.М. Золин, уходя от содержательного анализа аргу-

ментов оппонентов, пытается уличить их в нарочитом пренебрежении славяно-русскими древностями⁹⁰. Наконец, вышеупомянутый энтузиаст ВК А.И. Асов отмечает с порога все аргументы специалистов, прибегая для этого к гнусным намёкам на якобы имевшие место их связи с КГБ⁹¹.

Любопытно, что под тяжестью научных аргументов Асов вынужден признать: ВК содержит легенды, которые «надо исследовать с религиозоведческой точки зрения, а не анализировать их как конкретную историю»⁹². Этот аргумент явно заимствован Асовым из немецкой почвеннической и оккультной литературы, которая сознательно отказывалась от научных методов исследования далёкого прошлого и предпочитала всецело полагаться на интуицию и «откровение»⁹³. Кстати, руководительница оккультного Всемирного теософского общества Анни Безант (1847–1933), говоря о священных книгах разных религий, писала, что «только учёные могут определять их историческую подлинность, но, с другой стороны, только духовный человек может судить об их вдохновенном значении»⁹⁴. Но ведь и сам Асов, и его единомышленники широко используют ВК именно как исторический источник по истории древних славян! При этом они, кстати, не берут в расчёт тот известный специалистам факт, что мышление людей догосударственной эпохи не знало таких понятий, как «народ», «этнос», и в принципе не могло оперировать такими широкими социальными и географическими категориями, которые содержатся в тексте ВК. Мало того, ВК является несообразностью и с историко-эстетической точки зрения⁹⁵.

Как бы то ни было, ни публичные разоблачения, ни профессиональные экспертизы⁹⁶ не останавливают неоязычников, истово верующих в аутентичность ВК. В постсоветские годы она, как мы видели, усиленно популяризировалась рядом патриотических периодических изданий как единственная неведомо как сохранившаяся дохристианская летопись.

С конца 1992 г. ВК настойчиво пропагандировали общероссийские журналы, видимо пытаясь с помощью сенсационности своих публикаций спасти падающие тиражи: «Наука и религия» (тираж в начале 1990-х гг. — 30–55 тысяч, но в 1997 г. — 20–25 тысяч, в 2003 г. — 20 тысяч) и «Чудеса и приключения» (тираж в 1990-х гг. — 20–30 тысяч, в начале 2000-х гг. — 23 тысячи). Начиная с 1995 г. те же идеи подхватил другой общероссийский научно-популярный журнал «Свет. Природа и человек» (его тираж падал с 21–26 тысяч экземпляров в 1995 г. до 16–19 тысяч в 1997 г. и 13–16 тысяч в 2002–2003 гг.; он распространяется на всей территории СНГ). В 1990-х гг. ВК, как мы уже знаем, стала популярным и едва ли не центральным сюжетом одного из успешных направлений художественной приключенческой литературы.

Асову удалось уже несколько раз издать ВК: «Русские веды» (Москва: Наука и религия, 1992, 50 тысяч экземпляров), «Велесова книга» (М.: Мнемозина, 1994, 5 тысяч экземпляров), «Книга Велеса» (М.: Наука и религия, 1997, 8 тысяч экземпляров), «Книга Велеса» (СПб.: Политехника, 2000, 3 тысячи экземпляров), «Свято-Русские Веды. Книга Велеса» (М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001,

5 тысяч экземпляров. С тех пор эта книга была несколько раз переиздана тем же издательством). Но этого ему показалось недостаточно, и он пошёл ещё дальше, сделав попытку самостоятельно создать нечто вроде славяно-русского Ветхого Завета, взяв за основу индийскую ведическую литературу, русский фольклор, ВК и фантазии писателя-патриота В. Щербакова. Это своё произведение под названием «Звёздная книга Коляды»⁹⁷ он представляет читателю как «полный свод Изначальных Вед», «источник по древней вере славян»⁹⁸. На этом он не останавливается и публикует книгу за книгой, популяризирующие современный миф о «славянах-ариях» и Северной прародине, основанный всё на той же ВК и других вымыслах⁹⁹. В начале 2000-х гг. Асов стал утверждать, что нашёл следы истинного создателя «древнейшей русской летописи», однако без обращения к богатому наследию известного мистификатора Сулакадзева ему при этом обойтись не удаётся¹⁰⁰.

Влесова книга. Первое издание в Рос-

В 1990-е гг. ВК и её идеи были охотно подхвачены и широко популяризировались многими русскими ультранационалистическими газетами и журналами, включая и те, которые называли себя православными («Русский вестник», «Колоколь» и др.). В частности, для пропаганды идеи о «нашей Арктической прародине» петербургская праворадикальная газета «За русское дело» даже начала с 1996 г. выпускать особое приложение под названием «Потаённое», где обсуждались связанные с этим сюжеты¹⁰¹. Арийский миф пришёлся по душе и бывшему лидеру «Русского национального единства» А. Баркашову, который не долго думая отождествил ариев с «Белой Расой», а русских представил как «наиболее прямых генетических и культурных потомков арийцев»¹⁰².

Некоторые академики и доктора наук не считают зазорным писать к ВК

выдержанные в восторженных тонах предисловия¹⁰³. В частности, её публикацию поддержал академик самопровозглашённой Международной Славянской, Петровской и Русской академии Ю.К. Бегунов, известный своим патологическим антисемитизмом¹⁰⁴. В последние годы большими тиражами переиздавались фантазии Миролубова и Лесного на темы, связанные с древней историей славянства¹⁰⁵. Более того, в 1994 г. журнал «Молодая гвардия» без каких-либо комментариев опубликовал опус А.А. Кура¹⁰⁶ о древних славянах, подчеркнув при этом, что автор опирался на «новейшие данные». Однако тот факт, что работа была написана около полувека назад и что под «новейшими данными» понималась всё та же пресловутая ВК, редакция «изящно» обошла. Всё это, разумеется, свидетельствовало о тяжёлой болезни, которая всё глубже поражала русскую интеллектуальную элиту.

Фактически речь идёт о возникновении наряду с академической наукой альтернативной паранауки, которую её приверженцы называют «русской наукой»¹⁰⁷ и которая по своему духу весьма близка к науке неонацистской. Сегодня можно считать, что эта «наука» уже сложилась. Её деятели очень активны в художественных издательствах и на телеэкранах, они издают серии паранаучных книг, выпускают телефильмы и для пушей убедительности ссылаются друг на друга. Надобность обращаться к академической науке у них уже полностью исчезла. Вместо этого они предпочитают напрямую общаться с общественностью, заполняя книжный рынок массой художественных и псевдонаучных произведений, рекламируя себя как «видных историков», «известных археологов», «знатоков лингвистики», якобы разрабатывающих новые подходы, упрямо отвергающиеся «консервативной ортодоксальной наукой». Мало того, время от времени они даже устраивают «научные экспедиции» для поисков утраченной «гиперборейской цивилизации». Но этот сюжет заслуживает специального рассмотрения¹⁰⁸.

Восторженное отношение к ВК и воспевание древней «славянско-арийской праистории» можно найти в вышедшей недавно книге известного художника-патриота И.С. Глазунова, рассматривающего историю исключительно с расовой точки зрения¹⁰⁹. Популяризацией «достижений» этой паранауки не брезговали даже некоторые центральные газеты, в частности «Московский комсомолец»¹¹⁰. Утверждение о том, что в докириллические времена русичи широко использовали для письма «черты и резы», а их жрецы, знавшие «велесовицу», создали ВК; можно услышать даже на научных конференциях¹¹¹. ВК пропагандировала и экономист И. Можайскова, называвшая её «мало изученной летописью русских языческих жрецов»¹¹². При этом она ссылалась на статью Творогова, которую она, очевидно, даже не держала в руках.

Самое прискорбное то, что поддельная ВК правдами и неправдами пыталась проникать в систему народного образования. Её дух витал над выпущенным в середине 1990-х гг. экспериментальным учебником истории для старших классов средней школы, автор которого, сотрудник Института российской истории, не только детально и с упоением излагал мифическую версию истории славян в бронзовом и раннем железном веке, но и из ложно понятого чувства

патриотизма заставлял школьников заучивать явно вымышленные факты и даты¹¹³. Уже известный нам писатель-фантаст В.И. Щербаков сумел добиться в издательстве «Просвещение» публикации книги, предназначенной для старшеклассников, в которой он развивал типичные для рассматриваемого мифа идеи о родстве русских с этрусками и фракийцами, об обитании скандинавов в Парфии, о славянах-венетах, якобы живших некогда от Индии до Западной Европы и давших местным народам письменность и государственность. В книге в завуалированном виде присутствовала и присущая этому мифу юдофобская идея о том, что будто бы «ваны-венеды» создали древнейшую государственность в «Ванаане (Ханаане)»¹¹⁴. Тот же миф нашёл место в другом пособии для учащихся — в книге Г.С. Беляковой «Славянская мифология», опубликованной тогда же тем же самым издательством¹¹⁵.

Мало того, тюменский Институт русской ведической культуры разработал школьный курс, основанный на «ведических знаниях» и ВК, который в 1993–1995 гг. был прочитан в школах № 17 и № 20 г. Тюмени¹¹⁶. В 1997 г. подобного рода курсы начали читаться и в школах г. Екатеринбурга. Любопытно, что они были одобрены экспертными советами соответствующих отделов образования¹¹⁷. В 1990-х гг. ссылки на ВК можно было встретить даже в журнале «Преподавание истории в школе», который издаётся Министерством образования и предназначен прежде всего для школьных учителей¹¹⁸. При этом патриотические издания объявляли сомневающихся в аутентичности ВК «врагами России»¹¹⁹.

Иной раз ВК даже входит в вузовскую учебную литературу. Например, она пропагандируется в ряде учебников по культурологии, рекомендованных для школьного и вузовского преподавания Министерством общего и профессионального образования¹²⁰. Ссылки на неё есть и в одном учебнике по социологии личности¹²¹. Так идеи «славянской предыстории» проникают в университеты. В частности, в начале 2000-х гг. в своих лекциях по отечественной истории в Московском государственном техническом университете (б. МВТУ им. Баумана) профессор Е.А. Климчук внушал студентам, что Троя была славянским городом, а Александр Македонский был славянином. Таким образом, в постсоветские годы популярность ВК росла, и к ней начали обращаться в поисках аргументов даже некоторые краеведы¹²². Ссылки на неё иной раз встречаются в трудах признанных учёных, где она представляется не подделкой, а «спорным» свидетельством о древнем язычестве¹²³, хотя спорить, казалось бы, не о чем. Некоторые северокавказские учёные всерьёз рассматривают ВК как аутентичный источник по древним религиозным верованиям восточных славян¹²⁴.

Остаётся упомянуть, что фантазия и аппетиты неоязычников со временем разгораются. В середине 1990-х гг. они «открыли» подлинное название ВК, которая якобы изначально называлась «Патриарси» и находилась в утраченной библиотеке французской королевы Анны Ярославны¹²⁵. Им уже недостаточно одной лишь ВК, и они пытаются реабилитировать подделки Сулакадзева, выдавая их за подлинные древние документы, хотя, как они сами стыдливо упоминают, все эти «раритеты» с железной последовательностью отвергались со-

временными ему специалистами¹²⁶. В этой кампании не брезгует участвовать научно-популярный журнал «Свет. Природа и человек»¹²⁷.

Дабы очистить «светлое имя» Сулакадзева от «наветов», А.И. Асов шёл даже на то, чтобы опорочить имена первого президента Академии художеств А.Н. Оленина и одного из лучших специалистов по древним рукописям в России первой половины XIX в. А.Х. Востокова, которых он объявлял участниками германского заговора, направленного на уничтожение рукописного наследия славян¹²⁸. Между тем он избегал упоминаний об увлечении Востокова славянским язычеством¹²⁹ и стыдливо умалчивал о том, что Сулакадзева уличали в подделках такие русские патриоты, как прекрасные знатоки древних текстов П.В. Оленин, И.И. Срезневский и П.М. Строев. Кстати, к такого рода подделкам учёные относили «Боянов гимн» и «Оповедь»¹³⁰, которые столь любезны нынешним неоязычникам. Нелишне заметить, что Сулакадзев действительно увлекался созданием «древних рукописей» на букowych досках¹³¹.

Востребовано и наследие Миролубова. Некоторые авторы стремятся вычлени из него отдельные фрагменты для того, чтобы представить их ещё более древними текстами, чем рассмотренная выше ВК. Недавно такого рода хирургической операции подверглись любезные Миролубову «сказы Захарихи», которые он, по его собственным словам, запомнил с детства и использовал впоследствии для своих произведений о традиционной славянской культуре. Между тем некоторых авторов такая версия не устраивает. Их удивляет тот факт, что юный Миролубов сумел зафиксировать такие фольклорные сюжеты, которые укрылись от внимания профессиональных учёных, работавших в различных регионах Украины. Вместо того чтобы поставить под сомнение подлинность этих текстов (они этого вполне заслуживают в связи с сомнительностью сообщений Миролубова о Захарихе), такие авторы упрекают Миролубова в том, что почерпнутые из «древнейшей летописи» сведения он вложил в уста старухи. Они пытаются убедить читателя в том, что речь идёт об устных преданиях, повествующих о древнейших событиях в истории Древней Руси¹³².

Чем вызван резкий всплеск общественного интереса к истории древнейших предков, будь то славяне, «русичи» или «арийцы»? Упадок и дискредитация коммунистической идеологии вызвали в обществе глубокое разочарование в тех представлениях о счастливом будущем, которые навязывали власти. В 1990-х гг. настоящее выглядело мрачным, будущее — туманным и неопределённым, а недавняя история также не вдохновляла, будучи переполнена кровавыми деяниями, о чём много писала пресса, начиная со времен перестройки. Истинной религиозной веры, которая могла бы наполнить смыслом земное существование, у недавних атеистов тоже не было; и рост симпатии к православной вере не сопровождался глубокими религиозными переживаниями. Однако травматическое постсоветское сознание не утратило потребности в вере, и та нашла свой объект в древних предках, которым приписывали высокие моральные качества, способные вдохновить их глубоко разочарованных и растерянных потомков на подвиги. Ведь эйфория, связанная с установлением проч-

ных добрососедских отношений с миром Запада, откуда ожидали сочувствия и действенной помощи, быстро прошла. У Запада были свои представления о строительстве новых международных отношений и месте в них России, надежда на легкое взаимопонимание и поддержку в выходе из глубокого кризиса не оправдалась, и варягов ожидать не приходилось. Оставалось рассчитывать на собственные силы, что требовало уверенности и убеждённости. И вместо прежней коммунистической утопии нужен был мощный национальный миф, способный вернуть людям уверенность и побудить их к успешному творчеству. В этих условиях русские националисты прибегли к старому испытанному средству — они обратились к мифу о древних предках. Созданием именно такого мифа и занимается Асов, не особенно скрывая побудительные мотивы своей деятельности. В одной из своих книг он настаивает на том, что «нужно пробуждать спящее сознание нации», и выражает уверенность в том, что «русская ведическая культура должна и может занять в мировой культуре место не менее почётное, чем индийская ведическая». В этой связи он прямо предлагает «славяно-арийскую (ведическую)» идею в качестве национальной идеи современной России¹³³.

Анализируя этот процесс, исследователь сталкивается, на первый взгляд, со странной ситуацией. Ведь понятно, почему лидеры бывших колониальных народов, чья известная история связана с тяготами иноземного господства, обращаются к легендарному доколониальному прошлому, которое за неимением надёжных исторических источников оказывается нетрудно наполнить вновь изобретёнными символами Золотого века. Однако почему это привлекает выходцев из народа, имеющего богатую и сложную историю, полную реальных героических событий, способных с лихвой обеспечить национальную идею желанными символами?

Советская история, на которой воспитывались будущие радикальные русские националисты, изображала весь досоветский период эпохой народных страданий. Однако если советская схема основывалась на классовом подходе и под народом понимались угнетённые массы, то в глазах русских националистов, питавших симпатии к этнорасовому подходу, «народ» отождествлялся с «русским народом», а его угнетателями сделались «чужеземцы» и «иностранцы». Этот подход оказалось возможным применить и к советской эпохе, которая также вызывала неприятие у русских националистов тем, что якобы и в то время «власть иностранцев» упорно сохраняла свои позиции¹³⁴. Мало того, возвращение русскому православию достойного места в обществе также не устраивало русских радикалов, ибо и в христианстве они усматривали враждебную силу, якобы тесно связанную с происками всё тех же «иностранцев», стремившихся закабалить русский народ. Поэтому, как мы видели, история ВК тесно смыкается с историей антисемитизма.

По указанным причинам русские радикалы отрицали не только советскую историю, но вместе с ней и всю эпоху господства христианства на Руси. Такая история была для них сродни колониальной и полностью ими отвергалась как

несоответствующая интересам русского народа. Им нужна была другая история, свободная от какой-либо «иноземной зависимости» и «чужеродного господства», история, в которой господствовал «русский Бог». Такую историю они могли обнаружить только в языческие времена, и вот почему среди них столь большую популярность получило русское язычество. Поэтому становление нового русского национализма шло рука об руку с формированием русского неоязычества¹³⁵.

Такая идеология была неразрывно связана с идеей «чистоты» — чистоты культурной, языковой и расовой. И именно это ей обеспечивало новое обращение к «арийскому мифу». И неважно, что этот миф был дискредитирован живодёрской практикой нацистской Германии. Ведь оставалась возможность обвинить нацистских вождей в «извращении» высоких идей и заменить германский «арийский миф» «славяно-арийским», якобы лучше обеспеченным источниками и лучше соответствующим современным научным знаниям.

Между тем одного желания внедрить «арийский миф» в общественное сознание было недостаточно. Для этого должна была сложиться подходящая обстановка, обеспечивающая таким идеям благоприятный общественный климат. И такое время пришло в годы крушения Советского Союза и глубокого всеобъемлющего кризиса, в котором оказалось российское общество в 1990-х гг. Похоже, чем глубже социально-политический кризис, тем более грандиозным должен выглядеть национальный миф, способный подвигнуть людей на невероятные усилия по выходу из него. Такую роль, например, играл коммунистический миф в первые десятилетия советской власти. Именно он создал идеологическую основу для того, чтобы стало возможным за считанные десятилетия превратить крестьянскую страну в высокоразвитую индустриальную державу. И в эпоху заката коммунистической утопии некоторым политически активным интеллектуалам казалось, что её следует срочно заменить новым, не менее привлекательным мифом. В качестве такового лидеры радикального русского национализма избрали миф об «арийских предках».

Вера в предков оказалась эрзац-религией, служащей последним прибежищем страждущим и обездоленным, каковыми ощущали себя подавляющее большинство жителей России в 1990-х гг. Чем беспросветнее казалась окружающая обстановка, тем более светлым виделся образ древнего прошлого. Истинный Золотой век оказывался не впереди, как учили коммунисты, а далеко позади, где царила свобода, не было угнетения, человек находился в гармонии с природой, всё решалось сообща, существовала прочная взаимная поддержка, а предательство и низменные страсти были неизвестны. Такая идеализированная картина отдалённого прошлого рисовалась по оппозиции к прямо противоположной обстановке, которую люди наблюдали вокруг. Им хотелось верить, что наваждение пройдет и снова вернётся былая идиллия. Поэтому в моду вошла идея циклического времени, и привлекательным сделался образ «особой цивилизации», развивающейся по своим собственным законам¹³⁶. И пускай все это входило в противоречие с профессиональными историческими знаниями, зато

обладало гораздо большей эмоциональной силой, способной пробудить творческую энергию. Мало того, новую конкуренцию профессиональной истории теперь составили эзотерические учения, также всемерно использующие «арийскую идею» для предсказаний будущего и для создания нового привлекательного мифа о величественной миссии, якобы ожидающей Россию.

Примечательно, что и в этом Асов и его единомышленники оказываются эпигонами русских теософов. Ведь те ещё в годы Первой мировой войны доказывали, что Западная цивилизация стремительно приходит в упадок и что наступает новая духовная эпоха, где главная миссия принадлежит России¹³⁷. Сегодня мы видим, что та Россия уже сыграла свою «миссионерскую роль», но счастья на Земле от этого не прибавилось и жить обитателям России стало не легче. Однако в последние двадцать лет такие надежды снова оживились, и немало пророков рассуждают об Эре Водолея, которая якобы снова сделает Россию «духовным центром мира». Среди таких пророков находится место и Асову¹³⁸.

В центре всех такого рода представлений стоял образ легендарных «арийцев», детально разработанный несколькими поколениями создателей «арийского мифа». Поэтому его русским почитателям не нужно было ничего изобретать. Оставалось лишь взять имеющуюся схему и наполнить ее «славяно-арийцами», «арийцами-русами» или просто «русичами». Правда, оставалась одна проблема: в век всеобщей грамотности и высокого престижа научных знаний любая идеологическая конструкция обречена на провал, если она не апеллирует к научным открытиям и последним достижениям учёных. «Арийский миф» требовал опоры на аутентичный исторический источник. Поэтому для радикальных русских националистов ВК поистине оказалась «божьим даром», и вот почему они тратят столько сил и энергии, чтобы доказать её подлинность. Мало того, вопрос об этом не только важен для них сам по себе; он имеет гораздо более широкий смысл, ибо доказательство подлинности ВК моментально открывает дорогу для введения в общественный дискурс новых фальсификаций, которые уже ждут своего часа.

Между тем главными пользователями «арийского мифа» в России оказываются скинхеды, считающие себя «передовым отрядом арийцев», «спасителями белой расы»¹³⁹. И как бы пропагандисты «арийского мифа» не отмежёвывались от «коричневых идей», окружающая действительность показывает, что отмыть его от прилипшей к нему «коричневой заразы» не удаётся. А ВК служит лишь орудием укрепления этого мифа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта 09-01-00078а «Арийская идея в современном мире».

² Ранняя история «Влесовой книги» была превосходно проанализирована О.В. Творого-

- вым, к работе которого я и отсылаю читателя. См.: Творогов О.В. «Влесова книга» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1990. Т. 43. С. 170–254.
- ³ Жуковская Л.П. Поддельная докириллическая рукопись // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 144; Монгайт А.Л. Из истории археологических мистификаций // Наука и жизнь. 1968. № 6. С. 45; Буганов В.И. Источник сомнителен // Неделя. 16–22 августа 1976. С. 7; Буганов В.И., Жуковская Л.П., Рыбаков Б.А. Мнимая «древнейшая летопись» // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 205; Ляско К. «Влесова книга»: что же она такое? // Книжное обозрение. 8 января 1988. С. 3.
 - ⁴ Творогов О.В. «Влесова книга». С. 249–251; Козлов В.П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М.: Аспект Пресс, 1994. С. 6, 185; он же. Дощечки Изенбека // Родина. 1998. № 4. С. 32–36; Алексеев А.А. Опять о «Велесовой книге» // Русская литература. 1995. № 2. С. 252; Данилевский И.Н. «Откуда есть пошла Русская земля...» О «Влесовой книге» и псевдоистории // Знание – сила. 1994. № 8. С. 19–20; Кузьмин А. Арийские руны на Влесовых струнах // Литературная Россия. 18 августа 1995. С. 12; Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. М.: Муравей, 1998. С. 220–221; Петров А.Е. Перевёрнутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 47–52.
 - ⁵ Ботов В. Патриарси. Русская Библия // Чудеса и приключения. 1996. № 6. С. 11.
 - ⁶ Кондаков И. Русколанский словарь // Родина. 1998. № 7. С. 37–40.
 - ⁷ Солодовникова В. Наша справка // Родина. 1998. № 7. С. 40.
 - ⁸ Mosse G.L. The crisis of German ideology. Intellectual origins of the Third Reich. London: Weidenfeld and Nicolson, 1966. P. 74; Гудрик-Кларк Н. Окультизм и корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. СПб.: Евразия, 1995. С. 149.
 - ⁹ Подробно о них см.: Шнирельман В.А. «Внуки Дажьбога»: идейные и историографические основы украинского неоязычества // Б.Н. Флоря (ред.). Украина и Белоруссия: история и культура. Ежегодник 2005/2006. М.: Индрик, 2008. С. 211–221.
 - ¹⁰ См., например: Кобзев И. Витязи. М.: Советская Россия, 1971. С. 129–131, 171–235.
 - ¹¹ Кобзев И. О любви и нелюбви // Русская речь. 1970. № 3. С. 49.
 - ¹² Творогов О.В. «Влесова книга». С. 173–178.
 - ¹³ Каганская М. «Влесова книга»: история одной фальшивки // Евреи и еврейская тематика в советских и восточноевропейских публикациях. 1987. № 3–4. С. 12–13; Dunlop J.B. The faces of contemporary Russian nationalism. Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1983. P. 42; Yanov A. The Russian challenge and the year 2000. Oxford: Basil Blackwell, 1987. P. 83; Rome Spechler D. Russian nationalism and Soviet politics // L. Hajda, M. Beissiger (eds.). The nationalities factor in Soviet politics and society. Boulder: Westview, 1990. P. 287; Laqueur W. Black hundred. The rise of the extreme right in Russia. N. Y.: Harper Collins, 1993. P. 114; Митрохин Н.А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 289–294.
 - ¹⁴ Митрохин Н. А. Русская партия. С. 288–289.
 - ¹⁵ Скурлатов В.И. Сионизм и апартеид. Киев: Издательство политической литературы Украины, 1975.
 - ¹⁶ Митрохин Н. А. Русская партия. С. 412–414.
 - ¹⁷ Каганская М. «Влесова книга». С. 12–16; Лакер У. Чёрная сотня. Истоки русского фашизма. Вашингтон: Проблемы Восточной Европы, 1994. С. 172–173; Пушкарь Д.

- Боец «Возрождения» // Московские новости. 31 июля — 7 августа 1994. С. 8.
- ¹⁸ Митрохин Н. А. Русская партия. С. 248.
- ¹⁹ Подробно об этом см.: Каганская М. «Влесова книга». С. 3–19; Shnirelman V.A., Komarova G.A. Majority as a minority: the Russian ethno-nationalism and its ideology in the 1970s–1990s // Hans-Rudolf Wicker (ed.). Rethinking nationalism and ethnicity: the struggle for meaning and order in Europe. Oxford: Berg Publishers, 1997. P. 211–224; Шнирельман В.А. Возвращение арийства: научная фантастика и расизм // Неприкосновенный запас. 2008. № 6 (62). С. 63–89.
- ²⁰ Скурлатов В.И., Николаев Н. Таинственная летопись. «Влесова книга» — подделка или бесценный памятник мировой культуры // Неделя. 3–9 мая 1976. С. 10. См. также: Кобзев И. Где прочитать «Влесову книгу»? // Литературная Россия. 2 декабря 1977. С. 19.
- ²¹ Вилинбахов В. Стоит об этом говорить // Неделя. 16–22 августа 1976. С. 7.
- ²² Об этом см.: Кузьмин А. Арийские руны на Влесовых струнах. С. 13.
- ²³ Старостин В. Видится народное слово // Неделя. 16–22 августа 1976. С. 7; Кобзев И. Где прочитать «Влесову книгу»?; Жуков Д. Тысячелетие русской культуры // Огонёк. 1977. № 3. С. 29; он же. Из глубин тысячелетий // Новый мир. 1979. № 4. С. 281; Осокин В. Что же такое «Влесова книга»? // В мире книг. 1981. № 10. С. 70–73; Кобзев И. Вокруг рукописи на дощечках // В мире книг. 1982. № 10. С. 62; он же. Где нашли «Влесову книгу»? // В мире книг. 1984. № 3. С. 51–52; Дико Н., Сучков А. Расшифрована тайна бога света? // Московские новости. 12 февраля 1984. С. 10.
- ²⁴ Проскурин П. И книга, и жизнь // Альманах библиофила. М.: Книга, 1980. Вып. 9. С. 28.
- ²⁵ Осокин В. Что же такое «Влесова книга»? С. 73; Кобзев И. Где нашли «Влесову книгу»? С. 51.
- ²⁶ Калмыков В. Человек без корней, как дерево, засыхает // Книжное обозрение. 2 октября 1987. С. 14.
- ²⁷ Богомолов Н. О подлинной и мнимой культуре // Книжное обозрение. 27 ноября 1987. С. 5.
- ²⁸ Ляско К. «Влесова книга»...
- ²⁹ Карп П. Знать своих героев // Книжное обозрение. 26 февраля 1988. С. 5. См. также: Данилевский И.Н. «Откуда есть пошла Русская земля...» С. 23.
- ³⁰ Алексеев С.Т. Игрушки — не игрушки! // Книжное обозрение. 25 декабря 1987. С. 7.
- ³¹ Петухов Ю.Д. Не сотвори себе кумира // Книжное обозрение. 13 ноября 1987. С. 5.
- ³² Петухов Ю.Д. Вечная Россия. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 15–31.
- ³³ Корнеев Л.А. Классовая сущность сионизма. Киев: Изд-во политической литературы Украины, 1982. С. 212.
- ³⁴ Известно, что в прошлом писатель Жуков был работником КГБ. Об этом см.: Резник С.Е. Красное и коричневое. Книга о советском нацизме. Вашингтон: Вызов, 1991. С. 78.
- ³⁵ Об их деятельности см.: Нудельман Р. Современный советский антисемитизм. Формы и содержание // Антисемитизм в Советском Союзе. Его корни и последствия. Иерусалим: Библиотека «Алия», 1979. С. 43–44; Резник С.Е. Красное и коричневое. С. 57–58; Wistrich R.S. Antisemitism. The longest hatred. London: Themes Methuen, 1991. P. 181; Прибыловский В.В. «Память» // Национальная правая прежде и теперь / Под ред. Р.Ш. Ганелина. С.-Петербург: Институт социологии РАН,

1992. Ч. 2. Вып. 2. С. 152–153, 158–159.
- ³⁶ Проскурин П. На земле Пересвета // Правда. 23 мая 1980. С. 4.
- ³⁷ Проскурин П. Полуденные сны. М.: Современник, 1985. С. 540.
- ³⁸ Проскурин П.Л. Число зверя. М.: Армада, 1999.
- ³⁹ Проскурин П.Л. Между злом и милосердием // Слово. 2008. № 1. С. 41.
- ⁴⁰ Кстати, ещё в 1980-х гг. оба этих тогда ещё молодых писателя поражали своих коллег необузданной агрессивностью и ненасытными поисками «врагов». Об этом см.: Чупринин С. Настоящее настоящее, или Размышления у парадного подъезда // Огонёк. 17–24 октября 1987. С. 9. А в начале 1990-х гг. их обоих можно было встретить среди активистов Русского национального собора.
- ⁴¹ Сергеев Ю.В. Становой хребет. М.: Современник, 1987. С. 142–143, 456–460.
- ⁴² Алексеев С.Т. Слово. М.: Современник, 1986. С. 37–57, 83–85, 89, 111, 192 и далее.
- ⁴³ Алексеев С.Т. Слово.
- ⁴⁴ Бегунов Ю.К. Тайные силы истории России. СПб.: Изд. им. А.С. Суворина Союза писателей России. 1996.
- ⁴⁵ Иванов Ю.М. Евреи в русской истории. М.: Витязь, 2000. С. 52–57.
- ⁴⁶ Подробно см.: Шнирельман В.А. Где лежат истоки «Мирового зла»? Неонацизм в российской массовой литературе // Диагноз. 1999. № 4. С. 14–15.
- ⁴⁷ Виноградов Ю. Загадки «Слова о полку Игореве» и «Влесовой книги» // Родные просторы. 1990. № 6. С. 1, 3.
- ⁴⁸ Штепа В. Влес-книга // Истоки. 1991–1992. № 2–6.
- ⁴⁹ Писатель-фантаст В.И. Щербаков, по профессии радиофизик (закончил в 1961 г. Московский энергетический институт), кандидат технических наук, настойчиво объявлявший себя профессиональным лингвистом (видимо, сказалось обучение на философском факультете Университета марксизма-ленинизма, который он закончил в 1965 г.). В 1960–1970-е гг. он был тесно связан с журналом «Техника – молодёжи» и в 1976–1979 гг. был заместителем его главного редактора. Его построения отличались ещё большим размахом и безудержной фантазией, чем работы Скурлатова. После распада СССР и образования на его бывшей территории ряда независимых государств Щербаков увлекся оккультизмом и культом Богородицы, что придало его «метаистории» особый привкус. С 1996 г. Щербаков являлся президентом Московского клуба тайн, и помимо этрусского происхождения славян его излюбленными темами продолжали оставаться пропаганда самых фантастических небылиц об Атлантиде вплоть до утверждения о существовании великой мировой цивилизации 40 тыс. лет назад, а также об НЛО, космических пришельцах, вставших из гроба мертвецах и т.д.
- ⁵⁰ Щербаков В.И. Тайны эры Водолея. М.: Беловодье, 1996. С. 307.
- ⁵¹ Щербаков В.И. Встречи с Богоматерью // Утро Богов / Сост. И.К. Ларионов и др. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 376 и далее.
- ⁵² Там же. С. 386–387.
- ⁵³ Асов А.И. Мифы и легенды древних славян. М.: Наука и религия, 1998. С. 214.
- ⁵⁴ Асов А.И. Путь к «Звездной книге Коляды» // Наука и религия. 1998. № 2. С. 50–53.
- ⁵⁵ Барашков А.И. Будет ли конец света? М.: Знание, 1991; он же. Гибель Атлантиды // Наука и религия. 1991. № 9. С. 46–49; № 10. С. 56–58; № 11. С. 32–34; № 12. С. 57–60.
- ⁵⁶ Русские веды. Перевод и коммент. Буса Кресеня (А.И. Асова). М.: Наука и религия,

- 1992; Велесова книга. Перевод и коммент. А.И. Асова. М.: Менеджер, 1994; Книга Велеса. Перевод и комментарии А. Асова. М.: Наука и религия, 1997. Кстати, другие её переводчики упрекают его в ошибках, предвзятости и фантазиях. См., например: Велесова книга. Перевод Г. Карпущина // Сибирские огни. 1995. № 1–6. С. 39; Велесова книга. Славянские веды. Перевод Д.М. Дудко. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
- ⁵⁷ См., например: Асов А.И. Мифы и легенды древних славян. М.: Наука и религия, 1998.
- ⁵⁸ Асов А.И. Тайны «Книги Велеса». М.: АиФ Принт, 2003. С. 13.
- ⁵⁹ Платов А.В. Магия талисманов // А.В. Платов (ред.). Мифы и магия индоевропейцев. М.: Менеджер, 1995. Вып. 1. С. 10–11; Сперанский Н.Н. Слово почитателям древней культуры. Троицк: Троянт, 1996. С. 8.
- ⁶⁰ Carlson M. “No religion higher than truth”. A history of the Theosophical movement in Russia, 1875–1922. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 12.
- ⁶¹ Мельников А. Возлюби родича своего // НГ-Религия. 2 сентября 2009. С. 4.
- ⁶² Асов А.И. Комментарии и примечания // Велесова книга. М.: Менеджер, 1994. С. 240, 242.
- ⁶³ Асов А.И. Ведические истоки и мировая культура // НГ-Религии. 28 марта 2001. С. 6.
- ⁶⁴ Асов А.И. Астероид «Судного Дня» // Наука и религия. 1993. № 4. С. 4–7; он же. Дажьбог — из созвездия Льва // Наука и религия. 1993. № 10. С. 15–17; он же. Космопорт птицы Гамаюн // Наука и религия. 1994. № 4. С. 18–20; он же. Золотая книга Коляды // Наука и религия. 1994. № 12. С. 28–30.
- ⁶⁵ Скурлатова О. Великая славянская загадка // Чудеса и приключения. 1992. № 1–2. С. 24–27; Грицков В. Против заговора дилетантов // Чудеса и приключения. 1992. № 1–2. С. 28–30; Тороп В. Ошельмованная рукопись // Чудеса и приключения. 1994. № 7. С. 34–36; он же. Сага древних киммерийцев // Чудеса и приключения. 1994. № 10. С. 16–19; он же. Русские письмена, откуда они? // Чудеса и приключения. 1995. № 3. С. 40–43; он же. Когда же откроют особый архив? // Чудеса и приключения. 1996. № 5. С. 34–35; Асов А.И. Куда девались русские манускрипты из библиотеки французской королевы // Чудеса и приключения. 1996. № 3. С. 34–36; Ботов В. Патриарси. Русская Библия // Чудеса и приключения. 1996. № 6. С. 10–14.
- ⁶⁶ Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. С. 25–26.
- ⁶⁷ Скурлатова О. Великая славянская загадка. С. 27; Грицков В. Против заговора дилетантов. С. 30.
- ⁶⁸ Грицков В. Против заговора дилетантов. С. 29; Тороп В. Русские письмена, откуда они? С. 40–41.
- ⁶⁹ Тороп В. Ошельмованная рукопись; он же. Сага древних киммерийцев. С. 16; он же. Когда же откроют особый архив?
- ⁷⁰ Асов А.И. Куда девались русские манускрипты из библиотеки французской королевы. С. 35–36; Тороп В. Когда же откроют особый архив?; Черкашина Л. Ветвь Гостомысла // Чудеса и приключения. 1996. № 5. С. 35–36.
- ⁷¹ Тороп В. Когда же откроют особый архив? С. 35.
- ⁷² Асов приводит целый список такого рода произведений. См.: Асов А.И. Мифы и легенды древних славян. С. 12–14.
- ⁷³ Фигура В.Д. Захарченко (1915–1999) весьма примечательна. В первой половине 1960-х гг. он был активным участником сложившейся вокруг первого секретаря ЦК ВЛКСМ С.П. Павлова (1929–1993) группы «советских патриотов», развивавших

идеологию русского шовинизма (Митрохин Н.А. Русская партия. С. 239–256, 338–356). В 1945–1983 гг. он был главным редактором журнала «Техника – молодежи», где и обнаружил свою страсть к рассматриваемым здесь проблемам. Именно под его патронатом там активно велись дискуссии по псевдонаучным вопросам, выдававшиеся за последнее слово науки. В частности, в 1978 г. там была опубликована одна из первых статей В. Скурлатова по «арийской проблеме». В 1983 г. Захарченко был снят со своего поста по решению Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС. На время он ушёл в тень, но его имя вновь всплыло в начале 1990-х гг. на подъёме русского национального движения. В этой обстановке он и основал свой новый журнал — «Чудеса и приключения» при всемерной поддержке русских патриотов. Труды Захарченко не остались втуне, и он гордился своими многочисленными почётными титулами и званиями: лауреат премии Ленинского комсомола, член Высшего творческого совета писателей России, заслуженный работник культуры России, академик Международной академии общественного развития, академик Академии космонавтики, почётный академик Народной академии энергии и информатики (НАЭИН, учреждённой в Москве в 1980 г., когда в неё вошли многочисленные экстрасенсы, хилеры и другие деятели оригинального жанра), ведущий телепередачи «Жизнь замечательных людей». По-видимому, самым дорогим для него являлась связь с НАЭИН (позднее она самым чудесным образом превратилась в Международную академию энергии и информатики), где занимаются паранормальными явлениями, парапсихологией, эзотерикой, а попросту пропагандируют веру в чудеса и мифы.

⁷⁴ Захарченко В.Д., Чернобров В.А. Над пропастью нераскрытых тайн. М.: Современник, 1996. С. 155–156.

⁷⁵ Там же. С. 162–172.

⁷⁶ В апреле 2004 г. эта неоязыческая община была объявлена Омским областным судом вне закона за её экстремистскую деятельность. Между тем, вскоре Хиневич возродил свою общину, и её деятельность продолжалась ещё несколько лет, в том числе в виртуальном пространстве, пока весной 2009 г. её лидер снова не попал под суд и не был в июне приговорён к полуторогодовому лишению свободы условно.

⁷⁷ Яшин В.Б. «Церковь православных староверов-инглингов» как пример неоязыческого культа // В.А. Шнирельман (ред.). Неоязычество на просторах Евразии. М.: Библийско-богословский институт, 2001. С. 56–67.

⁷⁸ Кочетков В.С. «Русские веды» как источник духовно-нравственных ценностей современника // Россия и Восток: филология и философия. Материалы IV Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск: Омский гос. университет, 1997. С. 234–236; Сокол В.Б. Бхагават-Гита. Сопоставительный анализ языка оригинала и перевода // Россия и Восток: филология и философия. Материалы IV Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск: Омский гос. университет, 1997. С. 252–254. Также личное сообщение В. Сокола.

⁷⁹ Козлов А.А. Ведические корни русской культуры («Сакральное Руси»). Екатеринбург: Институт русской ведической культуры, 1997.

⁸⁰ Козлов А.А. Проблема прародин ариев и аутентичная модель арийской цивилизации // Россия и Восток: филология и философия. Материалы IV Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск: Омский гос. университет, 1997. С. 240–243.

⁸¹ Гореславский А. Записи древних жрецов открывают свои тайны // Московский комсомолец. 25 июля 1996. С. 3.

- ⁸² Лихачёв Д.С. Краткое предисловие // К.М. Долгов (ред.). Философско-эстетические проблемы древнерусской культуры. М.: Институт философии, 1988. Ч. 2. С. 143.
- ⁸³ Преловская И. Был ли Новгород Ярославлем, а Батый — Иваном Калитой [интервью с академиком В.Л. Яниным] // Известия. 11 июня 1998. С. 5.
- ⁸⁴ Белякова Г.С. О «Влесовой книге» и славянских древностях («Влесова книга» — реальность или мистификация?) // Русская старина. 1990. Вып. 1. С. 184–191; Сперанский Н.Н. Слово почитателям древней культуры. Троицк: Тривант, 1996. С. 45–48.
- ⁸⁵ Горный инженер по профессии, работавший ведущим специалистом Госпроматомнадзора РФ. Со второй половины 1990-х гг. он являлся учёным секретарём Московского отделения Русского исторического общества.
- ⁸⁶ Грицков В. Против заговора дилетантов; он же. Тайна «Влесовой книги» // Наука и религия. 1993. № 7. С. 32–36.
- ⁸⁷ Дёмин В.М. От ариев к русичам. Концептуальный очерк языческой истории до Юрика, которая у нас никогда не преподавалась. Омск: Б. и., 1998. С. 62.
- ⁸⁸ Иванов (Скуратов) А.М. История венетов // Национальная демократия. 1995. № 1. С. 13–14.
- ⁸⁹ Гриневиц Г.С. «Влесова книга» // Московский журнал. 1994. № 9. С. 48–50.
- ⁹⁰ Кандыба В.М., Золин П.М. История и идеология русского народа. СПб.: Лань, 1997. Т. 2. С. 142–143.
- ⁹¹ Асов А.И. Комментарии и примечания // Велесова книга. М.: Менеджер, 1994. С. 241–242.
- ⁹² Там же. С. 253.
- ⁹³ Об этом см.: Mosse G.L. The crisis of German ideology. P. 72–74. Этот метод всячески пропагандировал известный антисемит и предтеча нацистской «арийской историографии» Х. Чемберлен. К такому же популизму прибегают сегодня любители «славяно-арийского прошлого». Среди них с недавних пор небывалую активность проявляет сатирик М. Задорнов, также воспевающий интуицию и иррационализм. См., например: Финякина И. Дурак в России больше, чем дурак // Московский комсомолец. 22 мая 2006. С. 11; Задорнов М. Третье ухо // Московский комсомолец. 16 июня 2006. С. 17.
- ⁹⁴ Безант А. Загадки жизни и как теософия отвечает на них. М.: Интерграф Сервис, 1994. С. 184.
- ⁹⁵ Пилюгина Н.Б., Любимова Т.Б. Реконструкция прошлого культуры средствами эстетики: возможности и границы // Философско-эстетические проблемы древнерусской культуры / Под ред. К.М. Долгова. М.: Институт философии, 1988. Ч. 2. С. 132–143.
- ⁹⁶ О поддельном характере ВК сейчас приходится говорить даже в учебниках, написанных профессионалами. См., например: Курукин И.В. История России IX–XX вв. Книга консультаций для абитуриентов. М.: Наталис, 1998. С. 12; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспект пресс, 1998. С. 314–321. В свою очередь, широкое распространение мифа об Атлантиде и Арктической цивилизации заставляет журнал «Преподавание истории в школе» специально доказывать своим читателям, что всё это является мифом. См.: В поисках Атлантиды // Преподавание истории в школе. 2003. № 6. С. 40–41.
- ⁹⁷ Звёздная книга Коляды. В обработке А. Асова. М.: Наука и религия, 1996.
- ⁹⁸ Асов А.И. Мифы и легенды древних славян. С. 11.
- ⁹⁹ Асов А.И. Мифы и легенды древних славян; он же. Славянские боги и рождение

- Руси. М.: Вече, 1999; он же. Атланты, арии, славяне. История и вера. М.: Алетейя, 1999; он же. Славянские руны и «Боянов гимн». М.: Вече, 2000; он же. Атлантида и Древняя Русь. М.: АиФ Принт, 2001; он же. Свято-Русские Веды. Книга Велеса. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001; он же. Священные прародины славян. М.: Вече, 2002; он же. Русколань: Древняя Русь. М.: Вече, 2004.
- ¹⁰⁰ Асов А.И. Творец «Книги Велеса» // Наука и религия. 2000. № 9. С. 40–43.
- ¹⁰¹ Трехлебов А.В. Наша Арктическая прародина // Потаённое (Приложение к газ. «За русское дело»). 1996. № 2 (2). С. 2–3; Разумов Г., Хасин М. Берингия // Потаённое (Приложение к газ. «За русское дело»). 1997. № 1 (4). С. 1, 4.
- ¹⁰² Баркашов А.П. Разоблачённая доктрина // Русский порядок. 20 августа 1993. № 8 (11). С. 1–2.
- ¹⁰³ Русские веды. Перевод и коммент. Буса Кресеня (А.И. Асова). М.: Наука и религия, 1992; Велесова книга. Перевод и коммент. А.И. Асова. М.: Менеджер, 1994. Однако работавшая в Библиотеке им. Ленина Жуковская отказалась это сделать, когда «внесоветы» к ней обратились.
- ¹⁰⁴ Бегунов Ю.К. Обретение «Велесовой книги» // А.И. Баженова, В.И. Вардугин (сост.). Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов: Надежда, 1993. С. 247–251; он же. Велесова книга // Русское дело. 1993. № 2. С. 2–3; он же. Тайные силы истории России. С. 8–9. О нём см.: Раскин Д.И. Прокуратура России покровительствует фашистам // Барьер. 1992. № 1. С. 4–5.
- ¹⁰⁵ Известный сатирик М. Задорнов, съездив на Аркаим, настолько уверился в «арийстве» славян, что с тех пор неоднократно выступал с публичными рассуждениями о величии древних предков. При этом его главным козырем служит народная этимология, и он всеми силами коверкает русский язык, чтобы укрепить миф о «величии». А недавно он принял живейшее участие в рекламировании паранаучной книги С. Лесного, давно известного специалистам своими дилетантскими рассуждениями о «доваряжской Руси». См.: Задорнов М. Корень у нас единый // Литературная газета. 27 августа – 2 сентября 2008. С. 14.
- ¹⁰⁶ Кур А.А. Из истинной истории наших предков. По новейшим данным // Молодая гвардия. 1994. № 1. С. 205–319.
- ¹⁰⁷ См., например: Кандыба В.М. История русского народа до XII в. до н.э. М.: КСП, 1995.
- ¹⁰⁸ Но см.: Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологий в современной России. М.: Academia, 2004. С. 207–210; Shnirelman V.A. Russian response: archaeology, Russian nationalism and Arctic homeland // Selective remembrance: archaeology in the construction, commemoration, and consecration of national pasts / Ph. L. Kohl, M. Kozelsky and N. Ben-Yehuda (Eds.). Chicago: Chicago University Press, 2007. P. 52–56.
- ¹⁰⁹ Глазунов И.С. Россия распятая // Наш современник. 1996. № 3. С. 239; № 8. С. 221–222; он же. Россия распятая. М.: Фонд Ильи Глазунова, 2006. Т. 2. С. 435–526. Интересно, что Глазунова, стоящего на традиционных православных позициях, никак нельзя причислить к неоязычникам. Тем не менее, в поисках «великих деяний россов» он использует весь набор их обычных аргументов. При этом он всячески клеймит советских и российских историков за отрицание ценности ВК и пренебрежение древним славянским прошлым. Свои знания о последнем он черпает из отживших своё произведений историков «славянской школы» XIX в.
- ¹¹⁰ Нечипоренко Ю. Самый древний текст на земле // Независимая газета. 14 мая 1996. С. 6; Гореславский А. Золотая рыбка — верховный бог славян // Московский ком-

- сомолец. 22 мая 1996. С. 3; он же. Записи древних жрецов открывают свои тайны // Московский комсомолец. 25 июля 1996. С. 3; он же. Эпоха Водолея // Московский комсомолец. 30 августа 1996. С. 4.
- ¹¹¹ См., например: Кочетков В.С. «Русские веды»; Сокол В.Б. Бхагават-Гита; Слесарев А.А. Древнеславянские и православные истоки русской культуры // Г.Ф. Ручкина (ред.). Русская цивилизация между Востоком и Западом. М.: Московский гос. институт радиотехники, электроники и автоматики, 2000. С. 84–85.
- ¹¹² Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России. М.: Студия «Вече», 2001. Ч. 1. С. 495–496.
- ¹¹³ Богданов А.П. История России до Петровских времен. Учебник для 10–11 кл. средней школы. М.: Дрофа, 1996. С. 25–30.
- ¹¹⁴ Щербаков В.И. Века Трояновы. Книга для учащихся старших классов. М.: Просвещение, 1995. С. 80, 159.
- ¹¹⁵ Белякова Г.С. Славянская мифология. Книга для учащихся. М.: Просвещение, 1995.
- ¹¹⁶ Кочетков В.С. «Русские веды».
- ¹¹⁷ Сокол В.Б. Личное сообщение.
- ¹¹⁸ См., например: Гребенюк А.В. У истоков славянской цивилизации // Преподавание истории в школе. 1996. № 1. С. 6.
- ¹¹⁹ Канавшиков А. Православное оправдание русского язычества // Россиянин. 1995. № 6. С. 6.
- ¹²⁰ Маркова А.Н. (ред.) Культурология. История мировой культуры. М.: Юнити, 2000. С. 133–134; Драч Г.В. (ред.) Культурология в вопросах и ответах. Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. С. 354–356.
- ¹²¹ Смирнов П.И. Социология личности. Учебное пособие. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ключевского, 2001. С. 163.
- ¹²² См., например: Аббасов А., Остапенко В. Загадки и тайны Воронежского края. Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1992. С. 15.
- ¹²³ Савельева Л.В. Языковая экология. Русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск: КГПУ, 1997. С. 78. Прим. 1.
- ¹²⁴ Бадалов Ф.А. История лезгинского народа (лезгиноязычных народов) и государства (V тыс. до н.э. — X в. н.э.). Дербент, 1998. С. 223.
- ¹²⁵ Тороп В. Русские письма, откуда они? // Чудеса и приключения. 1995. № 3. С. 41; Асов А.И. Куда девались русские манускрипты из библиотеки французской королевы // Чудеса и приключения. 1996. № 3. С. 34–36; Ботов В. Патриарси. На самом деле среди первых высказали догадку о возможной идентификации «Патриарси» с ВК археолог А.Л. Монгайт (см.: Монгайт А.Л. Из истории археологических мистификаций // Наука и жизнь. 1968. № 6. С. 45) и историк В. Буганов. Но они же недвусмысленно отмечали, что «Патриарси» — это известная подделка Сулакадзева. См.: Буганов В.И. Источник сомнителен // Неделя. 16–22 августа 1976. С. 7; Ляско К. «Влесова книга»: что же она такое?
- ¹²⁶ Асов А.И. Комментарии и примечания // Велесова книга. М.: Менеджер, 1994. С. 208–211, 235; он же. Куда девались русские манускрипты из библиотеки французской королевы; Лазарев Е.С. Валаам — твердыня чудес // А. Платов (ред.). Мифы и магия индоевропейцев. М.: Менеджер, 1995. Вып. 1. С. 123; Тороп В. Русские письма, откуда они?; он же. Когда же откроют особый архив?; Грицков В. Гимн Бояна — древнеславянский рунический текст // А. Платов (ред.). Мифы и магия индоевро-

- пейцев. М.: Менеджер, 1995. Вып. 1. С. 212–228; Гореславский А. Записи древних жрецов открывают свои тайны // Московский комсомолец. 25 июля 1996; Ботов В. Патриарси.
- ¹²⁷ Гусев В. О чём поведала эпитафия // Свет. Природа и человек. 1997. № 3. С. 29; он же. О чем «Гимн Бояна»? // Свет. Природа и человек. 1997. № 4. С. 70–71.
- ¹²⁸ Асов А.И. Судьба «Боянова гимна» // Наука и религия. 1995. № 4. С. 12–14; он же. Куда девались русские манускрипты из библиотеки французской королевы. С. 35–36.
- ¹²⁹ Алексеев А.А. Опять о «Велесовой книге» // Русская литература. 1995. № 2. С. 252.
- ¹³⁰ Об этом см.: Пыпин А.Н. Подделка рукописей и народных песен // Памятники древней письменности. СПб.: М.М. Стасюлевич, 1898. № 127. С. 5–7; Монгайт А.Л. Из истории археологических мистификаций. С. 44; Козлов В.П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М.: Аспект Пресс, 1994. С. 164–169, 174–175; он же. Их магическая сила // Родина. 1998. № 1. С. 67. Похоже, что миф о «поэмах» Бояна возродил в 1984 г. бывший археолог, писатель А. Никитин, попытавшийся реконструировать их, исходя из «Слова о полку Игореве». О несообразности этого «несостоявшегося открытия» см.: Робинсон М.А., Сазонова Л.И. Несостоявшееся открытие («поэмы» Бояна и «Слово о полку Игореве») // Русская литература. 1985. № 2. С. 100–112; они же. Несостоявшееся открытие («поэмы» Бояна и «Слово о полку Игореве») // Л.А. Дмитриев и др. (ред.). Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука, 1986.
- ¹³¹ Подробно о деятельности Сулакадзева см.: Монгайт А.Л. Из истории археологических мистификаций. С. 44–45; Козлов В.П. Тайны фальсификации. С. 155–185.
- ¹³² Гнатюк Ю.В., Гнатюк В.С. (сост.) Сказания о старозаветных временах русских. М.: Белые альвы, 2003. С. 3–5.
- ¹³³ Асов А.И. Тайны «Книги Велеса». М.: АиФ Принт, 2003. С. 11, 323–382. Правда, он всячески дистанцируется от ультранационалистов и фашистов. Но при этом выступления против «международного сионизма» он к этой категории причислять отказывается. См. там же. С. 319–320.
- ¹³⁴ Об истории и основных особенностях мировоззрения русского национализма в последние советские десятилетия см.: Dunlop J.B. The faces of contemporary Russian nationalism. Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1983; Yanov A. The Russian challenge and the year 2000. Oxford: Basil Blackwell, 1987; Laqueur W. Black hundred. The rise of the extreme right in Russia. N. Y.: Harper Collins, 1993; Brudny Y.M. Reinventing Russia. Russian nationalism and the Soviet State, 1953–1991. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1998; Митрохин Н.А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- ¹³⁵ Подробно об этом см.: Шнирельман В.А. Неоязычество и национализм (восточно-европейский регион). М.: ИЭА РАН, 1998; он же. Перун, Сварог и другие: русское неоязычество в поисках себя // В.А. Шнирельман (ред.). Неоязычество на просторах Евразии. М.: Библейско-богословский институт, 2001; он же. Русское неоязычество (истоки мировоззрения) // Страницы. 2001. Т. 6. № 3. С. 453–470.
- ¹³⁶ Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // В.А. Тишков, В.А. Шнирельман (ред.). Национализм в мировой истории. М.: Наука. С. 82–105.
- ¹³⁷ Carlson M. “No religion higher than truth”. P. 78–79.
- ¹³⁸ Книга Велеса. СПб.: Политехника, 2000. С. 405.
- ¹³⁹ Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Academia, 2007. С. 58–75.

Трипольский синдром: Украина в зеркале «правильной» истории*

Сатирическая футурология — жанр, не пользующийся популярностью в украинских массмедиа. Наверное, поэтому так бросились в глаза и запомнились «Новости от 31 ноября» авторства Александра Макарова, напечатанные вскоре после Оранжевой революции в популярном на Украине «Зеркале недели» (2005, № 5). Правда, тогдашний прогноз очень скоро утратил свою актуальность, поскольку касался он главным образом членов первого «постреволюционного» кабинета министров, отправленного в отставку в сентябре 2005 г. Стоит вспомнить другое: то, какой виделась журналисту будущность украинских олигархов:

«Ринат Ахметов строит баптистские церкви. Виктор Пинчук скупает по всему миру и свозит в Украину скифское золото <...> Александр Ярославский открывает фабрику по склеиванию разбитых горшков трипольской культуры. И это им не всегда помогает».

Политические реалии отразились и на этой идиллической картине: в отсутствие Александра Турчинова во главе Службы безопасности Украины Ахметов печётся не о нуждах его единоверцев, а о судьбе Святой Софии, выделив на её реставрацию, после дружеского общения с президентом В. Ющенко, 15 миллионов гривен. Но, в принципе, автор верно предугадал стратегию выживания при новой власти вчерашних «победителей жизни»: превращение их в меценатов, готовых потакать любым прихотям и капризам «этнографического президента» — страстного коллекционера, ценителя прекрасного и почётного председателя «Братства пчеловодов Украины».

Впрочем, и наиболее проницательных удивило то, что в ноябре 2005 г. на благотворительном аукционе в Харькове три бочончка с «правильным», с точки зрения Винни-Пухов от украинского бизнеса, мёдом («С пасеки Виктора Ющенко», как значится на ободке) ушли с молотка за 2,5 миллиона гривен, а старое деревянное корыто из его коллекции потянуло на целый миллион! Прибавьте к этому 700 тысяч за лоты от родственников президента — брата Петра и племянника Ярослава, заместителя харьковского губернатора, — и в целом набегает весьма внушительная сумма, предназначенная для реставрации областной филармонии.

Разумеется, такое «раскулачивание» на нужды культуры можно только приветствовать — так же, как и отчисления Ахмстова на Софийский собор, который новая власть начала понемногу (пусть поначалу и неумело) «освящать» своим присутствием, устраивая здесь официальные церемонии. Все заметнее и сдвиги по линии деклараций национализма, который предпочитают называть

украиноцентризмом, обращающимся в риторике власти постулированием «уникальности» всего украинского и центральности Украины в Европе. Правда, сегодня нашу страну всё чаще именуют не «центром», а, более поэтично, «сердцем Европы»¹; но арсенал средств, при помощи которых этимологически «окраинная» земля пытается избыть проклятие периферийности, по сути, не изменился: к прежней игре предлогов (в/на Украину) и президентским мантрам (при Ющенко, однако, вылившимся едва ли не в упреки Европе, которая, дескать, «не может жить без сердца») прибавились разве что зрелищные действия на манер зажигания символического «сердца Европы» на «Евровидении-2005».

И всё же — «почувствуйте разницу!». Сегодня страну возглавляет президент, для которого история — отнюдь не пустой звук: он апеллирует к ней (точнее, к собственному её пониманию) по любому, порой совершенно ничтожному поводу (например, в связи со строительством высотки на Печерске, из-за которого якобы переворачиваются в гробах древние киевские князья). С другой стороны, по этой же причине на смену государственной политике в области культуры пришёл культурно-исторический фаворитизм главы державы. И хотя сам он при этом, по-видимому, чувствует себя как долгожданный «апостол правды и науки», пока что апостола в его лице получила лишь паранаука.

В принципе, это закономерно. Лидерам государств, вышедших на политическую арену после распада СССР, импонирует историческая фантастика, которую под воздействием патриотического императива с лёгкостью продуцируют «физики и лирики». Найти общий язык со специалистами, увы, сложнее. В 1990-е гг. это уразумел туркменский президент Сапармурат Ниязов, который, говорят, довольно долго ждал, когда же, наконец, учёные поймут, чего от них ждёт страна, и создадут «настоящую» историю туркмен. А не дождавшись, вспомнил, что он и сам академик, и взялся за перо. Так появилась его «Рухнама», из которой можно узнать среди прочего следующее:

именно туркмены были первыми механиками, и именно они избрали металлургию и металлообработку, став для Европы своего рода «дрожжами», на которых поднялась современная цивилизация;

туркменский этнос, чей возраст, как ранее полагали, составляет не более тысячи лет, на самом деле существует вот уже 5–6 тысяч лет;

туркмены (которые, как известно, не имели своей государственности вплоть до XX в.) «только на собственной земле создали более 70 государств», а их данниками числились более 1200 народов.

Правда, по признанию Ниязова, последние 800 лет (до 1991 г.) туркмены пребывали в состоянии стагнации. Однако теперь, когда Туркменбаши призвал свою нацию «вспомнить всё, что нужно вспомнить», бывшее могущество становится залогом великого будущего — собственного, ни на что не похожего пути к новым историческим свершениям.

Такого же пошиба total recall предлагают и украинские псевдоисторики —

как «патриархи» (Каныгин, Шилов, Плачинда), так и их многочисленные эпигоны. Нарративная стратегия их сочинений, несмотря на расхождения в деталях, весьма проста: доказать историческое первородство украинцев. Достаточно открыть любую «историю без мифов», вышедшую из-под их пера, и становится очевидным, что для мировой цивилизации украинская «закваска» была не менее продуктивной, чем туркменские «дрожжи».

В этой историко-патриотической хлестаковщине Украина предстаёт как генератор и вдохновитель «всех философских, научных и художественных достижений Запада и Востока», и даже хрестоматийная украинская безгосударственность объявляется вымыслом «украинофагов»: «на самом деле Украина представляет собой уникальный феномен фантастической длительности и непрерывности государственного бытия», чьи основы были заложены Трипольской державой, которая «во времена своего апогея была единственной в истории человечества Всемирной империей <...>, охватывавшей оба полушария Земли». Разумеется, «восточные орды», как и «губительные нашествия южных, западных и северных колонизаторов, отбросили Украину на тысячелетия вспять». Но «мы и в ярме давали миру гениальные интеллектуальные и художественные озарения, а в ближайшие годы дадим ещё больше»².

Разумеется, если бы Украина была восточной деспотией наподобие братского Туркменистана, мы бы давно имели комплекс подобных представлений в качестве государственной идеологии. А так лишь отдельные осколки этой премудрости поблёскивают в риторике власти — впрочем, не без соответствующих «оргвыводов». Показательным в этом отношении является открытие в октябре 2005 г., благодаря щедрой, на 1,8 миллиона гривен, поддержке «Днепрспецстали», музея на территории Каменной Могилы, о которой президент упоминал ещё в своих речах «майданного» периода³. На его официальном сайте это событие представлено как один из первых программных «шагов навстречу людям», хотя на самом деле Ющенко уверенно движется в сторону Шилова со товарищи, которые за несколько лет до этого, по случаю выхода книги Анатолия Кифишина «Древнее святилище Каменная Могила: Опыт дешифровки протошумерского архива XII–III тысячелетий до н.э.» (Киев: Аратта, 2001), обращались к Кучме, дабы тот озаботился судьбой «Каменной Могилы с древнейшими в мире письменностью и текстами», которая является такой же «святыней» украинцев, как и «народная орнаментика и фольклор, восходящие ко временам мамонтов», а также «„Веда“ и „Велесова книга“ с исторической памятью в 21 тысячелетие». Тогда Кучму тщётно просили придать Каменной Могиле статус национального заповедника и посодействовать её превращению в «памятник мирового значения под эгидой ЮНЕСКО». Ныне на эти призывы охотно откликается Ющенко — и относительно статуса, и относительно внесения Каменной Могилы как «уникального объекта человечества» в список мирового культурного наследия (вместо того чтобы позаботиться об историческом центре Львова, над которым вот уже несколько лет тяготеет угроза исключения из этого реестра).

Правда, радует то, что в World Heritage List не стремятся внести самого президента, хоть он и был провозглашён (впервые, кажется, Юлией Тимошенко) национальным достоянием Украины. Пока что культ Ющенко и его семьи носит локальный характер — с чествованием памяти отца президента и организацией походов по ющенковским местам. Оно и неплохо, что теперь, дабы получить заряд патриотической энергии, не надо, рискуя здоровьем, карабкаться на Говерлу⁴. Альтернативой глумливым предложениям от виртуального агентства «Говерла-Тур» («Президентский отдых! Вызывание духов патриотов, погибших во время восхождения президента! Самые лучшие лавины и молнии!») является двухдневная поездка на малую родину украинского лидера, устраиваемая госадминистрацией Недригайловского района. Она включает посещение не только достославной Хоружевки, где, как известно, Ющенко чувствует себя «европейцем, проживающим в центре Европы», но и соседней Кулешовки с уникальным, «единственным в мире» (разумеется, если не считать тех, что в России) памятником мамонту, точнее, его «наскальным изображением» на чугунном четырехграннике с надписью: «На сём месте в 1839 г. открыт остов предпотопного мамонта». Перемещение между сёлами — в патриархальном стиле: на возах под баян; летом можно освежиться в пруду, где, по слухам, купался сам Виктор Андреевич; приложением к этим буколическим утехам служит общение с его односельчанами, которые, как успел установить, пребывая на посту министра здравоохранения, Николай Полищук, являются «самыми здоровыми людьми в Украине» (!).

Ожидается и чествование президентского рода на уровне государственных торжеств, хотя, конечно, и не такое прямолинейное, как у братьев-туркмен. Согласно выданному в ноябре 2005 г. распоряжению, уже с июля 2006 г. на Украине будет отмечаться казачий праздник «Калнышева рада». Непосвящённым такая «выдуманная традиция» может показаться, мягко говоря, странной; но убеждённость Ющенко в родстве с последним запорожским кошевым Петром Калнышевским (который, если верить президентскому указу, внёс «выдающийся личный вклад в становление украинской нации») расставляет всё по своим местам.

Трудно сказать, имеются ли основания для таких генеалогических претензий. В канун президентских выборов 2004 г. их всячески высмеивал Андрей Дерепя; потом за Ющенко заступился писатель и краевед Даниил Кулиняк с книжкой «От Калныша вести...»⁵. Откликов профессионалов об этом труде пока что не слышно; зато вездесущие журналисты нашли в нём как ряд несуразностей, так и расхождения с «генеалогическим древом», поднесённым Ющенко в 2002 г. его земляками, которое он считает едва ли не лучшим подарком за всю свою жизнь.

Скепсис усугубляют и аналогичные прецеденты на постсоветском пространстве. Вспомним хотя бы эпизод с экс-премьером Литвы Казимирой Прунскене, которая по примеру героини «Золотой рыбки» превратилась в «столбовую дворянку» (собственно говоря, княгиню), получив соответствующую

щие регалии почтой в коробке из-под обычного утюга, вмиг ставшей не менее знаменитой, чем некогда в России коробка из-под ксерокса. Кроме того, нет нехватки в энтузиастах, желающих действовать по методу Дятла из сказки Салтыкова-Щедрина «Орёл-меценат»:

«Дятел был скромный учёный <...> И надолбил он целую охапку исторических исследований: «Родословная лешего», «Была ли замужем баба-яга», «Каким полом надлежит ведьм в ревизские сказки заносить?» и проч. Но сколько ни долбил, издателя для своих книжиц найти не мог. Поэтому и он надумал: пойду к орлу в дворовые историографы! <...> Дятел начал с того, что генеалогию орла от солнца повёл, а орел со своей стороны подтвердил: «И я в этом роде от папеньки слышал»⁶.

Точно так же всегда найдутся те, кто готов принять любую генеалогию Ющенко с автоматизмом компьютерного редактора, который, не колеблясь, меняет фамилию Порошенко⁷ на гетманскую Дорошенко. Кучме в этом смысле явно не повезло: тем, кто убеждён, что *nomen est omen*, вспоминался разве что Кучманский шлях, которым некогда на Украину приходили татары. Ещё язвительнее, чем история, обошёл с ним автор этнокарнавального «Дела незалежных дервишей» — таинственный Хольм ван Зайчик, под чьим пером Кучма превратился в начальника Аслановского повета Кучума.

Впрочем, второй наш президент был человеком без исторических амбиций; а вот его генеалогически «правильный» преемник оказался куда более требовательным в отношении древности и исторической добротности декораций собственного бытия. Своими проблемами он поделился со своей же нацией на пресс-конференции в мае 2005 г.: мол, в резиденциях моих друзей Вацлава Гавела и Вацлава Клауса настелен дубовый паркет и даже каким-то «драным гобеленам» по 400 лет, а здесь, в Киеве, в бывшем здании ЦК КПУ... В общем, что тут говорить — вы и сами понимаете. Обнародовал глава государства и свою эстетическую концепцию: тешить глаз президента должны не «модернистские картины», а запечатлённые на полотне батальные сюжеты, в которых украинцы побеждают врагов — очевидно, на манер поединка Вишневецкого с Кривоносом, который теперь украшает бывший кабинет Кучмы, обустроенный Ющенко по собственному вкусу.

Дело, однако, не ограничилось перестановкой шкафов и перевешиванием картин. Возник грандиозный проект новой президентской резиденции, для реализации которого принялись было даже отселять помещение детской больницы «Охматдит». Несмотря на отдельные «неувязки», запланированное строительство продолжается, конкурируя по своим масштабам разве что с мегапроектом по созданию «украинского Эрмитажа», который всё чаще называют «Художественным Арсеналом» — вероятно, чтобы не проговариваться, чей именно пример вдохновил этот величественный креатив. Достаточно и того, что мы создали в противовес «Золотому кольцу России» свой туристический «Золотой треугольник» (Киев — Львов — Одесса), к которому теперь прибавляется ещё и «Золотое кольцо трипольской культуры».

Впрочем, тема Триполья заслуживает отдельного разговора. Увлечение ею началось не вчера и за последние годы приобрело черты общенациональной мании. Специалисты-археологи устали объяснять невеждам, что трипольцы не были ни украинцами, ни праславянами, ни даже индоевропейцами, как не являлись они ни гражданами легендарной Аратты (государства, локализуемого специалистами где-то на взгорьях Южного Ирана), ни, наконец, древнейшими земледельцами в Европе и тем более в мире. Но к профессионалам прислушиваются всё реже и реже, и параллельно процветают вхожие в коридоры власти любители-«трипольцеведы» и владельцы трипольских древностей, чьи коллекции, озарённые величием паранаучных фантазий и задействованные в государственных мероприятиях наивысшего уровня, дорожают на глазах. О конъюнктуре момента красноречиво говорит и то, что артефакты трипольской эпохи уже стали объектом фальсификации, как это часто бывает с популярными и прибыльными брендами (о чём бы ни шла речь — о духах «под Париж» или книгах, написанных якобы Дэном Брауном или Борисом Акуниным).

Предприимчивые энтузиасты от слов переходят к делу, материализуя и визуализируя величие «трипольской цивилизации». В этом их охотно поддерживает пресса: «Сегодня государству необходима маркетинговая программа продвижения трипольского бренда как в Украине, так и за её пределами. Это позволит дополнительно привлечь на отечественные туристические маршруты несколько сотен тысяч туристов, как наших, так и зарубежных». Руководство археологического музея в Триполье стремится к большему — ведь «маленькое село под Обуховом <...> может стать одним из культурных центров мира». «Но для этого, — говорят специалисты, — нужно реконструировать жилища древних трипольцев, их одежду, строить современный скансен»⁸.

Это пока что под силу лишь частному сектору, точнее, частному историко-археологическому музею «Аратта-Украина» с его «настоящей трипольской хатой»⁹. С одеждой для жителей будущих «скансенов» проблем, очевидно, не предвидится: ведь, если верить прессе, трипольцы были «умелыми портными» — «одних только жилеток придумали около 123 моделей». Дизайнеры заметили, что трипольские мотивы хорошо «ложатся» на изделия из ткани и кожи. Найдётся работа и для парикмахеров, которым самое время освоить ту дюжину причёсок, которыми некогда кичились «трипольские Венеры и Барби»¹⁰ — ведь отечественные музейщики (сошлюсь тут на опыт Винницы) уже пропагандируют «трипольский боди-арт».

Вот только ничего не слышно про детсады или школы трипольского типа, хотя курс трипольской педагогики уже вошёл в отечественные учебники, ориентированные на будущих воспитателей и учителей¹¹. Дался он авторам немалой кровью: ведь, с одной стороны, «ещё никто и никогда не «заглядывал» в такие глубины истории, не было даже попыток проследить истоки украинской школы, образования и педагогики, которая, вопреки догматическим утверждениям устаревших научных концепций учёных разных стран, насчитывает не несколько столетий, а более 5, а то и 7 тысяч лет»; с другой — «до сих пор не

обнаружено ни одного учебника или пособия для тогдашних школ, как нет и учебных планов и программ (даже в простейшей форме), поскольку все они, как и многочисленные уникальные духовные книги эпохи неолита, уничтожены огнём, мечом и водой во время и непосредственно после крещения Киевской Украины-Руси в 988 г.».

Впрочем, и «без исчерпывающего археологического обоснования» очевидно — разумеется, «если анализировать состояние образования и воспитания эпохи неолита с позиции непредвзятых учёных, когда научные суждения и выводы строятся лишь на фактах и документальных свидетельствах, без оглядки на «старшего брата», — что «система воспитания и образования праукраинцев уже в IV–III тысячелетиях до Рождества Христова была более прогрессивной по сравнению со многими тогдашними цивилизациями», получившими от трипольцев благотворный толчок к развитию.

Как ни странно, но, несмотря на свою «высокую результативность», трипольские «методы воспитания и обучения» до сих пор не реализованы на практике. Зато воплощаются гастрономические идеи, с которыми мы сталкиваемся на страницах цитируемого учебника. Среди «гениальных кулинарных изобретений праукраинцев» здесь фигурируют кулеш, блинчики, галушки, борщ и колбасы; однако больше всего комплиментов достаётся борщу (этому «высоковитаминизированному блюду, которому, как свидетельствует опыт многих народов, до сих пор не найдено альтернативы») и подовому хлебу трипольского периода — «украинской палянице, которая с тех пор вот уже несколько тысячелетий является основным продуктом питания и пользуется любовью многих народов мира».

Ради справедливости стоит отметить, что доподлинно неизвестно, пекли ли хлеб носители трипольской культуры. Однако летом 2005 г. им как образчиком аутентичной кухни трипольцев потчевали любопытных в одном из киевских ресторанов. Этот хлеб для гурманов оказался «живым», т.е. изготовленным при помощи биодинамических часов, позволяющих «управлять потоками космической энергии и, в частности, материализовывать её в продуктах питания»; moreover, по вкусу он, говорят, уступал поданному гостям обычному торту, украшенному глазированными трипольскими хатками. К сожалению, присутствующих не угощали запечёнными на огне черепахами (по словам археолога Михаила Видейко, излюбленным деликатесом трипольцев); однако всем пришлась по вкусу архаизированная версия «Бехеровки» — созданный фитотерапевтом из Яготина бальзам «Трипольское чудо», который дегустировали из стилизованных под трипольскую керамику глиняных стопок.

Не менее плодотворный синтез нужд современности и памяти о прошлом предлагает сегодня и киевский ресторан-музей (!) «Монастырская трапеза», где можно не только подкрепиться, но и ознакомиться с экспозицией, в которой, благодаря коллекциям друзей хозяина, представлены украинские древности, начиная с артефактов трипольского периода, окончательно ставшего точкой отсчёта нашего исторического времени.

Однако было бы ошибкой думать, что сегодня в подходах к трипольской идее преобладают её коммерческие аспекты. Существует ещё и эстетико-рекреативная сторона вопроса, реализованная в таких новациях, как парки трипольской культуры. Первый, кажется, появился в Ржищеве под Киевом; его украшают «фигуры воображаемых трипольчанок» и пятиметровая копия знаменитой биноклевидной посуды. В самом Киеве аналогичный парк возник на территории Межрегиональной академии управления персоналом (МАУП) осенью 2004 г., накануне Первого всемирного конгресса «Трипольская цивилизация». А во время проведения «Евровидения-2005», которое помимо прочего стало своеобразным полигоном для обкатки новейших этнополитических концепций, эту идею реализовали скромнее — в виде «площадки трипольской культуры» в лагере на Трухановом острове.

Более амбициозный проект ещё ждёт своего воплощения: по замыслу Виктора Ющенко в районе киевского Ботанического сада планируется парк, «где будут представлены фрагменты как трипольской культуры, так и современной космической эпохи». О чём конкретно идёт речь, пока неясно, однако нельзя не заметить, что в президентских оценках украинского прошлого Триполье заметно перевешивает всё прочее на чашах исторических весов. По крайней мере, на такую мысль наводят те выставки достижений трипольского хозяйства, которые в последнее время представляют Украину на международной арене. Такой в своей основе была украинская экспозиция на «ЭКСПО-2005», которую национальные массмедиа оценили как провальную, хотя туда для демонстрации украинской «самодостаточности» по распоряжению Ющенко отвезли даже 190-летний улей пчеловода-новатора из-под Батурина Петра Прокоповича, позаимствованный из коллекции Черниговского исторического музея (на что «Украина молодая» откликнулась восторженным заголовком: «Хутор Пальчики будут знать во всём мире!»).

Впрочем, происхождение остального «антиквариата», представленного в Японии, вызывало у специалистов эмоции, далёкие от восторга. Ведь там, как и на выставке, проходившей в ноябре 2005 г. в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО, трипольский период был представлен главным образом экспонатами из частных археологических коллекций, появившихся в годы независимости, сам факт существования которых несовместим с нормами отечественного и международного права. Начинает казаться, что мы возвратились в XVI в., когда «копачи», разрывавшие древние курганы, составляли особый, совершенно «легальный» слой местного населения. В итоге визитной карточкой страны становятся украденные у неё предметы, и это совершенно не беспокоит Министерство культуры и туризма, которое формально распоряжается культурным наследием Украины. В ответ на протесты министр-«культурист» лишь пожимает плечами: дескать, то, что сегодня находится в археологической коллекции «одного из граждан» (точнее, «новых украинцев»), завтра может украсить государственное собрание. Действительно, такие «благодения» известны, хотя по сути они мало чем отличаются от печально известных «подарков», препод-

несённых в 2004 г. от имени тогдашнего премьера Януковича Национальному музею истории Украины¹²; к тому же внеконтекстные, навсегда лишённые способности «говорить» артефакты даже после возвращения их государству безвозвратно потеряны для науки и украинской истории¹³.

Однако столь популярное сегодня заигрывание с прошлым таит в себе помимо криминальных и другие риски. Английская поговорка, как известно, советует не будить спящую собаку. Вот и *sleeping past* порой лучше не ворошить — ведь оно, как и настоящее, никогда не бывает «одновекторным». Это, в частности, показала команда Виктора Пинчука, с лёгкостью пародируя исторические события. Достаточно вспомнить август 2005 г. — зрелищные акции против возвращения в госсобственность Южнотрубного завода, организаторы которых полностью переняли know-how киевского майдана.

Не меньшее мастерство было продемонстрировано и при манипулировании такой новомодной «фишкой», как казацкое прошлое. С одной стороны, «Интерпайп» Пинчука затеял поиски Никитинской сечи, остатки которой якобы сохранились где-то в центре Никополя (на самом же деле они давным-давно погребены под толщей днепровской воды); с другой — о всё том же Южнотрубном заводе сняли фильм-предупреждение «Сечь». Основной меседж такой: ну, держитесь! Ведь «мы, братья, казацкого рода», так что никто не сломит наш вольнолюбивый дух, никто не реприватизирует, никто не поработит!

Тогда же, в августе 2005 г., в канун Дня независимости, кое-кто вспомнил и об отношении казаков к униатам, благо представился повод — перенесение в Киев резиденции главы Украинской греко-католической церкви кардинала Любомира Гузара. Так рядом с пламенной социалисткой Натальей Витренко в рядах протестующих, ссылаясь на «историю вопроса» («славные традиции казачьих гетманов Хмельницкого и Сагайдачного, топивших униатов в Днепре»), оказались представители «Верного казачества».

Такое же «равнение на Хмельницкого» провозгласил, отмечая годовщину его смерти летом 2005 г., лидер партии «Союз» Алексей Костусев, чью «основанную на заветах гетмана» политическую программу через несколько месяцев иллюстрировали бигборды «С нами Бог и Россия!». Демонстрируя преданность своим историческим воззрениям, глава Антимонопольного комитета Костусев даже взялся за восстановление Богдановой криницы в Субботове. Кабмин, в свою очередь, вынашивает замыслы воссоздания резиденции гетмана в Чигирине, которую среди прочего можно использовать для встреч президента с иностранными послами. Параллельно власти предпочитают не замечать «воспоминаний о будущем» в публикациях от МАУП, где призывы к борьбе с «иудео-нацистами», «иудейской чумой» и «иудейско-либеральным гнильём» соседствуют с ностальгией по временам Богдана Хмельницкого, который «последовательно пытался освободить Украину от евреев».

Аналогичный подтекст ощущается и в призывах «новых ариев» во главе с автором книжки «Арийский стандарт» Игорем Каганцом возвратить Украи-

не традиционную для неё политическую модель — автократический «третий гетманат». Эту идею взяли на вооружение члены Украинской национальной ассамблеи, включив её в свою программу на съезде, проходившем в декабре 2005 г. на территории МАУП. Трудно сказать, кто ныне, с точки зрения УНА-УНСО, мог бы возглавить украинскую властную вертикаль нового (или, по сути, очень старого) типа; однако сторонников ещё одного «пришествия» гетманата, несомненно, не устраивает тот титулярный гетман, каким стал Виктор Ющенко на казацком круге при посещении Запорожья в июне 2005 г.

Тогда, ровно через год после того, как его, кандидата в президенты, за злостное уклонение от уплаты членских взносов исключили из рядов казачества, лишив заодно всех званий и наград, Ющенко-президент возглавил Украинское первовозрождённое вольное казачество и создал при себе казацкую раду. При этом на казацком олимпе нашлось место не только для банкира Станислава Аржевитина, ставшего советником президента по вопросам казачества, но и для Юлии Тимошенко, провозглашённой украинской Берегиней; а вот киевского мэра, посвящая в казаки, под видом инициации отхлестали кнутом.

По-видимому, советникам такого пошиба обязаны фактом своего чествования юбилеи образца отмечавшегося в 2005 г. 500-летия казачества на территории Донецкой и Луганской областей. Абсурдная, с точки зрения специалистов (которых, как водится, спросили, но не услышали), зато стопроцентно политкорректная годовщина ознаменовалась среди прочего выпуском юбилейной монеты, упражнением в «национальных видах боевых искусств» и плакатами с зажигательными стихами:

Ми козацького роду
І в Донбас не прийшли!
Гени нашого роду
Споконвік тут жили!

То, что история повторяется как фарс, продемонстрировал ещё один эпизод, вызванный к жизни припоминанием прошлого. Современные жители летописного Искоростеня в канун празднования 1300-летия своего города, осознав, что живут в «правовом государстве», и почувствовав, как играет в их жилах кровь предков-древлян (не зря всё же у нас проводят фестивали типа «Древлянских истоков»!), принялись сводить исторические счёты с киевлянами: дескать, если бы не мстительность их княгини Ольги, заштатный Коростень непременно стал бы столицей Украины. Экзерциции в альтернативной истории едва не увенчались неслыханным в отечественном судопроизводстве случаем: иском коростеньского мэра (и по совместительству председателя Ассоциации древних городов Украины) против киевской городской администрации за сожжение древлянской столицы в X столетии (кстати, по утверждению писателя Андрея Кокотюхи, оно было осуществлено, языком Уголовного кодекса, «с особым цинизмом», поскольку на самом деле Ольга использовала не

банальных воробьёв и голубей, а мощное ракетное оружие, лишний раз засвидетельствовав «исключительную гениальность украинцев»¹⁴).

Правда, в глобальном контексте этот, по словам одного коростеньского краеведа, «слегка, я извиняюсь, бред» отнюдь не одинок. Как по масштабности иска, так и по глубине погружения в собственное прошлое неотревляя давно затмили египтяне, которые уже не первый год готовят судебный процесс против иудеев: те во времена Рамзеса II, в 1290 г. до н.э., будучи изгнанными в Синайскую пустыню, прихватили с собой 300 тонн драгоценных украшений. Ныне потомки фараонов, дабы не путаться в расчётах, согласны на компенсацию причинённых Египту убытков в размере 300 тонн золота — и в ожидании такого куша уже потратили на подготовку иска против Израиля, правопреемника всех иудеев, четверть миллиона долларов.

Примечательно, что египтяне солидарны с некоторыми из наших соотечественников не только в готовности исправлять ошибки древней и очень древней истории, но и в благородном стремлении отстраивать то, что было некогда разрушено. Стоило, например, археологам обнаружить фундамент знаменитого Фаросского маяка, как губернатор Александрии призвал сограждан возродить это чудо света во всей его красе; подсчитано, что стоимость подобного проекта составит не менее 100 миллионов долларов. На этом фоне блекнут те 90 миллионов гривен, которые в 2005 г. планировалось направить на воссоздание киевской Десятинной церкви образца 1240 г. Появление ещё одного бутафорского новодела было, казалось, неотвратимым — так ухватились за поддерживаемый президентом проект столичные чиновники, которым, в принципе, безразлично, что делать: разрушать или восстанавливать разрушенное (а если строить, то хоть храмы, хоть деревни — трипольские или потёмкинские).

Никого не смущало даже то, что пришлось бы действовать по методу Кювье, который, говорят, мог воссоздать внешний вид ископаемого животного по одной-единственной кости. Более того, чтобы реанимировать, казалось бы, окончательно похороненную при Кучме реконструктивную идею, в оборот запустили совершенно нестандартный для чиновничества креатив. Заместитель начальника Главного управления культуры Руслан Кухаренко, отстаивая — за отсутствием представлений о том, как выглядела Десятинная церковь, — «новое строительство в византийском стиле» («естественно, с мозаиками и фресками»), апеллировал к высшим силам: мол, надо обеспечить «жилплощадью» тех ангелов, которые «закреплены» за любым храмом и не оставляют его даже после разрушения. Невесть откуда взялись и фольклорные «новоделы»: легенда о «духовном треугольнике», очерченном Софийским, Михайловским и Андреевским храмами, который «неполон» без Десятинной, а также «церковное предание, передающееся из поколения в поколение: «С возрождением Десятинной церкви восстанет и былая слава Украины» (рифмованный вариант: «Як постане Десятинна, то й воскресне Україна»)¹⁵.

Впрочем, не помогла и эта псевдофольклорная «тяжёлая артиллерия». Ки-

евские власти вновь проиграли здравому смыслу и компетентности «маленьких» (по лексике Ющенко) украинцев — всех тех искусствоведов, музейщиков, археологов, к которым так и не привыкли прислушиваться чиновники, считаясь лишь с мнением «сверху». Вполне естественно, что президентское видение прошлого мгновенно воплощалось в инициативы чиновных хамелеонов. Едва лишь на церемонии инаугурации прозвучало: на Украине «триста лет тому назад была написана первая в мире Конституция», как кабмин взял под козырёк, выступив с идеей конференции «Украина — родина демократии». К счастью, и на этот раз в поединке науки с риторикой власти победил профессионализм учёных, а не то дожили бы и до «Украины — родины слонов»: достаточно вспомнить «фольклор, восходящий ко временам мамонтов», памятник мамонту в родных краях президента и его же упоминание на киевском «мини-Давосе» (июнь 2005 г.) о таинственном «украинском слоне», который «проснулся» и чью «поступь уже не остановить» после того, как он «наберётся инвестиционных сил».

Правда, на генерированную президентом идею «украинизации» власти чиновничество отреагировало как-то вяло. Разве что ровненский губернатор Василий Червоний, развивая мысль Ющенко о «вселении» украинского духа в высокие кабинеты, обустроил свой собственный на манер скансена: украсил приемную национальными костюмами, горшками и куклами; а ещё губернатор новой формации патронирует местные замки (в частности, Клеванский, где можно создать ещё одну президентскую резиденцию) и советует подчинённым ходить на работу в сорочках-вышиванках.

Национальная одежда проникает даже на светские тусовки, популярные у политбомонда. Не всем, однако, идея постоянной визуальной манифестации своей украинской идентичности пришлась по душе. Самым преданным среди её приверженцев является, видимо, бывший диссидент Левко Лукьяненко, который как-то призвал всех сограждан ежедневно носить «своё, родное», а фабрики — производить национальную одежду по специальной, сниженной цене. Предлагали «переодеть» и столичный Украинский дом: придать ему национальную форму, превратив в яйцо-писанку; больше шансов, однако, имеет менее оригинальный проект — сооружение по периметру здания стел с именами прославленных украинцев и их афоризмами.

Оригинальную национальную форму приобретают порой даже взаимоотношения властей и СМИ. Так, на Черкасщине между ними было подписано соглашение о сотрудничестве, весомость которого засвидетельствовал епископ Черкасский и Чигиринский, окропив авторучки участников действия и апеллируя к событиям Колиивщины. Так что тем, кто ещё не забыл сравнение пера со штыком, была предложена его «локальная версия»: дескать, теперь журналистское оружие «освящено водой озера Холодный Яр, где святили сабли, выступая на борьбу за правду, наши предки-гайдамаки».

Однако не всем журналистам погружение в глубь прошлого даётся одинаково легко. В принципе, это понятно — уж слишком неожиданны порой но-

вейшие «открытия». В этой связи запомнилось, как, смущаясь и запинаясь, ведущий 5-го канала («канала честных новостей») рассказывал об открытии музея на территории Каменной Могилы и о сохранившихся там шумерских (собственно, следовало сказать: протошумерских) надписях. Канал «Интер» откликнулся на историко-патриотический заказ циклами телеминиатюр об украинском прошлом (казачестве, Галицко-Волынском княжестве и пр.). Допускаю, что у этого проекта были какие-то достоинства; однако зрительский интерес гаснет, едва услышишь о подводных лодках у казаков или о том, что условием зачисления в их ряды было знание украинского языка (радует, правда, что не вспомнили о «казацком расовом тесте»¹⁶; впрочем, если на телеэкране начали появляться творцы «Арийского стандарта» и «боевого гопака», это, наверное, только дело времени).

Ещё более благоприятной средой для исторических откровений стала сфера образования. Направление дрейфа педагогической мысли помогает установить один из выпусков еженедельника «Освіта» (2005, № 33), список учредителей которого возглавляет Министерство образования и науки Украины, а среди авторов преобладают преподаватели и студенты Национального педагогического университета. Спецвыпуск, посвящённый «опыту воспитания патриотов», вышедший накануне 1 сентября, демонстрирует достижения в деле украинизации отечественной школы после десятилетий господства «иноязычной педагогики», ориентированной на воспитание «манкуртов и янычар».

В качестве антидота профессиональные педагоги предлагают «казацко-рыцарские традиции воспитания», которые аккумулируют школьные музеи казацкой славы, «кружки, отряды, курени казачат», «уроки Казацкой славы, Мужества и Отваги, национального Достоинства и Чести». Тут же, на страницах еженедельника, атаман «Характерного казачества Украины» (и параллельно автор курса «Родной Православной Веры», изданного двумя годами ранее, в 7512 г. «от Рождества Украины») делится опытом сохранения «древних ведических традиций предков» и «формирования элиты общества» — по видимому, не только украинского, ведь вскоре «именно Украина станет мировоззренческим центром Земли».

Так что, афористично резюмирует другой автор:

Минуле будем пам'ятать —
Майбутнє буде в козачат!¹⁷

Воспитательный потенциал «украинского казацкого патриотизма» дополняют «педагогические уроки Оранжевой революции», в ходе которой «ярко проявились казацко-рыцарские высоты <...> украинского национального характера», — взять хотя бы братьев Кличко с их «рыцарской позицией в отношении кандидата на пост Президента Украины Виктора Ющенко». Правда, больше всего комплиментов достаётся «Рыцарю украинской духовности» и «Педагогу с большой буквы» Сергею Плачинде, чья книжка «Казаки в Дюн-

керке: Исторические фрески»¹⁸ анализируется и пересказывается на страницах педагогического издания. На неё действительно стоит потратить время — хотя бы для того, чтобы узнать, что древнейшее изображение косака (позднетрипольского казака) обнаружено в гробнице фараона Хоремхеба и что «Египтом правили гиксосы — древние украинцы». В не меньшей степени потрясают сюжеты о том, как «атаман Серко жил во дворце принца Конде, а казаки — в казармах мушкетёров», как «в Голландии до сих пор украинские гены поют украинские песни» и как, прибыв в Киев, «Маргарет Тэтчер поняла, что украинские парламентарии ничего не смыслят в истории Украины, и с лёгким сердцем возвратилась домой».

А чего стоит история о том, как после разрушения Сечи в 1709 г. запорожцы на своих ладьях-«чайках» «вышли в Средиземное море, проскочили Гибралтар и в поисках „вольных земель“ обошли весь западный берег Африки, зашли в Индийский океан и только на острове Мадагаскар, на восточном его берегу, обнаружили клочок свободной земли. Там и осели, создав республику с гордым именем Либерия. Когда об этом узнал Пётр I, он стал готовить эскадру, которая должна была пойти и уничтожить Либерию. Но смерть помешала сатрапу осуществить этот подлый замысел».

В еженедельнике для педагогов всё это словоблудие не только расценивается как «настоящая сокровищница художественных образов, эстетических ценностей и исторических сведений» от «хрестоматийного» автора¹⁹, но и дополняется рядом колоритных деталей. Так, если в книге Плачинды об изображении древнего казака из гробницы Хоремхеба сухо отмечено: «Лицо (профиль) типично украинское. Такими были косаки 3600 лет назад», то из статьи сотрудника Института психологии АПН Украины А. Губко узнаём, что этот косак «круглолицый, с истинно украинскими чертами лица» — «вылитый Тарас Бульба!».

Новыми красками заиграла и теория происхождения казачества авторства Сергея Плачинды: слово «казак» (по-украински «козак») происходит от «косы», которую носили древние амазонки-«косачки» — «основательницы первой рыцарской вольницы в Древней Украине IV–III тысячелетий до н.э.», чей образ жизни со временем переняли мужчины-«косаки». «Освіта» прибавляет к этой истории новый штрих: «О приключениях наших воинственных косачек повествует знаменитая сага «Песнь о Нибелунгах».

Что действительно поражает, так это то, что подобный «опыт воспитания патриотов» не вызывает у образованной части общества даже намёка на протест. Особенно это заметно на фоне той волны общественного негодования, которая поднялась в 2005 г., едва лишь в рассчитанном на пятиклассников «Введении в историю Украины» разглядели фразу о превращении киевского майдана в «солнечное оранжевое чудо». Кажется, не было газеты, которая бы не прокомментировала это «безобразие», а представительница издательства «Генеза», выпустившего злосчастный учебник, появлялась в выпусках теле новостей не реже, чем бывшая киевлянка Мила Йовович, посещавшая в то вре-

мья «Артек». Но почему-то никого не взволновало то, что несколькими годами ранее всё в той же «Генезе» увидела свет рекомендованная Министерством образования как пособие для учителей книжка Александра Белоусько «Украина древняя: Европейский цивилизационный контекст», где репродуцируются мифологемы Шилова о трипольской Аратте как первом в мировой истории государстве и колыбели цивилизации.

Между тем именно так всемирная история превращается в сплошной карнавал, где за всеми масками прячется «типично украинский профиль» или анфас а-ля Тарас Бульба. Правда, кажется, что «мы это уже проходили» — иначе откуда у Остапа Вишни взялись бы язвительные ремарки вроде: «На Украине жили египетские фараоны, Генрих Наваррский, династия Бурбонов, Римский Папа, Иван Калита. Все это были украинские гетманы, которых в своё время Иловайский утаил» («Кое-что из украиноведения»). Однако нельзя не заметить, что Украина никак не может «перерасти» такой образ мышления, и «узнавание себя» становится способом прочтения не только истории, но и географии: разве в рельефе правобережного Киева, снятого из космоса, недавно не разглядели «профиль казака с оселедцем»? Более того, оказалось, что таинственное лицо «атлантоподобно» («такими изображали древнеегипетских сфинксов»), а взгляд — «целеустремлённый, непростой». Оно и понятно — ведь в «оке» атлантоподобного казака расположены Софийский и Михайловский соборы; Лавра же оказалась на «лбу» — там, где находится, в зависимости от мировоззрения, то ли мозг, то ли «третий глаз». Итак, как ни крути, а выходит, что Киев — это «место, отмеченное высшими силами». Неудивительно, что, когда всё это объяснили Ющенко, он, по словам очевидцев, был потрясён: «Это же чудо! Чудо!»²⁰

Впрочем, кому-кому, а президенту хорошо известно, что Киев — город особый. Ведь не случайно в своём выступлении перед участниками киевского «мини-Давоса» он привёл «буквальные слова» апостола Андрея, сказанные «в нескольких сотнях метров» от места проведения международного форума: «Благословенна эта земля, благословенен народ, который будет на ней жить». Хотя, собственно, и до появления Андрея это было очевидно — ведь на той же самой земле, отметил Ющенко, «тысячи лет процветала первая в человеческой праистории земледельческая цивилизация Триполья».

Очевидно, что созерцание мира под таким углом зрения порождает ощущение избранности, мессианского предназначения, причастности к некой непостижимой Тайне, ключом к которой может стать ещё не разгаданный код столетий. Недаром в публикациях по трипольской проблематике упоминаются «тайные знаки, оставленные нашими древними предками», способные приблизить нас к пониманию собственного будущего. Характерны и эпитафии к подобным публикациям: соединение Ясперса («Лишь история человечества в целом может стать мерилom при осмыслении того, что происходит с нами сегодня») с Линой Костенко:

Нема нам щастя — мусить бути чудо.
Ми ще постанемо з руїн²¹.

Впрочем, из разнообразных трипольских сюжетов можно вынести и другие уроки. Утверждается, например, что «причиной краха цивилизации трипольцев стало увлечение магией»: за тысячи лет своего существования они «не изобрели новых систем земледелия, а сосредоточились на заклинаниях и ворожбе». Так не идём ли мы сейчас по их стопам — и не это ли имели в виду участники «мини-Давоса», посовествовавшие Ющенко не пытаться «изобретать колесо», не акцентировать отличность Украины от всех других государств и вместо поисков «специфического украинского решения» любых проблем воспользоваться накопленным на сегодня мировым опытом.

Трудно сказать, были ли эти слова услышаны на Украине. Кажется, прошлое продолжают считать пропуском в светлое будущее. Выступая в Лондоне в Королевском институте международных отношений президент даже процитировал слова Джона Кеннеди: «If we are faithful to our past, we cannot be fearful of our future» («Если мы верны своему прошлому, мы можем не опасаться за своё будущее»). Как знать. Может, и так. Одна беда: порой наше будущее более прогнозируемо, чем наше прошлое.

Со времени написания этой статьи минуло три года. На Украине трипольское прошлое по-прежнему исторически актуально и по-прежнему вдохновляет как дилетантов, так и специалистов «флюгерного» типа (упомяну здесь для примера названия работ профессора Ю. Мосенкиса: «Словарь языка трипольской культуры», «Трипольский генезис мелодичности украинского языка», «Слова из языка трипольской культуры в ранней поэзии Тараса Шевченко»). Президент Украины, верный своим историческим приоритетам, всё так же патронирует выставки краденых трипольских древностей за рубежом и, по-видимому, не боится ни критики (как, например, со стороны польских археологов в 2008 г.), ни традиционных насмешек (а от них нелегко удержаться, когда, скажем, СМИ сообщают, что глава государства в день своего рождения посетил ресторан «Триполье» и съел утку по-трипольски). Бюджетные миллионы по-прежнему исчезают в «чёрных дырах» «украинского Эрмитажа» и других амбициозных проектов. Президент стремится консолидировать страну идеей Голодомора-геноцида, сему на то, что его сограждане до сих пор «не научились быть украинцами». Он претендует на роль Отца нации, не понимая, что та нуждается в другом: в эффективном менеджере, способном ответить на вызовы современности. Его мысли заняты прошлым, и кто знает, что напомним о нём в недалёком будущем, кроме громадного валуна на киевской Софийской площади, у подножия памятника Богдану Хмельницкому: «На этом месте 22 января 2005 г. вольными голосами на Великой Раде Украинского казачества был избран, присягнул и посвящён в Гетманы Украины народный Президент Виктор Ющенко. Слава Украине!»

- * Работа над данным текстом была завершена в 2009 г. до избрания на пост президента Украины В.Ф. Януковича.
- ¹ Этот термин, по-видимому, заимствован у глашатая теории украинского «арийства» Юрия Каныгина. См., в частности, раздел «„Сердце Азии“ и „сердце Европы“: арийский фундамент цивилизаций Евразии» в книге: Каныгин Ю.М. Пояс мира (Украина – Казахстан: фундамент Евразийского единства). Киев: МАУП, 2001.
- ² Губко О. Психологія українського народу: Наукове дослідження в 4-х книгах. Кн. 1: Психологічний склад праукраїнської народності. Київ: Задруга, 2003. С. 280, 333–334.
- ³ Подробнее см.: Русина О. Мітична риторика переможців і переможених // Критика. 2005. № 3. С. 10–12.
- ⁴ На вершину этой горы президент совершает ежегодные восхождения, превратившиеся в последнее время в массовые патриотические акции, далеко не всегда безопасные для здоровья участников и состояния окружающей среды.
- ⁵ Кулиняк Д.І. «Од Калниша вісті...». Київ: Київська правда, 2004.
- ⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. Избранные сочинения. Самара: Дом печати, 1996. С. 587–589.
- ⁷ Пётр Порошенко — один из ближайших соратников Ющенко.
- ⁸ Царук В. Трипільська культура: на шляху до українського туристичного бренду // Дзеркало тижня. 2005. № 29; Малицька Н. „Інь” та „Янь” Трипілля // Без цензури (<http://sd.org.ua/news.php?id=6162>).
- ⁹ Восторженное описание этой «современной сестры трипольских прямоугольных жилищ» вместе с полным комплектом трипольских фантазий из уст Юрия Шилова и народного депутата Павла Мовчана недавно появилось на сайте журнала Верховной Рады «Віче» (www.viche.info) под заголовком «За кованими воротами — Триполье».
- ¹⁰ Заимствуем это выражение у Валентина Моисеенко, который использует его для описания трипольских антропоморфных статуэток (Моисеенко В. Незатребувана спадщина // Дзеркало тижня. 2005. № 32). В журнале «Віче» женщин трипольской эпохи называют «араттскими красавицами».
- ¹¹ Здесь и далее цитируем: Любар О.О., Стельмахович М.Г., Федоренко Д.Т. Історія української школи і педагогіки: Навчальний посібник. Київ: Знання, 2003 (Серія «Вища освіта XXI століття»). Из литературы, рассчитанной непосредственно на учащихся, назовём прежде всего «Малую энциклопедию Триполья», которую собирается издавать и распространять «Просвіта».
- ¹² Как выяснилось, это были документы, похищенные из фондов Центрального государственного исторического архива Украины во Львове.
- ¹³ Подробнее о проблемах «чёрной археологии» на Украине см.: Rusina O. Trypillian Threat // ARTnews. December 2007. P. 138–143.
- ¹⁴ Кокотюха А. Тайны и загадки Украины. Харьков: Фолио, 2005. С. 249–253.
- ¹⁵ Подробнее см.: Русина О. Києве ... мій? // Критика. 2007. № 1–2. С. 23–26.
- ¹⁶ Тест на наличие в крови антиалкогольного «арийского фермента», без которого

«человек практически не имел шансов попасть на Сечь» (Мандзяк О. Алкоголь в українських бойових мистецтвах // *Перехід-IV*. 2001. № 3). Подробнее см.: Русина О. Дикі танці // *Критика*. 2005. № 6. С. 19–22.

¹⁷ «Будем помнить прошлое — будущее будет за казачатами!»

¹⁸ Плачинда С. Козаки в Дюнкерку: Історичні фрески. Київ: Діокор, 2003.

¹⁹ При этом упоминается составленная А. Любаром хрестоматия «История украинской школы и педагогики» (Київ: Знання, 2003), где действительно воспроизведена газетная заметка С. Плачинды «Вот она, пуповина земной цивилизации» с критикой в адрес учебников по истории Древнего мира, которые начинаются с Египта, «а надо бы — с Аратты на Днепре. С той Аратты, где изобрели колесо и плуг, приручили коня и высекли в пещерах и гротах Каменной Могилы первые письмена», за расшифровку которых «украинские писатели выдвигают Кифишина на Нобелевскую премию» (хотя, добавим от себя, более перспективной представляется борьба за анти-Нобель — the Ig Nobel Prize).

²⁰ Куровський Г., Колінко В., Безверхий В. У подорож ... Ликом Кисва // *Дзеркало тижня*. 2005. № 33. Шитое белыми нитками «открытие Лика Киева» председателем общественной организации «Киевская ландшафтная инициатива» Георгием Куровским было прелюдией к презентации разработанной им концепции застройки Киева, ориентированной на превращение города в центр «историко-духовного туризма» («люди приедут пообщаться с Ликом, впитать его энергию» и т.д.).

²¹ «Нет нам счастья — должно быть чудо. Мы ещё восстанем из руин».

От «Влесовой книги» до «арийской идеи»: украинский дискурс

Популярность «Влесовой книги» (далее — ВК) не ограничивается русскими националистами. Не меньшую страсть к ней испытывают на Украине, где, как и в России, она обслуживает интересы как радикальных националистов, так и местных неоязычников. Однако в отличие от России там ещё в 1990-х гг. ВК вошла в учебные программы и начала изучаться как подлинный уникальный источник по древнейшей истории украинского народа. При этом, благодаря активной мифотворческой деятельности некоторых ультрапатриотов, о которых речь пойдёт ниже, возник странный сплав из ВК, фантастической интерпретации трипольской археологической культуры эпох неолита-энеолита, историософии украинского неоязычества и оккультных идей, одобренных изрядной долей «ведических знаний», заимствованных из неоиндуизма. И всё это легло в основу мифа о «древнейшей украинской цивилизации», который не только будоражит воображение некоторых журналистов, писателей и политиков, но и пытается внедриться в сферу образования. Уместно отметить, что нередко эта цивилизация представляется «арийской».

Как и почему это произошло? По сути, подобно России, распространению поддельных исторических документов на Украине способствовала среда, связанная со становлением и развитием местного национализма, который отчасти также выступал в форме неоязычества. Выше уже отмечалось, что фабрикация ВК была связана с деятельностью эмигрантов, выходцев с территории Украины. При этом украинские эмигранты с особым воодушевлением отдавались деятельности по созданию мифа о древних героических предках, так как ими двигали мечты о независимости Родины. Они полагали, что такие мифы, во-первых, смогут мобилизовать украинцев на национально-освободительную борьбу, а во-вторых, что было для них ещё важнее, укрепят самосознание украинской диаспоры и уберегут её от ассимиляции на чужбине. Эти мифы страдали явной мегаломанией: их создатели, во-первых, пытались доказать абсолютную автохтонность украинского народа (поэтому одни искали предков среди скифов, другие вспоминали о более ранней трипольской эпохе, а третьи обращали свои взоры к временам палеолита), а во-вторых, рисовали героическую историю экспансии древних «украинцев» по планете вплоть до того, что те оказывались если не «первонародом», то, во всяком случае, культуртрегерами и создателями важнейших мировых цивилизаций. Такая историософия легла в основу текстов, ставших символом веры ряда украинских неоязыческих общин, возникших в США, Канаде и Великобритании ещё в 1960–1970-х гг. Надо ли удивляться тому, что в этой среде ВК пользовалась необычайной популярностью? Однако в противовес русским националистам там её считали

«древнейшей украинской летописью»².

Параллельно миф о героических первобытных предках развивался и на Украине, где в 1960–1980-е гг. энтузиасты-дилетанты настойчиво искали следы «этрусков-славян» или «пеласгов-славян», изучали «трипольский алфавит», обнаруживали «истинную историю украинцев» в глубинах первобытной эпохи и включали в «генеалогию украинского народа» известные народы далёкой древности (шумеров, гиксосов, финикийцев, кельтов, этрусков и пр.). При этом к концу советской эпохи на Украину начали проникать тексты, созданные в зарубежье эмигрантами-неоязычниками³. В 1990-х гг. там стали массовыми тиражами распространяться апологетические произведения, посвящённые ВК, причём написанные как зарубежными авторами, так и местными любителями «украинской древности». Частично такие тексты, созданные русскими неоязычниками, поступали из России и успешно продавались в Киеве на майдане Незалежности. Тогда на Украине появились и свои переводчики ВК. Эта подделка приобрела популярность у творческой интеллигенции, включая писателей и поэтов.

В середине 1990-х гг. на Украине был опубликован ещё один сомнительный документ, так называемая «Рукопись Войнича» («Послание ориан хазарам»), будто бы являющаяся дошедшим до нас аутентичным текстом VII–VI вв. до н.э., освещающим спор о языческой вере между древними украинцами и хазарами⁴. Рукопись доказывала, что хазары якобы заселяли Украину более чем на 1000 лет ранее их реального появления. Речь идёт об очередной фабрикация, происхождение которой вызывает споры. Однако это не помешало жившему в США инженеру украинского происхождения Дж. Стойко «прочитать» и опубликовать её в Нью-Йорке⁵.

Мало того, начиная с конца 1990-х гг. изучение ВК наряду с «Посланием ориан хазарам» как якобы древнейших письменных памятников входит на Украине в курс украинской литературы. Такого рода учебники имели даже рекомендации от Министерства просвещения Украины и Киевского национального университета им. Шевченко. В этих учебниках поддельные летописи обсуждались в одном ряду с «Авестой», «Шахнаме» и «Словом о полку Игореве», и их преподавали студентам-филологам в качестве образцов «праукраинской литературы»⁶.

В советское время под украинской националистической версией ранней истории принято было понимать схему М.С. Грушевского, начинавшего историю украинцев с антов. Однако многие современные украинские националисты идут значительно дальше и возводят корни украинского народа напрямую к «трипольцам-ориям» V–III тыс. до н.э. С начала 1990-х гг. эта идея активно продвигалась, например, газетой западноукраинских националистов «За вільну Україну»⁷ и львовским националистическим журналом «Державність», который устами своего главного редактора обещал читателям знакомить их с «истинной историей украинцев», якобы берущей истоки в V тыс. до н.э.⁸ На тех же позициях стояли киевские неоязыческие журналы «Сварог»⁹ и «Инд-

Европа»¹⁰, а также газеты «Світло Оріяни» в Запорожье и «Світовид» в г. Тальне Черкасской области. Статьи на эту тему начиная с конца 1980-х гг. публиковались популярным журналом «Україна і світ» и газетой «Літературна Україна». Неоязыческая версия предыстории украинского народа была весьма щедро представлена в киевском иллюстрированном журнале «Український Світ», выходившем с 1992 г., причём в первой половине 1990-х гг. одним из любимых авторов этого журнала был археолог Ю.А. Шилов, о котором речь пойдёт ниже. Той же моде отдал дань и журнал «Основа», орган писательской организации Украины. Время от времени фантазии на тему «украинской предыстории» появлялись и в популярной газете «Вечірній Київ». Мало того, те же идеи находили отражение на страницах научно-популярного журнала «Наука і суспільство», пропагандировавшего идеи одного из главных эмигрантских создателей «украинской веры» Л. Силенко¹¹ и «арийские» фантазии Ю.М. Каныгина.

«Арийская идея» не оставляет равнодушными и украинских радикальных националистов. Чтобы как-то увязать её со столь же любезной их сердцу «трипольской идеей», они конструируют двухчленную модель возникновения украинского этноса из смешения местных «хлеборобов-трипольцев» и пришлых «степняков-арийцев»¹². Тем самым «древнеукраинский этнос» приобретает необычайную временную глубину протяжённостью не менее пяти тысячелетий и становится едва ли не древнейшим этносом современной Европы. Мало того, сторонники этого подхода относят «арийский язык» к славянским и напрямую отождествляют его с «древнеукраинским». В итоге степные культуры бронзового века, равно как и их наследники — скифы-пахари и скифы-земледельцы, оказываются славянскими, причём не только по языку, но и по расовым признакам. Одновременно древние «украинцы» отождествляются и с роксоланами. Подчёркивается, что степняки будто бы передали украинцам свой «чистый расовый тип». При этом об их смешении с местными трипольцами как-то забывается.

В любом случае Украина называется колыбелью славянской культуры и цивилизации, причём вся её территория к востоку от Карпат оказывается исконной территорией «украинских славян». Это позволяет, во-первых, легализовать права этнических украинцев на всю территорию нынешней Украины, а во-вторых, предоставить им привилегированный статус среди всех остальных славянских народов, так как «с Украины вышли все современные славянские народы». В частности, ранние славянские переселенцы в районы северных бореальных лесов России и Белоруссии называются «украинцами», а местные славянские народы объявляются продуктом смешения небольшого числа этих пришлых «чистых украинцев» с прежним местным населением. Такого взгляда на этногенез украинцев придерживается, например, праворадикальная Украинская национальная ассамблея (УНА)¹³.

Украинские профессиональные историки, археологи и лингвисты весьма скептически относятся ко всем этим построениям и по мере сил стремятся охладить пыл патриотически настроенных дилетантов¹⁴. Однако голоса про-

фессионалов звучат в этом хоре весьма слабо, и дело доходит до того, что фантазии о происхождении украинцев от трипольцев и скифов рекомендуются Министерством образования Украины как добротный материал для обучения старшеклассников¹⁵. В итоге версия о необычайной древности украинского народа была в 1990-е гг. весьма популярной на Украине как у школьников и студентов, так и среди музейных работников и даже профессиональных этнологов.

Впрочем, даже далеко не все украинские специалисты оказались стойкими к давлению со стороны националистической историософии. В этом отношении показателен пример бывшего археолога Ю.А. Шилова, получившего хорошее образование в МГУ и специализировавшегося в советские годы на изучении курганов эпохи бронзы. Однако, разойдясь с коллегами по вопросу об интерпретации этих курганов, он порвал с профессиональной археологией и с начала 1990-х гг. посвятил себя созданию «альтернативной науки». Похоже, он не жалеет о своём уходе из профессиональной науки и с гордостью называет себя академиком самопровозглашённых Украинской Международной академии оригинальных идей и Православной Русской академии.

С начала 1990-х гг. Шилов всеми силами доказывает, что цивилизация и государственность на Украине сложились ещё в VI–V тыс. до н.э., т.е. раньше, чем где бы то ни было в мире. Любопытно, что он, видимо, единственный в мире знает, что «сами трипольцы называли свою страну Араттой» и что именно оттуда «вели свой род шумерские цари»¹⁶. Правда, источник такой осведомлённости остаётся неясным. В его работе находит место и идея о зарождении шумерской письменности на Украине, откуда будто бы происходили и сами шумеры, и их жрецы, которые и перенесли письменную традицию через Кавказ в Месопотамию¹⁷. В этом Шилов опирается на фантазии маргинального российского ассириолога А.Г. Кифишина, который, не пользуясь признанием среди профессиональных шумерологов, ухитрился «дешифровать» якобы древнейшие «протошумерские» надписи, найденные под Мелитополем (гроты Каменной Могилы). Кифишин утверждает, что там было обнаружено до 160 каменных табличек с надписями и 130 наскальных надписей, относившихся якобы ещё к ледниковому периоду (sic!). По его мнению, уже в то время там правили «цари-боги», к которым восходили более поздние шумерские династии¹⁸. По мнению Шилова, возникшее в трипольское время на Украине «арийское государство» было бесклассовым и им руководили просвещённые жрецы-воины. Поэтому эту эпоху следует называть «эпохой священной демократии»¹⁹. Свои идеи Шилов широко публиковал в популярной прессе²⁰.

Книга Шилова об Украине как родине ариев и местоположении древнейшего государства Аратты²¹ удостоилась особой похвалы в новом респектабельном украинском журнале «Генеза». Этот журнал особенно подчёркивал ту мысль, что «Веды» сложились будто бы на берегах Днепра и что якобы благодаря труду Шилова стала очевидной прямая преемственность между «Нижнеднепровской Арианой, Киммерией, Таврией, Скифией, державой ан-

тов, Киевской Русью и Запорожьем». Иными словами, части украинской интеллигенции представляется соблазнительным искать корни современных украинцев среди ведических ариев²². Произведение Шилова не ускользнуло от внимания и русских националистов, не упустивших случая подчеркнуть, что их излюбленная идея «славянско-арийского единства» поддерживается по крайней мере некоторыми специалистами²³. Вместе с тем даже некоторые русские националисты вынуждены признать наличие в работах Шилова мистики и оккультизма²⁴, что вряд ли совместимо с его претензиями на научность.

Действительно, дискуссия, проведённая украинским журналом «Археологія», показала, что украинские специалисты-археологи весьма скептически воспринимают построения Шилова²⁵. При этом речь идёт даже не столько о его исторических реконструкциях, сколько о самой методике полевых исследований. Ведь методика фиксации изначальной формы кургана остаётся слабо разработанной. Поэтому в силу как объективных, так и субъективных причин археологам не удаётся добиться искомой точности, а без этого говорить о какой-либо фигурной (тем более «антропоморфной») форме кургана, на чём настаивает Шилов, не приходится. Специалисты демонстрировали особенности «интуитивного метода» исследований Шилова и показывали, каким образом он выдаёт свои фантазии за якобы достоверные факты. Столь же серьёзные нарекания у них вызвали его некритические сопоставления археологических данных с материалами такого сложного памятника, как «Ригведа». В итоге они сочли его реконструкции древних «мифологических систем» сомнительными, а сопоставления древних курганов с «обсерваториями» — безосновательными²⁶.

Неоднозначной была и рецензия на книгу Шилова известного российского лингвиста О.Н. Трубачёва. Тот, с одной стороны, отдавал должное Шиллову как, пожалуй, единственному верному последователю своих идей о пребывании индоариев в Северном Причерноморье и противопоставлял его более «консервативным» специалистам-скифологам, не спешившим эти идеи подхватывать. Но, с другой стороны, сам Трубачёв сомневался в справедливости именно тех идей, которыми более всего дорожил Шилов. Так, он предупреждал против излишне прямолинейного отождествления археологической культуры с этнической группой и считал гипотезу Шилова о некоем «арийско-хурритском союзе» в Приазовье неубедительной. Основываясь на лингвистических фактах, он отрицал наличие у индоиранцев пашенного земледелия и считал невозможной связь термина «арии» с праиндоевропейским глаголом «пахать», как на том настаивал Шилов. Он, разумеется, отвергал ряд произвольных этимологических построений Шилова и выражал изумление по поводу таких идей, как «трипольская письменность» или отождествление трипольской культуры с Араттой. Свою рецензию Трубачёв заканчивал положительной оценкой книги, но подчёркивал, что эта оценка касается вложенного в книгу огромного труда, но отнюдь не его результатов²⁷.

В 2002 г. книга Кифишина о «письменности» из Каменной Могилы²⁸ полу-

чила одобрение у Верховной рады Украины и удостоилась «Знака Почёта» от главы киевской администрации А. Омельченко. В связи с этим корреспонденты московской газеты «Труд» подчёркивали, что не нашедшие поддержки у специалистов идеи Шилова и Кифишина были восторженно встречены националистами и прочими любителями «арийской идеи». Фактически журналисты с тревогой писали об экспансии паранаучных концепций, получающих всё большую популярность в обществе²⁹. Эта небольшая заметка тут же получила отповедь Шилова, размещённую на одном из неоязыческих (!) сайтов. Любопытно, что в своём ответе основательность своих построений Шилов аргументировал не достоверностью реконструкций, а пространством списка приложенной к книге справочной литературы, что и предлагал считать «фактами». А научным признанием своей работы он счёл тот факт, что рецензенты назвали его труд «монографией». Он упрекал украинских археологов в замалчивании публикаций, включая его собственные, которые по сути, как отмечено выше, не имели прямого отношения к науке. Демонстрируя свою установку на популизм, он подчёркивал, что для него «народное доверие» много важнее квалифицированного мнения коллег-учёных. Этим он сам выводил себя за рамки научного сообщества, о чём и писали журналисты. Шилова возмущало, что кто-то может сомневаться в способности археологов «оценивать неведомые тонкости языкознания и шумерологии». Но ведь эти сомнения высказал не кто иной, как уважаемый им его именитый рецензент Трубочёв! Нет нужды пересказывать все эмоциональные высказывания Шилова в адрес журналистов, ибо его ответ, оперирующий вненаучными аргументами и нарушающий научную этику, лишь подтверждает их мнение о его научной маргинальности. Любопытно, что его последним «убойным» аргументом служило то, что журналисты «мазнули грязью Народных депутатов Украины», включая «офицера службы безопасности» (!), как будто научные проблемы решаются не специалистами, а действующими политиками и работниками спецслужб³⁰.

Шилов вместе с работающим ныне в Запорожье Б.Д. Михайловым (директором Музея-заповедника «Каменная Могила») были учениками известного украинского археолога В.Н. Даниленко (1913–1982). Сам Даниленко весьма критически относился к идее появления письменности, а тем более государственности, в глубокой первобытности, будь то трипольская или какая-либо иная культура эпох неолита-энеолита. Между тем для него были характерны неоправданно широкие построения и умозаключения, создавшие стартовую площадку для его учеников. Переехавший в 1994 г. в Москву и сблизившийся с русскими радикальными националистами, Ю.А. Шилов стремился всеми силами сделать из своего учителя культовую фигуру, якобы предвосхитившую появление и расцвет современного «арийского мифа». Впрочем, имя Даниленко нужно Шилову главным образом для рекламы своих собственных фантазий, находящихся за гранью современной науки. Шилов опубликовал рукопись Даниленко за счёт Российского общенародного движения (РОД), в котором сам он несколько лет руководил «научно-культурологическим центром», прежде

чем вернуться назад в Киев. Как заявлено во введении, написанном самим Шиловым, целью этой публикации являлось «укрепление престижа славянских и других индоевропейских народов»³¹.

В чём же Шилову виделся этот престиж? В том, что трипольцы самым непостижимым образом оказываются индоевропейцами (большинство современных специалистов это отрицают. — *В.Ш.*), что в VI–III тыс. до н.э. на Украине существовало «древнейшее в мире первобытно-коммунистическое индоевропейское государство Аратта» (вот уж поистине Тысячелетний Рейх, о котором не могли и мечтать германские нацистские учёные! — *В.Ш.*)³², что всеми своими достижениями эта цивилизация была обязана странствующим «жрецам-гиперборейам» (вспомним сходную идею В.И. Скурлатова о жрецах-воинах³³. — *В.Ш.*), что именно «трипольцы-арийцы» сделали неоценимый вклад в развитие шумерской цивилизации (здесь профессиональный археолог повторяет зады дилетантских построений ряда украинских эмигрантов типа Л. Силенко. — *В.Ш.*). Любопытным представляется и тот ореол таинственности, который усилиями Шилова окружал наследие Даниленко. Шилов всячески давал понять, что всё самое ценное из коллекции и рукописей его учителя было похищено. Это типичная аргументация, связанная с любыми фальшивками типа ВК. Кстати, не случайно Шилов занимался её всяческой пропагандой³⁴.

В середине 1990-х гг. идея «арийской» Украины нашла своё воплощение в романе Ю.М. Каныгина, популяризовавшего взгляды Силенко и концепцию Шилова об Украине как «Великой Оратании», или Аратте, в которой автор романа хотел видеть «духовный центр всего славянского мира». Специалист по политэкономии, Каныгин не скрывал, что был в своё время членом бюро райкома КПСС в Академгородке в Новосибирске, а затем — учёным секретарём Президиума Сибирского отделения АН СССР по гуманитарным наукам. Не скрывал он и своей былой «приверженности» марксизму и материализму, которую он без сожалений отбросил в ходе тектонических изменений рубежа 1980–1990-х гг. Иными словами, своим примером он демонстрировал распад советского официозного марксизма-ленинизма, приверженцы которого стройными рядами двинулись к иррационализму, сменив свои поверхностные «знания» на казавшуюся им спасительной веру. И не случайно в своей книге автор противопоставлял якобы неподвижный «интеллект» динамической «высокой духовности»³⁵.

Каныгин представлял себя носителем неких сокровенных знаний, полученных им «тибетским мудрецом», оказавшимся в 1945 г. пленником советских войск, а заодно и «крупнейшим славяноведом», а также специалистом по «библейской этнологии» и объяснившим ему «поразительные сходства» между украинским языком и санскритом. Каныгин доказывал, что узнал об Аратте и «арийском» прошлом Украины не от Шилова, а от гуру. Любопытно, что, по его словам, «тибетский лама» апеллировал вовсе не к ламаистским текстам, а к Библии, успешно находя в ней «основы духовной истории славянства». Самое пикантное то, что, по признанию самого Каныгина, свои «открытия» он сперва

собирался опубликовать через КГБ, где, как он намекал, «арийская идея» могла быть принята с пониманием. Посылая проклятия в адрес гитлеровцев, якобы испоганивших «солнечную идею», он доказывал, что в «арийстве» нет ничего «расистского» и что, напротив, оно несёт лишь «добро, любовь и свет»³⁶. Каныгин делился с читателем сенсационной новостью о том, что якобы в горах Тибета существовал «арийский центр славяноведения», где именно славяне считали «ариями сегодня», а в украинской нации видели «форпост славянского мира». При этом дело, разумеется, не обходилось без экстрасенсов и паранормальных методов работы. И, что самое удивительное, эти «тибетские арии» оказывались приверженцами православия и поклонниками русских чудотворцев³⁷.

Далее из книги Каныгина следовало, что «тибетский лама» знал Библию, учение Елены Блаватской и псевдонаучные фантазии нацистского учёного Горбигера много лучше, чем какие-либо ламаистские тексты. Следуя Блаватской, он говорил о смене рас и доказывал, что в нашу эпоху господствующей должна быть белая раса «творчески одарённых» людей. Остальные расы оказывались «рудиментами» прошлых эпох. Например, бушмены (их автор помещал в Австралии!) и чёрное население Африки представлялись «остатками лемуров», т.е. представителями «второй цивилизации», а китайцы и монголы — «третьей»³⁸. В его повествовании находит место и нацистская идея о продвижении ариев («светловолосых, голубоглазых, рослых, длинноногих людей») с севера Европы на юго-восток, а «год сотворения мира» удивительным образом совпадает с датой возникновения трипольской культуры («триполизм» объявляется «украинским архетипом»³⁹). При этом предводитель ариев Рама открывает свою «божью сущность» на берегах Днепра, причём, разумеется, в самом центре будущего Киева⁴⁰. Там якобы и возникла «цивилизация Аратты», огромная держава, давшая миру алфавитное письмо, подарившая грекам и римлянам их языки, наладившая железоделательное производство (причём ещё в бронзовом веке!), а также наградившая человечество вишней, петухами и «арийскими коровами»⁴¹. В книге Каныгина находится место и для «рун-веры», но та оказывается не изобретением Силенко, а «древнейшей арийской религией»⁴². Соответственно и Иисуса Христа Каныгин объявляет арийцем⁴³. Мало того, в его версии тот оказывается «галилеянином-тиверцем» и едва ли не прародителем украинцев, тогда как русские («москвиты») получают иную генеалогию, не имеющую отношения к Аратте⁴⁴. Генеалогию украинцев Каныгин ведёт от ариев через кимров, скифов и славян («народ рош») ⁴⁵. Он настаивает на том, что их исконным названием было «русичи» и что они являются носителями «арийской идеи», выполняя тем самым всемирно-историческую миссию⁴⁶.

Любопытно, что в полном соответствии с «арийским мифом» автор рисует иудеев (отождествляя их с евреями, т.е. не различая религию и этничность) полной противоположностью ариям. В его понимании евреи являются едва ли не вечными бунтарями против власти, причём свою борьбу они начинают в Египте при фараоне Эхнатоне (который оказывается Моисеем!), а заканчивают

в России в 1917 г. Мало того, автор доказывает, что «иудейская революция» в Египте направлялась «агентами из арийской Аратты», которые якобы хотели ввести там «митраистскую религию»⁴⁷. Однако при этом Каныгин противопоставляет свастику как символ «левых (коричневых)» не Звезде Давида (как это делали нацисты), а кресту и трезубцу как символам правых. А масонов, сатанистов и оккультистов он оптом записывает в «левые». Тем самым вечная борьба идёт между «арийцами света» и «арийцами тьмы», и её познание якобы требует обращения к эзотерике⁴⁸. Правда, позднее Каныгин противопоставляет Звезду Давида кресту как якобы мужской и женский символы. Но при этом генеральный путь истории ведёт якобы к слиянию ариев с семитами в единую «высокодуховную, интеллектуальную цивилизацию». В христианском учении автор видит «сложный конгломерат иудаизма и арийских „дополнений“»⁴⁹. Однако всё это не мешает ему писать о «жидомасонах», якобы мечтающих о мировом господстве, и искать в иудейской Торе (Второзаконии) программу будущих большевизма и гитлеризма⁵⁰. Таким образом, его отношение к евреям было двойственным. С одной стороны, он старался избегать антисемитизма и доказывал, что христианская Европа многим обязана учению Моисея. Следовательно, «борясь против евреев, человечество борется против себя». Но с другой — он, во-первых, возрождает кровавый навет, доказывая, что у евреев было принято ритуальное убийство детей, а во-вторых, навязывал евреям идею мирового господства⁵¹.

Мало того, на религиозное учение Силенко опиралась одна из возникших в 1990 г. политических партий — Украинская крестьянско-демократическая партия⁵², одним из лидеров которой был писатель С.П. Плачинда. Плачинда начал увлекаться дохристианской историей «славяно-русов» ещё в советское время на волне национального подъёма, связанного с празднованием 1500-летия Киева⁵³. К началу 1990-х гг. он уже был знаком с учением Силенко и стал его ярким поклонником. Одновременно он проявлял большую политическую активность и со временем был избран почётным председателем Украинской крестьянско-демократической партии, возглавив одновременно киевскую организацию Конгресса украинских националистов.

В арсенале его политических аргументов находили место все те псевдо-исторические доводы, которые любят приводить украинские неоязычники: о корнях украинцев в V тыс. до н.э., об их расселении от Центральной Европы и Швеции до Палестины и Индии, о тождестве мифических амазонок с «древними украинками» и о происхождении от них казаков, об этрусках, венедах (включая «Великое украинское государство Венедию»), пеласгах и гиксосах как якобы древних украинских племенах, о всечеловеческой ценности «украинского матриархата» и «украинской мифологии», от которой якобы берет начало мифология индоевропейцев, об украинском происхождении Заратуштры и Будды, о великой дохристианской культуре и духовности, в том числе о докириллической «трипольской» письменности, о злодейской политике князя Владимира, погубившего древнюю культуру и письменность во имя чуждой

украинцам веры. Среди наиболее почитаемых им старых авторов Плачинда числит А.Д. Черткова (1789–1858) и Е.И. Классена (1795–1862), которых он называет «интернационалистами» за то, что они, несмотря на свою русскую национальность, якобы признали необычную древность украинского народа и его государства «Великой Венедии»⁵⁴. Впрочем, в целом в своих построениях Плачинда полностью следует за Силенко⁵⁵.

В то же время Плачинда избегает прямых нападок на христианство, наивно полагая, что до правления Владимира оно могло у «украинцев» гармонично ужиться с язычеством⁵⁶. Вместе с тем он не может пройти мимо событий 988 г. и именно с ними связывает начало упадка «украинского государства»⁵⁷. На сходных позициях, начиная с конца 1980-х гг., стоял и ряд других украинских литераторов⁵⁸.

Цель всех такого рода построений заключается вовсе не в том, чтобы искать научную истину. У них иная миссия, связанная с поисками и утверждением новой идентичности: они призваны наделить Украину и украинцев особыми качествами и найти им особое место в мире. Ещё в начале 1970-х гг. писатель И. Белик утверждал, что «русины первых столетий нашей эры были великим и высококультурным народом, и преуменьшение этого — издержки ещё не вымершей теории норманнизма»⁵⁹. По словам филолога-националиста В. Довгича, призвание Украины — быть связующим звеном между Востоком и Западом, православием и католицизмом, христианством и восточными религиями, между разными расами, цивилизациями⁶⁰, т.е., по сути, быть центром мира. Поэтому вхождение Украины в состав Российской империи однозначно трактуется украинскими авторами как национальное унижение. Ведь именно «великий державный народ» Украины «основал современную Россию, дал ей свой генофонд, название, культуру, просвещение, религию, язык»⁶¹. В этом отношении примечательно, что орган западноукраинских националистов УНА-УНСО журнал «Националист» в первом же номере попытался выхватить из рук русских националистов идею евразийства, «украинизировать» её и связать с неоязычеством. Украина XXI в. была провозглашена «великой культурой и цивилизацией», основанной на неоязыческих «арийских» идеях, органично сплавленных с христианством. Был выдвинут лозунг создания людей нового типа, исповедующих «героический стиль жизни» в традициях УНА-УНСО⁶².

Другая идея рассматриваемых мифологических схем заключается в борьбе за территорию. В этом отношении то или иное решение проблем этногенеза является весьма актуальным с точки зрения территориальных претензий возникших на территории бывшего СССР новых государств⁶³. В частности, происходившая в начале 1990-х гг. между Украиной и Россией борьба за Крым выражалась и в попытках заново переосмыслить данные древней истории. В этом контексте идеи о пеласагах, якобы выходцах с Украины, приобретали особый смысл. Ведь по неоязыческой мифологической версии, «пеласги-славяне» широко расселились по Восточному Средиземноморью, включая и Эгеиду, и вместе со своими ближайшими родичами — ахейцами стали подосновой насе-

ления древней Греции. А раз так, то и греческие колонии в Северном Причерноморье, включая Крым, были основаны их непосредственными потомками. В то же время в Крыму якобы испокон веков обитали «праукраинские племена скотов», которые отождествляются авторами этой версии со скифами⁶⁴. Отстаивая исконные права украинцев на свою территорию, журнал «Державність» отвергал давно и надёжно установленное положение о германской принадлежности готов и настаивал на том, что готы изначально были всё теми же скифами-скотами⁶⁵. На ту же идею территориальной целостности Украины работает и концепция, по которой в предки украинцев зачисляются все разнородные и разноразличные народы, которые когда-либо там обитали⁶⁶.

Эпоха борьбы требует выработки особых бойцовских качеств, которые способствовали бы концентрации воли и развитию боевого духа, а также боевых навыков. Поэтому националисты-неоязычники, озабоченные необходимостью выработки этих качеств, посвящают несколько статей в журнале «Український світ» боевым традициям украинцев, идущим не только от запорожских казаков, но, оказывается, и из государства Аратта!⁶⁷

Наконец, многие из упомянутых украинских авторов уделяют большое внимание языческому наследию Украины, в частности языческим верованиям. Так, главный редактор журнала «Український світ» О. Шокало посвящал свои статьи как прославлению великого прошлого первобытной Украины, называя её «землёй ориев», «землёй Солнечной благодати» и ведущим центром этнокультурного развития в Евразии⁶⁸, так и изложению своих представлений о дохристианских верованиях украинцев⁶⁹. Озабоченный национальной идеей, археолог М. Чмыхов вещал: «Язычество — это не только далёкое прошлое. Оно было системой, учитывающей глобальные закономерности развития природы и общества, и в силу этого многие его принципиальные положения заслуживают переосмысления и использования не только сегодня, но даже и завтра». Он, подобно русским язычникам, достигал пафоса прорицателя и предсказывал скорую мировую катастрофу, которая будто бы откроет новую эпоху, когда и понадобятся «языческие знания»⁷⁰. Здесь-то и открывается смысл всей рассмотренной околонушной деятельности и такого жгучего интереса к отдалённому прошлому Украины. Не успела Украина стать независимой, как там было напечатано воззвание основанной Силенко в Канаде нативистской украинской церкви. В нём заявлялось, что христианская религия является чуждой украинцам и ничего, кроме несчастья, им принести не может. Путь же украинцев к возрождению лежал якобы только через украинскую национальную, т.е. языческую веру. Поэтому, настаивал текст воззвания, украинцам следует вернуться к вере своих предков⁷¹.

Таким образом, круг замкнулся: поиски этнических корней, основанные на поддельной ВК, к которой любят апеллировать многие из упомянутых авторов, приводят к антихристианству⁷². Антихристианство является принципиальной позицией неоязыческого движения, возникшего на Украине в начале 1990-х гг.

Правда, некоторые украинские приверженцы «арийской идеи» придержи-

ваются иной точки зрения и отдают должное христианству. Но при этом они всеми силами доказывают арийскую принадлежность Христа, возрождая миф, возникший в среде антисемитов и расистов во второй половине XIX в. Так, для Плачинды Христос представляется украинцем из этрусского племени, осевшего в Палестине⁷³, а Каныгин вообще объявляет родиной христианства Украину⁷⁴. Но, похоже, большую популярность имеет идея о том, что Иисус Христос был арийцем и, возможно, происходил из уроженцев Галиции, когда-то переселившихся в Галилею⁷⁵.

В то же время логика, основанная на отвержении христианства как «еврейского заговора», неизбежно ведёт к поискам «чистой духовности» в глубинах первобытности и возрождению арийского дискурса второй половины XIX — начала XX в., рисовавшего «арийцев» и «семитов» прямо противоположными по духу общностями, неизбежно находящимися в конфронтации друг с другом. Содержавшиеся в этом дискурсе очевидные нотки антимодернизма и ностальгия по патриархальности сегодня становятся вновь востребованными теми, кто стоит на позициях антиглобализма, ибо глобализация также нередко воспринимается ими как «еврейский заговор»⁷⁶. Кроме того, образ «благородных арийцев» привлекает тем, что им приписываются высокие моральные и боевые качества, далёкие от христианского смирения. Предполагается, что всё это придаст современным «арийцам» необходимые стойкость и энергию, позволяющие преодолеть трудности переходного периода и избавиться от недругов, стоящих на их пути к полному суверенитету. Между тем аналогичные идеи обуревают и русских радикальных националистов⁷⁷, а потому в рассматриваемом контексте стремление к арийской идентичности ведёт к новому витку конфронтации, однако не между «арийцами» и «семитами», а между русскими и украинскими национал-радикалами.

Уместно отметить, что арийская идентичность чужда подавляющему большинству украинцев, и она ими даже не обсуждается⁷⁸. Однако упоминавшиеся выше фальшивки не только имеют хождение в медийном и образовательном пространстве Украины, но и поддерживаются рядом расистских организаций. Сегодня уже очевидно, что увлечение ВК рождает симпатии к «арийскому мифу», а тот, в свою очередь, открывает дорогу расизму и ксенофобии. Например, в начале 2000-х гг. Каныгин опубликовал несколько своих «арийских книг» в издательстве Межрегиональной академии управления персоналом (МАУП)⁷⁹, скандально известной антисемитскими и расистскими выступлениями своего ректора Г. Щекина. Мало того, в 2004 г. МАУП приютила в своих стенах американского расиста и неонациста Дэвида Дюка, получившего там место профессора и занявшегося чтением лекций её студентам. При этом созданная на коммерческой основе МАУП пользовалась поддержкой властей Украины как до «оранжевой революции», так и после неё, и одно время с ней был тесно связан целый ряд известных украинских политиков. А попытка Министерства и науки Украины закрыть МАУП была пресечена в начале 2007 г. киевским судом⁸⁰. Тем временем украинские скинхеды называют себя «арийской элитой»

и призывают бороться за «сохранение белой (арийской) расы», против «неполноценных народов». Немало таких борцов числятся и в составе «Языческого фронта», действующего в Киеве и Харькове. Иными словами, большой нарратив, выстроенный на основе ВК и подобных ей произведений, оказывается далеко не безобидным⁸¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Стаття подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта 09-01-00078а «Арийская идея в современном мире».
- ² Шнирельман В.А. «Внуки Дажьбога»: идейные и историографические основы украинского неоязычества // Флоря Б.Н. (ред.) Украина и Белоруссия: история и культура. Ежегодник 2005/2006. М.: Индрик, 2008. С. 211–221.
- ³ Там же. С. 222–228. Довгич В. (ред.) Послання оріян хозарам. Пам'ятка древньої української мови і публіцистики «Рукопис Войнич». Київ: Індо-Європа, 1995.
- ⁵ Грабович Г. Слідами національних містифікацій // Критика. 2001. Рік 5. Число 6. С. 19–21; Шнирельман В.А. «Внуки Дажьбога». С. 235.
- ⁶ Грабович Г. Слідами національних містифікацій. С. 21–23.
- ⁷ Березинська З. Кутя — обрядова спадщина від давніх трипільців // За вільну Україну. 4 січня 1997. С. 2; Заплатинська Г., Здоровега-Грицак М. Березині // За вільну Україну. 9 травня 1997. С. 1–2; Мороз О. Держави давня назва — Україна // За вільну Україну. 15 липня 1997. С. 2.
- ⁸ Стасюк М. Слово до читачів // Державність. 1991. № 1. С. 3–5.
- ⁹ Богород А. Календар в історії народу // Сварог. 1997. № 5. С. 34–39.
- ¹⁰ Данилов С. Про що журнал? // Довгич В. (ред.) Онуки Дажбожі. Походження українського народу. Київ: Індо-Європа, Такі справи, 1996–1997. Кн. 1–2. С. 94.
- ¹¹ О нём см.: Шнирельман В.А. «Внуки Дажьбога». С. 214–219.
- ¹² В этом они идут по следам ряда украинских учёных-эмигрантов, начиная с В. Щербак-овского. См.: Щербаківський В. Формування української нації. Прага: Видавництво Ю. Тищенко, 1941.
- ¹³ Осипенко А. Формування давньоукраїнського етносу // Українські обрії. 1992. № 8–9; он же. Корінна територія формування слов'янської раси // Замкова гора. 1992. № 13 (20). С. 6; он же. Витоки української колонізації // Замкова гора. 1992. № 18 (25). С. 6; Бабий О. Чому зникла трипільська цивілізація? // Голос Нації. 1993. № 17 (31). С. 4.
- ¹⁴ Пономарів О. Українська мова й санскрит // Наука і суспільство. 1992. № 10–12. С. 30–31; Відейко М. Країна Аратта в шумерському епосі й трипільська культура // Український Світ. 1994. № 3–4. С. 31–32; Головка С.В. (ред.) Давня історія України. Київ: Либідь, 1994. Кн. 1; Смолій В.А. Історія України. Нове бачення. Київ: Україна, 1995. Т. 1; Телегін Д. Чи були трипільці предками українців? // Вечірній Київ. 18 січня 1995; он же. Хто ж наші прапредки? // Довгич В. (ред.) Онуки Дажбожі. Походження українського народу. Київ: Індо-Європа, Такі справи, 1996–1997. Кн. 1–2. С. 54–58; Дашкевич Я. Східна Галичина: етнічні відносини, національні міфи та менталітети // Дашкевич Я. и др. (ред.) Україна в минулому. Київ — Львів: НАН України, 1994. Вип. 6. С. 83; он же. Дорогами української Кліо (про становище історичної науки в Україні) // Дашкевич Я. и др. (ред.) Україна в минулому. Київ — Львів: НАН України, 1996. Вип. 8. С. 58; Ткаченко В. Коментарии к брошюре М. Красуського // Наука і суспільство. 1997. № 1–2. С. 13–14.
- ¹⁵ Іванченко Р.П. Історія без міфів. Бесіди з історії української державності. Київ:

- Український письменник, 1996. Впрочем, некоторые украинские интеллектуалы с неодобрением относились к проникновению в школу новых националистических мифов. См., например: Пироженко В. Легенди та міфи української історії // Історія в школі. 1997. № 10–11.
- ¹⁶ Шилов Ю.А. Доскитські цивілізації Подніпров'я // Довгич В. (ред.) Космос древньої України. Київ: Індо-Європа, 1992. С. 110; он же. Схід і Захід України й Індо-Європи // Український світ. 1996. № 4–6. С. 8–9.
- ¹⁷ Шилов Ю.А. Доскитські цивілізації Подніпров'я. С. 112–113; он же. Схід і Захід України й Індо-Європи. С. 8–10.
- ¹⁸ Кишишин А.Г. Жреці з Чатал-Гуяка на Кам'яній Могилі 6200 р. до н.е. // Український світ. 1996. № 4–6. С. 6–7; он же. Древнее святилище Каменная Могила. Киев: Аратта, 2001. В этой связи имеет смысл напомнить, что ещё в конце 1970-х гг., выступая на страницах научно-фантастического альманаха, Кишишин детально расписывал едва ли не космических масштабов борьбу между праиндоевропейцами («праславянами») и прасемитами на широких пространствах Подунавья и Малой Азии. См.: Кишишин А.Г. Ветви одного дерева // Суханов В. (ред.) Тайны веков. М.: Молодая гвардия, 1977. Кн. 1. С. 181–182.
- ¹⁹ Шилов Ю.А. Орійська військова доктрина // Український світ. 1996. № 1–3. С. 8–14.
- ²⁰ Шилов Ю.А. Шляхами Дива, Аполлона, Одина... // Український світ. 1993. № 1–2. С. 30–35; он же. Аратта — держава трипільців // Русь Київська. 1994. № 1 (1). С. 13; он же. Індоевропейсько-семітсько-картвельські зв'язки Наддніпрянщини // Український світ. 1994. № 3–4. С. 14–17.
- ²¹ Шилов Ю.А. Прародина ариєв. Київ: СИНТО, 1995.
- ²² Пономарьов В. Славлення Агні // Генеза. Київ, 1995. № 1 (3). С. 182.
- ²³ Прародина и мифы древних ариєв. Интервью П.В. Тулаєва с Ю.А. Шиловым по случаю презентации его книги «Прародина ариєв» // Наследие предков. 1995. № 1. С. 11–15.
- ²⁴ Антоненко С.Г. Нежить. Размышления о современном язычестве // Москва. 1996. № 9. С. 160.
- ²⁵ Шилов Ю.А. Новий етап археологічного освоєння курганів енеоліту-бронзи Південно-Східної Європи // Археологія. Київ, 1992. № 4. С. 111–121.
- ²⁶ Рассмакін Ю.Я. До проблеми вивчення курганних споруд // Археологія. Київ, 1992. № 4. С. 121–137; Ричков М.О. Антропоморфні насипи. Міф чи дійсність? // Археологія. Київ, 1992. № 4. С. 138–147.
- ²⁷ Трубачёв О.Н. К прародине ариєв // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 3–12.
- ²⁸ Кишишин А.Г. Древнее святилище Каменная Могила. Киев: Аратта, 2001.
- ²⁹ Колинько В., Корець М. Ищут «луп земли» // Труд. 1 марта 2002. С. 6.
- ³⁰ Шилов Ю.А. Ответ Колинько. <http://old-church.ru/vspo/posting.php?mode=quote&p=46>
- ³¹ Даниленко В.Н. Космогония первобытного общества. М.: РОД, 1997. С. 4.
- ³² На самом деле фигурирующая в шумерском эпосе страна Аратта располагалась либо на Иранском плато, либо даже в какой-то части долины Инда. Некоторые специалисты приводят серьёзные доводы в пользу того, что её обитателями были дравиды. Об этом см.: Васильев Я.В., Гуров Н.В. Страна Аратта по древним письменным источникам // Вестник Восточного института. СПб., 1995. Т. 1. № 1. С. 12–66.
- ³³ Об этом см. статью В.А. Шнирельмана «Жизнь и судьба фальшивки: «Влесова книга» в социальном интерьере» в данном сборнике.
- ³⁴ Шилов Ю.А. Победа. Киев: Б. и., 2000; он же. Істина Влесової книги. Київ: Трійця, 2000; он же. «Велесова книга» та актуальність прадавніх учень. Київ: Книжкова палата України, 2001.

- ³⁵ Каныгин Ю.М. Путь ариев. Украина в духовной истории человечества. Київ: Україна, 1996. С. 71, 82.
- ³⁶ Там же. С. 6.
- ³⁷ Там же. С. 20–21.
- ³⁸ Там же. С. 26–27, 40. Напомню, что, по Блаватской, арийцы представляли «пятую расу».
- ³⁹ Там же. С. 200–201.
- ⁴⁰ Там же. С. 29–34, 44. Надо ли говорить, что описания культуры этих «ариев» полностью противоречат данным современной археологии и филологии? Например, ариям приписывается древнейшая «агротехнология», которую они якобы принесли с севера, что полностью расходится с современным научным знанием.
- ⁴¹ Там же. С. 75–78.
- ⁴² Там же. С. 85–88.
- ⁴³ Там же. С. 189–193.
- ⁴⁴ Там же. С. 89–91, 187, 197–198.
- ⁴⁵ Там же. С. 163–164.
- ⁴⁶ Там же. С. 186–187.
- ⁴⁷ Там же. С. 42–43, 94–97. Автор, похоже, не знает, что культ Митры возник много позднее.
- ⁴⁸ Там же. С. 67–70, 104, 111–112.
- ⁴⁹ Там же. С. 101, 109.
- ⁵⁰ Там же. С. 114, 136–137.
- ⁵¹ Там же. С. 170–176, 196.
- ⁵² Декларация основних принципів Української селянсько-демократичної партії // Літературна Україна. 5 липня 1990.
- ⁵³ Плчинда С.П. Київські фрески. Київ: Молодь, 1982; он же. Да будет Русь // Радуга. 1982. № 5. С. 62–96.
- ⁵⁴ На самом деле оба эти автора реконструировали великую «русскую предысторию» и в своих фантазиях имели в виду прежде всего восточных славян.
- ⁵⁵ Плчинда С.П. Звідки ж взялися голландські козаки // Літературна Україна. 25 жовтня 1990; он же. Україна в небезпеці // Літературна Україна. 14 и 21 березня 1991; он же. Що буде? // Літературна Україна. 31 жовтня 1991; он же. Уроки прадавньої Української державності // Державність. Київ, 1991. № 1. С. 12–13; он же. Сучасний Український націоналізм як ідеологія // Літературна Україна. 23 липня 1992; он же. Словник давньоукраїнської міфології. Київ: Український письменник, 1993.
- ⁵⁶ Плчинда С.П. Словник... С. 3.
- ⁵⁷ Плчинда С.П. Уроки прадавньої Української державності.
- ⁵⁸ Білик І. Меч арея. Київ: Дніпро, 1990; Білокінь С. Чи маємо історичну науку? // Літературна Україна. 10 січня 1991.
- ⁵⁹ Білик І. Меч арея. С. 442.
- ⁶⁰ Довгич В. Передне слово до громади // Індоевропа. 1991. №1. С. 5; он же. Передне слово до громади // Русь Київська. 1994. № 1 (1). С. 5. Ср.: Боргард А. Тонкий и толстый // Вечерний Киев. 23 сентября 1992.
- ⁶¹ Яценко Б. Україна і Русь у ретроспективі // Індоевропа. 1991. № 1. С. 62; Автохтони Криму // Державність. 1992. № 2. С. 3. См. также: Довгич В. Передне слово до громади // Русь Київська. 1994. № 1 (1). С. 5; он же. Чи впадає Волга в Каспійське море? // Русь Київська. 1994. № 3 (3). С. 1, 3–5.

- ⁶² Халецький О. Евразійство як здійснення української ідеї // Націоналіст. Львів, 1994. № 1. С. 19–20.
- ⁶³ Довгич В. Вперед, до Європи 1913-го? чи 913? // Русь Київська. 1994. № 1 (1). С. 2.
- ⁶⁴ Автохтони Криму // Державність. 1992. № 2. С. 3; Киричук В. Історичні корені українського народу: до питання етногенезу українців // Генеза. Київ, 1994. № 1. С. 145.
- ⁶⁵ Автохтони Криму. С. 3.
- ⁶⁶ Боргард А. Тонкий и толстый; Солдатенко В.Ф., Сиволоб Ю.В. Витоки і передвісники української ідеї // Українська ідея. Перші речники / Под ред. І.Ф. Курас. Київ: Т-во «Знання» України, 1994. С. 8–9.
- ⁶⁷ Шилов Ю.А. Орієнська військова доктрина // Український світ. 1996. № 1–3. С. 8–14; Бадьо О. Традиція українського бойового мистецтва // Український світ. 1996. № 1–3. С. 18; Шокало О. Козак-Мамай: образ українського лицаря // Український світ. 1996. № 1–3. С. 26.
- ⁶⁸ Шокало О. Орієнська доба України // Український світ. 1994. № 3–4. С. 4–5.
- ⁶⁹ Шокало О. Традиційні обряди українців // Український світ. 1993. № 1–2. С. 36–37; он же. Життя українського духу // Український світ. 1994. № 1–2. С. 4–5.
- ⁷⁰ Чмыхов М. Истоки язычества Руси. Киев: Лыбидь, 1990. С. 334, 361. Надо отметить, что в начале 1990-х гг. апокалипсические настроения были на Украине весьма распространены.
- ⁷¹ Довгич В. (ред.) Космос древньої України. Київ: Індо-Європа, 1992. С. 263–265.
- ⁷² См., например: Білик І. Меч арєя. С. 442.
- ⁷³ Плачинда С. Лебедія. Київ: Бібліотека українця, 1998. С. 100.
- ⁷⁴ Канигін Ю.М. Таємниця України // Дніпро. 1998. №7–8. С. 96.
- ⁷⁵ Ткач М. «Я світло для світу»: Якою була материнська мова Ісусу Христу? // Українська культура. 1992. № 5. С. 34–35; Федоренко Д. Спочатку був Дажбог... Про що розповідає першоукраїнський літопис Влесова книга. Етнопедагогічні та історичні есе. Кривий Ріг: Бібліотечка «Саксагані», 1994. С. 45; Каганець І. Арійський стандарт // Перехід IV. 2000. № 2 (4). С. 96.
- ⁷⁶ Ivakhiv A. Nature and ethnicity in East European Paganism: an environmental ethic of the religious right? // The Pomegranate. 2005. Vol. 7. No. 2. P. 216–217.
- ⁷⁷ Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России. М.: Academia, 2004. С. 215–225.
- ⁷⁸ Kuzio T. Ukraine: State and nation building. London and New York: Routledge, 1998. P. 149–161; Wilson A. Elements of a theory of Ukrainian ethno-national identities // Nations and nationalism. 2002. Vol. 8. No. 1. P. 31–54.
- ⁷⁹ В одной из этих книг он всячески рекламировал ВК как «уникальный источник» и одновременно доказывал единую этническую основу «Руси-Украины» и Казахстана, представляя Семиречье и Украину «двумя центрами формирования белой расы». См.: Каныгин Ю.М. Пояс мира (Украина — Казахстан: фундамент Евразийского единства). Киев: МАУП, 2001. С. 37–38, 58–60, 69–70.
- ⁸⁰ Украина: евреев бьют реже, чем иранцев и палестинцев // izrus, 20 февраля 2009 (<http://izrus.co.il/diasporaIL/article/2009-02-20/3802.html>)
- ⁸¹ Ключев С. Скинхеды идут по Украине // CN-Столичные новости, 1 ноября 2005 (<http://mignews.com.ua/articles/182602..html>); Украинские нацисты промаршировали по Киеву // Росбалт, 20 июля 2009 (<http://www.rosbalt.ru/2009/07/20/656281.html>)

Часть 3.
**Подделки, альтернативная
история и общество**

Фантастическая «Хроника Ура Линда»

Недавно на книжных прилавках Москвы появился объёмистый том под названием «Хроника Ура Линда». Аннотация сообщает, что перед нами «древне-фризская руническая книга об изначальных миграциях расы атланта-нордов... и об изначальном арийском матриархате». Казалось бы, перевод столь ценного источника должен изрядно обогатить историческую науку. Но восторга со стороны учёных почему-то не наблюдается...¹

Липовая хроника

Впервые о «Хронике» мир услышал в 1871 г., когда нидерландский историк Ян Герардус Оттема издал её текст в переводе на голландский язык. По словам Оттемы, рукопись была получена им от бывшего прораба судоверфи Корнелиса Овер де Линдена, который, в свою очередь, унаследовал её от деда. Корнелис, как и Оттема, был фризом — представителем маленького народа, живущего на севере Нидерландов и северо-западе Германии. Фризы испокон веков занимались рыболовством и морским разбоем, ревниво охраняя свою независимость и древние предания. Хранило их и семейство Овер де Линден, имя которого по-фризски звучало как Ура Линда — «над липами», то есть «за липовой рощей». По словам Корнелиса, в семье из поколения в поколение передавалась рукопись с непонятными значками, вроде бы повествующая о закопанных где-то сокровищах. Потеряв надежду расшифровать манускрипт, прораб на старости лет решил продать его учёным — хоть какая-то выгода!

К тому времени возникло Общество по изучению фризской истории, члены которого усердно собирали старинные документы и вещи. Один из них, библиотekarь Элко Вервийс, узнал о рукописи, но Корнелис выдал ему только собственноручно переписанные копии нескольких страниц, которые Вервийс, разумеется, расшифровать не смог. Через пару лет прижимистый корабел неожиданно передумал и вручил Оттеме, состоявшему в том же обществе, сразу всю рукопись. Чудеса продолжались: уже через год историк сумел перевести достаточно сложный текст и предъявил его читающей публике. Та ахнула: в «Хронике» утверждалось, что она написана в 1256 г. и скопирована с ещё более древнего манускрипта, начало которого относится к 2194 г. до н.э.! Именно тогда, по утверждению авторов рукописи, опустилась на дно океана прародина белой расы — Атлантида или «Атланд». К тому времени белейшие из белых — предки фризов, свято хранившие чистоту крови, — успели переселиться в район Северного моря. Там они успешно оборонялись от «низших рас» до самого конца «Хроники», обрывающейся незадолго до римского вторжения в I в. до н.э.

Ошалевшие от радостного изумления историки начали внимательное изучение памятника. Тут-то и выяснились неприятные вещи: «рукопись XIII в.»

была написана на фабричной бумаге, изготовленной около 1850 г. «Древней» её сделали искусственно, подкоптив в дымоходе. Станным оказался и её язык, где древние фризские слова щедро мешались с современными голландскими в совершенно невероятных грамматических сочетаниях. Что касается «рун», которыми была записана «Хроника», то ими оказались искажённые буквы латинского алфавита, которым была придана форма древнегерманских рунических знаков. Рукопись, якобы составленная разными авторами на протяжении 3000 лет, была написана в едином стиле, притом не похожем ни на один известный памятник европейской языческой традиции. Вдобавок в тексте обнаружились прямые заимствования из нескольких сочинений XIX в., включая книгу «Руины» французского литератора Константина Вольнея. Несколько критических статей разгромили «ценную находку» в пух и прах. Репутация Оттемы, продолжавшего отстаивать подлинность «Хроники», была погублена.

Казалось, «Ура Линда» невосвратимо канула в Лету вместе с другими подделками. Но полвека спустя у неё объявился новый защитник — голландский филолог Герман Вирт, родившийся в 1885 г. С юности он был увлечён не только поиском «праязыка человечества», но и защитой чистоты германской расы и культуры. В Первую мировую он добровольцем вступил в немецкую армию, а позже перебрался вместе с супругой в Германию, поселившись в Марбурге. Там он продолжил изучение истории и в 1928 г. издал книгу «Происхождение человечества». Одним из её источников стала «Хроника Ура Линда», к подлинности которой Вирт отнесся весьма своеобразно. Он признавал, что рукопись возникла в XIX в., но считал, что она переписана с более раннего оригинала и большей частью повествует о подлинных событиях — об этом говорили найденные им в тексте параллели с событиями древнейшей истории германцев.

Впрочем, на текстологических мелочах Вирт не заикливался, главным он считал пафос «Хроники», направленный против «низших рас» и христианства: «Попы говорят елейные слова, но при этом незаметно подрывают всё, что касается фризлов». Вовсе не случайно публикация немецкого перевода «липового» сочинения совпала с приходом Гитлера к власти и была датирована «1933 годом, когда немецкий народ вернулся к Чести и Свободе». Вирт давно питал симпатию к национал-социализму и постарался отразить это в своём переводе, с помощью многочисленных исправлений текста придав ему отчётливый «коричневый» оттенок.

Моментально в море

«Ура Линда» — не хроника в полном смысле слова, а собрание туманных легенд, законов и моральных заповедей. Начинается она с рассказа о том, как Мировой дух Вральда и Ирта-Земля родили трёх дев: «Лиду из раскалённой пыли, Финду из горячей пыли, Фрейю из тёплой пыли». Сообразно температуре сёстры имели разный характер: «Лида была черна, курчава, как барашек, а глаза её сияли подобно звёздам. Её поступки направлялись её страстями, а о законах она ничего не хотела знать... Финда была желта, а её волосы были

подобны конской гриве. Она написала тысячу законов, но при этом не придерживалась ни одного из них... Фрейя была бела, подобно утреннему снегу, а голубизна её глаз превосходила голубизну радуги... Первое, чему учились её дети, была внутренняя дисциплина, а второе — любовь к добродетелям».

Первоначально потомки трёх сестёр населяли остров Атланд, точнее, Альтланд, что по-немецки означает «древняя земля». Потомки Фрейи жили мирно и благополучно под властью мудрых «народных матушек», а вот их родственники вели себя из рук вон плохо. Они воевали, грабили, уничтожали природу, а самые неужённые даже вступали в связь с животными, породив дикие «низшие расы». Творчески дополняя «Хронику», Вирт объявил самой нечистой из рас евреев и каким-то образом разглядел в одном из древних наскальных рисунков Бохуслена в Швеции «содомитский акт праеврея со свиньёй». Вскоре расплодившиеся мутанты начали совершать набеги на миролюбивых детей Фрейи, которым пришлось искать новую родину в Европе. Недочеловеки между тем продолжали свои безобразия и в итоге вывели из себя Вральду, который утопил их в море вместе с Атлантидой. Впрочем, не всех — их потомками, по Вирту, стали африканские людоеды и кровожадные «евреи-ацтеки» Центральной Америки.

В Новой Атлантиде (она же остров Туле) потомки Фрейи, принявшие имя фризов, то есть «свободных», продолжали подчиняться матушкам, каждая из которых жила в крепости и имела священную лампу. Избирая себе военных вождей, фризы не только успешно отражали атаки «низших рас», но и завладели всей Западной Европой — например, греческую культуру создала их матушка Минерва-Элления, в которой нетрудно опознать античную богиню. Фризами были будущие боги Тор и Вотан (Один), а также Будда, который отождествляется с Кришной и Христом (эта «глубокая» мысль взята из сочинения упомянутого Вольнея). Постепенно, вполне по Марксу, неравенство в распределении власти и богатства испортило фризов и перессорило их друг с другом. Рассерженный Вральда снова открыл небесные шлюзы и потопил грешников — теперь на месте их родины лежит мелководная Доггер-банка в Северном море. Пользуясь этим, дикие финны-мадьяры (потомки Финды) начали одну за другой завоёвывать земли фризов, оставив им только Нидерланды. Но и на них в конце повествования нацелились хищные взгляды завоевателей-римлян и их пособников — христианских миссионеров. Составитель хроники заклинает земляков не верить расово неполноценным пришельцам, храня чистоту крови и обычаев.

Эта масштабная и довольно стройная историческая мифология чем-то напоминает сочинения Толкиена. Правда, последние никто, кроме вконец загравшихся «ролевиков», не принимает за истинную картину событий. А вот поверить в истинность «Ура Линды» многим хотелось — слишком уж хорошо она вписывалась в контекст «ариософии», возникшей в конце XIX в. как синтез теософии с великогерманским шовинизмом. Её враждующие школы объединялись верой в величие германской нации, страстью к «тайным наукам» и непри-

язынию к христианству и «мировому еврейству», между которыми иные ставили знак равенства, требуя возврата к языческому «вотанизму».

На фоне прочих ариософов, часто невежественных и психически нестабильных, профессор Вирт выглядел вполне достойно. Его лекции посещали вожди Третьего рейха. Ещё в 1929 г. он познакомился с Гитлером, а создатель СС Гиммлер авторитетно заявил, что «Ура Линда» «истинна, поскольку подлинным является её ядро». В теорию и практику эсэсовцев вошла разработанная Виртом теория рун — «лучей божественной благодати». При поддержке нацистов в городке Бад-Доберан был создан Центр по изучению духовной истории, который в 1935 г. превратился в общество «Аненэрбе» — «Наследие предков». Эта организация занималась широким кругом проблем: искала в Тибете следы древних арийцев, а в Пиренеях — Святой Грааль, пыталась вылечить рак, изобретала новую религию взамен христианства. Именно по её заказу доктора Рашер и Менгеле ставили изуверские опыты на заключённых концлагерей.

Формально «Аненэрбе» возглавил Вирт, но конкуренты уже начали копать под него. Его обвинили в том, что он подменяет мужественный патриархат сентиментально-расслабляющим материнским культом, осуждает завоевательные войны и «перетягивает одеяло» на родную Голландию, объявляя немцев не вполне чистокровными. Из комментариев к «Ура Линде» вырывали крамольные цитаты: «Тот, кто забирает у другого свободу, сам становится несвободным. Насилие, которое исходит от нас, к нам же и возвращается».

Поводом для опалы Вирта стали проведённые им раскопки в Швеции — найденные там «арийские древности» оказались поддельными. В 1937 г. Гиммлер уволил профессора и включил «Аненэрбе» в структуру СС. Впрочем, никаким репрессиям Вирт не подвергался и продолжал мирно заниматься ариософскими изысканиями вплоть до конца войны. С приходом союзников он попытался изобразить себя жертвой нацизма, но его звание оберштурмбаннführера СС говорило само за себя. После двух лет в тюрьме он эмигрировал в Швецию, а потом вернулся в Марбург и снова занялся исследованиями «пракультур». Книг он больше не издавал, держался замкнуто и только в 1960-е гг. начал переписываться с единомышленниками вроде чилийца Мигеля Серрано. Вирт скончался в феврале 1981 г. почти совершенно забытым. Вспомнили о нём благодаря «Хронике Ура Линда», которую сегодня снова поднимают на щит поклонники «крови и почвы».

Вральда напрокат

Так кто же был автором «Ура Линды»? Этот человек, живший в середине XIX в., должен был владеть пером, хорошо знать историю и пылко любить фризскую старину. Прораб Овер де Линден никак не удовлетворял этим условиям, поэтому долгое время авторство приписывалось одному из причастных к находке «Хроники» любителей древностей — Элко Вервийсу или Яну Оттеме. Ещё одним кандидатом стал поэт и проповедник Франсуа Хавершмидт,

тоже состоявший в Обществе любителей фризской истории. В 2004 г. фризский историк Гоффе Йенсма в своей книге «Разоблачённое божество» восстановил схему фальсификации: Вервийс подбирал материалы для «Хроники», Хавершмидт их литературно обрабатывал, а Овер де Линден организовывал «пиар», рассказывая направо и налево о доставшейся ему от предков рукописи.

Похоже, бывшему прорабу за это неплохо заплатили, а вот остальные участники операции действовали вполне бескорыстно. Их целью было пробудить национальную гордость фризов и поднять их на борьбу за независимость. В этом не было ничего невозможного — добилась же незадолго до этого свободы Бельгия, тоже подвластная Нидерландам! Та эпоха вообще была богата национальными движениями, нередко опиравшимися на всевозможные подделки. Можно вспомнить «Краледворскую рукопись» чешского антиквара Вацлава Ганки, «Старинные бретонские баллады» Ла Вильмарке, «Боянов гимн» князя Сулакадзева. В тот же ряд органично вписалась «липовая» хроника. Её новое явление случилось в период, когда фальшивки отвечали уже не национальным, а политическим потребностям. Знаменитая «Влесова книга» призвана была удревнить историю России и теснее связать её с общеарийским язычеством в интересах русских националистов. Национал-социалистам Германии для той же цели была предложена «Ура Линда» в её виртовской интерпретации.

Сегодня, когда языческая ариософия пытается заполнить временно опустевшую нишу национальной идеи, «Хроника» привлекается ей на помощь. Не случайно её главным пропагандистом выступает «евразиец» Александр Дугин², а переводчиком книги стал его ученик Андрей Кондратьев³. В свои 23 года он успел блестяще освоить немецкий язык и изучить весь круг ариософско-мистической традиции, питавший творчество Вирта. Правда, за пределами этого круга его эрудиция порой хромает — отсюда в книге появляются «хессы» вместо жителей немецкого Гессена, «гуанхи» вместо гуанчей и «каунти» вместо обычного английского «графства». Впрочем, это не умаляет заслуг молодого учёного, который не только перевёл объёмное сочинение Вирта, но и снабдил его не менее объёмистым комментарием, имеющим самостоятельное значение как свод любопытных (хотя и достаточно спорных) сведений из области «пракультуры».

Ещё более любопытен подход переводчика к вопросу о достоверности «Ура Линды». В предисловии к книге он пишет: «Публикуемую нами «Хронику» можно рассматривать как фальсификацию... можно боготворить или проклинать, но это не даёт нам основания выбрасывать такой яркий памятник из культурной истории человечества». В итоге достоверность «яркого памятника» выносится за скобки (ведь подтвердить её решительно нечем), и «Хроника» ничтоже сумняшеся ставится в ряд подлинных исторических свидетельств. А это, вполне по-виртовски, даёт основание возводить на её основе масштабные концепции прошлого, в которых уютно обосновывается теория о «высших» и «низших» расах.

Непонятно, правда, зачем отечественным ариософам брать напрокат всю

эту немецкую «вральду» — ведь с её точки зрения они безоговорочно относятся к «недочеловекам». Возможно, их привлекает страстный консерватизм «Хроники», её атаки против капитализма и глобализации, невозможные в I в., но вполне объяснимые в XIX. Возможно, нравится псевдоарийская мистика, все эти «круги Юла» и «колёса Кродера». А может, цель более глубока и не вполне осознаётся даже адептами «Ура Линды». В своё время эту цель сформулировал Гитлер, заявивший: «Эти профессора и мракобесы, которые создают собственную нордическую религию, портят мне всё. Почему я допускаю это? Они вносят сумятицу, а всякая сумятица плодотворна».

«Сумятица», внесённая в умы немцев паранаучными теориями, взорвала их веру в здравый смысл, заставив поверить в вызывающе иррациональные бредни фюрера. Сегодня ту же роль играют «новые истории» Фоменко, Суворова, Бушкова и иже с ними, уже расшатавшие общественное сознание до опасных пределов. Но «Ура Линда» вряд ли примкнёт к ним — слишком уж антикварны её идеи для наших современников. Похоже, ей так и предстоит остаться страшноватой сказкой а-ля Толкиен, адресованной поклонникам «расовой чистоты».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вирт Г.Ф. Хроника Ура Линда. Древнейшая история Европы / Пер. с нем. Кондратьев А.В. М., 2007.
- ² Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М., 2000. Глава 8. «Расовые архетипы Евразии в хронике «Ура Линда».
- ³ Кондратьев А.В. Ведьмы, ритуалисты и мифологи в религиоведении Третьего рейха // Религиоведение. 2006. № 4. С. 3–20; Вирт Г.Ф. Хроника Ура Линда...

«Албанская книга» и её роль в сложении лезгинской этноцентристской мифологии

Никогда ложь не возвышала нацию.

Эмиль Золя

В числе загадочных древних письмён до последнего времени оставалось оригинальное письмо Кавказской Албании, которое, по сведениям Корюна (V в.), Хоренаци (V в.) и Каланкатвази (VII в.), было разработано в начале V в. н.э. армянским религиозным деятелем и просветителем Месропом Маштоцем и священником и переводчиком албанином Бениамином с позволения албанского царя Асвагена и епископа Иереми¹. По данным письменных источников, в Албании были открыты школы для обучения новому письму, на албанском языке была создана учебная и религиозная (христианская) литература, вслаась официальная переписка.

По информации Каланкатвази, произошло это важнейшее событие «в те времена, когда императором греческим был Феодосий Младший, царём Армении — Врамшапук, царём Персии — Иазкерт, а царём Алуанка — Есвален»². Это сообщение определяет временные рамки создания албанского алфавита: как известно, император Феодосий II Младший правил в 408–450 гг., шаханшах Йездигерд I — в 399–420 гг., царь Армении Врамшапук — около 388–414 гг., царь Есвален (Асваген) — в конце IV — начале V в. То есть разработка кавказско-албанской азбуки была осуществлена в период между 408 г. (начало правления Феодосия II) и 420 г. (конец царствования Врамшапуха). Но согласно более достоверным, как представляется, сведениям Корюна, разработка кавказско-албанского алфавита была осуществлена при армянском царе Арташесе (около 420–428), сыне царя Врамшапуха, и, очевидно, судя по предшествующему контексту его сочинения, в самом начале правления Арташеса. Это событие, которому в ближайшем будущем исполнится 1600 лет, имело огромное культурно-историческое значение и открыло новую страницу в истории письменности Кавказской Албании. Оно ознаменовало развитие образования и письменной культуры, становление рукописной книжной культуры.

Памятники самобытной албанской письменности, в существовании которых исследователи не сомневались, долгое время считались безвозвратно утерянными. Но в 1937 г. профессор И. Абуладзе обнаружил в хранящейся в Матенадаране армянской рукописи XV в.³ албанский алфавит, приведённый в тексте наряду с другими алфавитами (арабским, греческим, сирийским, латинским, грузинским, коптским). Спустя 10 лет в Мингечауре при раскопках под руководством С. Казиева был найден первый памятник албанской письменности — каменный алтарный постамент с надписью по бордюру, а вскоре — ещё

шесть кратких текстов на различных предметах, относящихся к VI–VIII вв.⁴

Однако дешифровка подлинных памятников албанской письменности, как неоднократно отмечалось специалистами, была затруднена рядом объективных причин, которые и обусловили существовавшие разночтения. Основными из них являлись ограниченность и неудовлетворительность корпуса надписей⁵, существенные расхождения в начертании букв албанского алфавита рукописей XV–XVI вв. и графем надписей VI–VIII вв., неустановленность форм и фонетических значений большой серии букв⁶ и др. И дальнейшие успехи в деле изучения, дешифровки албанской письменности были связаны с последующими поисками, с пополнением корпуса албанских надписей.

С 1990-х гг. албанская письменность стала объектом откровенной фальсификации. В 1990 г. была опубликована статья Х. Мустафаева, в которой была предпринята попытка дешифровки и чтения Мингечаурской надписи на постаменте на основе азербайджанского языка⁷, хотя авторитетные исследователи, опираясь на исторические свидетельства и анализ албанского алфавита, давно предполагали близость албанского языка к современному удинскому, относящемуся к лезгинской подгруппе дагестанской группы языков. С этого же времени (и ранее) некоторыми азербайджанскими исследователями были предприняты грубые и несостоятельные попытки доказательства исконно тюркской этноязыковой принадлежности таких восточнокавказских племён, как албаны, удины, гаргары и др.⁸

Своеобразной ответной реакцией, получившей широкий общественный резонанс, стало «обнаружение» в 1991 г. «страницы из неизвестной албанской книги», о чём поведал журнал «Лезгистан»⁹. В анонимной заметке, сопровождавшейся публикацией этой «страницы», отмечалось, что «текст книги, написанной албанскими буквами, ещё не прочитан», сообщалось о неких лицах, владевших рукописью и снявших с неё копию, и содержалось обращение к читателям с просьбой проинформировать журнал о владельцах книги и её судьбе. При этом редакция журнала не рассказала читателям о том, как попала к ней «страница из старинной книги» и кто сообщил о её владельцах, не зная что-либо о них. Замечу, что в дальнейшем сведения об этих лицах так и не появились в печати.

Два года спустя профессор, доктор химических наук Я.А. Яралиев успешно дешифровал текст этой страницы на основе современного лезгинского языка, о чём широко поведали весной-летом 1993 г. национальные газеты «Алпан», «Самур», «Садвал», «Лезгистан хабарар», «Лезги газет», «Дагестанская правда». В дальнейшем обнаружили и копии остальных 49 страниц рукописи, получившей название «Албанская книга». Полный перевод её, сделанный Я.А. Яралиевым, был первоначально опубликован в газетах «РикИин гаф» («Сердечное слово») и «Лезги газет» («Лезгинская газета»), а затем отдельной книгой вместе с факсимиле копии, с переводом албанских и псевдоалбанских эпиграфических памятников, соответствующими комментариями и эссе о Кавказской Албании и генетических корнях лезгинского языка¹⁰.

2А 2С9С67Е АНА6 7Е2N 262
 N9 α2N2. C282462N АНА628Н
 282 4А92N2822 4АН29N2. 7
 92N2 42N28282 2 2097Е АН
 А628 92 27N А22202Н2. 2824
 C282428N2 82Е297828 82N9
 7ЕНС4 1292828 7Е282Е2. Н2
 62Е282 2282Е 7Е28282Н24
 C2824282 2 82Е297828 76А2
 42.
 1. 82828. 7Е α2N2Е C282 22
 8282 2NА82Е 8297Н82Е22
 42. 2P2 282828 Н28АP2Е
 27Е2NР2Е22Е2 8282НН28
 12N2Е2 74С2 Н282Е282
 702 82Е2Н2N7Е282 828282
 АНА6 2282Е2 9А2. 2N68282
 22С 2828 2NА824. 282Е.
 7. АН2N. 7Е 228282 228 АР2Е
 2С62N282Е 82Е2Е 229282Е
 2С924 АРАА 8297НР2Е824 42.
 82НСР 82НСР 828 84Е7Е282Н4
 828282 22NР2Е 8282 22N282
 84Е7Е82Е 28282, 42. 28282 2N

Страница фальшивой «Албанской книги»

Это «открытие» получило большой резонанс в местной прессе и было преподнесено как «сенсация века», «открытие мирового значения», приравниваемое к открытию Трои, а о самой подлинности рукописи говорили, что она «не вызывает сомнения». Как заявил в интервью газете «Лезгинский вестник» ректор Института ЮЖДАГ, профессор, доктор философских наук Н.О. Османов, «профессора Яралиева Ярали, который разгадал тайну древнеалбанской письменности, Учёный совет Института собирается представить на соискание Нобелевской премии» (!)¹¹. Ректора не смутило то, что правом выдвижения обладает только определённый круг учёных-номинаторов, определяемый Нобелевским комитетом. По-видимому, ректор не знает об этом.

В своих предисловиях Я.А. Яралиев сообщает, что фотокопии этой рукописи, хранившиеся в архиве покойного лезгинского поэта З. Ризванова, были переданы ему его сыном Д. Ризвановым, а сама рукопись «в объёме отдельных 50 страниц плотной пожелтевшей бумаги с голубоватым оттенком» находилась у поэта и в дальнейшем бесследно исчезла¹². Странно, что рукопись была «в объёме отдельных 50 страниц». Очевидно, «переписчик» (в отличие от средневековой нормы) использовал только одну сторону листа для письма, хотя следовало ожидать более экономное отношение к бумаге. Замечу, что в своих публикациях в «Дагестанской правде» об этом «открытии» другой сын поэта, тогда журналист, а ныне ответственный работник Министерства по национальной политике, информации и внешним связям Республики Дагестан Р. Ризванов, ничего не сообщал о происхождении рукописи и её копии, отмечая лишь «обнаружение» древнеалбанского текста, «чудом сохранившегося до наших дней», и информируя читателей, что газета «Самур» написала на днях

«о находке ещё 49 страниц древнеалбанской рукописи», дешифровкой которых занялся профессор А. Мусаев¹³.

Сразу отмечу, что ни дешифровщики, ни журналисты, писавшие об «открытии древнеалбанской рукописи», её не видели. Настораживало не только само отсутствие оригинала, которым якобы кто-то владел, снимал с него копии, но и странное «исчезновение» рукописи, «всплытие» копий в различных местах и т.д. Удивляло и то, что «текст оказался написанным на чистейшем лезгинском языке... и настолько понятным, словно был написан ещё вчера»¹⁴, хотя речь идёт о «рукописи», якобы созданной более десяти веков назад. Напрашивался целый ряд вопросов относительно окутанного вуалью таинственности обнаружения и происхождения рукописи и её копий, заслуживающие самостоятельного «расследования», которое, впрочем, ни к чему не привело бы, ибо перед нами возник откровенный фальсификат-«подкидыш», который воистину «был написан ещё вчера».

Обращал на себя внимание сам графический стиль, характер почерка и знаков, приближенных к современному письму, а не средневековому курсивному кавказскому (армянскому, грузинскому). А это должно было иметь место, ибо албанское письмо, имеющее общее происхождение, формальные и типологические параллели с армянской и грузинской письменностями, существовало не изолированно и должно иметь общие с ними тенденции графического (начертательного) развития. То же касалось пунктуации, которая в рассматриваемой рукописи предстаёт весьма развитой: это наличие не только абзацев, но и крестиков, отделяющих одно предложение от другого, тогда как в родственных армянской и грузинской системах письма в средневековый период использовалось двоеточие и реже троеточие. Сейчас, после открытия в 1996 г. профессором З. Алексидзе албано-грузинских палимпсестов V в. в монастыре Св. Катерины на Синае¹⁵, видно, что ничего подобного в албанском письме не было.

Проведённые анализ текста «Албанской книги» и сопоставление сведений, имеющихся в ней, с достоверными историческими фактами, показали, что это не «древняя албанская рукопись», а чистой воды подделка, созданная в наши дни и грубо фальсифицирующая историю¹⁶. Цель этой подложной рукописи — показ исключительности и превосходства конкретного народа, демонстрация древности его цивилизации, государственности, высокой культуры, что в итоге должно было послужить основанием для далеко идущих амбициозных историко-культурных, политических и территориальных претензий и притязаний в условиях социально-экономического кризиса, процессов сепаратизма и обострения этнополитической ситуации на постсоветском пространстве в 1990-х гг.

Анализ текста этого фальсификата показал, что создан он был человеком, неплохо знакомым с литературой по истории и культуре Кавказской Албании и обладающим определённым воображением и творческой фантазией. Причём наблюдаемый параллелизм не подтверждаемых в исторических источниках сведений, содержащихся в «Албанской книге» и в ряде работ З. и Р. Риз-

вановых (особенно в «Истории лезгин»)¹⁷, опубликованных до «открытия» и дешифровки этой «древней рукописи», раскрывает автора (или авторов) этого фальсификата.

Название *Къеввар* (в переводе с лезг. — «Двое ворот») как албанское наименование Дербента часто фигурирует в «Албанской книге» и неоднократно в «Истории лезгин»¹⁸. Между тем специалистами — языковедами, топонимистами, историками, этнографами, археологами, географами — такой топоним не зафиксирован, что даёт основание говорить о его вымышленном происхождении. Мало того, этот придуманный в наши дни термин попал в эпос «Шарвили», который в значительной степени оказался подверженным «творчеству» искателей лезгинского фольклора. (Современная «редакция» эпоса о славном предке Шарвили, созданная поэтами З. Ризвановым и Б. Салимовым, — тема отдельного разговора, который, будем надеяться, начнут все-таки литературоведы и фольклористы.)

И в «Албанской книге», и в «Истории лезгин» упоминается топоним *Къевеле* (в переводе с лезг. — «Два холма») как албанско-лезгинское наименование ранней албанской столицы Кабалы¹⁹; хотя специалистами такой топоним не установлен, что указывает на его искусственный характер.

Среди различных албанских племён в «Албанской книге» и в «Истории лезгин» называются племена *кас*, *кюр/кур*, *бил/фил*, *шар/шарв*²⁰, которые в подлинных письменных источниках не встречаются.

Согласно «Албанской книге», «Микран, (т.е. Михран — основатель новой албанской династии Михранидов. — М.Г.) спасаясь, убежал в Алупан вместе со своими 200 тысячами мужей *курдских* (здесь и далее выделено мной — М.Г.) племён»²¹. А в статье З. Ризванова под символическим названием «Два фрагмента о научных фальсификациях», опубликованной за четыре года до дешифровки «Албанской книги», в том же номере журнала «Лезгистан», что и «обнаруженная страница из неизвестной албанской книги», читаем: «...небольшое *курдское* княжество неподалёку от Гянджи было впервые создано *курдом* Михраном. Из *курдского* рода Михранидов происходил и известный полководец Джаваншир»²². Но ни один письменный источник не даёт даже намёка на курдское происхождение Михрана, Михранидов, их связь с курдами. И в противоположность этим утверждениям «Албанской книги» и З. Ризванова у Мовсеса Каланкатваца²³ содержатся указания на знатное персидское происхождение Михрана, являвшегося родичем Хосрова II Парвиза.

В противовес сведениям античных писателей «патриотично» настроенные авторы «Истории лезгин» считают, что «дружный отпор местных племён» вынудил Гнея Помпея «покинуть пределы Албании»²⁴, что весьма созвучно информации «Албанской книги» о борьбе албан с легионерами «полководца Пумпи»²⁵. Хотя по данным античных авторов (например, Плутарха)²⁶, албаны потерпели поражение, и албанский царь Ороис (Ород) выдал Помпею заложников, которые позже приняли участие в триумфальном шествии римского полководца. Античные авторы, описывая кавказскую кампанию Помпея 66–65 гг. до н.э., опира-

лись на свидетельства очевидцев — участников похода и реляции о походе. На что, интересно, опирался автор так называемой «Албанской книги»? Вряд ли на народную память, которая по прошествии восьми веков (рукопись якобы была написана, судя по её тексту, в VIII в.) могла сохранить многие нюансы, созвучные сведениям античных писателей. Очевидно, автор фальшивки был знаком с трудами Плутарха, Диона Кассия, Аппиана и др., правда, в русском переводе.

Согласно «Албанской книге», супруга шаханшаха Хосрова II Ширин являлась удинкой (т.е. албанкой), будучи дочерью некоего утикта²⁷. На этот счёт близкого мнения, высказанного до дешифровки «Албанской книги», придерживается Р. Ризванов, называющий её албанской царицей²⁸. По достоверным же историческим данным — имеются в виду сведения, содержащиеся в сочинениях современников Хосрова и Ширин: в «Истории» Феофилакта Симокатты, «Церковной истории» Евагрия, «Истории» Себеоса, в Анонимной сирийской хронике, — Ширин была арамеянкой, уроженкой Хузистана, соотечественницей Григория Форатского.

Наконец, в книге Ризвановых и в «Албанской книге» приводится 12-частное деление лезгинско-албанского календаря, и названия шести месяцев соответствуют друг другу: *ибне* — *ибне*, *нава* — (*нава*) *сардум*, *тIул* — *туьлен*, *баскIум* — *баскIум*, *фундукI* — *фундукI*, *эхен* — *эзнаг*²⁹. Эти наименования восходят к названиям месяцев 12-частного албанского календаря: *хаба* (*хибна*), *навасардон*, *тулини* (*тулэн*), *бочкон*, *бонтоке*, *эхнай* (*ехна*), которые зафиксированы средневековыми армянскими авторами и были предметом изучения специалистов-лингвистов Э. Агаяна, А. Шанидзе, А. Абрамяна, В. Гукасяна (некоторым названиям месяцев предложены удинские этимологии). Между тем профессиональными этнографами, специально занимавшимися народным лезгинским календарём (А.Г. Трофимова, С.С. Агаширинова, Г.А. Гаджиев), выявлено 24-частное деление, и наименования этих периодов не соответствуют названиям месяцев албанского календаря.

Приведённые параллели совпадения «творчества» наводят на мысль об авторстве так называемой «Албанской книги» и служат ещё одним подтверждением того, что мы имеем дело с фальсификатом. Отмеченные же выше соответствия календарных систем (как и многое другое) преследовали цель «увязать древних Албанов с Лезгинами, которые и являются прямыми их потомками»³⁰ (выделено мной — М.Г.). Эта же задача стояла перед автором (или авторами) «Албанской книги», написавшим рукопись видоизменёнными албанскими буквами на современном лезгинском языке (разбавленном двумя сотнями придуманных слов, которые заменили заимствования из других языков) и доставившим впоследствии мнимую радость «открытия» своим дешифровщикам.

Эта фальшивка дала возможность различным лезгинским общественным и политическим деятелям утверждать, что «в основе албанской письменности и государственного языка лежит лезгинский язык»³¹, что лезгины являются прямыми потомками албанов, что албанский язык «в основном сохранился в

современном лезгинском языке»³². Ссылаясь на сообщение «Албанской книги» о том, что «Алупу (по «Албанской книге» — младший сын Таргума, этнарх и эпоним албанцев. — М.Г.) были предоставлены земли от нижнего моря (т.е. Средиземного, по интерпретации дешифровщика. — М.Г.) до верхнего (т.е. Каспийского. — М.Г.) и от нижних гор до верхних»³³, они констатируют, что «народы, говорившие на пралезгинском или близком к нему языке, проживали на юге Балканского полуострова, территории Малой и Передней Азии и занимали большую часть Кавказа»³⁴.

**Мировая
сенсация!**

**Впервые разгадана
тайна «Фестского диска» -
в Дагестане, в институте «ЮЖДАГ»**

В 1908 г. во время раскопок дворца в древнем городе Фесте, на острове Крит (Эгейское море), итальянский археолог Я.Перие случайно обнаружил небольшой глиняный диск, на котором имеется штампованная надпись. Установлено, что этот, так называемый "Фестский диск" изготовлен примерно к 1700 г. до н.э. и относится к догреческой крито-микенской культуре.

Копия одной стороны "Фестского диска" приведена на рисунке. Попытки большого числа специалистов и дилетантов дешифровать надпись на диске не увенчались успехом: надпись до сих пор не только не дешифрована, но и не определены ни направление чтения, ни начало и конец письма, ни обозначения знаков, ни происхождение письма.

И вот, наконец, тайна "Фестского диска" разгадана: надпись полностью расшифрована профессором института "ЮЖДАГ" (г.Дербент, Республика Дагестан, Россия) Я.А.Яраланевым. Язык надписи, предполагаемый минойским, оказался близким к одному из кавказских языков.

Анонс в газете «Дагестанская правда» о дешифровке Фестского диска

За этим последовали «дешифровки» на основе лезгинского языка Фестского диска, надписи на секире из Аркалохори, иероглифического письма критских печатей, линейных писем А и Б, кипро-минойского письма на табличках из Энкоми, доказательства прямого генетического родства современного лезгинского языка с хаттским (протохеттским), минойским (микенским), а собственно лезгин — с шумерами, пелазгами, этрусками и т.д. и т.п.³⁵. Для примера приведу только три показательных этнокультурных вывода этих «исследователей»:

«Шумеры имеют прямую генетическую связь с лезги»;

«Культура аккадцев, вавилонян и ассирийцев в основном была культурой лезгиноязычных народов — шумеров и хурритов, поэтому к истории и культуре этих народов нынешние лезги как потомки кутиев (утиев), хурритов, урартов имеют прямое отношение»³⁶;

«Лезгиноязычные племена являются участниками создания древнегреческой мифологии»³⁷.

«Албанская книга», таким образом, послужила своего рода катализатором и основой в сложении современной лезгинской этноцентристской мифо-

логии. В этой системе взглядов ярко выражены основные тенденции и мифы, свойственные этнократическому подходу в исторических исследованиях. Это прежде всего доказательство глубочайшей древности и автохтонности своего народа на его современной этнической территории и за её пределами на обширных пространствах, как правило, «от моря до моря». Затем — установление «великих» и престижных «прямых» предков, определение и утверждение генетической связи этих предков с великими цивилизациями древности. Наконец, притязание на культурные (прежде всего письменность) и политические (наличие древней государственности) достижения и приоритеты, что, в свою очередь, должно легитимировать «претензии на строительство своей государственности и в наше время»³⁸.

Появление на свет «Албанской книги» и формирование развивающейся лезгинской этноцентристской мифологии было обусловлено изменившейся в конце 1980-х гг. общественно-политической ситуацией в стране, распадом СССР, вызвавшим рост национального самосознания, обострение этнополитической ситуации, появление массы национальных движений и т.д. В результате развала СССР лезгины стали одним из разделённых народов, оказавшихся по обе стороны российско-азербайджанской границы и испытывавших «неудобства» в сфере национального и социально-культурного развития, образования и т.д. ещё в советский период со стороны азербайджанского руководства, проводившего политику «тихой» ассимиляции.

Образованное в июле 1990 г. и зарегистрированное в мае 1992 г. Лезгинское народное движение «Садвал» («Единство»), объявленное вскоре в Азербайджанской Республике террористической организацией, поставило в числе главных политических целей не только объединение лезгин Дагестана и Азербайджана и создание независимого государства Лезгистан, но и написание «истинной» истории лезгин, которая «нуждается в объективном исследовании и интерпретации без идеологического и националистического давления»³⁹. Одним из важных источников в создании такой «подлинной» национальной истории и выступила «Албанская книга», содержащая богатейшую «информацию» по истории и исторической географии, этнонимике и календарю, культуре и идеологии Кавказской Албании. Чего стоит, например, перечень целого ряда вымышленных писателей, поэтов, архитекторов, полководцев, деятелей науки и культуры, который открывает «гениальный писатель» Джамаг, предстающий предшественником (а, возможно, и вдохновителем) великого Низами Гянджеви, в «борьбу» за определение национальной принадлежности которого ныне вступили лезгинские, цахурские, аварские интеллектуалы.

В Программе «Садвала» специально акцентировалось внимание на «крайне важном значении истории, гуманитарных наук в деле воспитания молодого поколения», которое «должно расти на здоровой духовной основе нации, питать любовь к отчей земле»⁴⁰. Безусловно, важные и известные декларации, однако тогдашние лидеры «Садвала» и нынешние интеллектуалы с национал-мифологизированным сознанием стали питать и питают свой народ, в том чис-

ле и молодежь, явно нездоровой, суррогатной духовной пищей.

Появление фальшивой «Албанской книги», псевдонаучных исследований и открытий началось с «перестройкой», с ростом национального сознания под флагами этнической исключительности. Как тогда любил говорить Михаил Горбачёв, «процесс пошёл». И, очевидно, этот процесс появления националистически окрашенных «открытий», «сенсаций» и фальсификаций, к сожалению, прекратится не скоро.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Корюн. Житие Маштоца / Пер. Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Оганджяна. Предисловие К.А. Мелик-Оганджяна. Комментарии Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1962. §16; Хоренаци Мовсес. История Армении / Пер. с древнеарм., введение и примечания Г. Саркисяна. Ереван, 1990. III, 54; Каланкатуаци Мовсэс. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм., предисловие и комментарии Ш.В. Смбатяна. Сличение с критическим текстом и редакция С.А. Авакяна. Ереван, 1984. II, 3.
- ² Каланкатуаци Мовсэс. Указ. соч. II, 3.
- ³ Институт рукописей им. Маштоца Академии наук Армении (Матенадаран). Фонд рукописей. Рукопись № 7117.
- ⁴ Об открытии и изучении албанского алфавита и эпиграфических памятников см.: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. — VII в. н.э. М.—Л., 1959. С. 306–312, 336–339; Абрамян А.Г. Дешифровка надписей кавказских албан. Ереван, 1964; Муравьёв С.Н. Три этюда о кавказско-албанской письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1981. Вып. VIII; Климов Г.А. О составе агванского (кавказско-албанского) алфавита // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1990. Т. 49. № 6. С. 494–503.
- ⁵ Из семи известных до недавнего времени (до открытия профессора З. Алексидзе, см. ниже) эпиграфических текстов одни имеют значительные лакуны, другие весьма кратки, у третьих затруднён порядок прочтения и строй текста.
- ⁶ Как отмечал Г.А. Климов в своей последней публикации, посвящённой албанской письменности, «более или менее точно установленными могут считаться начертания и фонетические значения всего лишь 34 из 54 букв алфавита», но и среди них отдельные идентификации оспариваются (Климов Г.А. Указ. соч. С. 495).
- ⁷ Мустафаев Х. Азербайджанын эпиграфик эбидалери (Эпиграфические памятники Азербайджана) // Элм вэ хейат (Наука и жизнь). Баку, 1990. № 11–12 (на азерб. яз.).
- ⁸ Алияров С.С. Об этногенезе азербайджанского народа; Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев (по данным топонимии); Алиев К.Г. Этюды о населении древнего Азербайджана // К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку, 1984; Мамедов Т.М. Кавказская Албания в IV–VII вв. Баку, 1993; Исмаил (Исмаилов) М.А. Разбой среди белого дня. Об опусе «Кавказская Албания — Лезгистан». Баку, 1998; Рустамов Дж. Гобустан — очаг древней культуры Азербайджана. Баку, 2000.
- ⁹ Страница из неизвестной албанской книги // Лезгистан. № 0. 1991. С. 29, 63.
- ¹⁰ Риклин гаф («Сердечное слово»). 1995. № 1 (22). С. 1–8; Лезги газет. 14.04.1995. С. 17–18; Яралиев Я.А. Алупанская (Кавказско-Албанская) письменность и лезгин-

ский язык. Махачкала, 1995.

- ¹¹ Лезгинский вестник. 1995. № 3. С. 1.
- ¹² Яралиев Я.А. Алупанская (Кавказско-Албанская) письменность... Махачкала, 1995. С. 119.
- ¹³ Ризванов Р. Раскрыта тайна древних письмён // Дагестанская правда. 13.05.1993. С. 2; Ризванов Р. Заговорили древнеалбанские рукописи // Дагестанская правда. 31 июля 1993. С. 3.
- ¹⁴ Негъидхул Ф. Сенсация в мировой албанистике // Садвал. 1993. № 6 (29). С. 1.
- ¹⁵ Alexidze Z. Preliminary account on the identification and deciphering of the Caucasian Albanian text discovered on the Mount Sinai // History of the Caucasus. The Scientific-Public Almanac. Baku, 2001. № 1. P. 37–38.
- ¹⁶ Гаджиев М.С. Письменность Кавказской Албании: факты и фальсификации // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Материалы научной конференции. Махачкала, 1998; Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки: Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М., 2006. С. 201–236.
- ¹⁷ Ризванов З., Ризванов Р. История лезгин. Махачкала, 1990.
- ¹⁸ Ризванов З., Ризванов Р. Указ. соч. С. 7, 8, 53.
- ¹⁹ Там же. С. 6, 7.
- ²⁰ Там же. С. 5; Ризванов З. Два фрагмента о научных фальсификациях // Лезгистан. 1991. № 0. С. 10.
- ²¹ Яралиев Я.А. Алупанская (Кавказско-Албанская) письменность... С. 133.
- ²² Ризванов З. Два фрагмента... С. 8.
- ²³ Каланкатуаци Мовсэс. Указ. соч. II, 17.
- ²⁴ Ризванов З., Ризванов Р. Указ. соч. С. 6.
- ²⁵ Яралиев Я.А. Алупанская (Кавказско-Албанская) письменность... С. 123.
- ²⁶ Plutarchus. Pompeus, 35.
- ²⁷ Яралиев Я.А. Алупанская (Кавказско-Албанская) письменность... С. 133.
- ²⁸ Ризванов Р. Заговорили древнеалбанские рукописи. С. 3.
- ²⁹ Ризванов З., Ризванов Р. Указ. соч. С. 36; Яралиев Я.А. Алупанская (Кавказско-Албанская) письменность... С. 137.
- ³⁰ Ризванов З., Ризванов Р. Указ. соч. С. 5.
- ³¹ Мирзеегов А.А. От редактора // Рик'ин гаф. 1995. № 1. С. 1.
- ³² Яралиев Я.А. Алупанская (Кавказско-Албанская) письменность... С. 188.
- ³³ Там же. С. 120.
- ³⁴ Мирзеегов А.А. Указ. соч. С. 1.
- ³⁵ Яралиев Я.А. 1995. Алупанская (Кавказско-Албанская) письменность... С. 167–181; Абдурагимов Г.А., Абдурагимова Д.Г. Лезги и древнейшие цивилизации Передней Азии: история, были, мифы, сказания. М., 1998; Бадалов Ф.А. История лезгинского народа (лезгиноязычных народов) и государства (V тыс. до н.э. — X в. н.э.). Дербент, 1998; Бадалов Ф.А. Язычество лезгин. Дербент, 2000; Яралиев Я.А. Дешифровка «Фестского диска». Дербент, 2001; Яралиев Я.А., Османов Н.О. История лезгин. Т. 1. Пелазги (III–II тыс. до н.э.). М., 2003. Критику этих и других работ см.: Гаджиев М.С.,

Кузнецов В.А., Чеченов И.М. Указ. соч. С. 115–134, 175–179, 188–189, 201–236.

³⁶ Абдурагимов Г.А., Абдурагимова Д.Г. Указ. соч. С. 48, 98.

³⁷ Бадалов Ф.А. История лезгинского народа... С. 213.

³⁸ Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М., 2000. С. 22, 23; Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. Указ. соч. С. 57–59.

³⁹ Программа Лезгинского народного движения «Садвал» (Абдурагимов Г.А. Кавказская Албания — Лезгистан: история и современность. СПб., 1995. С. 536).

⁴⁰ Там же.

«История татарских ханов, Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчака» Ибрахима б. Али Кефеви. Компиляция или подделка?

Сочинение Ибрахима б. Али Кефеви (ابراهيم افندی بن علی افندی کفوی) «История татарских ханов, Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчака» (تواریخ تاتار خان و طاغستان و مسقر و دشت قبقاق اولکلرینکدر) историкам известно не так хорошо, как другие крымские исторические тексты. Первое (румынское, в Пазарджике)¹ издание труда Ибрахима б. Али-эфенди Кефеви² было подготовлено известным крымско-татарским политическим деятелем (одним из основателей партии «Милли Фирка») Джафером Сейид Ахмедом (Сейдаметом) Кырымлы (1889–1960) по рукописи, купленной в Стамбуле на широко известном книжном базаре Саххафлар крымским адвокатом Омером Фуад-беем (на рукописи имелась его личная печать и рукописная пометка о количестве листов манускрипта, датированная 5 апреля 1927 г.)³. В 2005 г. Исмаил Отар предпринял в Эскишехире новое издание текста⁴.

Существует также польский перевод этого произведения (кажется, единственный перевод на европейский язык), выполненный Абдуллой Зинни (Сойсалом)⁵. Публикация перевода сразу же вызвала ряд упоминаний сочинения, правда, весьма поверхностных⁶. Между тем и позднее в исторических трудах зарубежных авторов (в частности, турецких) сочинение Кефеви использовалось не столь активно⁷. В отечественных работах, насколько мне известно, «История» Кефеви не упоминалась, а его данные не использовались⁸.

Едва ли не первым, кто обратился к этому труду, был Ахмет Зеки Валиди Тоган (Валидов). В 1928 г. он опубликовал в стамбульском журнале «Ени Тюркистан» предварительную информацию об этом памятнике⁹.

В стамбульском же журнале «Emel» в 1961 г. (Sayı 6, Eylül; см. об этом издании ниже) также появились выдержки из этого сочинения, которое было достаточно высоко оценено турецкими историками. В европейской науке оно не получило сколько-нибудь внятного отклика, если не считать уничтожающего приговора З. Абрахамовича: «Мутная компиляция, лишённая ценности»¹⁰.

Автор сочинения — Ибрахим б. Али Кефеви (или Кефели, т.е. связанный происхождением с Кафой), по собственному свидетельству, секретарь (*диван-кятиби*) крымского хана Фетх-Гирея II (правил в 1149–1150/1736–1737)¹¹. Пазарджикское издание не имеет нумерации страниц (правильная последовательность обеспечивается традиционным способом — с помощью *хафизов*). Труд Ибрахима б. Али состоит из небольшого предисловия и 14 глав. Приведём их названия: 1. О государстве западных татар; 2. О стране Украина; 3. О роде и видах казацких племён; 4. Ногайские племена; 5. О крымском хане, кубанских

татарах и ногайских племенах; 6. О Москве и Русской стране. 7. О населении Дагестана; 8. Об истории Чингиз-хана; 9. О Джучи-хане (это не столько история самого Джучи, сколько его потомков. — И.З.); 10. О ханах узбеков; 11. О потомстве третьего сына [Чингиз-хана] Октай-каана (т.е. Угедея); 12. О потомстве Тули-хана; 13. О государстве Хулагу-хана; 14. О странах, всё ещё находящихся в подчинении ханов Чингизова дома и других татарских племён.

Рукопись была переписана Абд ал-Джалилем Ремзи в 1213/1798–99 г., судя по фотографии двух начальных страниц манускрипта, опубликованных Абдуллой Зинни, вполне разборчивым *насхом* по 24 строки на странице. Список был изготовлен, скорее всего, в Османской империи, что следует из заголовка в две строки: «...автор этой летописи — писарь дивана татарского хана Ибрахим-эфенди б. Али-эфенди Кефеви...». Конечно, в самом Крыму (тогда уже российском) в это время автора никогда бы не назвали «писарем дивана татарского хана», тогда как в Османской империи выражение татар хан по отношению к крымским Чингизидам употреблялось повсеместно. Судьба рукописи такова: после покупки она была передана Джаферу Сейдамету для издания, а последний подарил её Исмаилу Отару, в библиотеке которого и хранится манускрипт ныне. Таким образом, румынское издание и переиздание Исмаила Отара, снабжённое факсимиле, остаются надёжными источниками текста.

Один из рукописных сборников библиотеки Стамбульского университета (№270), датируемый по одной из частей временем после 1188/1774 г., содержит среди *сефарет-наме* и сочинений, посвящённых отношениям Османской империи с Россией, Германией и другими европейскими странами, также и труд (на л. 166–187) под названием «Tatar Hanları ve Çerkes ve Nogay ve Dağıstan ve Moskov ve Kazak ahvalı». Последнее сочинение может являться списком труда Кефеви, поскольку по содержанию, по всей видимости, посвящено тем же проблемам. Однако схожесть названия не должна вводить в заблуждение о тождественности сочинений. Более того, труды с близкими заголовками, посвящённые истории Московского государства, народов Дагестана и татарских государств — наследников империи Чингиза, в османской исторической традиции не редкость. Для примера укажем на сборник исторических отрывков из труда турецкого историографа Ахмеда Джевдет-паши (1822–1895) по той же тематике и с близким названием¹².

Внимательный читатель, подробно рассмотрев сочинение Кефеви, не может не задаться целым рядом вопросов. Во-первых, это язык «Истории»: простой и довольно ясный турецкий, он совершенно не соответствует языку известных нам крымских исторических текстов XVIII в.; он очень далёк от языка крымской канцелярии указанного времени и ближе всего подходит к турецкому, на котором говорили и писали в начале XX в. Причём не обошлось и без курьёзов. Автор специально останавливается на этимологии слова *казак/козак* и приходит к странному для татарина выводу, что оно произошло... от польского слова коза (казаки будто бы одевались в козы шкуры). Как известно, казак — слово тюркское по происхождению, и для крымчанина-тюрка этимоло-

логизировать его на славянской почве совершенно абсурдно. Между тем эта версия происхождения слова была выдвинута впервые польскими историками XVI в.¹³, не знавшими тюркских языков.

Во-вторых, это поразительные несообразности текста: то беспомощность и вопиющее незнание автором географии (даже Крыма и Дешт-и Кипчака), употребление несвойственной терминологии, не существовавших на момент предполагаемого написания этнонимов, названий и слов; то подробнейшие сведения, скажем, о славянском этногенезе и древнейшей русской истории. «Двести лет назад, — пишет, например, автор в шестом разделе, — Русское государство получило название Москва оттого, что город Москва сделался его столицей. Согласно авторитетным историческим повестям прежде из ханов племени Авай на востоке вышли с многочисленными людьми три брата. Старший — Рус, второй — Лех и третий — Чех». Именно эти три брата и основали русское, польское и чешское государства. В государстве Руса правили его потомки Рокрик и Игор (اغور و روقريق)¹⁴, т.е. Рюрик и Игорь, а потом и сын Рокрика Эстварслас (استوارسلاس — Святослав)¹⁵, который увеличил русские владения. Его сын Ладимир (لاديمير) стал обладателем Московской страны. Ладимир (Владимир) в 987 г. принял христианство. После завоевания русского государства татарами в 1210 г. князья были вынуждены платить *харадж*. Так продолжалось до 1500 г., когда Иван б. Васил Слепой объединил страну, которая была поделена между несколькими князьями, и стал править ею. В 1504 г. трон отца занял его сын — Василий Гаврил. Кефеви, безусловно, путает Василия II Васильевича Слепого, Ивана Васильевича III и Василия III Ивановича. Что за эпитет/имя Горыл/Гаврил, мне неизвестно. Но в некоторых западноевропейских источниках также существует подобная несуразица: «У великого князя Ивана Васильевича Гроздина был старший сын Иван — от тверской княжны Марии, второй сын Гавриил, прозванный Василием, — от греческой царевны Софьи, и другие младшие [сыновья]. Иван умер при жизни отца и оставил сына Димитрия, которого дед хотел назначить своим наследником. Но Софья уговорила великого князя посадить Димитрия в тюрьму, а престол отдать Гавриилу, оттого, что Димитрий был слишком молод»¹⁶. Ничего подобного нет в современной автору крымской и османской историографии. Это означает, что этногенетическая мифологема происхождения славянства могла быть заимствована Кефеви у кого-то из западославянских историографов (по крайней мере, он должен был быть с ней хорошо знаком).

Средневековые славянские и западноевропейские авторы, пытаясь найти обоснование истоков славянского этногенеза в Библии (в основном в Пятикнижии), порой приходили к противоположным выводам. У Длугоша (XV в.) прародителем славян был некий Негно, сын Алана из рода Иафета. У М. Меховского (начало XVI в.) утверждается: «Надо знать, что славяне произошли от Иавана, сына Иафета, через Элиза». Другие авторы в качестве славянского первопредка чаще называют сына Иафета Мосоха (Мешеха) либо его племянника Рифата¹⁷. Версия М. Меховского о прародителе Иаване¹⁸, вероятно, и была

источником сведений Кефеве. Племя по имени Авай вполне могло явиться плодом неправильного понимания библейского имени Иаван. Легенда о Лехе, Чехе и Русе в тексте Кефеве — плод заимствования истории о хорватских братьях, явившейся результатом скрещивания данных чешской и польской анналистики¹⁹, из какого-то славянского источника, возможно даже хроники М. Меховского²⁰.

Но это не снимает всех вопросов. Крайне странно употребление предполагаемым автором-мусульманином христианского летосчисления, причём параллельно с датами по хиджре.

Кефеве приводит весьма подробные данные о внешней политике России. Так, он сообщает о посольстве Петра I в Бухару во главе с Флорио Беневени. Автор называет его **عن اصل راغوزالى ايلچى مسفورك نامى فلوريو اولوب** («упомянутый посол по имени Флорио, уроженец Рагузы») ²¹.

Флорио Беневени, в сентябре 1718 г. посланный в Бухару, вернулся в Москву только в начале декабря 1725 г. В декабре 1727 г. он уехал на родину, в Рагузу (Дубровник): следы его после отъезда теряются²². Откуда секретарь крымского хана мог знать о тайной миссии российского посланника, да ещё обладать такими подробностями, как полное имя дипломата? Видимо, и тут источник «Ибрахима б. Али» следует искать где-то за пределами Крыма, например в России, причём не современной предполагаемому автору. Дело в том, что впервые материалы посольства Флорио Беневени были частично опубликованы только в XIX в.²³.

Более того, упомянутая несколько раз в тексте в связи с польскими и запорожскими событиями русская *чариче* (так на османский лад пишется слово «царица»), не может быть никем иным, как Екатериной II, а значит, текст не мог быть составлен ранее этих событий²⁴.

Наконец, даже данные, которые сообщает историк сам о себе, также сомнительны: должность *диван-кятиби* в указанное время занимал не автор, во всяком случае, не Ибрахим б. Али. Занимал её другой придворный историограф и поэт, происходивший из крымского рода Ширин, Абд ал-Гаффар Кырыми, автор известной «Умдет ат-теварих» («Суть историй» — всеобщая история от сотворения мира, в которой особое место уделено Чингизидам и особенно Крыму)²⁵. Он был секретарём дивана (*диван-кятиби*) при Каплан-Гирее I (1730–1736) и ту же должность занимал при преемнике этого хана — Фетх-Гирее II (1736–1737). Ни один из крымских хронистов первой половины XVIII в. (ни Абд ал-Гаффар Кырыми, ни Саид-Гирей, и, добавим, ни позднейшие историки вплоть до 20-х гг. XX в.) не упоминают Ибрахима б. Али, который занимал столь высокую должность при дворе и в силу этого должен был быть хорошо известен современникам и потомкам.

К сожалению, внешняя критика манускрипта (например, данные о бумаге, на которой он написан) не позволяет однозначно высказываться в пользу его поддельности: И. Отар в новой публикации, кроме размеров рукописи, никаких данных не даёт. Однако всё же можно заметить, что почерк мало походит

на крымские и османские образцы первой половины XVIII в., а скорее присущ более позднему времени.

Примеров подделок тюркоязычных исторических и литературных памятников в мире известно немало. Большой шум вызвало, скажем, сочинение Микаила-Башту б. Шамс Тебира «Сказание о дочери Шана» (недавняя статья О. Прицака полностью сняла вопрос о подлинности этого фальсифицированного произведения). Не так давно появилась информация о поддельности «Рисале-йи Татар-и Лех» (произведения, сочинённого будто бы в 1558 г. и сохранившегося в рукописи начала XVIII в., опубликованной А. Мухлиньским)²⁶.

В любой подделке следует прежде всего усматривать цель её создания (фальсификаторами всегда преследуются те или иные цели — финансовые, националистические, часто политические). Можно усмотреть эти цели и в сочинении «История татарских ханов...». Автор хотел прежде всего доказать извечную агрессивность Москвы, территориальные притязания русских, имперские амбиции по отношению к тюркским народам. Это — главная мысль сочинения. Всё изложение подчинено именно ей. Из истории Кефеви следует и вывод о традиционной дружбе между Польшей и народами Дешт-и Кипчака, которая сдерживала военные притязания России и была залогом мира в регионе. Всё это вполне укладывается в концепцию эмигрантов-крымчан, и особенно Джафера Сейдамета. Появление «Истории татарских ханов» в начале 30-х гг. XX в. (к печати рукопись была подготовлена в 1930 г.) было очень симптоматично: актуальное ещё со времён гражданской войны сочинение как нельзя кстати пришлось в канун грозных потрясений в Германии, России и Польше.

Кто же стал автором подделки? Вряд ли им был Абдулла Зинни Сойсал (крымский татарин, живший в Турции, а потом в Польше, ученик Т. Ковальского, преподаватель турецкого языка в Восточном институте Варшавы)²⁷, переводчик сочинения Кефеви на польский (иначе неточностей и явного непонимания текста было бы, вероятно, меньше). Был ли автором сочинения сам Джафер Сейдамет (Кырымер)? В начале своей политической карьеры он склонялся к эсерам, затем стал всё более впадать в военно-диктаторские амбиции, состоял членом ЦК «Милли Фирка», исповедовал идею создания в Крыму при поддержке Турции национального татарского государства. В правительстве генерала Сулькевича, которое держалось у власти с 25 июня по 15 ноября 1918 г., Джафер Сейдамет был министром иностранных дел. После гражданской войны Джафер жил в Стамбуле, занимаясь в том числе и литературным творчеством (он был европейски образован, знал несколько языков)²⁸. Его перу, например, принадлежит книга об Исмаиле Гаспринском (1934), в 1930 г. в Варшаве он выпустил в свет на польском языке сочинение «Крым». Джафер неоднократно бывал в Польше, подолгу жил там, а также имел тесные контакты с добруджинскими татарами. Вместе с другим видным представителем крымской диаспоры Мюстеджипом Улькюселем он сотрудничал с пазарджикским журналом «Emel» («Стремление»)²⁹. В 30-е гг. XX в. в Польше добруджинская тема звучала в востоковедной литературе довольно отчётливо³⁰.

Кырымер всегда интересовался крымской историей. Еще в 1910 г. крымско-татарское подпольное общество «Ватан», созданное незадолго до этого с участием Сейдамета, принимает решение об издании собственных книг и статей. Причём один из членов общества Абдулхаким Хильми специально работает над языковым упрощением, дополнением и снабжением примечаниями «Гюльбун-и ханан»³¹. Вскоре этот труд был напечатан в Стамбуле. Национальная история в деятельности общества занимала большое место.

Как представляется, только дальнейшее скрупулёзное изучение памятника (если только не откроются новые обстоятельства) позволит решить вопрос об авторе (авторах?), определить источники сочинения, выявить, возможно, подлинные пласты текста (в этом случае важна степень редакторской работы), уточнить идейную направленность произведения и т.д. Вполне очевидно, что это сочинение — очень поздняя компиляция, претендующая на древность³².

Д. Колодзейчик, который связал этот труд Кефеви с последствиями крымского похода Миниха 1736 г.³³, обратил внимание на то, что в факсимиле титульного листа нового издания читается фраза *tercüme olunmuşdur* — т.е. «было переведено»³⁴. Можно было бы предположить, что текст Кефеви является переводом-переработкой какого-либо иноязычного труда.

Однако факсимиле титула, приложенное к польскому изданию, даёт абсолютно однозначное чтение: *tahrir ve testir olunmuşdur* — т.е. «было написано и начертано»³⁵.

Одно текстологическое наблюдение, возможно, поспособствует выявлению иных, кроме западных (польских и латиноязычных), источников текста Кефеви³⁶. В описании Полтавской битвы (время правления Гази-Гирея) целый пассаж текста со слов *ta derun-i vilayet-i Moskov olan*³⁷ почти совершенно совпадает с соответствующим фрагментом «Умдет ат-теварих» Абд ал-Гаффара Кырыми (время правления того же хана)³⁸:

تواريخ تاتار خان	عمدة التواريخ
تا درون ولايت مسقرو اولان براه اش ايچنده	تا درون ولايت مسقرو اولان براه اش ايچنده
خطمانك تختى اولان بالطوره نام جسيم شهره	خطمانك تختى اولان بالطوره نام شهره
كلوب ولايت لهه استسنلاوى اسنده قرالى	كلوب ولايت لهه استسنلاوى
قرال نصب و براه اشه مزايا نام خطمانى	قرال نصب و براه اشه مزايا نام قراغى خطمان

نصب ایدوب مسقو ملاعینی محو ایتمه	نصب ایدوب مزبور دلی پترو قرالی محو ایتمه
آنجق بر حمله جاک قالمش ایدی چونکه تقدیر	قریب آنجق بر حمله به قالمشیدی چونکه تقدیر
رَبّ تقدیر مسقو دولتنام محو اولماسی دکل ایش	رَبّ تقدیر مسقولولرک محوری مقدّر دکل ایش
بالطوره جوازنده بر کرّه دخی جنکلری اولدی.	پالطوره جوازنده بر کرّه دخی جنکلری اولدی.
اسرج عسکری مسقولویی أصلا انسان	اسرج عسکری مسقولویی أصلا انسان دکل
مقامنه عد ایتیمرب مغرورانه بلامترس	هیوان مقامنه عد اتعزلر ایدی. مغرورانه
آچیقندن اوزینه یوزرلر.	بلامترس آچیقندن مسقو تابورینه یوزیدیلر.
اما حبله کار مسقولولر مقدما چیرک ساعت	اما حبله کار مسقولولر مقدما چیرک ساعت
محلدن...	محللردن...

Таким образом, очевидно, что либо Абд ал-Гаффар Кырыми черпал свои сведения у Кефеви, либо наоборот. Однако Абд ал-Гаффар в числе аккуратно упомянутых им источников своего труда Кефеви не называет. И так как он сам был современником битвы и опирался в своём описании многих событий того времени на собственные впечатления и воспоминания, пользоваться каким-либо современным ему источником Кырыми не было смысла.

Последнее наблюдение ещё раз убеждает в том, что труд Кефеви — поздняя компиляция, созданная в начале 20-х гг. XX в. (в 1928 г. появилась уже первая печатная информация об этом памятнике) за пределами Крыма, скорее всего, группой антироссийски настроенных крымских татар, связанных с Польшей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пазарджик, который расположен в исторической области Добруджа, до Второй мировой войны входил в состав Румынии. Ныне это Болгария. Город в XIX в. был одним из центров эмиграции крымских татар. В дефтере военнообязанных жителей казы Пазарджик за 1845–1875 гг. часто встречаются лица с нисбой Кырыми, т.е. «крым-

- ский» (см.: Народная библиотека Кирилла и Мефодия. София, Болгария. Восточный отдел. Шифр D 365. Л. 46 об., 47 об., 55, 58 об., 64 и др.).
- ² توارىخ تاتار خان و طاغستان و مسقو و دشت قباچاق اولکلرینکدر. ابراهیم افندی بن علی افندی مافیوی. Пазарджик, 1933.
- ³ Там же.
- ⁴ *Tevārīh-i Tatar Han ve Dağıstān ve Moskov ve Deşt-i Kıpçak Ülkeleriniñdir*. Yayına hazırlayan İ. Otar. Eskişehir, 2005.
- ⁵ Ibrahim Ben Ali. Przyczynki do historii (Z dziejów narodów Kaukazu, Nadczarnomorza, Krymu, Moskwy i Polski). Warszawa, 1935. Перевод, надо сказать, кое-где является пересказом, местами текст выпущен, значительная часть имён и топонимов не понята переводчиком, поэтому использовать его нецелесообразно. На низкое качество перевода первым, пожалуй, обратил внимание З. Абрахамович. См. Hadży Mehmed Senai z Krymu. Historia Chana Islam Gereja III. Tekst turecki wydał, przełożył i opracował Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1971. S. 80.
- ⁶ См., например: Górka O. Uwagi Orjentacyjne o Tatarach Polskich i Obcych // *Rocznik Tatarski*. Zamość, 1935. T. II. S. 149, 152; Zajączkowski A. Elementy Tureckie na Zemiach Polskich // *Rocznik Tatarski*. Zamość, 1935. T. II. S. 213.
- ⁷ См., например: Kafalı M. Altun Ordu Hanlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. İstanbul, 1976. S. 5; Öztürk Y. Kırım Hanlığı // *Türkler*. Cilt 8. Ankara, 2002. S. 480–513; İnalçık H. Giray // *İslâm Ansiklopedisi*. Cüz 38. İstanbul, 1948. S. 788.
- ⁸ Лишь В.В. Трепавлов использовал отдельные сведения Кефеви как источник для истории ногаев. См. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 649.
- ⁹ [Velidi]. 18–19. Asır Türk Siyasî Tarihine ait Yeni Asar // *Yeni Türkistan*. İstanbul, 1928. Sayı 4 (16) (араб. шрифт). S. 38–44. Второе сочинение, имевшееся в виду Валиди, — труд Мир Иззет-Аллаха из Индии.
- ¹⁰ Hadży Mehmed Senai z Krymu. Op. cit. S. 80.
- ¹¹ См. Ortekin H. Kırım Hanlarının Şeceresi. İstanbul, 1938. S. 12; Guboglu M. Paleografia şi Diplomatica Turco-Osmana. Studiu şi Album. Bucureşti, 1958. S. 116.
- ¹² Оразаев Г.М.-Р. Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках (тексты, комментарии). Кн. 1. Махачкала, 2003. С. 97.
- ¹³ См. Кизилов М., Михайлова Д. Хазары и Хазарский каганат в европейских националистических идеологиях и политически ориентированной научно-исследовательской литературе // *Хазарский альманах*. Т. 3. Харьков, 2004. С. 36–37.
- ¹⁴ *Tevārīh-i Tatar Han ve Dağıstān...* S. 137.
- ¹⁵ Там же. S. 138.
- ¹⁶ Крижанич Юрий. Политика. М., 1997. С. 445. Ю. Крижанич заимствовал эти сведения у Липсия, значительно дополнив его по изданию Петрея (к которому восходили сведения Липсия) См. Petrejus P. Historien und Bericht von dem grossfürstenthumb Muschkow. Lipsiae, 1620. S. 165; Lipsius J. Monita et exempla politica. Amsterdami, 1630. S. 111.
- ¹⁷ См. Мыльников А.С. Мифологемы славянского этногенеза XVI — начала XVIII в. Концептуальный конспект проблемы // *Славяне и их соседи*. Вып. 8. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1998. С. 99.

- ¹⁸ Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. С. 72.
- ¹⁹ См. о ней: Мыльников А.С. Указ. соч. С. 102–103.
- ²⁰ Справедливости ради следует сказать, что в постоянно меняющихся этногенеалогических схемах мусульманских средневековых авторов происхождение славян могло также возводиться к разным сыновьям Иафета, в том числе и к Йавану. См. Коновалова И.Г. Функции этногенеалогий в средневековых арабо-персидских источниках // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 2001. С. 98.
- ²¹ Tevārīh-i Tatar Han ve Dağıstān... S. 118.
- ²² Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986. С. 12–28.
- ²³ Попов А.Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 9. СПб., 1853. С. 237–424.
- ²⁴ Зайцев И. Мутная компиляция или подделка? «История татарских ханов, Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчака» // Родина. 2007. № 8. С. 54.
- ²⁵ Части этой всемирной истории, относящиеся к Золотой Орде и Крымскому ханству, были опубликованы в 1924/25 гг. См. *قیمی الحاج عبدالغفار. عمدة التواریخ* (Neşr. Necib Asım; Türk Tarih Encümeni Mecmuası İlâvesi). İstanbul, 1343. См. также: İstanbul Kütüphaneleri Tarih-Coğrafya Yazmaları Katalogları. I. Türkçe Tarih Yazmaları. I. Fasikül (Umumî Tarihler). İstanbul, 1943. S. 13–14 (№ 3). Рукопись хранится в Сулеймание (Es'ad Efendi № 2331); впервые была упомянута в каталоге библиотеки Эсада-эфенди, основанной в 1262/1846 г. в квартале Йере Батан в стамбульском районе Айя-Софья (*دفتر کتبخانه اسعد افندی*. Стамбул [б.г.]. S. 135). Об этом манускрипте см. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park (Pennsylvania), 1994. P. 145, 353.
- ²⁶ См. Rowell Stephen. C. Lietuva, tėvynė mūsų? Tam tikrą XVI a. LDK raštijų pavyzdžiai // Senosios raštijos ir tautosakos sąveika: kultūrinė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės patirtis (Senoji Lietuvos literatūra. Knyga 6). Vilnius, 1998. С. 123–137; Зайцев И.В. Антоний Мухлинский и «Рисале-йи Татар-и Лех» («Трактат о польских татарах» или «Трактат польского профессора»?) // Фальсификации источников и национальные истории. Материалы круглого стола. М., 2007. С. 23–24.
- ²⁷ В январе 1933 г. он защитил в Ягеллонском университете в Кракове диссертацию на получение учёной степени доктора философии «О письмах крымских ханов, высланных в Польшу», а осенью того же года начал читать лекции по турецкому языку в Восточном институте.
- ²⁸ О нём см. подробнее Зарубин В.Г., Зарубина А.А. Джафер Сейдамет. Штрихи к портрету // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12–13.
- ²⁹ Журнал зарубежной диаспоры крымских татар. Первый номер был выпущен 1 января 1930 г. десятью крымскими татарами из Пазарджика, где и выходил первые пять лет. Следующие шесть лет выходил в Констанце (Румыния). За эти годы в 11 томах на 5000 страницах вышло более трёхсот статей о Крыме, крымских татарах и тюркских диаспорах. В 1941 г. «Emel» приостановил свою деятельность. Вновь стал выходить в Анкаре (Турция) 27 мая 1960 г. Издаётся по настоящее время. О деятельности крымско-татарской диаспоры в Добрудже в начале XX в. см.: Karasu C. Dobruca'daki

- Kırım Tatar Türklerinin Önder Şahsiyetlerinden Mehmet Niyazi Bey (1878–1932) // 38. İCANAS (10–15/09/07). Bildiri Özetleri Kitabı. Abstracts. Ankara, 2007. S. 360–361.
- ³⁰ См., например: Is'haki Saadet. Čora Batır. Eine Legende in dobrudschatatrischer Mundart / Legenda o Bohatyrze Čora Batır w narzeczu tatarów z Dobrudży. Kraków, 1935.
- ³¹ Kırımlı H. Kırım Tatarlarında Millî Kimlik ve Millî Hareketler (1905–1916). Ankara, 1996. S. 204–205.
- ³² Зайцев И.В. «История татарских ханов, Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчак» Ибрахима б. Али Кефеви // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной научно-практической конференции, 10–11 апреля 2003 г. М., 2003; Зайцев И. Мутная компиляция или подделка?
- ³³ Колодзейчик Д. Крымское ханство как фактор стабилизации на геополитической карте Восточной Европы // Украина и соседние государства в XVII в. Материалы международной конференции. СПб., 2004. С. 86.
- ³⁴ Tevārīh-i Tatar Han ve Dağıstān... S. 95; см. также пока не опубликованный доклад: Kołodziejczyk D. Das Krimkhanat als Gleichgewichtsfaktor im Osteuropa des 17 und 18. Jahrhunderts на конференции в Мюнхене «Das frühneuzeitliche Krimkhanat zwischen Orient und Okzident» Konferenz München 31. März – 1. April 2008.
- ³⁵ Ibrahim Ben Ali. Przyczynki do historii. S. 8.
- ³⁶ Благодарю за консультацию Н. Кроликовску.
- ³⁷ Tevārīh-i Tatar Han ve Dağıstān... S. 57, 121–122.
- ³⁸ عمدة التواريخ. قریبی الحاج عبدالغفار. S. 141.

Ильяш Караимович и Тимофей Хмельницкий: кровная месть, которой не было*

“What would you say about a young man who had a strange theory about a certain work of art, believed in his theory, and committed a forgery in order to prove it?”

“Ah! that is quite a different matter,” I answered.

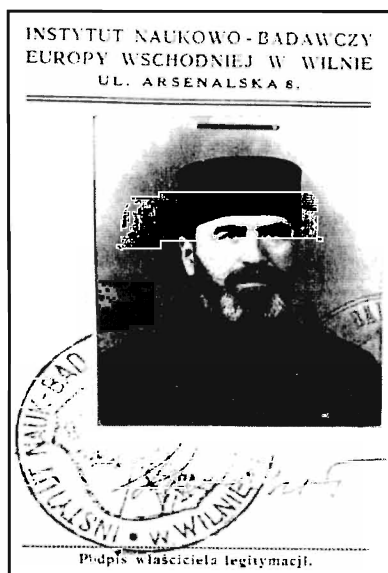
Oscar Wilde. The Portrait of Mr. W. H.

Пролог. Глава восточно-европейских караимов¹ Серая «Хан» Шапшал и его биография

Ещё один из первых биографов С. Шапшала (1873–1961) крымчакский² историк-любитель Лев Исаакович Кая писал: «Подробное изложение биографии Шапшала потребовало бы написания... целой книжки о нём и его жизненных приключениях. Его жизнь была ими не беднее, чем жизнь графа Монте-Кристо»³.

Действительно, родившийся в Бахчисарае в 1873 г., востоковед, дипломат, герой нескольких художественных рассказов и глава восточноевропейской караимской общины Серая Шапшал провёл бурную и полную самых удивительных приключений жизнь. Известный в караимской среде как Серая бен Мордехай, в российское и советское время Шапшал называл себя Серая или Сергей Маркович Шапшал, зачастую добавляя к своему имени такие почётные тюркские титулы, как «Хаджи» (Паломник) или даже «Хан» Шапшал. Особенно помпезно звучало его имя в польский период, когда он именовал себя Jęgo Exellencja Szapszał Nadży Seraja Han⁴. Практически сразу после окончания в 1901 г. факультета востоковедения Санкт-Петербургского университета Шапшал был отправлен в Персию: официально — для выполнения роли учителя при сыне шаха, а на практике он совмещал вышеупомянутые педагогические функции с ведением агентурной деятельности по поручению российского МИДа. В 1908 г., используя своё политическое влияние, Шапшал был одной из главных фигур, подавивших конституционно-демократическую революцию в Персии⁵. После избрания его в 1915 г. на пост Одесского и Таврического *га-хама* (*хахама*), административного и духовного главы российских караимов, Шапшал, казалось бы, отходит от политических интриг, но продолжит, тем не менее, поддерживать контакты с самыми высокими лицами Российской империи, включая царскую семью. Будучи в эмиграции в Турции после революции и начала Гражданской войны, в 1927 г. Шапшал был избран на пост Троковского *га-хама*, т.е. главы польско-литовской караимской общины. Затем, проживая

в Вильне (позднее Вильнюсе) с 1928 г., Шапшал находит общий язык с польской, литовской, нацистской и, наконец, советской администрацией, закончив свой жизненный путь в качестве научного сотрудника Академии наук Литовской ССР в 1961 г.⁶

Серая Шапшал в Вильне в 30-е гг. XX в.

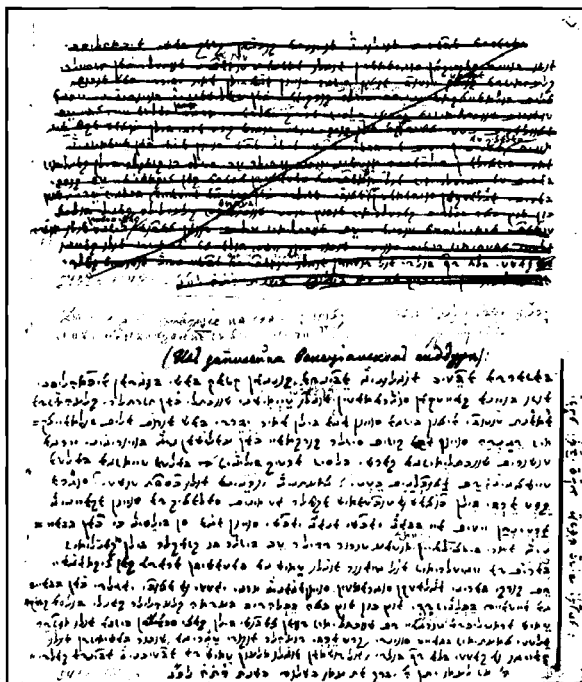
Все это время, с 1896 г. и вплоть до последних дней своей жизни, Шапшал занимается собирательством антиквариата, рукописей, монет и других предметов истории и культуры, а также написанием той или иной степени убедительности академических работ⁷. В тюркологической и особенно караимской среде вплоть до наших дней бытует крайне почтительное, если не сказать апологетическое отношение к Шапшалу. На наш взгляд, тем не менее, большинство его научных трудов, посвящённых истории караимов, не выдерживают строгой академической критики. Более того, некоторые из опубликованных им документов являются фальсификациями, направленными прежде всего на возвеличивание роли караимской общины в мировой истории. В этом смысле Шапшал, безусловно, является продолжателем европейской «романтической» традиции «удревнения» истории своих народов. В караимской историографии на поприще подделывания документов ему предшествовали такие караимские деятели, как Авраам Фиркович, Мордехай Султанский и Авраам Леонович.

Особый интерес, на наш взгляд, вызывает опубликованный Шапшалом псевдоисторический документ, связывающий Тимофея Хмельницкого, сына казачьего гетмана Богдана Хмельницкого, с переяславским полковником Ильяшом Караимовичем и караимами Чуфут-Кале. Как будет доказано ниже, данный документ является безусловной подделкой.

Поддельный текст о Тимофее Хмельницком и караимах: историко-лингвистическая критика документа

Итак, в 1955 г., через два года после смерти Сталина и за год до XX съезда КПСС, в «Вопросах истории», одном из крупнейших советских академических журналов, в колонке «Письма и заметки» была опубликована научная заметка С. Шапшала «О пребывании Богдана Хмельницкого и его сына Тимофея в Крыму»⁸. В этой заметке Шапшал сообщает об обнаружении им на полях венецианского караимского молитвенника 1528 г.⁹ записи на татарском языке о пребывании Тимофея Хмельницкого в *аманатах* (заложниках) у крымского хана Ислам Гирея в 1648 г. Позвольте мне привести полный текст этой записи в том виде, в каком её опубликовал сам Шапшал, — в авторском, по его словам, переводе с татарского (комментарии к тексту М. Кизилова):

После того как живший около базара в доме Аветик Оглу глава казаков — гетман Богдан Ихмелиски¹⁰ вернулся к Днепру, его величество Ислам Гирей-хан послал к нам через Сююн Агу приказ, чтобы мы содержали в нашей крепости сына его Темиша¹¹ в качестве аманата¹². Когда мы, ударив челом, сказали, что не можем принять Темиша, Сююн Ага, рассердившись, сказал: «Вы, не боясь, приказ высокопоставленного хана бросаете на землю и противитесь ему, — так знайте же, что к Балта-Тиймезу¹³ дотронется топор!»». — Так сказавши, он разгневался и отъехал.

Дневник С. Шапшала с поддельным текстом о Тимофее Хмельницком (рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литвы, фонд 143, д. 918, л. 2, лиц.)

На сердце общины пало великое уныние. Потом старый Эрби¹⁴ вместе с Ходжашем и Тохтамышем¹⁵, сев на коней, догнали у Салачика¹⁶ Сююн Агу и сказали: «Сююн Ага, ты ведь знаешь, что мы всегда послушны приказу хана-батюшки, но мы ведь с этими казаками канлы¹⁷, и мы боимся, чтобы наша молодежь, сцепившись с этим сыном гяура¹⁸, не произвела кровопролития». После того как они это пояснили, у Сююн Аги отлегло на сердце, и гнев его прошёл. Он сказал: «Доложу батюшке-хану, ждите!»

Три дня и три ночи мы ждали, и с Качи-Сарая¹⁹ его величество через диван-чауша²⁰ послал нам радостную весть: «Если жители крепости питают кровавую²¹ месть, то пусть казак Темиш остаётся в армянском квартале». Община наша весьма обрадовалась. Старый Эрби прочёл молитвы всевышнему: хвала (богу), с головы нашей спала великая скорбь и жестокое горе. Вражеский же сын — проклятый Темиш остался в доме Аветика. Писано в 5408 г. (1648 год н. э.)²².

Так звучит опубликованный Шапшалом текст — по его словам, перевод с татарского. У любого читателя этого документа мало-мальски знакомого с историей казаков, караимов и Крымского ханства, несомненно, сразу должен возникнуть ряд недоумённых вопросов, так как содержание данного источника, прямо скажем, не совсем вписывается в историческую канву той эпохи. Дабы упредить эти вопросы, Шапшал пожелал дать разъяснение значения этого документа:

Объяснение этого, видимо, следует искать в том, что Богдан Хмельницкий и его сторонники во время столкновения в 1648 г. убили гетмана Ильяша Караимовича — старшину реестровых казаков, сторонника поляков короля Владислава IV. Выходец из Крыма (из рода Узунов) Ильяш Караимович, по-видимому, не порывал связи со своими сородичами и соплеменниками. Ислам Гирей-хану пришлось с этим волей-неволей считаться, так как караимы крепости Кырк-Ер (Чүфт-Кале²³) были его тарханами. [...] Неясной может показаться угроза Сююн Аги относительно Балта-Тиймеза, то есть караимского кладбища, расположенного близ крепости. Дело в том, что это старинное кладбище, расположенное в долине, носящей название Иосафатовой, сплошь заросло вековыми дубовыми деревьями, рубить которые у караимов считалось за великий грех, отчего оно и называлось татарами «балта-тиймез», буквально — «топор не коснется». Пережитки подобного древопочитания, по-видимому, унаследованы караимами от их предков хазар [...] О древопочитании у караимов и угрозе татарских властей вырубить их «священные» дубы на кладбище Балта-Тиймез упоминает и акад. П. Паллас, пребывавший в Крыму в 1791–1794 годах²⁴.

Как и большинство других поддельных текстов, данный документ и разъяснения его публикатора не выдерживают никакой критики. Попробуем для начала подробно разобрать и проанализировать этот текст с точки зрения банальной исторической логики и здравого смысла. Во-первых, представляется совершенно невозможным, чтобы иудейская караимская община могла столь

решительно отказать крымскому хану, верховному правителю их государства. Иудеи-караимы всегда беспрекословно выполняли любые, даже самые изуверские и унижительные требования крымских ханов, не имея *никакой* физической возможности противостоять хану, его армии и чиновничьему аппарату. Караимы не имели на Чуфут-Кале собственного гарнизона, и более того, по мусульманским законам им вообще было запрещено носить оружие²⁵. Самым ярким примером, пожалуй, будут события 1777 г., когда Девлет Гирей и Селим Гирей несколько раз под различными предлогами вымогали у местных караимов деньги, грабили их, пытали и творили жестокий произвол²⁶. Образцами подобного рода ханского произвола по отношению к караимам пестрят многие другие источники раннего нового времени. Таким образом, данный документ прямо противоречит вековой практике реальных исторических взаимоотношений между мусульманскими правителями Крыма и их подданными-раями (иудеями и христианами).

Во-вторых, ни один из доступных источников (а их тысячи), повествующих о религиозных практиках и этнографических обычаях караимов, не упоминает о наличии у них обряда кровной мести (*канлы* в тексте Шапшала). Практика кровной мести, присущая некоторым мусульманским и немусульманским народам (например, чеченам, дагестанцам и др.), была практически неизвестна даже крымским татарам, а уж тем более совершенно чужда иудеям-караимам. Таким образом, этот документ прямо противоречит всем доступным источникам по религии и этнографии восточноевропейских караимов.

В-третьих, упоминающийся в тексте топоним для обозначения караимского кладбища в Иосафатовой долине (возле города Чуфут-Кале), «Балта-Тиймез» (тат. «топор не коснётся»), также не упоминается ни в одном другом историческом документе XVII–XX вв. Впервые его упоминает в 30-е гг. XX в. всё тот же Серая Шапшал, связывая этот топоним с никогда не существовавшими языческими практиками (прежде всего т.н. «культом священных дубов») крымских караимов²⁷. Данные практики опять же не упоминаются ни одним другим аутентичным источником по истории и религии восточноевропейских караимов. Таким образом, по нашему мнению, «культ священных дубов» и топоним «Балта-Тиймез» были введены в оборот самим Шапшалом и не являются отображением реальных исторических событий.

Ряд других, более мелких деталей также представляются нам совершенно нереальными и псевдоисторическими. Что это за загадочный «Эрби»? Как уже упоминалось, эта простонародная форма, искажение традиционного древнееврейского титула «рабби», едва ли могла быть использована образованным караимом, предполагаемым автором этой записи. Почему этот «Эрби» остался анонимом? В любом документе того времени вслед за титулом «рав», «рабби» или «рибби» должно было следовать имя (например, «рав Серая»), иначе упоминание почтительного титула без имени его носителя просто не имело бы смысла. Далее, почему два других караима, упоминающихся в документе, носили примечательно тюркские имена Ходжаш и Тохтамыш? Анализ кара-

имских документов и надгробных памятников того времени показывает, что около 95% мужчин-караимов носили традиционные библейские имена²⁸, и тот факт, что *оба* главы караимской общины Чуфут-Кале имели тюркские имена, представляется весьма маловероятным. Науке также неизвестен сановник Ислам Гирея Сююн Ага, каковой, несомненно, должен был бы упоминаться в других документах.

**Караимское кладбище в Чуфут-Кале и растущие на нем дубы.
(из альбома Дюбуа де Монпере, ок. 1843 г.)**

Сомнение вызывает также тот факт, что документ был написан на татарском языке. Действительно, где-то с XVI–XVIII вв. караимы начинают использовать крымско-татарский язык не только в качестве разговорного языка, но и для перевода Библии. Тем не менее самые ранние известные на настоящий день образцы караимских документов, где использовался бы крымско-татарский язык, датируются XVIII в.²⁹ Несомненно, что наиболее вероятным кандидатом для написания подобного рода исторической заметки был бы иврит (древнееврейский), на котором крымскими караимами XVII в. были написаны тысячи документов, теологических трактатов, молитвенников, писем и исторических заметок. В связи с этим выбор крымско-татарского в качестве основного языка для написания исторического документа также представляется достаточно маловероятным.

Немалые подозрения вызывают также обстоятельства «находки» этой записи: Шапшал не приводит ни факсимиле документа, ни точного архивного описания (с указанием номера книги, количества страниц и т.п.) экземпляра печатного караимского молитвенника 1528 г., на котором якобы была оставле-

на эта рукописная запись. Его пояснение, что этот молитвенник принадлежал «некому Каракашу из Бахчисарая» и что позднее он хранился «в караимской национальной библиотеке «Карай Битиклиги» в Евпатории», на наш взгляд, также не является достаточным и детальным. По нашим сведениям, этот экземпляр молитвенника не был в распоряжении никакого другого караимского или не-караимского исследователя и его не видел никто другой, кроме Шапшала.

Крымские караймы (из альбома Огюста Раффе, ок. 1837 г.)

Далее, ещё в XIX и XX в. ряд исследователей выражал серьёзное сомнение в том, что Тимофей Хмельницкий вообще когда-либо был в Крыму в качестве заложника, считая этот сюжет вымыслом историков XVII в. В частности, польский востоковед Богдан Барановский полагал, что «поздние сообщения различных летописцев о пребывании [Богдана] Хмельницкого в Крыму... о том, что он оставил там сына как заложника и т.п., вероятнее всего, являются вымыслом фантазии»³⁰. Крупнейший арменолог и украиновед Ярослав Дашкевич прямо писал, что Тимофей Хмельницкий никогда не был в Крыму в качестве заложника³¹.

Уже все вышеперечисленные соображения общего порядка однозначно указывают на то, что данный документ является не чем иным, как фальсификацией. Более того, проведённые нами в 2002 и 2008 гг. архивные исследования позволили прийти к однозначному выводу, что автором этой фальсификации является сам Серая Шапшал.

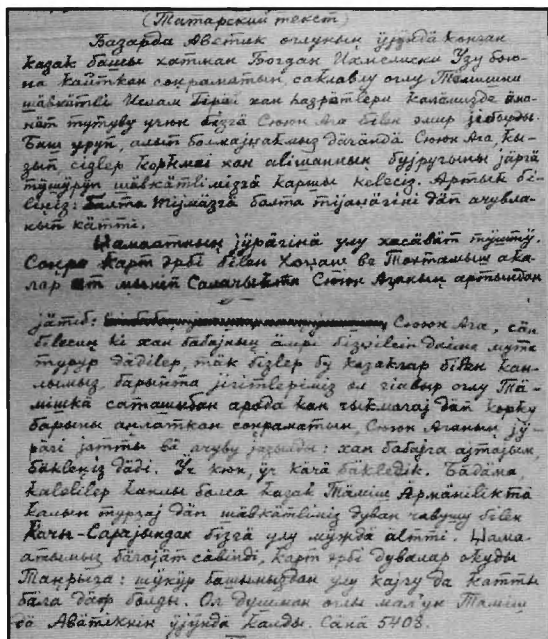
Дневник Шапшала и три версии «документа» о Тимофее Хмельницком

Итак, в апреле 2002 г. во время работы в архивном фонде С. Шапшала в рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литвы (ф. 143) в Вильнюсе нами была обнаружена тетрадь с выписками из разных опубликованных и архивных сочинений (д. 918), начатая Шапшалом в Константинополе в 1927 г. Лицевая сторона второго листа этой тетради содержала сразу же вызвавший мой интерес документ на крымско-татарском языке еврейской графикой (крымско-караимский полукурсив). Данный документ, написанный рукой самого Шапшала, содержал две различные версии вышеупомянутой истории о попытке поселения Тимофея Хмельницкого в Чуфут-Кале. Верхний вариант, позднее отвергнутый и перечеркнутый Шапшалом, содержал качественно иную версию событий. Так, там присутствовало имя ханского посланника-чауша — Талабей, в то время как во втором варианте он остается безымянным. Темиш Хмельницкий (как звучит его имя во второй версии документа и в переводе, опубликованном Шапшалом) именовался в первой версии Тимофеем, а все события излагались в более сжатом виде. Нижняя, «чистовая» версия документа практически полностью соответствует опубликованному Шапшалом переводу, но и там заметны следы переноса слов с места на место, многочисленные вставки, поправки и т.п.³² Такого рода описки, интерполяции и вариации *абсолютно* невозможны в случае, если автор работает с оригинальным текстом, переписывая его с доступного ему архивного документа.

Более того, в 2008 г., благодаря помощи И. Зайцева (Москва), я ознакомился с письмом С.М. Шапшала академику Михаилу Николаевичу Тихомирову, одному из редакторов журнала «Вопросы истории», где Шапшал и опубликовал свою фальшивку. Это письмо содержало ранний и более полный вариант статьи о Тимофее Хмельницком, татарский вариант текста, транслитерированный кириллицей (!), а также перевод текста приблизительно в том виде, в каком он был опубликован в «Вопросах истории»³³. Этот текст значительно отличается от двух вышеуказанных версий, хранящихся в Литве, прежде всего фонетической транслитерацией. Так, к примеру, слово *evinde* («в доме»), именно таким образом чётко записанное еврейской графикой в двух других вариантах текста, в третьем варианте транслитерируется как *ййүндә*, и т.п. Более того, там присутствует несколько более серьезных изменений. К имени Хмельницкого добавлен титул «гетман», а хан, ранее остававшийся анонимным, назван по имени: Ислам Гирей. В этом варианте, предназначенном для публикации в «Вопросах истории», Шапшал также удалил последнюю фразу на иврите, заменив её кратким тюркским словом *сене* («счет», «число»; здесь в значении «год»)³⁴. Подобного рода вариативность опять-таки *абсолютно* невозможна, если автор работает с оригинальным текстом документа.

Всё вышеупомянутое является окончательным доказательством того, что данный текст представляет собой фальсификацию, автором которой был сам

Серая Шапшал. Неясным остается, пожалуй, лишь вопрос о точной дате составления этого поддельного документа. Он не мог быть написан ранее 1927 г., когда Шапшал начал вести свой дневник. Вероятнее всего, документ был составлен уже в послевоенное время, не позже 1953–1954 гг., и вписан в старую тетрадь, начатую ещё в Константинополе в 1927 г.

Вариант текста о Тимофее Хмельницком, транслитерированный С.М. Шапшалом кириллицей для публикации в журнале «Вопросы Истории». (Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 661, л. 3–4).

Переяславский полковник Ильяш Караимович как историческое лицо

Из комментариев Шапшала к тексту (см. выше) явствует, что одним из главных героев этого «источника» (несмотря на то что его имя не упоминается в самом документе), вокруг которого, собственно, и вертится интрига кровной мести, является казацкий полковник Ильяш (Эльяш) Караимович. По мнению Шапшала, выходец из Крыма (из рода Узунов) Ильяш Караимович даже после получения им звания полковника реестровых казаков продолжал поддерживать связи со своими сородичами-караимами в Крыму. Именно по этой причине караимы Чуфут-Кале были канлы (т.е. в состоянии кровной мести) с Богданом Хмельницким (и, соответственно, его сыном Тимофеем), казаки которого в 1648 г. убили Караимовича.

Шапшаловский сюжет, несмотря на всю его апокрифичность, содержит крупинцы исторической правды: реестровый полковник Ильяш Караимович действительно существовал и действительно был убит казаками Богдана

Хмельницкого. Чтобы до конца разобраться с опубликованным Шапшалом «документом», представляется интересным порассуждать, кем же был реальный Ильяш Караимович. Несколько казацких и польских источников XVII в. предоставляют нам достаточно скудные и не всегда достоверные сведения об этом историческом персонаже. Можно предположить, что Ильяш (Эльяш) Караимович родился, вероятнее всего, в конце XVI — начале XVII в. В 1637 г. вместе с Иваном Барабашем в качестве предводителя реестровых казаков он участвовал в подавлении восстания Ивана Сулимы и Павла Павлюка. В 1638 г. он участвовал в подавлении следующего казацкого восстания, получив при этом серьёзное огнестрельное ранение при форсировании реки Пшол (Pszoł). В 1646 г. в должности есаула Караимович вместе с Иваном Барабашем и Богданом Хмельницким прибыл в Варшаву для переговоров с королем Владиславом IV³⁵. В мае 1648 г. вместе с Барабашем и другими старшинами реестровых казаков Ильяш Караимович был предательски убит взбунтовавшимися соратниками Богдана Хмельницкого³⁶.

Казацкий гетман Богдан Хмельницкий, отец Тимофея Хмельницкого

Надо сказать, что сведения источников и мнения исследователей относительно биографии Караимовича чрезвычайно сумбурны, фрагментарны и порой прямо противоречат друг другу. Так, к примеру, в источниках нет однозначно написания его имени. Исследователю могут встретиться такие формы написания, как Эльяш, Хэльяш, Ильяш, Илляш, Илиас, Илья и даже Иван Илляш. Ещё сложнее с его фамилией (или прозвищем). Если в научно-исследовательской литературе XIX–XX вв. он однозначно зовется Караимовичем, то в ряде источников он именуется просто Ильяш или Ильяш Переяславский³⁷. Более того, многие источники часто путают его с другими казацкими лидерами — Иваном Барабашем и Вадовским, которые постоянно упоминаются вместе с Караимовичем. Наиболее парадоксально сообщение Самовидца, полагавшего, что Богдан Хмельницкий хитростью похитил королевские грамоты-привилеи не у Ивана Барабаша (как об этом пишут другие источники), а все у того же Караимовича³⁸. Именно с этого ключевого события, собственно, и начался казацкий бунт 1648 г. Мнение Самовидца поддержал известный малороссийский историк

Николай Костомаров, добавивший также, что Караимович — это всего лишь прозвище Ильяша, в то время как Альбрехт Радзивилл называл его по фамилии — Вадовский³⁹. Именно по этой причине, по всей видимости, караимский автор Влодзимеж Зайончковский называл в своей энциклопедической статье Караимовича «Ильяш Караимович Вадовский»⁴⁰. Сообщение Самовидца заставило российских комментаторов трудов Самуила Величко предположить, что Иван Барабаш и Ильяш Караимович — это одно и то же лицо⁴¹. Так или иначе, судьбы этих трёх лиц — Вадовского, Барабаша и Караимовича (если мы полагаем, что они были тремя разными историческими фигурами) — были, несомненно, тесно переплетены. Имя Караимовича почти всегда упоминается вместе с именем Барабаша, и более того, все трое — Вадовский, Барабаш и Караимович — были заколоты пиками в один день, 4 мая 1648 г., сторонниками Богдана Хмельницкого.

Нет также однозначности с его достижениями на воинском поприще. Точно известно, что он был (старшим) реестровым полковником и ссаулом переяславских казаков⁴². Тем не менее некоторые источники и более поздние (XIX–XX вв.) исследователи утверждают, что он был также избран казацким старшиной и гетманом⁴³. Как бы то ни было, несмотря на все вышеупомянутые сложности в трактовке источников относительно его биографии, можно однозначно утверждать, что Ильяш Караимович действительно существовал и был реальным историческим лицом, одним из крупнейших лидеров реестрового казачества до начала «реbellий» Хмельницкого.

Особенно важным для нашей статьи является вопрос этнического происхождения Ильяша Караимовича. К глубокому сожалению «романтических» караимских авторов XX–XXI вв., ни один из источников XVII в. не сообщает никакой информации о его гипотетическом караимском происхождении. Более того, несмотря на фамилию Караимович, один из наиболее достоверных источников по истории казаков, современник тогдашних бурных событий, скрывшийся под псевдонимом Самовидец, сообщает, что Караимович был... армянином⁴⁴.

Откуда же тогда такая говорящая фамилия (прозвище)? К сожалению, далеко не всегда исторические фамилии и прозвища давались в строгом соответствии с теми или иными персональными качествами их носителей. Так, к примеру, из еврейско-казацкой истории известно, что фамилия Христианский давалась, как правило, только евреям-выкрестам, Белый и Белов — шатенам и брюнетам, Чёрный — блондинам и т.п. Т.е. совершенно не обязательно, что фамилия Караимович указывала на происхождение от этнических караимов. Караимовичем мог быть, к примеру, человек бывший в услужении у караима. Кроме того, известно, что в Восточной Польше (нынешней Западной Украине) слово *караим* зачастую имело дополнительную пейоративную окраску, природа которой остается невыясненной. Ясно лишь, что этот достаточно распространенный в Восточной Польше пейоративный термин вряд ли может быть связан с малочисленной караимской общиной, насчитывавшей тогда не более

3–4 тысяч человек по территории всей Речи Посполитой⁴⁵. Более того, большинство людей, носивших (и носящих сейчас) относительно распространённую фамилию Караим не имеют ни малейшего понятия о её происхождении и не отслеживают никаких караимских предков в доступном им прошлом⁴⁶.

Всё вышеперечисленное красноречиво свидетельствует в пользу того, что фамилия Караимович сама по себе совершенно не обязательно указывала на караимское происхождение её носителя, Ильяша Караимовича. О том, что фамилия Караимович совсем не значит, что её носитель был караимом, указывал ещё в 30-е гг. XX в. М. Блюм⁴⁷. Тем не менее, даже если он всё же и был изначально рождён в караимской (не будем отрицать, что минимальная доля вероятности подобного рода происхождения этой фамилии всё же присутствует) среде, начав военную карьеру среди казаков, он был бы просто *обязан* перейти в православное христианство. Быть одновременно иудеем-караимом и казацким предводителем для того времени, несомненно, было просто невозможно. Судьба караимов (и сврсев-раббанитов), перешедших в христианство, в ту эпоху была достаточно однозначна: с переходом в иную веру они полностью разрывали все контакты со своей общиной, прошлым, семьей и т.п., начав новую жизнь в качестве новообращенца-христианина. Их потомки уже, как правило, не имели ни малейшего представления о вере и происхождении их родителей⁴⁸. Так что сведения Шапшала о том, что Караимович (если мы представим на мгновение, что он всё же был караимом) мог поддерживать контакты с караимской общиной и после крещения и начала его военной карьеры, представляются *абсолютно* невозможными.

Миф о «караимском полковнике» в современной историографии

Предоставив специалистам по истории запорожского казачества право дальнейшей дискуссии относительно биографии Караимовича, хотелось бы исследовать далее романтический миф о «караимском полковнике Караимовиче» в современной историографии — опять-таки дабы яснее понять мотивы, побудившие Шапшала на создание сфабрикованного им документа.

Миф о храбром караимско-казацком полковнике стал формироваться, пожалуй, прежде всего самим Шапшалом ещё в дореволюционное время в бытность его одесским и таврическим гахамом в 1915–1920 гг. Впервые имя Караимовича появляется на страницах караимской печати, пожалуй, в 1918 г. Шапшал именует Караимовича «Хатман Элиша» и пишет, что, «по преданию, он не поладив со своими сородичами в Кале, ушел к казакам и вел с ними войну против русских»⁴⁹. Что еще более интересно, уже в самой ранней публикации на эту тему, Шапшал попытался сделать Караимовича потомком героического караимского рода Узунов, первым из которых был Элиягу Узун, якобы оборонявший Кырк Йер (Чуфут-Кале) от генуэзцев в 1261⁵⁰. Увы, в данном случае Шапшал сам стал жертвой мистификации одного из своих караимских пред-

шественников, Авраама Фирковича. Как явствует из исторических источников, геноуэзцы никогда не нападали на Чуфут-Кале, а нижняя часть надгробной эпитафии Элиягу, опубликованная Фирковичем в его *Авнэ Зиккарон* (Вильно, 1872), является несомненной фальшивкой⁵¹.

В межвоенной Польше и Литве формирование этой мифологемы активно продолжил сам Шапшал, а также некоторые другие караимские и некараимские авторы того времени⁵². Особо следует отметить луцко-караимского любителя-лингвиста Александра Мардковича, опубликовавшего отдельную брошюру, посвящённую биографии Караимовича как выдающегося военного, патриота, насмерть верного Польше и польским королям⁵³. Кстати, необходимо отметить, что сформированное Мардковичем и другими караимскими авторами представление о «непоколебимой» верности Караимовича польскому королю также является абсолютно неверным. Действительно, до конца своих дней Караимович был реестровым казаком на службе польской короны. Тем не менее, будучи человеком своего времени, Караимович активно участвовал в разного рода политических интригах. Так, в 1647 г., к примеру, по сообщению С. Грондского и других летописцев, Караимович вместе с Барабашем перешёл на сторону магнатов, противников короля Владислава⁵⁴. Ещё в 30-е гг. XX в. брошюру Мардковича о Караимовиче критиковал один из еврейских журналистов М. Блюм⁵⁵.

Кульминационным пунктом в формировании мифологемы о Караимовиче, несомненно, явилась вышеозначенная публикация Шапшала 1955 г. в «Вопросах истории», одном из крупнейших исторических журналов Советского Союза⁵⁶. С этого момента сюжет о храбром караимском полковнике, ранее бывший уделом «мелко-националистической» караимской историографии, если можно так выразиться, был узаконен и прошел своеобразную легитимацию в виде публикации в официальной советской прессе.

К чести последующих исследователей истории казачества следует отметить, что после 1955 г. очень немногие из них купились на эту, на наш взгляд, достаточно очевидную фальшивку. Тем не менее эта апокрифическая история благополучно перекочевала в классическую биографию Хмельницкого, напечатанную в серии «Жизнь замечательных людей»⁵⁷. В послевоенное время Ильяш Караимович стал одним из главных героев романа о Богдане Хмельницком пера известного украинского писателя Ивана Ле. Автор писал о Караимовиче как о выходеце из «рода умных караимов», но, по-видимому, не был знаком с опубликованным Шапшалом «документом»⁵⁸. Кроме того, ссылки на героическую фигуру Караимовича и на опубликованный Шапшалом «документ» являются общим местом в многочисленных и многотиражных любительских публикациях современных караимских авторов как стран СНГ, так и Литвы и Польши⁵⁹. Помимо караимских националистов, данная фальшивка с энтузиазмом воспринимается многими татарскими и украинскими националистами, тщетно ищущими наличие «украинского» следа в истории Крыма и Крымского ханства⁶⁰. Увы, из анализа источникового материала неопровержи-

мо явствует, что Ильяш Караимович едва ли имел хоть какое-то отношение к караимам в то время, как история о Тимофее Хмельницком и «кровной» мести караимов является обыкновенной фальшивкой.

Заключение: размышления о причинах подделки исторических источников

Возвращаясь к самой подделке текста о «кровной» мести, представляется интересным поразмышлять, какими мотивами руководствовался Шапшал, фабрикуя этот «источник». В принципе, на наш взгляд, у него не было насущной необходимости фальсифицировать этот документ. По всей видимости, идея о создании документа о Караимовиче могла возникнуть у Шапшала еще в 20–30-е гг. XX в. В отличие от ряда рукописей и колофонов, сфабрикованных его караимским предшественником Авраамом Фирковичем, этот документ не сулил караимам никаких социальных или экономических льгот и преимуществ. Вполне вероятно, на написание этого документа Шапшала вдохновило чтение трудов Николая Костомарова, в достаточно возвышенных и не слишком научных тонах писавшего о пребывании Богдана Хмельницкого и его сына в Крыму в качестве заложника (как было сказано выше, большинство серьезных учёных полагает, что Тимофей Хмельницкий никогда не был в Крыму в качестве заложника)⁶¹. Другим «источником» для Шапшала, несомненно, послужили путевые заметки немецко-российского учёного П.С. Палласа, писавшего в конце XVIII в. об уважительном (и не более) отношении караимов к деревьям, произрастающим на кладбище в Иосафатовой долине близ Чуфут-Кале⁶².

Тем не менее можно предположить, что, публикуя эту фальшивку, Шапшал преследовал определённую политическую цель. Как мы помним, в 1954 г. Советский Союз пышно праздновал 300-летие Переяславской Рады и присоединения Украины к России. В том же 1954 г. по незаконному указу генсека Никиты Хрущёва самый престижный и «лакомый» кусочек СССР, Крымский полуостров со всеми его жителями, здравницами и курортами, был «презентован» Украине в качестве своеобразного подарка на этот юбилей. Рассмотренный нами в статье «документ», имеющий отношение одновременно к украинской, крымской и караимской истории, был опубликован Шапшалом всего лишь год спустя, в 1955 г. Не была ли публикация этого документа обусловлена желанием подчеркнуть значимость мнимых караимско-казацких связей и тем самым показать близость польско-литовских и крымских караимов к украинской истории? В известной степени, если мы считаем опусы современных украинских националистов, активно использующих эту фальшивку, можно сказать, что этой цели Шапшал достиг. С другой стороны, как уже было сказано выше, в 50-е и 60-е гг. публикация Шапшала не имела особенного резонанса, и никаких дополнительных льгот и привилегий караимы после этого не получили.

Кроме того, несомненно, что важным фактором в процессе создания этой

фальшивки была теория Шапшала о происхождении караимов от хазар, тюркского народа, частично принявшего иудаизм в Средние века. Полагаем, что Шапшал вполне искренне верил в несемитское, тюрко-монголо-чувашское происхождение караимов, и за неимением источников, подтверждающих происхождение караимов от хазар, он решил попросту их изобрести — путём искажения показаний источников и, как в данном случае, путём прямой фальсификации. «Документ» о Тимофее Хмельницком должен был показать, что «караимский» культ почитания дубов, якобы уходящий корнями в давнее время, был аналогичен древопоклонническим практикам средневековых хазар и, как следствие, был «доказательством» хазарского происхождения караимов. Кроме того, этот «документ» ещё раз подтверждал само наличие несуществующего культа «священных дубов» у караимов ещё в XVII в. и в очередной раз «показывал», что караимская вера была далека от иудаизма, а сами караимы не являются этнически евреями. Как уже говорилось выше, этот культ, собственно говоря, не отмечен ни в одном аутентичном караимском источнике XIII–XIX вв. и является изобретением самого Шапшала⁶³.

Необходимо также отметить, что этот «документ» сыграл значительную роль в процессе, если можно так выразиться, «милитаризации» караимской истории — «милитаризации», осуществлённой самим Шапшалом и его последователями⁶⁴. Дело в том, что начиная приблизительно с межвоенного периода и вплоть до наших дней караимские националисты стараются представить мирное караимское население Восточной Европы в роли «неустрасливых и храбрых воителей», что едва ли одобрили их богобоязненные исторические предки, которые были преимущественно торговцами и ремесленниками. Данная тенденция «романтической» милитаризации истории своего этноса является общей чертой многих националистических идеологий XIX–XX вв. Можно припомнить также, что в Российской империи, в отличие от евреев-раббанитов, призывавшихся в армию начиная с 1827 г., караимы добились освобождения от воинской службы и стали служить в армии лишь со времён закона о всеобщей воинской повинности 1873 г.⁶⁵ Караимы доблестно сражались в рядах российской армии после 1873 г., но документы выразительно молчат о каком-либо участии караимов в военной деятельности как в средневековье, так и в раннее новое время. Те же из «средневековых» документов, на которые ссылаются современные караимские авторы, являются по большей части «романтическими» фальшивками, подобными той, которая исследуется в нашей статье⁶⁶.

Возвращаясь к Шапшалу и его исторической концепции, следует отметить, что глава караимской общины деятельно старался по крупицам «собрать» сведения о военном прошлом караимов, не гнушаясь искажать показания источников и, как было показано в этой статье, даже фальсифицировать их. Из его статей и неопубликованного наследия явствует, что Шапшал пытался представить казака Ильяша Караимовича и его соратника, войскового есаула Левко Бубновского⁶⁷, в качестве некоего переходного звена от караимов к русским казакам-субботникам (славянским прозелитам XIX в., перешедшим

в иудаизм караимского образца). Более того, по его мнению, в XVII в. «немало караимов служило на Украине в казаках», т.е. Караимович и Бубновский были представителями общей тенденции вступления караимов в ряды казачества⁶⁸. Увы, источники ничего не говорят нам о многочисленном переходе караимов в казачество, в то время как движение русских казаков-субботников, безусловно, изначально не имело ничего общего с караимами.

Данная фальшивка была опубликована Шапшалом в его достаточно преклонные годы. Как показывает исторический опыт его старшего коллеги Авраама Фирковича, фабрикация документов порой носит достаточно немотивированный характер, каковой не несёт в себе никакого рационального зерна, за исключением желания «выразить» себя подобно тому, как, скажем, поэт выражает себя сочинением стихов. Именно такой, достаточно иррациональный характер носили такие известные фальшивки, имеющие отношение к крымской истории, как «Записки готского топарха»⁶⁹, «Маджалисский документ»⁷⁰ или «византийская» рукопись о взятии турками Мангупа, купленная И. Андреевским, кстати, в лавке купца-караима в 1838 г.⁷¹ С другой стороны, за каждой из этих фальшивок при желании можно найти те или иные скрытые политические или идеологические мотивы. Следует также припомнить наличие других поддельных исторических источников на тюркских языках. Наиболее любопытным в контексте нашей статьи будет, пожалуй, поддельный труд «История татарских ханов», якобы написанный Ибрахимом б. Али Кефеви. На деле эта «История», по-видимому, была сфальсифицирована в 30-е гг. XX в. татарским политическим деятелем и националистом Джафером Сейдаметом (1889–1960)⁷². Отметим, что Сейдамет лично знал Шапшала и его работы и использовал исторический пример «тюрков-караимов» в своих пантюркских идеологических целях⁷³. Несомненными подделками являются также «Сказание о дочери Шана» Михаила-Башту ибн Шамс Тебира и, по-видимому, «Рисале-и Татар-и Лех»⁷⁴.

Следует также отметить, что текст о «кровной мести» был самой важной, но далеко не единственной фальсификацией, сфабрикованной Шапшалом. Несомненной подделкой также являются некоторые «источники», находящиеся в его рукописных работах, опубликованных уже после смерти Шапшала его последователями. Среди них особо стоит выделить т.н. «хазарские» стихи (*бейты*), якобы свидетельствующие о происхождении караимов от хазар⁷⁵. Кроме того, более чем сомнительной нам представляется также караимская песня на крымско-татарском о крымских народах, датированная якобы 1785 г.⁷⁶

Большое сомнение также вызывает и опубликованное Шапшалом в Польше в 1934 г. письмо о визите знаменитого польского поэта Адама Мицкевича в караимскую общину Гезлева (Евпатории) в июне 1825 г.⁷⁷ Это письмо было чрезвычайно «удобно» найдено в 1934 г., в то время когда караимы так нуждались в благосклонности польского правительства. Несмотря на то что некоторые специалисты считают данное письмо подлинным⁷⁸, польский исследователь Ст. Маковский предположил, что здесь имеет место либо ошибка

издателя письма С. Шапшала, либо сознательная мистификация. По его мнению, в пользу данной гипотезы свидетельствует ряд соображений, а именно отсутствие каких-либо других источников о столь ранней дате пребывания поэта в Крыму (июнь 1825 г.), а также отсутствие таких основополагающих элементов, как дата, обращение к адресату письма и подпись автора⁷⁹. Однозначно говорить о подлинности или поддельности этого письма представляется затруднительным, пока не будет обнаружен его оригинал или полная факсимильная копия. Тем не менее хочется отметить, что власти города Евпатории, безусловно, поторопились с решением поместить мемориальную табличку на стене дома, где мог останавливаться Мицкевич, не проведя сначала всестороннего исследования этого вопроса.

Более того, как уже упоминалось выше, в результате своей общественной и академической деятельности Шапшал ввёл в оборот ряд никогда не существовавших псевдоисторических терминов и топонимов (например, «гахан» вместо евр. «гахам», «Балта-Тиймез» вместо традиционного «Иосафатова долина», «Чуфт/Джуфт-Кале» вместо «Чуфут-Кале» и т.п.). И наконец, он мифологизировал и тюркизировал представление о караимской истории и этногенезе в караимской общине в Восточной Европе, фактически подменив караимскую этническую идентичность — от традиционной иудео-караимской до псевдоисторической тюрко-хазаро-караимской. Пожалуй, прежде всего именно его мифологизаторская работа заставила нацистских идеологов поверить в несемитское происхождение караимов — и тем самым спасла караимов от ужасов Холокоста. Тем не менее благие намерения Шапшала и забота о выживании вверенной ему паствы никак не может служить оправданием в деле фальсификации документов уже *после* Второй мировой войны, когда караимам ничего не угрожало.

Какие же выводы может сделать читатель из данной статьи о несуществующей кровной вражде между крымскими караимами и запорожскими казаками? Представленные нами аргументы не оставляют никаких сомнений в том, что опубликованный Шапшалом текст никак не мог быть оригинальным документом. Кроме того, нами также публикуются малоизвестные данные о биографии казацкого полковника Ильяша Караимовича, который, как явствует из данной статьи, являясь важной фигурой польско-украинской истории, едва ли мог быть караимом как в этническом, так и в религиозном смысле этого слова. Как следствие, нами в очередной раз демонстрируется полная несостоятельность аргументации подавляющего числа современных караимских и некараимских авторов, ссылающихся на работы Шапшала и пытающихся представить торговцев и ремесленников караимов как военное сословие. Равно псевдоисторическим является также упоминающийся Шапшалом в тексте «документа» и в комментариях т.н. «культ священных дубов», никогда не практиковавшийся религиозными ригористами иудеями-караимами, а также созданные Шапшалом «топонимы» Чуфт-Кале и Балта-Тиймез. К сожалению, ссылки на эти абсолютные псевдоисторические топонимы и сюжеты являются общим местом

в современной научной и популярной литературе в Крыму, Польше, Литве и Украине⁸⁰. В свете всего вышеуказанного следует ещё раз указать на необходимость крайне тщательного анализа *любого* сообщения многочисленных караимских авторов XIX–XX вв. (А. Фиркович, М. Султанский, А. Леонович, С. Шапшал, С. Шишман, А. Зайончковский и пр.). К сожалению, большинство из этих авторов имели тенденцию искажать, тюркизировать и романтизировать историю караимов в угоду собственным националистическим интересам.

Ну и наконец, несомненно, что сюжет о мнимой попытке поселить Тимофея Хмельницкого в Чуфут-Кале и об отказе местных караимов принять его немедленно должен быть вычеркнут из исследований по истории запорожских казаков и крымских караимов как явная и бесспорная фальшивка. Тимофей Хмельницкий, по всей видимости, вообще никогда не был в Крыму, караимы никогда не отказывали крымскому хану в попытке поселить в Чуфут-Кале знатных узников, а убитый в 1648 г. Ильяш Караимович никогда не поддерживал контактов с местной караимской общиной и, вполне вероятно, вообще не был караимом. Раскрытие псевдоисторического характера документа о Тимофее Хмельницком чрезвычайно важно также и с точки зрения современной политической ситуации в Крыму, когда украинское правительство всеми правдами и неправдами пытается доказать историческую «правомочность» беззаконного присоединения полуострова к Украинской ССР Никитой Хрущевым в 1954 г.⁸¹

ПРИЛОЖЕНИЯ⁸²

I

Изъ венеціанскаго сиддура⁸³

Bazarda Avetik oğlunun evinde qonğan qazâq başı _____ İxmehliski Özü⁸⁴ boyuna qaytqan sonramatın oğlu **Timâfeyi**⁸⁵ şevketli Xan Hazretleri Qal'chmizde **qonaq** tutuvı içün bizge Suyun ağa bilen emir yiberdi baş urup alıp bulmaycaqmız **degende** _____ [добавлено сверху: Suyun ağa qızıp] sözler qorqmay Xan 'âlişan- nıñ buyuruğın yerge tüşürüp şevketlimizge qarşı kelesiz _____ artıq _____ [добавлено сверху: biliniz] _____ [сверху добавлено трудночитаемое слово] _____ Balta Tiymezge _____, açuvlanıp _____ ketti _____, cama'at**qa ulu qorq** tüşti, sonra qart erbi _____ bilen Xocaş **aqa** _____ at minip [сверху добавлено: Salacıqta] _____ artından yetip, "ay babañ yaxşı anañ yaxşı Suyun ağa, _____ Xan **Atamızın** emri bizgileyin [трудночитаемое слово] mutâ'turur" [трудночитаемое слово] tep bizler bu qazâqlar bilen qanımız barıp ta yigitlerimiz ol giâvur ol _____ **Timâfeyge** ge sataşıban arada qan çıqmağayatep qorqı barıǵı anlatqân sonramtın _____ açuvu yazıldı, "Xan Babayga cyteyim bekleniz" tedi. Üç kün üç kece bekledip, **qartlarımız oruç tüştu** [добавлено сверху: ba'd ma] **şevketlimiz** "Qal'ehliler qanlı bolsa, **Timâfey** Ermenilikte turgayı" tep şevketlimiz **Talabey**⁸⁶ Duwan çavuşı _____ [добавлено сверху: Qaçı Saraydan] bizge ulu müzde eltti. Cama'atımız beğayet sevindi, **şükür**

Barux ha-Šem⁸⁷ **bola** ulu qaygu ve qattı balâ def boldu. Ol düşman oğlu [добавлено сверху: mal'ûn] **Timâfey** da Avetikniñ evinde qaldı.

ה' עז לעמו יתן ה' יברך את עמו בשלום בשנת ד'ת"ח לפ"ג 1648=5408

[внизу дописано карандашом:]

ירנו ישבי סלע מראש הרים יצוהו

Да ликуют живущіе на скалахъ и восклицаютъ съ вершины горъ (Сиддур Киппур. С. 153).

II

(Изъ записей на венеціанскомъ сиддурѣ)⁸⁸:

Bazarda Avetik oğlunun evinde qongan qazâq başı **Boğdan** İxmehliski Özü boyuna qaytqan soñramatın [добавлено сверху: **saqlavlı**] oğlu **Teymişni** şevketli Xan Hazretleri Qal'ehmizde **emanet** tutuvı içün bizge Suyun ağa bilen emir yiberdi baş urup alıp bulmaycaqmız **degende Suyun ağa qızıp** sözler qorqmay Xan 'alışan-nıñ buyuruğın yerge tüşürüp şevketlimizge qarşı kelesiz__ artıq **bilñiz ki** “Balta Tiymezege **balta tiyacagini bilñiz**”⁸⁹ **dep**, açuvlanıp__ ketti__, cama'atıñ **yüregige ulu xesvet** tüştü, soñra qart erbi bilen Xocaş __ **ve Toxtamış ağalar** at minip **Salacıq da Suyun ağa niñ** artından yetip, “ay babañ yaxşı anañ yaxşı Suyun ağa, **sen bilesen ki Xan Babayınıñ** emri **bizgileyin** [сверху добавлено **daima**] mutâ' turur” **dediler** tek bizler bu qazâqlar bilen qanlımız barıp da yigitlerimiz **ol giâvur oğlu Temiş** ge sataşiban arada qan çıqmağay **dep** qorqı barını anlatqan soñramatın **Suyun ağanıñ yürekü yattı ve** açuvu yazıldı, “Xan Babayga eyteyim bekleniz” dedi. Üç kün üç kece bekledik, __ __ __ **badema** __ “Qal'ehliler qanlı bolsa, **qazâq Temiş** Ermeni-likde [одно слово добавлено сверху: **qalıp**[?]] turgayı” **dep** şevketlimiz __ Duwan çavuşı **bilen Qaçı Saraydan** bizge ulu müzde eltti. Cama'atımız beğayet sevindi, **qart erbi do'alar okudu, Tañrığa şükür başımızdan** ulu qaygu ve qattı balâ def boldu. Ol düşman oğlu **mal'ûn Temiş** da Avetikniñ evinde qaldı.

ה' עז לעמו יתן ה' יברך את עמו בשלום בשנת ד'ת"ח לפ"ג 1648=5408

[сбоку дописано чернилами:]

ירנו ישבי סלע מראש הרים יצוהו

III

(Татарский текст)⁹⁰

Базарда Аветик оглуның үжүндә конған казакъ башы **хатман** Богдан Ихмел-лиски Узу боюна қайтқан соңраматын, саклавлу оғлу Тәмишни шәвкәтлі **Ис-лам Гірәй** хан хазрәтлери қаләмизде әманәт тутуву учюн бизгә Сююн Ага билең эмир жібырды. Баш уруп, алып балмајуакмыз дәгәндә Сююн Ага, қызып, сізлер қорқмай хан алішанның бујругыны јәргә тüşүрүп шәвкәтлімізгә қаршы kelesiz. Артық білініз: Балта Тіјмәзгә балта тіјаңіні дәп ачувланып кәтті.

Цамаатның јүрәгінә улу хасәвәт тüşтү. Соңра қарт эрбі билең Хоцаш ve

Тохтамыш акалар ат мыніп Салачыкта Сююн Ағаның артындан jätіb: [___⁹¹] Сююн Ага, сән білесиң кі хан бабајның әмрі бізцілеін даіма мута туруп дәділер, тәк бізлер бу казаклар білен қанлымыз, барыпта жігітлеріміз ол гіавыр оглу Тәмішкә саташыбан арада қан чыкмағај дәп қорқу барыны аңлатқан соңраматын, Сююн Ағаның jүрәгі жатты вә ачуву јазылды: хан бабајға ајтајым, бәкленіз дәді. үч кюн, үч кәчә бәкледік. Бадама, кәлелілер қанлы болса қазақ Тәміш Әрмәнліктә қалып турғај дәп шәвкәтліміз дуван чавушу білен Качы-Сарајындан бізгә улу мұждә әлтті. Цамаатымыз бәгајат сәвинді, қарт эрбі дувалар оқуды Таңрыға: шүкүр башымыздан улу кәјгу да қатты бәла дәф болды. Ол душман оглы мал'ун Тәміш дә Авәткннн үјүндә қалды. **Сәнә** 5408.

IV

М. Блюм (1935). Отрывок из статьи «Караимы в Троках в 1935 году»⁹²

Недавно появилась брошюра на польском языке об одном из таких героев, Ильяше Караимовиче. Кто такой этот герой и откуда он? Он жил в XVII столетии на Украине и стоял во главе казацкого полка в Переяславе. Времена тогда были беспокойные и опасные для Польши. Попытки гетманов закрепостить казаков, бывших дотоле вольными людьми, вызвали бурю бунтов и восстаний. Гетманы умирляли эти бунты с помощью... казацких же полков, которые поступали к ним на службу. Вышеуказанный герой, бывший в числе сторонников Польши, был командиром подобного полка. Он отличался большой храбростью в сражениях с восставшими казаками, и ему посчастливилось победить даже знаменитого казацкого атамана Ивана Сулиму. Но финал его истории был печален. Когда произошло жестокое восстание Богдана Хмельницкого, к нему присоединилось множество казаков, служивших в реестровых войсках. В составе полка Караимовича также нашлись приверженцы Хмельницкого, которые восстали против своего начальника, сторонника Польши, и убили его. Вся эта история имела бы смысл, если бы мы могли быть уверены, что этот Караимович... действительно был караимом. И каким образом у автора этого рассказа есть подобная уверенность, если об этом нет никаких сведений в источниках? Ведь одно имя само по себе не может ещё служить достаточным доказательством. Сколько гетманов в те времена носили имя «Жидовский» (т.е. еврейский), но, тем не менее, никому из еврейских историков и в голову не пришло рассказывать байки и чудеса о величии «Жидовских» [казаков]⁹³.

Разумется, легенда о Караимовиче является выдумкой, но эта выдумка соответствует нынешним условиям в Польше, где общественность находится в руках офицерства. Милитаризация караимского юношества есть не более чем часть бессмысленных действий караимского духовенства, сеющего вражду к еврейским массам, дабы этими враждебными чувствами закрепить свою власть над бедной караимской общиной.

- * Автор выражает глубокую благодарность профессору Д. Шапире (Израиль), а также своему отцу Б.В. Кизилову, в разные годы помогавшим автору в работе над данной статьёй, а также благодарен И. Зайцеву (Москва), указавшему на письмо С.М. Шапшала, хранящееся в Архиве РАН.
- ¹ Караимы — альтернативное движение в иудаизме, сформировавшееся на территории Персии и Ближнего Востока в VIII–X вв. н.э. Основной чертой этого движения является отрицание Талмуда и постбиблейских религиозных обрядов. В Восточной Европе (Крым, Польша, Литва, нынешняя Западная Украина) караимы появляются в XIII–XV вв. В качестве введения в историю караимов см. Кизилов М. Караимы // От киммерийцев до крымчаков / Ред. И.Н. Храпунов, А.Г. Герцен. Изд. второе, переработанное и дополненное. Симферополь, 2004. С. 254–269; Polliack M. (ed.) *Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources*. Leiden, 2003.
- ² Крымчаки — местные, «крымские» евреи, начавшие селиться на территории Крымского полуострова в I в. н.э. Оставаясь евреями-талмудистами, в XV–XVI вв. они переходят на диалект крымско-татарского языка и начинают культурно татаризироваться. С середины XIX в. они начинают называть себя «крымчаками», чтобы отделить себя от пришлых идишеязычных евреев-ашкеназов. В качестве введения в историю крымчаков см. Кизилов М. Крымчаки // От киммерийцев до крымчаков / Ред. И.Н. Храпунов, А.Г. Герцен. Изд. второе, переработанное и дополненное. Симферополь, 2004. С. 270–283.
- ³ Кая Л.И. Баловни судьбы // Архив Ваада России. Коллекция Л.И. Кая (в процессе каталогизации). С. 37.
- ⁴ *Archiwum Akt Nowych* (Warszawa). Zbiór Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Sygn. 1464. K. 30, 97.
- ⁵ Источники называли Шапшала «злым гением» шаха и были достаточно единодушны в негативной оценке его деятельности. См.: Смирнов К.Н. Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы / Подготовка, вступительное слово, комментарии, примечания Н.К. Тер-Оганов. Тель-Авив, 2006. С. 20–24, 43–44, 51, 54, 59, 65, 68, 69, 71, 76, 78, 79, 81, 87, 105, 117, 138, 235, 242, 245, 293; Browne E.G. *The Persian Revolution of 1905–1909*. Cambridge, 1910. P. 105, 130, 170–171, 198–200, 202, 207, 214, 279, 324, 418–420.
- ⁶ Подробное и беспристрастное изучение биографии Шапшала — дело будущего. См. первые попытки детального анализа: Янбаева Я. Из материалов к биографии проф. С.М. Шапшала // Евреи в России: история и культура. Сборник научных трудов / Ред. Д.А. Эльяшевич. СПб., 1995. С. 26–35; Kizilov M. *New Materials on the Biography of S.M. Szapszał (1928–1939)* // Материалы Девятой Ежегодной Междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2003. Ч. 1. С. 255–273; Shapira D. *A Jewish Pan-Turkist: Seraya Szapszał (Şapşaloğlu) and His Work ‘Qırım Qaray Türkleri’* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2005. Vol. 58. № 4. P. 349–380; Shapira D. *A Jewish Pan-Turkist: Serayah Szapszał (Şapşaloğlu) and His Work Qırım Qaray Türkleri (1928) (Judaeo-Türkica XIII)* // XIV. Türk Tarihi Kongresi Ankara: 9–13 Eylül 2002, Kongreye Sunulan Bildiriler. Vol. 1. Ankara, 2005. P. 187–212. Автор данных строк планирует посвятить отдельную монографию этому вопросу.

- ⁷ Его неопубликованные работы, письма, черновики, фотографии и прочие документы биографического характера хранятся в рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литвы. Ф. 143.
- ⁸ Шапшал С.М. О пребывании Богдана Хмельницкого и его сына Тимофея в Крыму // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 144–146. См. ниже библиографию многочисленных поздних перепечаток этой публикации.
- ⁹ Сэдер а-тефиллот ке-мин'аг ке'ал а-караим. В 4 т. Венеция: Д. Бомберг, 1528–1529. Это был первый печатный караимский молитвенник (см. о нём: Shapira D. Miscellanea Judaeo-Turkica: Four Judeo-Turkic Notes (Judaeo-Turcica IV) // Jerusalem Studies in Arabic and Islam 2001–2002. № 27. P. 475–496; Shapira D. History of Karaite Printing in Istanbul and the Crimea // History of Oriental Printing. Paris (в печати).
- ¹⁰ Т.е. Богдан Хмельницкий. В большинстве аутентичных караимских и еврейских документов XVII в. имя Богдана Хмельницкого передавалось обычно как «Хмель» (см., например, хронику Натана Ганновера в: Еврейские хроники XVII столетия / Иссл., перевод и комментарии С.Я. Боровой. Москва — Иерусалим, 1997. С. 128; ср. также поэму «От муки изгнания» караимского автора Иосифа бен Йешуа, где он именует казацкого гетмана «враг Хмельницкий» и «Хмель» (Иосиф бен Йешуа. *Tarlıhyndan galetnün*. Опубликовано Александром Мардковичем в *Karaj Awazy*. 1932. № 2 (4). С. 20–21).
- ¹¹ Т.е. Тимофея Хмельницкого.
- ¹² Т.е. заложника.
- ¹³ Комментарий самого Шапшала: «Татарское название старинного караимского кладбища при их крепости Кырк-Ер (позднее Чүфт-Кале. — С. Ш.)». См. об этом псевдоисторическом топониме ниже.
- ¹⁴ Термин «эрби» является простонародным искажением ивр. «рабби», т.е. «учитель», «образованный человек», «господин» или «раввин». Крымскими и польско-литовскими караимами употреблялся крайне редко; более популярной была форма «рибби». См. также ниже.
- ¹⁵ Комментарий Шапшала: «Видимо, эти два лица были старейшинами общины».
- ¹⁶ Салачик (Саладжик или Эски-Саладжик) — предместье Бахчисарая.
- ¹⁷ Т.е. в состоянии кровной мести.
- ¹⁸ Т.е. «неверного» — мусульманский термин, крайне странный в устах иудея-караима.
- ¹⁹ По мнению Шапшала, «летняя резиденция хана близ Бахчисарая».
- ²⁰ По мнению Шапшала, «пристав ханского государственного совета».
- ²¹ Так в оригинале. С точки зрения русского языка должно быть «кровную».
- ²² Шапшал С.М. О пребывании... С. 145.
- ²³ Должно быть «Чуфут-Кале» («Иудейская/Еврейская крепость»). Тюркский термин «чуфут» имел достаточно выраженный презрительный характер, аналогичный более позднему русскому «жид». По этой причине в процессе деиудизации истории караимов Шапшал стал называть эту крымскую крепость с крупнейшей караимской общиной в Восточной Европе «Чуфт-Кале» или «Джуфт-Кале», т.е. «Двойная/Парная крепость». Тем не менее ни один из караимских или татарских источников того вре-

мени не называл крепость «Чуфт-Кале», так что, к сожалению, равно как и «Балта-Тиймез», этот топоним также является одной из псевдоисторических выдумок Шапшала (подр. об этом топониме см.: Kizilov M. *Karaïtes through the Travelers' Eyes. Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaïtes According to Descriptions of the Travelers*. New York, 2003. P. 153–154, 158–161).

²⁴ Шапшал С.М. О пребывании... С. 145–146.

²⁵ См. об этом запрещении и особенностях юридического статуса караимов в Крымском ханстве: Kizilov M. *Karaïtes through the Travelers' Eyes*. P. 102–107, 163.

²⁶ Азария бен Илиягу. События, произошедшие в Крыму в царствование Шагин Гирей хана / Пер. А.С. Фирковича // *Караимская Жизнь*. 1911. № 5–6. С. 52–53, 59–61. Полный текст оригинала этой крайне любопытной исторической хроники, написанной на иврите (древнееврейском) караимом Азарией бен Элия, готовится к публикации Голдой Ахизер (Израиль). См.: Akhiezer G. *Events happened in the Crimea during the rule of Shagin Girey Khan: Historical Chronicle from the 18th century by the Karaite Azaria ben Eliah* (M.A. dissertation submitted to the Hebrew University of Jerusalem in 1999; на иврите). Подр. о взаимоотношениях между караимами и татарами см.: Kizilov M. *Karaïtes through the Travelers' Eyes*. P. 74–77.

²⁷ По нашему мнению, впервые этот топоним вводится Шапшалом в оборот в рецензии на псевдонаучную работу марриста и яфетиста Александра Башмакова: Szapszał, S. *Alexandre Baschmakoff, 'Cinquante siècle d'évolution ethnique autour de la Mer Noire' (Paris, 1937) (Recenzja)* // *Myśl Karaimska*. 1938. № 12. S. 112–118.

²⁸ По материалам полевых экспедиций 2000–2007 гг. А. Федорчука на караимском кладбище в Чуфут-Кале (материалы экспедиции готовятся к публикации в отдельной книге, а также на специальном интернет-сайте; см. предварительные результаты: Федорчук А. Авраам Фиркович и фальсификация крымских надгробных памятников // *Фальсификации источников и национальные истории. Материалы круглого стола*. М., 2007. С. 33–34).

²⁹ Shapira D. *The Turkic Languages and Literatures of the East European Karaïtes* // *Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources*. Ed. Meira Polliack. Leiden, 2003. P. 693. Рукописные переводы Библии на крымско-татарский язык из коллекции Бориса Кокеная (1892–1967), с которыми я ознакомился в Крыму в частной коллекции летом 2005 г., содержат полные переводы книг пророков, сделанные в 60-е гг. XVIII в. в Чуфут-Кале и Каффе (Феодосии).

³⁰ Baranowski B. *Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632–1648*. Łódź, 1949. S. 203.

³¹ Dashkevych Y. *Armenians in the Ukraine at the Time of Hetman Bohdan Xmel'nyč'kyj (1648–1657)* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1979–1980. № 3–4. P. 184.

³² Кроме того, там также присутствует фраза на иврите, о которой Шапшал не упоминает в своей статье: יִרְנוּ יִשְׂרָאֵל סֵלַע מְרָאשׁ הָרִים יְצוּחוּ «Да ликуют живущие на скалах и восклицают съ вершины горь (Сиддур Киппур, с. 153)». Так её перевёл и откомментировал сам Шапшал. Данная фраза явно была аллюзией на караимское поселение в Чуфут-Кале, действительно находившееся в скалах на вершине гор. (См. полный текст этого документа на крымско-татарском языке в латинской транслитерации в приложении III.)

³³ Шапшал С.М. «Заметка о пребывании Богдана Хмельницкого и его сына Тимофея в

Крым», а также письмо С.М. Шапшала М.Н. Тихомирову от 9.07.1954 (Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 661). См. также приложение III.

³⁴ См. приложение III.

³⁵ Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 253.

³⁶ См. основные источники по биографии Караимовича: Okólski Sz. Dyaryusz transakcyi wojennej między wojskiem koronnem i zaporoskiem w r. 1638. *Tudzież kontynuacya dyaryusza wojennego w roku 1638.* Kraków, 1858. S. 66, 67, 72, 98, 119, 139, 193. Величко С. (сост.) *Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке.* Киев, 1864. Т. 4. С. 200, 218–219, 233–234, 269, 283, 320, 349 (перевод второй части хроники Шимона Окульского с комментариями); *Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением малороссийских хроник.* Киев, 1878. С. 74–75, 6; *Літопис Самовидця* / Подг. Я.І. Дзира. Київ, 1971. С. 47; *The Eyewitness Chronicle.* Ed. Omeljan Pritsak. Pt. 1. München, 1972. С. 74–75, 6; Грабянка Г. Действия презельной и от начала поляков крвавшой небывалой брани Богдана Хмельницкого [sic]. Киев, 1854. С. 40; *Dyarjusz czy kronika o Początku Rebelliey Kozackiej, z iakiey okazyey u kto nadał do tej iadowitey Resolutiey, kodeks pap. XVII w. 377 (4090).* (Машинописная выписка из этой летописи была обнаружена нами в рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литвы. Ф. 143. Д. 880. Л. 28. По нашим сведениям, исследователям истории казачества данная летопись абсолютна неизвестна.) Ряд других источников по биографии Караимовича анализируется в: Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. С. 225–227, 232, 234–238, 248, 253–256.

³⁷ Например: Грабянка Г. Действия... С. 40; *Dyarjusz czy kronika o Początku Rebelliey.* Л. 28.

³⁸ По словам Самовидца, Хмельницкий напоил «Ілляша Ормянчика переясловского» (т.е. Караимовича) и украл у него ключи (*Літопис Самовидця.* С. 47–48).

³⁹ Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. СПб., 1904. С. 135; Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. М., 1994. С. 166.

⁴⁰ Zajączkowski Wł. Karaimowicz Wadowski, *Illasz* // *Polski Słownik Biograficzny.* Т. 12 (1966–1967). S. 14–15.

⁴¹ Величко С. (сост.) *Летопись...* С. 320, 349.

⁴² См. например: Okólski Sz. *Dyaryusz...* S. 98, 121, 139, 193.

⁴³ *Dyarjusz czy kronika o Początku Rebelliey* сообщает, что Elias Pereiasławski был Nakaznym Hetmanem ввиду отсутствия полного гетмана (видимо, в 1648 г.) (рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литвы. Ф. 143. Д. 880. Л. 28). По мнению одного из наиболее авторитетных исследователей истории казачества Д. Эварницкого, Караимович был объявлен гетманом в 1638 г. (Яворницький (Эварницкий) Д.І. *Історія запорозьких козаків.* Київ, 1990. Т. 2. С. 169; несмотря на украинское название этого издания, эта книга написана на русском).

⁴⁴ Хроника называет его «Ілляш Ормянчик (или «Ормянчин») переясловский» (*Летопись Самовидца.* С. 6; *Літопис Самовидця.* С. 47; *Eyewitness Chronicle.* С. 6). По некоторым предположениям, автором «летописи Самовидца» был стародубский священник Роман Ракушка-Романовский (ок. 1622–1703).

⁴⁵ См. сообщения о том, что галицийские католики и православные использовали термин караим в пейоративном контексте: Altbauer M. *Wzajemne wpływy polsko-*

жydowskie w dziedzinie językowej. Kraków, 2002. S. 94; Пушик С. Караїмський поет Захаря Самуїлович Абрагамович // Караїми Галича: Історія та культура / The Halych Karaims: History and Culture. Львів — Галич, 2002. С. 113.

⁴⁶ К примеру, просматривая австрийские официальные документы 1787 г., мы обнаружили среди жителей галицийской деревни Пониковица (Ponikowica) православного крестьянина, чье имя было Грыцько Караим (Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Wien). F. Staatskanzlei, Provinzen: Galizien I, Konv. D., 1787, fol. 181r). Американский прозаик Рид Караим (Reed Karaim) также не имеет никакого отношения к караимам. По устным сообщениям наших караимских информантов, караимами в Польше иногда называли евреев-земледельцев.

⁴⁷ Блюм М. А-караим би-Троки би-шнат 5695 // а-Давар. 30.09.1935; Блюм М. Караимы в Троках в 1935 году / Пер. с иврита Т.С. Леви-Бабовича, комментарии и ред. М. Кизилова // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М., 2004. № 4–5. С. 374–384. См. также приложение IV.

⁴⁸ См., например: Еврейские хроники XVII столетия. С. 69–70; Мусык J. Żyd na Siczy Zaporoskiej w XVII w. // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego w Polsce. 1992. № 1. S. 65–66.

⁴⁹ Г. С. [= Гахам Серая, т.е. Серая Шапшал]. История происхождения должности и характер деятельности караимских гахамов // Известия караимского духовного правления. 1918. № 1. С. 5. Прим. 1. Мы сохранили синтаксис и правописание оригинала. Кале = Чуфут-Кале; отметим также, что ни в одной другой статье Шапшал не пытался именовать Караимовича «Хатман Элиша».

⁵⁰ Там же. Шапшал утверждал, что бахчисарайский караимский газзан Юфуда (Иегуда) Узун якобы считал себя потомком Ильяша Караимовича (письмо А. Мардковича С. Шапшалу, 1931, рукописный отдел Библиотеки Литовской академии наук. Ф. 143. Д. 822. Л. 15 лиц.). Этот факт опять-таки известен нам только со слов самого Шапшала. По мнению проф. Дашевского (а вслед за ним Т.С. Леви-Бабовича и Вл. Зайончковского), потомки Караимовича жили на Украине и носили фамилию Ильяшенко, а не Узун (Zajączkowski Wł. Karaimowicz Wadowski. S. 15; Mardkiewicz A. O Iłjaszu Karaimowiczu: zwierchniku wojsk zaporoskich. Łuck, 1931. S. 15. Ft.1).

⁵¹ В результате полевых работ в августе 2000 г. нами (А. Федорчук, Д. Шапира, М. Кизилев) было найдено надгробие, по мнению Фирковича, содержавшее надгробную надпись Элиягу га-Наси 1261 г. Увы, в тексте эпитафии вообще не было нижней части, на которой, согласно Фирковичу, находилась дата 1261 г. и упоминалась осада Чуфут-Кале генуэзцами. Исходя из внешнего вида надгробия, его можно уверенно датировать XVII в. Более того, на территории караимского некрополя в Иосафатовой долине близ Чуфут-Кале вообще нет надгробий ранее середины XIV в. (Shapira D. (with contributions by Ezer M.; Fedortchouk A.; Kizilov M.) Beginnings of the Karaites of the Crimea Prior to the Early 16th Century // Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources. Ed. Meira Polliack. Leiden, 2003. P. 716; Федорчук А. Авраам Фиркович... С. 33).

⁵² Lewi-Babowicz T.S. Karaimi na ziemiach południowo-ruskich w wiekach IX–XVII // Myśl Karaimska. 1929. № 2 (2). S. 29; Szapszał S. Uzupełnienia i wyjaśnienia // Myśl Karaimska. 1931. № 2 (3–4). S. 8–11; О.О. О Ілjaszu Karaimowiczu, rycerzu z czasów kozackich // Gazeta Warszawska. № 226 (24.07.1931). S. 4.

- ⁵³ Mardkowicz A. O Ijaszu Karaimowiczu... См. также рецензию А. Зайончковского (Myśl Karaimska. 1934. № 10. S. 115–116).
- ⁵⁴ Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. С. 255–256.
- ⁵⁵ Блюм М. А-караим би-Троки... Блюм М. Караимы в Троках... С. 374–384. См. также приложение IV.
- ⁵⁶ Шапшал С.М. О пребывании... С. 144–146.
- ⁵⁷ Замлинский В. Богдан Хмельницкий / Серия ЖЗЛ. Вып. 9 (698). М., 1989. С. 90–91, 123–125.
- ⁵⁸ Ле И. Хмельницкий / Авториз. пер. с укр. К. Трофимов. М., 1974.
- ⁵⁹ Полная библиография подобного рода публикаций заняла бы несколько страниц. См.: Walfish B., Kizilov M. (eds.) *The Karaites and Karaism: an Annotated Bibliography*. Jerusalem, 2010 (в печати). Весьма показательно, что в постсоветское время эта заметка была несколько раз перепечатана и даже переведена на украинский язык (Шапшал С.М. Про перебування Богдана Хмельницького і його сина Тимофія в Криму // Кримська світлиця. 04.09.1993; Шапшал С.М. О пребывании Богдана Хмельницкого и его сына Тимофея в Крыму // Караимские Вести. 1994. № 6; Шапшал С.М. О пребывании Богдана Хмельницкого и его сына Тимофея в Крыму // Крымские караимы. Происхождение, этнокультура, история. Симферополь, 2005. С. 37–40). Любопытно, что известный караимский меценат М.С. Сарач дважды перепечатывал поддельный текст о Тимофее Хмельницком (один раз со ссылкой на М.Э. Хафуза как на первооткрывателя текста и другой — на А.И. Полканова) в переводе, сделанном с тюркского оригинала фальшивки не самим Шапшалом, а кем-то другим ([Шапшал С.М. Караимы в Крыму, Литве и Польше] // Караимская народная энциклопедия / Сост. М.С. Сарач. Т. 1: Вводный. М., 1995. С. 105–106; Сарач М.С. Религия крымских караев (караимов) // Караимская народная энциклопедия. Т. 2: Вера и религия. Париж, 1996. С. 20–21). Это указывает на то, что Шапшал показывал тюркский оригинал фальшивки кому-то из своих коллег. Кроме того, текст этого «документа» неоднократно перепечатывался в Интернете.
- ⁶⁰ Дальше всего в этой области зашёл, пожалуй, один из работников Бахчисарайского музея Алексей (Олекса) Гайворонский, переименовавший Караимовича в «козацкого вождя Элиаша Узуна», слепо доверяя и, более того, активно популяризуя псевдоисторическую байку о «культе священных дубов» и пр. (Гайворонский А. Козацкий вождь Элиаш Узун // Полуостров. 18.04.2003; Гайворонский О. Козацкий вождь Элиаш Узун // Гайворонский О. Страна Крым. Симферополь, 2004. Ч. 1. С. 41–44).
- ⁶¹ Подробный конспект работ Костомарова хранится среди личных документов Шапшала в рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литвы. Ф. 143. Д. 918. Л. 64–65.
- ⁶² По мнению Палласа, крымским ханам было достаточно пригрозить караимам уничтожением кладбищенских деревьев, чтобы добиться от них «добровольных» денежных субсидий (ein freiwilliges Geschenk). Говоря об уважительном отношении к деревьям, Паллас не уточняет, какой именно вид деревьев почитался (Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*. Leipzig, 1801. II Bd. S. 35). Ни один из последующих путешественников или караимских авторов вплоть до 30-х гг. XX в. не упоминает о распространении среди караимов почитания дубов или других деревьев как религи-

озного культа; несомненно, путешественники не обошли бы стороной столь интересный и необычный феномен, как поклонение дубам, если бы располагали хоть какой-либо информацией по этому поводу. Благоговейное отношение караимов к росшим на кладбище деревьям можно объяснить караимской традицией, согласно которой на территории некрополя запрещалось проводить вырубку деревьев и прополку сорняков, т.к. кладбище должно было медленно возвращаться к своему изначальному природному состоянию (Schur N. *The Karaite Encyclopedia*. Wien, 1995. P. 64–65). Не выдерживают также критики попытки увязать благоговейное отношение караимов к деревьям в Иосафатовой долине с раннесредневековыми языческими практиками хазарского населения. По заключению дендрохронологической экспертизы, проведённой в сентябре 1998 г. лабораторией Института археологии НАН Украины, древнейшие экземпляры дуба скалистого, растущие на территории долины, датируются 1780–1785 гг. (заключение с.н.с. М.А. Сагайдак № 125/01–4–399 от 11.11.1998. Мы используем копию заключения, хранящуюся в нашей личной коллекции). Это значит, что в XVII в. дубов на территории Иосафатовой долины ещё попросту не было.

⁶³ О том, что именно подобного рода желания двигали Шапшалам, ясно видно из более полного варианта его статьи, посланного Шапшалам М.Н. Тихомирову в 1954 г. При публикации в «Вопросах истории» изначальный текст статьи Шапшала был значительно видоизменен и сокращён (см. полный вариант статьи в Архиве РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 661).

⁶⁴ Ср.: Shapira D. Polish Sarmatism, Turkism, and 'Jewish szlachta': Some Reflections on a Cultural Context of the Polish-Lithuanian Karaites // *Karaites in Eastern Europe in the Last Generations. Proceedings of the Jerusalem Karaite Colloquium*, Ben-Zvi Institute and the Center for the Study of Polish Jewry and its Culture. Ed. D.D.Y. Shapira. Jerusalem, 2008.

⁶⁵ См. подр. об освобождении караимов от воинской обязанности в России и Австрии в: Miller Ph. *Karaite Separatism in Nineteenth-Century Russia: Joseph Solomon Lutski's Epistle of Israel's Deliverance*. Cincinnati, 1993; Kizilov M. *The Karaites, a Religious and Linguistic Minority in Eastern Galicia (Ukraine) 1772–1945*. D. Phil. thesis submitted to the Board of the Faculty of Modern History. Oxford, 2007.

⁶⁶ См., например, книгу В. Кропотова, где автор пытается продемонстрировать «военные традиции» караимов, будто бы восходящие к Средним векам (Кропотов В.С. *Военные традиции крымских караимов*. Симферополь, 2004).

⁶⁷ Насколько нам известно, Левко Бубновский (Будновский) упоминается лишь одним источником — Ш. Окульским при описании событий 1637–1638 гг. (Okólski Sz. *Dyaryusz...* S. 66, 193). Ни этот, ни один другой источник ничего не говорит о его караимском происхождении. На наш взгляд, попытка Шапшала доказать происхождение его фамилии от волынской караимской фамилии Бубон выглядит не слишком убедительно. Бубновский (Будновский) с таким же успехом мог быть казаком славянского или еврейского происхождения.

⁶⁸ Шапшал С. Караимы Крыма (1942 г.) // Рукописный отдел Библиотеки Литовской академии наук. Ф. 143. Д. 822. С. 232–234. Ср.: Szapszał S. *Uzupetnienia i wyjaśnienia* // *Myśl Karaimska*. 1931. № 2 (3–4). S. 8–11; Караимская народная энциклопедия. М., 1995. Т. 1. С. 105–106.

⁶⁹ См. критику в: Shevchenko I. *The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha*

Gothicus // Shevchenko I. Byzantium and the Slavs. Cambridge, MA, 1991. P. 353–478.

⁷⁰ Shapira D. Remarks on Avraham Firkowicz and the Hebrew Mejlis 'Document' // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2006. Vol. 59. № 2. P. 131–180.

⁷¹ Андреевский И.С. Развалины Мангупа // Одесский альманах на 1840 г. Одесса, 1839. С. 535–564.

⁷² См. доказательство подделки этого «источника» в: Зайцев И.В. «История татарских ханов, Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчака» Ибрахима б. Али Кефеви // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003. С. 95–102; Зайцев И.В. Мутная компиляция или подделка? // Родина. 2007. № 8. С. 53–54.

⁷³ См. его введение в труд другого крупнейшего пантюркского националиста: Kırimal E. Der Nationale Kampf der Krimtürken. Emsdetten, 1952. S. XVII–XVIII, XXIII.

⁷⁴ Зайцев И.В. История татарских ханов... С. 101; Зайцев И.В. Антоний Мухлиньский и «Рисале-йи Татар-и Лех» // Фальсификации источников и национальные истории. Материалы круглого стола. М., 2007. С. 23–24.

⁷⁵ См.: Старинные стихи на тюркско-караимском языке, в которых упоминается имя хазар // Фонд С.М. Шапшала в Литовском Национальном музее в г. Вильнюсе. № 178. R-13.164; Шапшал С. Караимы Крыма (1942 г.) // Рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литвы. Ф. 143. Д. 822. С. 81. Впервые эти бейты были напечатаны самим Шапшалом в 1928 г. (Shapira D. Jewish Pan-Turkist: Seraya Szapszał. P. 369). Эти стихи были также опубликованы после смерти Шапшала в: [Шапшал С.М. Караимы в Крыму, Литве и Польше] // Караимская народная энциклопедия. М., 1995. Т. 1. С. 64–65, а также многих других караимских публикациях недавнего времени. Данный источник, известный только лишь из рукописных и опубликованных работ Шапшала, никак не может являться образцом средневекового караимского фольклора и служить доказательством «хазарского» происхождения караимов. По всей вероятности, данные бейты, написанные на вполне современном крымско-татарском, также были сочинены самим Шапшалом (см. убедительную критику в: Shapira D. Jewish Pan-Turkist: Seraya Szapszał. P. 369–372). Современными караимскими националистами, тем не менее, эти поддельные стихи постоянно позиционируются как «неопровержимое доказательство» хазарского происхождения караимов.

⁷⁶ Рукописный вариант этой песни на крымско-татарском языке в еврейской графике с приписками на арабском, написанный рукой Шапшала, был найден нами в его личном дневнике (рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литвы. Ф. 143. Д. 917. С. 119, 130, 136). Ср. также опубликованный вариант в латинской графике с русским переводом в: [Шапшал С.М. Караимы в Крыму, Литве и Польше] // Караимская народная энциклопедия. М., 1995. Т. 1. С. 96). Крайне сомнительное анахронистическое содержание этой песни, а также отсутствие ранних списков этого произведения наводит на мысль о том, что здесь мы также имеем дело с фальсификацией. Кроме того, в одной из аутентичных караимских маджума XIX в. на незаполненном листе я обнаружил текст этой песни в еврейской графике, приписанный туда... рукой самого Шапшала. Можно предположить, что Шапшал, по всей видимости, планировал ещё одну мистификацию, аналогичную истории с «кровной мстью», с помощью этой песни, датируемой якобы 1785 г. (см.: Маджума Элии бен Симхи Безековича. Гезлев (Евпатория), 1842 // Фонд С.М. Шапшала в Литовском Национальном музее в

⁷⁷ Szapszał S. Adam Mickiewicz w gościnie u karaimów // *Myśl Karaimska*. 1934. № 10. S. 3–12. См. также: Awazymyz. 2005. № 2 (<http://www.karaimi.org/awazymyz/>) и русский перевод: Шапшал С.М. А. Мицкевич в гостях у крымских караимов // *Брега Тавриды*. 1996. № 4–5. С. 170–175.

⁷⁸ Цинал Ст. [Cinal St.] Мицкевич в гостях у караимов // *Литературный Крым*. 2002. № 11–12.

⁷⁹ Makowski St. *Świat sonetów krymskich Adama Mickiewicza*. Warszawa, 1969. S. 189.

⁸⁰ См. полную библиографию в секции «Turkic theory» в: Walfish B., Kizilov M. *Karaites and Karaism...* (в печати).

⁸¹ В марте 2008 г. по указке «сверху» и со ссылкой на псевдоисторический документ, анализирующийся в данной статье, в Бахчисарае была предпринята попытка поставить памятник Тимофею Хмельницкому. И только лишь благодаря вмешательству одного из работников Республиканского комитета по охране и использованию культурного наследия АР Крым, конспективно изложившего содержание нашей статьи на заседании правительства, этот проект удалось полностью дезавуировать.

⁸² Рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литвы. Ф. 143. Д. 918. Л. 2 лиц. Полный крымско-татарский текст фальшивки в двух вариантах приводится нами в турецкой транслитерации в приложении. Автор выражает глубокую благодарность профессору Д. Шапире за транслитерирование и интерпретацию текста (впервые данный текст был опубликован Д. Шапирой с комментариями на английском языке *Jewish Pan-Turkist: Seraya Szapszał*. P. 373–377). Мы решили оставить крымско-татарский текст подделки без русского перевода, т.к. второй, окончательный вариант этого текста практически полностью соответствует «переводу», опубликованному Шапшалом в «Вопросах истории» в 1955 г. (см. выше). Различия в двух вариантах этого «источника» обозначены знаком (____), а также выделены жирным шрифтом. Первый вариант, служивший Шапшалу черновиком, был им перечёркнут, и поэтому значительно более сложен для расшифровки, чем вторая, окончательная версия документа.

⁸³ Полузатёртая карандашная надпись над первой версией документа.

⁸⁴ Özü — название Днепра у тюркских народов.

⁸⁵ Во втором варианте документа имя Тимафей было изменено на Теймиш.

⁸⁶ Во втором варианте документа ханский посланник-чауш остаётся безымянным. Здесь же он именуется Талабей.

⁸⁷ Во втором варианте документа ивритское имя Бога Барух а-Шем заменено на тюркский термин Танры (т.е. Тенгри). Этот термин караимы и крымчаки часто употребляли в своих религиозных текстах вместо традиционных ивритских Адонай, Элоим и т.д.

⁸⁸ Заголовок самого Шапшала.

⁸⁹ Слово *biliniz* было перенесено на это место из предыдущей строки.

⁹⁰ Заголовок самого Шапшала. Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 661. Л. 3–4. Здесь сохранена транслитерация самого Шапшала, изменив лишь несколько фонетических символов, отсутствующих в современной компьютерной клавиатуре. Помимо многочисленных различий в фонетической транслитерации текста, изначально записан-

ного им еврейской графикой, нетрудно также заметить несколько более серьезных изменений в тексте, выделенных жирным шрифтом и подчеркнутых.

⁹¹ Несколько слов, находящихся во втором варианте, тщательно зачёркнуты.

⁹² Оригинал статьи был напечатан на иврите в иерусалимской газете «а-Давар»: Блюм М. А-караим би-Троки... См. также: Блюм М. Караимы в Троках... С. 374–384.

⁹³ Здесь автор разбирает брошюру Mardkowicz A. O Pjaszu Karaimowiczu... Несмотря на упрощение данной проблемы, Блюм в некоторой степени прав: ни один из еврейских авторов того времени не превозносил храбрости еврейского казачества, хотя обилие таких казацких фамилий и прозвищ, как Перехрист, Жидовин, Якубович, Маркевич и др., неопровержимо указывает на присутствие евреев на Сечи и в реестровом казачестве в XVII–XVIII вв. в качестве обычных казаков и даже атаманов (о евреях в Запорожской Сечи см.: Еврейские хроники XVII столетия. С. 68–70; Мусук J. Żyd na Siczy... S. 65–66.).

Легендарная переписка турецкого султана и другие подделки XVII столетия

Каждый фальшивый документ создаётся конкретным автором и запускается в оборот с какой-то определённой целью. После того как подделка обнародована, автор уже не властен над её судьбой. Одни фальшивки очень быстро забываются, оставляя лишь незначительные следы своего бытования. Другие после разоблачения становятся «хрестоматийными» примерами фальсификации и обретают долгую жизнь в литературе соответствующего профиля. Однако некоторые фальсификаты оказываются крайне живучими. Даже после разоблачения они вновь и вновь возвращаются в литературу, тиражируются в массовой культуре. На мой взгляд, степень «живучести» подделки определяется тем, в какой мере она соответствует идеологическим потребностям общества. Это особенно хорошо видно в тех случаях, когда подделки оказываются в новой для себя культурной среде. Ниже мы проследим судьбу нескольких фальсифицированных текстов, попавших в XVII столетии в Россию через европейские газеты.

Европейская периодическая печать стала привлекать внимание русского правительства уже в начале XVII в., т.е. практически сразу после начала издания первых газет. Со второй половины столетия в Посольском приказе начали составлять куранты (компилятивные обзоры иностранной прессы). Среди прочих статей на русский язык переводились и вымышленные «новости». Одним из наиболее показательных примеров является памфлет, опубликованный с датой 19 июня 1670 г. в качестве сообщения из Гамбурга. В нём рассказывалось о том, что во многих немецких городах произошли землетрясения, сильно напугавшие жителей. Церковные колокола звонили сами собой. В шведском же городе Калмере, когда больше 100 человек собрались к причастию, сосуд с вином распался на две части. При этом «со воздухом» раздался голос, пояснивший, что это наказание за неверие в «католициские веры». Вслед за описанием столь очевидных знамений автор сообщил о принятии католицизма многими людьми на Нижней Эльбе¹. Рядом с этой статьёй на полях имеется помета кого-то из русских читателей, выразившего своё отношение к публикации: «лукавство засылочное». Данная надпись на «подносном» (предназначенном для зачитания царю и боярам) экземпляре курантов существенно отличается от обычных переводческих и писцовых помет. К настоящему моменту её автора установить не удалось, однако она, безусловно, принадлежала должностному лицу очень высокого ранга. Легкое «разоблачение» данной фальшивки вполне объяснимо. Она создавалась кем-то из католиков как средство борьбы с распространением протестантизма. В России такой проблемы не существовало, и фальшивка, попав в русскую культурную среду, сразу же вышла из обращения.

Совсем иначе сложилась судьба «Сказания о двух старцах». В нём рассказывается о появлении в разных городах Европы двух проповедников, предупреждавших конец света. Это сочинение неоднократно с вариациями публиковалось в европейской прессе² на протяжении XVII–XVIII столетий. Сочинение имело вид обычного газетного сообщения. Сюжет «Сказания о двух старцах» довольно прост. В некоем городе (Палермо, Неаполе, Менге и других, место действия в разных редакциях менялось) появлялись два странно одетых старца, говоривших на необычных для этой местности языках. Старцы рассказывали о том, что Бог разгневался на людей за их грехи и скоро наступит конец света. Власти города (светские или церковные) арестовывали пророков и допрашивали их, а потом отправляли в Рим. Допрос выявлял благочестие старцев. Их святость в некоторых редакциях подкреплялась чудесами. К примеру, телега, на которой старцев отправляли в Рим, рассыпалась под ними, спадали оковы, открывались запертые двери. «Новость» о появлении пророков сопровождалась списком их пророчеств, которые чаще всего охватывали ближайшие 10 лет³. После того как указанная в тексте дата конца света проходила, издатели «подновляли» её. Бродячие проповедники предсказывали войну, голод, мор, землетрясения, уничтожение огнём частей света и т.д. Содержание пророчеств в разных редакциях частично изменялось. Своим источником они имели тексты Нового Завета. К примеру, пророчество о том, что «будет едино стадо и один пастырь», цитирует Евангелие от Иоанна (Ин. 10:16), хотя и не имеет смысловой связи с притчей о добром Пастыре. Впрочем, содержание пророчеств лишь в общих чертах соответствовало Священному писанию и могло вызывать самые разные ассоциации. Об этом свидетельствует приписка к «Сказанию о двух старцах» в одном из русских сборников начала XVIII в. Её автор пометил: «Ищи о сем в отнотлии [так в тексте] книги Иезекииля пророка во главах 38 и 39. Да в Апоколеписе в 3 и в 13, в 17, в 18 и в 20 главах. Апостола Петра в послании в зачале 67-й. Павла апостола во 2 послании к Тимофею глава 3-я, зачало 295 о человецех»⁴. Можно предположить, что неточное цитирование было продуманным авторским приёмом, который заставлял читателя самого искать наиболее убедительные именно для него аллюзии.

Идеологическое содержание «Сказания о двух старцах» вполне очевидно. Пророки критикуют образ жизни католиков, а преследует их католическая церковь. Само упоминание о скором конце света также радикализировало общественные настроения. Как любезно указал автору данной статьи А.И. Алексеев, своего рода «криминальный шлейф», который тянется за текстами, близкими по содержанию к «Сказанию о двух старцах», сформировался в странах Западной Европы гораздо ранее XVII в. Как свидетельствует Откровение Иоанна Богослова, появление последних пророков (Откр. 11. 3–7) произойдёт при господстве антихриста, деяния которого они будут обличать. Более того, текст Откровения не оставляет никакой роли за официальной церковью. Острота этих вопросов в официальной теологии снималась в комментариях, которые сглаживали конфликт между ожиданием всеобщего Страшного суда и продол-

жающейся жизнью человечества. Тексты, где речь шла о пророчествах двух старцев, несли в себе заряд острого социального протеста и в странах Западной Европы были связаны с мессианскими движениями от флагеллантов до анабаптистов. Прежде чем стать стандартным оружием в полемике между католиками и протестантами, тексты о двух старцах широко использовались как инструмент борьбы еретических хилиастических движений против официальной церкви. Острейшая борьба между католиками и протестантами обеспечивала сочинению в европейских странах долгую жизнь⁵.

Казалось бы, что вне культурного пространства Европы такое сочинение не имело перспективы для тиражирования. Однако на протяжении XVII в. «Сказание о двух старцах» не менее шести раз переводилось в Посольском приказе и как минимум трижды проникало в русские рукописные сборники⁶. На Украине памфлет также вызывал устойчивый интерес⁷. Он оказался востребованным у православного населения, страдающего от католической экспансии. В России же им воспользовались противники церковной реформы середины XVII в. и преобразований Петра I⁸. Можно назвать две причины неожиданного универсализма «Сказания о двух старцах». Первая из них — это общехристианская основа культуры России, Украины и Европы. В двух старцах любой сколь угодно начитанный христианин видел двух пророков, чьё появление должно предшествовать Судному дню. Вторая — наличие острого конфликта между религиозными конфессиями: католиками/протестантами, католиками/православными, никонианами/старообрядцами. Во всех трёх случаях фальшивка оказалась направленной против господствующего исповедания.

Особенно интересна судьба этого текста в старообрядческой книжной традиции. Старообрядцы не только включили в свой круг чтения протестантский памфлет, но и стали перерабатывать его под российские нужды. «Сказание о двух старцах» сопровождалось комментариями, которые фактически представляли собой отдельное сочинение, озаглавленное «Объявление настоящего времени, что явилось на семьсотый год». Его автор перечисляет реформы Петра I, связанные с европеизацией русского общества, перемежая их с цитатами из различных сочинений. Признаки конца света, предсказанного двумя пророками, старообрядческий автор видел в появлении гербовой бумаги, брандирития, введении немецкого платья и обычаев, табака, увеличении числа кабаков. Особенно подробно комментируются перемены в одежде: «Одежду жены имеют зело неподобно, и неискусно груди выняты, паче же рещи наги и безсрамны показываются»⁹. Как видим, отредактированный соответствующим образом религиозный памфлет старообрядцы использовали для критики светских властей. Правительство хорошо осознавало опасность «Сказания о двух старцах». В XVIII столетии поиском и изъятием списков этого документа занималась Тайная канцелярия¹⁰. Таким образом, правительство, которое обеспечило многократный перевод сочинения на русский язык, было вынуждено тратить значительные усилия на борьбу с его распространением в народной среде. Судя по большому числу сохранившихся до наших дней списков, борьба

эта была безуспешной. Конец тиражированию «Сказания о двух старцах» положила постепенная секуляризация европейской, а затем и русской культуры. В XIX столетии прежде неистребимый текст полностью вышел из обращения.

Легендарная переписка турецкого султана — другой пример проникновения европейских подделок в русско-украинскую культурную среду. Произведения этого цикла также имеют достаточно примитивный сюжет. Часто (хотя и не всегда) они составляют пару из высокомерного послания турецкого султана и дерзкого пародийного ответа. Эти тексты распространились в Европе в качестве антитурецких памфлетов. Их литературный характер никогда не ставился под сомнение серьезными исследователями, а европейское происхождение доказано американским учёным Д.К. Уо¹¹.

Исключительно антитурецкое значение «переписки» сохранила не слишком долго. Уже в XVII в. «Легендарное послание турецкого султана владетелям и всем христианам» попало в состав протестантского памфлета в качестве описания грозной кары, которой Бог наказывает католиков за притеснение протестантов в Венгрии¹².

Наиболее интересна судьба другого произведения этого цикла — «Леген-

вещь и очень любил повторять кому угодно непристойный текст этого самого ответа»¹⁶. Из цитаты видно, что Сталин знакомил окружающих с поздней версией послания, так как в редакции XVII в. нет ничего неприличного. Очевидно, что некоторая скандальность позднего текста способствовала его популярности.

Актуальность картины Репина существенно усилилась в годы Великой Отечественной войны. Образы запорожцев были переосмыслены в антифашистском плакате (1942). Место казаков XVII в. заняли украинские партизаны, которые писали письмо «Гад-дольфу Гитлеру». Появился и новый вариант «письма». Он не имел непечатных выражений, однако сохранял колорит первоисточника. К примеру, Гитлеру рекомендовали: «Про це скажи Герингу, Гебельсу и Риббентропу, и поцелуй их за одно в...»¹⁷

Этот вариант из возможных для распространения в печати является самым жёстким. Более «фольклорные» версии не могли публиковаться в официальных изданиях, что препятствовало распространению сочинения. Ситуация изменилась после появления Интернета. В нем «Письмо» распространяется массово. В августе 2007 г. таких публикаций обнаружилось менее ста, а в апреле 2008 г. — уже более двухсот. Размещённый на yandex.ru сервис «Пульс блогосферы» показывает, что в блогах данный текст встречается постоянно. Мне удалось обнаружить в Сети только поздние варианты памфлета, причём многие тексты содержат непечатную лексику. Иногда о характере информации предупреждает сообщение: «Внимание! Ненормативная лексика! Содержание этой страницы или секции может показаться некоторым читателям непристойным или оскорбительным». Спектр сайтов, где вывешено письмо, крайне широк — от «Православного Форума Апостола Андрея Первозванного» до сетевых дневников, объединяющих автомобилистов. Автоматический поиск информации о «Письме» выдаёт даже порносайты, обычно не публикующие литературные памятники XVIII в. Выявить какую-либо социокультурную группу, в которой преобладает интерес к данному сочинению, оказалось невозможным. Можно лишь отметить, что среди читателей преобладают русские и украинцы. Любопытно, что при интернет-публикации данного письма очень редко сообщается о его литературном характере. Обычно текст рассматривают как подлинный документ. При этом высказываемые иногда сомнения зачастую тоже не в полной мере соответствуют реальности. К примеру, скептически настроенный комментатор одной из публикаций отметил: «Письмо имеется в многочисленных вариантах, начиная от XVII в., но, скорее всего, это просто апокриф, волна интереса к которому возникла аккурат к русско-турецкой войне 1877–78 гг. Именно тогда Репин и решил написать картину — социальный заказ, так сказать»¹⁸.

Особенно ценны для анализа произведения те сетевые дневники, где текст «Письма» обсуждается. Обнаружилось, что существует проблема «национальной идентификации» запорожских казаков. В период существования Российской империи и СССР русские люди привыкли осознавать запорожских казаков

с картины Репина как «своих». Несмотря на появление на политической карте независимой Украины, многие русские пользователи Интернета продолжают воспринимать «запорожских казаков» в том же культурном ключе. К примеру, пользователь LiveJournal Анастасия Львова, которая, судя по фотографии, принадлежит к молодому поколению, прокомментировала текст так: «Я восхищена. Падонкам¹⁹ не дорасти. Кто б так на заявление СШАmericи отвечал бы (посмотрела вчера телевизор — травма)»²⁰. То же самое видим и в информационных изданиях. К примеру, на сайте Демократия.ру. (10.08.2007). В материале «Поток сознания, или „Запорожцы пишут письмо турецкому султану-2“» сообщалось: «Все выступления вице-спикера Государственной Думы Российской Федерации Владимира Жириновского — публичные, как и должно быть у нормального политика. И видеопослание президенту США Бушу по вопросу Ирака, полностью воспроизведенное на Компромате.ру, должно занять свое место в библиотеке. Подальше от глаз детей». Как видим, образ запорожцев продолжает использоваться в системе «Россия — её главный внешний враг». Только в наше время в блогах турок и немецких фашистов сменили США.

Наиболее острой дискуссия оказывается в тех случаях, когда участники обсуждения обращают внимание (хотя бы случайно) на то, что запорожцы с картины Репина по национальности именно украинцы. Тогда дискуссия в блоге быстро уходит от начальной темы и приобретает националистический характер. При этом турки практически не выступают как объект критики. Приведём в качестве примера две такие дискуссии, возникшие после размещения «письма запорожцев». Поскольку в блогговом обсуждении проблемы обычно участвуют несколько человек, диспут распадается на отдельные диалоги. Мы не будем воспроизводить его полностью, а приведём лишь наиболее яркие высказывания, которые позволяют понять общее направление обсуждения.

На «Православном Форуме Апостола Андрея Первозванного» дискуссия постепенно перешла к теме голодомора. Участник диспута из Украины писал: «Революция задумывалась и делалась в России. При молчаливом потворстве и/или активной поддержке русских, т.к. если б не было поддержки БОЛЬШИНСТВА, то революция не состоялась бы. А Украина, хочу напомнить, на момент революции была вполне самостоятельным государством, которое уже начали признавать другие государства (правда, за такой короткий срок только Аргентина успела). И большевики НАПАЛИ на Украину и ОККУПИРОВАЛИ её. Поэтому историческая ответственность лежит на титульном народе — русских»; «Так я ж говорю — подавляющее большинство русских не справились с большевиками. Это я и называю „исторической ответственностью русского народа“ за происшедшее»; «ТРИ голода в Украине были по вине центрального правительства в Москве». Приведём также один из ответов его российского оппонента: «Если я дам цитаты про вывозимый с России хлеб во время голода (скажем в том же Поволжье), то Вы извинитесь на этом форуме перед народом России за свой пещерный русофобский бред?»²¹ Как видим, обсуждение «письма запорожцев» вылилось в спор по наиболее острым и болезненным

проблемам русско-украинских отношений.

На форуме клуба RaceWars (Санкт-Петербург), объединяющего автомобилистов, обсуждение текста «письма» также обернулось дискуссией националистической направленности, хотя и значительно менее острой. Её краткость даёт возможность привести высказывания с относительно небольшими сокращениями, что позволяет наблюдать механизм постепенного обострения обсуждения: 1. «Занимательную переписку вели казаки с султаном, я вам скажу...»; 2. «Я рыдала. Хохлы как всегда в своем репертуаре»; 3. «Суперски!!! Достойный ответ!!! Нехрен этим гадам зазнаваться! А то, блин, царь над царями — псих над психами! Тока это не хохлы, это украинцы! Хохлушками можно называть меня, Анжелу... потому что украинцы живут на Украине, а хохлы, там, где лучше!»; 4. «Ну если такая „национальность“ определяется местом рождения, то и в этом случае к хохлам меня не отнесть: я тогда ...СССР-ка (звучит-то как неприлично), как, впрочем, и все тутошние жители, рождённые в СССР, но никак не хохлушка — к их нации не имею никакого отношения (и слава Богу, потому как их ну терпеть ненавижу!), а там, где лучше живут не хохлы, а евреи»; 5. «А у меня видать корни с той стороны. Иногда, знаете ли, хочется вареной картошечки с укропчиком, теплого хлебца, чесночку с зеленым луком, салыца из морозилочки с тоненькими мясными прожилками, и все это под горилку... эээх. Тока чур не пугаться — не из хохлов я. С Кубани»; 6. «С детства две вещи (чёртовое слово, наверняка ошибся) не люблю — расизм и негров»; 7. «Ангела, прости, бога ради, если задела тебя за живое. Конечно, быть гражданкой Украины это нынче позор... Хотя странное определение „национальности“ по месту рождения... получается, что я немка, ведь имела неосторожность родиться в Германии. Только зря так этого чурасешься — ведь всем известно, что хохлушки мужчинам нравились, нравятся, и будут нравиться!!!»²².

Таким образом, мы видим, что антитурецкий памфлет, проникший в XVII в. из европейской прессы в русскую и украинскую литературу, постепенно потерял своё первоначальное значение и стал тиражироваться как свидетельство величия национального духа русских и/или украинцев. Со временем его популярность только растёт, а попытки отдельных учёных обратить внимание на апокрифический характер текста игнорируются общественным сознанием. Вряд ли можно сомневаться, что голос специалистов будет услышан только после того, когда общество найдёт более действенные средства для формирования своей национальной и культурной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1670 г. Д. 8. Л. 169.

² Под словом «пресса» здесь имеются в виду периодические печатные и рукописные газеты и летучие листки.

³ Встречаются и другие варианты. В одной из поздних редакций пророчества охваты-

вают несколько десятков лет.

- ⁴ Уо Д. История одной книги. СПб., 2003. С. 295.
- ⁵ Norman Chon. The Pursuit of the Millennium. Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchist of the Middle Ages. London, 1957; Cohn N. Das Ringen um das tausendjährige Reich. Bern, 1961; Carozzi C. Weltuntergang und Seelenheil. Apokalyptische Visionen im Mittelalter. Frankfurt am Main, 1966; Kerner M. Ideologie und Herrschaft im Mittelalter. Darmstadt, 1982.
- ⁶ Шамин С.М. «Сказание о двух старцах»: К вопросу о бытовании европейского эсхатологического пророчества в России // Вестник церковной истории. 2008. № 2. С. 221–248.
- ⁷ Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке, составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского, 1720. Киев, 1851. Т. II. С. 16–17; Летопись самовидца по новооткрытым спискам с приложением трёх малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Киев, 1878. С. 151.
- ⁸ Шамин С.М. В ожидании конца света в России (конец XVII — начало XVIII в.) // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 134–138.
- ⁹ ОР ГИМ. Собр. Уварова. № 1949 (627) (474). Л. 336–341.
- ¹⁰ Покровский Н.Н. Народная эсхатологическая газета 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 290–297; Лавров А.С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М., 2000. С. 249–252.
- ¹¹ Waugh D.C. The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus. Ohio. 1978.
- ¹² Майер И., Шамин С. «Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам» (1663–1664 гг.). К вопросу о распространении переводов европейских памфлетов из Посольского приказа в рукописных сборниках // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 80–89; РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1664 г. Д. 2. Л. 4–9.
- ¹³ Султан турецкий и Запорожские казаки // Русская старина. 1872. № 10. С. 450–451.
- ¹⁴ Симоновский А.А. Ответ Запорожцев турецкому султану // Русская старина. 1872. № 12. С. 701.
- ¹⁵ Нудьга Г.А. Листування запорожців з турецьким султаном. Киев, 1963. С. 53; Каган М.Д. Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 224, 225; Щекотов Н. Запорожцы. Картина великого русского живописца И.Е. Репина. М.-Л., 1943. С. 5; Зангер Л. Картина И.Е. Репина «Запорожцы». М., 1960. С. 1.
- ¹⁶ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 21.
- ¹⁷ Нудьга Г.А. Листування запорожців з турецьким султаном. Киев, 1963. С. 70, 71.
- ¹⁸ <http://dok-zlo.livejournal.com/59468.html>
- ¹⁹ Здесь и далее в кавычках сохранена орфография и пунктуация цитируемого источника.
- ²⁰ <http://lvova.livejournal.com/245274.html>
- ²¹ <http://www.cirota.ru/forum/view.php?subj=61274>
- ²² <http://forum.racewars.ru>

Между наукой и областной администрацией: опыт фальсификации останков Ивана Сусанина с помощью заданной интерпретации археологических и судебно-криминалистических исследований

Практика подделки святых мощей известна учёным со времён христианского Средневековья. Народу всегда требовались вещественные доказательства чудес и святости. Не случайно одним из желательных признаков для канонизации святого выступает наличие нетленных останков. Соборы и монастыри по всей Европе соревновались в коллекционировании как можно большего количества бурых частиц человеческой плоти, которые можно было более или (чаще всего) менее достоверно связать с именами почитаемых святых. Уже тогда сложилась традиция подшучивать над такими увлечениями, и византийский поэт первой половины XI в. Христофор Митиленский позволил себе написать:

*«Молва идет (болтают люди всякое,
А все-таки, сдастся, правда есть в молве),
Святой отец, что будто бы до крайности
Ты рад, когда предложит продавец тебе.
Святителя останки досточтимые;
Что будто ты наполнил все лари свои
И часто открываешь — показать друзьям.
Прокопия святого руки (дюжину),
Феодора лодыжки... посчитать, так семь,
И Несторовых челюстей десятка два
И ровно восемь черепов Георгия!
На собирателя реликвий (Пер. С.С. Аверинцева)»¹*

Но в случае с почитанием «святых мощей» принцип веры определяет святость. Вопросы подлинности не стоят столь остро, как в случае с останками национальных исторических героев.

В 2006 г. вся страна стала свидетелем рождения новой фальсификации — обретения останков символа «романовской народности» и антипольского патриотизма Ивана Сусанина. Приметой времени стало использование в «опознании» новейших комплексных методик, занимающих передовые позиции в современной исторической науке.

Общество испытало настоящий «культурный шок» после обнародования результатов археологического и судебно-криминалистического исследований.

Этот стресс усиливал целый ряд обстоятельств, и прежде всего устойчивое представление о том, что Сусанин завёл коварных поляков в болото (другая версия — в непроходимую чащу) и погиб там вместе с ними. Точнее, несколько раньше их. Вспоминаются строки Кондратия Рылеева:

«Куда ты ведёшь нас?.. не видно ни зги! —
Сусанину с сердцем вскричали враги: —
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
<...>

«Куда ты завёл нас?» — лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал. —
Убейте! замучьте! — *моя здесь могила!* (выделено нами. — *Авт.*)
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
<...>

К. Рылеев. Иван Сусанин. 1822 г.

Эпический вариант этой трактовки представлен в опере М.И. Глинки «Жизнь за царя» и массе литературно-поэтических опусов о костромском Го-
рации².

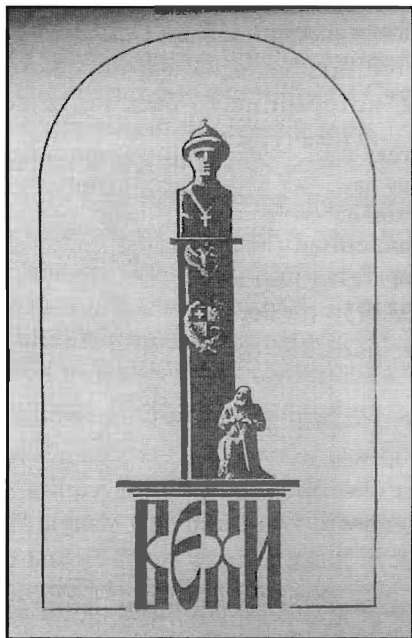
Неудивительно, что чувство восторга смешивалось в умах наших сограж-
дан с чувством недоумения: если герой сгинул вместе с поляками в непрохо-
димой трясине, то откуда взялись останки?

Имя твоё бессмертно, подвиг твой неизвестен

Ситуация осложняется тем, что в наши дни далеко не все почитатели исто-
рии убеждены в реальности подвига Сусанина. Красивый и актуальный для
первой половины XIX столетия миф об Иване Сусанине прожил, не привлекая
внимания критиков, не более шести десятилетий³. В начале же 1862 г. (год
миллениума призвания Рюрика, которое тогда трактовалось в качестве нача-
ла Российского государства) в февральском номере «Отечественных записок»
появилась статья Н.И. Костомарова «Иван Сусанин».

Конечно, для не прошедших суровую школу постмодернизма современни-
ков Николая Ивановича его выводы стали жестоким ударом. Для нас, ныне жи-
вущих, заключения крамольного историка не кажутся чересчур радикальными:
«Страдание Сусанина есть происшествие само по себе очень обыкновенное в то
время. Тогда козаки бродили по деревням и жгли и мучили крестьян... Могло
быть, разбойники, напавшие на Сусанина, были такого же рода воришки, и со-
бытие, столь громко прославленное впоследствии, было одним из многих в тот
год. <...> Могло быть, однако, что в числе воров, напавших на Сусанина, были
литовские люди, но уж никак тут не был какой-нибудь отряд, посланный с по-
литической целью схватить или убить Михаила. <...> Таким образом, в исто-
рии Сусанина достоверно только то, что этот крестьянин был одной из бес-

численных жертв, погибших от разбойников, бродивших по России в Смутное время; действительно ли он погиб за то, что не хотел сказать, где находился новоизбранный царь Михаил Федорович — это остается под сомнением...»⁴

Стилизованное изображение старого сусанинского монумента — официальная эмблема фестиваля «Вехи», посвященного 380-летию династии Романовых.
Художник С. Хадыбердиев, 1993 г.

Костомаровский рефрен «могло быть» стал своего рода эпиграфом к продолжающимся полтора столетия спорам. Дух сомнения витал над образом Сусанина и его подвигом всё это время. И было отчего. По сути, наш список источников ограничивается одной грамотой царя Михаила Фёдоровича 1619 г. со смутным описанием подвига Сусанина⁵ да несколькими актами позднейших правителей, в которых явно видна тенденция к развитию сюжета в пользу потомков дочери костромского героя.

Любопытно, что даже знаменитое на весь свет отчество Ивана Сусанина — Осипович в этих источниках не упоминается. Нет и известий о его родителях. Большой честью для дворцового крестьянина (пусть и погибшего) было уже то, что царская грамота именовала его полным именем — Иван. Зять героя Собинин везде именуется по этикету XVII в. Богдашкой. В ту эпоху отчество вообще являлось прерогативой бояр и дворян. Крестьян официально называли уменьшительной формой имени и прозвищем. Выходит, если бы отца Сусанина звали Осипом (Иосифом), то тогда и его прозвище было бы Осипов, а не Сусанин. Сусанна — имя женское, это может указывать на то, что Сусанин рос

без отца. Первое отчество (Иванович) в литературе Сусанину дал Н.А. Полевой в драме «Костромские леса» (1841). Отчество Осипович появилось лишь два десятилетия спустя в беллетристике, но оказалось вполне по душе и учёным мужам⁶. Забавно, что и в новейшей судебно-криминалистической экспертизе идентифицированы останки именно Ивана *Осиповича* Сусанина⁷.

Всё это вместе взятое повлияло на формирование в обществе довольно туманного образа героя, который не то был, не то не был, но куда-то завёл каких-то поляков и прочую немчину:

Заметает свежий ветер тропы.
Под ногами — взрыхленная твердь,
Позади — голодный сброд Европы.
Впереди — мучительство и смерть.
А. Петров. Иван Сусанин. 1958 г.

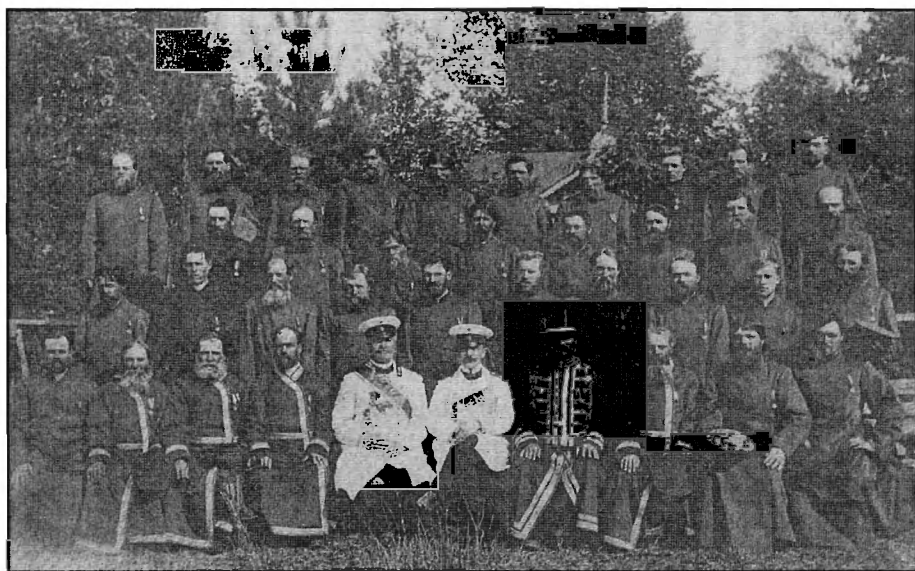
Эдакий фантом, пригодный разве что уж только для совсем кондовой псевдопатриотической пропаганды либо для анекдотов периода застоя и перестройки, смысл которых состоял в том, что Сусанин предлагал всему Политбюро указать нужную дорогу. Вместе с тем уже в 1970–80-е гг. стало ясно, что образ Сусанина, пусть даже в виде мифа (а мы сегодня скажем — «места памяти»⁸), стал индикатором общественно-политической платформы. Образ костромского Горация стал той интеллектуальной игрой с неожиданными трактовками, полюсами оценки «верю — не верю», которая наглядно обозначала ментальный раскол между официозным патриотизмом и патриотическим критицизмом. Образ критика в весьма забавном виде вошёл в патриотическую поэзию советской поры:

Хитро блеснёт очками сальными,
Роняя в сторону смешок:
«А знаешь, не было Сусанина,
Давно идёт такой слушок.
По сути здесь и спорить нечего.
Был просто оперный сюжет...
В. Лебедев. Рукавица Сусанина. 1982 г.

Принимаясь за поиски Сусанина, необходимо учитывать весь этот контекст. Сегодня специалисты-историки могут вести дискуссии о подлинности истории о Сусанине. Но в априорную возможность найти и точно идентифицировать его останки не поверит ни один здравомыслящий и неангажированный исследователь. Да и в головах наших «штатских», не участвующих в «боях за историю» сограждан с трудом укладывалось, как можно было найти могилу героя и опознать его останки. Оказывается, можно, если правильно сформулировать цели, обеспечить ресурсы и организовать эффективный менеджмент.

Принципы административно-командной археологии

За доказательство реальности событий далёкого 1613 г. и раскрытие подвига Сусанина в качестве одного из «определяющих обстоятельств в возрождении российской государственности» взялась костромская наука. В 2001 г. губернатором области была утверждена и профинансирована Программа исследования памятных мест, связанных с именем Ивана Сусанина. Настораживают уже цели этой научной программы: «...*определить* (здесь и далее выделено нами. — *Авт.*) предполагаемое место захоронения Ивана Сусанина»; «провести археологические раскопки на некрополе»; «*выявить* из группы захоронений погребенных, соответствующих времени и параметрам Ивана Сусанина, а именно: захоронения начала XVII в., относящиеся к мужским, старше 40 лет, имеющие следы насильственной смерти»; «провести современными методами судебной медицины идентификацию выявленных останков и возможную принадлежность их Ивану Сусанину». Мы цитируем «Аннотацию результатов проведенных археологических и судебно-медицинских исследований (так в оригинале! — *Авт.*) по идентификации останков Ивана Сусанина», подготовленную главным археологом Костромы и заместителем начальника департамента культурного наследия, культуры и туризма Костромской области С.И. Алексеевым⁹.

Группа потомков Сусанина — коробовских белопашцев, встречавшихся в Костроме с Николаем II. В центре (слева-направо): И.А. Трухин, неперменный член Костромского губернского присутствия, П.П. Стремоухов, костромской губернатор, А. Феофанов, староста Коробова. Фото мая 1913 г.

Цели ясны! Задачи определены! Осталось освоить бюджеты. Не беда, что уже цели с научной точки зрения поставлены некорректно. Интересно, что

определение сельского погоста с. Исупово в качестве места захоронения героя само по себе является открытием. В обширной краеведческой литературе и самом серьёзном на сегодняшний день исследовании об Иване Сусанине костромского историка Н.А. Зонтикова выдвигалось две версии местонахождения могилы земляка: Ипатьевский монастырь и с. Домнино¹⁰. Эти версии тоже носят вероятностный характер, но имеют и некоторые обоснования, связанные с местными преданиями. Село Исупово же никогда не рассматривалось в этом качестве.

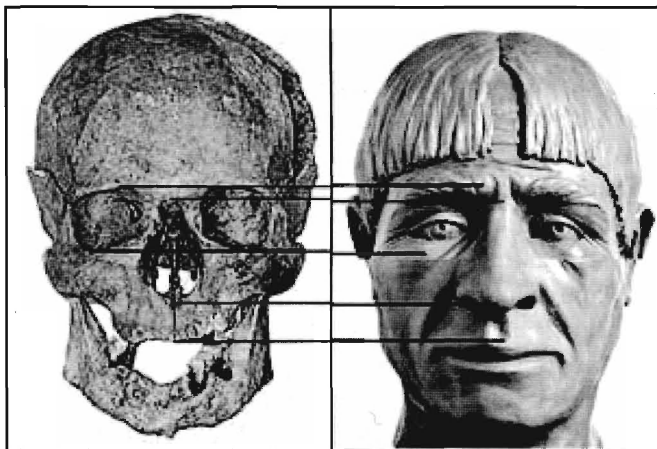
В «Аннотации результатов...» излагаются сведения о результатах трёхлетних раскопок назначенного места захоронения, даётся отчёт о найденных летальных крестиках, количестве эксгумированных останков (около 400), подробно рассказывается о квадрате Д-1, где «обнаружено вторичное захоронение (перезахоронение 13а), представленное группой трубчатых костей и черепной коробкой», на которой «имелся след от рубленой раны, приведшей к летальному исходу». Любопытно далес: «Датирующих находок перезахоронение *не содержало*, однако результаты *стратиграфических наблюдений* (выделено нами. — Авт.) позволяют определить время его первоначального захоронения между концом XVI и серединой XVII вв.». Всё! С этого момента научный поиск для губернаторских археологов закончился. Начался интереснейший процесс запрограммированного доказательства.

Дело даже не в антропологическом или судебно-криминалистическом исследовании. Группы, проводившие их, сделали свою работу добросовестно¹¹. Проблема в заданности интерпретаций и постановке вопросов. Попробуем понять разницу. Если задать вопрос так: «Принадлежат ли эти останки Ивану Сусанину?» — что, по-вашему, сможет ответить добросовестный учёный? А если спросить: «Имеются ли признаки, исключающие принадлежность костных останков из перезахоронения 13а Исуповского некрополя Ивану Осиповичу Сусанину?» Не исключено, что таких признаков не найдётся практически у всех сверстников предполагаемого Ивана Сусанина.

Достоверность полученных результатов быстро «затвердили» на всероссийской научной конференции «Смутное время в контексте становления российской государственности и личность Ивана Сусанина: мифы и реальность». По версии С.И. Алексеева, конференция «отметила высокий научный уровень проведенных работ». Видимо, эта формулировка должна была окончательно установить в глазах просвещённой публики достоверность научных результатов. Но и тут мы имеем дело с недобросовестностью.

Из «Резолюции... конференции» от 15 марта 2006 г. подписавший эту резолюцию секретарь форума С.И. Алексеев выжимает лишь то, что необходимо для выполнения поставленных губернатором задач. Даже сухой слог такого официального документа выдаёт наличие нешуточной дискуссии вокруг этого вопроса: «Участниками конференции проявлен пристальный интерес к результатам междисциплинарных исследований памятных мест, связанных с именем Ивана Сусанина. Конференция признает, что данный круг исследований про-

веден на высоком научном уровне и демонстрирует позитивный опыт комплексного подхода к решению проблемы идентификации личности. Для дальнейшей конкретизации сведений об Иване Сусанине должен быть проведен расширенный поиск новых исторических источников». В сущности, в переводе с профессионального жаргона на общегражданский язык это заключение о том, что данную проблему невозможно решить на основании имеющихся данных даже с помощью самых современных научных методик. Но кому же в наше время важны детали? «Результаты исследований были введены в научный оборот и представлены общественности» на конференции, которая «отметила высокий научный уровень проведенных работ». Точка! И что из того, что научная истина не определяется демократическим голосованием?

Пластическая реконструкция образа «Ивана Сусанина»

Сенсационные результаты были растрезвонены по всему миру. Не нашлось ни одной газеты или телеканала, забывшего сообщить о сенсации. Страстность репортажей нагнеталась близостью визита Президента В.В. Путина в Кострому и ещё актуальной тогда дискуссией о национальной идее в свете нового праздника «народного единства» против «поганых ляхов». Вспомнились забытые строки:

Так и лёг он спать в печали
За судьбу родной земли.
Чу... вдруг в двери застучали.
Ляхов черти принесли.
С. Калягин. За русскую землю. 1968 г.

Костяк из Смутного времени оказался очень своевременным и в новом тысячелетии. Давайте разберём наш скелет, так сказать, «по косточкам».

Перебор косточек

Мы решили проверить некоторые данные «Аннотации результатов...» С.И. Алексеева по первоисточникам. Таковыми являются хранящиеся в архиве Института археологии РАН ежегодные научные отчёты о проводившихся на некрополе раскопках¹². Эти материалы были подняты из хранения, тщательно изучены и сопоставлены с данными, представленными С.И. Алексеевым. В результате появились любопытные наблюдения. Археологические раскопки на Исуповском некрополе проводились широкой площадью, по выдававшимся Отделом полевых исследований Института археологии РАН Открытым листам, вполне профессионально (руководитель работ — А.В. Новиков). Полученные научные результаты достаточно представительны. Они зафиксированы с помощью описаний, чертежей и фотографий с принятой для таких работ степенью точности; фиксация достаточно полно представлена в отчётной документации. И хотя можно поставить вопросы о необходимости столь широкого вскрытия позднесредневекового некрополя, а также о степени точности датировки отдельных погребений и восстановлении общей стратиграфии, сколько-нибудь серьёзных методических претензий к проведённым раскопкам не возникает. Напротив, совершенно очевидно, что только эти отчёты могут и должны служить главным документом, на который следует опираться при оценке качества идентификации.

Особого внимания заслуживает «Отчёт о раскопках... в 2002 году» (Ф. Р-1. Ед. хр. № 23084), к которому должны были бы апеллировать авторы идентификации. Однако при сопоставлении данных «Аннотации результатов...» и хранящихся в архиве Института археологии РАН материалов выявлены серьёзные расхождения, ставящие под сомнение результаты идентификации.

Вот главные из расхождений:

1. Вызывает удивление упоминание в «Аннотации...» 2006 г. какого-то «деревянного реликвария», в котором якобы производилось вторичное захоронение костей Ивана Сусанина. В «Отчёте...» за 2002 г. о нём нет никаких упоминаний.

2. В «Аннотации...» названо как возможное погребение Ивана Сусанина «погребение № 13а за 2002 год» в квадратах Г, Д — 1, 2. Но в соответствующем «Отчёте о раскопках...» (Ф. Р-1. Ед. хр. № 23084) *погребения за таким номером вообще нет*. По-видимому, номер 13а присвоен позже, уже в камеральной обстановке, когда одной из групп останков решено было придать особое значение. Можно предположить, что речь при идентификации идёт о погребении под номером 13 или по меньшей мере об одном из погребений в указанных квадратах Г, Д — 1, 2. Однако в отчёте явно не показано никакого костяка, который можно было бы (пусть предположительно) связать с Иваном Сусаниным.

Под номером 13 в «Отчёте...»¹³ описан не один, а по крайней мере два костяка: детский (ребёнок 7–8 лет) и фрагменты взрослого (30–35 лет, указан

рост 166 см — видимо, он восстановлен по длинным костям?). Отметим, что погребения описаны, что называется, «рутинно», наряду с десятками других погребений; никакого особого внимания им не уделено, и речь о соотношении одного из них с Иваном Сусаниным в тексте отчёта не идёт. Текст отчёта подтверждён фотографиями и чертежами. На фотографии и чертеже погребения № 13, а также на плане зачистки 7-го штыка¹⁴, действительно, отчётливо виден скелет ребёнка, справа от которого — две длинные кости ноги взрослого человека в естественном сочленении. Вероятно, это остатки ранее существовавшей и разрушенной (при погребении ребёнка?) могилы. К таким же остаткам могут относиться разбросанные вокруг черепные крышки (не менее четырёх); их фрагменты; отдельные кости нескольких скелетов. Наконец, разрозненные кости есть на планах предыдущей и последующей зачисток указанных квадратов, что естественно для существовавшего столетиями и многократно перекопанного некрополя.

Какой была процедура выделения из всех этих останков так называемого «погребения 13а» и какие для этого имелись основания, в представленных документах не сказано. Судя по материалам «Отчёта...», усматривать среди этих останков сознательное вторичное перезахоронение нет никаких причин (в случае с ножными костями в естественном сочленении этому противоречит даже их сохранное состояние — при перезахоронениях через сколько-нибудь значительный промежуток времени все сочленения, как правило, распадаются).

3. Авторами идентификации принята дата останков в пределах конца XVI — середины XVII в., но конкретных оснований для этого не приведено. На основании материалов «Отчёта...» дату определить невозможно: вероятно, она установлена по двум обломкам крестика-тельника, но в альбоме «Отчёта...» нет ни прорисовки, ни фотографии этих находок. Общий материал некрополя не настолько ясен, чтобы дать основания для выяснения хронологического соотношения костяков ни в указанных квадратах, ни с костяками остальной части кладбища.

4. В документе С.И. Алексеева идёт речь о повреждениях черепа из «погребения 13а». Но в «Отчёте...» за 2002 г. ни один из черепов, найденных внутри и вблизи погребения № 13, не включён в специальное перечисление всех черепов с травмами, «в том числе рубленого характера»¹⁵. Это особенно важное замечание. Поскольку полевые археологи и антропологи, проводившие первичное обследование, не отмечают никаких повреждений черепа (черепов) при словесном описании погребения № 13 и костных останков вокруг него, вполне вероятно, что на обследованных ими костяках никаких повреждений не имелось. По-видимому, *предлагаемый к идентификации череп происходит с другого, нежели указанный, участка.*

«Отчёт о раскопках...» за 2002 г. не содержит информации, которая позволила бы идентифицировать «погребение № 13а за 2002 год», указанное в позднейшей «Аннотации...», ни как возможное погребение Ивана Сусанина, ни в качестве погребения какого бы то ни было конкретного, исторически из-

вестного лица вообще. Более того, складывается впечатление, что «погребение № 13а» в том виде, как оно описано в представленных документах, — просто произвольно сконструированная выборка (из лежавших в районе детского погребения № 13 костей?).

Следует иметь в виду, что непредвзятая атрибуция погребения на позднесредневековом грунтовом могильнике при полном отсутствии наземной маркировки отдельных могил объективно представляет невероятную по сложности задачу. Дело дополнительно осложняется отсутствием документальных сведений о местоположении могилы внутри некрополя или каких-либо иных свидетельств о месте и обстоятельствах совершения этого погребения.

Итак, в свете представленных археологических материалов попытка выделить погребение Ивана Сусанина среди раскопанных на Исуповском некрополе выглядит неудачной. Нет никаких сомнений в том, что с точки зрения археологии на основе столь недостоверных данных *об обнаружении останков Ивана Сусанина в Исуповском могильнике говорить пока не приходится.*

Может быть, результаты, полученные выдающимся современным криминалистом В.Н. Звягиным, проясняют вопрос? Увы, нет. Обнаруженные в ходе криминалистической экспертизы признаки черепной травмы от удара по голове оружием с острым краем (предположительно топор) сами по себе могут только объяснить причину смерти индивида, чьи останки подверглись научному анализу. К сожалению, факт травмы черепа без исчерпывающего археологического контекста не может быть решающим фактором идентификации личности Ивана Сусанина.

Если обнаруженные в ходе раскопок Исуповского кладбища материалы действительно можно отнести к Смутному времени, то зафиксированное В.Н. Звягиным определённое число рубленых ран конечностей и головы у некоторых индивидов может лишь отражать безымянный эпизод этого неспокойного периода истории, но не служить определяющим фактором гибели именно Ивана Сусанина и обманутых им поляков, а не другого человека и его современников. Вообще же, травмы, подобные той, что имеется на «идентифицированном» черепе, отмечаются на останках от 4 до 15% мужского населения, жившего в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Проведённая Павлом Ивановым генетическая экспертиза лишь косвенно подтвердила родство нескольких индивидов в рамках единой сельской округи. Этот факт не вызывает никаких сомнений и является правилом для сельских погостов. Необходимого же генетикам материала для полноценного анализа ДНК археологи представить не смогли.

Анализ портретного сходства предполагаемого Ивана Сусанина и его потомков, давно переселённых вниз по Волге, доказал невероятную похожесть. Этот факт, как и предыдущие, способен лишь подчеркнуть, что на кладбище захоронены предки ныне живущих уроженцев этого района, в том числе и родственников Сусаниных–Собининых. К сожалению, и этот анализ не может достоверно подтвердить, что череп, полученный В.Н. Звягиным из рук архео-

логов, принадлежал Ивану Сусанину.

Таким образом, приведённый ряд доказательств судебно-медицинской экспертизы нельзя рассматривать как исчерпывающее решение проблемы. Раздутое прессой заключение археологов и заинтересованных в этой сенсации людей из администрации области лежит на их совести. В.Н. Звягин в своём анализе лишь пытался привести историю гибели предложенных для криминалистического анализа индивидов, а его заключение использовали в роли весомого доказательства идентификации личности, что, как видим, было неправомерным.

В заключении Института археологии РАН, сделанном по запросу Министерства культуры России в 2006 г., специально обозначено, что представленные факты не дают оснований для идентификации личности Ивана Сусанина. Выходит, что губернаторские денежки «ушли в песок». Из заявленных в Программе целей можно считать выполненной лишь одну — «провести археологические раскопки на некрополе». Действительно, соответствующие масштабные раскопки на сельском погосте имели место, но этого нельзя сказать об остальных задачах. С научной точки зрения не удалось доказать, что некрополь Исупово является «предполагаемым местом захоронения Ивана Сусанина»; никак не обосновано и вычленение «из группы захоронений погребённых, соответствующих времени и параметрам Ивана Сусанина». Ясно, что в таком виде костромская научная общественность не могла представить свои результаты щедрому и требовательному начальству. Началась игра в интерпретации с присущей ей лингво-логической казуистикой. Это хорошо известный метод введения подделок в «научный оборот». Законченный вид манипуляции приобрели в уже упомянутой «Аннотации результатов... исследований по идентификации останков Ивана Сусанина». И эти результаты, по сути создающие исторический фальсификат, были благосклонно приняты областным руководством.

О народном единстве и развитии регионального туризма

Весьма примечательны обстоятельства, приведшие к запросу Минкультуры России в московский Институт археологии РАН. Оказывается, в начале июня 2006 г. губернатор Костромской области обратился в Администрацию Президента Российской Федерации с просьбой об организации торжественного «захоронения останков Ивана *Осиповича* (опять! — *Авт.*) Сусанина». Администрация Президента дала соответствующее поручение — «разобраться». Вероятно, если бы не отрицательный отзыв академического института, неизвестно, чьи кости под именем Ивана Сусанина (да, чуть не забыли — *Осиповича*) уже покоились бы, благоухая ароматами мирра и ладана, под сводами Ипатьевского монастыря — бывшего Костромского музея, находящегося ныне под заботливой и хозяйственной дланью архиепископа Костромского и Галичского

Александра, — и спокойно дожидались бы канонизации. Теперь придётся повременить. Напомним, что вопрос о канонизации ставился перед патриархом Алексием II ещё в 2002 г. Предстоятель РПЦ тогда проявил осторожность: «Ваш соотечественник Иван Сусанин совершил жертвенный подвиг, но, думаю, к этому нужно подходить осторожно, поскольку надо подробно изучить жизнь Ивана Сусанина и найти критерии, которые позволяют прославить того или иного подвижника в лике святых». Тогда же, по сообщению ИТАР-ТАСС, глава РПЦ выразил надежду, что работа по изучению исторических сведений об Иване Сусанине будет продолжена и её итоги «позволят принять правильное взвешенное решение...». Как раз в 2002 г. кипела работа на раскопе Д-1 в Исупово.

Едва ли мы когда-нибудь получим достоверные сведения о нескольких десятилетиях жизни Сусанина до подвига. Поэтому радужные перспективы церковного прославления героя Смутного времени связаны главным образом с торжественным «перенесением мощей», скажем, в очень кстати отвоёванный у государственного музея Ипатьевский монастырь, и неизбежно воспоследующими чудесами у гроба. Но для всего этого требуется время, а инвестиции в туризм, в том числе и в паломнический, нужны уже сейчас. Поэтому возникают новаторские программы по раскручиванию «костромских брендов» — Снегурочки, Ивана Сусанина и царя Берендея, с каждым из которых «случайно» совпадает название продукции местных ликёро-водочных заводов.

Но сейчас не время маленьких изменений, а эпоха постановки крупных задач. Это становится предельно понятно после изучения Концепции областной целевой программы «Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области (до 2020 года)»¹⁶. Основами для осуществления этой масштабной концепции являются:

национально-историческое признание Костромской земли в качестве родины символа российской государственности — царствовавшей более 300 лет династии Романовых;

наличие целого ряда исторически сложившихся и широко используемых в настоящее время культурно-исторических образов-символов (Иван Сусанин, Снегурочка, «Берендеево царство»).

Среди основных целей проекта — «обеспечение притока инвестиций в развитие историко-культурного, природного и духовного потенциала области, развитие туристической индустрии и увеличение числа рабочих мест; культурно-нравственное просвещение и воспитание всех возрастных и социальных групп населения области, формирование морально-этических качеств и гражданских чувств».

По мнению разработчиков, реализация проекта «Сохранение и использование историко-культурного, природного и духовного наследия Костромской области» «будет иметь непременный успех при соблюдении следующих основных условий:

Наличие желания и политической воли (выделено нами. — Авт.) осуществ-

влять последовательный подход к работе по стратегическому плану. Стратегическое планирование — это непрерывный процесс.

Стратегический план только тогда оказывается действенным инструментом, когда работа над ним совмещается с проработкой конкретных планов действий и целевых программ.

Стратегический план — это плод работы не одной лишь администрации и даже не только её сотрудничества с консультантами. Это результат процесса, в который вовлечены представители всех заинтересованных сторон, результат конструктивных обсуждений и общественного согласия.

Вовлечение в программу сохранения и развития наследия значительной части населения области.

Активное использование возможностей системы непрерывного образования и просвещения по воспитанию социально- и личностно значимых отношений всех слоёв населения.

Гибкое сочетание элементов надведомственного, межведомственного, ведомственного и общественного управления подготовкой и реализацией программы».

Многоведомственное управление, желание и политическая воля — это, конечно, хорошо. Но достаточно ли этих командных принципов при постановке научных задач? Ответ видим уже в Приложении 7, разворачивающем перед нами захватывающие перспективы «программных мероприятий по археологическому исследованию цивилизационных процессов в Костромском Поволжье в древности, Средневековье и в русское время». Вот какие результаты ожидают получить наши костромские коллеги:

«В течение 7–10 лет возможно получить следующие результаты: *удревнить костромскую историю как минимум на 13 000–14 000 лет* (здесь и далее выделено нами. — Авт.); решить проблемы происхождения и исторических судеб ряда значимых для истории Костромского Поволжья этно-социокультурных организмов, изучить их материальную и духовную культуру; *решить проблему времени и характера происхождения Костромы, как минимум на 100 лет раньше официальной даты основания города*; решить проблему исторической географии костромских землевладений Романовых, исследовать их подворья в с. Домнино и костромском кремле; *решить проблему идентификации Ивана Сусанина*, исследовать и реконструировать усадьбу его зятя Богдана Собинина в д. Деревеньки.

Практическая значимость проекта:

Полученные результаты будут иметь как фундаментальный, так и *практический* характер. К последнему можно отнести использование продукции в учебно-образовательной, воспитательной и информационной сфере, *в развитии регионального туризма*».

В приведённом тексте выделены фразы, которые даже студентам исторических факультетов непозволительно использовать при постановке исследовательских задач: в них звучит предрешённость результата. И если для администраций

всех уровней это несомненный позитив, то для науки и культуры — погибель. Прискорбно, что в нашем случае дело не в том, что археологи некомпетентны. Эпоха и эстетика взаимоотношений власти и науки (особенно в регионах) предопределяют появление подобных «проектов». Злая шутка судьбы состоит в том, что мы прикладываем массу сил, ресурсов и времени для возрождения из небытия «химер прошлого», часто в этой суете спотыкаясь о реальные памятники истории и культуры, на которые не остаётся ни заботы, ни средств. Именно так случилось недавно в Суздале, где было обнаружено реальное захоронение подлинного героя Смутного времени — князя Дмитрия Пожарского.

И вот уже костромское научное сообщество нацелили на новый юбилей — 400-летие династии Романовых на российском престоле. Этот праздник, как мы все понимаем, без Сусанина не пройдёт. Будут новые памятники. Будет и народное единство. Но уже сейчас ясно, что появятся и новые фальшивки. Опыт с поддельными костями Сусанина не пропадёт:

Рад Сусанин.

Шевелит усами.

Покажу вам

Кузькину мать!

Е. Старшинов. Сказ об Иване Сусанине. 1973 г.

Приложения¹⁷

Приложение 1.

Жалованная (Обельная) грамота царя Михаила Федоровича зятю Ивана Сусанина Богдану Собинину, 1619 год

«Божией милостью, мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович, всея Руси самодержец, по нашему царскому милосердию, а по совету и прошению матери нашей, государыни, великия старицы инокини Марфы Ивановны, пожаловали есма Костромского уезда, нашего села Домнина, крестьянина Богдашка Собинина, за службу к нам и за кровь, и за терпение тестя его Ивана Сусанина: как мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси в прошлом 121 (7121 год от Сотв. Мира, т.е. 1613 от Р.Х. — *Авт.*) году были на Костроме, и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, а тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина в те поры литовские люди изымали и его пытали великими, немерными пытками и пытали у него где в те поры мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси были, и он Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, а польские и литовские люди замучили его до смерти. И мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси пожаловали его, Богдашка, за тестя его Ивана Сусанина к нам

службу и за кровь в Костромском уезде нашего дворцового села Домнина половину деревни Деревнищ, на чем он, Богдашка, ныне живет, полторы чети выти земли велели обелить с тое полу-деревни, с полторы чети выти на нем, на Богдашке, и на детях его, и на внучатах, и на правнучатах наших никаких податей и кормов, и подвод, и наметных всяких столовых и хлебных запасов, и в городовые поделки, и в мостовщину, и в иныя ни какия подати имати с них не велели; велели им тое полдеревни во всем обелить и детям их, и внучатам, и во весь род неподвижно. А будет то наше село Домнино в который монастырь и в отдаче будет, тое полдеревни Деревнищ, полторы чети выти земли ни в который монастырь с тем селом отдавать не велели, велели по нашему царскому жалованью владеть ему, Богдашке Собинину, и детям его, и внучатам, и в род их во веки неподвижно. Дана сия наша царская жалованная грамота в Москве лета 7128 (1619) ноября в 30 день».

Приложение 2.

Общее заключение

1. Проведенное медико-криминалистическое исследование каких-либо признаков, исключающих принадлежность костных останков из реликвария 13а некрополя «Исупово» Ивану Осиповичу Сусанину не обнаружило.

Костные останки из реликвария 13а принадлежали мужчине восточно-балтийского антропологического типа в возрасте 45–50 лет с длиной тела 164 ± 2 см.

2. Повреждения черепа мужчины из Реликвария 13а, не имеющие признаков заживления, указывают на насильственную смерть и вполне соответствующим обстоятельствам мученической кончины Ивана Сусанина.

3. По краниологическим данным погребения П1, П4, П5, П8 реликварий А2 некрополя «Прискоково» и реликварий 13а некрополя «Исупово» принадлежали представителям одной семейной группы, связанных друг с другом кровным родством.

4. Признаки внешности мужчины из реликвария 13а некрополя «Исупово» присутствуют в облике достоверно известных потомков Ивана Сусанина в VIII–XV поколениях.

Научный руководитель Проекта профессор В.Н. Звягин.

Приложение 3.

Аннотация результатов проведенных археологических и судебных медицинских исследованиях по идентификации останков Ивана Сусанина

Личность Ивана Сусанина и обстоятельства его подвига до последнего времени были окутаны завесой неопределенности. Последняя была результатом узкой источниковой базы, повествующей о подвиге Ивана Сусанина, что послужило основанием для различного рода толкований обстоятельств его подвига и даже выражения сомнений относительно реальности событий, свя-

занных со спасением Михаила Романова костромским крестьянином.

С другой стороны, если подвиг Ивана Сусанина имел место, он стал одним из определяющих обстоятельств в возрождении российской государственности в начале XVII в. и выхода из «смуты». В настоящее время в условиях движения России по пути реформ, роста интереса к своим историческим корням, оказалось невозможным мериться с двусмысленностью наших знаний об Иване Сусанине и его подвиге. С целью решения проблемы реальности подвига костромского патриота и выявления его обстоятельств администрация Костромской области в 2001 г. утвердила Программу исследования памятных мест, связанных с именем Ивана Сусанина. Указанная Программа преследовала следующие цели:

1. на основании изучения исторических свидетельств определить предполагаемое место захоронения Ивана Сусанина;
2. провести археологические раскопки на некрополе;
3. выявить из группы захоронений погребенных, соответствующих времени и параметрам Ивана Сусанина, а именно: захоронения начала XVII в., относящиеся к мужским, старше 40 лет, имеющие следы насильственной смерти;
4. провести современными методами судебной медицины идентификацию выявленных останков и возможную принадлежность их Ивану Сусанину.

К решению указанной Программы были привлечены видные российские специалисты:

1. Научное руководство археологическими исследованиями памятных мест, связанных с именем Ивана Сусанина осуществлялось Алексеевым Сергеем Ивановичем — консультантом-главным археологом комитета по охране и использованию историко-культурного наследия администрации Костромской области;
2. Археологические исследования Исуповского некрополя выполнены Новиковым Александром Викторовичем — начальником Научно-исследовательского реставрационного центра Областного государственного учреждения «Наследие» комитета по охране и использованию историко-культурного наследия администрации Костромской области;
3. Медико-криминалистические исследования костяков Исуповского и Прискоковского некрополей, комплекс натурных и камеральных исследований, связанных с идентификацией костных останков Ивана Сусанина выполнены под руководством Звягина Виктора Николаевича, доктора медицинских наук, профессора, лауреата Первой национальной премии лучшим врачам России «Призвание», заслуженного врача РФ;
4. Палеоантропологический анализ костяков Исуповского некрополя выполнялся Васильевым Сергеем Владимировичем, доктором исторических наук, заведующим отделом антропологии Института этнологии и антропологии РАН.

В 2001 г. комитета по охране и использованию историко-культурного наследия администрации Костромской области совместно с ОГУ «Наследие»

приступил к археологическим исследованиям памятных мест, связанных с именем Ивана Сусанина. Археологические исследования проводились в д. Деревеньки (местожительство зятя И. Сусанина Богдана Собинина), с. Исупово (где располагалась усадьба Ксении Шестовой-Романовой (инокини Марфы) — матери Михаила Романова), на Исуповском селище (место казни Ивана Сусанина), Исуповском некрополе (место захоронения Ивана Сусанина), Прискоковском некрополе (место захоронения потомков Ивана Сусанина с сер. XVII в.). В ходе историко-архивных изысканий было выяснено, что Иван Сусанин был захоронен не в д. Домнино или на погосте в Спас-Хрипелях, а на Исуповском некрополе.

Общая площадь исследований Исуповского некрополя с 2002 по 2004 годы составила около 327 кв. м. Суммарное количество регулярных захоронений равно 146, перезахоронений 217, в общей сложности были исследованы останки около 400 индивидов XVI–XVIII вв., погребенным по христианским канонам.

Наиболее многочисленную категорию находок Исуповского некрополя составили медные нательные кресты, которых встречено 288 экз., как правило, расположенных на груди погребенного. Кроме нательных крестов сопровождающий материал включал пуговицы, бусины, слезницы, перстни.

Интерес вызвала группа погребений в кв. ГД-1/2 раскопа 2002 г. В кв. Д-1 было обнаружено вторичное захоронение (перезахоронение 13а), представленное группой трубчатых костей и черепной коробкой. На последней с левой стороны имелся след от рубленной раны, приведшей к летальному исходу (результаты паталого-антропологического анализа профессора В.Н. Звягина). Датирующих находок перезахоронение не содержало, однако результаты стратиграфических наблюдений позволяют определить время его первичного захоронения между концом XVI и серединой XVII вв.

Медико-криминалистический анализ останков перезахоронения 13а проводился группой судебных медиков во главе с профессором В.Н. Звягиным. Череп принадлежал мужчине 45–50 лет с длиной тела 164 ± 2 см. Его облик соответствует восточно-балтийскому типу, широко распространенному в русском населении. Для представителей этого типа характерны низкий рост, кряжистая фигура, широкая голова, широкое лицо с массивной нижней челюстью, довольно широким слегка вогнутым носом с плоским основанием, жесткие светлые волосы, светлые маленькие глаза, светлая кожа (прил. 3). На черепе обнаружено два рубленных повреждения левой теменно-височной области, проникающие в его полость, с обширным отщепом костей вследствие их распада (прил. 2). Кроме того, отмечена массивная травма костей, образующих костный нос. Данное повреждение возникло от удара тупым твердым предметом (обух топора, нога в грубой обуви и т.п.).

Проведенный анализ по фенотипу показал, что реконструированный облик мужчины из перезахоронения 13а Исуповского некрополя обладает общими чертами внешности с достоверно известными потомками Ивана Сусанина,

относящимися к восточно-балтийскому антропологическому типу.

Проведенное медико-криминалистическое исследование не обнаружило каких-либо признаков, исключających принадлежность костных останков из перезахоронения 13а Исуповского некрополя Ивану Осиповичу Сусанину.

15 марта 2005 г. результаты археологических и медико-криминалистических исследований были введены в научный оборот и представлены общественности в рамках работы всероссийской научной конференции «Смутное время в контексте становления российской государственности и личность Ивана Сусанина: мифы и реальность», которая отметила высокий научный уровень проведенных работ (прил. 4).

Приложение: 1. Выкопировка из «научного заключения о проведенных археологических и судебно-медицинских исследованиях по идентификации останков Ивана Сусанина: общее заключение — на 1 л. В 1 экз.

2. Копия фото рубленного повреждения черепа из реликвария 13а — на 1 л. в 1 экз.

3. Портретная реконструкция (В.Н. Звягина) лица Ивана Сусанина по черепу — на 1 л. в 1 экз.

4. Резолюция всероссийской научной конференции «Смутное время в контексте становления российской государственности и личность Ивана Сусанина: мифы и реальность» — на 3 л. в 1 экз.

Заместитель начальника департамента, главный археолог С.И. Алексеев

Приложение 4.

Резолюция Всероссийской конференции «Смутное время в контексте становления российской государственности и личность Ивана Сусанина: мифы и реальность». Кострома, 15 марта 2006 г.

14–15 марта 2006 г. в Костромской области в г. Костроме состоялась Всероссийская научная конференция «Смутное время в контексте становления российской государственности и личность Ивана Сусанина: мифы и реальность».

Открыл конференцию губернатор Костромской области В.А. Шершунов. Приветственное письмо от Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго к участникам конференции огласил Архиепископ Костромской и Галичский Александр. С приветствием обратился также Главный советник полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе В.Н. Брусницын.

В работе конференции приняли участие ведущие ученые и специалисты страны в области истории, археологии, антропологии и судебной медицины из нескольких регионов России... <...>

Ряд докладов касался историографического и источниковедческого анализа материалов об Иване Сусанине (А.А. Севастьянова, Л.И. Сизенцева).

Впервые введены в научный оборот результаты междисциплинарных ком-

плексных исследований памятных мест, связанных с именем Ивана Сусанина: итоги их археологического изучения (С.И. Алексеев, А.В. Новиков); медико-криминалистические и молекулярно-генетические вопросы идентификации останков Ивана Сусанина и его потомков (В.Н. Звягин, Н.В. Нарина); некоторые аспекты антропологического исследования Исуповского некрополя (С.В. Васильев, С.Б. Боруцкая); роль вещественных источников в хронологии Исуповского и Прискоковского некрополей (А.К. Станюкович).

Участники конференции подчеркнули, что события начала XVII в., получившие название Смутного времени, определили дальнейшую судьбу России. Этот период в отечественной истории, ознаменовавшийся бурной политической борьбой, вызвал всплеск народного патриотизма и укрепление российской государственности. Инициаторами освободительного движения против польско-литовских интервентов выступили старинные русские города — Нижний Новгород, Кострома, Ярославль. Духовно-нравственной объединяющей силой народно-освободительного движения выступила Русская Православная Церковь, лидер которой, патриарх Филарет, лично испытал муки многолетнего польского плена. Духовная твердость Русской Православной Церкви позволила отстоять религиозную чистоту русского народа от насаждаемого католицизма.

Подъем народно-освободительного движения, образование народного ополчения во главе с К. Мининым и Д. Пожарским увенчался освобождением Москвы, созывом Земского собора и призванием на царство Михаила Романова. Вопрос возможности воцарения новой династии решался весной 1613 г. на костромской земле. Здесь состоялся подвиг Ивана Сусанина, который рассматривается как часть народного сопротивления иноземным интервентам.

Конференция признает, что период Смутного времени и проблемы возрождения и укрепления российской государственности в начале XVII в. в настоящее время чрезвычайно актуальны для исторической науки и требуют дальнейших углубленных исследований.

Участниками конференции проявлен пристальный интерес к результатам междисциплинарных исследований памятных мест, связанных с именем Ивана Сусанина. Конференция признает, что данный круг исследований проведен на высоком научном уровне и демонстрирует позитивный опыт комплексного подхода к решению проблемы идентификации личности. Для дальнейшей конкретизации сведений об Иване Сусанине должен быть проведен расширенный поиск новых исторических источников.

Принимая во внимание мнение Русской Православной Церкви, конференция считает целесообразным достойное увековечение памяти Ивана Сусанина путем строительства часовни с мемориальным комплексом, в котором должен быть воссоздан его скульптурный облик по методу М.М. Герасимова.

Участники конференции отмечают высокий уровень организационного и материально-технического обеспечения ее работы. Учитывая важность рассмотренных на конференции вопросов, участники считают, что необходимо издать её материалы.

Подводя итоги конференции, ее участники отметили своевременность и актуальность обсуждаемой тематики. Не подлежит сомнению, что исторический опыт духовно-нравственного подвига русского народа по освобождению России от иноземных интервентов в начале XVII в., объединяющая роль Русской Православной Церкви, укрепление российской государственности — созвучны современной жизни нашей страны и не могут не быть востребованы народом России.

Секретарь конференции Алексеев С.И.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969. С. 287.
- ² В 1805 г. в журнале «Друг просвещения» появились такие неказистые вирши графа Д. Хвостова:
Херасков русского Горация открыл.
Награда подвигам, бессмертной право лиры,
Из мрака исторгать, производить в кумиры.
Сусанина здесь прах, крестьянин он простой,
Но друг отечества и мужеством герой!
(Граф Д. Хвостов. «Надгробие крестьянину Ивану Сусанину» // Друг просвещения. 1805. № 1. С. 23). Эти стихи были предпосланы едва ли не первой публикации о подвиге И. Сусанина в отечественных СМИ. Рассказ о самопожертвовании костромского крестьянина написал известный русский просветитель М.М. Херасков, и вышел он под названием «Русский анекдот». См.: Херасков М. Русский анекдот // Друг просвещения. 1805. № 1. С. 28.
- ³ Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф»: становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. Авторы связывают происхождение основных постулатов мифологического канона с упомянутым очерком М.М. Хераскова и историческим сообщением С.Н. Глинки, опубликованным в № 10 «Русского вестника» за 1810 г.
- ⁴ Костомаров Н.И. Иван Сусанин // Отечественные записки. 1862. Февраль. С. 279.
- ⁵ Жалованная (Обельная) грамота царя Михаила Федоровича зятю Ивана Сусанина Богдану Собинину, 1619 год // Собрание государственных грамот и договоров. М., 1882. Ч. 3. С. 214–215 (см. Приложение 1).
- ⁶ Зонтиков Н.А. Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома. 1997. С. 27
- ⁷ Заключение медико-криминалистической экспертизы, 2006 год (см. Приложение 2).
- ⁸ Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 7–25. Концепция «мест памяти» представлена в семитомном труде: Les Lieux de Memoire. Paris, 1984–1993. Vol. 1–7. Ряд текстов из этого труда переведён на русский язык: Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция — память. СПб., 1999
- ⁹ Аннотация результатов проведенных археологических и судебно-медицинских ис-

следованиях по идентификации останков Ивана Сусанина (см. Приложение 3); см. также: Резолюция всероссийской конференции «Смутное время в контексте становления российской государственности и личность Ивана Сусанина: мифы и реальность». Кострома, 15 марта 2006 г. (см. Приложение 4).

¹⁰ Зонтиков Н.А. Указ. соч. С. 70–82.

¹¹ См. выводы криминалистического заключения в Приложении 2.

¹² См.: Новиков А.В. Отчёты о раскопках в 2002–2004 гг. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. № 23084, 24880–24882.

¹³ Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. № 23084. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 71

¹⁵ Там же. С. 4 (верхн. абз.).

¹⁶ Приложение к постановлению губернатора Костромской области В.А. Шершунова от 4 марта 2005 г. № 100.

¹⁷ Тексты документов публикуются с сохранением орфографии и пунктуации оригиналов

Ахметуковедение: создание национального писателя в адыгейском литературоведении

Фальшивки как особая категория подделок, связанная с групповыми интересами, важный источник, помогающий лучше понять общественные настроения и тем самым дух времени, и особенно подделки, отражающие те групповые интересы и общественные настроения, что связаны с процессами нацистроительства¹, не исчерпываются только текстами. Фальсифицированными могут оказаться и образы некоторых реально существовавших исторических *персонажей*, чья деятельность в реальности полностью или частично не совпадала с той преувеличенной культурной и национальной ролью, которой они наделяются благодаря переинтерпретации исторической реальности. Такие переинтерпретации зачастую осуществляются коллективно. Поддельные *тексты* становятся, конечно же, важным средством подобной переинтерпретации.

Примером такой фигуры с биографией, фальсифицированной в интересах формирования национального мифа, является писатель рубежа XIX–XX вв., известный в адыгском литературоведении под псевдонимом Юрий Казим-Бек, настоящей фамилией которого считается фамилия Ахметуков. Он же известен российским исламооведам под именем Магомет-Бек Хаджетлаше-Скагуаше (ок. 1870–1929). Рассмотрению творчества Ахметукова и восстановлению его биографии ещё с конца 1950-х гг. посвящаются литературоведческие труды (издающиеся в основном в Нальчике, Черкесске и Майкопе) и кандидатские диссертации; можно уже встретить и термин, выделяющий эти исследования в особую область, — «ахметуковедение». Эту фигуру рассматривают здесь как самого плодovitого адыгского писателя своего времени, представителя последнего периода адыгского просветительства, но такого представителя, которому удалось в его литературном творчестве выйти за рамки собственно «просветительства» и приблизиться к «истинному реализму». Когда о нём говорят как о личности, то могут предложить аналогии с Н. Гумилёвым (анalogии, проводимые по глубине его характера, богатству мировидения и авантюрной жилке)².

Между тем в трудах, создающихся в урало-поволжском (татаро-башкирском) или столичном пространстве, эта фигура служит как примером провокации, предательства и стяжательства, так и иллюстрацией тех методов, которыми царское правительство боролось с прогрессивными стремлениями мусульман России. Эта интерпретация основана на том факте, что М.-Б. Хаджетлаше действительно сотрудничал со структурами МВД, являясь издателем журнала «Мусульманин» (Париж, 1908, 1910–1911) и газеты «В мире мусульманства» (СПб., 1911–1912), а также на том обстоятельстве, что в зависимости

от читательской аудитории он не избегал писать как за, так и против мусульман³.

Сами различия социальной памяти об этой фигуре, восходящие к различиям восприятия Ахметукова-Хаджетлаше в соответствующих регионах ещё при его жизни, характеризуют особенности нациестроительства в северокавказском (где особенно акцентировалась этническая составляющая национальной идентичности) и татарском (где в конструировании нации существенная роль отводилась исламу) узусах⁴. И в том и в другом случае речь идёт, разумеется, о способах создания *образа* этого персонажа. Наиболее интересными в контексте использования (и пользы) фальшивок нам представляются пути конструирования образа «самобытного национального писателя» в адыгском литературоведении.

Первос. Биографическая реконструкция в ахметуковедении основывается в важной своей части на одной из автобиографий, *придуманной* себе Ахметуковым и представляющей, по существу, один из его *литературных* текстов. Таких автобиографий им было придумано несколько — в зависимости от ситуации и адресата, каковому предназначалась соответствующая история его жизни. Ахметуковедение между тем берёт на вооружение лишь раннюю. Таким образом, оно оказывается основанным на таком *поддельном тексте*, который, хотя и служит прославлению не *коллективных* славных предков, а предков *индивидуальных* (не менее славных), обретает через фигуру «национального писателя» общенациональное измерение.

Второе. Интерпретация литературного творчества Ахметукова как творчества, отвечающего национальным традициям, игнорирует вторичность его писательства, основанного преимущественно на воспроизведении образа кавказца и Кавказа вообще, сложившегося в русской литературной традиции. Разумеется, влияние русской классической литературы (наряду с другим вскрываемым источником творчества писателя — адыгским фольклором) в ахметуковедении признаётся, причём как черта позитивная; одновременно подчёркивается самобытность и оригинальность автора в переработке этих влияний. Однако характер этой переработки напоминает скорее преобразования кавказской темы в массовой, а то и лубочной литературе⁵. По существу, ахметуковедение вслед за своим героем заимствует из совокупности таких ориенталистских образов и идею, и сам способ интерпретации «границы», разделявшей собственно «русское» пространство (пространство метрополии) и Кавказ. Одновременно, увиденная таким образом граница и служит созданию, *отграничиванию*, национальной литературы, какой она предстаёт под пером Ахметукова.

Третье. Зачастую встречающееся игнорирование (намеренное или нет) фактов, которые содержатся в источниках, известных исследователям-ахметуковедам, включает отрицание (а то и замалчивание) одной из двух версий происхождения писателя. Скорее всего, по происхождению он был евреем, Григорием Яковлевичем Этингером, примерно в 17 лет крестившимся

вместе с семьёй в православие⁶. Основываясь на идее общего происхождения, нациестроительная парадигма — и отвечающее ей создание *национальной культуры* — требует неперенного совпадения этничности своего героя с этническим «субстратом» конструируемой нации, его принадлежности к «своим». Между тем национальные «бестселлеры» отнюдь не всегда создаются людьми, к таковым принадлежащими. Более того, даже формирование идентичности *внутри* соответствующего «национального» пространства может не быть обязательным: Ахметуков-Хаджетлаше, росший в Тифлисе и Одессе, не многие годы жил на Северном Кавказе (среди аналогий первым вспоминается младший современник Хаджетлаше — азербайджанский писатель Курбан Саид, создавший в 1930-х гг. национальный шедевр, повесть «Али и Нино», в действительности — Лев Нуссимбаум, бакинский еврей, эмигрировавший в Германию; отмечу, однако, что он вырос на той же бакинской почве, к какой принадлежал как Курбан Саид⁷).

Сказанное позволяет подчеркнуть не только конструируемый характер нации и её базового концепта — национальной культуры, и не только «пористость», прозрачность культурных границ. Описанное явление ставит также вопрос о том, что позволяет «чужакам» порой наиболее полно отвечать «национальным» запросам — потребностям национального конструирования. Такое конструирование в большей части оказывается зависимым от взгляда *извне* на соответствующие «национальные особенности», в нашем случае — от русского образа Кавказа.

Кроме того, хотелось бы отметить включённость, таких дисциплин, как литературоведение (считающееся порой одной из относительно удалённых от острия политических проблем гуманитарных наук), в процессы нациестроительства. Ахметуковедение в своих недавних образцах представляет свидетельство актуальности этих процессов. Противопоставляя себя советским запретам на исследование тех или иных сюжетов (каким отчасти была деятельность Хаджетлаше), оно вместе с тем прямо наследует те подходы советского литературоведения, которые базировались на примордиалистском и эволюционистском понимании национального развития, в частности национальной литературы. В целом трудно переоценить роль советского опыта в том, как идут нациестроительские процессы: здесь смыкаются результаты советской национальной политики⁸ и унаследованное из этого опыта прагматическое отношение к истории. В частности, замкнутость научных институтов в стенах «национальной» территории создаёт местную систему научных авторитетов и правила отношения к ним. Одновременно, осознанное подчинение интерпретации источников политической задаче — какой становится реабилитация Ахметукова в противостоянии трактовке фигуры Хаджетлаше Л.И. Климовичем — не вызывает этических проблем.

Для иллюстрации этих тезисов ограничусь лишь одной цитатой — из того, упомянутого выше текста, который лёг в основу «биографии» Ю. Кази-Бека Ахметукова в ахметуковедении и который, несомненно, написан им самим:

«Автор произведений, подписанных псевдонимом «Юрий Кази-Бек», — черкес Ахмет-Бей-Булат, — потомок известного кавказского героя Ахмет-Бей-Булата, воспетого еще Лермонтовым⁹, и сын когда-то враждебного России князя Ахмет-Ахмет-Бея, владыки воинственных шапсугов и других горских племен. Отец молодого горца... в 1863 г. переселился из Кубанской области в Турцию с тридцатью тысячами своего народа, абазехами, шапсугами, убыхами и вообще с теми, кто пожелал следовать за ним... Ахмет-Бей-Булат и сестра его родились уже в Турции... У князя было до сорока жен, из которых мать нашего автора, урожденная княжна Фатима Али-Бек, была первая. Князь был начальником таборов баши-бузуков, составленных большей частью из черкесов, и принимал деятельное участие в последней русско-турецкой войне, во время которой и погиб под Ловчей (Ловеч. — О.Б.). Питая неприязнь к русским, он вместе с сыном некогда знаменитого Шамиля, «владыки гор» Магомой-Шамилем, приносил немало вреда русским войскам. Старший сын Ахмет-Ахмет-Бея, будучи шестнадцатилетним мальчиком, участвовал в войне, сражаясь рядом с отцом. После смерти последнего он был принят турецким султаном на службу и теперь уже занимает видное место при турецком дворе. После него следовала сестра Заюлиль-Хан, поражавшая всех своей редкой красотой, затем уже Ахмет-Бей-Булат. Когда семью постигло несчастье и князь был убит на войне, мать Ахмет-Бея в припадке отчаяния зарезалась, зарезав и дочь. Ей тогда было около тридцати лет, дочери — только двенадцать. И Ахмет-Бей-Булата постигла бы такая же участь, если бы он, к своему счастью, не находился в это время у знаменитого муллы Хаджи-Омара, брат которого, не менее знаменитый Кизильбич, наводил ужас на Кубань своими набегам... Хаджи-Омар был человек замечательный по своей жестокости, которая не имела границ, русских он ненавидел всей душой, и чтобы своего любимого ученика сделать точно таким же, он старался доказать ему, что его мать и сестра зарезались не сами, но что их убили русские. Мальчик, не знавший происшествия, верил ему и всей своей молодой душой ненавидел «врагов» своей родины. Только впоследствии, когда он был взят родственниками на Кавказ, он узнал истину... Ученик боялся учителя более смерти, а тот читал в сердце мальчика, как в Коране, и питомец не в силах был от него скрыть ничего. Много интересных вещей рассказывал ученику мулла про их родину — Кавказ, яркими красками описывая прежнюю жизнь горцев. Сердце мальчика замирало то от радости, слыша про героизм джигитов, то от страдания, слыша о гибели их, смотря по содержанию рассказа... Теперь молодому писателю двадцать два года. Первым поощрителем его таланта явился московский цензор С.И.С... и его семейство...»¹⁰

Литературность этого рассказа вряд ли может вызвать сомнения. Здесь очевидна и претензия автора (представляющего себя героем повествования) на обладание славными предками-горцами, и демонстрация их «трагической вины» перед Россией (ошибочная эмиграция и враждебность русским), которую он теперь должен искупить, вновь став лояльным подданным Российской

империи. В таком тексте целесообразно анализировать не его фактологическую составляющую, *освобождая* его от литературности, как это происходит в ахметуковедении. Напротив, здесь значимо то, как в нужном автору политическом русле преобразуются литературные и массовые стереотипы о Кавказе и его месте между Россией и Турцией, ибо это характеризует и автора, и ожидания читательской аудитории, на которую он ориентируется. Но это — предмет другого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. введение к данному изданию.

² Главным авторитетом в воссоздании биографии писателя в ахметуковедении является Р.Х. Хашхожева (Хашхожева Р.Х. Кази-Бек Ахметуков: жизнь и творчество // Кази-Бек Ахметуков. Избранные произведения / Вст. ст. и подготовка текстов к изданию Р.Х. Хашхожевой. Нальчик, 1993. С. 5–78; Она же. Одиссея Кази-Бека Ахметукова // Литературная Кабардино-Балкария. 2001. № 1. С. 161–176; Она же. О Кази-Беке Ахметукове (Магомед-Бек Хаджетлаше) и его потомках // Генеалогия Северного Кавказа: Историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. 2002. № 4. С. 6–15). Термин «ахметуковедение» принадлежит С.Р. Агерджановой (Агерджанова С.Р. Художественное осмысление жизни адыгов в творчестве адыгских просветителей конца XIX — начала XX в. Майкоп, 2003); исследовательница называет Ахметукова первым адыгским профессиональным писателем и подчёркивает, что ему удалось, благодаря «постижению космоса национальной жизни», «художественно убедительно передать духовную энергию адыгского общества в его историческом развитии», то есть воссоздать национальную специфику в творчестве на русском языке. См. также: Курашинов Б.М. Яркая звезда / Курашинов Б.М. В кругу друзей: О русско-кабардино-балкарских литературных связях. Нальчик, 1973. С. 137–152; Бекизова Л.А. От богатырского эпоса к роману. Черкесск, 1974; Хапсироков Х.Х. Истоки черкесской литературы. Черкесск, 1973; Хапсироков З.Я. О художественных истоках творчества Юрия Кази-Бека Ахметукова // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы: Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1979. № 3. С. 71–75; Схалыхо А.А. Идеино-художественное становление адыгейской литературы. Майкоп, 1988; Голубева Л.Г. Литературы народов Северного Кавказа и Дагестана на рубеже XIX и XX веков // История всемирной литературы. Т. 8. М., 1994; Шакова М.К. Рассказы и повести Ю.К. Ахметукова // Литературная Адыгея. Майкоп, 1998. № 4. С. 151–158; Адыгская (Черкесская) Энциклопедия / Гл. ред. М.А. Кумахов. М., Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 891. Созданная Р.Х. Хашхожевой трактовка биографии Ахметукова распространяется и за пределы собственно ахметуковедения; см. например: Бабич И.Л. Культура и политика в XIX — начале XX в. // Северный Кавказ в составе Российской империи. Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М., 2006. С. 281.

³ Первым исламоведом, обратившимся к фигуре М.-Б. Хаджетлаше, был Л.И. Климович (Климович Л.И. Ислам в царской России. М., 1936), продолживший в контексте истории мусульман России разоблачения, начатые В.В. Воровским (Воровский В.В. В мире мерзости и запустения // Сочинения. Т. 3. М.; Л., 1933. С. 393–419) в связи

с деятельностью Хаджетлаше в Швеции на последнем этапе жизни. Заявляя себя борцом с большевиками, Хаджетлаше создал там «Лигу за восстановление империи», совершил ряд убийств, был арестован, приговорён в 1919 г. к смертной казни, заменённой пожизненным заключением, и умер в стокгольмской тюрьме в 1929 г. См. также: Нафигов Р.И. Наш Тукай: Новые страницы из жизни поэта. Казань, 1998; Хайрутдинов Р.Р. Мир Ислама. 1912–1913 // Мир ислама. Казань, 1999. № 1. С. 3–24; Ямаева Л.А. «Мусульманский Азеф», или Миф о российском панисламизме в свете архивных материалов // Археография Южного Урала. Уфа, 2001; Она же. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение: по материалам Уфимской и Оренбургской губерний. Уфа, 2002; Амирханов Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток–Запад» (на примере развития русской культуры). Казань, 2002; Аранов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М., 2004; Исаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004. Примеры северокавказских трактовок деятельности Хаджетлаше см.: Хакушев А.Х. К вопросу об идейных позициях М. Хаджетлаше и журнала «Мусульманин» // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX — нач. XX в. Материалы конференции 28–29 марта 1974 года. Нальчик, 1976.

Подробнее см.: Бессмертная О.Ю. Мусульманский Азеф, или «Игра в Другого»: метаморфозы Магомет-Бека Хаджетлаше // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 9 (в печати).

Сопоставляя поэму М.Ю. Лермонтова «Хаджи Абрек» и одноимённый рассказ Ю. Кази-Бека (Ахметукова), З.Я. Хапсироков отмечает, что в поэме «образы героев приподняты, романтизированы, [а] в рассказе, напротив, приземлены, приближены к реальной действительности». Исследователь приходит к выводу, что «поэт пользуется романтическим принципом типизации, [а] прозаик — реалистическим». Вот сопоставляемые строки. Лермонтов: «Они лежали, костеня, / Два друга с виду — два злодея! / Быть может, то одна мечта, / Но бедным странникам казалось, / Что их лицо порой менялось, / Что все грозили их уста. / Одежда их была богата, / Башлык их шапки покрывал: / В одном узнали Бей-Булата, / Никто другого не узнал». Кази-Бек: «Лица их исказились от злобы, и трудно было признать их трупы. Только по башлыку узнали Бей-Булата» (Хапсироков З.Я. О художественных истоках творчества... С. 74–75.) Образы у Кази-Бека, конечно, снижены, но мне представляется, что это не «реалистическое» снижение, а натурализация картины смерти и, попросту говоря, лаконичный прозаический пересказ поэмы. Между тем, доверяя авторскому комментарию, исследователи-ахметуковеды считают, что рассказ Кази-Бека и поэма Лермонтова независимо друг от друга восходят к одному и тому же источнику — рассказу учителя нашего автора, муллы Хаджи-Омара (о нём см. ниже): Хапсироков З.Я. Там же; Курашинов Б.М. Яркая звезда. С. 150–151.

После публикации труда Р.Х. Хашхожевой «Кази-Бек Ахметуков: жизнь и творчество» в ахметуковедении принято считать, что Ахметуков был усыновлён Этингерами, когда 10–12-летним мальчиком вернулся в Россию из Турции. Не говоря о прочих обстоятельствах, заставляющих меня сомневаться в этом, отмечу, что законы того времени разрешали евреям усыновлять только евреев, но не лиц других конфессий. Я признательна Л. Прайсману за это указание.

Reiss T. The Orientalist: Solving the Mystery of a Strange and Dangerous Life. N.Y., 2005.

⁸ Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. Vol. 53. No. 2. (Summer, 1994). P. 414–452; Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Cornell UP, 2001.

⁹ Как раз в цитированной выше поэме «Хаджи Абрек».

¹⁰ Живописное обозрение. 1894. № 34. С. 134. Цензор С.И.С. — очевидно, Сергей Иванович Соколов, личный секретарь М.Н. Каткова (знаменитого редактора «Московских ведомостей»), известный своими крайне правыми, охранительными взглядами и высмеянный В.А. Гиляровским («Москва газетная», гл. «Редакторы»). Аналогичные, но более краткие сведения появились также в журнале «Звезда», 1894, № 36.

«Джагфар тарихы»: как изобреталось булгарское самосознание

Во время моего визита в Казань в июне 1998 г. произошёл забавный случай. Я прибыл в Казань на конференцию, посвящённую источниковедению истории Золотой Орды. Последнее обстоятельство ясно характеризовало меня как специалиста в области татарской истории. Во время конференции ко мне подошли местные жители (не из числа учёных, принимавших участие в конференции), которые рассказали мне, ничего не подозревавшему гостю, о неизвестной истории булгар Поволжья. Первым делом они заявили, что считают себя булгарами, а не татарами. Пожилой господин вообще большую часть времени называл себя членом клана Дуло. Утверждение это меня поразило. И к нему я ещё вернусь позже.

Самая волнующая подробность, которой он со мною поделился, заключалась в том, что существует свод источников булгарской истории, сохранённый на протяжении XX в., но впоследствии скрытый органами КГБ. По словам моего собеседника, эти материалы появились вновь лишь недавно и были неофициально опубликованы в трёхтомном издании под названием «Джагфар тарихы» (или «История Джагфара»). Написал их Бахши Иман в 1680 г. Один экземпляр этого сборника мне посчастливилось купить¹. Другой источник, опубликованный под заголовком «*Шан кызы дестани*», остался мне недоступен². Эти материалы, претендующие на роль подлинных исторических источников IX–XVII/XVIII вв., рассматриваются в роли первостепенного, скрытого от общественности исторического наследия булгарского народа, который сегодня, по мнению некоторых, получил ошибочные названия «казанские татары», «волжские татары» или просто «татары».

Эта совокупность источников рождает несколько важных вопросов, которые я и постараюсь кратко рассмотреть, а именно: кто такие казанские татары? кем были булгары? каково было самосознание волжских булгар в прошлом? является ли публикация этого сборника источников важной вехой в изучении истории волжских булгар и их потомков или же это сконструированная подделка? каково соотношение между современным самосознанием казанских татар и современной же булгарской самоидентификацией?

Кто такие казанские татары?

Как я неоднократно замечал, история казанских татар, современной мусульманско-тюркской народности средневожского региона, обычно рассматривается в виде сложной и порой противоречивой цепи самосознания: волжские булгары, мусульмане, татары и казанские татары. Первым звеном в этой цепи казанские татары считают волжских булгар, средневековую тюрк-

скую народность. Тем не менее тексты эпитафий волжских булгар указывают на более близкое сходство их языка с языком современных чувашей, а не казанских татар³.

Второе звено в этой цепи — ислам. Из описания путешествий Ибн Фадлана явно следует, что волжские булгары приняли ислам к 922 г. В то время как все татары — мусульмане (исключением являются лишь татары-кряшены, то есть татары, насильно обращённые в христианство после завоевания Казанского ханства русскими в 1552 г.), современные чуваше не имеют никаких доказательств того, что когда-либо в своей истории они были мусульманами. Современные татары считают, что имеют непрерывную исламскую традицию с X в.

Следующее звено в этой цепи — историческое использование этнонима *татары*. Несмотря на то что этноним *татары* встречается в древнетюркских рунических надписях (расшифрованных только в конце XIX в.), обычно казанские татары связывают раннее использование этого названия с государством, известным как Золотая Орда⁴. Его население в источниках XIII–XIV вв. называлось как монголами, так и татарами⁵. В XV–XVI вв. это название также ассоциировалось с населением Казанского ханства и других государств позднего золотоордынского периода⁶. Последнее звено в этой цепи самосознания — современные казанские татары, которые рассматривают своё прошлое данной последовательностью определений и которые живут на территориях, имеющих отношение к Волжской Булгарии, Золотой Орде и Казанскому ханству.

В статье, опубликованной в 1990 г., я предположил, что эта широко известная цепочка самоопределений была канонизирована в качестве национальной исторической традиции или национального мифа казанских татар в XIX в. Шигабутдином Марджани (1818–1889), отцом национальной истории казанских татар⁷. Я утверждал, что, поскольку Марджани был первым, кто представил татарской общественности эту цепочку идентичностей на её родном языке в качестве хорошо сформулированной теории о территориальной нации современных казанских татар, он должен считаться отцом современного национального самоопределения казанских татар. После появления в Татарстане русского перевода моей статьи на эту тему произошёл настоящий взрыв интереса среди татарских учёных, последователей Марджани — первого национального историка. И действительно, трудно найти более ранний пример такого национального историка где-либо ещё в тюркском мире.

Другими словами, сегодня мы можем представить себе самосознание казанских татар в форме современного конструкта точно так же, как и национальное сознание любой другой народности в Европе, Азии, Африке и обеих Америках. Для того чтобы находить объяснения огромному количеству противоречий, составляющих любой подобный конструкт, необходима убеждённость. С течением времени любое самосознание развивается. Это видно на примере эволюции идеи территориальной нации современных казанских татар вплоть до формализации татарской национальности в ТАССР в составе СССР

и до попыток переосмыслить роль Татарстана в Российской Федерации сегодня. В конце концов, как и любой подобный конструкт, он неминуемо оспаривается и подвергается сомнению.

Кем были болгары?

Происхождение различных болгарских государств связано с государством Кубрата (*Qobrat/Qubrat*), располагавшимся на реке Кубань в Причерноморских степях в первой половине VII в.⁸ Потомки Кубрата разделились на несколько групп. Первая мигрировала в Камско-Волжское междуречье, чтобы образовать там Булгарское государство, подвластное Хазарскому государству. Другая группа осталась на Северном Кавказе (возможно, это были предки сегодняшних северокавказских балкарцев). Наконец, третья группа в VII в. переселилась на Балканы. Последняя образовала Дунайское Болгарское государство в союзе с местными славянскими племенами под властью хана Аспаруха (приблизительно в 681–700 гг.). Придунайские болгары сохранили лишь некоторые следы своего первоначального тюркского языка и культуры, так как они вскоре славянизировались⁹.

Многие основополагающие аспекты ранней истории дунайских болгар (так же, как и их язык!) известны только по значительно более поздним данным. В то время как учёные уверены, что правящим кланом дунайских болгар был клан Дуло, на самом деле этот род известен только из знаменитого болгарского «Именника болгарских ханов». По Бешевлиеву его реконструкция такова¹⁰:

1. Авитохол правил 300 лет, клан его Дуло, его год [т.е. год начала его правления] дилом твирем.
 2. Ирник жил 150 лет, клан его Дуло, его год дилом твирем.
 3. Гостун, заместитель, он один правил 2 года, его клан Эрми, его год дохс твирем.
 4. Курт правил 60 лет, клан его Дуло, его год шегор вечем.
 5. Безмер, 3 года и его клан Дуло, его год шегор вечем.
 6. Эти пять князей с бритыми головами правили на другом берегу Дуная 515 лет. Затем пришел князь Исперих на этот берег Дуная. И так это до сих пор.
 7. Князь Эсперих, 61 год, клан его Дуло, его год верени алем.
 8. Тервел, 21 год, клан его Дуло, его год теку читем.
 9. ...28 лет, клан его Дуло, его год дван шентем.
 10. Севар, 15 лет, клан его Дуло, его год тох алтом.
 11. Кормисош, 17 лет, его клан Вокиль, его год шегор твирим. Этот князь поменял клан Дуло на Вихтун.
 12. Винех, 7 лет, его клан Укиль, их год [обоих] шегор алем.
 13. Телец, 3 года, его клан Угайн, его год сомор алтем. И этот [был] из-за остальных.
 14. Умор, 40 дней, его клан был Укиль, его [год] дилом тутом¹¹.
- Предполагается, что этот список основан на более ранних болгарских ис-

точниках и датируется, возможно, XIII–XIV столетиями, однако сохранился он только в списках XV–XVI столетия и более поздних¹². Поскольку этот «Именник» очевидно включает данные полуполюгендарного характера, его точность в отношении лиц и событий, которые по большей части происходили на тысячелетие ранее, естественно, открыта для критики. С другой стороны, болгарские тюркские слова в списке (*дилом твирем, дохс твирем, шегор вечем, верени алем, теку читем, дван шентем, тох алтом, шегор твирим, шегор алем, сомор алтем, дилом тутом*) сопоставимы с тем, что известно относительно средневекового болгарского тюркского языка из других источников¹³. Можно было бы предположить, что действительно существовал источник VII–VIII вв. или более поздний, который мог послужить основой для «Именника».

Насколько я знаю, у нас нет иных свидетельств в ранних, современных событиям источниках, для того чтобы утверждать, что правящим кланом Дунайской Болгарии был клан Дуло. Оставляя в стороне проницательный анализ Прицака¹⁴, трудно нарисовать всеобъемлющую картину клана Дуло без имён его членов-правителей. Дьюла Немет высказал мнение, согласно которому и с исторической, и с лингвистической точки зрения Дуло соответствует венгерскому титулу дьюла в силу тесных связей между ранними венграми и болгарскими¹⁵. Другими словами, у нас слишком мало исторических оснований для того, чтобы обсуждать в деталях расхожее мнение, связывающее клан Дуло у дунайских болгар с названиями других выдающихся племён и племенных союзов, известных из истории древней и средневековой внутренней Азии.

Как сказал бы профессор А. Рона-Таш, опасно строить гипотезу на вершине другой гипотезы. В силу полуполюгендарного характера сведений, содержащихся в «Именнике» и имеющих отношение к Дуло как правящему клану у дунайских болгар, а также в силу отсутствия дополнительных источников было бы преждевременно делать на основании только этого единственного источника вывод о том, что Дуло были правящим кланом в Волжской Булгарии, поскольку нет данных из других источников, которые это бы подтверждали.

Каково было самосознание волжских болгар в прошлом?

Трудно проследить независимое существование волжских болгар после завоевания и интеграции Волжской Булгарии в состав Золотой Орды. Появление кипчакоязычного населения, монгольское иго, а затем чума к концу XIV в. полностью изменили и этническую, и лингвистическую карту Поволжья. После этого трудно даже пытаться описать, кем могли быть волжские болгары.

Тем не менее имя *булгар* продолжало занимать особое место в истории народов Поволжья. Обратимся, например, к классическому анализу наиболее важных татарских исторических источников, который предложил М.А. Усманов¹⁶. В своей книге он анализирует «Джами ат-тварих» Кадыр Али Джелайра (1602 г.), анонимное сочинение «Дафтар-и Чингиз-наме» (конец XVII в.),

«Теварих-и Булгарийя» Хисамиддина б. Шерефеддина Булгари-Муслими и «Теварих-и Булгарийя» Таджаддина Ялчигула. Только из этого простого перечисления понятно, что истории Волжской Булгарии занимали заметное место в татарской литературе последних пятисот лет, а один из этих авторов даже называл себя «булгарином»¹⁷.

Один из упомянутых трудов — «Теварих-и Булгарийе» Хисамиддина б. Шерефеддина Булгари-Муслими, недавно заново опубликованный в Казани¹⁸, не был известен учёным до 1846 г., когда его описал И.Н. Березин¹⁹. Некоторые относят этот труд к XVI в., другие (начиная с Марджани и заканчивая М. Усмановым) считают его гораздо более поздним произведением или же сильно критикуют текст²⁰. Я должен однозначно подтвердить вторую точку зрения. В этом источнике не только искажено изложение основных фактов, относящихся к эпохе Чингиз-хана и даже Тамерлана, но он ясно упоминает Надир-шаха Афшара, который родился в 1688 г. и был правителем Ирана с 1736-го до своей смерти в 1747 г.²¹ Таким образом, речь должна идти о сочинении второй половины XVIII или даже XIX в., хотя, безусловно, некоторые его фрагменты могут основываться на более ранних источниках. Другой упомянутый труд — «Теварих-и Булгарийя», или «Тарих-нама-и булгар», написанный Таджаддином Ялчигулом в 1220/1805 г. и недавно заново изданный в Уфе²², характеризуется М. Усмановым как наивный и не очень убедительный²³. Эту точку зрения я также должен однозначно подтвердить.

Как мы можем объяснить устойчивое употребление термина «Булгар» в этих «досовременных» источниках. Известно, что традиционные формы «досовременной» идентичности включали идентичность, основанную на религии, местных связях и племенной принадлежности. Таким образом, традиционная «досовременная» идентичность должна была бы быть такова (приведём несколько примеров): мусульманин, христианин или иудей; «происходящий из Казани», «происходящий из Самарканда» или «происходящий из Туркестана»; джелаир, кунграт или найман. К Новому времени знания о племенной принадлежности у казанских татар были утеряны. Важный вопрос: насколько вписываются истории булгар, созданные на Средней Волге, в эти рамки и в какой связи они состоят (и состоят ли?) с государством Волжская Булгария? Я бы предположил, что булгарские истории этого времени не могут отражать современное им булгарское национальное самосознание, поскольку идея «территориальной нации» к тому времени в Российской империи известна не была.

Рассмотрим небольшой отрывок из «Теварих-и Булгарийе» Хисамиддина б. Шерефеддина Булгари-Муслими, а именно историю обращения волжских булгар в ислам. Согласно этому источнику в 9 г.х. (630 г.) пророк Мухаммад послал Абд ар-Рахмана б. Зубайра, Зубайра б. Джада и Тальху б. Усмана к булгарам проповедовать ислам. Согласно тому же источнику правителем булгар в то время был Айдар-хан, а его визирем — Барадж. Этот отрывок текста выглядит весьма спорным по многим причинам: при жизни Мухаммада Исламский халифат только начал своё распространение за пределы Аравийского

полуострова, а болгары во время Мухаммада и Кубрата, вполне возможно, ещё не переселились к месту слияния Волги и Камы. Те же сведения (с небольшой разницей в именах) повторяются и Ялчигулом²⁴. Учитывая эти данные, я бы утверждал, что труд Хисамиддина б. Шерифеддина Булгари-Муслими — отчасти попытка написать (или подделать, или воспроизвести подделку) исламскую историю народов Поволжья, которая восходит к принятию ислама в эпоху государства волжских болгар.

Недавно Аллен Франк, также основываясь на подобных историях болгар, пришёл к выводу, что ранее существовало болгарское *общинное* самосознание. Франк сравнил его с идентичностью современных казанских татар, о котором я писал выше²⁵. Однако, как я уже отмечал, Франк путает различные ранние формы донациональной общинной идентификации с современными идеологическими конструктами территориальной нации.

Вопрос о существовании общинного самосознания волжских болгар в XVI–XIX вв. требует дальнейшего детального рассмотрения. Я не убеждён, что оно когда-либо существовало. Попытки же отдельных мыслителей XVIII–XIX вв. защитить его во взаимосвязи с мусульманским прошлым представляют собой обратный пример нарушения связи с прошлым.

Подлинные летописи или сконструированная подделка?

Ещё один важный вопрос, который я хотел бы затронуть в этом эссе, — является ли издание сборника материалов, известное под названием «Джагфар тарихы», важной вехой в изучении волжских болгар и их потомков или же это продуманная фальсификация, предпринятая с целью подкрепления аргументов современных защитников болгарского национализма? Я утверждаю, что данная работа является несомненной сплошной фальсификацией, возможно, продолжающей традиции более ранних фальсификаций истории болгар²⁶.

Фальсификация документов, исторических источников и других памятников материальной культуры — распространённый феномен²⁷. В досовременный период подделка документов могла служить для обоснования юридических требований. В более поздние же периоды особую популярность получили подделки знаменитых произведений искусства. Как я уже упоминал выше, скорее всего, «булгарская» история XVIII–XIX вв. являет собой лишь попытки отобразить фиктивную связь с исламским прошлым. Но в XX в. фабрикация исторических источников (в том числе и археологических) могла производиться с иными целями, прежде всего для того, чтобы подкрепить претензии представителей современных наций на древнее историческое прошлое²⁸. Таким образом, данный феномен часто является продуктом роста числа национальных идеологий, современного процесса, появление которого часто связывается с периодом французской революции. В Европе множество источников было сфабриковано сторонниками той или иной территориальной нации. Не-

которые из них даже становились частью национального исторического мифа страны (как в случае со знаменитым источником по истории Ирландии). Источники, сфабрикованные сторонниками территориальных наций, настолько вплетаются в национальные мифы страны, что становится трудно установить реальный ход истории²⁹. Ещё один интересный пример представлен в работе Шоры Ногмова «История адыгейского народа». Очевидно, что это произведение, написанное до периода подъёма на Кавказе национальных идеологий, во многом повторяет исторические работы Карамзина с целью создать местную историческую традицию своего северокавказского народа³⁰.

Не так давно разгорелась международная дискуссия, посвящённая сочинению Якова Анконского, опубликованному под названием «Город света»³¹. Это сочинение выдавалось за дневник путешествия в Китай еврейского купца Якова, уроженца города Анконы в Северной Италии. Подразумевалось, что Яков выехал из Венеции в апреле 1217 г., достиг Зайтуна (современный Гуанчжоу, провинция Фуцзянь) и вернулся в Венецию в мае 1273 г., таким образом, опередив на четыре года Марко Поло. По словам переводчика, это сочинение написано на простонародном итальянском языке с большим количеством еврейских слов. К сожалению, владелец этой уникальной рукописи не согласился показать оригинал переводчику и даже раскрыть своё имя. Однако из-за сенсационного характера этого текста, спорной природы исторических данных, которые он содержит, а также невозможности для учёных ознакомиться с его оригиналом многие выражали скептицизм относительно аутентичности этого труда³². Конечно же, это напоминает нам споры, которые всё ещё сопровождают вопрос о подлинности описания самого Марко Поло!

«Таинственное» исчезновение «древних» исторических работ идёт рука об руку с подделкой исторических источников. Продолжается долгий спор о том, было ли написано «Слово о полку Игореве» (уникальная рукопись которого пропала во время пожара в Москве в 1812 г.) вскоре после событий 1185 г., описанных в произведении, позднее, в средневековый период, или же даже в XIX в. в качестве научной фальсификации³³. Ф. Нурутдинов в своём введении к публикации «Джагфар тарихы» (у меня также вызывает недоверие отнесение данной работы к волжско-булгарскому периоду), чтобы подкрепить своё утверждение о подлинности потерянных материалов, явившихся первоосновой для «Джагфар тарихы», также заявляет о загадочном исчезновении в 1920 г. рукописи «Кыссаи-Юсуф», написанной Мухаммадом Гали³⁴.

«Джагфар тарихы» — это явная попытка объединения ссылок на путешественников, известных из других источников. Например, глава 8-я «Гази Барадж тарихы» под названием «Прибытие великих послов» содержит информацию о прибытии из Халифа послов Ахмеда Ибн Фадлана (около 922 г.)³⁵. Глава 18-я этого произведения «Булгары и правление Колына и Анбала» содержит информацию о прибытии Абу Хамида аль-Гарнати (1153 г.)³⁶. Это частичное совпадение с известными источниками было использовано в качестве аргумента в доказательство подлинности «Джагфар тарихы».

В «Джагфар тарихы» также содержится информация из других неоднозначных источников. Глава 3-я «Период болгарского балтавара» упоминает Дуло, известного ещё только по дунайско-болгарскому «Именнику болгарских ханов». Кроме того, «Джагфар тарихы» повествует о сомнительных исторических личностях, встречавшихся в ранних вариантах «булгарской» истории, например у Муслими в «Теварих-и Булгарийе». Ещё один пример: имя Барадж, которое можно встретить в ранних «булгарских» источниках и более поздних генеалогиях (шаджара), в «Джагфар тарихы» принадлежит важной фигуре — Гази Бараджу. В то же время М.А. Усманов считает появление необычного имени Барадж в «Теварих-и Булгарийе» уникальным для средневековой татарской литературы³⁷.

Материалы «Джагфар тарихы» выявляют и другие исторические проблемы, включая анахронизмы, слишком многочисленные для освещения в данном эссе. Как можно объяснить столь раннее появление этнонимов «татар», «куман» и др. в болгарской истории VII–X вв., как это представлено в данном произведении? Были ли первые хроники, о которых здесь упоминается, написаны на арабском, персидском или тюркском языках? Так как в VII–X вв. не было исламско-тюркской литературы, то и другие использованные в документе средневековые «булгарские» источники с хронологической точки зрения представлены здесь слишком рано относительно остальной мусульманско-тюркской литературы³⁸.

Также вызывает любопытство, как «изобретательный» переводчик этого произведения, судя по всему любитель, смог автоматически преобразовать все даты хиджры досовременных исламских текстов в григорианское летоисчисление в процессе перевода на русский язык? Нет необходимости замечать, что один год хиджры часто соотносится с двумя григорианскими годами. Этот аспект перевода одного летоисчисления в другое никак не отражён в работе.

Связь с уже существующими историческими материалами представляет для автора данного собрания сочинений филологические ловушки. Например, в главе 3-й «Период болгарского балтавара» и главе 4-й «Правление чёрных болгарских беков» форма *балтава* означает официальный болгарский титул. Несмотря на то что дефектная форма *балтавар* была известна из источников, в последнее время тюркологи сходятся во мнении, что данная форма, по сути, является восстановленной от *el tǎbār* > болгарского *yiltever*. Источник, претендующий называться внутренним болгарским документом, скорее всего, дал бы верную форму. В то время как некоторые учёные убеждены, что «Булгар» и «Биляр» являются в источниках названиями одного и того же города (основываясь на том факте, что «Биляр» — это среднебулгарская форма слова «Булгар»), в главе 18-й «Булгар» и «Биляр» — названия двух разных городов. Также можно составить длинный список предположительно болгарских имён из этого источника и с удивлением обнаружить, что такие классические болгарские лингвистические черты, как ротацизм (з > р) и ламбдацизм (ш > л), в них не присутствуют. Кроме того, я думаю, не следует даже упоминать о при-

мерах народной этимологии, присутствующих во всём тексте.

После краткого анализа основных проблем представленного текста, вне всякого сомнения, можно сказать, что данная работа является вымышленным документом XX в., «изобретением традиции». Полное опровержение его потребует комментария, равного по размеру произведению-оригиналу. Но я не могу даже представить себе, что кто-либо из историков или тюркологов потратит на это своё время. Тем не менее я нашёл занятной параллель между более ранними «булгарскими» источниками XVIII–XIX вв. и этой работой XX столетия.

Современное самосознание казанских татар versus современная булгарская самоидентификация

Несмотря на то что существовали предложения по использованию слова «булгар» для определения нового национального самосознания казанских татар, это так и не стало альтернативной идеологией в досоветское время. К примеру, даже последователь Шигабутдина Марджани Ризаеддин Фахреддин использует в некоторых своих работах термины «булгарские тюрки» и «казанские тюрки»³⁹. Мне кажется, что это отражает разногласия в использовании терминов «татары» и «тюрки», существовавшие в то время из-за теории Исмаила Гаспринского о великом пантюркском самосознании. Конечно же, позднее понятия «булгарские тюрки» и «казанские тюрки» перестали бы существовать, уступив место официальным национальным вариантам «татары» или «казанские татары», формально утверждённым и узаконенным в СССР.

В советское время в адрес казанских татар звучали негативные высказывания за их связь с монголами и так называемым татарским игом Золотой Орды: в интерпретации российской национальной истории, а впоследствии и в советской интерпретации монголов (и, следовательно, казанских татар) обвиняли за всё воображаемое зло, пережитое Россией в тот период истории. И хотя обзор перемен и поворотов в истории XX в. не входит в задачу данной работы, я просто хотел бы заметить, что такое отношение полностью зависит от идеологии и не имеет ничего общего с профессиональным изучением средневековой истории. Но к нашей теме имеет отношение тот факт, что для некоторых казанских татар их самосознание стало слишком противоречивым в годы советской власти.

Я полагаю, что принятая в СССР в официальной версии советской истории практика очернения имени татар и монголов, последовавшая отчасти из-за негативной интерпретации роли «татарского ига» в русской национальной истории, привела к реакции отторжения в татарском самосознании, оставила на нём своего рода клеймо. Это стало весомым основанием для отрицания татарского самосознания и для предоставления вместо него более привлекательной альтернативы: «Мы не татары, мы — болгары!» (которая также имеет подтекстом «Мы не монголы, мы — болгары!»). Это были небольшие, но

красноречивые дополнительные элементы в защиту болгарского самосознания в поздний советский период⁴⁰. Даже сегодня некоторые группы проводят активную работу, обращаясь к внутренним и международным организациям с просьбой изменить официальное название данной современной этнической группы с «казанских татар» на «булгар»⁴¹.

С какой целью была написана «Джагфар тарихы»? Я думаю, ответ ясен — с целью создать историческую основу для того, чтобы казанские татары (самосознание которых стало результатом современного конструкта под авторством Шигабутдина Марджани) сегодня могли называть себя «булгарами», а не «татарами». Это согласуется с идеологией и целями современных булгаристов. Более ранние попытки подделать «булгарское» прошлое были связаны с исламской легитимностью (законностью), а не национализмом. И только в начале XIX в., в период появления среди мусульман-тюрков Российской империи новых категорий национального самосознания, понятие «булгарские тюрки» стало допустимой альтернативой понятию «казанские татары». Но в своё время эта идея не получила широкого распространения. По моему мнению, в ответ на обвинения и неправильное отношение к самосознанию татар в XX в., особенно в советский период, идея «булгарского» самосознания приобрела новый импульс. Это отличает её от вариантов «булгарской» истории XVIII–XIX вв., созданных с целью укрепления взаимосвязи с исламским прошлым. Оспорив название современной территориальной нации, известной с XIX в. как «татары», взамен предлагается точное название народа — «булгары». Конечно, такая «булгарская» идеология — это тот же конструкт, только конструкт XX в. По этой причине современные заявления о «булгарском» самосознании и удивительные притязания на своё происхождение от клана Дуло должны считаться современным «изобретением традиции».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бахши Иман. Джагфар тарихы. Свод булгарских летописей. Оренбург. 1993–1997. I–III. См. также: Нурутдинов Ф. Булгарский вопрос. Как машина зла убивала народы (Запись разговора с М.С. Ваисовым. Служилые татары или похитители Чингис-хана с Идегеем). Оренбург. 1993; Нурутдинов Ф. Г.-Х. Родиноведение (Методическое пособие по истории Татарстана). Казань. 1995; Шнирельман В. От конфессионального к этническому: Булгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // Вестник Евразии. 1998. № 1/2 (4/5). С. 137–159; Shnirelman V.A. Who gets the past? Competition for Ancestors among non-Russian Intellectuals in Russia. Washington D.C., Baltimore&London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996.

² Разбору этой подделки посвящена отдельная статья: Прицак О. А може, булгаро-татарський Оссіан? // Східний світ. 1993. № 2. Русский текст, насколько мне известно, издавался неоднократно, в том числе и за рубежом параллельно с переводами на

- турецкий и болгарский языки: *Mikail-Baştı İbn Şams Tebir*. Şan Kızı Destanı. Çeviren A. Aydın / Микаиль-Башту Ибн Шамс Тебир. Сказание о дочери хана. Перевод А. Айдына. Анкара, 1991; *Микаил Баццу Ибн Шамс Тебир*. Сказание за дщерьята на хана. Епосът на прабългарите 882 г. София, 1997. Турецкое издание вышло в серии «Памятники культуры» под грифом Министерства культуры Турецкой Республики. — *Ред.*
- ³ О языке поволжских булгар и их связи с чувашами см. подробнее: A. Róna-Tas and S. Fodor // *Epigraphica bulgarica, Studia Uralo-Altaica* 1. Szeged, 1973; Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафии волжских булгар. М., 1978; Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987. О конце этого языка в результате эпидемии чумы — «чёрной смерти» см. мою статью: *The End of Volga Bulgarian* // *Varia Eurasistica. Festschrift für Professor András Róna-Tas*. Szeged, 1991. P. 157–163.
 - ⁴ Даже название этого государства вызывает споры. См.: Shamiloglu U. *Turkic Calques in Slavic: The Legacy of the Golden Horde* // *Алтайские языки и восточная филология*. Сборник к 80-летию Э.Р. Тенишева. М., 2001 (в печати). (Статья опубликована: Shamiloglu U. *The Golden Horde and Turkic Calques in Slavic* // *Алтайские языки и восточная филология*. Памяти Э.Р. Тенишева. М., 2005. С. 515–519. — *Ред.*)
 - ⁵ О Золотой Орде см. следующие мои работы: «*Karachi bei*» *pozdney Zolotoy Ordī: Zametki po organizatsii mongol'skoj mirovoy istorii* // *Iz istorii Zolotoy Ordī*. Kazan, 1993. P. 44–60; Направление в исследовании Золотой Орды // *Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды)*. От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002. С. 15–29.
 - ⁶ О Казанском ханстве см.: Jaroslaw Pelenski. *Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s)*. The Hague — Paris, 1974.
 - ⁷ Шамилоглу Ю. Формирование исторического сознания татар: Шигабутдин Марджани и образ Золотой Орды // *Татарстан*. 1991. № 10.
 - ⁸ См.: András Róna-Tas. *Where was Khuvrat's Bulgaria?* // *Acta Orientalia Hungarica*. T. 53. Budapest, 2000. P. 1–22.
 - ⁹ Beševliev V. *Die protobulgarische Periode der bulgarischen Geschichte*. Amsterdam, 1981; Golden P.B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. *Turcologica*. Band 9. Wiesbaden, 1992.
 - ¹⁰ Beševliev V. *Die protobulgarische Periode der bulgarischen Geschichte*. Amsterdam, 1981. С. 482. В строках 4–5 я заменил *сегор* на *шегор*, поскольку первое — несомненная опечатка.
 - ¹¹ В оригинальном чтении «Именник» представлен в книге его первооткрывателя: Попов А.Н. *Обзор хронографов русской редакции*. М., 1866. — *Ред.*
 - ¹² Pritsak O. *Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren* / *Ural-altäische Bibliothek* 1. Wiesbaden, 1955. S. 15. См. также комментарии А. Рона-Таша: Róna-Tas A. *The Periodization and Sources of Chuvash Linguistic History* // *Chuvash Studies*, БОН 28. Budapest, 1982. P. 148–151.
 - ¹³ Pritsak O. *Die bulgarische Fürstenliste*... S. 12–25.
 - ¹⁴ Там же. S. 39–41.
 - ¹⁵ Németh Gy. *Hunok és Magyarok* // *Atilla és hunjai*. Budapest, 1940/1986. S. 265–270 (с. 269 и прим. 321). Об этом периоде см. также: Halasi-Kun T. *A magyaság kaukázusi története* // *A magyaság őstörténete*. Budapest, 1943.
 - ¹⁶ Усманов М.А. *Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.* Казань, 1979.

- ¹⁷ Действительно, сотни ранних татарских авторов использовали литературное имя Булгари, и М. Усманов считает, что это отражало их осведомлённость о собственном происхождении (Усманов М.А. Татарские исторические источники... С. 139–140).
- ¹⁸ Теварих-и Булгарийе (Булгар тарихы). Казань, 1999. Первоначально это сочинение было напечатано в Казани арабским шрифтом в 1876, 1887, 1892 и 1902 гг. Издание кириллической транскрипции и перевода на современный татарский язык основано на издании 1902 г.
- ¹⁹ Березин И.Н. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках Санкт-Петербурга // ЖМНП. 1846. № 5.
- ²⁰ Усманов М.А. Татарские исторические источники... С. 135–136; Теварих-и Булгарийе... С. 5.
- ²¹ Теварих-и Булгарийе... С. 35–36.
- ²² Галаяутдинов И.Г. «Тарих-нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова. Уфа, 1998 (2-е, исправленное издание книги, выпущенной в 1990 г.).
- ²³ Усманов М.А. Татарские исторические источники... С. 158.
- ²⁴ Галаяутдинов И.Г. «Тарих-нама-и булгар»... С. 210–215 (текст), 184–188 (транскрипция), 162–164 (русский перевод).
- ²⁵ С момента публикации статьи Ю. Шамилоглу на русском языке вышли две книги, переведённые с английского и немецкого языков и специально посвящённые данной проблематике: Франк А. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. Казань, 2008; Кемпер М. Суфии и учёные в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008. — *Ред.*
- ²⁶ См. также работы О. Прицака и Д. Исхакова, цитируемые В. Шнирельманом, а также полемику с ними Ф. Нурутдинова.
- ²⁷ Kenneth W. Rendell. Forging History: The Detection of Fake Letters and Documents. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1994. См. также упоминавшиеся работы В. Шнирельмана.
- ²⁸ The Invention of Tradition / Ed. E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 1983; особенно см.: E. Hobsbawm. Introduction: Inventing Traditions. P. 1–14; он же. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914. P. 263–307. См. также упоминавшиеся работы В. Шнирельмана.
- ²⁹ См. например: Hugh Trevor-Roper. The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland // The Invention of Tradition / Ed. E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 1983. P. 15–41 (P. 16–17).
- ³⁰ Brian J. Boeck. Probing Parity Between History and Oral Tradition: Putting Shora Nogmov's History of the Adygei People in its Place // Central Asian Survey. 1998. Vol. 17. № 2. P. 319–336.
- ³¹ The City of Light. L., 1998; The City of Light: The Hidden Journal of the man Who Entered China Four Years before Marco Polo. Birch Lane Press, 2000.
- ³² Spence J. Leaky Boat to China // The New York Times Book Review. October 19, 1997.
- ³³ По этому вопросу см.: Henry R. Cooper. The Igor Tale. An Annotated Bibliography of 20th Century Non-Soviet Scholarship on the Slovo o polku Igoreve. White Plains, NY: M.E. Sharpe, 1978; Слово о полку Игоре́ве. Библиографический указатель. 1968–1987 гг. Издания, переводы, исследования на русском, украинском и белорусском языках. Л., 1991.

- ³⁴ См. введение к «Джагфар тарихы».
- ³⁵ Перевод этой работы см.: Ковалевский А.П. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Перевод и комментарии под редакцией академика И. Крачковского. М.-Л., 1939; Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- ³⁶ Перевод этой работы см.: Большаков О.Г., Монгайт А.Л. Путешествие Абу Хамида аль-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971.
- ³⁷ Теварих-и Булгарийе (Булгар тарихы). С. 25–27. Здесь Барадж является визирем Айда-ра. См. также: Усманов М.А. Татарские исторические источники... С. 174–178.
- ³⁸ Ср. хронологию, используемую в мусульманской тюркской литературе: Kathleen R.F. Griffin-Buttill. The Literature of the Turks. Madison: Turko-Tatar Press, in press.
- ³⁹ См.: Фахретдинов Р. Болгар во Казан тореклере. Казань, 1993. С. 20–22.
- ⁴⁰ Примеры булгарской идентичности см.: Каримуллин А. Татары: Этнос и этноним. Казань, 1988. С. 118–119. См. также: Мусина Р.Н. Этносоциальное развитие и идентичность современных татар // Татары. М., 2001. С. 507–519. Указ от 9 августа 1944 г. ЦК КПСС определил, что народы Золотой Орды должны изображаться как отсталые дикари, лишённые цивилизации. Подробнее см.: Усманов М.А. Состояние и перспективы источниковедения истории улуса Джучи // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. Казань, 2002. С. 3–14.
- ⁴¹ 7 апреля 2000 г. Татаро-башкирская служба Радио свободы сообщила, что председатель Булгарского национального конгресса (БНК) в Татарстане Гусман Халилов подал апелляцию в Верховный Суд РФ на решение от 6 апреля 2000 г. об отклонении его просьбы аннулировать декрет В.И. Ленина о создании ТАССР. Согласно Халилову, БНК полагает, что Ленин не имел основания называть республику Татарской, так как это имя не отражает булгарские корни народа, проживающего в республике. Халилов не согласен с учёными, которые называют древний булгарский народ, осевший на Дунее, болгарскими, а болгар, осевших в Волго-Уральском регионе, булгарами. Согласно Халилову, «мы один народ, мы болгары». Халилов также апеллировал к Европейскому суду по правам человека (Страсбург) с жалобой на Россию и Татарстан, отказавшие обозначить в паспорте его национальность как «болгар» вместо «татарин». Суд сообщил Халилову, что его случай рассмотрен.

Необулгарская идея и легитимизация поддельного свода Джагфара

Размышления Юлая Шамилоглу о «Джагфар тарихы» (далее — «ДТ») как вымышленном документе прошлого столетия в контексте изобретения болгарской традиции вызвали у меня некоторые соображения, развивающие, впрочем, основные его наблюдения. Я, безусловно, согласен с тем, что полный научный комментарий к трём томам сочинений И.М.-К. Нигматуллина, или его сына, или ещё кого-то — дело бессмысленное и очень трудоёмкое. Это обстоятельство, конечно, будет использовано адептами и пропагандистами фальшивки для её дальнейшего продвижения в жизнь. Впрочем, если бы дело обстояло иначе, как, например с «Влесовой книгой» или псевдонаучными творениями академика Фоменко, которые достаточно полно раскритикованы квалифицированными учёными, это мало что изменило бы.

Жизнь фальшивки прекращается со смертью идеи, ставшей импульсом к её созданию. Фальшивый частнособственнический акт становится бесполезен с национализацией или исчезновением собственности, о передаче которой в нём говорится. В этом смысле сборнику псевдобулгарских летописей уготована ещё весьма долгая активная жизнь. Объективная неясность этногенеза татар приводит к идейному разброду в современном Татарстане. Споры между т.н. болгаристами и татаристами несколько утихли, но противоречия отнюдь не сняты. Эти противоречия порождают конструкты, подобные «Джагфар тарихы».

В крайней версии булгаризма, сформулированной Ф.Г.-Х. Нурутдиновым, домонгольская «булгарская народность» не исчезла и развивалась наряду с другими тюркскими этносами региона. Золотая Орда и Казанское ханство относятся к «фальсификациям истории», а Булгарское государство продолжало своё независимое существование в Среднем Поволжье непрерывно с VII до конца XVI в. Более того, древние булгары построили Трою, основали Шумер, под именем этрусков заселили Италию, zaloжили Киев, а Русь с VII по IX в. входила в состав Булгарского государства¹. Такой подход определил особое отношение булгаристов к целому ряду событий истории, связанных с противостоянием Русского государства и тюрко-монгольских государств Поволжья. В этом ряду — нашествие Батыя, казанские походы и, конечно, Куликовская битва.

Не случайно, в отличие от общественности, выражающей негативное отношение к воспоминаниям о Мамасвом побоище, булгаристы вовсе не видят на Куликовом поле предков современных казанских татар. «Надежным источником» для столь впечатляющих обобщений выступает поддельная летопись «Джагфар тарихы»². Естественно, что в самом этом «историческом источнике»

имеется довольно нетривиальное болгарское описание Куликовской битвы³. Юлай Шамилоглу сделал ряд очень важных общих замечаний по тексту этой фальсификации, заставляющих добросовестного исследователя прошлого народов Поволжья сделать однозначный вывод о жанре этого писания. У многих исследователей возникнут и собственные частные замечания. Таковые возникли и у меня после прочтения раздела, посвящённого весьма близкому мне сюжету — рассказу о Куликовской битве.

В небольшом и крайне занимательном сообщении о сражении 1380 г. войско Мамай, благодаря удали маленького болгарского отряда, уступающего вдвое противостоящей ему рати Дмитрия (по этому тексту едва ли её можно назвать русской), опрокинуло левый фланг противников. Булгарин по имени Гараф из арбалета убил руководившего боем с русской стороны Михаила Бренка.

Казалось, победа уже близко, но Мамай совершил роковую ошибку. Он издали, с холма, «на котором находились развалины древней крепости Хэлэк», не рассмотрел, почему именно болгары замедлили своё движение вперед. Они просто встретили на своём пути болото, а темник принял это за проявление трусости. Мамай послал в бой отряд мангытов — «подогнать болгар ударом в спину». Но, оказывается, болгары и мангыты, выражаясь словами героя Фрунзика Мкртчяна из фильма «Мимино», испытывали друг к другу «такую личную неприязнь», что, позабыв о превосходящем их вдвое противнике, сцепились между собой.

Но и это не сразу повлёкло за собой поражение. Князь Дмитрий, называемый в этом тексте просто «бек», переодетый для собственной безопасности в одежду простого воина, увидев разгром своего левого фланга, обратился в бегство с кучкой приближённых. Когда князь мчался мимо леса, в котором скрывался Засадный полк, свои приняли его за татарина и обрушили на Дмитрия одно из заранее подрубленных для сооружения завала деревьев. Булгарская хроника с сожалением констатирует: «Но бек (князь) все же остался жив». Затем последовал не то чтобы сокрушительный удар русского Засадного полка. Однако это явление конников из леса произвело неизгладимое впечатление на командира войск центра ногайского князя Бармака, который «бросился прочь мимо остервенело бьющихся друг с другом болгар и мангытов...» «Мчась на большой скорости мимо них, Бармак крикнул во всю мочь о полном разгроме». После этого болгары и мангыты стали чинно покидать поле боя, продолжая «резаться друг с другом на ходу». Ценнейшей добычей русских стали две пушки, привезённые булгарами с собой, и их конструктор — мастер-оружейник Ас. Это, похоже, стало главным итогом Куликовской битвы для Москвы, т.к. из этих пушек впоследствии стреляли по Тохтамышу со стен Кремля.

Вот такой образ сражения даёт нам болгарская псевдолетопись. Причины возникновения таких фальшивок понятны и хорошо известны — это не первая и, вероятно, не последняя историческая подделка. Не новы и методы создания. Хорошо видно, как необузданная фантазия автора сочетается с общей начинанностью или наслышанностью. Для достижения необходимого результата в

морс лжи всегда следует растворить несколько крупниц истины. В этом рассказе помимо авторской смекалки видны следы знакомства со сведениями позднего источника о Куликовской битве, «Сказания о Мамаевом побоище», или литературой, его пересказывающей (построение русских полков, переодевание Дмитрия и Бренка, обретение Дмитрия под сломанным деревом), правда, все эти сведения свежо и занятно интерпретированы.

Впрочем, настолько ли «свежа» эта трактовка? В 1864 г. в «Календаре» Академии наук была опубликована статья Н.И. Костомарова «Куликовская битва»⁴, послужившая началом бурной научной дискуссии, перипетии которой оживлённо обсуждались просвещённым обществом. У Костомарова получилось, что Дмитрий Донской, «как показывают все дела его, не отличался пылкой отвагой». Вывод был обоснован оригинально истолкованными «летописными» фрагментами. Н.И. Костомаров объяснил обмен доспехами с Михаилом Бренком желанием князя избежать опасности, «неразлучной с положением великого князя, особенно под великокняжеским знаменем, которое издавна привлекало удары врагов», «иной причины быть не могло»⁵. Но яростный гнев оппонентов вызвало его резюме: «Но кажется, что Димитрий нарядил своего боярина великим князем с тою именно целию, чтобы сохранить себя от гибели и ещё более от плена...»⁶. Следуя за текстом одной из позднейших редакций «Сказания о Мамаевом побоище» (Киприановской), помещённой в Никоновской летописи, Н.И. Костомаров следующим образом изобразил поведение Дмитрия в битве: «Великого князя между простыми воинами сбили с коня, он сел на другого коня; но бросились на него четверо татар, сбили с коня, погнались за ним. Князь Новосильский оборонял его, Димитрий почувствовал на своих доспехах несколько ударов, побежал в лес, запрятался под срубленное дерево и там улегся чуть не без чувств»⁷.

Вероятно, Н.И. Костомаров сознательно эпатировал учёную публику и понимал, какая последует реакция вслед за его публикацией. В автобиографии он написал: «Дело было в том, что я, руководствуясь источниками, указал на такие черты в личности Димитрия Донского, которые противоречили сложившемуся о нём и ставшему как бы казённым мнению как о доблестном и храбром герое княжеских времён. Против меня поднялась целая буря патриотического негодования»⁸.

Уже прославившийся ранее непатриотичными выводами в отношении личности Ивана Сусанина⁹, Костомаров вновь навлёк на себя обвинения в недостатке патриотизма и в злонамеренности его методики освещения важнейших событий русской истории. Историк воплотил в этом исследовании собственное кредо: никто не лишен недостатков, люди — существа противоречивые, и право историка изображать их личности во всей совокупности черт характеров, невзирая на то, кем были эти личности для современников и потомков.

Важнейший свой методологический принцип Костомаров охарактеризовал так: «В важных исторических событиях иногда надобно различать две стороны: объективную и субъективную. Первая составляет действительность,

тот вид, в каком событие происходило в своё время; вторая — тот вид, в каком событие напечатлелось в памяти потомства. И то и другое имеет значение исторической истины: нередко последнее важнее первого. Так же и исторические лица у потомков принимают образ совсем иной жизни, какой имели у современников. Их подвигам даётся гораздо большее значение, их качества идеализируются: у них предполагают побуждения, каких они, быть может, не имели вовсе или имели в гораздо меньшей степени. Последующие поколения избирают их типами известных понятий и стремлений»¹⁰.

Этот посыл Н.И. Костомаров блестяще иллюстрировал разоблачением официальной легенды о Сусанине, доказав, что, произвольно трактуя тот или иной документ, можно сильно удалиться от истины. Но, к сожалению, источниковедческое мастерство отказало Николаю Ивановичу в его изыскании о Куликовской битве. Уязвима была сама источниковедческая аргументация историка, на что и указал М.П. Погодин, привлёкший те же источники, иначе их интерпретировав. Сегодня, имея уже иные возможности и иную совокупность сведений, мы можем снисходительно хихикать над нашими великими предшественниками, с пеной у рта спорившими об интерпретации легендарных известий поздних источников. Но едва ли это правильно. Кстати, сам Костомаров впоследствии пришёл к выводу, что в случае с Куликовской битвой не стоило так доверять спорному отрывку летописи. Сомнения и терзания историка забылись, а его оригинальная интерпретация событий Мамаева побоища, как видим, продолжает свою жизнь в новейших «древнебулгарских летописях».

Не исключено, что «ДТ» — подделка совсем недавняя, т.к. некоторые пассажи отдают ни с чем не сравнимым этнопассионарным винегретом Л.Н. Гумилёва. Подобно «последнему евразийцу», увековеченному в памятнике на Петербургской улице в Казани, авторы «Казанской истории» в кратком отрывке разворачивают захватывающую солянку из разновременной смеси народов, этносоциальных групп, частных мотиваций групповых действий и глобальных последствий, вытекающих из «личной неприязни». Правда, если это так, то и гумилёвские построения были освоены автором «Казанской истории» строго в соответствии с современным национальным интересом Великой Булгарии. Забавно читать о генетической неприязни булгар к ногаям, особенно если принять во внимание, что это самоназвание у последних возникло уже после Куликовской битвы и связано с именем Едигея.

Много интересного «ДТ» предлагает и для других новых суверенных государств, ищущих собственную идентичность. Так, в рассказе о Куликовской битве среди воинских контингентов Мамаёва упоминаются «анчийские казаки». Без особых пояснений невозможно понять, что за этнографическая группа имела в виду. Не соотносить же её с ачинскими казаками Сибирского казачьего войска XIX–XX столетий! Но приложенный к «историческому своду» словарь древнебулгарских терминов объясняет, что анчийцы — это первоначально гуннские части из иранцев, славян и булгар Украины, охранявшие границы Украины и ходившие в походы вместе с гуннами; впоследствии — украинцы¹¹.

А. Блок в своё время определил российскую идентичность словами: «Да, скифы — мы!» Вероятно, теперь Союзу писателей Украины придется создавать гимн гуннам.

Забавное объяснение «ДТ» даёт известию о том, как бек — Дмитрий оказался под сломанным деревом. Оказывается, воины Засадного полка, скрывавшиеся в дубраве, посекали деревья для организации лесного завала. Это действительно хороший приём для того, чтобы заставить конного противника спешиться и замедлить ход на лесной дороге, где открытое пространство легко перекрывается стволом упавшего дерева. Какой смысл подрубать деревья воинам, чья тактическая задача состояла в том, чтобы до поры скрыться с глаз неприятеля за лесом, а затем в нужный момент вступить в бой в открытом поле? «ДТ» этого противоречия не объясняет.

Для создателей таких «свидетельств прошлого» придирки, подобные моим, — хлеб насущный. Завяжется дискуссия о подлинности, а там, как говорится в старом анекдоте, «не то он украл шапку, не то у него украли шапку...». В результате источник заживёт! Это главное. Вот и «Джагфар тарихы» уже живёт. На основе этого «источника» в Казанском государственном педагогическом университете создан и опубликован курс лекций по истории татарского народа¹². Автор, вводя в свои лекции этот «источник», заменяет его источниковедческий анализ следующим пассажем: «В дополнение к известным русским источникам мы используем информацию о Куликовской битве, содержащуюся в труде известного поэта, историка XVI в. Мухаммедьяра (он же Бу-Юрган) «Казан тарихы» («Казанская история»). Использование сведений из ранее неизвестного широкому кругу читателей, а также специалистам-историкам позволит (так в тексте. — *А.П.*), на наш взгляд, осмыслить одни аспекты истории Куликовской битвы и переосмыслить другие»¹³. Очень символично, что автор лекций забыл назвать это «ранее неизвестное широкому кругу» НЕЧТО источником. Впрочем, занятен и его список «известных русских источников». Во всей главе о Куликовской битве помимо упомянутого сочинения Бу-Юргана использовано десять работ. Это книги С.Ф. Платонова, С.М. Соловьёва, историко-библиографические очерки С.В. Бушусва и Г.Е. Миронова, справочник Б.Г. Пашкова, статьи и монографии М.Н. Тихомирова, М. Каратеева, В. Шавырина (эссе о Неделимом поле, напечатанное в 1997 г. в журнале «Родина»), М.Г. Сафаргалиева, А.Н. Кирпичникова и, конечно, Л.Н. Гумилёва. Любопытно, что из десяти «русских источников» четыре не использованы ни разу. Три (Соловьёв, Сафаргалиев и Кирпичников) привлечены к освещению вопроса о численности войск (от 1 до 3 ссылок). Гумилёв (3 ссылки) и Шавырин (5 ссылок) используются для подтверждения деталей собственной гипотезы. В качестве русской летописи выступает биографический справочник Б.Г. Пашкова (28 ссылок). Бу-Юрган использован ровно 30 раз. Подсчет ссылок — не простое буквоедство: арифметика даёт наглядное представление о главном источнике автора. Исчезают иллюзии о том, что в лекциях для будущих педагогов использован хоть какой-нибудь подлинный исторический источник.

Подробно перелагая подделку, лектор учит: «Не следует забывать, что описание выигранных или проигранных сражений минувших эпох не должно подпитывать шовинистические настроения у нынешних и грядущих поколений, формировать у них представления о превосходстве одного народа над другим»¹⁴. Полноте! Откуда взяться этим шовинистическим представлениям? Читайте разные книги «Джагфар тарихы» и увидите, в частности, какой именно народ сохраняет своё лицо в противостоянии предводителя-труса с военачальником-идиотом. Видимо, в такой ситуации только болгары и могли показать себя с лучшей стороны, победив всех врагов, причём по обе стороны фронта.

Одерживать воображаемые победы в вымышленных битвах, описанных в выдуманных источниках, нетрудно, особенно если очень хочется. Этот мотив мне понятен. Но зачем рекламировать подобные подделки в рамках серьёзных научных конференций? Я был крайне удивлён, когда в 2005 г. на конференции, посвящённой Куликовской битве, в Государственном историческом музее услышал обсуждение известий «Казан тарихы» в таком духе: конечно, история этого памятника не до конца ясна, но ряд сведений весьма интересны¹⁵. Затем последовала публикация доцента рязанской Академии права и управления И.А. Гагина, в которой выводы об исторической достоверности ряда сведений «ДТ» звучат еще более отчетливо¹⁶.

Автор статьи излагает «каноническую», т.е. предложенную авторами фальшивки версию создания и «обретения» псевдоисточника. Признаёт её правдоподобной. Потом указывает на общие (отмеченные уже во введении Нурутдинова) слабости публикации: «не отвечает академическим требованиям»; опубликована в переводе на русский язык; даты хиджры переведены в юлианское летоисчисление. Именно эти моменты, по мнению создателей и пропагандистов «Свода», должны были вызвать сомнения учёных в подлинности. Исходя из этого и составлена легенда об «обретении» псевдоисточника. Замечу, что, конечно, перечисленные здесь обстоятельства не добавляют доверия к документу. Но заключение о поддельности «ДТ» не связано только с этими фактами.

Далее доцент И.А. Гагин пишет: «...однако многое говорит и о подлинности определённой части издаваемого перевода «Джагфар тарихы». Прежде всего, его большая информативность»¹⁷. Информативность, несомненно, большое достижение. Но когда она выступает единственным критерием подлинности источника, могут произойти смешные метаморфозы. Думаю, что даже «ДТ» по своей информативности не сможет сравниться с эпосом Толкиена «Властелин колец». Но является ли цикл романов об отважном хоббите и истории Средиземья историческим источником?

Изложение рассказа «Казан тарихы» о Куликовской битве И.А. Гагин сопровождает краткими комментариями. Ах! В «источнике» содержится упоминание о пушечном мастере Асе и болгарских туфангах! «Если верить Мохаммеду Бу-Юргану, у болгар в описываемое время уже было огнестрельное

оружие...»¹⁸ Подумайте только, умиляется наш «наивный» исследователь «версии участия волжских булгар в Куликовской битве», в тексте упоминается болото! А ведь только новейшие исследования ландшафта Куликова поля показали «возможность наличия болотистых местностей в низинах»¹⁹. Невероятно, но «наш источник» под именем Артан упоминает Литву! Значит, знал! Удивлению И.А. Гагина нет предела — и о привилегированности мангытов ведаёт! Естественно, наш «доверчивый» источниковед делает вывод, «что автор строк вполне мог быть либо очевидцем события, либо писал на основании впечатлений очевидца». Конечно! Откуда же ещё можно было почерпнуть такой эксклюзив?!

Мне всё представляется не столь умильным и очевидным. Во-первых, мы знаем лишь точную дату публикации подделки — 1993 г., но не знаем точного времени её создания. Без дополнительных документов и свидетельств об обстоятельствах её создания мы этого точно и не узнаем. Можно говорить лишь о том, что, как правило, момент создания фальшивки, предназначенной для широкого круга потребителей, отделяет от момента её обнаружения весьма незначительный промежуток времени (не более десятилетия). В нашем случае временем создания «ДТ» является вторая половина прошлого века (это максимальная древность данного «документа»). Поэтому все уникальные сведения, так восхитившие И.А. Гагина, авторы (они же — «очевидцы») могли почерпнуть в специальной и популярной литературе о Куликовской битве XIX и большей части XX столетия. Первые итоги наблюдений палеогеографов и палеоботаников о ландшафте древнего Куликова поля были обнаружены Н.А. Хотинским в 1983 г.²⁰ Это к вопросу об упоминании болота. Впрочем, вывод о возможности наличия болотистых местностей в низинах балок мог сделать любой наблюдательный человек, знакомый с природой в бассейне рек Волги и Дона. Интереснее не то, откуда авторы столь «информативной» «ДТ» взяли известную всем информацию, а то, почему они выпустили из вида другую, не менее существенную. Ведь об огнестрельном оружии у булгар известно и до Куликовской битвы. Информация об этом русских источников связана с взятием Болгара великокняжеским войском в 1376 г. Вероятно, это событие не является надлежащим контекстом для презентации технологического приоритета булгар.

Любые дискуссии с адептами фальшивок по частным вопросам всё равно сведутся к общему ценностно-идеологическому восприятию проблемы. Так происходит и с первым «независимым» исследователем «ДТ» И.А. Гагиным. Он резюмирует, что основной причиной неприятия «ДТ» учёными «является та ситуация, которая побудила бахши Имана приступить к составлению свода». Поясню, что ситуация эта — башкирское восстание 80-х гг. XVII в. Бахши Иман — секретарь канцелярии сеида Джагфара (отсюда и наименование всего свода, объединившего различные летописи, включая «Казан тарихы», которые были доступны в тот момент идеологам башкирского освободительного движения). Гагин считает, что помимо передачи подлинных источников Иман

кое-что присочинил во славу Великой независимой Булгарии. Вот поэтому введливые источниковеды и обиделись. Такая постановка вопроса позволяет говорить, что в основе свода лежат всё же подлинники, на которые наслоились небольшие выдумки Имана, ошибки при переводе на русский язык и несуразности, связанные с переписыванием и восстановлением сгинувшего списка «ДТ» сыном последнего его хранителя. В перспективе и при определённом огрублении деталей такая постановка вопроса подменяет археографическое отношение к этому тексту идеологическим: мол, противники «ДТ» не признают славного исторического прошлого Великой Булгарии. А это уже напрямую связано с отмеченным Ю. Шамилоглу конструированием новейшей болгарской идентичности и к подлинной истории отношения не имеет.

Востребованность нсобуларской идеи в современной России предопределяет ответ о витальности этой подделки. Брюзжание учёных-буквоседов и разбор очевидных признаков фальшивки не играют в идеологическом процессе никакой роли. Единственный итог научной критики состоит в дезавуации такого текста как исторического источника и маргинализации сферы его использования. Его использование становится невозможным в построении научного доказательства. При этом, к большому сожалению, фальшивки, подобные «ДТ», сохраняют своё влияние в общественно-публицистическом поле.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Нурутдинов Ф.Г.-Х. Родиноведение (Методическое пособие по истории Татарстана). Казань, 1995.
- ² Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологий в современной России. М., 2004. С. 343; Шнирельман В.А. От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX в. // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 137–159.
- ³ Мохаммедьяр Бу-Юрган. Бу-Юрган китабы (Казан тарихы). Книга Бу-Юргана (Казанская история) // Бахши Иман. Джагфар тарихы. Свод болгарских летописей. Т. 1. Оренбург, 1993. С. 217–219.
- ⁴ Месяцеслов на 1864 г. Изд. Имп. АН. СПб., 1864. С. 1–24.
- ⁵ М.П. Погодину. Ответ на замечания на мою статью «Куликовская битва», напечатанные в № 4 «Дня». // Голос. 1864. № 2.
- ⁶ Костомаров Н.И. Исторические монографии... М., 1867. С. 34.
- ⁷ Там же. С. 36.
- ⁸ Костомаров Н.И. Исторические произведения. Киев, 1990. С. 597.
- ⁹ Костомаров Н.И. Иван Сусанин // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. М., 1863. Т. 1. Полемику с Н.И. Костомаровым см.: Погодин М.П. Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М., 1874; Дорогобужинев М. Ещё отповедь г-ну Костомарову по поводу статьи «Правда о Сусанине» // Русский архив. М., 1871. № 9; М., 1872. № 10.
- ¹⁰ Костомаров Н.И. Исторические монографии... М., 1863. Т. 1. С. 479–480.

- ¹¹ Джагфар тарихы. Т. 1. С. 349.
- ¹² О событиях Куликовской битвы см.: Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Вторая часть. Казань, 2002. С. 256–278.
- ¹³ Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа. Вторая часть. С. 259.
- ¹⁴ Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа... С. 258.
- ¹⁵ Гагин И.А., доцент кафедры философии и истории Академии ФСИН РФ (г. Рязань) — Волжские булгары на Куликовом поле (по материалам болгарских сказаний) // Программа всероссийской научной конференции «Куликовская битва в истории России (к 625-летию сражения). Москва — Куликово поле. 12–14 октября 2005 г.
- ¹⁶ Гагин И.А. Версия участия волжских булгар в Куликовском сражении // Сборник Русского исторического общества. № 10 (158). М., 2006. С. 475–481.
- ¹⁷ Там же. С. 478.
- ¹⁸ Там же. С. 479.
- ¹⁹ Там же. С. 480.
- ²⁰ Хотинский Н.А. Ковыль Куликова поля. М., 1983.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Круглый стол «Фальсификации источников и национальные истории» (Москва, 17 сентября 2007 г.)

Ведущие: член-корреспондент РАН В.П. Козлов, А.Е. Петров, И.В. Зайцев, В.А. Шнирельман.

В.А. ШНИРЕЛЬМАН: Изначально мы планировали придать нашему круглому столу довольно узкий характер и сфокусироваться на поддельных исторических документах, которых было немало в прошлом и вал которых неприятно удивил нас и наших коллег в последние годы. Например, занявшись проблемой русского неоязычества, я вышел на «Влесову книгу», которая была чуть ли не Священным писанием для многих наших неоязычников. Заинтересовавшись тем, что делается на Украине, я нашёл ту же «Влесову книгу», а в пандан ей ещё и так называемую «Рукопись Войнича», или «Послание ориан хазарам». Затем я перенёс акцент своих исследований в Поволжье, выяснилось, что и там есть некая «древняя» рукопись, «Джагфар тарихы», которая будит воображение деятелей булгаристского движения. После этого меня заинтересовали версии о происхождении предков на Кавказе, и фальшивки полились как из рога изобилия. Некоторые из них будут рассмотрены сегодня на этом круглом столе.

Но, судя по нашей повестке дня, такого рода подделками нам ограничиться не удастся, и наше обсуждение охватит гораздо более широкий круг явлений. Это и понятно: подделки не сводятся к одним лишь литературным источникам. К этой категории относятся и сфабрикованные древние вещи, и целые археологические памятники, археологические культуры. Например, в конце 1990-х гг. журналисты без устали рассказывали о некой гиперборейской цивилизации, которую московский философ Дёмин открыл якобы на Кольском полуострове. Вслед за ним журналист Асов объявил об открытии в Приэльбрусье второго Аркаима, который якобы служил чуть ли не столицей некой древнеславянской цивилизации. Кстати, здесь важно подчеркнуть, что это происходит не только в России. В 2000 г. в Японии разгорелся скандал, связанный с именем Накамуры, который, совершив подлог, объявил об открытии на севере острова Хонсю ряда раннепалеолитических памятников. Сведения об этих находках даже вошли в школьные учебники.

Обратившись к народной этимологии, мы обнаружим и здесь сфальсифицированные исторические факты, которые иной раз кладутся в основу неких версий этногенеза и этнической истории. Например, в начале 1980-х гг. мне на рецензию попала рукопись некоего школьного учителя, который обна-

ружил русские названия практически на всех континентах планеты. И на этом основании сконструировал древнюю славянскую цивилизацию. Но если в те годы это воспринималось как курьёз, то не прошло и 10 лет, как основанные на такого рода построениях версии этнической истории заполнили постсоветское информационное пространство. И вот что важно: среди авторов этих построений можно обнаружить не только тех, кого мы называем диллантами, иной раз среди них попадаются и дипломированные специалисты, публиковавшие свои оригинальные концепции под грифами научных учреждений. Это наводит на определённые размышления.

Сейчас я хочу перейти к ряду базисных проблем, которые нам действительно стоит всерьёз рассматривать. Потому что говорить приходится не о курьёзах, а о серьёзных научных, общественных, политических проблемах, которые высвечиваются такого рода фальшивками. Сегодня многие из наших специалистов, пытающихся критиковать версии альтернативной истории, дают волю своим эмоциям и вовсю бичуют так называемых дилетантов, которые вольно обращаются с источниками и занимаются искажениями. Разумеется, это возмущение имеет под собой основание. Нынешнее небрежное обращение с историческими источниками отчасти объясняется падением уровня образования и особенно пренебрежительным отношением к источниковедению. Но если дело обстоит так просто, почему среди диллантов и недоучек встречаются профессионалы? Причём иной раз с научными степенями. Почему их построения охотно принимаются издательствами и привлекают внимание политиков и творческой интеллигенции? Почему, наконец, они пользуются успехом в широких кругах общественности? Причём в такой степени, что протесты учёных не оказывают никакого влияния на общественное мнение.

Тут я хочу рассмотреть три основных момента. Первое — это групповые интересы. Второе — это конфликт лояльности, который характерен для современных учёных. И третье — соотношение народных и государственных мифов, с одной стороны, и научной парадигмы — с другой. Мы не сможем ответить на эти вопросы, оставляя за бортом понятие «альтернативная история», игнорируя её роль в общественном сознании. В современном обществе стержнем общепризнанной истории является версия, одобренная государством, то есть господствующей элитой. Но современное общество имеет сложный состав, и составляющие его группы, с одной стороны, обладают своими интересами, но, с другой стороны, в разной степени имеют доступ к власти, к жизненно важным ресурсам и привилегиям. Этим и объясняется напряжённая борьба, которая ведётся между такого рода группами. В условиях авторитарного режима эта борьба ведётся как бы под ковром и по большей части скрыта от общественности. Но с развитием демократии различные группы всё громче заявляют о своих интересах и претендуют на определённые права. В разных контекстах состав этих групп может отличаться. Иногда это локальные или региональные общности. Иногда они имеют культурный, языковой или этнический характер. Иногда группировка создаётся по принципу расы, иногда — по полу и возра-

сту, но сколь бы разными ни были их цели, выступления тем эффективнее, чем больше их члены ощущают своё единство. А важной скрепой такого единства и служит представление об общем прошлом, о пережитых вместе победах, поражениях и утратах.

Это важно. Это их символический капитал, во-первых, способствующий самоутверждению, во-вторых, дающий обильные аргументы для борьбы за достижение определённых социальных, культурных и политических целей. И, в-третьих, это даёт очень важные символы, которыми оперируют лидеры этих движений. Возьмём, к примеру, символику. Обратите внимание на гербы постсоветского пространства, и вы увидите, что, например, герб Республики Саха заимствовал петроглиф, который обнаружили археологи, а у марийцев на гербе виден фрагмент национального узора. То есть вы увидите в современной символике очень много апелляций к народному искусству, к народной традиции или напрямую к археологическим находкам. Вот ещё вспоминается аланский барс в Северной Осетии. Или такой же барс в Татарстане. Оба они восходят к одному и тому же источнику.

Сегодня наблюдается большой спрос на альтернативную историю, представленную региональной историей, этнической историей, феминистской историей, историей молодёжных субкультур, историей геев и лесбиянок и т.д. Ясно, что чем больше таких обособленных историй, тем более мозаичным становится историческое поле. Тем в большей мере оно распадается на разнообразные, конкурирующие между собой микроистории. Важно, что на какие бы источники они ни опирались, они неизбежно отражают интересы вполне определённых групп, рассматривающих историю под определённым углом зрения. Поэтому одни и те же факты создатели таких историй могут трактовать по-разному.

Чем острее группа ощущает несправедливое к себе отношение, сегодня или в прошлом, и чем привлекательнее стоящие на кону дивиденды, тем больший приоритет групповые интересы имеют над щепетильным отношением к историческим фактам. Хочу обратить ваше внимание на очень важный и очень серьёзный момент. Здесь приходят в столкновение, с одной стороны, лояльность специалиста своей группе, а с другой — его готовность придерживаться профессиональной этики. Если, как это нередко случается, специалист ассоциирует себя прежде всего с интересами своей группы, то в такой ситуации лояльность группе может пересиливать. И для специалиста оказывается возможным нарушение принятых научных методик и установок. Как показывает окружающая действительность, любое общество живёт определённым мифом, который является концентрированным выражением доминирующего мировоззрения. Если, будучи членом данного общества, учёный его разделяет, то его научные построения могут служить укреплению такого мифа. При этом сам учёный может всерьёз верить в то, что отстаивает объективную научную истину. А человек со стороны увидит в таких построениях всего лишь псевдонауку.

Примером могут служить расовые взгляды, господствовавшие в западной

науке во второй половине XIX — первой половине XX в., заставлявшие разных учёных давать расовую трактовку фактам, которые могли бы получить и иное объяснение, связанное с социальными, экономическими, культурными и прочими причинами. Сегодня в российском обществе необоснованно большое значение получает этнорасовая парадигма, причём к ней всё чаще обращаются российские учёные. С чем это связано? В поздние советские десятилетия наши учёные были увлечены теорией этноса и видели в этносе универсальную организацию, характерную для всего мира. Сегодня целый ряд российских этнологов, имеющих возможность проводить исследования за пределами России, смотрят на эту концепцию всё более скептически. Ибо этнос так и не получил строгого общепризнанного определения, а существующие в разных регионах мира представления об общественной структуре оказались гораздо более многообразными, чем казалось советским этнографам-теоретикам. Выяснилось, что советские представления об этносе основывались на некоторых недоказанных, априорных суждениях. В то же время советский миф оказывает своё воздействие на умы и сегодня. Некоторые российские учёные готовы признать этнос даже биологической популяцией, что не только не имеет никаких серьёзных оснований, но привносит в нашу науку опасную расовую парадигму.

Аналогичная ситуация наблюдается с археологической культурой, аналитической категорией которой оперирует подавляющее большинство отечественных археологов, молчаливо признавая её связь с этнической общностью. Между тем это неочевидно, начиная от разногласий по поводу методики выделения археологических культур и кончая интерпретацией выделенных культур, которые вовсе не обязательно имеют этнический характер. Когда-то я пытался познакомить наших археологов с этноархеологией, которая могла бы много дать для усовершенствования методики интерпретации археологических материалов, но большинство наших археологов этими методами не заинтересовались. Зато начиная с советского времени в нашей науке неоправданно большое место получили занятия проблемами этногенеза. Сегодня очевидно, что это было вызвано не столько научной потребностью, сколько этнофедеральным устройством государства, заставлявшим чиновников на местах стремиться к наделению своих народов версией самобытной истории, уходящей в глубины тысячелетий. Этот социально-политический заказ на особые версии истории этногенеза привёл к становлению целых научных областей. Причём добросовестно разрабатывавшие такие версии учёные в большинстве своём не сознавали, что выполняют политический заказ. Сегодня, когда невооружённым глазом видно, что этногенез оказывается гораздо ближе к политике, чем к науке, немалому числу специалистов трудно расставаться с традиционными представлениями.

Между тем пренебрежительное отношение к выработке чёткого понятийного аппарата и разработке строгих методических приёмов способствует тому, что граница между наукой и псевдонаукой размывается. Ведь если мы обратимся к целому ряду наших научных понятий и методических процедур, то

заметим, что они основываются на условных допущениях и априорных предположениях, которые сами нуждаются в проверке. Но именно такими понятиями и процедурами с благодарностью пользуются те, кого наши специалисты с гневом называют дилетантами, упрекая их в извращении истории.

Какое же отношение этногенез имеет к политике? Какие цели преследуют этнические версии истории кроме задачи консолидации этнической группы? Во-первых, идея самобытности не сочетается с колониальной историей, и требуется своё собственное доколониальное прошлое. Во-вторых, для борьбы за политические права, особенно политическую автономию, нужна история своей собственной государственности. Если такая история не обнаруживается, её изобретают. В-третьих, этнотерриториальный принцип административного устройства неизбежно придаёт огромное значение историческим границам этнических территорий. Отсюда та беспрецедентная роль, которую в поздний советский период внезапно получила историческая география. В-четвёртых, отдельные этнические группы для своего хорошего самочувствия нуждаются в своих собственных героях, боровшихся за свободу или сопротивлявшихся захватчикам. Тут я могу сослаться на исследование, которое провёл несколько лет назад. Речь идёт о фигурах Пуреша и Пургаса у мордвы. Это деятели домонгольского времени, о которых в летописи буквально две-три фразы. Но это породило за последние 70 лет огромное число публикаций в мордовской историографии. Причём в разные периоды эти фигуры очень интересно переосмысливались. Они наделялись то одними атрибутами, то другими. В общем, это очень увлекательная и поучительная история.

В-пятых, нужны праздники, спланивающие группу. При этом кроме символического капитала большую роль могут играть и более прагматические интересы. Ибо празднование значительных событий в жизни республик или юбилеев городов сопровождается щедрыми финансовыми вливаниями. Наконец, социально значимые версии истории должны стать достоянием масс, и огромную роль в этом играет школа. Именно школа превращает исторический миф в народное знание. В так называемую объективную истину. В век научных технологий любая версия истории, чтобы получить признание, должна иметь документальное подтверждение. Но ведь для многих народов это несбыточное требование. Ибо самые ранние сведения о них относятся к колониальному времени, когда их предки входили в состав более крупной области, государства или колониальной империи. Вот здесь-то и появляется стремление к фабрикации документов, призванное обеспечить этнический или национальный ренессанс. На этом я ставлю точку, и теперь мы можем переходить к рассмотрению конкретных примеров фабрикаций самого разного рода источников.

В.П. КОЗЛОВ: Спасибо, Виктор Александрович. Вообще мне кажется, что каждый подлог исторического источника почти всегда интересен, иногда очень хитроумен, даже изящен, как хороший анекдот. Но для истории и источниковедения важно не менее пяти аспектов изучения фальсифицированных исторических источников. Первое — как они создаются, второе — почему они

создаются, третье — как их изобличить, четвёртое — почему порой, несмотря на убедительные разоблачения, подлоги продолжают свою жизнь и даже спустя многие годы после их разоблачения вновь реанимируются. Пятое — если подлоги не могут быть источниками для изучения времени, о котором они повествуют, то в какой степени они могут быть источниками для изучения времени, в котором они создаются и которым, иногда много позже, бывают востребованы. Сознательная фальсификация исторических источников (подчеркиваю — исторических источников, а не документов) как регуляторов общественно важных процессов современности в России берёт свое начало по крайней мере с конца XVII в. Завещания Петра Великого, Екатерины II, «Соборное деяние на мниха Мартына Армения», «Требник митрополита Феоноста», подлоги Бардина, Сулакадзева, Кавкасидзева, Минаева, Руфа Иванова достаточно хорошо известны, изучены по отдельности, а совсем недавно — и в специальном исследовании.

XX столетие дало новый импульс фальсификациям исторических источников по российской истории. «Протоколы сионских мудрецов» как бы задали общий тон большинству таких подлогов — их преимущественно политической направленности. Именно поэтому значительная часть фальсификаций оказалась посвящена исторически значимым событиям и лицам XX в. Семья последнего российского императора и её судьба, Октябрьская революция и её лидеры, коммунистическое движение и внешняя политика СССР, августовские события 1991 г. и «форосское заключение» Горбачёва — таков лишь небольшой перечень событий и лиц, с которыми в той или иной степени оказались связаны подлоги исторических источников в XX в. В русле общих политических устремлений различных общественных сил находились и фальсификации в XX в., связанные с древнерусской историей. За ними скрывались и поиски общественных идеалов, и желание по-своему отреагировать на определённые зигзаги политического курса советского руководства.

XX в. с присущим ему размахом «озвучивал» подлоги исторических источников в средствах массовой информации. Их изготовление и бытование всё больше и больше становились делом интернациональным. В разных странах, на разных языках выходили и выходят книги, посвящённые «Протоколам сионских мудрецов», фантастическая международная популярность была обеспечена «Дневнику Вырубовой», «Письму Зиновьева», «Влесовой книге», сфальсифицированным документам об убийстве императорской семьи и др. Подчас не столько вера или убеждённость в подлинности этих и других подлогов, сколько политическая целесообразность заставляли «оборонять» их от выступлений критиков или делать всё, чтобы умолчать об этих выступлениях. Эта же политическая целесообразность стимулировала изготовление подлогов в кругах российской эмиграции — одно из новых явлений в истории фальсификаций исторических источников по российской истории в XX столетии.

Но и внутренние российские процессы создавали почву для подлогов исторических источников. Примечательно, что многие из них имели определённый

диапазон, заданный официальной идеологией. Трудно представить, чтобы известный писатель-маринист Константин Бадигин на рубеже 1940–50-х гг. пошёл на подлог исторического источника, который бы, например, свидетельствовал о приоритете не россиян, а скандинавов в освоении Крайнего Севера. Его не просто бы немедленно разоблачили как фальсификатора, не просто не поняли бы как патриота, но и предложили, вероятно, более соответствующие тому времени средства наказания. Точно так же удивительной, но вполне понятной заданностью отличались и фальсификации некоего Раменского — они точно реагировали на существовавшие в обществе идеалы, а сам он старательно и не без успеха отслеживал все изменения в таких идеалах.

Удивительно, но почти трехсотлетняя история подлогов исторических источников в России оказалась на редкость однотипной. Изменялась техника изготовления подлогов вместе с изменением носителей информации, способов её закрепления. Расширялся видовой состав подложных исторических источников вместе с ростом многообразия видов подлинных документов — появлялись поддельные дневники, мемуары, протоколы и т.д. Ксерокс, факс, компьютер стали обычными орудиями в руках фальсификаторов. Средства массовой информации сегодня способны более оперативно, масштабно и назойливо обеспечить подчас скандальное бытование подлогов, эффектно манипулируя с их помощью общественным сознанием. Нет никаких сомнений в том, что подлоги исторических источников в XX в. стали сферой приложения усилий специальных государственных служб. Стало всё сложнее вычислять их авторов. И всё же в целом типология подлогов, механизмы их изготовления и бытования остались в неизменном виде, ибо осталась неизменной природа обмана.

Мне пришлось за последние 20 лет изучить около 900 подлогов исторических источников, и эта совокупность позволила выделить две своеобразные формулы фальсификации исторических источников. Первая формула условно может быть названа формулой целедостижения. Она говорит о том, что не существует ни одного подлога исторического источника, автор которого при его изготовлении не преследовал бы каких-либо целей или интересов. Формула может быть выражена следующим образом: автор (инициатор) подлога + изделие-подлог = цель (интерес). Вторая формула подлога может быть названа формулой фазирования. Она показывает, что имеются отдельные, более или менее определяемые моменты в существовании подлогов, характеризующие их развитие как неких общественно значимых явлений. Эта формула может быть представлена в следующем виде: возникновение (инициация) подлога, возникновение идеи подлога + изготовление подлога + легализация подлога = его бытование.

Обе формулы характеризуют процессы создания подлогов исторических источников и их воздействие на общественное сознание. Однако они не раскрывают ряд важных закономерностей существования подлогов как историко-культурного явления. Эти закономерности становятся очевидными, как только мы попытаемся дать типологию подлогов по различным основаниям, отражаю-

щим наиболее значимые вопросы, связанные с явлением фальсификации. Среди таких вопросов можно назвать: характер возникновения подлогов, способ предоставления подлогов, техника изготовления подлогов, способы камуфлирования подлогов, способы легализации подлогов, приемы введения подлогов в общественный оборот, характер общественной реакции на подлоги.

По способам или характеру общественной реакции на подлоги можно выделить фальсификации двух типов: разоблачённые и реанимационные. Разоблачённый тип подлогов — подлоги, фальсифицированный характер которых установлен почти сразу однозначно, и они исчезают как предмет сколько-нибудь дискуссионного обсуждения. Реанимационный тип подлогов — это фальсификации, упрямо актуализирующиеся в тот или иной период своего бытования в качестве «подлинных» исторических источников.

Наиболее ярким примером является периодическая реанимация знаменитой «Описи» библиотеки Ивана Грозного. Я заметил, что как только начиналась кампания избрания мэра в городе Москве, так сразу возникал этот подлог, а мэр Москвы становился инициатором поисков библиотеки Ивана Грозного. Есть ещё более усложнённая типология. Я не буду на ней останавливаться.

Изученный нами фактический материал позволяет хотя и с рядом оговорок, но всё же выявить некоторые закономерности изготовления и бытования подлогов, а также их разоблачения. Назовём несколько наиболее очевидных таких закономерностей.

Фальсификатор всегда заинтересован в публичности своего изделия. Преследуя определённую цель, он страстно желает быть очевидцем и участником достижения этой цели. Иначе для него теряет смысл весь процесс «творчества». Об этом свидетельствует подавляющее большинство всех рассмотренных нами подлогов исторических источников.

Легализация подлога, как правило, близка по времени к моменту его изготовления. Можно даже сказать, что она фактически в большинстве разобранных нами случаев почти одновременна с процессом изготовления подлога, а нередко, как, например, с «Влесовой книгой», параллельна, то есть реально одновременна.

К легализации подлога всегда в той или иной степени бывает причастен его автор. Он может промелькнуть как владелец, первооткрыватель подложного исторического источника, его «случайный» очевидец, успевший скопировать такой «источник», наконец, как простой издатель «открытого памятника» и т.д. Но он, как правило, обозначает своё прямое или косвенное отношение к легализации подлога.

Легализованный подлог в подавляющем большинстве случаев встречает скептическое отношение либо молчаливое неприятие со стороны специалистов.

Практически никогда не удаётся сколько-нибудь корректная проверка камуфляжа подлога — их авторы именно здесь проявляют изобретательность, исключаящую возможность установления действительных фактов бытова-

ния подлога до его легализации. Легендированный подлог в своей основе, как правило, имеет версию, восходящую к чрезвычайным обстоятельствам, связанным с гибелью «оригинала» подлога во время пожаров, войн, революций, утратой в результате смерти человека, кражи и т.д.

Практически в любом подлоге прослеживается зависимость его содержания от подлинных исторических источников. Хотя авторы фальсификаций способны на самые невероятные, изощрённые и фантастические построения, они, с одной стороны, не могут игнорировать наличие реальных фактов прошлого, а с другой — находятся под их подчас неосознанным воздействием. Например, для большинства подлогов древнерусских исторических источников характерно обязательное использование «Слова о полку Игореве». Руф Иванов при фальсификации «Дневника старицы Марии Одоевской» использовал новгородские летописи, актовый материал. «Дневник Вырубовой» включил фактический материал подлинной переписки царской семьи и т.д.

Фальсификатор всегда стремится по возможности исключить натурно-демонстрационную легализацию подлога, используя её только в случае общественного давления. Например, представление на всеобщее обозрение «Соборного деяния на мниха Мартына Арменина» являлось не чем иным, как вынужденной реакцией властей на требование старообрядцев представить подлинник. Точно так же Миролюбов был вынужден пойти на публикацию «фотостатов» «дощечек Изенбека» как одного из «доказательств» подлинности «Влесовой книги».

Я, пожалуй, на этом закончу, потому что всего у меня 18 признаков определения подлогов. Я хочу только сделать вывод, который, возможно, разочарует собравшихся: фальсификации исторических источников — явление неизбежное, сопровождавшее и сопровождающее человеческую историю. Это, безусловно, порок, нравственный, политический, идеологический. Не имея возможности предотвратить его, можно и нужно бороться с ним как научными, так и правовыми способами. Но лично я, написав две книги по истории подлогов в России и собрав очень большой материал для третьей книги о подлогах источников уже в 1990-е гг. — начале третьего тысячелетия, открыв однажды «Независимую газету» и увидев «Завещание Плеханова», пришёл к выводу, что не стоит тратить время на третью книгу, достаточно ограничиться первыми двумя.

Можно ещё добавить. Я сейчас пишу, вернее, уже написал большую рецензию на книгу Александра Александровича Зимина, посвящённую «Слову о полку Игореве», где попытался свои соображения переложить на «Слово». Эти соображения привели меня к тому, что критерии, используемые мною, на две трети подтверждают, что «Слово» — всё-таки подлинное произведение. Во всяком случае, не произведение XVIII в. Спасибо, уважаемые коллеги, за внимание.

М.Б. КИЗИЛОВ: Скажите, а количество — 900 подлогов, — которое вы упомянули, это связано только с историей России, насколько я понимаю?

В.П. КОЗЛОВ: Да, это подлоги, связанные с историей России, изготовленные как в России, так и вне её. Я хочу сказать, что очень плодотворный период в изготовлении подлогов был во время Гражданской войны, и создавались они очень большим потоком в кругах прежде всего российской эмиграции.

С.О. ШМИДТ: А пытались вы сравнивать с подлогами в других странах? Насколько их больше, меньше?

В.П. КОЗЛОВ: Я не знаю. Тут нужно спросить Сергея Михайловича Каштанова. Он все-таки применительно к западной, средневековой источниковой базе специалист. Я этим не занимался.

В.А. ШНИРЕЛЬМАН: Не замечаете ли вы какую-нибудь закономерность, какие-то эпохи, которые богаты на подлоги, всплеск, а потом эта деятельность как бы затихает? Волнообразное движение получается у вас или нет?

В.П. КОЗЛОВ: Нет. Все зависит от фантазии человека, который решил сфальсифицировать по каким-либо причинам тот или иной исторический источник. Одни это делают из меркантильных соображений. Тот же Бардин, например. Он это делал для того, чтобы продавать. Другие делали подлоги в силу каких-то своих фантастических представлений об истории. Это, допустим, Сулакадзе. Третьи делали подлоги исходя из своих литературоведческих убеждений — допустим, Минаев.

И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ: Я хочу дать конкретную иллюстрацию к тому, о чём говорил Владимир Петрович. Потому что «Влессова книга» как один из классических фальсификатов показательна тем, что этот фальсификат продолжает развиваться. Это развитие связано с тем, что, во-первых, теперь реконструируется первоначальный вид этого якобы источника. По смутным записям даётся первоначальный текст, мало того, он ещё и переводится в оригинальный вид внешне. Он даётся теперь в так называемой «влессовице», которая выдаётся за реальный текст. Плюс ко всему, благодаря значительным усилиям профессиональных исследователей, разоблачавших эту подделку, был выявлен ряд источников, на которые опирался Миролюбов и которые использовались во время создания этого текста. Это противоречило первоначальным предположениям о том, что «Влессова книга» абсолютно оригинальный текст, который не имеет ничего общего ни с одним из существующих произведений. Теперь же факт наличия у Миролюбова источников используется защитниками фальшивки для того, чтобы подтвердить подлинность «Влессовой книги», и наоборот.

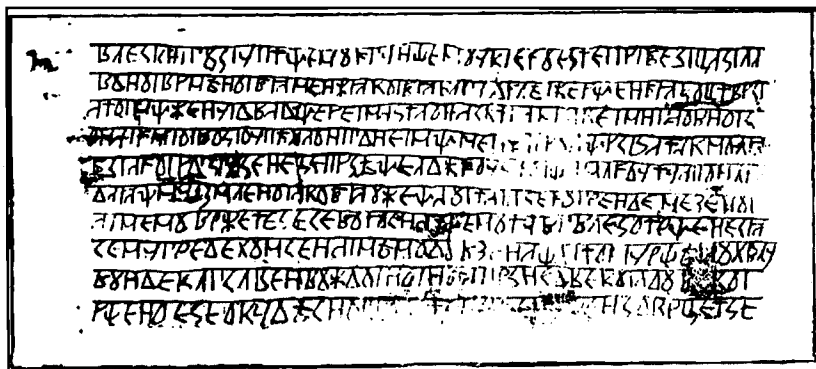
Вот, скажем, Асов пишет: «К сожалению, многочисленные и явные пересечения «Книги Велеса» и «Слова о полку Игореве» уже использовались для ложных доказательств заимствований из сего памятника». Речь уже идёт о том, что «Слово о полку Игореве» произрастает из тех же корней, что и «Влессова книга». Мало того, приводятся также и фальсификаты, которые появились значительно раньше, ещё в XIX в., в частности «Славянские веды», которые были опубликованы и доступны Миролюбову. Теперь они привлекаются с целью доказать, что «Влессова книга» — это подлинный источник, потому что там

встречаются те же факты, которые встречаются и в «Славянских ведах».

Теперь «Боянов гимн» и «Славянские веды» используются для подтверждения подлинности «Влесовой книги», а «Влесова книга», в свою очередь, используется для подтверждения этих публикаций XIX столетия.

Но фокус даже не в том, чтобы выявить эти самые источники, они являются самими создателями и распространителями «Влесовой книги». Обращение к «Славянским ведам» — это показательный пример. Любопытен тот идеологический фундамент, который лежит в основе не только создания, но и распространения этих фальсификатов. Прошу прощения, я приведу несколько довольно пространных цитат из труда Асова, который вышел в 2001 г. Достаточно солидный том. Мне он достался просто: мне позвонили по телефону и спросили, не изменил ли я своего мнения о «Влесовой книге». Когда я ответил, что нет, сказали, что надо встретиться, чтобы мне передать ещё один труд. Передали.

Читаю: «Ныне, на сломе эпох, Россия и весь славянский мир ищут объединяющую идею, и каждый славянский народ ищет свою национальную идею. Разделение внутри славянского мира продолжается. И, конечно, идея разделения подпитывается извне. Слабостью, разъединением славян пользуются враждебные внешние силы, противостоять этому может только объединяющая, всеславянская славорусская идея, именно такую идею провозглашает «Книга Велеса». На 40 дощечках «Книги Велеса» 34 раза употребляются слова с корневой основой «единение» и ни разу «разъединение»».

«Влесова книга». Изображение «дощечки» 16

Кстати говоря, это показатель уровня образования. Невежество, конечно, потрясающее. Плюс к этому дурновкусие в самом тексте. Но сам по себе факт любопытный. Дальше, правда, хуже. Дальше идут рассуждения по поводу того, что эта идея объединяет не только славянские народы, но также германские народы, самые близкие к славянам. Затем идёт Ближний Восток. В конце концов речь заходит о том, что все люди белой расы являются носителями этой славорусской идеи. И это объединяющая идея. Тут же складывается

очень мощный заход по поводу того, что все религии едины. Они — ответвления и искажения этой славянорусской идеи, в том числе и христианство, и ислам, и все-все. Но что любопытно, Асов дальше переходит к рассмотрению идеологических вопросов и символике. В частности, он говорит о том, с чего начинается Родина — «с картинки в твоём букваре», а именно с национальной государственной символики — герба, гимна, флага.

«Оценим с ведической точки зрения, что представляют из себя старые и принятые ныне символы...» Я пропускаю рассуждения по поводу пятиконечной звезды, двуглавого орла. Меня больше заинтересовало другое: «Медведь — священное животное Велеса. Это один из старейших символов старейшей Руси, России. И ныне, когда в мире говорят о России, называют её не “русский орёл”, а именно “русский медведь”. Это очень важно, я полагаю, медведь послужит на благо не только одной партии, но и всем нам — медведь наконец проснулся». После этого, конечно, очень интересно читать, что фальсификации, такие как «Боянов гимн», были поддержаны властью. Александр II финансировал издание этой книги в Санкт-Петербурге. При этом Асов пишет, что это показатель того, какие нехорошие люди учёные. В то время как такие серьёзные политические деятели поддерживали этот текст, учёные утверждают, что это фальсификат, и отказываются его дальше рассматривать.

Конечно, в XIX в. было проще: тогда не было таких средств массовой информации, как у нас, которые в большом количестве распространяют такие идеи. Интересен мощный заход с явно расистским уклоном: люди белой расы — все приверженцы славянорусской идеи. Но конец совершенно другой: вся эта славянорусская идея сводится к тому, что именно русская, изначальная ведическая традиция должна стать всемирной идеей, вернуть нашей Родине значение мировой державы, значение учителя мира. То есть всё сводится к достаточно чёткой националистической идее. Недаром, рассуждая о красном флаге, который, как пишет Асов, к сожалению, перестал быть государственным символом сегодня, он говорит: «А ведь это знамя, оно всегда поддерживало основные социальные требования людей, и именно его использовали и национал-социалисты, и коммунисты, провозглашающие такие идеи». Как тут не вспомнить слова Карла Густава Юнга: «Когда начинают говорить о необходимости возрождения традиций, в воздухе начинает пахнуть фашизмом». Это, в общем-то, довольно любопытная идея. Она очень чётко прослеживается вот в такого рода трудах.

Истоками является и комплекс этнической неполноценности, который компенсируется при помощи таких текстов, таких идей. Конечно, это показатель очень низкого образования, не обучения, а именно образования. Когда люди не могут понять, что им дают. К сожалению, это относится и к людям с высшим образованием. Не показатель, что это доктор наук, а это кандидат наук. У нас бывают и доктора, и кандидаты наук необразованные, вот в чём беда. Перед нами стоит сегодня очень серьёзная проблема. Дело в том, что низкий уровень образования у нас в значительной степени утверждается. Я могу

привести примеры, когда ВАК давала докторские степени работам, которые основывались на «Влесовой книге». И это было совсем недавно. Из каких соображений это делалось — другой разговор. Что это за советы, почему ВАК проводит такие работы? Здесь срабатывает масса различных механизмов.

Это вопрос, который требует нашего внимания. Конечно, это накладывает особую ответственность и на профессиональных историков, и на филологов, вообще на гуманитариев. Аккуратность в исследованиях и формулировках — это очень серьёзный вопрос. Часто, к сожалению, фольклористы допускают довольно опасные высказывания. Скажем, утверждение о том, что у нас существуют очень глубокие корни фольклора, требует постоянного подтверждения. Я был свидетелем, когда один исследователь «Слова о полку Игореве» доказывал, что «Слово о полку» основывается, в частности, на античных текстах. В ответ один из патристически настроенных людей сказал: «Что вы делаете? Вы нас лишаете нашего национального достояния. “Слово о полку” основывается только на фольклорных источниках». Я попросил этого деятеля назвать хотя бы одно фольклорное произведение до XVI в., не обязательно относящееся к «Слову о полку Игореве». В ответ я услышал: «Зачем вы даёте ему такие методические подпорки?» Раз. И во-вторых: «Я знаю, откуда вы денежки получаете». Два. Это, конечно, аргументы сильные, но, в общем-то, требуется более серьёзная работа. Здесь колоссальное поле деятельности.

Это касается работ, посвящённых изучению древнерусского и славянского язычества. К сожалению, та же самая «Влесова книга» публиковалась сплошь и рядом в сборниках, где рядом были фрагменты из работ историков, которые категорически отвергали «Влесову книгу». Они начинали свою лекцию с того, что писали на доске «Влесова книга» и перечёркивали крест-накрест. Но это говорит о том, что методика, которую используют эти историки, увы, даёт основания к тому, чтобы поставить их в один ряд с теми, кто создаёт такие «источники». И тут мы должны помнить ещё об одном. Методика работы с источниками у нас ведётся в рамках, скажем так, обычного права. Мы не относимся критически к методическим заходам и порой опускаем методические огрехи у очень крупных исследователей просто в силу того, что это авторитетные люди и мы не хотим с ними спорить. Это даёт основание любому дилетанту использовать точно такие же заходы. Это касается и проблемы презумпции подлинности источников — вопрос, который бурно обсуждался в связи с тем, что некорректно использовались тексты или использовались тексты, подлинность которых не была доказана.

Есть и ещё одна проблема. У нас отсутствует нормальная популяризация науки. На мой взгляд, одна из серьёзных проблем, которая стоит сегодня перед академиями, — это вопрос о популярных изданиях. Раньше они выходили в издательстве «Наука». Честно говоря, за последнее время я не видел таких изданий. Серии замечательных научно-популярных изданий исчезли. Такие книги нужны. Эта ниша перешла в руки абсолютно некомпетентной публики, которая издаёт всё что угодно, лишь бы получить деньги. Я думаю, что силы

и знания у сотрудников академических учреждений есть. Я могу вспомнить совершенно потрясающие книги, которые писал Пересветов. Они популяризировали новейшие достижения того времени в области источниковедения. Это было невероятно интересно и здорово сделано. Таких работ за последние 40 лет я не видел. Проблема очень серьёзная, потому что, если эту нишу не закроют учёные, её будут закрывать, извините, проходимцы. Всё это как раз подпитывает те самые корни, которые имеют и политические, и этнические, и порой довольно грязные питательные вещества для подделок. Я думаю, с этой проблемой надо бороться, не только развенчав фальсификаты, что практически ничего не даёт, я согласен с Владимиром Петровичем. Появление книг, которые отвечают, скажем, на «Влесову книгу», на заходы г-на Фоменко и компании, не даёт такого эффекта. Надо закрывать экологическую нишу, и закрывать её в позитивном плане. Знаете, теория «более длинной черты». Я думаю, что это одна из важнейших задач, которая перед нами стоит сегодня. Спасибо.

М.Б. КИЗИЛОВ: У меня вопрос следующий: на Украине, например, «Влесова книга» является частью школьной программы, она есть в учебниках. Я недавно общался со студенткой-первокурсницей, которая говорила, что в бытность её в 5-м классе школы, соответственно, лет шесть-семь назад, она написала реферат о «Влесовой книге». И он выиграл какую-то Олимпиаду, чуть ли не областную. То есть в России «Влесова книга» все-таки не настолько легализована, она не является частью школьной программы?

И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ: Сейчас она школьной программой, слава богу, не является, хотя были попытки включения её в школьную программу. Хочу вам сказать, что украинских учёных, скажем, из Института истории НАН Украины, просто колотит, когда начинается разговор о «Влесовой книге». Четыре года назад в Чернигове на конгрессе украинистов специально была организована большая секция, посвящённая изучению фальсификаций. Что касается популяризации «Влесовой книги» у нас, Асов приводит реальный пример, когда книга, в которой была опубликована «Влесова книга» (сборник «Славянские веда», вышедший, по-моему, в Саратове в 1992 г.), какое-то время использовалась в целом ряде школ в качестве учебного пособия. У нас в регионы попадал не только «Влесова книга», но и труды Фоменко в качестве учебного пособия. Я могу привести примеры, когда «Влесова книга» рассматривается в вузах, московских вузах, почти как пособие по изучению ранней истории славян. Причем эти вузы не только технические, но и педагогические. Это очень печально. Это говорит о том, что существуют очень серьёзные сбои в нашей работе. Это наши недостатки.

В.П. КОЗЛОВ: Я хочу добавить. Года три или четыре назад в нашем Полиграфическом институте была защищена очень хорошая кандидатская диссертация, посвящённая рассмотрению истории бытования «Влесовой книги» в новейшее время. Я был оппонентом, и когда я прочитал, мне стало жутко. Потому что целые специальные сайты существуют, то есть масштабы внедрения

этой фальшивки в общественное сознание колоссальны.

И.П. ЗАРЕЦКИЙ: Я хочу только два слова к этому добавить. Я лично знаю курсы по культурологии, в которых «Влесова книга» фигурирует как вполне надёжный источник. Мне хочется вот что сказать. С хождением такого рода источников в средствах массовой информации, с folk history, наверное, бороться чрезвычайно трудно, а может быть, и невозможно. Но вот сфера образования — это вещь совершенно особая. Все-таки сфера образования у нас под некоторым контролем находится. И здесь надо думать, как остановить продвижение такого рода откровенных фальшивок в школы и вузы. Это проблема.

З.В. КАНАНЧЕВ: Я думаю, что надо проникнуть в архив Миролубова. Мне не удалось это сделать... Тем не менее я знаю, что там имеются подготовительные материалы к «Влесовой книге». Необходимо добраться до этих документов, опубликовать и подать это в сенсационном ключе. Думаю, такое разоблачение окончательно поставит точку в проблеме «Влесовой книги». Этот архив Миролубова находится в одном из швейцарских архивов.

М.А. РОБИНСОН: Уважаемые коллеги, я верну вас от самых горячих современных проблем к примеру классическому, хрестоматийному — знаменитым Краледворской и Зеленогорской рукописям, «открытие» которых было совершено Вацлавом Ганкой, как известно, в 1817 или 1818 г. Эта фальсификация имела колоссальное значение в самых разных областях. И в науке, и в идеологии, и в политике значение её трудно переоценить. Создание этих фальсификатов совпало с периодом романтизма, который был отмечен целым рядом литературных фальсификаций. Говорить о них нет смысла. Тогда было открыто много реальных источников по истории, и прежде всего по истории древней. И тут сказался определённый комплекс неполноценности. По свидетельству Ф. Палацкого, отсутствие в чешской литературе произведений, подобных тем, которые найдены в России или в Сербии, воспринималось его поколением как настоящее несчастье.

Когда Вацлав Ганка со своим другом Йозефом Линдой (достаточно молодые люди, им было всего по 26 лет, они имели хорошее образование, учились у патриарха чешского славяноведения Йосефа Добровского) обнаружил указанные «рукописи», это было встречено чешской общественностью с восторгом. Более чем через 70 лет известный чешский политик, один из братьев Грегр, писал о том, что «народ чешский ликовал в связи со столь великолепным открытием». Тем самым было доказано, что «ещё в далеком прошлом народ чешский находился на высоком культурном уровне. Краледворская рукопись стала несомненным свидетельством того, сколь древней является чешская культура». То есть это было воспринято не столько как научное открытие нового источника, сколько как явление культурное и идеологическое.

Надо сказать, что рукопись была исполнена на достаточно высоком уровне, был мастерски симитирован почерк. Подробности я здесь описывать не буду. Эти два произведения составляли цикл мироэпических песен, рассказывающих о чешской истории, там были сюжеты языческие, которые сейчас

пользуются популярностью на сайтах, уже упоминавшихся сегодня. Русские новоязычники к ней очень тепло относятся и всё время её используют. Там были свидетельства и о правовых моментах. То есть идея этих рукописей, составленных Ганкой, состояла в том, чтобы доказать высокую культуру чешского народа, правовые основания, существовавшие в очень ранний период, и высокий уровень культуры чешского двора. Эта мысль имела ещё и антинемецкий характер. Потому что ситуация в это время в Чехии была очень сложной: после реформ конца XVIII в. чешский язык в Австро-Венгрии был практически вытеснен, немецкий язык стал преобладать. Период чешского национального возрождения был тесно связан с поиском национальной идентичности, с возрождением чешского языка. И это так называемое открытие оказалось очень кстати. Но тут встал вопрос научных авторитетов и научной этики.

Йосеф Добровский сразу заподозрил в одной из рукописей — Зеленогорской — подделку. И высказался несколько раз достаточно определённо по этому поводу. За что один из деятелей чешского Возрождения Юнгман тут же назвал его славянствующим немцем. Добровский действительно писал на немецком языке — языке науки того времени. Йосеф Добровский умер в 1829 г., и надо сказать, что до 1850-х гг. это произведение в Чехии фактически не подвергалось сомнению. Как отмечали исследователи, с 1829 г. до 1850-х гг. единственный, кто мог сомневаться в рукописи, был сам Ганка, все остальные были уверены в её подлинности.

Рукопись сразу получила широкое распространение и известность в России. А.С. Шишков, конечно, обратил на это внимание, был создан перевод. Мнение, что рукопись является подделкой, высказал О.И. Сенковский. Но даже в нашей науке оно распространения не получило. Интересно, что выдающиеся русские учёные, такие как И.И. Срезневский, например, всю свою жизнь считали эти рукописи подлинными и даже искали этому доказательства.

Огромное влияние на то, что эти рукописи в научном мире считались подлинными, оказала книга П. Шафарика и Ф. Палацкога «Славянские древности». В этой книге Краледворская и Зеленогорская рукописи были восприняты как подлинные произведения, свидетельствующие о древности чешской культуры, чешских законов и высоком уровне развития Чехии. Однако в конце 1850-х гг. в Чехии появилось несколько работ, которые начали подвергать их подлинность сомнению. Началось лингвистическое и палеографическое исследование рукописей. Это вызвало волну в прессе. Общественность клеймила тех, кто сомневался, обвиняя их в измене национальным интересам и симпатиям к немцам. Надо сказать, что для культуры эти рукописи имели большое значение, оказав влияние даже на оперное искусство. Как известно, у Б. Сметаны есть опера «Либуша», которая опирается на Зеленогорскую рукопись. Ганка, по-видимому, откликнулся на потребность героизации прошлого своего народа, противостояния немцам, немецкой культуре, немецкому засилью того времени. Он вложил в уста одному из своих героев фразу: «Не хвально нам в немцах правду искати», которая стала лозунгом чешского национального воз-

рождения.

Ганке повезло — при жизни он пользовался почётом. Так и не было окончательно доказано, что рукописи поддельны, и он умер вполне удовлетворённый своими достижениями. Тем более что перед самой смертью ему удалось выиграть судебное дело, затеянное им против одной из газет, в которой было опубликовано несколько статей, доказывающих подложность рукописи. Некоторые из русских исследователей даже обвиняли тех, кто сомневался в подлинности, в том, что они своими нападкамии приблизили смерть Ганки.

Существовали в Чехии очень серьёзные учёные, лингвисты — в частности, Мартин Гаттала, который доказывал правильность и подлинность рукописей, используя другой источник — латинский словарь *Mater Verborum*, в который Ганка внёс чешские глоссы. Ганка тоже был человек очень серьёзный, он, изготавливая рукописи, уже в другой источник внёс некоторые изменения, которые подтверждали подлинность этих рукописей лингвистически.

Тем не менее лингвистическая наука развивалась, и, надо сказать, главную роль в научном доказательстве поддельности этих рукописей сыграли лингвисты. Одним из основных, кто доказал их подложность, в Чехии был профессор Ян Гебауэр, а в России очень важную роль в доказательстве поддельности рукописей сыграли работы В.И. Ламанского.

В.И. Ламанский — фигура очень интересная и в советское время, скажем так, не очень популярная. Но до революции его считали отцом, патриархом русского славяноведения. Он в конце 1870-х гг. выпустил статью под характерным названием «Новейшие памятники древнечешского языка». Это был как бы отклик на название книги Ф. Палацкого и П. Шафарика «Древнейшие памятники чешского языка». В своей статье, которая осталась незаконченной, но тем не менее была опубликована, Ламанский обвинил уже покойного Ганку в фальсификации. Он доказал, что Ганка внёс глоссы в словарь *Mater Verborum*, и особо остановился на этической стороне. Он прямо обвинил Шафарика и Палацкого в том, что их поддержка фальсификата нанесла колоссальный вред науке о славянах. Он оценивал эти рукописи «как предметы веры и обожания нескольких поколений, как памятники учёной доверчивости и слабости критики, неизбежной в жизни каждой науки в период её развития». Он жестко писал, что «из патриотизма люди сознательно терпят ложь и попускают ей держаться и развиваться в науке. Самыми грозными и губительными врагами просвещения, а затем и политической свободы являются вот такие труды».

Перед ним стояла огромная проблема, потому что Палацкий и Шафарик были учёными, внёсшими очень большой вклад в дело национального возрождения в Чехии. В частной переписке он объяснял их действия необходимостью противостоять немцам, он и сам допускал достаточно резкую критику немецкого засилья в это время. А в своей статье он самым резким образом осуждал их не только за научную, но и за этическую сторону. Критиковал, предполагая, что, возможно, они знали о подделке, но из патриотических соображений старались поддержать этот миф, столь необходимый для развития национального

движения.

Считается, что работа Ламанского положила конец преклонению перед авторитетом чешских учёных, которое было у нас в то время, и подорвала веру в фальсификаты. Эта работа вышла в 1879 г., и Ламанский интересовался, как она отозвалась в Чехии. В частности, его ученик К.Я. Грот в 1882 г. был в Чехии и писал ему, что «профессор Гаттала готовит большую, кажется, защиту Краледворской рукописи, где полемизирует и с вами, но особенно с Ягичем». Дело в том, что за рубежом, особенно в Австро-Венгрии, основным серьёзным критиком стал крупнейший филолог и лингвист с мировым именем Ватрослав Ягич.

Эпоха романтизма завершалась, наступала другая эпоха, и на политическую арену в Чехии выходили новые перспективные политики, в частности Томаш Гаррик Масарик, будущий президент республики, который организовал журнал «Атенеум» и был его редактором. Он в 1880-е гг. выступил в защиту профессора Я. Гебауэра, который подвергался травле в прессе как немецкий прихвостень. Масарик пригласил в свой журнал Гебауэра, крупных историков, Ярослава Голла, нескольких лингвистов и, хотя сам не занимался вопросом подлинности, выступил против этой политической травли. Масарик был тут же обвинён в том, что подвергает сомнению рукописи, что это непатриотично и т.д. Традиционные обвинения для такой ситуации. Но на позиции Масарика сказывались его научные убеждения. Это был период, когда наука становилась более склонной к позитивизму, методологии, более серьёзной и менее идеологизированной. Масарик — по другому, правда, поводу — писал: «Просто старое правило «не лги» учит нас в тысячу раз больше, чем всякая громогласная говорильня о народе и отчизне». Исходя из этих принципов, он очень решительно выступил на стороне Гебауэра и целого ряда других учёных. И надо сказать, что в Чехии это подорвало в научной среде веру в подлинность этих рукописей, хотя и не до конца, потому что профессор Гаттала продолжал доказывать обратное. Уже 70 лет, как шла эта дискуссия. Но наука развивалась. Была попытка провести химический анализ. Но он ничего не дал, потому что в то время он ещё не мог дать каких-то определённых результатов.

И, наконец, уже в 1911 г. целая группа профессоров, сотрудников Чешского музея, опубликовала во всех пражских газетах манифест, объявлявший рукописи несомненным подлогом. Это уже новая эпоха. В 1914 г. исследователем Г. Фридрихом был проведён всесторонний палеографический анализ вплоть до качества чернил. Было установлено, что в состав этих чернил входят компоненты, которые стали известны только в XVIII в. После этого говорить о том, что это подлинная рукопись XII–XIII вв., уже смысла не было. Тем не менее и до сих пор остаются некоторые поклонники этой рукописи. Я упоминал уже, что и у нас их довольно много.

Была масса причин, которые позволяли науке бурлить, не говоря уже об общественном мнении, тут редкий клубок, когда это не только научная проблема, но и общественная, идеологическая и политическая. Когда учёный при-

держивается какой-то определённой идеологии, это сразу накладывает отпечаток на его научную деятельность. Например, А.С. Будилович, небезызвестный деятель националистического плана, профессор, лингвист, сразу же объявил о том, что рукопись подлинная. Единственный, кто стоял выше этого, — Ламанский. Он сам придерживался славянофильских убеждений, но это не повлияло на его чёткую позицию — поиск истины в науке, и он единственный из этого лагеря выступил с критикой подлинности рукописи.

Эта тема перекликается с ярким выступлением А.А. Зализняка по случаю получения Премии Солженицына в 2007 г., которое было посвящено именно проблеме истины в науке. Он говорил о том, что для него не было бы огорчением, если бы он узнал, что «Слово о полку Игореве» создано в XVIII в., а не в XII, потому что для него было главное — искать истину, а не придерживаться некоего патриотического взгляда. Патриотическая идея в данном случае так влияла на чешских учёных, что они, даже видя ошибки, очевидные моменты подделки, не желали смотреть на это.

З.В. КАНАНЧЕВ: Имеются ли какие-нибудь сведения, что Ганка лично сфабриковал данные рукописи, или это всё-таки было заказом чешской политической элиты того времени?

М.А. РОБИНСОН: Нет, все склоняются к тому, что это все-таки Ганка, Линда, им ещё в переводе с немецкого помогал Свобода. Был ещё, я сейчас не вспомню, человек, который писал, то есть это был такой небольшой коллектив, небольшая группа.

З.В. КАНАНЧЕВ: То есть здесь мы являемся свидетелями создания мифа, который сама элита формирует.

М.А. РОБИНСОН: Да, конечно, это новая национальная элита формировала.

В.В. ЭРЛИХМАН: В силу обстоятельств я занимаюсь не глубокими историческими изысканиями, а всякими маргиналиями — журналистикой, составлением справочников, а с некоторых пор веду серию «ЖЗЛ», известную вам, издательства «Молодая гвардия». Но главная тема моих интересов остаётся неизменной. Это превращение исторических событий в мифы и влияние этих мифов на общественное сознание. В рамках этой темы я подготовил уже целую серию статей в журнале «Родина» по изучению исторических мифологий в сочинениях Мулдашова, Кандыбы, Фаины Гринберг. Подбирая тему для очередной статьи, я увидел в магазине книгу «Хроника Ура Линда». Интересуясь Средневековьем, я знал об этом сочинении, читал его по-английски, а теперь ознакомился с русским переводом, вышедшим, как и следовало ожидать, из кругов евразийского движения во главе с Александром Гельевичем Дугиным. Перевод делал молодой, но очень талантливый его ученик Андрей Кондратьев, сопроводив его обширным комментарием.

Но что же такое «Хроника Ура Линда», которая в аннотации издательства значится как «древнефризская руническая книга об изначальных миграциях расы атлантонордов»? Это сочинение впервые всплыло на поверхность в

1860-е гг. Когда прораб одной из голландских судоверфей Корнелиус Ура де Линда начал рассказывать знакомым, что у него хранится в семье древняя книга, написанная непонятным языком. Старинное семейное достояние. Об этом вскоре узнали члены Общества любителей фризской истории. Тогда такие общества возникали в разных странах Европы, тянулись к корням, повсюду возрождались национальные традиции.

Естественно, эти любители старины захотели с рукописью ознакомиться, но прораб не давал её никому, показывал только несколько переписанных им самим страниц, в которых, естественно, ничего понять было нельзя. Потом он вдруг почему-то пересмотрел свою точку зрения и в 1870 г. передал историку Яну Оттеме, тоже фризу по национальности, эту рукопись. Уже в 1872 г. Оттема представил перевод этого сочинения на голландский язык, из которого читатели узнали удивительные вещи. Что, оказывается, эта книга — «Хроника Ура Линда» — составлена в 3000 г. до н.э. и повествует о ещё более древних событиях, об Атлантиде, которую населяли потомки трёх древнейших прародительниц человечества, соответственно белой, чёрной и жёлтой рас. Естественно, белая раса была благородной и как бы справедливой, а две остальные вели себя из рук вон плохо, поэтому верховный бог Вральда, так его называет автор «Хроники», разгневался и утопил Атлантиду. А потомки этих двух рас переселились в другую землю, и в том числе предки фризов, которые, по данным «Хроники», есть древнейший и благороднейший народ мира. Они населили тоже затонувшую впоследствии землю в районе берегов Голландии, нынешняя Доггер-банка.

И тут начинается изложение «Хроники», представляющей собой туманное описание благородных обычаев древних фризов, которыми управляли Матушки-прародительницы. Таким образом, говорится, что у фризов и вообще у европейцев первичным был матриархат. Как только они потеряли чистоту древних традиций, на них напали всякие бедствия, и в том числе христианские миссионеры. Это было главное бедствие, с приходом которого «Хроника» обрывается. Тут же начались вопросы у историков, знакомившихся с этим сочинением. Тогдашние фальсификаторы ещё не владели тонкостями своего ремесла, поэтому они не уничтожили рукопись, как делали позже их собратья, а честно предоставили её исследователям, которые сразу обнаружили, что рукопись написана на голландской фабричной бумаге середины XIX в. Кроме того, её язык, который был назван «рунической письменностью», оказался фризской латиницей с вкраплением многих голландских слов, возникших в том числе и в XVIII в. Тогда сравнительное языкознание делало ещё первые шаги, и фальсификаторы тоже не владели этой наукой. Рукопись книги «Хроника Ура Линда» единодушно заклеили как подделку.

Но на этом всё не кончилось, и второе рождение «Хроники» произошло в 1920 г., когда уже на новом уровне развития ею заинтересовался Герман Вирт, известный теоретик ариософии, расовой доктрины, на идеях которого, в частности, воспитывались многие нацистские лидеры. Он издал немецкий перевод

этой «Хроники». Никто не проводил текстологического сравнения его с голландским переводом, вот в этой книге его тоже нет. Вообще голландская книга куда-то исчезла, и я не знаю ни одного человека, который её видел. Можно догадаться, что Вирт кое-что добавил в эту книгу, поскольку в ней появилась отчётливая проповедь господства арийской расы и обличение плутократии, особенно еврейской, ну и другие, уже близкие XX в. материи.

Вирт, видимо, рассчитывал сделать эту книгу официальной библией Третьего рейха и во многом преуспел. Допустим, Гиммлер был большим поклонником «Хроники Ура Линда», а рунические изыскания Вирта были положены рейхсфюрером в основу символики СС. Но однако даже в тогдашних условиях эта книга вызвала недовольство, потому что в ней проводились идеи матриархата и утверждалось, что арийская раса изначально не воинственна, воевать нельзя, что, естественно, противоречило идеям национал-социализма. Опять собрались учёные (представительный коллектив) и заклеили уже в 1934 г. эту «Хронику», которая снова надолго выпала из научного оборота. Понятно, что после разгрома нацизма автор (вернее, публикатор) этой книги Герман Вирт и сама она были запрещены. Ему запретили печататься, книга не издавалась очень долгое время, и только сейчас в Германии готовится новое научное издание. А вот тут вышел русский перевод.

Что можно сказать об этой книге. Мы наблюдаем уже третий виток интереса к «Хронике Ура Линда», и опять на новом культурно-общественном уровне. Если изначально в круге идей романтизма XIX в. возникшая рукопись просто проповедовала национальные ценности фризов, их древность, их культурные богатства, выдуманные или реальные — это уже второй вопрос. То потом во время Германа Вирта книга была воспринята как политический манифест, входящий в круг арийских и нацистских идей. А сегодня это уже новое прочтение «Хроники Ура Линда», такое постмодернистское, которое прекрасно вписывается в ариософию Александра Гельевича Дугина. Вот что пишет переводчик Андрей Кондратьев о подлинности книги: «Публикуемую нами хронику можно рассматривать как фальсификацию, можно боготворить или проклинать, но, как бы вы к ней ни относились, это не даёт нам основания выбрасывать такой яркий памятник культурной истории человечества». То есть снимается вообще вопрос о подлинности этой книги, о нём, как и о текстологии, во всём этом пухлом томе не говорится ничего, кроме размышлений самого Германа Вирта. Это новый симптом в истории фальсификаций, когда даже не обязательно доказывать их подлинность, можно просто объявить их выдающимся культурным памятником, не важно, какого времени, и уже от этого танцевать, преподавая их в вузах, используя как основу для создания собственных исторических концепций и т.д. В этой связи хочется сравнить «Хронику Ура Линда» в её нынешнем постмодернистском прочтении с «Влесовой книгой», причём сам переводчик проводит между ними параллели, также считая «Влесову книгу» подлинной.

Действительно, это серьёзные документы, независимо от их подлинности,

которые вполне достойны изучения, ни в коем случае не стоит их замалчивать, запрещать, их надо изучать, но, конечно, ни в коей мере не пропагандируя их подлинность или их ценность как исторических источников. Это памятники фальсификации, памятники нашей больной общественной мысли. Как в данном случае — сразу и середины XIX в., и 1930-х гг., времени становления нацизма, и нашего времени, где тоже есть масса своих проблем. Видимо, на какие-то из них эта «Хроника» отвечает, поскольку, как мне сказали в издательстве «Вече», тираж 3000 экземпляров очень быстро разошёлся и сейчас готовится переиздание. Во всяком случае, эта «Хроника» достойна интереса. Призываю всех ознакомиться с ней хотя бы для общего развития.

В.П. КОЗЛОВ: Вадим Викторович, приходилось ли вам интересоваться, как именно Дугин использует «Хронику Ура Линда», с одной стороны, и как это соотносится с его евразийским мировоззрением, с другой?

В.В. ЭРЛИХМАН: Использует он её многообразно. Ещё в первых своих книгах, когда никто про эту «Хронику» не знал, хотя впервые она была в России популяризована в трудах атлантологов, отечественного — Александра Горбовского и поляка — Людвиг Зайдлера, ещё в 1980-е гг. Естественно, никто про неё не знал, и это подогрело интерес к этому сочинению. Дугин впервые пересказал её содержание, теперь стал духовным отцом её перевода. Она прекрасно вписывается в его достаточно эклектичную евразийскую концепцию, где находят место и Примордиальная Традиция Гёнона, и гиперборейская теория, и некоторые нацистские, вернее, ариософские идеи, на которых и вырос нацизм. Здесь также говорится о первенстве белой расы, о том, что история не прогрессирует, как считает позитивистская наука, а развивается циклично, это тоже важный элемент дугинской теории, и о многом другом, о чём можно говорить более подробно, но вряд ли стоит.

З.В. КАНАНЧЕВ: Имеется ли современная критика данной работы в России?

В.В. ЭРЛИХМАН: Пока, насколько я знаю, нет. Книга только что вышла, полгода назад. Я не встречал никаких критических отзывов, особенно в связи с тем, что до этого она была практически недоступна нашему читателю, никто о ней не знал ничего.

З.В. КАНАНЧЕВ: То есть в России не занимались проблемой?

В.В. ЭРЛИХМАН: Нет, и потом в России... это не «Влесова книга», её тематика имеет весьма далёкое отношение. Её критиковали очень много в Голландии, Германии и Англии, но это было давно. И вот на новом этапе она снова встала перед читателями как подлинный исторический документ.

В.А. ШНИРЕЛЬМАН: Здесь я должен уточнить, что несколько лет назад в своей книге я упомянул Вирта и «Хронику Ура Линда» и несколько фраз об этом написал. Это, конечно, не была развёрнутая критика, но кое-что было. Но больше не было ничего.

И.В. ЗАЙЦЕВ: Я, со своей стороны, небольшую ремарку сделаю. Была ещё одна статья. Относительно недавно, в 2006 г., вышел сборник, посвящён-

ный памяти О.Ф. Волковой. Там есть статья А.В. Пименова, которая, кажется, посвящена именно этой книге.

С.О. ШМИДТ: Интересные сообщения и выступления, разнообразные по тематике и по хронологии явлений, по-моему, позволяют поставить нам примыкающие к этому общие проблемы, волнующие сейчас всех. Одна из них — фальсификация толкований. Толкование источников, которые заведомо фальсифицируют историю, сейчас не менее волнует, причём здесь несколько аспектов. Такие толкования допускают специалисты-учёные, неспециалисты и, наконец, спекулянты. Когда фальсификацию толкований истории допускают специалисты-учёные, иногда это объясняется тем, что они, во-первых, исходят из заранее созданной ими конструкции и, уже читая документы, при всей источниковедческой оснащённости их знания видят то, что им нужно видеть. Это известный путь. Учёные делятся, вообще, на две категории: одни сразу придумывают (мы все вначале придумываем) конструкцию и под неё подгоняют факты, а другие сначала раскладывают пасьянс и думают, что из всего этого может получиться. Возьмём крупных учёных масштаба академиков, которые действовали первым методом: Б.А. Рыбаков и М.В. Нечкина были очень схожими персонами в развитии научной мысли. Это объясняется тем, что они подгоняли историческую фактуру под собственную конструкцию.

Вторая ситуация — когда настоящий учёный не вполне убедителен в своих выводах. Возьму более знакомые мне сюжеты — «Слово о полку Игореве», «Переписка Грозного с Курбским». Никто не сомневается, что в своё время Александр Александрович Зимин был, пожалуй, наиболее признанным в мире авторитетом среди учёных-специалистов по истории России. Чем объясняется его настойчивость в доказательстве создания «Слова» в XVIII столетии? Безусловно, увлечённостью! Можно сказать, употребив терминологию Владимира Петровича, это «реанимация» толкования фальсификации. Почему построение Зимина оказалось недостаточно убедительным? Потому что, во-первых, он не имел филологической подготовки, без которой нельзя было всесторонне рассмотреть памятник древней письменности. Во-вторых, он не был вполне подготовлен к рассмотрению собственных построений в контексте явлений XVIII в. Пушкин был убеждён, что не было человека, который мог бы написать тогда столь гениальное произведение, а Пушкин литературу XVIII в. знал. Это важный момент, который Зимин не учёл, как и то обстоятельство, что о многих исторических фактах, которые содержатся в «Слове о полку Игореве», в XVIII столетии не было известно. До Карамзина в конце XVIII в. таких системных и выстроенных сведений о взаимоотношениях некоторых князей не могло быть.

Возьмём пример Эдварда Кинена, который придумал, что «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским» это не XVI, а XVII в. Опять же Кинен не достаточно хорошо знал XVII в.: у него хорошая работа о «Казанской истории», он действительно историк. Но он не смог понять того, что лишь впоследствии (в XVIII столетии) были обнаружены документы о местнических делах

и должностных назначениях, о которых никто не знал в XVII в. Ибо разрядные книги, опись царского архива и другие документы были опубликованы только начиная со времени Миллера и Щербатова.

Другой вариант. Вот сейчас появляются статьи — кстати, и журнал «Родина» публиковал — молодого ленинградского историка Филюшкина, претендующего на докторскую степень, о мифологеме рассказа Курбского об избранной Раде. Эта идея была подхвачена некоторыми историками. Видимо, тоже не учитывается то, что документы XVI в. почти все погибли. Это известно. А в 1626 г. был ещё страшный пожар Кремля, такой пожар, что Михаил Николаевич Тихомиров считал, что это была определённая документальная грань. При разборе дел в середине столетия, если требовались документы ранее 1626 г., нужны были устные свидетельства. Сохранились только внешнеполитические документы. Я издавал эти описи, я знаю, что это мартиролог погибших документов времени Ивана Грозного. Очень трудно себе представить, чтобы иностранцы могли дать убедительные подтверждения руководящих действий Сильвестра и Адашева. Они есть, но не так много. Уже в конце XVI — начале XVII в. Адашева сравнивают с Борисом Годуновым, которого, в свою очередь, называли протектором и который стал царём. Есть личное влияние, не зафиксированное должностью, и есть устные разговоры. Я думаю, что люди моего поколения прекрасно знают, что в годы нашей юности руководил страной не Калинин, формально подписывавший все указы и не имевший на деле вообще никакого значения, а человек, который был всего лишь руководителем партии. Только накануне войны Сталин понял, что нельзя не быть Председателем Совета Министров. В исторической ретроспективе подобные воздействия не всегда учитываются.

Но есть и другая форма. Это фальсификация уже нарочитая. Я имею в виду то, что сейчас вытворяет Фоменко и компания. Вот совсем недавно было, как всегда блистательное, интервью В.Л. Янина о том, что олигархи довели Новгород до падения. Там была фраза: «В магазинах Новгорода книг Янина нет, а книг Фоменко — навалом». Это так, и мы должны подумать о том, как с этим бороться. Потому что интерес к фальсификации возникает потому, что историки после 1991 г. целенаправленно пишут о том, что история была фальсифицирована. Некоторые видные по положению историки, работавшие себе карьеру на соответствующей пропаганде, уверяют, что историческая наука вообще и в особенности марксистская наука — не наука. Но следует знать, что несмотря на разницу в идеологии международное научное сообщество вскоре после XX съезда КПСС проводило у нас международные конгрессы. Советский Союз мог многое купить, но не такое отношение международных научных организаций и обществ. Я был докладчиком на всех этих конгрессах и понимаю, с каким почтением и интересом относились ко многим нашим учёным. Фальсификацию новейшей истории нельзя распространять на предшествующий период. А между тем у нас это есть. Отсюда и общее неуважение к историкам. Учебники переделываются, сахаровские учебники

можно сравнивать между собой на предмет сопоставления концепций, это характеризует главного редактора больше, чем историю. Таким положением, признаться, воспользовались сполна. И нам необходимо противостоять этому положению дел. Мы были свидетелями такой позиции: с нами на международной конференции «Великий Волжский путь» был один доктор наук, бывший высокопоставленный чиновник. Он уверял, что Фоменко — это главное, что есть в исторической науке. И вот два довода: во-первых, Фоменко академик. А во-вторых — какие тиражи! Но мы робко возразили, что академик от математики, может быть, великим математиком, а тираж болгаринского «Ивана Выжигина» был гораздо больше, чем тираж «Евгения Онегина», они выходили одновременно. И когда Пушкина и Булгарина в один день выбрали членами Общества любителей российской словесности Пушкин оскорбился и сказал, что он с этим обществом дела иметь не будет. Но они оба действительно были самыми популярными писателями России 1829 г.

Этим пользуются, это искажает преподавание в школе. Потому что школьные учебники полны фальсификаций. Тут правильно говорили, что всё начинается со школьного образования. В учебниках обращается внимание преимущественно на государственно-политическую историю, которая всегда будет объясняться конъюнктурно, и не даётся представление о быте и о жизни. Ведь доверяют Фоменко те, для которых история — витрина антикварного магазина. Фоменко — сам математик, и, вероятно, верит в своё дело, подобно Н.А. Морозову. Но те, кто получают деньги за это, прекрасно знают, что они делают. Мне позвонил один мой бывший студент (я преподаю в Историко-архивном институте с 1949 г.): «Вы сказали, выступая по телевидению, что вот этот фрагмент у Фоменко хорошо написан — это я писал ту страницу у Фоменко». Это, конечно, наша беда. Академия должна выступить. Сейчас мы только разговариваем друг с другом, а не пропагандируем свои взгляды широкой публике, это очень грустно.

Сегодня здесь говорили о том, какое влияние имеет фальсификация на современную жизнь. Мы заметили, что Оссиан очень много способствовал развитию культуры в Англии и развитию романтизма во всём мире. Для нас это важный источник для изучения культуры Англии. Для национального возрождения Чехии, конечно, имела значение Краледворская рукопись. Как человек моего поколения должен сказать, что для понимания того, что такое идеологический прессинг, имело огромное значение то, как проводилось обсуждение мнения Александра Александровича Зиминова о «Слове». Когда учёные-администраторы и идеологи не дали учёным спорить и не послушали Тихомирова, Лихачёва и других, писавших об этом письма. Нужно было издать это всё и обсуждать, а не дожидаться, когда пройдет 40 лет, когда уже автор скончался.

Я думаю, что нам нужно перед всем миром показать, что мы не позволяем фальсифицировать историю. Академия наук — это всё-таки главный центр. Она связана со всеми вузами, и если под маркой «Наука» будут выходить тру-

ды против фальсификации истории, разумеется, это будет свидетельством того, что наша отечественная наука сохраняется на мировом уровне. Ведь Фоменко не переводят и не популяризуют на Западе. Это понятно с коммерческой точки зрения, потому что затронуло бы интересы миллиардной туристической индустрии. Кто поедет смотреть Акрополь, если он построен в XV в.? Или Форум, построенный в XIV в.? Конечно, никто не позволит вмешаться в такое дело. А у нас дозволено, потому что туризм слабо развит.

А.Е. ПЕТРОВ: Спасибо большое, Сигурд Оттович.

Я со своей стороны позволю некоторый комментарий в связи с прозвучавшими докладами и выступлением Сигурда Оттовича. В принципе, проблема действительно проявляется повсеместно. И каждый из нас с ней сталкивается. Есть такой псевдоисследователь Древней Руси по фамилии Чудинов. Он не имеет никакого отношения к известному всем исследователю истории Франции из Института всеобщей истории РАН. Он медвежьей царапины на всех возможных корягах по территории нашей неоспоримой Родины, и не только нашей Родины, считает славянским письмом, у него получаются целые славянские и, более того, русские тексты уже в палеолите. Однажды ко мне пришли с просьбой написать рецензию, даже так — организовать положительную рецензию на одну из его книжек, которую предполагали выпустить в издательстве «Наука» по представлению Совета РАН по мировой культуре. Долгое время работая через два кабинета от Совета РАН по мировой культуре, я не предполагал, что руководителем его группы или секции по культуре Древней Руси является философ от физики или физик от философии В. Чудинов. Оказывается, у нас в Российской академии наук больше нет специалистов по истории Древней Руси, кроме Чудинова. Так вот, моё первое знакомство с текстами этого автора состоялось лишь из-за того, что сотрудники издательства «Наука» оказались крепко озадачены содержанием книги и сё большим (почти вдвое больше допустимого) объёмом и запросили дополнительную рецензию. Причём в «Науке» автору советовали отдать её на рецензию академику Янину, Е.А. Мельниковой или кому-нибудь ещё из специалистов. На что автор сказал: «Не надо им давать, они ничего не поймут в этом». По поручению заместителя председателя этого совета А.А. Котенева одна из рядовых сотрудниц аппарата совета пришла советоваться со мной, как бы найти «понимающих» людей. Мне пришлось объяснить и ей, и сё начальнику, что в моём лице они никакого понимания не найдут и вообще с этим играть не стоит, иначе совету нет смысла носить название академического. Книга вышла (не в «Науке») без научных рецензентов (точнее, с рецензией какого-то «понимающего» традиционалиста). Какис, вы думаете, первые слова встречаешь в этой книжке? Большими буквами: «Российская академия наук», дальше помельче: «Совет по мировой культуре», ещё мельче: «Секция по культуре Древней Руси» и т.д. Выглядит, будто это псевдонаучное по содержанию издание одобрено Российской академией наук. На деле же книга рекомендована при покровительстве поэта-философа Котенева, чудиновской же секцией и приправлена рецензией восхищённого традицио-

налиста. Это умысел или недоразумение? Вот тот же Асов, знакомый многим, сидящим в этой аудитории, всё плачется о том, что «академическая наука нас не признаёт, издательство «Наука» нас не печатает». Хорошо, что пока ещё издательство «Наука» устояло, но вот с грифом Российской академии наук наконец напечатали. Это очень большое подспорье для того, чтобы пропагандировать дальше с новой силой все эти «влеспраславянские достижения».

Судя по тому, как складывается дискуссия, мне кажется, стоит подготовить по итогам нашего заседания некую декларацию и распространить её по журналам отделения, а также сделать коммюнике для более широкой прессы, чтобы привлечь внимание к этой проблеме. Мы надеемся, это первый наш круглый стол постоянно действующего семинара, который будет проходить под эгидой Отделения историко-филологических наук РАН. Обратите внимание, что на материалах стоит название: «Актуальное прошлое — наука и общество». Есть много тем, которые связывают события далёкого минувшего с тем, что происходит сейчас у нас. Это и гонка юбилеев, которая разворачивается на наших глазах, и проблемы преподавания истории, и ещё масса актуальных проблем истории, которые так или иначе уходят своими корнями в узкоспециальные вопросы. Поэтому не случайно, что наше первое заседание посвящено самому фундаменту исторической науки — источниковедению. Мы рассматриваем источниковую базу современных искажений прошлого. В её основе — фальсификация. Тем более что фальсификаторы очень часто обращаются к подделкам источников. Владимир Петрович Козлов рассказывал сегодня о типологии фальсификаций: мотивы для появления этих источников бывают разные. Но наиболее тревожный на сегодняшний день мотив связан с созданием на основе тех или иных придумок этнократической версии истории. Такие конструкции служат весьма приземлённым целям актуальной политики и идеологии, будь то байки о древнем величии русского, шире — славянского народа, будь то обоснования приоритетов тюркских или горских народов на Кавказе и т.д. Здесь очень важно хотя бы обозначить позицию науки в этом вопросе, не обольщаясь, конечно, что она станет массовой, а телеканалы и информационные ленты её подхватят. Скорее они подхватят как раз обратное, потому что все опровержения традиционного есть сенсация, а сенсация привлекает больше внимания зрителя и, соответственно, рекламодателя. Но в информационном поле должна существовать позиция Академии наук, чтобы не возникало вопросов о том, что РАН не представила соответствующей научной оценки этих фальшивок, и тем более чтобы не ссылались на Академию наук как организацию, поддерживающую псевдоучёных, подобных Чудинову.

В.П. КОЗЛОВ: Андрей Евгеньевич, для меня новость, что под грифом Академии наук и учреждений нашего отделения выходят подобного рода книги. Как это вообще юридически могло произойти? И какие юридические меры Отделение истории Академии наук может принять?

А.Е. ПЕТРОВ: Тут юридические меры ни при чём, потому что Совет по мировой культуре не является советом в составе нашего отделения. Он явля-

ется Советом при Президиуме РАН. Соответственно, Отделение историко-филологических наук не имеет никакого отношения к назначению, к его составу, к утверждению его основных направлений. Это делает Президиум Российской академии наук. Вообще этот совет очень большой. К его деятельности привлечены примерно 150 учёных. Там порядка 15–20 разных комиссий. Я уверен, что примерно треть сидящих в этом зале могут потом, посмотрев соответствующие бумаги, обнаружить себя в составе этого совета. Это не значит, что он плохо работает, он действительно делает по ряду направлений очень важные большие дела. Но в такой размытой аморфной структуре неизбежно возникают плохо контролируемые аппендиксы, наподобие упомянутой мною комиссии (или секции — я точно не помню, как называются подразделения совета) по культуре Древней Руси.

Е.А. МЕЛЬНИКОВА: Интересная информация к размышлению. Я хотела бы сейчас подробнее остановиться на теме народной этимологии как фальсификата исторического источника. Проблема уже была затронута Виктором Александровичем Шнирельманом. Народная этимология — это не только явление малограмотной речи, связанное с дилетантскими опытами, но и явление, которое широко в последнее время вошло в нашу историческую науку.

Народная этимология, как известно, — это осмысление слова путём его сближения со сходно звучащим словом. В отличие от научной этимологии, народная этимология основывается не на законах развития языка, а на случайном сходстве, созвучии слов. Среди огромного разнообразия народных этимологий можно выделить два основных типа этимологизирования. Первый — это фактически адаптация иноязычного слова, которая осуществляется при помощи модификации исходного слова таким образом, чтобы прояснить его смысл, сделать его понятным в контексте родного языка. Это такие классические примеры, как «полуклиника», «спинжак» — по аналогии со спиной, «вониль» — от слова «вонь» и т.д.

Слово равнозначно происхождению явлений или раскрывает его сущностные особенности. Я приведу буквально пару примеров. Ломоносов сопоставлял наименование «россияне» и глагол «рассеять», «рассеивать» и считал, что своё название россияне получили потому, что были рассеяны по многим странам. Что обосновывало величие российского славянского народа. Стремясь дополнить аргументацию восходящей к польской историографии XVI в. легенды о происхождении Рюрика из Пруссии, он ставил знак равенства между этнонимами «прусы» и «русы», объясняя происхождение первого следующим образом: «Когда Рурик с варягами русами переселился в Новгород, то по ним остались некие русы, которых и стали называть порусы». Точно так же слово «варяг» Ломоносов объяснял из слова «ворог». Есть и масса других этимологий.

Однако возникновение и развитие сравнительного языкознания отнюдь не положило конец созданию народных этимологий в исторической науке. Вплоть до настоящего времени народная этимология продолжает использо-

ваться в исторической науке как объяснительный метод — так же, как её использовал в VII в. Исидор Севильский. Правда, прибегающие к ней историки, как правило, не имеют дополнительного филологического образования и не догадываются о том, что «говорят прозой», как не догадывался об этом и мольеровский Журден. Напомню старую истину: незнание законов не освобождает от ответственности. Блестящие образцы народных этимологий во множестве содержатся в трудах Бориса Александровича Рыбакова.

Я начну с таких крайне анекдотичных этимологий, как древнерусское «вельблуд» (верблюд), который Борис Александрович объяснял как «вельми блудливый». «Берлога» (логово медведя) — от немецкого *Bär* (медведь) и сокращенно «лог» (логово). Наиболее интересно для нас как историков его этимологизация летописных имён братьев Рюрика — Синеус и Трувор. «Синеус» — из якобы древнешведского *sine hus* и «Трувор» — из сочетания *tru varing*. *Sine hus* Борис Александрович переводил как «со своим домом», а *tru varing* — как «с верной дружиной». Эти этимологии являются прямым результатом категорического незнания не только древнешведского или древнеисландского, но и современных скандинавских языков, потому что слово *hus* — среднего рода, и, соответственно, притяжательное возвратное местоимение должно иметь форму *sitt*, а отнюдь не *sine*, и вообще слова *sine* нет, нет такого притяжательного местоимения. Есть *sin*, *sina*, *sitt*, но не *sine*. Видимо, в данном случае повлиял латинский предлог, традиционная формула: *ab*, *de*, *sine* и т.д., но не древнешведский. Более того, притяжательное местоимение в древнескандинавских языках всегда стояло в постпозиции — после определяемого слова, а не перед ним. То есть *Sine hus* — «со своим домом» — совершенно невозможная этимология. Точно так же дело обстоит и с *tru varing*. Меня изумляет, что в современных работах историков и археологов этимология *sine hus* продолжает воспроизводиться при всей её очевидной несуразности. Причём людьми, которые прекрасно говорят по-шведски. Тем не менее сила инерции заставляет их воспроизводить её.

Но с этимологиями Бориса Александровича — чрезвычайно интересная вещь. Можно рассматривать их как курьёз. По той причине, что Борис Александрович, как правило, не делал исторических выводов из этих этимологий. Ведь этимология о братьях Рюрика даёт основание для далеко идущих рассуждений на тему о том, что летописец, как писал Борис Александрович, не до конца понял текст и потому неправильно перевёл его. Вместо *sine hus* — Синеус. Это означает, что летописец имел в руках древнешведский текст. Соответственно, «Сказание о призвании варягов» изначально существовало на древнескандинавском языке и продолжало существовать на таковом же на протяжении двух столетий. Это ведёт к вопросу о степени ассимиляции скандинавов, о сохранении скандинавской культуры и другим вопросам, которые крайне порадовали бы душу норманиста, если бы хоть один норманист принял бы эту этимологию всерьёз. Борис Александрович этих выводов не делал.

Фальсификатом народная этимология становится в том случае, когда она

используется для построения неких исторических конструкций для исторических выводов. В этом случае народная этимология уже не является простой игрой ума, а используется в определённых целях. Конечно, в её основе лежит неграмотность этимологизатора, но и преднамеренное желание найти аргументы тем своим изначально заданным построениям, которые не находят других, более серьёзных и научных аргументов.

Приведу один зарубежный пример. Известный путешественник, норвежский национальный герой Тур Хейердал за 10 лет до своей смерти впервые обратил внимание на легенду о происхождении скандинавов из Азии, которую подробно рассказал Снорри Стурлусон в первой половине XIII в., но которая существовала и до него. Это традиционная европейская средневековая легенда о переселении народа, миграции на новую родину. По Снорри, скандинавы, асы — одна из групп языческих богов во главе с Одним — пришли из Азии. В доказательство — та же самая народная этимология: «Азия» — «асы», хотя здесь ничего общего нет. Из Азии они мирно прошли через Европу, переселились сначала в Данию, затем в Швецию и Норвегию. От них происходят все правители скандинавских стран. Для Снорри это была естественная попытка объяснить происхождение скандинавов и те миграционные процессы, которые происходили в эпоху Великого переселения народов. Воспоминания о них были интерпретированы как миграция скандинавов из Азии.

Тура Хейердала посетила блестящая идея: «асы» и «Азов». Город Азов на Азовском море. Звучит примерно одинаково: вот она прародина скандинавов — около города Азова. Тур Хейердал обратился в Академию наук с предложением произвести в Азове раскопки, дабы обнаружить остатки асов. Академия наук не поддержала эту идею. За неё взялся Ростовский университет, и действительно несколько лет проводились масштабные раскопки в районе Азова. Раскопки — вещь полезная, под каким бы предлогом они ни проводились. Хуже то, что в Норвегии начался повальный «асо-азовский» бум, потому что авторитет Тура Хейердала в Норвегии не сопоставим ни с какими авторитетами в нашей стране. Это национальный герой, равного которому не было, нет и не будет. Выступления Хейердала, его статьи в газетах, монография примерно на 600 страницах заставили всю норвежскую нацию воспринять эту идею. Она почти просочилась и просочилась бы, если бы не смерть Тура Хейердала, в школьные учебники. Причём в интерпретации Хейердала это служило прославлению норвежского народа, его истоков, его праистории и т.д.

Привлечение народных этимологий в качестве исторического источника в современных исторических исследованиях — вещь нечастая. Однако в последние несколько лет эта тенденция проявилась достаточно отчётливо. Как и в языкознании, где «под влиянием великодержавнических тенденций и националистического пуризма проявляется стремление преуменьшить влияние других языков на свой язык или преувеличить влияние своего языка на другие». Так и в отечественной историографии использование народных этимологий вызвано желанием обосновать заранее заданную концепцию. К этому приёму

часто прибегают дилетанты, обратившиеся к истории.

Вспомним ещё Олжаса Сулейменова с книгой «Аз и Я», в которой для доказательства древности казахского народа автор предложил длинный список слов, возводимых им к шумерскому языку. Даже в XXI в. профессиональные историки оказались не чужды искушению использовать народные этимологии в качестве исторического источника, вернее, в качестве фальсификата. Псевдопатриотический всплеск эмоций по поводу участия скандинавов в ранней истории Восточной Европы, который наблюдается в последние годы, вылился в реанимацию народных этимологий, восходящих ещё к «Синописису» Гизеля, к трудам Ломоносова и, наконец, к сочинению Гедеонова середины XIX в. То есть к сочинениям, которые создавались в эпоху, предшествующую возникновению сравнительного языкознания.

Причём, как и в XVIII–XIX вв., внимание новейших антинорманистов сосредотачивается на тех же самых этнических вопросах. Не исторических, культурологических или каких-либо ещё, а именно этнических вопросах. Они, видимо, полагают, что скандинавское происхождение названия «Русь» преумалывает, как писал Ломоносов, достоинство русского народа. Поскольку изначально заданной целью антинорманистов является доказательство исконной, не замутнённой иноэтничными влияниями славянскости древнерусского государства, речь может идти только о славянском происхождении варягов и Руси. Пусть они пришли к восточным славянам и участвовали в образовании Древней Руси, но они были своими, родными славянами.

На первый план сейчас выдвигается идея, наиболее подробно развитая Гедеоновым, о южноприбалтийском, прибалтийско-славянском происхождении тех, кто основал древнерусское государство. Об основании древнерусского государства норманисты перестали говорить уже около 100 лет тому назад. Но здесь опять возникает вопрос образования государства. Исследование связей восточных и западных славян — это действительно большая, серьёзная научная проблема. Оно велось и ведётся по лингвистической и по археологической линии, но убедительных доказательств массовых миграций балтийских славян в Восточную Европу не обнаруживается. А обращение к народным этимологиям позволяет предельно упростить крайне сложную историю этих связей и ввести целый ряд данных, которые на самом деле реальными данными не являются.

Для любителей народных этимологий этнонимия юга Балтики и Центральной Европы представляет собой целый букет наименований, которые сопоставляются со словом «Русь». Это и «рутены», и «руги», и «раны» («руяне»). Общим для всех них является начальное «ру». В крайнем случае — «р», этого тоже вполне достаточно. Как и средневековые, западноевропейские писатели название одного народа с лёгкостью переносят на другой. Но средневековым хронистам это простительно. Обозначения, созвучные с древними, зачастую ещё античными этнонимами современных народов, были нормальной практикой. Дания называлась «Дакийей», Галицко-Волынская Русь — «Галицией»,

славяне — «скифами» и т.д. Поэтому русов средневековые хронисты могли поименовать «рутенами» или «рутами». Государство Русь назвать «Рутени» или, реже, «Руги». Однако ныне совершенно очевидно, что, как даны не являлись потомками даков, а галичане — потомками испанских галисийцев, так и русы не имели ни малейшего отношения ни к кельтам — рутенам, исчезнувшим ещё в ходе Великого переселения народов, ни к германцам — ругам, населявшим области в Северной Германии. Кстати, рутены и руги не принадлежат к славянским народам, о чём обычно как-то забывают. Они не славяне.

Такая же неразборчивость царит и в прибалтийско-славянской этимологии слова «варяг», производного, как полагают, от названия племени варнов, вагров или варинов, живших в ныншнем Гольштейне с античных времён. Про античные времена мы плохо знаем, но здесь опять основой для сопоставления имён является начальное «ва». Причём разные написания одного и того же этнонима воспринимаются просто как самостоятельные варны и варины. Что, конечно, удлинняет список соположений, но отнюдь не усиливает его доказательность. Естественный вопрос: какой же из этих этнонимов мог бы лежать в основе слова «варяг»? Гедеонов ответил на него однозначно: «вагры — созвучное слово «варяг». Однако уже одно обращение к морфологии слова показывает, что они не связаны между собой. В первом случае выделяется основа *вагр-*, вероятно, корень *ваг-* с суффиксом *-р-*. Во втором — корень *вар-* с суффиксом *-я-*. То есть совершенно разные основы.

Этому возрождению, реанимации народных этимологий способствует, с одной стороны, недостаток образования. Разделение на историческое и филологическое образование, которое произошло в советское время, чрезвычайно мешает знакомству историков с основами филологии и языкознания, при котором невозможны были бы некоторые сопоставления. С другой стороны, совершенно очевидна политическая, идеологическая заданность теорий, при которых привлекаются рассмотренные мною народные этимологии. Спасибо.

З.В. КАНАНЧЕВ: Вопрос о Туре Хейердале. Мне довелось встречаться с ним, и вопрос по Азову у него возник ещё до того, как ему не удалось доказать происхождение Одина от Удина из Азербайджана и лодок-плоскодонок, обнаруженных на рельефных изображениях Гобустана. Что касается народной этимологии, то стоит привести пример тюркогенеза, который на современном этапе очень сильно развит, особенно в Азербайджане, где слово «Италия» происходит от «итал ли», то есть «кормящая собака», «страна собак», а легенда с Ромулом и Ремом сравнивается с легендой об Ашене — тюркском прародителе, тем самым даётся прямое указание на величественное происхождение. Последней версией происхождения и влияния кавказских албанцев на Италию было то, что у лезгин есть национальное блюдо сродни пицце. Тем самым лезгины перенесли пиццу в Италию и т.д. Это проблема очень серьёзная, она зародилась, наверное, в 70-х гг. Есть книга знаменитого в Азербайджане Гейбуллаева «Топонимика Азербайджана», где приводится множество построений, сделанных на основе народной этимологии. Сейчас, к сожалению, они выда-

ются за научный факт. И с этим уже бороться не приходится, только пожимать плечами, до какого уровня это может пойти. У меня такой вопрос: ведутся ли исследования в этой области со стороны российских учёных, сравнительный анализ народных этимологий в постсоветском пространстве, изучается ли их влияние на создание национальных историй?

Е.А. МЕЛЬНИКОВА: Я не знаю, честно говоря, таких исследований. Народные этимологии — это фантом. А бороться с фантомами труднее всего, потому что как объяснить, что этого нет? Кроме того, с создателями народных этимологий невозможно разговаривать на научном языке. Они мои аргументы не воспринимают и обижаются, что я не воспринимаю их аргументы. Получается, что мы как бы в разных плоскостях. Вроде и видим друг друга, а понять не можем, потому что научная аргументация не является для них аргументом. Я не раз слышала: «Ну подумаешь лингвистика, и что это значит? Ну подумаешь, не может такой звук произойти из такого-то. Ну и что?»

З.В. КАНАНЧЕВ: Елена Александровна, наверное, проблема сейчас намного глубже. Пример Азербайджана на постсоветском пространстве свидетельствует о том, что очень много таких этимологий входит в учебники средних школ и вузов, издаются книги на эту тему, и всё это не остаётся только проблемой народного творчества учёных, а подаётся как научный труд. Я вспоминаю сравнение англичан с тюрками по происхождению слов «миллениум» и *min yıl* (тысячелетие). Всё это можно назвать извращением, но ведь книги Мурада Аджи и Олжаса Сулейменова создают такой фантом, о котором вы говорите. Он материализуется в виде книг, написанных этими авторами, и становится опасностью для поколения людей, которые воспитываются на этих книгах. Тут уже не одному институту, не одному отделению придётся с этим разбираться.

Е.А. МЕЛЬНИКОВА: Да, я прекрасно сознаю опасность народных этимологий. Потому что для неподготовленного человека, необразованного, не получившего специальные знания это настолько наглядно и очевидно, как бы на поверхности лежит. И воспринимается поэтому чрезвычайно легко. То же самое происходит на Украине. Там тоже масса разнообразных этимологий выдвигается для доказательства древности украинского народа, его происхождения от Вавилонского столпотворения. Атилла — Гатила, и всякие другие замечательные вещи.

В.А. ШНИРЕЛЬМАН: Да, серьёзный вопрос. Вопрос Зураба Вахтанговича о том, ведутся ли такого рода исследования, свод, анализ народных этимологий, ставит задачу, которую нам надо подхватывать и развивать. Здесь, мне кажется, сообщение Елены Александровны очень сильно переплетается с тем, что говорил Игорь Николаевич в первой части нашего обсуждения. Это некая ответственность нашего профессионального сообщества.

Приводились примеры, когда люди, признающиеся профессионалами в научном сообществе, позволяют себе приблизительные этимологии такого рода. Но давайте говорить откровенно: всё-таки затронуты имена крупных фигур в

нашей исторической науке. Тот же Борис Александрович Рыбаков и другие. Студенты учатся, студенты смотрят, что «взрослые» делают, и думают: а почему мне нельзя что-нибудь сконструировать так же красиво — Атилла–Гатила? Точнее – Гхатила, или – батяня Гхатила. Потом появляется диссертация. Так постепенно всё это и происходит.

И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ: В продолжение этой темы. Я говорил о том же самом персонаже. В том самом сборнике, который вышел в Саратове, «Славянские веда», между большими выдержками из «Язычества древних славян» и «Влесовой книги» была большая статья некоего господина Рыжкова, который по ходу дела говорит: «Ну вот опять скажут: «Россия — родина слонов», а что, между прочим, именно за *слонами* наши предки строили *заслоны*, именно к ним они могли *прислониться* в трудную минуту, именно с ними они *слонялись* по всей Европе». Это буквально написано! Так что народная этимология нам тут, по-моему, на руку.

В.А. ШНИРЕЛЬМАН: Да, но если я не ошибаюсь, этот Рыжков на самом деле кандидат химических наук. Я хочу сказать, что Зураб Вахтангович совершенно правильную тему поднял. Может быть, стоит стимулировать специальные исследования процессов народного этимологизаторства. Елена Александровна правильно говорит — дискутировать с этими людьми не имеет смысла, это как два мира, которые совершенно не могут сойтись. Но изучать народную этимологию в контексте современности, как она используется, — это очень важно. Может быть, нам отдельный круглый стол посвятить этой проблеме? Но я хотел спросить. А вот Фомин часто прибегает к народной этимологии? И откуда он вообще появился, кто за ним стоит?

Е.А. МЕЛЬНИКОВА: Фомин — это ученик Аполлона Григорьевича Кузьмина, окончивший Ленинский пединститут. Аполлон Григорьевич как раз возродил, реанимировал интерес к этим народным этимологиям после Гедеонова. Это с его статей в «Вопросах истории» середины 1970-х гг. всё началось. Фомин — преподаватель Липецкого университета, затем его продвигает и обеспечивает докторской степенью директор Института российской истории Андрей Николаевич Сахаров.

М.С. ГАДЖИЕВ: Елена Александровна, скажите, пожалуйста, этимологии, предлагаемые различными исследователями, в том числе примеры шуток Бориса Александровича, которые вы привели, вы тоже относите к *народным* этимологиям?

Е.А. МЕЛЬНИКОВА: Дело в том, что само определение «народная этимология» может иметь два смысла: это и действительно *народная* этимология, возникающая в народе, типа «полуклиника», и лингвистический термин. В лингвистическом словаре вы найдете статью под названием «Народная этимология», куда включаются разные типы этимологизаций. Я говорила о двух типах: одном собственно народном и другом.

М.С. ГАДЖИЕВ: Спасибо. Одна ремарка: я думаю, нам вопрос нужно ставить шире — отслеживать этимологию не только этнонимов, но и культурных

терминов, таких как «монастырь», «икона». Их вольная трактовка — классика псевдонаучных работ (вспомним Мурада Аджи).

С.М. ШАМИН: Маленькая ремарка. Елена Александровна, Синуса и Тратора не Рыбаков придумал?

Е.А. МЕЛЬНИКОВА: Это известно. Эта этимология была предложена ещё в XIX в. академиком Кругом, но пошла «в народ» от Бориса Александровича.

С.М. ШАМИН: Причём без ссылок на XIX в.

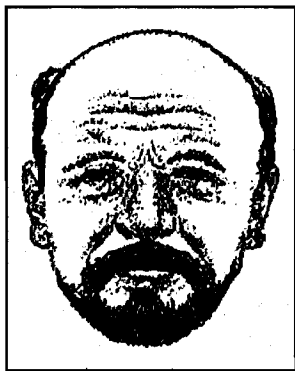
В.А. ШНИРЕЛЬМАН: Коллеги, я всё-таки вынужден поставить точку. Это бесконечная тема. Обсуждать тут можно очень много интересного, но у нас повестка дня ещё длинная, поэтому я хочу предоставить слово Петрову Андрею Евгеньевичу, учёному секретарю Отделения историко-филологических наук, по такой занимательной теме, как «Останки Ивана Сусанина: между наукой и областной администрацией». Само название, чего стоит!

А.Е. ПЕТРОВ: Да, но не в названии дело. Я постараюсь не занять много времени, поскольку в розданном всем участникам журнале «Родина» опубликован некий текст, не знаю, насколько научный, но с двумя соавторами. Это такой выплеск группы возмущённых профессионалов, среди которых присутствующий здесь Леонид Андреевич Беляев, автор археологической экспертизы, и отсутствующая здесь в связи с болезнью Александра Петровна Бужилова, которая дала очень ценные материалы относительно генетических и судмедэкспертиз, производившихся с этими костями.

Вкратце предыстория сюжета такая. Она разворачивалась на наших глазах, потому что в 2004 г. не было буквально ни одного канала, газеты или какого-то иного источника информации, которые бы не оповестили о том, что под Костромой археологами найдены останки Ивана Сусанина. Все об этом знали, все об этом были извещены, и туда как раз в 2004 г. приехал на заседание Госсовета Президент Путин. Как обычно, совпало: стоял вопрос о введении нового праздника — Дня народного единства, который планировалось отнести к 4 ноября. Все эти праздники, коммеморации и юбилеи — это отдельный сюжет. Думаю, нам придётся сделать этот вопрос предметом отдельного круглого стола в рамках заявленной большой темы «Актуальное прошлое».

Поэтому вернёмся к Ивану Сусанину. Все порадовались тому, что найдены останки Ивана Сусанина, но недоумение не покидало представителей нашего с вами цеха. Потому что даже априорно было достаточно трудно поверить в то, что их с такой высокой точностью идентифицировали из целого ряда захоронений, несмалая часть которых относится к XVII в., хотя идентификация на сельском погосте, где слои перемешаны, очень затруднена. Так точно, снайперским попаданием найти нужный череп нужного героя — возникали сомнения. Я подробно не буду останавливаться на деталях этой экспертизы. Сопоставление материалов отчётов, которые представляли хорошие, профессиональные археологи в полевой комитет Института археологии, с теми материалами, которые потом появились и которыми оперировал департамент культуры Костромской области, показало очень существенные рас-

хождения. Там возникло не существующее по отчётам, которые сдавались в полевой комитет, захоронение, не случайно, видимо, названное не просто «13», а «13а», какая-то буква возникла. Есть подозрения, что кости и череп принадлежали разным личностям, и результаты анализа материалов этих раскопок не позволяют делать сколько-нибудь обоснованный вывод, что найдены останки именно того человека, о котором идёт речь. Кстати, говорится везде о Иване Осиповиче Сусанине. Это вообще отдельная история. Откуда взялось Осипович? Даже в результатах судмедэкспертизы говорится об исследовании останков «из реликвария 13а некрополя “Исупово”» на предмет принадлежности Ивану Осиповичу Сусанину. Что это за Осипович? Возникает существенный вопрос. Во всех документах, более или менее аутентичных, а именно в Обельной грамоте царя Михаила Фёдоровича, Иван Сусанин фигурирует без отчества. Более того, возникает вопрос с его прозвищем, потому что известно, что эта грамота от царя Михаила Фёдоровича дана его зятю Богдашке Сабинину. Это нормальное обращение к человеку низшего сословия — Богдашка, уменьшительное. И прозвище — Сабинин. Иван Сусанин в этой грамоте назван полным именем, но без отчества, что тоже естественно, потому что отчества у него и быть не могло. Фамильное прозвище Сусанин может говорить о том, что большую часть своего детства он рос без отца, что в такую эпоху, как XVII в., вполне вероятно. Сусанна — имя женское, вероятно, по матери-вдове его могли именовать Сусаниным. Но Осипович? Откуда Осипович? Оказывается, Осипович возник у нас не далее как в 1841 г. Точнее, в этом году появилось первое отчество Ивана Сусанина — Иванович. Его авторство принадлежит Полевому. И возникло оно в его известной драме «Костромские леса», где воспет во всей красоте подвиг Ивана Сусанина. Отчество Осипович появилось примерно через два десятилетия. Это связано с эпохой Глинки и иного этапа освоения сусанинского мифа.

Графическая реконструкция лица «Ивана Сусанина» по черепу, найденному на некрополе д. Исупово

Что касается судмедэкспертизы, которая, по сообщениям средств массовой информации, неопровержимо доказала и даже восстановила облик, срав-

нив его с ныне живущими потомками в Саратовской области, и т.п. Я прошу внимательно прочесть первый пункт этого Общего заключения, обращая внимание на такие слова: «Проведенное медико-криминалистическое исследование каких-либо признаков, исключающих принадлежность костных останков Ивану Осиповичу Сусанину, не обнаружило». По-моему, гениально. Надо отдать должное действительно очень хорошему учёному и блистательному судмедэксперту Виктору Николаевичу Звягину, который нашёл такую блистательную формулировку. Потому что так можно сказать почти о любых костных останках почти на любом некрополе Российской Федерации.

Почему я так претенциозно назвал своё выступление «Останки Ивана Сусанина: между наукой и областной администрацией»? Всем давно известно, что третья древнейшая профессия — историк. Первые две — понятно. Можно сказать в очередной раз, что историки в своём рвении угодить власти опять всё подтасовали, привели в соответствие и сделали так, как нужно. Но я бы не стал спешить с обвинениями, потому что в этой истории большую роль играет, так скажем, определённый заказ, даже шефство над всей этой программой сусанинской памяти областной администрации. Тут воспроизведён текст, точь-в-точь как он пошёл в журнал «Родина». В моей жизни это был первый случай, когда я подвергся такой конкретной цензуре. Если вы откроете журнал, то увидите там состав попечительского совета. Губернатор Костромской области значится в этом попечительском совете. А сам журнал «Родина» печатается на Костромском полиграфкомбинате. Соответственно, возникают некоторые проблемы совместимости. В «Родине» очень тонко провели редактуру и убрали один важный посыл, который, на мой взгляд, нам надо иметь в виду. В результате в статье именно так и получилось: опять эти самые историки что-то там накуролесили. У меня, честно говоря, при изучении всех документов, связанных с этим делом, возникло впечатление, что можно посочувствовать тем людям, которым пришлось осваивать бюджет, отпущенный на почитание памяти Ивана Сусанина. Работали разные группы: департаментом культуры была запущена археологическая программа, антропологические, генетические и судебно-медицинские исследования проводились в Москве по заказу. По итогам всех этих операций и манипуляций была утверждена и уже финансируется огромная перспективная программа развития туризма Костромской области.

З.В. КАНАНЧЕВ: Мне бы хотелось знать, вы проводили параллель между началом исследований в Костромской области и проблемой празднования 4 ноября? Установление празднования победы в борьбе против польских интервентов и попытка найти останки Ивана Сусанина связаны между собой?

А.Е. ПЕТРОВ: Исследования начались раньше, чем в активное общественное обсуждение вылился проект с 4 ноября. Но, конечно, надо вспомнить весь тот контекст 2004–2005 гг., когда готовился целый ряд эпохальных юбилеев и активно дискутировался вопрос о целом списке памятных дат военной славы. О том, какие туда события включать, нужно ли включать Куликовскую

битву, под какой датой праздновать Бородинское сражение и Куликовскую битву, чтобы военно-патриотические клубы успели с одного поля на другое перебраться на электричках или на автобусах. Возникла дискуссия вокруг 4 ноября, а, собственно, что это за дата? Здесь находится Владислав Дмитриевич Назаров — автор, на мой взгляд, совершенно точного диагноза и фактически медицинского заключения по поводу этой даты, 4 ноября. И все эти события как-то были спрессованы в 2003–2005 гг. В 2004 г. апрельский Госссовет в Костроме был посвящён вопросам культурного наследия, и, соответственно, там тема нового национального праздника отчасти уже поднималась, поэтому после проведения этого Госссовета работа над сусанинским проектом продолжалась уже в режиме особой важности, в связи с тем, что рождался эпохальный праздник, прямо связанный с Костромской землей. Мы понимаем, что Москву, конечно, освободили 4 ноября, судя по новым праздникам, но уж выход-то из Смуты ясно, что связан с династией Романовых. А как династия Романовых пришла? Конечно, только благодаря Ивану Сусанину. Поэтому в Костроме (в администрации) на этот вопрос был дан ясный административный ответ, я не хочу говорить обо всех.

О.Ю. БЕССМЕРТНАЯ: У меня два вопроса: один серьёзный, один шуточный. Какой из них какой, вы разберитесь сами. Не знаете ли вы, не собирается ли Костромская область после 2020 г. отделяться от России или, наоборот, переносить туда столицу? И второй вопрос: могли ли наши костромские коллеги отказаться осваивать бюджеты, которые были им предложены?

А.Е. ПЕТРОВ: Я не нашел шуточного вопроса. Тут, по-моему, всё достаточно серьёзно. Мне кажется, что важным моментом является то, что у нас в стране существует сейчас 80, ну или 79 разных историй, и я ещё не разобрался толком, что стоит за поправками в закон «Об общем образовании», когда вроде бы немного поужали региональную компоненту. Наверное, надо ещё думать, к чему это приведёт. Но по крайней мере для меня стало очевидно следующее: за средства федерального бюджета все школы и программы должны преподавать одинаковую по всей стране историю, давать одинаковые по всей стране знания. Конечно, в рамках определённой вариативности, закреплённой законом об образовании, но всё же те самые знания, которые дадут возможность выпускникам школ Приморья, Москвы, Бурятии и Казани на равных поступать в одни и те же вузы. Именно они должны контролироваться в будущем. Будь то ЕГЭ, будь то при поступлении в вуз и т.д. Если регион считает необходимым и важным введение каких-то специфических дисциплин, основы какой угодно культуры или, допустим, регионоведения, какие-то вопросы, связанные с основами православия, ислама, если для этого региона нужен дополнительно язык, он это оплачивает из своего бюджета. Я понял эти поправки в закон таким именно образом. Мне кажется, что, если эти поправки заработают в таком виде, то, возможно, нам удастся предотвратить хотя бы ментальный распад России на 80 разных кусочков. Пока мы видим, действительно, 80 разных историй. В Псковской области она одна, в Дагестане их несколько. Муртазали

может подтвердить. Даже в Татарстане у нас несколько разных историй. Наверное, в итоге получится даже больше, чем 80 версий одной и той же истории. И это очень плохой симптом. Потому что, если мы рассчитываем на то, что у нас страна единая (пусть и федеративная), мы должны говорить о том, что у нас единая история. По крайней мере единый подход к ней.

Что касается вопроса о том, могли ли они отказаться от денег. Я не думаю, что могли. Надо знать, что такое нажим местной администрации в наших регионах. Это мы себе в Москве позволяем собирать такого рода круглые столы, а там человек останется совсем без работы, без средств к существованию и вынужден будет деклассироваться, перейти на работу квалифицированным дворником с высшим образованием. А зачем ему это нужно? Конечно, я думаю, что не могли. Поэтому я не нашёл шутиwego вопроса, Ольга Юрьевна.

С.О. ШМИДТ: Я сейчас прочёл в материалах и обратил внимание на дату грамоты потомкам Сусанина: ведь это уже был год возвращения Филарета. По существу, это первая формула православия, самодержавия, народности. Народности до того не хватало. У митрополита Макария в XVI в. обходились самодержавием и православием. А тут появилась народность, и дальше это всячески продолжалось.

Что касается костромичей, то я готов, если сил хватит, добавить костромичам действительно великого предка, который изображён на памятнике России и написать для них биографию «костромитина» Алексея Адашева.

А.Е. ПЕТРОВ: Да, костромичи об этом просто подзабыли, иначе он бы уже занял достойное место в продукции местного ликёро-водочного комбината. Потому что и «Снегурочка», и «Иван Сусанин», и «Берендеевка» — это у них наименования ликёро-водочных продуктов, но так, в сущности, везде, во всех наших регионах.

В.Д. НАЗАРОВ: Я разделяю основные посылы докладчика и хочу остановиться на двух тезисах. Тезис первый. Грамота 1619 г., несомненно, несёт в себе следы фальсификации или мифологии. С 1613 г. прошло шесть лет. Начиная с лета 1613 г. Марфа хотя и не руководила правительством (это было ей не нужно), но практически назначала правящий кружок, состоявший тогда из её близких родственников со стороны Морозовых-Салтыковых. Поэтому если в 1613 г. под Костромой действительно случилось нечто такое, что заслуживало признания по фактологическим основаниям, то это признание произошло бы гораздо раньше.

Сама ситуация марта-апреля 1619 г. никак не могла свидетельствовать о правдоподобности имеющейся мифологии. Никаких поляков, конечно, в Костромском крае не было. Ближайшие поляки, если говорить об официальных военных отрядах, находились примерно за 1500 километров. Что действительно могло быть — некие отряды, которые пытались пробиться на соединение с Заруцким, который олицетворял тогда антиправительственный лагерь. К тому же об избрании Михаила царём могло стать известно никак не раньше конца февраля — начала марта, пока эта новость дошла бы до тех сил, кото-

рые не обладали официальными каналами распространения информации. Ну, какой казачий отряд эту информацию получал прямиком из Земского собора Москвы! Это абсурд.

Тезис второй. Меня пугает то, что сейчас наука в значительной степени подменяется массовой церковно-исторической мифологией. Её опасность в том, что она так или иначе опирается на официальные власти, и на Думу в том числе. Дума принимала поправки к Трудовому Кодексу, и 4 ноября был сделан праздником, основываясь на юлианском летоисчислении и переходе на григорианский стиль в XX в. Так живёт наша Православная церковь, и вслед за этим так поступила наша Дума. Кстати говоря, памятные даты теперь тоже переведены в соответствии с переносом на 13 дней, причём в те века, когда ещё не существовало григорианского летоисчисления.

Есть какой-то массовый запрос на исторические знания на уровне регионов. Он продиктован как экономическими потребностями, так и некоторыми моральными запросами широких кругов. Мне кажется, нужно бить в набат. Архиепископ Александр Костромской и Галичский — очень разворотливый человек. Воду выпустил, которая продаётся чуть ли не по всему миру, с «Аэрофлотом» летает во все города и ещё много чего сделал. Но куда делся великолепный Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник? Его практически нет.

А.Е. ПЕТРОВ: Та же история сейчас в Рязани происходит.

В.Д. НАЗАРОВ: Куда делись памятники, которые действительно заслуживают внимание, не мифологические могилы? Там же один из первых образцов шатровой архитектуры конца XVI в. Куда делось прекрасное собрание русского искусства? Я не знаю, где оно сейчас — в музее? Причём в запасниках, прочно и надолго? Или уже возвращено церкви и поэтому недоступно? Там же великолепные годуновские вещи конца XVI в. Это был у нас совершенно новый этап во всех видах изобразительного и прикладного искусства. Дмитрий Иванович Годунов был одним из первых меценатов Руси. Поэтому давно пора бить в колокол и занимать достаточно выраженную позицию, иначе наша корпорация — сообщество профессиональных историков — прикажет долго жить, оно просто покажет свою ненужность. Кому в эпоху победившего мифологического сознания с церковным оттенком нужны будут профессионалы-историки? Зачем они?

С.О. ШМИДТ: Вадим Дмитриевич поднял очень важный вопрос: у нас забыли о том, что в первые годы революции именно историки спасли то церковное наследие, которое сохранилось и до сего дня. Нам необходимо больше рассказывать о том, как учёные Академии наук (такие как Богословский и многие другие), работавшие в архивах и музеях, оставаясь, как правило, верующими, спасли то, что можно было спасти. И всё спасённое сохранялось в музеях. Теперь уже никто не знает о том, что именно советской власти, разрушившей монархию, мы и современная церковь обязаны сохранением многих ценностей. И тут большую роль играла Наталья Ивановна Троцкая-Седова как

заведующая музейным отделом Наркомпроса. Охране культурного наследия покровительствовал Луначарский. Об этом теперь не пишут.

Второе. Для меня как для патриота России оскорбительно, что «великий праздник» — это малое дело, сделанное в подарок горделивой Польше. У страны, победившей в двух отечественных войнах, не нашлось более значительного события для всенародного празднования, чем подозрительное состояние русско-польских отношений в XVII столетии.

В.В. ДУБОВИК: В отличие от глобальных проблем, которые обсуждались в предыдущих выступлениях, мое сообщение посвящено очень частной теме — «Подложной грамоте Иоанна Владимирского Шуйского». В РГАДА (фонд 96 «Сношения России со Швецией») хранится любопытный документ — грамота, написанная от имени Иоанна Владимирского Шуйского и четырёх знатных сербов, датированная 20 февраля 1648 г. Иоанн Владимирский Шуйский, Иоанн Тимофей Шуйский, князь Иван Васильевич Шуйский — это московский подьячий Тимофей Акиндинов, бежавший в 1644 г. за границу и выдававший себя на наследника царя Василия Ивановича Шуйского.

Его друг и слуга Константин Конюхов, служивший вместе с ним подьячим до 1644 г., в расспросе на Москве так объяснял причины побега: «И как его-де Тимошкина мать вышла замуж, а он, Тимошка, затыгался со многими людьми и оттого учел мыслить, осердясь на мать свою, бежать в Литву». Очевидно, побег не был следствием какой-то политической интриги, а был вызван внешними причинами. С момента объявления самозванца в 1644 г. в Польше московское правительство пристально следило за ним и предпринимало серьёзные усилия, чтобы убедить правительства стран, в которых появлялся самозванец, что у царя Василия Ивановича сына не было и внуку взяться неоткуда. Московские посланники, гонцы, купцы следовали за самозванцем буквально по пятам. Собирали и привозили в Россию все документы, относившиеся к самозваному князю Шуйскому. Благодаря их усилиям сейчас в московских архивах хранится большое количество текстов, как подробно описывающих авантюру самозванца, так и принадлежащих перу самого лже-Шуйского.

Документы из 96-го фонда РГАДА были вместе с другими документами привезены в Москву из Швеции русским посланцем Герасимом Головиным зимой 1651 г. История получения этих документов подробно описана самим Головиным в статейном и вестовом списках. Это достаточно любопытно. Головин приехал из Москвы в Стокгольм с грамотами царя Алексея Михайловича к королеве Христине 15 августа 1651 г. Через несколько дней русские люди рассказали ему, что в городе живёт князь Иван Васильевич Шуйский. Тимофей Акиндинов приехал в Стокгольм в мае 1651 г. и действовал там, как он писал, «от имени Трансильванского князя Юрия Раковского, Богдана Хмельницкого, частью по его делам, частью же по моим собственным». Возможно, что особые поручения от гетмана Раковского, которыми занимался в Стокгольме Акиндинов, были связаны с планами Хмельницкого организовать тройственный венгерско-шведско-украинский военно-политический союз. Возможно,

это был блеф самого Акиндинова.

Константин Конюхов был в то время в Ругодиве, откуда позднее должен был приехать в Стокгольм. Головин, наведя справки и удостоверившись, что «русский князь» — это самозванец Акиндинов, решил действовать официальным путём. Известив о лже-Шуйском шведские власти, он потребовал его выдачи. Однако ему было отказано, поскольку обвиняемый Головиным человек был признан послом от Трансильванского князя Раковского. Головину рекомендовали обратиться со своими претензиями непосредственно к князю. Обеспеченный действиями Головина, 29 августа Акиндинов уехал из Стокгольма, оставив Конюхову письмо о том, что будет ждать его в Ревеле. 10 сентября в Стокгольм приехал Конюхов. Головин, узнав о приезде слуги князя Шуйского, задержал его, отобрал бывшие при нём бумаги и, связавшись с официальными шведскими лицами, потребовал выдачи вора и изменника согласно мирному договору с Русским государством. Поскольку решение этого вопроса было прерогативой отсутствовавшей в то время королевы Христины, магистрат назначил предварительное слушание, чтобы доложить государыне его результаты по приезде. С этого времени задержанного поместили в тюрьму.

Состоявшееся 19 сентября заседание магистрата, вопреки ожиданиям Головина, было посвящено не разбору дела о самозванцах, а обсуждению его — русского посланца — противоправных действий: задержания и ограбления свободного человека — слуги князя Шуйского. По вопросу о возможном присвоении чужих имён Конюховым и его господином Головину было рекомендовано обратиться к Раковскому, из владения которого прибыл Акиндинов. Хотя русский посланец и уверял, что «он тех воров не помнит».

После подробного рассмотрения пунктов обвинения против самого Головина была организована очная ставка его с Конюховым, и все материалы слушания переданы для окончательного решения королеве Христине. 24 сентября Иоганн Розенлиндт сообщил Головину об указе королевы Христины: «Освободить задержанного Конюхова и обязать русского посланника вернуть слуге князя Шуйского все отобранные у него вещи». Головин, не сумев добиться выдачи самозванца, решил держать его бумаги и, обвинив Конюхова в клевете, писем ему не отдал, а привёз с собой в Москву. Копии с них сейчас составляют дело № 7 96-го фонда РГАДА. Редкий случай, когда мы про эти бумаги знаем практически всё: как, когда и в какой день они были у конкретного человека.

Если предполагать, что сохранились копии всех документов, привезённых русским посланником, то у Конюхова были изъяты пять писем Акиндинова к Конюхову, грамота от имени Иоанна Владимирского Шуйского от 20 февраля 1648 г., а также латинские проезжие листы: польского короля Владислава IV — проезжая Конюхову, от имени Йоханнеса Синенсиса — Конюхову для проезда в Ругодив, от имени Миухер Пахамбихебея, вице-графа Марамарузиенского графства (я не знаю, что это такое, если кто-то знает, пожалуйста, скажите) — проезжая Йоханнесу Синенсису, и пересказ сербского проезжего листа от имени Василия Тарасовича от 1649 г.

Обратимся непосредственно к грамоте от 20 февраля 1648 г. Этот текст являлся одним из тех свидетельств, которыми наряду с проезжими листами Акиндинов удостоверял свою личность. Документ состоит из двух частей. Первая, в свою очередь, распадается на две части. Сначала идёт грамота от имени Иоанна Владимирского Шуйского, «благодатью Божию Великого князя природного Владимирского, Московского и прочая, Воеводы Великии Перми, блюстителя Государства Эпикурского и Сербского». В ней он сообщает: «Ведомо творим всем... яко Иоан Синенский и честный дворянин и сенаторский сын изящнейшаго Московского царства с мучительства турецкаго с Константина поля возвратился». И рассказывает историю своего турецкого пленения. В 1645 г., когда он был «в земли угровлахийстей... для ради всемирных дел потреб... нападоша на ны турцы супостати... от их же рук в плен взяты быхом и в Константинополь провожденны... отведены быхом к главнейшему мучительские державы правителю великому везирю Селих-Паше... но обаче с оного лабиринта усердно днем и ночью исхода пути искахом».

Многочисленные попытки бежать ни к чему не привели, более того, навели на князя Шуйского новые беды: «Бежахом трикраты далече и крыхомся в сокровенных местех трикраты ж и поиманы бехом и горчаишим мучением предани быхом. Бывшим же сим мучением многожды благородный муж Иван Синенский приведен бысть к закону турецкому и обрезание прияти понужден от мучительских вражиих рук на подобие леторасли». Однако Бог не покинул князя Шуйского в бедах: «Милость Господня возсия на ны... и четвертым бежанием свободу улучихом». Далее начинается вторая половина первой части грамоты, в которой сербские и эпикурские знатные люди обращаются одновременно как к князю Шуйскому, так и ко всем прочим лицам. Первого они умоляют остаться с ними ещё ненадолго: «Умедли же с нами купно благородный Иван Синенский яже вынужден в сем заключимым путном шествии бысть а хоть пожив же с нами немалое время отиди во своя страны». Других же лиц, всех сродников, друзей, некоторых князей и великих государей и всякого чина людей, они уверяют в высоких достоинствах благородного Иоанна Семеновского: «Убо видехом сего убежденного Ивана Семеновского (всё время варьируется ими. — В.Д.) яко иметь истинного православия и добродетели рачение, братолюбие изящнейшия крови и печати благохотия своего похваления».

Что и заверяют ниже своими подписями: «Ему же мы яко верному дружественному и в добродетелех непоколебимому неизменныя ради вечныя любви и ти вящше нашего свидетельства веры и истинной сообщницы быхом. Сию грамоту рукой нашей подписахам и чинною печатью нашей запечатана». Подписям князя Николая, князя Петра Рукинского, князя Фомы и дворянина Воина Перфиановича предшествует подпись самого Московского князя — «Иоанн Шуйский». Датирована эта часть 20 февраля 1648 г.

Вторая часть документа, датированная 21 февраля 1648 г., начинается сразу после рукоприложения: «Мы Гавриил благодатию Божию восточныя веры

Архиепископу Патриарха Сербский, Болгарский и Епикурский». В ней Патриарх Гавриил сообщает, что перед его лицом указанные персоны подтвердили свою веру в Московского князя и свои подписи под предыдущим документом, и подтверждает их свидетельства и подписи. Таково в общих чертах содержание текста, хранящегося в РГАДА. Однако сюжет о пребывании в турецком и татарском плену и чудесном освобождении из рук неверных при помощи сербов разрабатывался самозванцем во многих документах. К ним относится, во-первых, акт, находящийся в архиве Шлезвига, который содержит свидетельские показания о бегстве князя Шуйского из Турции и обстоятельствах его жизни там. Во-вторых, послание Сербского собора от 1 февраля 1648 г., в котором самозванцу уделена значительная часть текста. Это Ватикан, архив *Sacra Congregazione de Propaganda Fide*, том 178. И не дошедшее до нас, но пересказанное в других документах некое свидетельство об освобождении из Константинополя с помощью одного друга, которое предъявлялось в начале 1650-х гг. в Швеции. При сопоставлении этих текстов обращает на себя внимание одна особенность. Акиндинов, сохраняя общую канву событий, каждый раз предлагает разные версии их развития, варьируя не только отдельные детали, но имена и круг лиц, в этих событиях участвовавших.

Наиболее близок по содержанию к тексту из РГАДА комплекс документов из Шлезвигского архива. Он включает в себя семь грамот. Первая грамота вводная. Со второй по шестую — показание спутников князя Шуйского, датированное 10 и 24 февраля 1648 г., о его жизни в плену и побеге. Седьмая грамота, написанная 24 февраля 1648 г. от имени Патриарха Сербского, Болгарского, Эпикурского Паисия, подтверждает предыдущие шесть. В грамоте из РГАДА речь шла о 28 февраля 1648 г., то есть даты не сходятся. Точнее, сходятся, но с разными именами. Тексты из архива Шлезвига и РГАДА представляют полный и краткий вариант одного сюжета, включающего в себя следующие эпизоды: пленение татарами и турками, страдания в плену, неоднократные попытки освободиться и последний удачный побег, приведший странника в Сербию. В общем виде содержание шлезвигских грамот со второй по шестую включено в первую часть документа из РГАДА.

Седьмая верительная, или заключительная грамота Патриарха Паисия об истинности выслушанных им свидетельств и подлинности личности князя Шуйского, датированная 24 февраля 1648 г. и подписанная собственноручно Патриархом, соответствует второй части документа из РГАДА, которая по существу является отдельной грамотой того же содержания, но подписанной Патриархом Гавриилом и датированной 21 февраля 1648 г. Отдельные линии сюжета, события, лица в документе из РГАДА и других актах не совпадают. Отметим основные расхождения: в первом тексте сербскими спутниками и поручителями князя Шуйского названы четыре человека — князь Николай, князь Петр Рукинский, князь Фома и дворянин Воин Перфианович.

В комплексе документов из Шлезвига спутников восемь, их имена иные, но эти четыре имени из текста РГАДА упоминаются в других документах са-

самозванца, в том числе и шлезвигских документах, при иных обстоятельствах. Князь Николай, вероятно, соответствует начальнику стражи в тексте из шлезвигского свидетельства, где он назван Николаем Райчевичем. Князь Фома — автору сохранившегося рекомендательного письма князю Фоме из Старого Агулаха, которое упоминается также в письме самозванца князю Милютину: «Да имейше нас приятеля себе от приятельства достойного Кнезе Фомы из Старого Агулаха». В.А. Мошин предполагал, что князь Фома не из шлезвигских документов, они были ему неизвестны, а из последнего письма Тимошки Акиндинова, — это некий князь Фома Рашкович. Кроме того, это имя упоминается в грамоте Шлезвигского архива, подписанной Патриархом Паисием. Воин Перфианович упомянут там как «Woinus Merniavic Palatinus et Comes Grablensis», возможно, и князь Петр Рукинский обозначен в шлезвигских документах.

Следует отметить также расхождения в именах патриархов, чьи подписи стоят под документами, предъявлявшимися Акиндиновым. В комплексе актов из Шлезвига это Патриарх Паисий, так же как и в грамоте Сербского собора, датированной 1 февраля 1648 г. Паисий умер в начале зимы 1648 г., однако до рукоположения нового Патриарха все исходящие документы подписывались его именем. Тем не менее в документе из РГАДА стоит подпись Патриарха Гавриила, который к тому времени ещё не был официально утверждён в новом сане и не мог подписывать документы своим именем.

Как видим, в сочиняемых лже-Шуйским свидетельствах использовались одинаковые имена, возможно, реально существовавших лиц и приблизительно совпадающие даты. Какая отсюда может быть мораль? Тексты, написанные самозванцами, являются не единственной, но крайне важной составляющей их стратегии. Самозванцы существуют, проявляются и формируются в образ именно в этих текстах. Тексты формируют представление об авторе документа. Самозванство — крайний случай фальсификации, когда фальсифицируются не только отдельные документы, но и сама личность. Самозванчество предлагает обществу своего рода альтернативную историю, некий возможный вариант развития событий, отработывая разные его версии, меняя детали и действующих лиц, как я отмечала ранее по отношению к деталям из текстов Акиндинова. Чем более приемлем для общества предложенный самозванцем вариант, тем более успешной оказывается карьера самозванца и более долгой его жизнь. Спасибо.

А.Е. ПЕТРОВ: Спасибо, Валерия Валериевна. В этом выступлении прозвучал чрезвычайно важный тезис о том, что «самозванство есть крайнее выражение фальсификации». Ваше сообщение отсылает нас к источниковедческой сути сегодняшнего заседания, потому что именно здесь лежит основа и наша наибольшая сила в противоборстве с таким явлением, как фальсификация. Анализ этой фальсификации XVII в. напоминает мне сеанс иллюзиониста с последующим разоблачением.

В.Д. НАЗАРОВ: У меня вопрос такого характера. Вы упоминаете всё вре-

мня пленение татарами и турками, а в зачитанном тексте упоминаются только турки, так что там с татарами?

В.В. ДУБОВИК: Я не зачитывала вам целиком грамоту, а привела отрывки, чтобы вы услышали, как она звучит. Почувствовали, насколько у грамоты странный язык. Отрывок про татар не вошёл. Когда он там был «ради всемирных дел потреб», его сначала схватили татары. Но казак Иван Веревкин поменялся с ним одеждой и остался в плену, а князь выскользнул от татар и пошёл себе дальше. Тут его схватили турки. Я просто не стала углубляться.

В.Д. НАЗАРОВ: То есть в плену, вы полагаете, он вовсе не был, это всё выдуманное?

В.В. ДУБОВИК: Я не полагаю, я точно знаю, что в плену он не был.

М.Б. КИЗИЛОВ: Среди каких-то дел в РГАДА мне попала история некоего Ивашки Вергунска, который оказался в 1660-е гг. в Крыму в пленении и там выдавал себя за сына царевича Дмитрия. Крымский хан пытался продать его в Турцию, и турки хотели его использовать в качестве идеологического оружия в грядущей войне с Россией. В результате у них ничего не вышло, но этот человек реально существовал и выдавал себя за очередного Лжедмитрия. От него никаких грамот, по-моему, не сохранилось. Вопрос: а вообще подобных лжецарей в 1640–1660 гг. много было?

В.Д. НАЗАРОВ: Много! Всё считают, считают, а сосчитать не могут. По-моему, счёт самозванцев идет на десятки.

М.Б. КИЗИЛОВ: То есть ничего уникального в этом нет?

В.В. ДУБОВИК: Каждый самозванец уникален, у каждого своя стратегия. Самое любопытное, пожалуй, то, что подделка — самозванец, имитация великого человека, князя, царевича — должна быть убедительнее, чем оригинал. Они не могут себе позволить быть менее царственными, чем сами цари. Они должны убедить своим видом, что они и есть царевичи. И насколько им это удастся, настолько длинна их жизнь. Чем меньше существовал самозванец, тем хуже он улавливал то, что хотело от него общество. Он не улавливал волну. Так же и с имитациями, подделками, фальсификатами. Бороться с ними, мне кажется, невозможно, потому что это та самая волна, которую улавливали самозванцы и которую улавливают те, кто фальсифицирует. Подделки всегда гораздо интереснее, чем скучные исторические труды. Поскольку беллетристика гораздо интереснее монографии, будут существовать беллетристические книги. Ничего уникального нет.

И.В. ЗАЙЦЕВ: Исследователи оперируют лишь одним татарским историческим текстом литовского происхождения, в котором рассказывается об истории польско-литовских татар, — «Рисале-йи Татар-и Лех» («Трактат о польских татарах»). Сочинение будто бы написано в 1558 г. неким неизвестным нам литовским татаринном, который во время хаджа остановился в Стамбуле и по просьбе тогдашнего Великого визиря Рустема-паши написал этот небольшой трактат. Поэтому его так и назвал: «Рисале» иногда можно перевести как «докладная записка» или «трактат». К сожалению, я очень долго не мог найти

этот трактат в оригинальном исполнении, наконец мне это удалось, и вот мои наблюдения над текстом, над переводом позволяют прийти к некоторым выводам, которые ставят под сомнение его подлинность.

Надо сказать, что с самого начала особых сомнений в подлинности ни у кого не возникало. Я процитирую мнение известного российского османиста Василия Дмитриевича Смирнова, который в своём исследовании о крымских ханах писал: «Автор этого сочинения — истый мусульманин и татарский патриот, душевно скорбящий об утрате его соплеменниками чистоты своей веры и национальности. «Рисале» написано на османском наречии, но слог речи обнаруживает в авторе человека, отвыкшего думать и выражаться чисто по-турецки, а всё сочинение сильно отзывается европейским образом мысли и краткостью фраз, также более свойственной языкам европейским». Впрочем, дальше этого осторожно высказанного сомнения Смирнов не пошёл и в своём исследовании довольно много цитировал «Рисале», видимо, в его подлинности особенно не сомневаясь.

Совсем недавно другой учёный, Стефан Роуэлл, тоже усомнился в подлинности этого сочинения, однако не решился утверждать этого категорически. Он опубликовал статью по-литовски, поэтому она оказалась малодоступной, а английского варианта этой статьи, насколько я знаю, нет. Что же вызвало его сомнения. Во-первых, как он пишет, «Рисале» — это первый нерелигиозный текст польско-литовских татар. «Стиль изложения скорее европейский, а не азиатский». И все сведения «Рисале» имеют параллели в текстах «Литовской метрики» либо в «Хронике» Ибрахима Печеви. В сочинении акцентируется Польша, хотя в большинстве случаев речь там идёт все-таки о Литве, к тому же странно, что патриотически настроенный по отношению к литовцам и Витовту автор текста не употребляет термин «липка», который издавна был приложим к польско-литовским татарам. Наконец, говоря о предках литовцев, автор косвенно указывает на сарматов, что вряд ли может отражать знания татарского автора середины XVI в. (напомню, сочинение 1558 г.).

К этим соображениям можно добавить ряд замечаний, которые разворачивали бы тезис Роуэлла. В частности, обстоятельства появления и исчезновения рукописи. Рукопись, по заявлению Мухлинского, была переписана в начале XVIII в., даты там нет. Судя по печати, происходила из библиотеки очень знаменитого османского библиофила Рагиба-паши, также Великого визиря, и будто бы была прислана Мухлинскому через довольно длительное время после окончания его путешествия на Восток. Он закончил путешествие в 1834 г. и больше на Восток не возвращался, правда, ездил на открытие Суэцкого канала. Прислана она была неким торговцем Эммином-эфенди, как писал Мухлинский, это был очень известный человек, книготорговец. Все мои попытки найти хоть какие-то упоминания о нём и о его книготорговле в Стамбуле не увенчались успехом. Рукопись тут же исчезла и никогда больше не всплывала, никаких факсимиле в своих публикациях Мухлинский не давал.

Рукописей польско-литовских татар довольно много, и хранятся они в

разных собраниях мира, от Казани до Великобритании, но датированных нет. Древнейшая датированная — 1631 г. Никаких рукописей исторического содержания, даже кратких записей, от этой традиции не сохранилось, они все религиозного содержания — переводы, комментарии Корана. Язык сочинения, как указывал в своё время Смирнов, также крайне подозрителен. Он совершенно не совпадает с тем языком, который употребим на территории постзолотоордынских государств, и не отвечает ни османской исторической традиции, ни исторической традиции, сложившейся в то время в Крыму, или известных нам исторических памятников, бытовавших на территории Казани и Касимовского царства.

Кроме того, формы некоторых топонимов, которые упомянуты, подчёркиваю, в оригинальном тексте, а не в переводе, также весьма подозрительны. Присутствуют калькирования славянских топонимов в тюркском тексте. Например, «новогрудок» почему-то переводится как «Енишехир», что правильно, но ни в одном тексте польско-литовских татар того времени такое калькирование не встречалось. Громоздкое сочетание «Курси-йи мемлекет» для обозначения Вильны скорее выдаёт знания хорошо образованного востоковеда своего времени, нежели человека, который действительно писал сочинение в середине XVI в.

Особого внимания заслуживает близость текста Ибрахима Печеви, его знаменитой «Истории», и трактата, который опубликовал Мухлинский. Невозможно предположить, чтобы Ибрахим Печеви, живший, судя по его нисбе, в Пече (Венгрия), был знаком с текстом этого сочинения. По всей видимости, текстологическая взаимосвязь между двумя сочинениями обратная. Интересно, что в библиотеке Мухлинского текст «Истории» Печеви был, он на него неоднократно ссылался. Видимо, тут необходимо искать корень соотношения двух этих текстов. Язык того древнейшего памятника, который дошёл от польско-литовских татар, — это так называемый «Аль-Фуркан Татарский», опубликованный в 2004 г., — совершенно не совпадает с языком «Рисале». Поскольку Мухлинский об этом памятнике не знал, можно сделать осторожный вывод о том, что сочинение было написано не в середине XVI в., а гораздо позже. Наконец, идейная направленность текста сомнений не оставляет. Основная идея и текста, и перевода, несколько более тенденциозного, такова, я процитирую: «Мудрая предусмотрительность литовских государей наделяла татар землями, покровительствовала их вере, в последствие времени сравнивала их с туземными дворянами, избавив от всех почти налогов. Для тогдашней современной эпохи это было дело большой смелости и ума высшего, крепкого. Татары же, со своей стороны, умели отплатить за эти благодеяния признательностью и верностью тому краю, в котором они были приняты не как пленные невольники, а как братья».

Мне представляется, что Мухлинский как ревностный католик и большой патриот Польши много занимался проблемами национальных меньшинств в крас — в частности, в 1851, 1852 и 1856 гг. он по поручению правительства

исполнял там функцию инспектора еврейских школ в Минской, Виленской, Ковенской губерниях. В 1860 г. он являлся членом государственной комиссии по делам караимов. Видимо, в его общественной позиции и деятельности по управлению национальными меньшинствами в крае и следует видеть причины создания этого памятника. Он не верил в успех ассимиляционной политики империи по отношению к евреям и предлагал разнообразные проекты религиозного образования. В своих трудах, посвященных татарам, он пытался выразить некий идеал отношений большинства к тому религиозному меньшинству, которое представляли собой польско-литовские татары уже в его время. Постоянно подчёркивал преданность и татарам, и Польше, утрату языка и сохранение религии, которая никогда не конфликтовала с католицизмом. Интересно, что сам «автор» «Рисале» также подчёркивает эту еврейскую тему, говоря о том, что татары, которые верно служат, беднеют, а евреи, которые никогда не были хорошими гражданами, богатеют.

Из этого следует, что трактат в том виде, в котором он был переведён и опубликован Мухлинским, — прекрасный материал, чтобы представить Польшу минувших времён образцом толерантности по сравнению с Московским государством и империей, в которой Мухлинскому приходилось жить.

О.Л. БЕССМЕРТНАЯ: Вопрос о соотношении этих двух интересов — к татарам и к евреям. Получается ли, что трактат по сути антисемитский, то есть это некий контраст по отношению к положению еврейского населения? Как вообще соотносятся эти два интереса?

И.В. ЗАЙЦЕВ: Ну, об антисемитизме я бы говорить не стал, потому что в тексте, кроме этой ремарки «автора», сетующего на бедность татар, ничего особенного нет.

О.Л. БЕССМЕРТНАЯ: Я имела в виду по задачам.

И.В. ЗАЙЦЕВ: Если предельно упростить, то в тексте мы видим прекрасный пример того, как готовое вернослужашее меньшинство мирно уживается и пытается идти на некие компромиссы. С другой стороны, еврейская ассимиляция не приносит никаких плодов.

О.Л. БЕССМЕРТНАЯ: А как это соотносится с мусульманской политикой империи, в которой вовсе не было такой умиротворённости с точки зрения государственных чиновников?

И.В. ЗАЙЦЕВ: Ну почему, в Польше-то она как раз была. Дело в том, что после присоединения польских земель эти татары действительно сохранили все льготы...

О.Л. БЕССМЕРТНАЯ: Но на это сообщество не могли не влиять тенденции, которые были в центре? А там эти отношения переставали рассматриваться как мирные.

И.В. ЗАЙЦЕВ: Поэтому автор и рисовал Польшу как некий идеал взаимоотношения меньшинства и государственной власти. Я планирую заняться ещё текстуальной критикой, потому что мне кажется перспективным сравнение текстов Печевы и этой предполагаемой подделки. Там есть слова, которые

в XVI в. просто не могли существовать. А Мухлинский этого не мог знать, потому что был, конечно, профессиональным тюркологом, но далеко не все тексты XVI в. в то время были известны. Если мы сравним текст «Рисале» с хрестоматийными памятниками XVI в., известными нам, например с «Тарих-и Сахиб Герай», созданной в 1551 г. (предполагася дата создания «Рисале» отстоит всего на семь лет), то увидим, что по языку там нет ничего общего. Мне кажется, это достаточно сильный аргумент.

И вообще, если мы возьмем историческую традицию даже XVII в. (там есть один, касимовский по происхождению, памятник 1600 г., ссть огромное количество крымских текстов XVII в., созданных под османским влиянием), мы увидим, что ничего общего этот текст с ней не имеет. А должен бы иметь.

О.Л. БЕССМЕРТНАЯ: Мне показались очень убедительными ваши доводы в пользу того, что этот памятник является подделкой, а вот мотивировка? Здесь могут быть очень интересные изыскания.

И.В. ЗАЙЦЕВ: Да, безусловно, над мотивировками надо ещё поработать, но я далёк от окончательных выводов, скорее это сомнения, порождённые чтением памятника и литературы, которая вокруг него возникла. Ни один человек, ссылавшийся на трактат, не читал его в оригинале. Все ссылаются на перевод Мухлинского. Но если сравнить перевод с оригиналом, мы увидим там некую тенденциозность. Вероятно, текст был создан, что-то его не устроило, и когда он переводил на русский язык, некоторые моменты специально педалировал. Он хотя и был первоклассным специалистом, даже в переводе попытался что-то изменить в концепции. Спасибо.

С удовольствием предоставляю слово гостю из Оксфорда Михаилу Борисовичу Кизилу, который нам расскажет о кровной мести, которой, по его мнению, не было. И о взаимоотношениях двух людей, казака и караима: Ильяша Караимовича и Тимофея Хмельницкого.

М.Б. КИЗИЛОВ: Спасибо, Илья. Моё сообщение представляет собой такой *case study* тюркологической фальшивки. Она была сделана, как это ни парадоксально, не тюрком, а евреем, точнее, караимом. Виктор Александрович Шнирельман говорил в своём выступлении, что в какой-то момент в интересах националистических идеологий возникает потребность в создании мифологии о героических защитниках этого этноса. Документ, о котором я говорю, — это мифологема о караимском полковнике Ильяше Караимовиче, причём сам Караимович в этом фальсифицированном тексте не упоминается, но из комментариев фальсификатора явствует, что именно он является центральной фигурой этого текста.

Автор фальсификации — Серая Бен Мордехай Шапшал (его российское имя — Сарай Маркович или Сергей Маркович Шапшал) родился в Бахчисарае в 1873 г. и был представителем местной караимской общины. Караимы — это крымские и восточноевропейские тюркоязычные евреи, не признававшие учения Талмуда.

Шапшал был востоковедом, дипломатом, героем нескольких художе-

ственных рассказов, главой восточноевропейской караимской общины. Он умер уже в советское время, в 1961 г., прожив бурную и полную удивительных приключений жизнь. Практически сразу после окончания в 1901 г. факультета востоковедения Санкт-Петербургского университета он был отправлен в Персию в качестве учителя при сыне шаха, вернее, чтобы совмещать педагогические функции с ведением агентурной деятельности по поручению российского МИДа. В 1908 г., используя своё политическое влияние, Шапшал был одной из главных фигур, подавивших конституционное восстание в Персии. Позднее, после революции, он бежал в Турцию, а потом в Речь Посполитую. В 1927 г. он был избран на пост Троцкого гахама — главы польской караимской общины. Проживая в Вильне (Вильнюсе) с 1928 г., Шапшал нашёл общий язык с польской, литовской, нацистской и, наконец, советской администрацией, закончив свой жизненный путь в качестве сотрудника Литовской академии наук.

С 1896 г. вплоть до последних лет своей жизни Шапшал занимался собирательством антиквариата, рукописей, монет, предметов истории и культуры, а также написанием в той или иной степени академических работ. Следует отметить, что в тюркологической, а особенно в караимской среде бытует крайне почтительное, если не сказать апологетическое отношение к Шапшалу.

На мой взгляд, большинство из его научных трудов, посвящённых истории караимов, не выдерживает строгой академической критики, и более того, несколько опубликованных документов являются прямыми фальсификациями. Мне хотелось бы представить центральную фальсификацию Шапшала — псевдоисторический документ, связывающий Тимофея Хмельницкого, сына казачьего гетмана Богдана Хмельницкого, с переяславским полковником Ильяшом Караимовичем и караимами Чуфут-Кале. Текст этот был напечатан Шапшалом в 1955 г., через два года после смерти Сталина и за год до XX съезда КПСС, в «Вопросах истории» — одном из крупнейших советских академических журналов. В колонке «Заметки и письма» им было опубликовано сообщение под названием «О пребывании Богдана Хмельницкого и его сына Тимофея в Крыму». В нём Шапшал пишет об обнаружении им на полях венецианского караимского молитвенника 1528 г. записей на татарском языке о пребывании Тимофея Хмельницкого в заложниках у крымского хана Ислам Гирея в 1648 г. Мне хотелось бы зачитать сам текст фальшивки и дать некоторые комментарии.

Текст начинается следующим образом: «После того как живший около базара в доме Аветик Оглу (Аветик Оглу — некий местный армянин. — *М.К.*) глава казаков — гетман Богдан Эхмильниский (Хмельницкий. — *М.К.*) вернулся к Днепру, его Величество Ислам-Гирей Хан послал к нам через Сююн-агу приказ, чтобы мы содержали в нашей крепости сына его Тимиша (Тимофея Хмельницкого. — *М.К.*) в качестве аманата (заложника. — *М.К.*). Когда мы, ударив челом, сказали, что не можем принять Тимиша, Сююн-ага, рассердившись, сказал: «Вы, не боясь, приказ сановного Хана бросаете на землю и противитесь ему. Так знайте же, что до Балта емезу дотронется топор» («Балта

емез» — термин, обозначающий караимское кладбище, придуманный самим Шапшалом; на самом деле оно называлось «кладбище в Иосафатовой долине»; «знайте же, что к Балта емезу дотронется топор» — имеется в виду к деревьям, растущим на этом кладбище. — *М.К.*) Так сказавши, он разгневался и отъехал. На сердце общины (караимской общины. — *М.К.*) пало великое уныние. Потом старый Эрби (имеется в виду Рабби, религиозный лидер. — *М.К.*) вместе с Ходжашем и Тохтамышем, сев на коней, догнали у Салачика Сююн-агу и сказали: «Сююн-ага, ты ведь знаешь, что мы всегда послушны приказу Хана-батюшки, но ведь мы с этими казаками канлы («канлы» означает в состоянии кровной мести. — *М.К.*). Мы боимся, чтобы наша молодежь, сцепившись с этим сыном гяура, не произвела кровопролития».

Это само по себе интересно, поскольку ни один из доступных источников (а их тысячи), повествующих о религиозных практиках и этнографических обычаях древних караимов, не упоминает о наличии у них кровной мести. Практика кровной мести, присущая некоторым мусульманским и немусульманским народам, была практически неизвестна даже крымским татарам, а уж тем более совершенно чужда иудеям-караимам.

Упомянутый в тексте топоним для обозначения караимского кладбища в Иосафатовой долине возле города Чуфут-Кале в Крыму — Балта емез (в переводе с татарского — «топор не коснётся») также не встречается ни в одном историческом документе XVIII–XX вв. Впервые его упоминает в 1930-е гг. всё тот же Серайя Шапшал. Нет никаких сомнений, что он этот топоним и придумал. Другие мелкие детали также представляются совершенно псевдоисторическими. Некий загадочный Эрби-Рабби, почему-то анонимный. В любом еврейском тексте обязательно Раб Серайя, например, как Шапшала называли в тексте. Сказать Эрби — это ничего не сказать. Почему два других караима, упоминающихся в тексте, носили примечательные тюркские имена Ходжаш и Тохтамыш. Мы знаем из других источников, что 95% караимов носили библейские имена, то есть древнееврейские. Чтобы два лидера общины носили тюркские имена, такое практически невозможно.

Сююн-ага, сановник Ислам Гирея, также не упоминается ни в одном аутентичном крымско-татарском документе. Сомнение вызывает тот факт, что документ был написан на татарском языке, потому что в XVII в. караимы использовали для исторических надписей, переписки, создания теологических трактатов исключительно древнееврейский язык, иврит. Общие соображения недвусмысленно говорят, что такой документ не может быть аутентичным. Тем не менее я искал какие-то более конкретные подтверждения того факта, что именно Шапшал сфальсифицировал этот документ. И нашёл их в личном дневнике Шапшала во время работы в архивном фонде самого Шапшала в рукописном отделе Библиотеки Литовской академии наук в Вильнюсе. Лицевая сторона его дневника содержала вызвавший мой интерес документ на крымско-татарском языке еврейской графикой. Нет никаких сомнений в том, что это фальшивка, написанная рукой самого Шапшала. Никаких сомнений и

в том, что он сам этот документ придумал.

О мотивах фальсификации можно говорить долго. Забавно, что она опубликована в 1955 г. Если помните, 1954 г. — это 300-летие Переяславской Рады и год, когда Никита Хрущёв подарил Крым ныне «незалежной» Украине. Думаю, что введение Крыма и крымских караимов в украинский контекст и побудило Шапшала опубликовать этот документ. Писал он его, по всей видимости, раньше, а опубликовал в этом году, чтобы напомнить украинской, русской, советской публике, что есть такой народ — караимы и их роль в украино-казацкой истории тоже достаточно велика. В завершение хотелось бы сказать, что сюжет о мнимой попытке поселить Тимофея Хмельницкого в Чуфут-Кале, хотя и немногие на него купились, тем не менее вошёл даже в серию ЖЗЛ. Вышедшая в 1989 г. биография Хмельницкого описывает этот сюжет как истинный.

Этот документ необходимо вычеркнуть из истории запорожских казаков и крымских караимов как несомненную фальшивку. Тимофей Хмельницкий, видимо, никогда не был в Крыму. Караимы никогда не отказывали крымскому хану в попытке поселить в Чуфут-Кале знатных узников, а убитый в 1648 г. Ильяш Караимович никогда не поддерживал отношений с местной караимской общиной и вообще, по всей видимости, не был караимом. Спасибо за внимание.

И.В. ЗАЙЦЕВ: Меня совершенно не удивляет, что автором этой подделки был Шапшал. Зная его жизненный путь, занимаясь его личностью, практически постоянно сталкиваешься с его попытками каким-то образом реконструировать действительность, исходя из своих соображений о ней. Это касается даже его собственной жизни. Небольшой комментарий относительно публикации 1955 г. Я изучал его переписку с академиком Гордлевским, которая началась, когда война ещё не закончилась, а Вильнюс уже был освобождён, где-то в апреле 1945 г. По его письмам видно, как он стремится стать частью теперь уже советской научной элиты, публиковать свои статьи в научных журналах. Он неоднократно посылал материалы Гордлевскому, тот по каким-то причинам их отвергал, хотя они давно друг друга знали. Поэтому публикация 1955 г. — это скорее венец его страстного желания вернуться в большую науку, от которой он был долгое время оторван.

Спасибо большое. Но мы не бросаем караимскую тему. Я передаю слово Артёму Федорчуку из Института славяноведения Российской академии наук, который нас познакомит с подделками Авраама Фирковича надгробных памятников караимов.

А.М. ФЕДОРЧУК: Дорогие коллеги, у нас получается такой тюркско-еврейский, а точнее, караимский блок. Я буду говорить про другого великого крымского фальсификатора, про Авраама Фирковича, который тоже прожил очень долгую жизнь. Он родился в Луцке в 1787 г. и умер на Чуфут-Кале в 1874-м, их жизнь вместе с Шапшалом охватывает практически два века: от Екатерины до полёта Гагарина. За два века эти люди сотворили (хотя Шапшал

во многом и противоречил Фирковичу) абсолютно новую историю того, что в момент рождения Фирковича было небольшой, весьма интересной еврейской общиной, я имею в виду крымских караимов, а к моменту смерти Шапшала и тем более к нынешнему времени стало уже «автохтонным крымским народом», «потомками хазар».

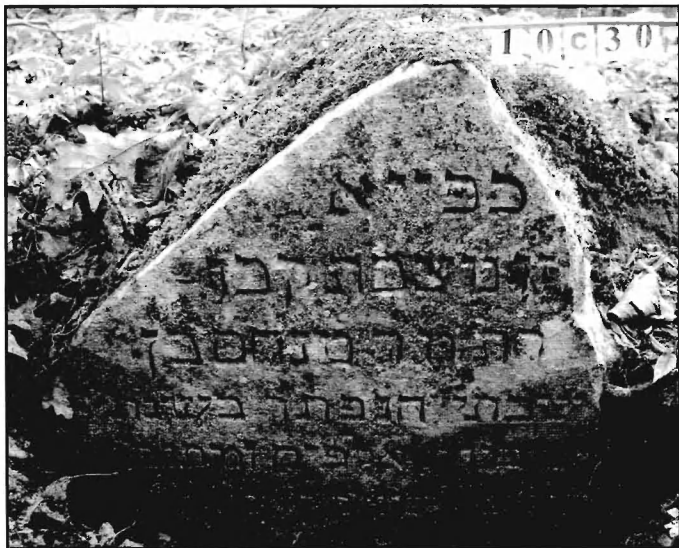
Надо отметить, что Фиркович, несмотря на все его подделки, действительно был одним из величайших персонажей еврейской, и не только еврейской истории XIX в. Он практически первым начал собирать еврейские рукописи. Собранный им коллекция — одна из двух крупнейших коллекций еврейских рукописей — сегодня хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Значительную часть своей жизни, с 1839 г., когда у российского правительства возник вопрос о происхождении караимской общины, и вплоть до своей кончины, Фиркович считал основной задачей доказать, что именно караимы были «истинными евреями». Здесь одна очень важная вещь: когда сейчас говорят о хазарском происхождении караимов, то иногда тоже валят на Фирковича. Но это неправда. Для Фирковича караимы всегда оставались евреями, но правильными и настоящими. Основная задача в том и состояла, чтобы доказать царскому правительству, что они, в отличие от «плохих» евреев, с которыми правительство и так знало как обращаться, как раз евреи «хорошие» и с ними надо обращаться иначе.

Для этого Фиркович фальсифицирует несколько десятков колофонов на найденных им еврейских рукописях. Ещё раз замечу, что сами рукописи, действительно ценнейшие, Фиркович не подделывал никогда, кроме, возможно, одного случая. Но что касается приписок, то их он сочинил довольно много. Его «система древностей» основывается в первую очередь на двух документах, один из которых является расширенной копией второго, найденных им в 1840 г. в нынешнем Дагестане, в Дербенте и Маджалисе соответственно. В них излагается история, согласно которой предки крымских караимов якобы были в VIII в. во время ассирийской осады северного израильского царства угнаны в Месопотамию, прожили там два века, не ассимилировавшись. Это ещё один пример упоминавшихся здесь Виктором Александровичем и Михаилом Борисовичем историй про героических предков. Согласно документу, найденному Фирковичем, в VI в. до христианской эры предки крымских караимов победили скифскую царицу, отомстив ей за смерть персидского царя Кира. После чего в благодарность царь Камбис отдал им страну Крым, где они и поселились в ряде городов, среди которых помимо Чуфут-Кале был город Коршун или Корсун (в иврите «шин» и «син» могут читаться одинаково и пишутся одинаково). Блестящий пример народной этимологии или этимопозтики: Авраам Фиркович производит название Корсун от имени персидского царя Кира, который в еврейской традиции называется Кореш. Так или иначе, в VI в., согласно Фирковичу, предки караимов поселились в Крыму. Таким образом доказывается главное: в I в. они не были в Святой земле, не принимали участия в печальных событиях, которые там развернулись, и не несут ответственности

за события, которые во всем христианском мире ставились евреям в упрек.

В дальнейшем, согласно концепции Фирковича, предки крымских караимов продолжают жить в Крыму и в VIII в. обращают в караимскую версию иудаизма хазар. Могилу человека по имени Исхак Сангари, согласно еврейским средневековым источникам обратившего в иудаизм хазар, Авраам Фиркович «нашёл» на кладбище в Чуфут-Кале. Надпись, к сожалению, была спилена. Она не сохранилась. Фиркович действительно добивается своей цели: уже при его жизни, в 1862 г., караимы были реабилитированы, с них окончательно сняты все ограничения, которые накладывались на евреев. Им даны полные права, которые имело православное население империи.

Помимо фальсификации приписок к рукописям Фиркович занимался фальсификацией надгробных камней на караимском кладбище в Чуфут-Кале, которое действительно в XIX в. называлось Иошафат, или Иосафатова долина, поскольку члены караимской общины, побывавшие в Иерусалиме, отмечали его потрясающее сходство с настоящей Иосафатовой долиной под Иерусалимом, где расположено одно из древнейших еврейских кладбищ. Согласно Фирковичу, древнейшее надгробие на кладбище в Чуфут-Кале относится к 6 г. христианской эры. На памятниках, опубликованных Фирковичем в 1872 г. в его книге «Сефер Авнэ-Зиккарон» — «Книга памятников сынов Израиля», встречаются интересные вещи. Там есть три не известные более нигде системы летоисчисления. Сведения, которые Фиркович «находил» на надгробиях, очень хорошо коррелировали с теми сведениями, которые он «обнаруживал» на приписках к рукописям. Сначала, он «находил» приписку, в которой рассказывается про какого-то человека, потом «находил» на кладбище в Чуфут-Кале его могилу, и наоборот.

Надгробие на караимском кладбище в Чуфут-Кале

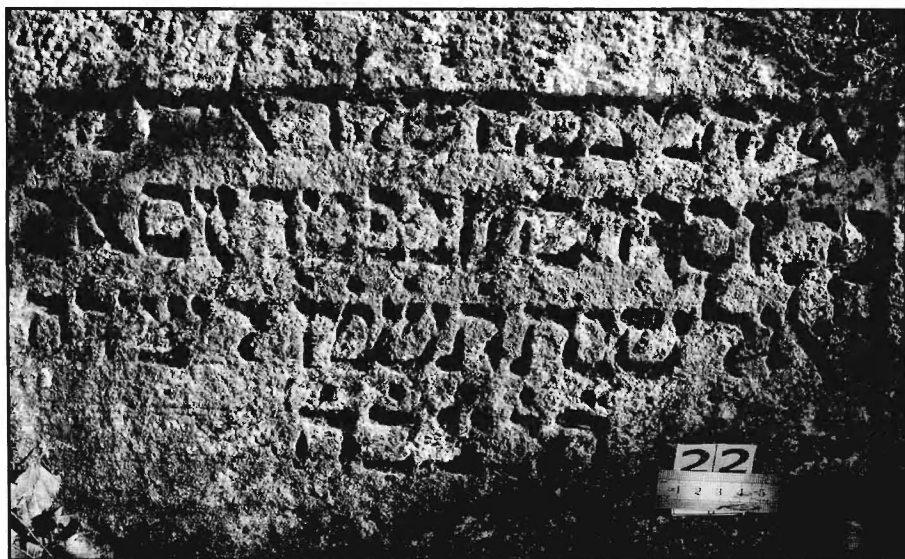
Дискуссия вокруг открытий Фирковича продолжалась полтора столетия, у её истоков стояли два виднейших российских гебраиста. Даниил Хвольсон, который был первым профессором еврейской-сирийской-халдейской словесности на восточном факультете Санкт-Петербургского университета как раз в ту пору, когда деканом там был герой предыдущего доклада.

И.В. ЗАЙЦЕВ: И который закончил Серая Маркович Шапшал в 1901 г.

А.М. ФЕДОРЧУК: Совершенно верно. Серая Маркович был учеником Даниила Абрамовича. И Хвольсон как раз был основным адвокатом Фирковича. А его оппонентом был второй величайший русский гебраист — Авраам Гаркави, который весьма убедительно доказывал многочисленные подделки Фирковича. Эта дискуссия продолжалась очень долго. Хотя сейчас в научной среде нет сомнений в том, что Фиркович всегда был фальсификатором, тем не менее национальное самосознание нынешних крымских караимов, пройдя ещё через век, пройдя через Шапшала, относится к этому иначе. На самом деле их это спасло. Шапшал доказывал, что они вообще не были евреями, а были потомками хазар, в результате большинство крымских караимов избежало той ужасной судьбы, которая постигла еврейское население Восточной Европы в годы нацистской оккупации. Нацисты признали, что они не евреи, а турки. В настоящее время они продолжают развивать всевозможные завиральные идеи, о которых можно много говорить, основывающиеся на, казалось бы, давно опровергнутых идеях Фирковича и Шапшала.

Одна из основных задач, которая стояла перед исследователями все эти годы, — полное описание кладбища в Чуфут-Кале, поскольку Фиркович в своё время опубликовал 564 эпитафии, начиная с VI в. Единственным способом окончательно решить эту проблему было проведение полной инвентаризации, описания кладбища в Чуфут-Кале, что и было сделано международным коллективом, состоящим из исследователей и студентов. Несколько десятков человек принимали участие в этой большой работе на протяжении последних лет. Сейчас полевые работы практически завершены. Мы описали все надгробные памятники кладбища в Чуфут-Кале и теперь можем точно сказать, какова была реальная ситуация. Древнейшие памятники на Чуфут-Кале относятся к 1364–1387 гг. Как Фиркович фальсифицировал надписи? Это поразительно просто: прибавление нижней горизонтальной перекладинки к изначальной букве «хэй» (по еврейской традиции даты изображаются буквами еврейского алфавита) удревяет дату на 600 лет. Сейчас я, наконец, точно могу назвать общее количество фальсифицированных Фирковичем надгробий. В общей сложности из 3400 сохранившихся эпитафий на кладбище в Чуфут-Кале Фиркович сфальсифицировал около 200. На примерно 130–140 из них использовался способ, о котором я упомянул: два удара остриём по известняку, а известняк — камень достаточно мягкий, и надпись на 600 лет старше. Остальные несколько сложнее. Иногда он ставил дополнительные точки в хроностихах. Буквально с десяти у нас есть некоторые вопросы, потому что не сохранились оригинальные эпитафии. Они были спилены — часть Фирковичем, часть Хвольсоном, — уве-

жены в Санкт-Петербург и погибли. Сохранились только копии, поэтому мы буквально в нескольких случаях не можем сказать точную дату, но кладбище действительно берёт своё начало с XIV в., таким образом, являясь древнейшим из сохранившихся еврейских кладбищ на территории Восточной Европы, что тоже очень неплохо.

Надпись на надгробии на караимском кладбище в Чуфут-Кале
со следами фальсификации

А.Е. ПЕТРОВ: Артём Михайлович, вы представили очень интересную информацию. Но мне любопытно, если некий человек прорезал две косые чёрточки, насколько точно удаётся идентифицировать, что эта подделка связана с конкретным лицом? Я понимаю, что должен быть какой-то механизм идентификации этих чёрточек и фиксации их, наверное, и раньше был?

А.М. ФЕДОРЧУК: С конкретным лицом — вы имеете в виду с Фирковичем? Действительно, одна из версий, которая выдвигалась и продолжает выдвигаться: а вдруг это не он? На самом деле, у нас есть основания полагать, что эту работу начал ещё учитель Фирковича — Мордехай Султанский. Потому что есть упоминания 1833 г. об одном надгробии на Чуфуте, одном надгробии на Мангупе, которые, видимо, были переделаны. Но что касается подавляющего большинства, то здесь можно сказать стопроцентно, потому что в 1998 г. я нашёл в личном архиве Фирковича его черновики, написанные за 25 лет до публикации книги. Это показало сравнение черновиков с печатным текстом «Авнэ зиккарон» и с тем, что мы имеем сейчас. Нет времени приводить здесь все примеры и показывать, как всё происходило. Но после этого уже никаких сомнений не осталось, что по крайней мере 95% этих фальсификаций — дело рук Фирковича. Может быть, также его зятя Гавриила, который помогал Фир-

ковичу в его титанической работе.

А.Е. ПЕТРОВ: Так это, выражаясь языком милицейских протоколов, «преступная группа»?

А.М. ФЕДОРЧУК: Ну, преступная... Я бы не стал судить его так строго, поскольку я не уверен, что к Фирковичу можно подходить с нашими нынешними представлениями об исторической правде. Здесь очень много вопросов, как психологических, так и прочих.

А.Е. ПЕТРОВ: Полностью с вами согласен.

В.А. ШНИРЕЛЬМАН: Артём Михайлович, вы сказали, что сейчас продолжается традиция развития этого великого мифа вслед за Фирковичем и Шапшалом. Кто её продолжает? Есть ли у караимов свои профессиональные историки, это они делают или же просто интересные?

А.М. ФЕДОРЧУК: Профессиональных историков, насколько я знаю, в современной караимской общине нет. Крупнейшим специалистом в нынешней крымской караимской общине является академик Крымской академии наук Юрий Александрович Полканов, доктор геолого-минералогических наук, он гидрогеолог. Их основной нынешний теоретик. Пишет он много всего интересного, опять же боюсь, что на пересказ его творений не хватит никакого времени. Это всё действительно очень интересно и забавно.

И.В. ЗАЙЦЕВ: Спасибо, Артём Михайлович. С сожалением оставляя гебраистическое поле, переходим к чистой тюркологии. Я предоставляю слово Александру Дмитриевичу Васильеву, который нам расскажет о некоторых спорных моментах в современной турецкой историографии, в частности об отношениях России с государствами Центральной Азии.

А.Д. ВАСИЛЬЕВ: Тема традиционных связей государств Центрально-Азиатского региона и Османской империи стала после распада Советского Союза особенно популярной в исследованиях турецких историков. Как правило, турецкие историки в своих работах обосновывали необходимость активного сближения не только новых независимых государств тюркского мира, но и тюркоязычных регионов России с Турцией. Ими неоднократно подчёркивалось политическое влияние Османской империи на становление местной государственности. Наиболее радикально настроенные турецкие исследователи, используя тенденциозно подобранные архивные материалы и литературу, достаточно последовательно изображали Россию в качестве нового врага всех тюркских народов и доказывали необходимость создания политических союзов под эгидой Турции. Особое внимание уделялось при этом тому, что правители центральноазиатских ханств и постзолотоордынских государств обращались к османским султанам с просьбами и предложениями о союзе и материальной помощи. Однако турецкие историки ссылались в основном на материалы из турецких архивов и работы зарубежных исследователей Туркестана, которые были крайне тенденциозны. При этом ими допускались многочисленные фактические ошибки и приводились искажённые сведения. Так, например, в недавнем исследовании турецкого историка Аллаятдина Ялчин-

кая, которое посвящено присоединению Средней Азии к России, указывается, что русские взяли под контроль все посёлки Бухарского Эмирата, что неверно, поскольку Бухарский Эмират продолжал пользоваться внутренней самостоятельностью. Были лишь запрещены самостоятельные взаимоотношения с правителями других государств.

В той же работе утверждается, что в период завоевания Средней Азии русские войска полностью состояли из армян и грузин. Это весьма забавно. Непонятно, откуда у автора такие сведения, никаких ссылок на источник я не обнаружил. Турецкими авторами постоянно подчёркивается, что Кашгарское ханство в 70-х гг. XIX в. стало в европейском смысле этого слова «современным» государством региона. Это неверно, поскольку вся модернизация свелась к приобретению оружия в Османской империи.

В других работах турецких историков сообщается о многочисленных русских шпионах, которые приняли ислам и занимали достаточно высокие посты при дворе эмира Бухары и кокандского хана. На самом деле это были русские пленные, которые приняли ислам и благодаря профессиональным навыкам и умению обращаться с современным оружием сумели занять высокое положение при дворе среднеазиатских правителей. Неточен также кочующий из одной работы в другую вывод турецких историков о том, что именно связи с Османской империей стали причиной запрета самостоятельных внешних сношений бухарскому эмиру и кокандскому хану. Кроме того, есть множество фактологических ошибок, например неверная дата образования Русского политического агентства в Бухаре. Приводится 1873 г., хотя в действительности это был 1886 г.

Зачастую утверждается, что Якуб-бека, который организовал своё государство в Кашгаре, обожало население Восточного Туркестана. При этом приводится ссылка на его письма к турецкому султану Абул-Азизу, в которых говорится о прекрасном отношении местного населения к Якуб-беку. Однако это не совпадает с теми свидетельствами, которые оставили нам русские и английские дипломаты, путешественники, побывавшие в это же время в Кашгаре.

Одним из известных турецких историков, ведущих исследования по новой и новейшей истории Средней Азии в Турции, является бывший директор Ата-тюрковского общества языка и истории Мехмед Сарай. Он постоянно пишет о политике насильственной христианизации и русификации в Туркестане, однако конкретных примеров христианизации не приводит. Во многих его работах также наличествует большое количество фактических ошибок. Например, сообщается о том, что Ташкент был захвачен русскими войсками при помощи подкупа, хотя очевидцы сообщают, что был штурм, а подкупа не было.

Мехмед Сарай в своих исследованиях акцентирует внимание читателя исключительно на негативных аспектах присоединения данных территорий к России, полностью отрицает роль России в отмене рабства, работорговли, в развитии местной промышленности, сельского хозяйства, культуры, образования. В 2003 г. вышла его новая работа, в которой он повторяет старые

ошибки. Например, на странице 17 говорит, что Россия в середине XIX в. не предприняла никаких усилий для установления дружеских дипломатических отношений с государствами Средней Азии. Но как раз в 1858 г. была предпринята дипломатическая миссия Игнатьева в Бухару и Хиву, в задачу которой входило установление дружеских контактов с местными правителями. В своих работах Сарай, как правило, приводит большое количество документов, однако в вольных переводах, не соответствующих действительности. У Мехмеда Сарая присутствует практически полный пересказ писем и отсутствует анализ их содержания. Я в прошлом году сумел ознакомиться с материалами, на которые ссылается Мехмед Сарай, в османском архиве кабинета премьер-министра Турции, и мне стало очевидно, что некоторые фрагменты он добавляет в переводы от себя. Так, например, в одном из переводов писем Якуб-бека Кашгарского к султану Абдул-Азизу говорится, что более 60 тысяч китайцев предприняли вторжение в Кашгар. Однако в оригинале речь идёт о 6 тысячах. В переводах последующих писем Мехмед Сарай говорит, что 80 тысяч китайцев не могут держать под контролем пятимиллионное население Восточного Туркестана. В оригиналах про численность китайцев и численность населения ничего не говорится.

Можно сказать, что на сегодняшний день в Турции сложилась определённая концепция исключительно негативного описания и искажённой оценки бытования тюркских народов в составе как царской России, так и Советского Союза. Таким образом, осуществляется попытка создания альтернативной истории и фальсификации действительности с целью обосновать свои претензии на роль лидера для тюркоязычных государств СНГ. Также я хотел отметить, что на многочисленных конференциях, посвящённых этой теме, которые проводятся в Турции и государствах СНГ не только турецкими официальными организациями, но и частными общественно-политическими объединениями, подобная тенденциозная направленность докладов является преобладающей. К сожалению, российские историки-востоковеды из-за такого необъективного подхода и зачастую непрофессионального уровня докладов, как правило, отказываются от участия в этих конференциях. Таким образом, эта фальсификация не получает опровержения. Спасибо.

З.В. КАНАНЧЕВ: Известно ли вам о так называемом фонде Алп Арслана Тюркеша?

А.Д. ВАСИЛЬЕВ: Да, конечно.

З.В. КАНАНЧЕВ: Он финансирует исследования в области тюркских народов. Здесь не говорилось ещё об одной проблеме, над которой работают огромные институты, — это проблема эпоса «Деде Коркут» — «Повесть нашего деда Коркута». В Азербайджане праздновалось 1300-летие данного эпоса, а почти одновременно в Туркмении — его 1500-летие. И это поддерживали, естественно, государственные власти как этих республик, так и турецкие. Это очень серьёзный вопрос, население этих стран в конечном итоге формирует своё мнение на основе таких учебников и таких статей.

И.В. ЗАЙЦЕВ: Согласен. Но Туркменистан — это вообще отдельная тема. Я позавчера вернулся из Ашхабада. Они там в скором времени собираются праздновать 2500-летие Ашхабада.

И.В. КАНАНЧЕВ: Мы говорили на эту тему. Сегодня мне как раз сказали: Азербайджан — это всё-таки не Туркмения. Я сказал: ну какая разница, вас повесят или вас помилуют и расстреляют. Тут один и тот же подход. В крайнем случае подмена только дат — на 200 лет раньше, на 200 лет позже, кто умудрится дальше удреветься.

В.А. ШНИРЕЛЬМАН: Я хочу попросить Муртазали Серажудиновича Гаджиева из Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра рассказать об очень интересной фальшивке, которая последние лет пятнадцать ходит в Дагестане, особенно в лезгинской среде. Это «Алупанская книга», или «Албанская книга». Пожалуйста.

М.С. ГАДЖИЕВ: Письменность Кавказской Албании, согласно исторической традиции и сведениям Корюна, Хоренаци и Мовсэса Каланкатваци, была разработана в начале V в. известным армянским религиозным деятелем, просветителем Месропом Маштоцем и священником и переводчиком албаном Бениамином с позволения албанского царя Асвагена и епископа Иеремии. По данным письменных нарративных источников, в Албании были открыты школы для обучения новому письму, на албанском языке была создана учебная религиозная христианская литература, велась официальная переписка. Памятники самобытной албанской письменности, в существовании которых исследователи не сомневались, долгое время считались безвозвратно утерянными, пока в 1937 г. профессор Илья Абуладзе не обнаружил в армянской рукописи XV в. в Матенадаране албанский алфавит, приведённый в тексте наряду с другими алфавитами.

Спустя 10 лет при раскопках в Мингечауре под руководством Казиева был найден первый памятник албанской письменности — каменный алтарный постамент под крест с надписью по бордюру. Вскоре при раскопках были найдены ещё шесть кратких текстов на различных предметах, относящихся к VI–VIII вв. Однако дешифровка подлинных аутентичных памятников албанской письменности была затруднена рядом объективных причин, которые обусловили существовавшие разночтения. Основными из них являлись ограниченность и неудовлетворительность корпуса надписей, существенные разночтения в начертании букв албанского алфавита в рукописи XV в., а затем надписей VI–VIII вв., неустановленность формы и фонетических значений большой серии букв. Дальнейшие успехи в деле изучения и дешифровки албанской письменности были связаны с последующими поисками и пополнением корпуса албанских надписей.

С 1990-х гг. албанская письменность стала объектом откровенной фальсификации. Нужно сказать, что за письменностью стоит конкретный народ. Здесь разворачивается своеобразная борьба за культурные приоритеты. Эта борьба обострилась в конце 1980-х — начале 1990-х гг. В 1990 г. была опубликована статья Мустафаева, в которой предпринята попытка дешифровки и чтения Мингечаур-

ской надписи на постаменте на основе азербайджанского языка, хотя авторитетные исследователи на основе исторических свидетельств и анализа албанского алфавита давно предполагали близость албанского языка к современному удинскому, относящемуся к лезгинской подгруппе дагестанской группы языков. Борьба началась в середине 1980-х гг. с достопамятной Всесоюзной археологической конференции 1985 г. в Баку, когда армянская делегация целиком покинула конференцию из-за того, что известный азербайджанский архитектор Ахундов хачкары начал называть хачдашами. Были для этого и другие причины.

С этого времени некоторые азербайджанские исследователи предпринимали грубые и несостоятельные попытки доказательства исконно тюркской этноязыковой принадлежности таких восточнокавказских племён, как албаны, удины, гаргары и другие. Приведу один анекдотичный пример, известный из источников. Речь идёт о VI–VII вв., когда албанские епископы Кардос и Исраэл проповедовали среди прикаспийских или, скажем так, дагестанских гуннов христианство. Исследователи, в частности Гибулаев, рассуждали так: раз они проповедовали среди гуннов, значит, знали гуннский тюркский язык, который, видимо, был для них, для албанских епископов, родным, значит, албаны — тюрки. Вот такая логика. Или другая логика: в удинском языке сохранились древнетюркские слова, значит, удинский язык — это тюркский язык, а, следовательно, удины — тюрки.

Своеобразной ответной реакцией, получившей широкий общественный резонанс, стало обнаружение в 1991 г. страницы из так называемой «неизвестной албанской книги», о чём поведал журнал «Лезгистан». В анонимной заметке, сопровождавшей публикацию этой страницы, сообщалось, что текст книги является азбукой, написанной албанскими гуннами, и он ещё не прочитан (но уже определён язык!). Говорилось о неких лицах, владевших рукописью и снявших с неё копию, содержалось обращение к читателю с просьбой проинформировать журнал о названных лицах и о судьбе книги. При этом редакция журнала не сообщила читателям о том, как попала к ней страница из этой старинной книги, кто проинформировал редакцию о владельцах книги, не зная что-либо о ней. Замечу, что информация об этих лицах так и не появилась в дальнейшем в печати. Думаю, дальше будет ясно, почему.

Два года спустя доктор химических наук, профессор Яралиев успешно дешифровал текст этой страницы на основе современного лезгинского языка, о чём поведали весной—летом 1993 г. многочисленные национальные газеты.

В дальнейшем обнаружили копии остальных 49 страниц рукописи, получившей условное название «Албанская книга». Полный перевод её, сделанный Яралиевым, был первоначально опубликован в газетах «Риклин гаф» («Сердечное слово») и «Лезги газет» («Лезгинская газета»), а затем отдельной книгой вместе с факсимильной копией и переводом албанских и псевдоалбанских этнографических памятников с соответствующими комментариями и эссе о Кавказской Албании и генетических корнях лезгинского языка. Это открытие получило большой резонанс в местной прессе и было преподнесено как сенсация века, открытие мирового значения, приравненное к откры-

тию Трои, а подлинность рукописи не вызывала сомнения. В интервью газете «Лезгинский вестник» ректор института «Юждаг», профессор, доктор философских наук Нариман Османов заявил: «Профессора Яралиева Ярали, который разгадал тайну древнеалбанской письменности, Учёный совет Института собирается представить на соискание Нобелевской премии». Ректора не смутило то, что правом выдвижения обладает только определённый круг учёных-номинаторов, определяемых Нобелевским комитетом. По-видимому, ректор не знает об этом.

В своих предисловиях Яралиев сообщает, что фотокопии этой рукописи, хранившиеся в архиве покойного лезгинского поэта Забита Ризванова, были переданы ему сыном Ризванова, а сама рукопись на плотной пожелтевшей бумаге с голубоватым оттенком, состоявшая из отдельных 50 страниц, находилась у поэта, а в дальнейшем бесследно исчезла. Странно, что рукопись состояла из отдельных 50 страниц, то есть писалась на одной стороне. Очевидно «переписчик» (в отличие от средневековой нормы) использовал только одну сторону для письма, хотя следовало ожидать более экономного отношения к бумаге.

В своих публикациях в «Дагестанской правде» об этом открытии сын поэта, тогда журналист, впоследствии пресс-секретарь председателя Госсовета, ныне ответственный работник Министерства по национальной политике, информации и внешним связям Республики Дагестан Ризван Ризванов, ничего не сообщал о происхождении рукописи и её копии, отмечая лишь обнаружение древнеалбанского текста, «чудом сохранившегося до наших дней», информируя читателей, что газета «Самур» сообщила о находке ещё 49 страниц древнеалбанской рукописи, дешифровкой которой занялся профессор Мусаев. Я знаю, что профессор Мусаев, поняв, что это фальшивка, не стал дешифровать и ничего об этом писать.

Ни дешифровщики, ни журналисты, писавшие об «Албанской книге», её не видели. Настораживает не только само отсутствие оригинала, которым якобы кто-то владел, снимал с него копии, но и странное исчезновение рукописи, всплытие копий в различных местах. Удивляло и то, что «текст оказался написанным на чистейшем лезгинском языке... и настолько понятным, словно был написан ещё вчера», хотя речь идёт о рукописи, якобы написанной более десяти веков назад. Напрашивался ряд вопросов относительно окутанного тайной обнаружения рукописи и её копий, заслуживающих самостоятельного расследования, которое, впрочем, ни к чему не привело бы, ибо перед нами возник откровенный фальсификат-подкидыш, написанный буквально вчера. Обращает на себя внимание сам графический стиль, характер почерка, знаков, приближенных к современному письму, а не к средневековому кавказскому, армянскому, грузинскому, как должно быть, поскольку албанское письмо, имеющее общее происхождение, формальные и типологические параллели с армянской и грузинской письменностью, существовало не изолированно и должно было иметь общие с ними тенденции графического развития.

То же касалось пунктуации, которая в рассматриваемой рукописи представляется весьма разной. Имеются не только абзацы, но и крестики, отделяющие одно предложение от другого. Тогда как в родственных армянской и грузинской системах письма для этого использовались двоеточия, реже троеточия. Сейчас, после открытия в 1996 г. профессором Зазой Алексидзе албано-грузинских палимпсестов в монастыре Святой Екатерины на Синае, очевидно, что ничего подобного в албанском письме не было.

Проведённый мною анализ текста «Албанской книги», сопоставление сведений, имеющих в ней, с достоверными историческими фактами показали, что это не древняя албанская рукопись, а подделка, созданная в наши дни и грубо фальсифицирующая историю. Цель этой подложной рукописи — показ исключительности, превосходства конкретного народа, демонстрация древности его цивилизации, государственности, его высокой культуры, что в итоге должно было послужить основанием для далеко идущих амбициозных историко-культурных, политических и территориальных претензий в условиях социально-экономического кризиса, процессов сепаратизма и обострения этнополитической ситуации на постсоветском пространстве в 1990-х гг.

Анализ текста фальсификата показал, что он создан человеком, который был неплохо знаком с литературой по истории и культуре Кавказской Албании и который обладал определённым воображением и творческой фантазией. Причём наблюдаемый параллелизм не подтверждаемых в исторических источниках сведений, содержащихся в «Албанской книге» и в ряде работ Забита и Ризвана Ризвановых (особенно в их «Истории лезгин»), опубликованных до открытия и дешифровки этой древней рукописи, раскрывает автора или авторов этого фальсификата.

Приведу несколько примеров. Во-первых, в рукописи встречается топоним Къевевар (в переводе с лезгинского дословно «Двое ворот») как албанское наименование Дербента. Оно часто фигурирует в «Албанской книге» и неоднократно в «Истории лезгин». Между тем специалистами — лингвистами, топонимистами, историками, этнографами, археологами, географами — такой топоним не зафиксирован, что даёт основание говорить о его вымышленном происхождении. Этот придуманный в наши дни топоним, как и ряд других, попал в эпос «Шарвили», который в значительной степени оказался подвержен этому влиянию. Современная редакция эпоса о славном предке Шарвили, созданная поэтами Байрамом Салимовым и Забитом Ризвановым, — тема отдельного разговора, который, будем надеяться, всё-таки начнут литературоведы и фольклористы.

Другой пример. Среди различных албанских племён в «Албанской книге» и в «Истории лезгин» называются племена, которые в письменных источниках не встречаются.

Далее, в «Албанской книге» и в статье Забита Ризванова под символическим названием «Два фрагмента о научных фальсификациях» утверждается, что Михран, основатель новой албанской династии Михранидов, являлся кур-

дом, хотя ни один аутентичный письменный источник не даёт даже намёка на курдское происхождение Михрана, Михранидов и их связь с курдами.

Ещё пример. В противовес сведениям античных писателей патриотично настроенные авторы «Истории лезгин» считают, что «дружный отпор местных племён» вынудил Гнея Помпея «покинуть пределы Албании», что весьма созвучно информации «Албанской книги» о борьбе албан с легионерами «полководца Пумпи» — так он там именуется. Хотя, по данным античных авторов, албаны потерпели поражение, и албанский царь Ороис, или Ород, выдал Помпею заложников, которые приняли участие в триумфальном шествии римского полководца. Как известно, античные авторы, описывая кавказскую кампанию Помпея, опирались на свидетельства очевидцев — участников похода и реляции о походе. На мой взгляд, автор «Албанской книги» был знаком с трудами Плутарха, Диона Кассия, Аппиана, которые сообщают об этой кампании, но знаком, правда, в русском переводе и в патриотической интерпретации.

Далее, согласно «Албанской книге», супруга шаханшаха Хосрова II Ширин являлась удинкой, то есть албанкой, будучи дочерью некоего утигца. Близкого мнения на этот счёт, высказанного до дешифровки «Албанской книги», придерживался Ризванов, называвший её албанской царицей. По достоверным историческим данным, такой албанской царицы не существовало. Мало того, по достоверным нарративным данным, я имею в виду сведения, содержащиеся в сочинениях современников Хосрова и Ширин (это «История» Феофилакты Симокатты, «Церковная история» Евагрия, «История» Себеоса, «Анонимная сирийская хроника»), известно, что Ширин была арамеянкой, уроженкой Хузистана и соотечественницей Григория Форатского.

Наконец, в книге Ризванова и в «Албанской книге» приводится 12-частное деление лезгинско-албанского календаря, причём названия шести месяцев соответствуют друг другу. Эти наименования восходят к известным названиям 12-частного албанского календаря, который изучался учёными-специалистами Агаяном, Шанидзе, Абрамяном, Гукасяном. Некоторым предложены удинские этимологии. Между тем профессиональными этнографами, занимавшимися народным лезгинским календарём, — это и Трофимова, и Агаширинова, и Гаджиев — выявлено 24-частное деление, и наименования этих периодов не соответствуют названиям албанского календаря.

Приведённые параллели «творчества» наводят на мысль об авторстве так называемой «Албанской книги» и служат ещё одним подтверждением того, что мы имеем дело с фальсификатом. Отмеченные мной выше соответствия календарных систем, как и многое другое, преследовали, по словам Ризванова, цель «увязать древних албанов с лезгинами, которые являются прямыми их потомками». Эта же задача стояла перед авторами «Албанской книги», написавшими рукопись видоизменёнными албанскими буквами на современном лезгинском языке, разбавленном двумя сотнями придуманных слов, которые заменили заимствования из других языков и доставили впоследствии мнимую радость открытия дешифровщикам. Эта фальшивка дала возможность различ-

ным лезгинским общественным и политическим деятелям утверждать, что «в основе албанской письменности и языка лежит лезгинский язык», что лезгины являются прямыми потомками албанов, что албанский язык «в основном сохранился в современном лезгинском языке». Согласно «Албанской книге», Алулу, младшему сыну Таргума — Таргома, этнарха-эпонима албанцев, были предоставлены земли от нижнего моря (Средиземного) до верхнего (Каспийского), от нижних гор до верхних. Таким образом, современные интеллектуалы утверждают, что «народы, говорившие на пралезгинском или близком к нему языке, проживали на юге Балканского полуострова, территории Малой и Передней Азии и занимали большую часть Кавказа».

За этим последовали дешифровки на основе лезгинского языка Фестского диска, надписи на скире из Аркалохори, иероглифического письма критских печатей, линейных писем А и Б, кипро-минойского письма на табличках из Энкоми, доказательства прямого генетического родства современного лезгинского языка с хаттским — протохеттским, минойским — микенским, а собственно лезгин — с шумерами, пелазгами и этрусками. Тут логика такая: лезги — лазги — пелазги. Подобно тому, как этруски — русские.

Для примера приведу три показательных этнокультурных вывода этих исследователей: «Шумеры имеют прямую генетическую связь с лезгами. Культура аккадцев, вавилонян и ассирийцев в основном была культурой лезгиноязычных народов — шумеров и хурритов, поэтому к истории и культуре этих народов нынешние лезги, как потомки кутиев (утиев), хурритов, урартов, имеют прямое отношение. Лезгиноязычные племена являются участниками создания древнегреческой мифологии». Это известный Бадалов, который успешно защитил кандидатскую диссертацию в Институте Африки. Он сейчас великолепно издал свою диссертацию, которая была доработана определённым кругом московских учёных со званиями.

«Албанская книга», таким образом, послужила своего рода катализатором и основой сложения современной лезгинской этноцентристской мифологии, в которой ярко выражены основные тенденции и мифы, свойственные националистическому подходу в исторических исследованиях. Это стремление к доказательству глубочайшей древности, автохтонности своего народа на его современной этнической территории и за её пределами на обширных пространствах, как правило, от моря до моря, установление великих предков, определение и утверждение генетических связей этих предков с великими цивилизациями древности и, как следствие, притязание на культурные и политические достижения и приоритеты. Как отмечал Виктор Александрович, это может легитимировать претензии на строительство своей государственности в наше время.

Появление на свет «Албанской книги» и формирование ныне развивающейся лезгинской мифологии было обусловлено изменением в конце 1980-х гг. общественно-политической ситуации в стране, распадом СССР, вызвавшим рост национального самосознания, обострение этнополитической ситуации, появление массы национальных движений. В результате развала СССР лезгины

стали одним из разделённых народов, оказавшихся по обе стороны российско-азербайджанской границы, причём на исконных территориях их обитания. Ещё в советский период они испытывали неудобства в сфере национального, социально-культурного развития и образования со стороны азербайджанского руководства, которое проводило политику «тихой» ассимиляции. Мало кому известно, например, о так называемом «горском налоге», когда, чтобы поступить в азербайджанский вуз, неазербайджанцу приходилось платить официальный государственный налог. Естественно, это приводило к смене национальности, что, в принципе, и сейчас происходит.

Образованное в июле 1990 г. и зарегистрированное в мае 1992 г. Лезгинское народное движение «Садвал» («Единство»), объявленное вскоре в Азербайджанской Республике террористической организацией (им приписывались взрывы в метро, но это не было доказано), поставило в числе своих главных политических целей не только объединение лезгин Дагестана и Азербайджана и создание независимого государства Лезгистан, но и написание истинной истории лезгин, которая «нуждается в объективном исследовании и интерпретации без идеологического и националистического давления». Одним из важных источников создания такой «подлинной» истории и выступила «Албанская книга», содержащая богатейшую информацию по истории и исторической географии, этнонимике и календарю, культуре и идеологии Кавказской Албании. Чего стоит только перечень целого ряда вымышленных писателей, поэтов, архитекторов, полководцев, деятелей науки и культуры, который открывает «гениальный писатель» Джамаг, предстающий предшественником, а возможно, и вдохновителем великого Низами Гянджеви. В борьбу за определение его национальной принадлежности ныне вступили лезгинские, цахурские, аварские интеллектуалы. В программе «Садвала» специально акцентировалось внимание на «крайне важном значении истории, гуманитарных наук в деле воспитания молодого поколения», которое «должно расти на здоровой духовной основе нации, питать любовь к отчей земле. Безусловно, важные декларации. Однако тогдашние лидеры «Садвала» и нынешние интеллектуалы с национально-идеологизированным сознанием питают свой народ, в том числе и молодёжь, явно не здоровой духовной пищей.

Появление фальшивой «Албанской книги», псевдонаучных исследований и открытий в нашем регионе началось с перестройкой, с ростом национально-го сознания под флагом этнической исключительности. Как любил говорить Михаил Горбачёв, «процесс пошёл». Очевидно, процесс появления националистически окрашенных открытий, сенсаций, фальсификаций у нас прекратится не скоро. Спасибо за внимание.

В.А. ШНИРЕЛЬМАН: Спасибо большое. Я хочу сейчас дать две минуты Зурабу Кананчеву, поскольку он сам является представителем удинского народа, что очень важно в данной обстановке.

З.В. КАНАНЧЕВ: Спасибо огромное. Естественно, я очень рад присутствовать на форуме, слышать замечательные выступления и видеть моего дав-

него друга Муртазали Гаджиева, с которым нас связывает долгая совместная работа на международных конференциях, проводимых в Баку, организатором которых я являлся.

Что касается процесса, связанного с фальсификацией представленных источников и попыток дешифровать их на тюркском, хурритском, лезгинском, крызском, будухском, аварском, талышском языках, даже на иранском языке, то такие попытки начались в 1970-х гг. и связаны в первую очередь с влиянием так называемой объединительной пантюркистской теории и деятельностью фонда Алп-арслана Тюркеша, а также выходом в свет книги Гейбуллаева «Топонимика Азербайджана», о которой я сегодня говорил. Я участвовал в совместной грузино-азербайджано-норвежской делегации на гору Синай и видел настоящие подлинники рукописи албанско-грузинского лекцинария, который датируется некоторыми исследователями V в., а другими — IX в. Видел, как это изучается исследователями Зазой Алексидзе, Шульце, Гиппертом. Выход в свет новой книги «Албанские письма, албанская письменность», к сожалению, не добавляет оптимизма. Я уверен, что будет появляться ещё больше таких исследований в этой области. Я являлся свидетелем того, как некто Мадрид Сурхасв, сотрудник Института истории Академии наук Азербайджана и одновременно работник Музея истории Азербайджана, по национальности лезгин, случайно на одной керамической плитке обнаружил несколько неизвестных ему букв, которые пожелал выдать за албанскую письменность, и предпочёл, чтобы она дешифровывалась на лезгинском языке. Естественно, это была лишь предварительная попытка, проверка того, как это будет воспринято. Я сказал ему, что данная фальшивка не пройдёт потому, что обстоятельства находки — в каком-то подвале в разбитом кувшине, на котором были начертаны буквы. Подобные находки, к сожалению, встречаются и сейчас. Есть попытки дешифровать албанскую письменность на азербайджанском языке, а тот, кто не согласен с такой дешифровкой на тюркском языке, автоматически может быть объявлен «врагом народа» в Азербайджане.

Есть другая проблема — это нагорно-карабахский конфликт, политическая обстановка на Кавказе, отношения между Арменией и Азербайджаном. Тут следует иметь в виду, что подогревают эту проблематику с двух сторон. В том числе и удинский вопрос, и лезгинский вопрос на руку политическим элитам по разные стороны границ. Хотелось бы ещё отметить, есть такой источник (Муртаза Гаджиев и Виктор Александрович хорошо знают) — Моисей Калакатуйский. В некоторых изданиях «Албанской истории» Моисея Калакатуйского армянские исследователи (а основная рукопись хранится у них) пишут так: «здесь, нам кажется, автор хотел сказать это»; «что именно хотел сказать автор, нам не ясно»; «но это дополняет информацию других армянских источников, как нам кажется, более правильных». Сам источник в переводе на русский и новоармянский язык уже заведомо дополняется и в таком виде публикуется. И людям абсолютно не приходит в голову, что источник трогать нельзя. Такие манипуляции проводились не только с Моисеем Калакатуйским.

И в издании Корюна в переводе Абеяна, знаменитого арменоведа, также имеются такие формулировки: «нам показалось, что здесь текст достаточно сложный, и мы решили его дополнить следующими формулировками». Хотел бы надеяться, что форумы, подобные этому, будут продолжаться — в первую очередь для того, чтобы выявить: кто за всем этим стоит, для чего это делается и как с этим бороться. Как говорили сегодня, бороться с этим сложно, но всё-таки необходимо. Спасибо большое.

В.А. ШНИРЕЛЬМАН: Спасибо, Зураб. Но и Буниятов издавал источники таким же примерно образом.

З.В. КАНАНЧЕВ: Он специалист по арабским источникам. Он издавал их, но, к сожалению, ни одного исследования арабистов, опровергающего исследования Буниятова, я не встречал. Если будет, то я с удовольствием познакомлюсь. Единственное, что он сделал, — изданную на английском языке статью перевёл на русский язык и выдал за свою. Это было.

О.Ю. БЕССМЕРТНАЯ: Поделюсь своими размышлениями о создании национального писателя в адыгском литературоведении и появлении целого направления — ахметуковедения (это труды, издающиеся в основном в Нальчике, Майкопе и Черкесске). Я начну с цитаты: «...Черкес Ахмет-Бей Булат — потомок известного кавказского героя Ахмет-Бей Булата, воспетого ещё Лермонтовым, и сын когда-то враждебного России князя Ахмет Ахмет-Бея, владыки воинственных шапсугов и других горских племен. Отец молодого горца Амет-Бей Булата, пишущего под псевдонимом «Юрий Кази-Бек», абадзехский князь Ахмет Ахмет-Бей, в 1863 г. переселился из Кубанской области в Турцию с 30 тысячами своего народа... В то время у князя был только один сын — Осман-Бей. Ахмет-Бей Булат и сестра его родились уже в Турции, в Буюк-дере, где поселились эмигранты. У князя было до 40 жен, из которых мать нашего автора, урождённая княжна Фатима Али-Бек, была первая. Князь был начальником табора башибузуков, составленных большей частью из черкесов, и принимал деятельное участие в последней русско-турецкой войне, во время которой и погиб под Ловчей. Питая неприязнь к русским, он вместе с сыном некогда знаменитого Шамиля, «владыки гор», Магомой Шамилем, приносил немало вреда русским войскам. Старший сын Ахмет Ахмет-Бей, будучи 16-летним мальчиком, участвовал в войне, сражаясь рядом с отцом. После смерти последнего он был принят турецким султаном на службу и теперь уже занимает видное место при турецком дворе. После него следовала сестра Заюлиль-Хан, поражавшая всех своей редкой красотой, затем уже Ахмет-Бей Булат. Когда семью постигло несчастье и князь был убит на войне, мать Ахмет-Бея в припадке отчаяния зарезалась, зарезав и дочь. Ей тогда было около 30 лет, дочери — только 12. И Ахмет-Бей Булата постигла бы такая же участь, если бы он, к своему счастью, не находился в это время у знаменитого муллы Хаджи-Омара, брат которого, не менее знаменитый Кизильбич, наводил ужас на Кубань своими набегами... С братом Ахмет-Бей Булат впоследствии разошёлся, когда тот узнал, что последний принял подданство России, и меж-

ду ними с тех пор легла пропасть. В отношении Осман-Бея Хаджи-Омар (упомянутый мулла — учитель братьев. — *О.Б.*) сумел сделать всё: никакие в мире сокровища не заставили бы его вернуться на родину, хотя сам Хаджи-Омар, умирая, уже в бреду слёзно молил окружающих похоронить его на Кубани в Ахметовском ауле... Теперь молодому писателю 22 года. Первым поощрителем его таланта явился московский цензор С.И.С... и его семейство».

Это цитата из популярного иллюстрированного журнала «Живописное обозрение» за 1894 г. Текст сопровождал публикацию рассказа писателя, о котором идёт речь (рассказ назывался «Плен Шамиля»), и представлен как реальная биография, раскрывающая его псевдоним — Юрий Кази-Бек. Ахмет-Бей Булат, соответственно, — его настоящее имя. Я цитировала так много, чтобы дать вам почувствовать очевидную литературность текста. Скорее всего, «биография» была написана самим писателем: это его стиль, да и вряд ли редакция «Живописного обозрения» могла ещё где-то взять эти сведения.

Эта история происхождения героя взята за основу адыгскими литературоведами, стремящимися восстановить реальную биографию писателя. После публикации он стал подписываться ещё как Юрий Кази-Бек Ахметуков (иногда заключая последнее в скобки). Именно эта фамилия, наиболее тесно связанная с приведённой генетической легендой и указывающая на этническую принадлежность автора, считается в Кабардино-Балкарии и Адыгее настоящей.

Я не хотела бы сводить проблему лишь к анализу текста-фальшивки, мне бы хотелось вести речь о нацистроительной фальсификации исторического персонажа как такового, существовавшего реально, но не вполне совпадавшего или вполне не совпадавшего с той культурной ролью, которой он наделяется благодаря переинтерпретации этой реальности, притом переинтерпретации, осуществляющейся коллективно. Хотя такая биографическая реконструкция в её полном виде создана одним очень авторитетным автором — Р.Х. Хашхожевой, она взята остальными за истинную и воспроизведена в недавно вышедшей Адыгской энциклопедии. Вера в легенду не сводится лишь к вере в один поддельный текст, а определяет всю направленность этой переинтерпретации и всё видение этого персонажа.

Одним из предварительных итогов ахметуковедения стала книга молодой исследовательницы С.Р. Агержановой, изданной в Майкопе в 2003 г. (это её кандидатская диссертация). Она называет Ахметукова первым адыгским профессиональным писателем, говорит, что ему удалось «художественно убедительно передать духовную энергию адыгского общества в его историческом развитии», благодаря «постижению космоса национальной жизни», воссоздать национальную специфику. Короче говоря, этот автор рассматривается как один из самых плодovitых национальных адыгских писателей и создателей черкесской прозы.

Между тем Ахметуков также известен специалистам по исламу в России под другим именем: Магомет-Бек Хаджетлаше-Скагуаше («Скагуаше» — адыгское название реки Белой, которое обычно транслитерируется как «Шхагуа-

ше»). Он известен во многом благодаря знаменитой книжке Люциана Климовича, изданной в 1936 г., «Ислам в царской России». Климович рассматривал эту фигуру как пример «типов», которые делали погоду в религиозной жизни мусульман при царизме. Не только у Климовича, но и у современных исследователей, публикующихся и работающих в Москве, Санкт-Петербурге или в Урало-Поволжье, эта фигура выступает как пример провокаторства, предательства и стяжательства, потому что Магомет-Бек Хаджетлаше в своей журналистской деятельности (будучи издателем журнала «Мусульманин» и газеты «В мире мусульманства» в начале 1910-х гг.) сотрудничал и с МВД, и с мусульманской оппозицией, не избегая писать за и против мусульман в зависимости от того, на какую читательскую аудиторию ориентировался. В это время он придумал себе несколько иную биографию, предназначенную для государственных чиновников. Там не было ни генетической связи со славными героями Кавказа, борцами за его независимость, ни романтических мотивов скитальчества, ни акцента на трагической вине его предков перед российским государством и её искуплении «блудным сыном» родины, но зато указывалось, что он учился во вполне пристойном заведении — Екатеринодарской гимназии. А не «везде и всюду понемножку», как было в первой биографии. На каждом повороте жизни он придумывал себе новую биографию сообразно его тогдашним целям — мне известно ещё как минимум две. Даже если некоторые элементы сохранялись (например, мотив эмиграции его отца в Турцию), то в каждом новом контексте они обретали новые смыслы.

Эти различия между его образами — образами, которые уже существуют или заново создаются сейчас на Северном Кавказе и в Урало-Поволжье, — восходят к различиям в восприятии его фигуры в этих двух регионах ещё в период его активности. Мне представляется, что они связаны с разными акцентами в нацистроительстве. В Урало-Поволжье большую роль играли ислам и мусульманская идентичность — и Хаджетлаше был воспринят прежде всего как враг мусульман (поскольку способствовал, как справедливо считали его оппоненты, противомусульманским репрессиям в правительственной политике); а на Кавказе более акцентировалась этническая (или региональная) специфика — там Ахметуков казался и кажется сейчас настоящим горцем-черкесом. Хотя такое восприятие зависело ещё и от того или иного акцента в его собственной деятельности.

Парадокс заключается в том, что, скорее всего, по происхождению он не был черкесом, а настоящее его имя было Григорий Яковлевич Этингер. Так что мой персонаж, как и у предыдущих докладчиков, — еврей. Р.Х. Хашхожева настойчиво придерживается версии, согласно которой он был по возвращении из Турции усыновлен Этингерами, а затем «вернулся к корням», но это, на мой взгляд, не выдерживает критики. Думаю, его политическое двурушничество, смена автобиографий и имён, которых было куда больше, чем те три, что я назвала, — это лишь продолжение изобретения им своей идентичности: и этнической — черкесской, и конфессиональной — мусульманской. Надо

сказать, что выбор мусульманской принадлежности был не первой для него сменой идентичности: семья Этингеров крестилась, когда будущему писателю было около 17 лет. Однако для формирования корпуса национальной литературы, которым заняты адыгские литературоведы, для того, чтобы сделать этого писателя национальным, необходимо, чтобы он был «своим» этнически и безупречным этически. Хотя этническая укоренённость, как видим, оказывается совсем не обязательной для того, чтобы национальным писателем действительно стать, чтобы попасть в число тех, кто лучше других постиг «космос национальной жизни». Оказывается, «чужаки» могут иной раз лучше «своих» отвечать «национальным запросам» и представлениям о себе того или иного общества.

В.А. ШНИРЕЛЬМАН: Я бы такой случай всё-таки не стал называть фальсификацией, потому что это скорее один из вариантов, одна из моделей становления этничности.

О.Ю. БЕССМЕРТНАЯ: Я не назвала это откровенной фальсификацией. Однако в том, что касается этого героя, стоит иметь в виду, что грань между его конструированием своей идентичности и имитацией той или иной принадлежности оказывается очень тонкой. А в том, что касается моего основного сюжета — ахметуковедения, подчеркну, что упомянутые исследователи не только принимают на веру его рассказы о себе, но зачастую заражаются фантазией своего героя и романтизируют его. Отсюда возникает склонность видеть его в других авантюристах той эпохи. Например, в 1919 г. в Швеции он создал «Лигу за восстановление империи», объединив нескольких российских эмигрантов под лозунгом борьбы с большевистским режимом, убил трёх человек — якобы большевистских агентов, был арестован, судим и умер в стокгольмской тюрьме в 1929 г. А Р.Х. Хашхожева утверждает, что его выкрали из тюрьмы большевики, на которых он «в действительности работал». Она приняла встретившееся ей упоминание Наума (Леонида) Этингона за ошибочное написание фамилии Этингер. Вообще, биографические «факты» нередко произвольно черпаются из разных литературных произведений Ахметукова, а негативные свидетельства источников зачастую сознательно игнорируются. Но важно учитывать, что всё это происходит в противостоянии крайне негативной и не менее политизированной трактовке фигуры Хаджетлаше Климовичем — трактовке, которая стала влиятельной и порой ограничивала возможность исследовать эту фигуру в советское время.

В.А. ШНИРЕЛЬМАН: Я бы вам ещё назвал несколько подобных случаев, но сейчас уже нет на это времени. Это чрезвычайно интересно, и я рад, что вы этим занялись, потому что у нас в этнографии существует позитивистский подход, когда мы твёрдо знаем, кто есть, а кого нет и не должно быть. Между тем рядом с нами происходят процессы, которые мы просто не замечаем, вот это меня поражает.

В заключение хочется поблагодарить всех выступавших и участников дискуссии. Мне кажется, нам удалось выполнить поставленную задачу. Мы не

просто обозначили актуальную для науки и общества проблему, но и эффективно провели её обсуждение. Были рассмотрены весьма интересные материалы, касающиеся самых разных подделок, относящиеся к разным историческим эпохам и связанные с различными социальными контекстами. Было показано, что подделки не только наносят вред науке, но и порой создают взрывоопасную ситуацию в обществе, порождая конфликты, которых следовало бы избегать. А для этого необходимо принять определённые меры.

В связи с этим я набросал небольшие предложения, с которыми мы могли бы обратиться в две инстанции: Министерство образования и науки и Российскую академию наук или конкретно Отделение историко-филологических наук РАН. Думаю, мы должны Министерство образования и науки просить о трёх вещах: 1. Усилить источниковедческую подготовку будущих специалистов, причём не только будущих исследователей, но в особенности школьных учителей, которые должны знать о существующих фальшивках, уметь отличить подделку от подлинных исторических документов и в доступном виде рассказать об этом учащимся. 2. Усилить преподавание историографии, поскольку многие наши специалисты, не говоря уже об учителях, плохо знают историю своей науки. Историографические обзоры в диссертациях часто составляются формально и декларативно, а их авторы нередко не читали труды своих предшественников, которых они упоминают в таких обзорах. 3. Необходимо знакомить будущих историков с азами сравнительно-исторического языкознания и основами его методики, в особенности с научными подходами к этимологиям. Необходимо также на конкретных примерах знакомить студентов с народной этимологией и теми негативными последствиями, которые она приносит науке.

Что касается РАН, то, как мне представляется, несмотря на реализацию программы, посвящённой социальному потенциалу истории, это направление исследований необходимо продолжать, расширив его за счёт изучения социальной роли археологии, этнологии и филологии. При всей несомненной важности зарубежных материалов такие исследования должны охватить и отечественное поле, ибо именно здесь мы встречаемся с самыми разнообразными коллизиями, имеющими серьёзный социальный и политический отклик. В особенности речь идёт об альтернативных историях, которые создаются как дилетантами (писателями, журналистами или даже учёными, специализирующимися в областях, далеких от исторической науки), так иной раз и профессионалами, весьма своеобразно понимающими свой профессиональный долг. Я говорю о процессе, характерном для нашего неспокойного времени и заслуживающем пристального внимания и глубокого анализа, учитывающего социальный и политический контекст, в котором работают специалисты и который не может оставить их безучастными. Поэтому такие исследования должны делать акцент не на дилетантизме и непрофессионализме создателей неортодоксальных версий истории, а на особенностях воздействия социальной и политической обстановки на людей, включая учёных. Сегодня не только

история подвергается интенсивной политизации, но и этногенез, по сути, стал политической наукой, позволяя использовать известные построения, которые чаще всего являются гипотетическими, для достижения реальных политических целей.

А.Е. ПЕТРОВ: От имени Отделения историко-филологических наук РАН и организаторов я благодарю всех принявших участие в работе нашего круглого стола.

Послесловие

Выход настоящего сборника приурочен к проведению 8 июля 2011 г. круглого стола на тему «Археология и “Большой нарратив” русской истории. Проблемы борьбы с фальсификацией прошлого».

Как сказано во введении, сборник составлен из работ, появившихся в ходе подготовки и последующей обработки материалов круглого стола по теме «Фальсификации источников и национальные истории», проведённого в сентябре 2007 г. в Российской академии наук по инициативе её Отделения историко-филологических наук. Развитие событий в последовавшие годы показало, что объединение здравомыслящих и обладающих твёрдой гражданской позицией учёных для противостояния фальсификации, «порче» основ исторического знания становится всё актуальнее. Более того: это понятно сегодня не только большинству серьёзных исследователей, занятых фундаментальной наукой, но и значительной части интеллигенции (в самом широком понимании термина), а также российской власти.

Этим предопределён выход обсуждения заявленной проблемы в Общественную палату Российской Федерации. То есть в то пространство, которое специально создано для встреч профессионалов самых разных специальностей, для дискуссий и совместных выступлений вне служебных или иных формальных рамок, наконец, для выработки общих позиций и совместного, истинно общественного действия. С предложением провести следующий круглый стол в рамках поднятой темы выступили *Комиссия по науке и инновациям и Рабочая группа по совершенствованию законодательства в области сохранения археологического наследия* Общественной палаты РФ. Предложение нашло поддержку в Отделении историко-филологических наук РАН и Институте археологии РАН.

Рабочая группа по совершенствованию законодательства в области сохранения археологического наследия была создана в Общественной палате около трёх лет тому назад.

В неё входят А.П. Деревянко, М.Б. Пиотровский, Н.А. Макаров, А.Г. Векслер. Руководит рабочей группой к.и.н. Б.Г. Якеменко. Рабочая группа является площадкой для взаимодействия археологического сообщества и государственных институтов. Экспертами рабочей группы подготовлено в федеральное законодательство более 200 поправок, касающихся вопросов сохранения археологического наследия. Ключевыми направлениями деятельности рабочей группы является защита археологических памятников (в частности, древнего города Радонеж) от коммерческой застройки, а также от целенаправленного разграбления «копателями». В рамках рабочей группы регулярно проходят встречи и круглые столы археологов, на которых ставятся, обсуждаются и решаются

ключевые вопросы отечественной археологии.

В качестве темы для дискуссии не случайно выбрано поле археологии. Археология — исключительно острый инструмент в борьбе с попытками фальсифицировать прошлое, её эффективность недавно доказана в дискуссии о «новой хронологии». Кроме того, археология отвечает за важнейший национальный ресурс, утрата которого поведёт к утрате ранней истории нашего Отечества — за памятники древности.

Наконец, археология особенно манит политиканов всех мастей кажущейся доступностью своих материалов для субъективной, произвольной интерпретации, а также своей яркой, броской оболочкой, позволяющей привлечь внимание широких масс населения. Националистические, фундаменталистские, популистские и иные политические группировки охотно используют подтасованные факты археологии в своей игре. Метод всегда один — ложные (паранаучные) «теории» и «гипотезы», ангажированные или просто заказные. Приёмы же довольно разнообразны и не сразу распознаются добросовестным «потребителем научного продукта».

Ещё одной важной проблемой является т.н. «чёрная археология», которая быстро преобразуется из торговли артефактами в псевдонаучное направление, стремящееся заявить себя как «параллельную науку». Обнаруженные в ходе разграбления памятников археологии артефакты всё чаще «вводят в научный оборот» с помощью периодических изданий, каталогов, сборников статей. Эти издания, как правило, создаются и поддерживаются самими «копателями», которым, к сожалению, иногда оказывается помощь и поддержка некоторыми музейными работниками. Надо ли говорить о том, что вольные интерпретации памятников в такого рода изданиях, как правило, представляют собой смесь дилетантизма, мифологии и примитивных или псевдонаучных «исторических сведений», что приводит к тому, что подлинный археологический артефакт становится средством для рождения очередной фальсификации.

В связи с опасностью наблюдаемых явлений для науки и общества, организаторы сочли необходимым скоординировать усилия учёных на этом направлении, чётче обозначить позицию археологии как науки, противостоящей искажению истории. Они надеются выработать коллективную позицию в противодействии попыткам использовать археологию в целях фальсификации истории; обсудить возможные организационные формы такого противодействия; сформировать общественно-научную группу для оперативного реагирования на вызовы в области археологии.

Материалы дискуссии составят следующий выпуск сборников по теме «Актуальное прошлое: наука и общество», которые планируется отныне делать продолжающимся непериодическим изданием для последовательной публикации результатов работы в избранном направлении защиты исторической науки от намеренных искажений.

Сведения об авторах сборника и участниках программы

Беляев Леонид Андреевич, доктор исторических наук, ведущий сотрудник, заведующий сектором археологии города Москвы Института археологии РАН, главный редактор журнала «Российская археология», лауреат премии РАН им. И.Е. Забелина.

Бессмертная Ольга Юрьевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

Бужилова Александра Петровна, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Васильев Александр Дмитриевич, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Данилевский Игорь Николаевич, доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории Государственного университета — Высшей школы экономики.

Дубовик Валерия Валерьевна, кандидат филологических наук, докторант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Гаджиев Муртазали Серажутдинович, доктор исторических наук, заместитель председателя Дагестанского научного центра РАН, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Зайцев Илья Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, советник директора Института востоковедения РАН.

Зализняк Андрей Анатольевич, доктор филологических наук, академик РАН, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, лауреат Государственной премии Российской Федерации, лауреат премии А.И. Солженицына, лауреат Большой золотой медали РАН им. М.В. Ломоносова.

Зарецкий Игорь Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории философии философского факультета Государственного университета — Высшей школы экономики.

Кананчев Зураб Вахтангович (Азербайджан), Институт востоковедения РАН, докторант Института византистики Университета Вены, заместитель председателя Албано-Удинской общины Азербайджана, учредитель Центра

исследования Кавказской Албании.

Кизилов Михаил Борисович (Израиль), доктор философии в современной истории. Кафедра еврейской мысли факультета гуманитарных и общественных наук Университета им. Бен-Гуриона в Негеве.

Козлов Владимир Петрович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, руководитель Росархива России (1996–2009).

Мельникова Елена Александровна, доктор исторических наук, руководитель центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН.

Назаров Владислав Дмитриевич, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Петров Андрей Евгеньевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН.

Робинсон Михаил Андреевич, доктор исторических наук, заместитель директора Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Славяноведение».

Русина Елена Владимировна (Украина), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины, лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники.

Федорчук Артём Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Шамилоглу Юлай (Канада), профессор Висконсинского университета в Мэдисоне (США).

Шамин Степан Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела культуроведения Института русского языка им. А.С. Пушкина.

Шмидт Сигурд Оттович, доктор исторических наук, академик Российской академии образования, советник РАН, почётный председатель Археографической комиссии РАН.

Шнирельман Виктор Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Эрлихман Вадим Викторович, кандидат исторических наук, редактор серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия».

Яблонский Леонид Теодорович, доктор исторических наук, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН

Summary

Topical past: science and society

Falsification of historical sources and construction of ethnocratic myth

Scientific edition

Executive editors: A. Petrov (Institute of Slavonic studies of RAS), V. Shnirelman (N. Miklukho-Maklay Institute of ethnology and anthropology of RAS)

Reviewers: academician V. Tishkov, corresponding member of RAS P. Uvarov

The current publication is a part of an international project that started in 2007 in Russian Academy of Sciences during the round table “Falsification of sources and national histories”. Now the reader is welcomed to get acquainted with its materials in this composite work where the results of investigation, dedicated to the study of fundamental problems of identification and incidence of forged sources of various genres (documentary, narrative, archeological, pseudo-etymological, anthropological), are presented. Outstanding historians, archeologists, linguists, specialists in the study of early texts and anthropologists conducted an analysis of origins, methods of manufacturing, presentation and propaganda of forgeries which are closely connected with ideological construction of the past. By means of various methods of the humanities such fabrications as the book of Veles, the Bulgar chronicles Djagfär Tarikhy (Cägğfär Tarıxı), the Albanian book and others were examined. The variety, regional and chronological diversity of forgeries rendered in the articles signify the formation of ethnocratic movements in modern Russia. The book is intended for both source study specialists and high readership, primarily for professors and students of the humanities.

Publication of the current collection is timed to coincide with the round table “Archeology and «the Grand Narrative» of Russian history. The issues of the struggle with falsification of the past” of July 8th 2011.

These were the key factors for introducing the aforementioned topic into the Civic Chamber of the Russian Federation, i.e. into the field initially set up for meetings of various specialists, for polemic and joint presentations beyond any professional limitations and, most importantly, for elaboration of common grounds and cooperative civil actions. *The Commission of science and innovations and the Working group of mastering of the legislation in the field of preserving archeological heritage* have come forward with the proposition of the next round table which was

supported by the Department of historico-philological sciences of Russian Academy of Sciences and the Institute of archeology of Russian Academy of Sciences.

Owing to the danger of such phenomena for the science and the society the organizers strongly believe in the need to coordinate the efforts of scientists in this struggle. They hope to work out a collective stance on the opposition to forging, discuss possible actions and create a working group for the dynamic response to the challenges in the field of archeology.

The materials of the discussion will form the next issue of the collection “Topical past: science and society” that is now planned to be turned into a continuous non-periodical edition for the series of publications of the results achieved in this field.

Содержание

Contents

Введение Introduction	5
Часть 1. Общие проблемы Part 1. Common problems	15
В.А. Шнирельман. Подделки и альтернативная история V. Shnirelman. Forgeries and alternative history	17
В.П. Козлов. Фальсификация исторических источников: историко- ведческий, историографический, археографический аспекты V. Kozlov. Falsification of historical sources: the aspects of source study, historiography and arhaeography.	35
Л.А. Беляев. Заметки о фальсификатах в археологии L. Belyaev. Notanda on counterfeits in archeology	51
Е.А. Мельникова. Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке E. Melnikova. The Renaissance of the Middle Ages? Contemplations on the creation of myth in the modern historical science	67
Л.Т. Яблонский. Теория этногенеза и её фальсификация в современной России L. Yablonsky. The ethnogeny theory and its falsification in modern Russia	85
Часть 2. «Влесова книга»: эволюция классической подделки Part 2. "The book of Veles": the evolvement of the classic forgery	95
А.А. Зализняк. О «Велесовой книге» A. Zaliznyak. On "The book of Veles"	97
В.А. Шнирельман. Жизнь и судьба фальшивки: «Влесова книга» в социальном контексте V. Shnirelman. The life and destiny of the forgery: "The book of Veles" in social context	115
Е.В. Русина. Трипольский синдром: Украина в зеркале «правильной» истории E. Rusina. The Trypillian syndrome: Ukraine in the mirror of the "correct" history	145

В.А. Шнирельман. От «Влесовой книги» до «арийской идеи»: украинский дискурс V. Shnirelman. From "The book of Veles" till Aryanism: the Ukrainian discourse	163
Часть 3. Подделки, альтернативная история и общество Part 3. Forgeries, alternative history and society	179
В.В. Эрлихман. Фантастическая «Хроника Ура Линда» V. Erlikhman. The fantastic "Oera Linda Chronicles"	181
М.С. Гаджиев. «Албанская книга» и её роль в сложении лезгинской этноцентристской мифологии M. Gadzhiev. "The Albanian book" and its contribution to creating Lezghin ethnocentric mythology	187
И.В. Зайцев. «История татарских ханов, Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчака» Ибрахима б. Али Кефеви. Компиляция или подделка? I. Zajtsev. "The history of Tartar khans, Dagestan, Moscow and the people of Dasht-i Qipchaq" of Ibrakhim b. Ali Kafeyv. Compilation or forgery?	198
М.Б. Кизилов. Ильяш Караимович и Тимофей Хмельницкий: кровная месть, которой не было M. Kizilov. Ilyash Karaimovich and Timofey Khmel'nitsky: the blood feud that never took place	208
С.М. Шамин. Легендарная переписка турецкого султана и другие подделки XVII столетия S. Shamin. Legendary correspondence of the Turkish sultan and other forgeries of the 17 th century	238
А.Е. Петров, Л.А. Беляев, А.П. Бужилова. Между наукой и областной администрацией: опыт фальсификации останков Ивана Сусанина с помощью заданной интерпретации археологических и судебно-криминалистических исследований A. Petrov, L. Belyaev, A. Buzhilova. Between science and regional administration: experience of falsification of the remains of Ivan Susanin by means of the stipulated interpretation of archeological and judicial and criminalistic investigations.	247
О.Ю. Бессмертная. Ахметуковедение: создание национального писателя в адыгейском литературоведении O. Bessmertnaya. The study of Akhmetukov: the creation of national writer in the Adygei literary studies.	268

Ю. Шамилоглу. «Джагфар Тарихы»: как изобреталось болгарское самосознание	275
Y. Shamiloglu. "Djagfar Tarikhy": the invention of the Bulgar self-consciousness	
А.Е. Петров. Необулгарская идея и легитимизация поддельного свода Джагфара	288
A. Petrov. Neo-bulgar concept and legitimization of the fabricated code of Djagfar	
Приложение	297
Круглый стол «Фальсификации источников и национальные истории» (Москва, 17 сентября 2007 г.)	299
Round table "Falsification of sources and national histories" (Moscow, September 17 th , 2007)	
Послесловие	373
Сведения об авторах сборника и участниках программы	375
Data on the authors of the collection and on the participants of the programme	
Summary	377

Актуальное прошлое: наука и общество

**ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
И КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТНОКРАТИЧЕСКИХ МИФОВ**

Научное издание

Утверждено к печати
Бюро Отделения историко-филологических наук
Российской академии наук

Редактор С.О. Чернышева
Корректор О.Б. Першукевич
Верстка: В.Б. Степанов
Оформление обложки: Н.С. Сафронова

Подписано в печать 28.06.2011. Формат 70 x 100/16
Усл.печ.л. 31,24. Уч.-изд.л. 30,5.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Зак. № 254.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: +7 (4872) 47-08-71, тел./факс: +7 (4872) 49-76-96
grif-tula@mail.ru, www.grif-tula.ru

ISBN 978-5-94375-110-3

**АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ:
НАУКА И ОБЩЕСТВО**

